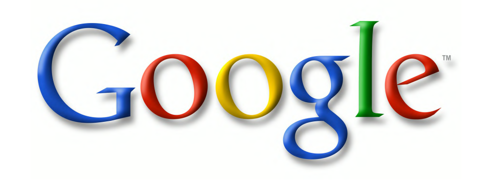

9(4|9)1
K 22

ас
т

Н. Карѣевъ.

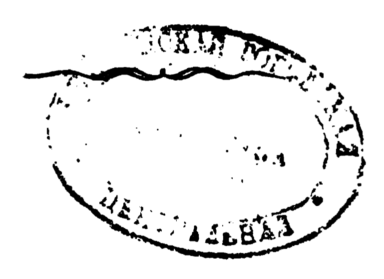
ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

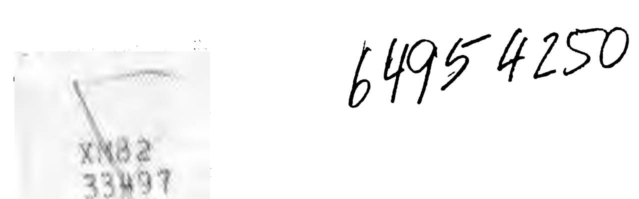
(Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній).

Томъ I.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. А. Ефрона, Прачешный пер., № 6.
1892.

64954250
XN82
33497
MAIN

СТРАН.

Вступленіе.

Политическія формы конца среднихъ вѣковъ.

Соціальныя отношенія.

Средневѣковой католицизмъ.

Возрожденіе и гуманизмъ.

СТРАН.

Порча церкви и стремленіе къ реформѣ.

Заключеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемые мною одинъ вслѣдъ за другимъ три тома «Исторіи западной Европы въ новое время», посвященные—одинъ «переходу отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени», другой—«реформаціи и политической жизни въ XVI и XVII вв.», третій—«XVIII вѣку и революціи»,—за которыми современемъ имѣетъ послѣдовать и изложеніе исторіи XIX столѣтія,—возникли изъ читанныхъ мною общихъ курсовъ новой исторіи, имѣвшихъ своею цѣлью выяснить значеніе двухъ главныхъ переворотовъ въ жизни европейскаго Запада за послѣдніе четыре вѣка, т. е. реформаціи и революціи - въ связи съ общимъ характеромъ новой исторіи въ ея отличіе отъ средневѣковой. Тому изложенію, въ какомъ дается здѣсь обзоръ главнѣйшихъ явленій западно-европейской исторіи въ новое время, не соотвѣтствуетъ, однако, вполнѣ ни одинъ изъ читанныхъ мною курсовъ, которые и не могли бы быть соединены въ одно цѣлое, если-бы даже и были хорошо занисаны слушателями. Такъ какъ, вопервыхъ, студенческія записи лекцій, допускавшіяся мною къ литографированію, никогда не были настолько удовлетворительны, чтобы могли появиться въ печати, я и не былъ въ состояніи ими воспользоваться, издавая эту книгу: пришлось писать все вновь. Съ другой стороны, отдѣльные курсы, читавшіеся въ разное время и имѣвшіе далеко не одинъ и тотъ же характеръ, трудно было бы слить въ одно такое цѣлое; какое я желалъ бы сдѣлать изъ общаго обзора всей новой исторіи: поэтому я поступилъ такъ, какъ будто бы мнѣ предстояло изложить въ одномъ курсѣ всю новую исторію съ необходимымъ къ ней введеніемъ, не особенно стѣсняясь отведеннымъ на ея прохожденіе временемъ, т. е. составилъ общій планъ курса, выработалъ его детальную программу и распредѣлилъ по ея

рубрикамъ необходимый историческій матеріалъ, кое-что оставивъ въ томъ видѣ, какъ оно было въ читанныхъ мною курсахъ, кое-что, напротивъ, измѣнивъ, одно сжавъ и сокративъ, другое, наоборотъ, распространивъ и расширивъ, иное совсѣмъ выкинувъ, а мѣстами сдѣлавъ новыя вставки, поскольку всего этого требовали тѣ или другія соображенія, вытекавшія изъ общаго плана. Отказавшись, далѣе, отъ того, чтобы придать изложенію форму лекцій, я старался, однако, въ построеніи цѣлаго, распредѣленіи частей и выборѣ матеріала не отступать отъ дѣйствительно читавшихся мною курсовъ, за которыми я желалъ сохранить по возможности общеобразовательный характеръ *). Считаю, наконецъ, необходимымъ по этому поводу указать и на то, что курсы, о которыхъ я говорю, читались мною или университетскимъ студентамъ младшихъ четырехъ семестровъ историко-филологическаго и юридическаго (въ Варшавѣ) факультетовъ, или воспитанникамъ университетскихъ классовъ Александровскаго Лицея, или слушательницамъ Высшихъ женскихъ курсовъ и только въ періодъ сильнаго сокращенія историческаго преподаванія на историко-филологическихъ факультетахъ спеціалистамъ-историкамъ. Самый поводъ составленія настоящей книги былъ тотъ, что въ Александровскомъ Лицеѣ, гдѣ мною прочитывается курсъ новой исторіи при пяти лекціяхъ въ недѣлю (двѣ въ одномъ классѣ для XVI—XVII вѣковъ и три въ другомъ для XVIII—XIX столѣтій), состоялось совѣтское постановленіе, обязавшее профессоровъ замѣнить литографированныя записки печатными книгами: издаваемый мною обзоръ важнѣйшихъ эпохъ новой исторіи и былъ мною предпринятъ въ виду указанной необходимости. Конечно, въ дѣйствительности читаемый мною въ Лицеѣ курсъ, при томъ количествѣ лекцій, какое на него приходится (около 130 въ годъ), не достигаетъ размѣровъ настоящей книги, хотя въ основу ея плана и положена принятая мною для этого курса программа, но взявшись за хлопотливое дѣло письменнаго изложенія своихъ лекцій для печати, я желалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы составить пособіе, которое приго-

*) См. статью мою «Всеобщая исторія въ университетѣ» (Истор. Обозр., т. III).

дилось бы не однимъ моимъ лицейскимъ слушателямъ. Наша учебная и популярная историческая литература очень бѣдна: въ ней именно почти совсѣмъ нѣтъ общихъ трудовъ по всей новой исторіи, которые могли бы быть рекомендуемы по своему характеру студентамъ, только что приступающимъ къ изученію исторіи, затѣмъ вообще лицамъ, желающимъ познакомиться съ главными событіями новой исторіи, не имѣя ни времени, ни даже подготовки, необходимыхъ для чтенія болѣе объемистыхъ или болѣе спеціальныхъ трудовъ, наконецъ, пожалуй, и многимъ начинающимъ преподавателямъ, особенно въ провинціальной глуши.

Таково происхожденіе настоящей книги, что я считалъ необходимымъ поставить на видъ, дабы читатель заранѣе зналъ, какой характеръ она имѣетъ. Въ виду назначенія своего преимущественно служить пособіемъ на той ступени ознакомленія съ исторіей, которая слѣдуетъ за усвоеніемъ гимназическаго учебника, книга эта предполагаетъ въ читателѣ знаніе тѣхъ историческихъ фактовъ, изъ коихъ состоитъ главный запасъ свѣдѣній въ этой области, даваемый средней школой: это не учебникъ, отличающійся отъ употребляемыхъ въ школѣ лишь бо́льшимъ количествомъ собственныхъ именъ, фактовъ, хронологическихъ датъ и подробностей, но сохраняющій въ сущности тотъ же характеръ исключительно передачи фактическаго матеріала, а книга, въ коей имѣется въ виду главнымъ образомъ уже обобщенное знаніе. Университетскіе курсы исторіи не могутъ и не должны быть распространенными учебниками, но должны быть своего рода монографіями, въ коихъ выясняется лишь одно какое-либо явленіе или одна группа явленій и связь, существующая между ними. Въ общемъ вступленіи къ нашему обзору, помѣщенномъ въ началѣ настоящаго тома, выяснено, что же именно въ исторіи западной Европы въ новое время берется нами въ основу всего изложенія: во избѣжаніе недоразумѣній и на заглавномъ листѣ обозначено, что главный предметъ книги — развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній; этимъ читатель предупреждается, что въ книгѣ онъ не найдетъ особенно много фактовъ изъ дипломатической и военной исторіи. Къ сказанному можно еще прибавить, что разъ книга не учебникъ, при составленіи

коего гнались бы за обиліемъ фактическаго матеріала, она вовсе не можетъ служить для разнаго рода справокъ біографическаго, хронологическаго, литературнаго и т. п. содержанія, тѣмъ болѣе, что многія области, даже несомнѣнно входящія въ культурную исторію (напр., живопись или архитектура, домашній бытъ и общественные обычаи и т. п.), совсѣмъ нами не затронуты, и цѣлыя страны или эпохи вводятся въ изложеніе отрывочно, мимоходомъ, безъ всякой заботы о томъ, чтобы по одной нашей книгѣ можно было познакомиться съ исторіей всѣхъ государствъ и съ каждою изъ нихъ равномѣрно, безъ хронологическихъ пропусковъ, совершенно такъ же, какъ мы не ставили своею цѣлью передавать все, что характерно для данной эпохи, не дѣлая, напр., различія между ея духовными стремленіями и характеризующими ее модами. Съ другой стороны, ставя своею цѣлью сообщеніе самыхъ общихъ знаній, всегда долженствующее предшествовать спеціальнымъ занятіямъ, я не считалъ нужнымъ останавливаться на разборѣ спорныхъ и темныхъ вопросовъ новой исторіи, особенно, въ родѣ, напр., виновности или невиновности Маріи Стюартъ и Валленштейна, или авторства 12 крестьянскихъ статей и т. п.; за то я счелъ не безполезнымъ предпослать крупнымъ отдѣламъ самыя общія указанія на ихъ разработку въ исторической наукѣ и вообще указывать на литературу, иногда, впрочемъ, просто ради того, чтобы представить, какъ тотъ или другой отдѣлъ разработанъ въ наукѣ, уже судя хотя бы по одному количеству посвященныхъ ему трудовъ. Говорить подробно даже о наиболѣе важныхъ историческихъ трудахъ, чтобы характеризовать ихъ содержаніе и значеніе, я считалъ здѣсь излишнимъ, такъ какъ предполагаю сдѣлать это въ особомъ трудѣ, а болѣе обстоятельная исторіографія лишь увеличила бы объемъ книги. Замѣчу еще, что я старался не пропустить ни одной русской (оригинальной или переводной) книги, но систематически, кромѣ исключительныхъ случаевъ, воздерживался отъ указаній на статьи въ общихъ и спеціальныхъ изданіяхъ, ибо это потребовало бы черезъ-чуръ много мѣста: для такихъ указаній опять нуженъ былъ бы особый трудъ. Еще менѣе считалъ я возможнымъ говорить объ источни-

кахъ: вопервыхъ, матеріалъ, которымъ наука пользуется для исторіи новаго времени, такъ обширенъ и такъ разнообразенъ, что одно перечисленіе его заняло бы весьма много мѣста, а вовторыхъ, въ такомъ общемъ пособіи, какимъ должна быть настоящая книга, оно было бы и излишнимъ. Вообще и анализъ литературы предмета, и ознакомленіе съ источниками относятся уже къ той стадіи историческихъ занятій, на которой имѣется въ виду не полученіе общаго историческаго образованія, а пріобрѣтеніе знаній и навыковъ, необходимыхъ для самостоятельныхъ изслѣдованій.

Каждый томъ настоящей книги, составляя часть одного цѣлаго, имѣетъ и самостоятельное значеніе. Первый томъ, служащій введеніемъ ко всему курсу, представляетъ собою изображеніе политическихъ, соціальныхъ, культурныхъ и религіозныхъ отношеній главнымъ образомъ въ XIV и XV вѣкахъ, въ эпоху упадка средневѣковыхъ феодализма и католицизма. Второй можетъ быть названъ исторіей религіозной реформаціи, такъ какъ послѣдняя съ вызванною ею католической реакціей составляетъ тутъ главное содержаніе. Третій посвященъ исторіи революціи, которую невозможно изучать внѣ ея связи «съ старымъ порядкомъ» и идеями XVIII в., а также безъ всякаго отношенія къ «просвѣщенному абсолютизму». Общая связь между этими тремя томами заключена въ той мысли, что новая исторія есть исторія разложенія средневѣковой католико-феодальной системы западно-европейскаго общества, и что двумя главными событіями, игравшими особенно важную роль въ этомъ разложеніи стараго строя жизни, были реформація XVI в. и революція XVIII столѣтія. Этою общею мыслью обусловливается и то, на какія явленія обращено въ книгѣ наибольшее вниманіе, и то, какія эпохи излагаются подробнѣе, причемъ въ цѣломъ изложеніе дѣлается вообще тѣмъ подробнѣе, чѣмъ ближе подвигается къ новѣйшему времени.

Н. К.

Сельцо Аносово,
29 августа 1892 года.

и
ы.—
ычи
ы.—
г.
йне
г. и
уст
ъ.
рго
Бес
ода
ъ
[ч
в.
лев
въ
вре
Из

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

Вступленіе. — Феодализмъ и муниципальный бытъ. — Сословно-представительныя учрежденія.—Королевская власть.—Политическіе вопросы.—Крестьянство и поземельныя отношенія.—Промышленность и торговля.—Положеніе личности.—Католицизмъ и свѣтская оппозиція. -Возрожденіе и гуманизмъ.—Порча церкви и стремленіе къ реформѣ.—Заключеніе.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Западно-европейская исторія.

Установленіе точекъ зрѣнія, съ коихъ разсматривается въ этой книгѣ новая западно-европейская исторія.—Обособленіе Запада.—Значеніе западно-европейской исторіи во всемірной.—Общая основа западно-европейской исторіи и взаимодѣйствіе отдѣльныхъ народовъ.—Неодинаковое значеніе западно-европейскихъ народовъ.

Я хочу прежде всего установить тѣ точки зрѣнія, съ коихъ мною будетъ разсматриваться исторія западной Европы въ новое время. Что именно даетъ намъ право выдѣлять западно-европейскую исторію въ особый отдѣлъ всеобщей исторіи? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что въ историческомъ отношеніи западная Европа представляетъ изъ себя обособленное цѣлое, я укажу на то, что вслѣдствіе этого мы имѣемъ право разсматривать ея исторію и въ такъ называемые средніе вѣка, и въ новое время не только, какъ сумму частныхъ исторій, т. е. исторій отдѣль-

---

[1]) Оріентироваться въ общемъ ходѣ западн.-европ. исторіи могутъ помочь: *Гизо*. Исторія цивилизаціи въ Европѣ (*Guizot*. Hist. de la civilisation en Europe). *Фриманъ*. Общій очеркъ исторіи Европы (Freeman. General sketch of history of Europe).

Руководства по новой исторіи на русскомъ языкѣ, выходящія изъ рамокъ средне-учебныхъ заведеній: *Г. Веберъ*. Курсъ всеобщей исторіи, т. III и IV, пер. *Корша*. *М. Петровъ*. Лекціи по всемірной исторіи, т. III и IV, въ обработкѣ проф. *В. П. Бузескула* (съ указаніями на литературу). *Э. Зевортъ*. Исторія новаго времени въ переводѣ подъ ред. и съ дополненіями проф. *И. В. Лучицкаго* (важны дополненія по экономической исторіи).

Болѣе подробное изложеніе событій и явленій новой исторіи можно найти въ

ныхъ націй и государствъ, но и какъ исторію одного западно-европейскаго общества, одной западно-европейской цивилизаціи. Мы увидимъ, между прочимъ, что западно-европейская гражданственность и образованность имѣла общее происхожденіе въ западной Римской имперіи, въ христіанствѣ и въ германскомъ быту, что она приняла своеобразныя формы феодализма и католицизма, что эти феодализмъ и католицизмъ легли въ основу всего быта западной Европы, въ основу жизни общественной—государственной, правовой и хозяйственной,—въ основу духовной культуры—морали и всего міросозерцанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, что развитіемъ и господствомъ феодальныхъ и католическихъ воззрѣній и отношеній характеризуется соціальная и культурная сторона этой исторіи. Средніе вѣка не даромъ называютъ католико-феодальными: съ извѣстной точки зрѣнія на исторію европейскаго Запада съ паденія западной Римской имперіи и основанія въ ея провинціяхъ варварскихъ государствъ въ V в. до монархіи Карла Великаго позволи-

---

соотвѣтствующихъ томахъ большихъ нѣмецкихъ всемірныхъ исторій *Шлоссера* (переведена по русски), *Беккера* и *Вебера* (переведена), изъ коихъ самая полная и новая послѣдняя; новой исторіи (XVI — XVIII в.в.) въ ней посвящены томы X — XIII. Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen *Онкена* представляетъ изъ себя собраніе отдѣльныхъ произведеній цѣлаго ряда нѣмецкихъ историковъ, которыя будутъ указаны каждое въ своемъ мѣстѣ. Есть еще одно подобное нѣмецкое изданіе, въ коемъ новая исторія (въ трехъ томахъ) принадлежитъ *Филиппсону*. Философское и объединенное разсматриваніемъ общихъ явленій историческое сочиненіе *Laurent*. Etudes sur l'histoire de l'humanité въ послѣднихъ своихъ томахъ (начиная съ VIII) заключаетъ въ себѣ новую исторію; на отдѣльные его томы будутъ дѣлаться указанія. Особо ставимъ *Freeman*. Historical Geography of Europe (переводится на русскій языкъ).

Есть еще такъ называемыя культурныя исторіи, изъ коихъ назовемъ сочиненія *Kolb*'а Culturgeschichte der Menschheit (*Кольбъ*. Исторія человѣческой культуры), *Hellwald*'а Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung, *Henne am Rhyn*'а Die Culturgeschichte der Neuzeit, *Carriere*'а Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung (*Каррьеръ*. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры). Особый типъ представляютъ собою новые французскіе учебники по исторіи цивилизаціи. Новая исторія входитъ и въ сочиненія по философіи исторіи, указанныя въ I томѣ моихъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи». Наконецъ, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ будутъ названы сочиненія по исторіи отдѣльныхъ странъ, періодовъ, явленій, событій, лицъ и предметовъ.

тельно смотрѣть, какъ на время подготовленія католико-феодальныхъ формъ средневѣковой жизни, которыя достигаютъ полной выработки и господства въ послѣдующіе вѣка, говоря вообще, до окончанія крестовыхъ походовъ, чтобы въ XIV и XV в.в. обнаружить начало упадка и разложенія, коими и характеризуется вообще вся новая западно-европейская исторія. Въ дальнѣйшемъ я и намѣренъ показать, что, имѣя право на выдѣленіе исторіи западной Европы въ особый отдѣлъ науки, мы, кромѣ того, можемъ раздѣлить это историческое цѣлое на двѣ части, на средніе вѣка и на новое время, относя къ первымъ эпохи развитія и господства католико-феодальнаго быта и начиная послѣднее съ ясныхъ признаковъ разложенія этого быта. Но, можетъ быть, выборъ католицизма и феодализма, какъ двухъ понятій, около которыхъ группируются наиболѣе существенныя явленія средневѣковой исторіи, сдѣланъ произвольно? Чтобы на этотъ счетъ не оставалось ни малѣйшей тѣни сомнѣнія, намъ нужно будетъ разсмотрѣть, насколько дѣйствительно научно такое представленіе средневѣковой исторіи, отъ котораго будетъ зависѣть и наше пониманіе новой исторіи, прежде всего какъ разложенія средневѣковыхъ формъ быта. Я надѣюсь, что краткій очеркъ двухъ основъ этого быта, который будетъ сдѣланъ далѣе, убѣдитъ въ основательности такого историческаго построенія, ибо въ общихъ чертахъ будетъ показано, какъ были проникнуты началами феодализма и государство, и право, и народное хозяйство въ средніе вѣка, тогда какъ католицизмъ, взятый съ культурной точки зрѣнія, былъ цѣлымъ міросозерцаніемъ, охватывавшимъ, кромѣ, конечно, религіи, и философію, и и науку, и мораль, и теоретическую политику средневѣковаго общества. Если въ исторіи самое существенное—идеи и учрежденія, или—говоря другими словами—духовная культура и соціальный строй, то въ средніе вѣка и то, и другое вполнѣ характеризуются существенными признаками двухъ вышеназванныхъ явленій. Этотъ небольшой очеркъ культурнаго и соціальнаго значенія явленій, о коихъ

идетъ рѣчь, опредѣлитъ и ту точку зрѣнія, съ которой мы будемъ разсматривать новую западно-европейскую исторію: это будетъ главнымъ образомъ исторія идей и учрежденій, исторія духовной культуры и соціальнаго строя. Выясненіе именно принципа, положеннаго въ основу такого взгляда на исторію, потребуетъ равнымъ образомъ нѣсколькихъ общихъ соображеній, и ими можно будетъ закончить общее вступленіе въ исторію западной Европы послѣднихъ вѣковъ.

Вотъ краткій проспектъ того, о чемъ прежде всего будетъ идти рѣчь, и резюмируя то, что только-что было сказано, я позволю себѣ теперь же, въ самомъ началѣ опредѣлить задачу, поставленную настоящему обзору новой западноевропейской исторіи. Выдѣляя именно западную Европу въ особый историческій міръ, разсматривая этотъ міръ, какъ единое цѣлое, объединившееся въ средніе вѣка католико-феодальными формами культурнаго и соціальнаго быта, начиная новую исторію этого цѣлаго съ разложенія названныхъ формъ, я ставлю задачу дать цѣльное и стройное представленіе того, какъ развивались соціальная организація и духовная культура у народовъ западной Европы въ новое время.

Начало средневѣковой западно-европейской исторіи совпадаетъ съ ея обособленіемъ отъ исторіи другихъ частей того человѣчества, которое было объединено на началахъ греческой по происхожденію своему цивилизаціи, подъ властью міровой державы Рима и наконецъ вселенскою христіанскою церковью. Въ VII в. отъ этого историческаго міра, въ коемъ болѣе, чѣмъ когда-либо до того времени, были осуществлены объединительныя тенденціи человѣчества, исламъ, ставшій во враждебныя отношенія къ христіанству, отторгаетъ азіатскія и африканскія области. За христіанствомъ остаются европейскія провинціи имперіи, но и здѣсь происходитъ распаденіе. Римская имперія, кольцомъ окру-

жавшая Средиземное море и занимавшая обширную территорію между 10° и 60° в. д. и 30° и 50° с. ш., дѣлилась на двѣ части приблизительно по линіи, совпадавшей съ меридіаномъ 37° в. д.: въ центрѣ этой территоріи, въ центрѣ Средиземнаго моря находились два полуострова, Греція и Италія, стоявшіе во главѣ и впереди всей остальной массы земель и одинаково отдаленные одинъ отъ западныхъ, другой отъ восточныхъ предѣловъ имперіи, и вотъ именно между этими полуостровами проходила упомянутая линія, бывшая границей между эллинизмомъ и романизмомъ, между сферами распространенія греческаго и латинскаго языковъ. Столица имперіи была на Западѣ, но и Востокъ получилъ свою столицу—свой новый Римъ въ Константинополѣ. Это было въ первой половинѣ IV вѣка, а въ концѣ того же столѣтія единая имперія распадается окончательно на двѣ, на восточную и западную. Культурный дуализмъ о Греціи и Рима, такъ сказать, переходитъ въ политическій дуализмъ восточной и западной имперіи, и это распаденіе завершается церковнымъ раздѣленіемъ IX вѣка. Единство классической цивилизаціи, единство государственное, единство религіозное нарушаются: Западъ и Востокъ обособляются одинъ отъ другого, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. И судьба этихъ двухъ половинъ европейскаго цивилизованнаго человѣчества была разная: западная античная имперія падаетъ въ 476 г., восточная переживаетъ ее на цѣлое тысячелѣтіе (до 1453 г.); въ предѣлахъ западной и подъ вліяніемъ началъ римскихъ основываютъ свои государства народы германскіе, на Востокѣ къ греческому міру примыкаютъ славяне; западная, романо-германская Европа объединяется подъ духовною властью римскаго первосвященника, превращающеюся въ настоящую церковную монархію, и обособляется въ особый міръ средневѣковой „священной Римской имперіи“ съ феодальными формами; она готовится перейти въ свою новую исторію, какъ одно цѣлое съ общими всѣмъ ея народамъ историческими традиціями и жизненными задачами, въ то

время, какъ восточная имперія и славянскія государства, къ ней примкнувшія, дѣлаются добычею азіатскаго варварства, начиная съ русской земли, подпавшей подъ монгольское иго, и кончая самой Византіей, завоеванной турками. Въ концѣ среднихъ вѣковъ Западъ обнаруживаетъ несомнѣнное превосходство надъ Востокомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ изъ своей замкнутости. Період средневѣковаго разъединенія кончается, и въ новое время европейскій Западъ, открывшій и колонизовавшій новые материки, простершій свое вліяніе на отдаленныя страны азіатскаго Востока и проложившій этому вліянію путь въ глубь Африки, пріобщившій къ своей цивилизаціи страны восточной греко-славянской Европы, явился въ роли продолжателя той объединительной дѣятельности, которая въ древности выпала на долю эллинизма, римскаго владычества и вселенской церкви. Это выступленіе Запада изъ замкнутости и обособленности тоже можетъ быть признано одною изъ граней, отдѣляющихъ средніе вѣка отъ новаго времени, и если средневѣковая западно-европейская цивилизація, какъ таковая, была однимъ изъ продуктовъ культурнаго, политическаго и церковнаго раздѣленія Европы (другимъ продуктомъ былъ „византинизмъ"), то новая цивилизація, наоборотъ, отличается преобладаніемъ универсальнаго (въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ универсаленъ былъ католицизмъ) надъ частнымъ: съ одной стороны, не даромъ новое время отдѣляется отъ среднихъ вѣковъ такими крупными явленіями, какъ Возрожденіе и Реформація, въ коихъ западная Европа возвращалась къ античной образованности и первоначальному христіанству, обновляя ими свою слишкомъ проникшуюся вліяніями мѣстной, замкнутой жизни цивилизацію, съ другой стороны, не даромъ въ это же время открываетъ она новыя страны и новые пути на Востокъ и начинаетъ вліять своей обновленной цивилизаціей на народы, жившіе раньше внѣ ея обособленнаго міра. Средневѣковой католицизмъ и феодализмъ носятъ на себѣ слѣды обособленія, новая исторія принимаетъ все болѣе и болѣе универсальный характеръ, и въ

этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается право новой западно-европейской исторіи на особое вниманіе, въ силу чего и особый интересъ получаетъ и западное средневѣковье, подготовившее романо-германскіе народы къ той поистинѣ всемірно-исторической роли, какую играютъ они сами и къ какой призванъ всякій народъ, усвояющій западную цивилизацію и участвующій въ ея переработкѣ въ цивилизацію общеевропейскую и даже общечеловѣческую. Но мы все-таки не должны забывать того, что средніе вѣка на Западѣ съ всемірно-исторической точки зрѣнія были вѣками обособленности, вѣками, когда вырабатывались своеобразныя формы духовнаго и общественнаго быта, формы, начавшія разрушаться, но и въ разрушеніи своемъ пошедшія въ дѣло, какъ матеріалъ для новой постройки. Вотъ все главное, что я хотѣлъ сказать въ доказательство права исторической науки выдѣлять западную, романо-германскую, въ средніе вѣка католико-феодальную Европу въ особый историческій міръ, и къ этому пришлось прибавить одно соображеніе, въ силу котораго особое право на вниманіе получаетъ исторія этого міра, какъ на своихъ плечахъ понесшаго главнымъ образомъ работу объединенія исторіи, начатую въ предѣлахъ Европы греками и римлянами, но оборвавшуюся съ появленіемъ ислама и раздѣленіемъ церкви,— получаетъ такое право, какого съ всемірно-исторической точки зрѣнія не имѣетъ послѣ паденія классическаго міра ни одинъ другой историческій міръ. Петровская реформа два вѣка тому назадъ, когда западная Европа уже пережила двѣ первыя крупныя эпохи своей новой исторіи, Возрожденіе и Реформацію, пріобщила и Россію къ міру западно-европейскому и возстановила единство европейской цивилизаціи, и это для насъ, русскихъ, дѣлаетъ особенно важнымъ знакомство съ новой исторіей и преимущественно съ двумя послѣдними ея вѣками, сдѣлавшимися и нашей новой исторіей, какъ время нашего европейскаго существованія. Но возвратимся къ нашей темѣ и покажемъ, что западная Европа не только обособилась въ средніе вѣка извнѣ, но и внутри

объединилась на почвѣ нѣкоторыхъ общихъ началъ, позволяющихъ намъ говорить объ ея исторіи не какъ о суммѣ частныхъ исторій, но какъ объ общей исторіи нѣсколькихъ народовъ и государствъ.

Основами общей исторіи западной Европы, какъ единаго культурно-историческаго цѣлаго, являются, во первыхъ, общая первоначальная ея почва, во вторыхъ, постоянныя взаимодѣйствія между отдѣльными народами, населяющими западную Европу. Только-что было указано на обособленіе культурное, политическое и церковное западной имперіи отъ восточной, но это обособленіе имѣло одинъ изъ своихъ корней въ той романизаціи Запада, которая составляетъ одинъ изъ основныхъ фактовъ европейской исторіи. Въ V в. въ предѣлахъ романизированной части имперіи основываются германскія государства — вестготское въ Испаніи, англосаксонскія въ Британіи, франкское къ Галліи, остготское (а въ VI в. и лангобардское) въ Италіи, не считая другихъ менѣе значительныхъ. Начинается варварскій періодъ средневѣковой исторіи, характеризующійся общими чертами во всѣхъ этихъ государствахъ: въ римской провинціи съ романизированнымъ населеніемъ являются отдѣльныя германскія племена, возникаютъ варварскія государства, въ предѣлахъ коихъ начинается взаимодѣйствіе римскихъ и германскихъ началъ быта, и составляющее одну изъ важнѣйшихъ особенностей исторіи этого періода на Западѣ европейскаго материка. При Карлѣ Великомъ дѣлается попытка объединенія романо-германскаго міра подъ единою властью, и если монархія франкскаго короля, ставшаго римскимъ императоромъ, распалась (843 г.), идеальное ея единство, какъ возстановленной западной Римской имперіи, продолжало существовать, причемъ имперія эта, перенесенная Оттономъ Великимъ на нѣмецкую націю, сдѣлалась распространительницей западныхъ началъ на Востокѣ, среди западнаго славянства. Во всѣхъ государствахъ, возникшихъ изъ монархіи Карла Великаго, развился феодализмъ, занесенный въ сере-

динѣ XI в. изъ Франціи и въ Англію, благодаря ея завоеванію нормандскимъ герцогомъ Вильгельмомъ, такъ что феодализмъ дѣлается явленіемъ общимъ многимъ западно-европейскимъ странамъ. Вездѣ наступаетъ эпоха большаго или меньшаго ослабленія королевской власти, большаго или меньшаго усиленія духовной и свѣтской аристократіи, подчиненія ей народной массы, изъ которой повсемѣстно въ эпоху крестовыхъ походовъ начинаетъ выдѣляться городское населеніе, добивающееся гражданской свободы и даже политической независимости. Въ отдѣльныхъ странахъ эти общіе всѣмъ имъ политическіе и общественные элементы—королевская власть, феодальные сеньёры, города и крестьянство—комбинируются различнымъ образомъ, но вездѣ возникаетъ форма сословной монархіи съ представительными учрежденіями, въ коихъ духовенство, дворянство и горожане проявляютъ свои политическія права: кортесы на пиренейскомъ полуостровѣ, англійскій парламентъ, французскіе генеральные штаты и нѣмецкіе ландтаги выросли на одинаковой почвѣ. Къ концу среднихъ вѣковъ мы наблюдаемъ повсемѣстное усиленіе королевской власти, которая въ новое время дѣлается абсолютной. Вездѣ она встрѣчаетъ оппозицію, имѣющую, впрочемъ, разный успѣхъ, одерживаетъ однако побѣду (кромѣ Англіи), особенно усиливается во Франціи, и въ XVII в. французскій абсолютизмъ задаетъ тонъ и другимъ странамъ. Во второй половинѣ XVIII в. такъ называемый просвѣщенный абсолютизмъ, а въ концѣ французская революція получаютъ также общеевропейское значеніе. О тѣсной связи между историческою жизнью отдѣльныхъ западно-европейскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ и говорить нечего. То же самое мы увидимъ, если перенесемъ свое вниманіе съ политики на культуру. Западная Римская имперія пала уже принявшею христіанство, въ которое Римъ обращаетъ постепенно и варваровъ — аріанъ и язычниковъ—германцевъ и скандинавовъ, западныхъ славянъ и венгровъ, давая имъ священное писаніе, богослуженіе и

церковную письменность на общемъ для всей западной церкви латинскомъ языкѣ. Эта церковь организуется въ папскую теократію и даетъ народамъ Запада общую культуру. Единство послѣдней при географической близости и аналогичности формъ быта отдѣльныхъ націй дѣлаетъ возможными международныя взаимодѣйствія въ области духовной культуры, что между прочимъ отразилось въ литературѣ. Къ концу среднихъ вѣковъ католицизмъ вездѣ вызываетъ противъ себя оппозицію національную, государственную, сословную, интеллектуальную и моральную, вездѣ такъ называемая „порча церкви" вызываетъ религіозный протестъ и желаніе реформы. На смѣну средневѣковой культуры въ XIV в. въ Италіи приходитъ гуманистическое движеніе Возрожденія, проникающее позднѣе въ другія страны, а въ XVI в. примѣру Германіи, приступившей къ религіозной реформаціи, слѣдуютъ Швейцарія, Данія, Швеція, Англія, Франція, Шотландія, Польша, Нидерланды и т. д. Борьба протестантизма съ католической реакціей—опять явленіе общеевропейское, какъ и „просвѣщеніе" XVIII вѣка, обобщившее въ себѣ прогрессивныя стремленія гуманизма и протестантизма. Этотъ очеркъ до нѣкоторой степени могъ бы служить и программой дальнѣйшаго изложенія, въ которомъ идея единства западно-европейской культурно-соціальной исторіи есть одна изъ основныхъ идей. Мы можемъ смотрѣть на этотъ міръ, романо-германскій по своему главному этнографическому составу, какъ на одну большую страну, въ которой совершается единая исторія, исторія взаимодѣйствія римскихъ и германскихъ началъ политическихъ и общественныхъ, феодализаціи, развитія и паденія католической системы, образованія сословной монархіи, гуманизма и протестантизма, католической реакціи и абсолютизма, просвѣщенія XVIII в., просвѣщеннаго деспотизма и революціи и т. д., исторія, въ отдѣльныя эпохи и въ разныхъ направленіяхъ которой играютъ болѣе видную роль то одна нація, то другая, причемъ движеніе, возникшее у одного народа, передается другимъ, какъ

это было съ перенесеніемъ французскаго феодализма въ Англію, итальянскаго гуманизма въ иныя земли, германской реформаціи почти во всю западную Европу, англійскаго деизма и политическихъ идей во Францію, французскаго просвѣщенія къ разнымъ другимъ народамъ и т. п. Понятно, что въ этой общей западно-европейской исторіи не всѣ націи играли одинаковую роль: однѣ изъ нихъ дѣйствовали и постояннѣе, и разностороннѣе, и самостоятельнѣе, тогда какъ другія выступали лишь временно, оказывали вліяніе въ одномъ какомъ-либо отношеніи, не проявляли большой оригинальности. Ко вторымъ мы отнесемъ, наприм., Чехію, Испанію, Польшу, Швецію, исторія которыхъ не представляетъ такого интереса, какъ исторія Франціи, Англіи, Германіи или Италіи *). Собственно говоря, на послѣднихъ и слѣдуетъ сосредоточить все вниманіе, какъ на странахъ, въ коихъ происходило наиболѣе значительное и вліятельное историческое движеніе, такъ что главнѣйшія явленія западно-европейской культурной и соціальной жизни могутъ съ удобствомъ быть представлены на примѣрѣ національной исторіи французовъ, англичанъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, но и тутъ необходимо сдѣлать различіе между тѣми и другими странами: общее значеніе ихъ исторіи было неодинаково, и въ разныя эпохи наибольшаго вниманія заслуживаетъ то та, то другая страна,

*) По исторіи отдѣльныхъ странъ существуютъ книги, охватывающія ихъ прошлое въ цѣломъ и подходящія подъ типъ a) школьныхъ пособій, b) болѣе обширныхъ и научныхъ компендіумовъ и c) многотомныхъ трудовъ, и книги, въ коихъ разсмотрѣны только отдѣльные періоды. Изъ этихъ книгъ однѣ представляютъ изъ себя совершенно отдѣльные труды, другія входятъ въ составъ коллекцій. Между послѣдними отмѣтимъ англійскую серію учебниковъ, введеніемъ къ коей служитъ указанная выше книжка *Фримана*, и коллекцію отдѣльныхъ большихъ исторій *Heeren*'а и *Uckert*'а. За болѣе подробными справками отсылаемъ къ «Лекціямъ» Петрова, а здѣсь укажемъ на пособія, которыя могутъ быть рекомендованы для справокъ и для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей Франціи, Англіи и Германіи, на которыхъ главнымъ образомъ и сосредоточено изложеніе событій и явленій новаго времени. *Duruy*. Histoire de France. *A. Rambaud*. Histoire de la civilisation française. *Green*. A short history of England и его же History of englisch people (*Гринъ*. Исторія англійскаго народа). *Nitzsch*. Geschichte des deutschen Volkes (до 1555). *Bruno Gebhardt* (въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими учеными). Handbuch der deutschen Geschichte. Другія указанія см. въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

да и разныя общія всей западной Европы явленія принимали болѣе рельефныя очертанія или прямо возникали и раньше, и самостоятельнѣе либо въ одной, либо въ другой странѣ. Вотъ почему, останавливаясь вообще главнымъ образомъ на исторіи этихъ четырехъ странъ, въ исторіи каждой мы должны обращать особое вниманіе лишь на извѣстные періоды, а съ другой стороны и то или другое общеевропейское явленіе— разсматривать главнымъ образомъ на примѣрѣ той страны, гдѣ оно возникало раньше и самобытнѣе, получало болѣе сильное и всесторонее развитіе, дѣлалось факторомъ не только внутренней жизни, но и воздѣйствія на другія страны. Таково, напримѣръ, будетъ наше отношеніе къ итальянскому Ренессансу, къ нѣмецкой Реформаціи, къ англійскимъ политическимъ учрежденіямъ и идеямъ, къ французскому абсолютизму, французскому просвѣщенію и французской революціи. Принимая все это за основу, я буду вводить другія страны въ свое изложеніе по мѣрѣ надобности и при надлежащихъ случаяхъ. Съ такой точки зрѣнія и получаютъ особое значеніе отдѣльныя западно-европейскія національныя исторіи. Сдѣлаю еще одно замѣчаніе: и Франція, и Англія, а особливо Италія со времени католической реакціи и Германія послѣ тридцатилѣтней войны въ извѣстныя эпохи не будутъ останавливать на себѣ большого вниманія съ нашей стороны, а въ извѣстныхъ случаяхъ и совсѣмъ о многихъ явленіяхъ въ ихъ жизни придется умалчивать.

Итакъ, мы выдѣляемъ западную Европу въ особый историческій міръ и разсматриваемъ его, какъ одно цѣлое, хотя и расчлененное на части, а не какъ простую сумму совершенно независимыхъ одна отъ другой странъ. Отъ этого будетъ зависѣть и то, что мы не станемъ ни выходить за предѣлы этого міра, ни останавливаться на его внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ историческимъ мірамъ, ни изучать взаимодѣйствія отдѣльныхъ его странъ, какъ самостоятельныхъ цѣлыхъ, взаимодѣйствія, проявлявшагося главнымъ образомъ въ сферѣ внѣшней политики, дипломатіи и войны,

хотя, конечно, намъ и не будетъ возможности замыкаться въ указанныхъ рамкахъ, разъ все это вмѣстѣ взятое также вліяло на внутреннюю жизнь этого міра.

II. Католицизмъ и феодализмъ.

Католицизмъ и феодализмъ въ жизни западной Европы.—Сравненіе между ними.—Католическая система.—Проникновеніе феодальными началами разныхъ сторонъ общественной жизни.—Новое время, какъ эпоха разложенія католико-феодальнаго быта.—Два общественныхъ слоя, созданныхъ католицизмомъ и феодализмомъ.—Два типическихъ представителя католико-феодальнаго общества.—Взаимныя отношенія католицизма и феодализма.—Государство и личность въ католико-феодальныхъ рамкахъ.—Наступленіе новаго времени.—Что разумѣется подъ новой исторіей?

Переходимъ теперь къ указанію мѣста, какое занимаютъ католицизмъ и феодализмъ въ культурной и соціально-политической исторіи западной Европы. Уже было сказано, что средневѣковая цивилизація романскихъ и германскихъ народовъ съ тѣми націями иного происхожденія, которыя къ нимъ примкнули въ историческомъ отношеніи, была католико-феодальная: это положеніе нуждается въ объясненіи и развитіи. Внутренняя жизнь каждаго общества складывается изъ двухъ сторонъ, изъ духовной культуры, подъ понятіе которой мы подводимъ религію, мораль, философію, науку, литературу и искусство, и изъ соціальной организаціи, охватывающей собою области государства, права и экономическихъ отношеній, и мы потому именно можемъ приписывать такое важное значеніе католицизму и феодализму въ жизни западной Европы, что первый накладывалъ свою печать на всю духовную культуру среднихъ вѣковъ, а второй лежалъ въ основѣ всей ея соціальной организаціи и притомъ такъ, что и культурная сфера находилась подъ вліяніемъ феодальной организаціи, и область политическихъ

и общественныхъ учрежденій въ свою очередь испытывала на себѣ дѣйствіе идей католицизма, въ силу чего должно было происходить и своеобразное сочетаніе и взаимодѣйствіе католическихъ и феодальныхъ воззрѣній и учрежденій.

Мы могли бы сравнить католицизмъ и феодализмъ съ двумя силами, о которыхъ говорится въ руководствахъ физики, съ силами центростремительной и центробѣжной. Значеніе первой силы принадлежало католицизму: онъ, такъ сказать, стягивалъ западные народы къ одному общему центру и объединялъ ихъ въ одно цѣлое, бывшее таковымъ не только въ культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Духовнымъ центромъ былъ Римъ. Римскій епископъ стоялъ во главѣ церковной организаціи, которая охватывала всѣ народы западной Европы, ученія которой были общепризнанными, которая господствовала надъ свѣтскимъ обществомъ и стремилась къ господству надъ государствомъ. Это была какъ бы духовная монархія, раздѣлявшаяся на нѣсколько государствъ—провинцій, и ея моральное единство поддерживалось тѣмъ, что одинъ и тотъ же языкъ у всѣхъ католическихъ народовъ былъ языкомъ религіи, богослуженія, науки, образованности. Разсматриваемый съ свѣтской точки зрѣнія, этотъ міръ, объединенный на почвѣ религіи, являлся и какъ одно идеальное цѣлое и въ политическомъ отношеніи, т. е. какъ священная Римская имперія, во главѣ коей стоялъ императоръ, представитель высшей свѣтской власти въ западномъ христіанствѣ, какъ папа былъ носителемъ верховной власти въ дѣлахъ духовныхъ. Новая исторія западной Европы начинается съ распаденія этого единства подъ вліяніемъ идей національной и государственной, и въ этомъ отношеніи особое значеніе принадлежитъ эпохѣ религіозной реформаціи. Рядомъ съ объединительной тенденціей католицизма дѣйствовали другія силы, силы центробѣжныя, нашедшія свое выраженіе къ феодализмѣ. Феодализмъ—синонимъ мѣстнаго обособленія, раздробленія націй и государствъ на мелкія владѣнія,

синонимъ развитія маленькихъ мѣстныхъ центровъ, расторженія политическихъ и соціальныхъ узъ, которыя скрѣпляли отдѣльныя мѣстности въ крупные политическіе организмы. Универсальная папская монархія, дополнившаяся священной Римской имперіей, и маленькая феодальная сеньерія, бывшая не то помѣстьемъ, не то государствомъ, составляли двѣ противоположности историческаго бытія средневѣковыхъ націй западной Европы, но та самая сила, которая разлагала папскую монархію, *сила національныхъ и государственныхъ стремленій сплачиваетъ въ новое время бывшія феодальныя владѣнія въ болѣе крупные политическіе организмы.*

Разсмотримъ теперь каждую систему въ отдѣльности. Католицизмъ не только объединялъ западно-европейскія націи въ одно культурно-историческое цѣлое, онъ создавалъ еще силы, которыя занимали господствующее положеніе въ средневѣковомъ обществѣ: церковь была организаціей, обладавшей матеріальною мощью, благодаря своей крупной поземельной собственности, которая доставляла соціальное первенство своимъ представителямъ—духовенству, и благодаря своей сплоченности подъ единою властью, и игравшей роль духовнаго руководительства въ жизни общества, вслѣдствіе большей образованности своихъ членовъ среди другихъ, остававшихся невѣжественными сословій. Подъ ея вліяніемъ теоретическое и практическое міросозерцаніе среднихъ вѣковъ получило церковный характеръ: философія (вмѣстѣ съ наукою) превратилась въ прислужницу богословія (philosophia est ancilla theologiae), этическое міросозерцаніе прониклось идеалами монашескаго аскетизма, политическія теоріи приняли теократическій характеръ, и все это отразилось и въ преобладаніи церковной письменности съ ея житіями святыхъ, благочестивыми легендами и назидательными проповѣдями отреченія отъ міра и подчиненія церковному авторитету, и въ религіозномъ характерѣ, какимъ отмѣчены произведенія средневѣковаго искусства. Однимъ словомъ, вся духовная культура среднихъ вѣковъ подчиняется

одному общему началу, во имя котораго должна была существовать единая церковь, господствующая надъ націями и государствами, единый общественный классъ, какъ призванный быть духовнымъ руководителемъ другихъ сословій, единый взглядъ на человѣка и міръ, отрицавшій самостоятельность мысли, инстинкты людской природы, интересы земной жизни. Внѣ этого міросозерцанія не было ничего цѣльнаго и самостоятельнаго, и нужно было пройти большимъ періодамъ времени прежде, нежели гуманизмъ, открывающій собою новое время въ исторіи духовной культуры, поставилъ задачу выработки свѣтской образованности.—Такое же всеобъемлющее значеніе въ соціальной жизни принадлежитъ феодализму. Всѣ отношенія этой жизни могутъ быть подведены подъ категоріи отношеній политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, и всѣ онѣ въ средніе вѣка принимаютъ особый, феодальный характеръ. Средневѣковое государство было государствомъ феодальнымъ: оно отличалось и отъ античнаго, и отъ новаго, позднѣйшаго государства особыми чертами, которымъ мы даемъ названіе феодальныхъ. Какія то были черты, мы увидимъ это послѣ, и тогда же будетъ показано, что черты эти характеризуютъ и средневѣковое право, и средневѣковое хозяйство. Это была своеобразная система общественной жизни, находившая одинаковое выраженіе въ формахъ быта и политическаго, и юридическаго, и экономическаго: намъ еще придется не разъ употреблять прилагательное «феодальный» при самыхъ разнообразныхъ существительныхъ, относящихся къ подробностямъ государственнаго и общественнаго быта, каковы учрежденія, монархія, сословія, войско, судоустройство, землевладѣніе и т. п. Феодализмъ наложилъ свою печать и на область моральныхъ и политическихъ идей, и на внѣшній бытъ общества, образовавъ въ одномъ отношеніи извѣстный взглядъ на человѣка и его достоинство, извѣстный кодексъ чести и приличій, извѣстное пониманіе взаимныхъ отношеній между личностью и государствомъ, а въ другомъ создавъ

своеобразную бытовую обстановку феодальнаго двора и феодальнаго замка, феодальной войны и рыцарскаго турнира, не говоря уже объ отраженіи этого быта въ литературѣ рыцарскихъ эпоса и лирики. Высвобожденіе изъ-подъ господства феодальныхъ началъ—и государства, и права, и народнаго хозяйства и знаменуетъ собою исторію новаго времени, взятую съ соціальной точки зрѣнія.

Силы, создавшія образованность и гражданственность новой Европы, вышли изъ нѣдръ католико - феодальнаго общества: это были силы, выросшія изъ его рамокъ, ставшія во враждебныя къ нему отношенія, и вся дальнѣйшая исторія западной Европы была не чѣмъ инымъ, какъ борьбою новыхъ культурныхъ и соціальныхъ силъ съ средневѣковыми традиціями и интересами, нашедшими свое олицетвореніе въ католическомъ клирѣ и феодальной аристократіи, со стороны коихъ время отъ времени возникала реакція противъ побѣдоноснаго движенія новыхъ началъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ гуманизмъ эпохи Возрожденія, протестантизмъ реформаціоннаго періода, „просвѣщеніе“ XVIII вѣка, создавшіе новую цивилизацію европейскихъ народовъ, были три послѣдовательныхъ момента въ той идейной борьбѣ, какую новая Европа вела съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ, а въ гуманизмѣ, протестантизмѣ и „просвѣщеніи“ прошлаго вѣка заключается вся исторія духовныхъ движеній XIV — XVIII столѣтій. Съ другой стороны, такое же отношеніе къ феодализму имѣютъ параллельныя явленія роста государственной власти и гражданской свободы, развитія королевскаго абсолютизма въ XV и XVII вв. и городского сословія, просвѣщеннаго абсолютизма второй половины прошлаго столѣтія и революціи 1789 г. съ ея послѣдствіями, т. е. явленія, коими наполняется вся почти политическая исторія тѣхъ же XIV—XVIII столѣтій. Два великія событія, около которыхъ группируется вся новая исторія, реформація XVI в. и революція XVIII в. имѣютъ прямое отношеніе къ католицизму

и феодализму, и вплоть до великой реакціи, наступившей послѣ паденія наполеоновой имперіи, противодѣйствіе правительственнымъ и народнымъ начинаніямъ исходило отъ представителей стараго средневѣкового быта.

Католицизмъ и феодализмъ создали въ западно-европейскомъ обществѣ привилегированный его слой, распадавшійся на духовное и свѣтское сословія, на клиръ и дворянство—со своими традиціями и интересами, переживавшими разныя измѣненія, коимъ подвергалась жизнь общества. Истинный источникъ силы одного сословія заключался въ той власти, которою оно пользовалось вслѣдствіе своего моральнаго значенія, вслѣдствіе того, что церковь отдавала въ его руки духовное руководительство надъ обществомъ: въ этомъ была и соціальная традиція клира, противодѣйствовавшаго всему тому, что освобождало свѣтское общество изъ-подъ его вліянія или отдавало это руководительство въ другія руки. Источникомъ силы дворянства была власть, какую давало ему надъ народомъ крупное землевладѣніе, соединявшееся въ феодальную эпоху съ обладаніемъ суверенитетомъ и въ теченіи вѣковъ сообщавшее дворянству особыя права надъ населеніемъ страны, и соціальной традиціей дворянства сдѣлалось обереганіе своихъ привилегій, своего господства надъ народомъ, недопущеніе къ этому господству другихъ элементовъ общества. Эти традиціи идутъ изъ глубины среднихъ вѣковъ и доходятъ до XIX вѣка: съ особою силою онѣ возродились въ эпоху общей реакціи 1815—1830 годовъ, которая показала, какъ онѣ были живучи и въ новое время.

Въ этихъ традиціяхъ переживали отдаленную старину соціальные интересы обоихъ сословій уже безъ тѣхъ культурныхъ идеаловъ, которые были созданы средневѣковымъ католицизмомъ и феодализмомъ: послѣдніе давали извѣстныя права, но и предъявляли извѣстныя требованія, воплотившіяся въ двухъ характерныхъ типахъ средневѣкового общества, въ типахъ, которые мы можемъ найти и въ тогдашней жизни, и въ тогдашней литературѣ житій святыхъ, моральныхъ по-

ученій, рыцарскихъ романовъ и дворянской лирики. Католицизмъ и въ дѣйствительности, и въ идеалѣ создалъ монаха-аскета, феодализмъ рыцаря-воителя, хотя, конечно, не всѣ рыцари и не всѣ монахи соотвѣтствовали своему идеалу: католицизмъ и феодализмъ создали монашество и рыцарство, одно какъ высшее проявленіе духовнаго сословія, другое—какъ высшее проявленіе феодальнаго общества. Въ своей основѣ монахъ и рыцарь — противоположности: монастырскій уставъ и кодексъ рыцарской чести предъявляли разныя требованія человѣку, исходя изъ разныхъ на него взглядовъ, ибо смиренное послушаніе, нестяжаніе, удрученіе своей плоти и полнѣйшее цѣломудріе помысловъ, налагавшіяся, какъ обязанность на монаха, были дѣйствительною противоположностью той гордой независимости съ развитымъ чувствомъ личной чести, той войнолюбивой погонѣ за добычей, той веселой наукѣ турнировъ и пировъ, тѣмъ авантюрамъ и культу дамы, изъ коихъ слагалась жизнь настоящаго рыцаря. И между обоими обществами было еще сословное соперничество — изъ-за власти, изъ-за вліянія, изъ-за богатствъ, и часто замокъ былъ во враждѣ съ сосѣднимъ монастыремъ. Но при всѣмъ томъ была и другая сторона этихъ отношеній: католицизмъ и феодализмъ, духовенство и дворянство, монашество и рыцарство сживались другъ съ другомъ, вступали во взаимодѣйствія, такъ какъ жизнь не можетъ состоять изъ чистыхъ противоположностей, а потому сглаживаетъ возникающія въ обществѣ противорѣчія, усложняетъ рождающіяся изъ ихъ взаимодѣйствій явленія. Такъ и тутъ было: католицизмъ и феодализмъ не только не существовали отдѣльно одинъ отъ другого, но одинъ, такъ сказать, проникалъ въ другой, и сообща ими производились особыя въ буквальномъ смыслѣ католико-феодальныя явленія. И это стоитъ отмѣтить, ибо и упадокъ всего того, что было обязано своимъ возникновеніемъ одновременно и католицизму, и феодализму, относится къ числу признаковъ наступленія новаго времени.

Феодальное общество состояло изъ лицъ, принадлежавшихъ къ католической церкви, которая сама находилась въ феодальномъ обществѣ. Особенно интересны съ этой точки зрѣнія первенство духовнаго чина въ феодальной организаціи и вторженіе феодализма въ самую церковь. Средневѣковой епископъ или аббатъ былъ не только духовнымъ сановникомъ, не только принадлежалъ къ сословію, пользовавшемуся первенствомъ, но былъ, кромѣ того, феодальнымъ сеньеромъ и входилъ въ составъ феодальной іерархіи въ качествѣ чьего-либо вассала, у котораго могли быть и свои вассалы. Благодаря этому, сливались воедино значеніе церковнаго сана и значеніе феодальнаго чина, и епископъ могъ быть одновременно, какъ это было сказано однимъ лѣтописцемъ, и „хорошимъ рыцаремъ, и превосходнымъ пастыремъ“ (bonus miles et optimus pastor). Зависимость епископа отъ папы и отъ свѣтскихъ государей, зависимость отъ одного въ качествѣ представителя духовной власти въ своей епархіи, и отъ другихъ, какъ обладателя лена, породила споръ за инвеституру, въ коемъ участвовали церковь, не желавшая лишиться своихъ феодальныхъ владѣній, и имперія, бывшая въ сущности аггрегатомъ феодальныхъ сеньерій, между коими находились и церковныя земли. Расторженіе этой связи между духовнымъ саномъ и свѣтскимъ владѣніемъ относится къ новой исторіи, когда происходитъ секуляризація церковной собственности, сначала въ одной части Европы подъ вліяніемъ религіозной реформаціи XVI в., потомъ въ другой подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи.—Мы имѣемъ еще примѣръ соединенія монашества и рыцарства въ особыхъ монашеско-рыцарскихъ орденахъ, каковы были іоанниты, тампліеры, тевтоны, меченосцы: это были союзы, носившіе на себѣ черты обоихъ учрежденій, духовныя корпораціи, мечемъ защищавшія христіанство отъ невѣрныхъ и войною же распространявшія религію мира и любви среди язычниковъ. Они возникаютъ въ эпоху крестовыхъ походовъ,

которые сами были грандіознымъ предпріятіемъ католико-феодальной Европы: эти походы велись по инціативѣ и съ благословенія церкви главнымъ образомъ силами феодальнаго міра, жаждавшаго войны и завоеваній. Крестовые походы сдѣлались невозможными въ новое время, въ эпоху упадка католицизма и феодализма. Взаимно проникались оба общества также и нравами, обычаями, воззрѣніями одинъ другого. Феодальный епископъ или аббатъ часто самъ былъ дворянскаго происхожденія, часто велъ образъ жизни, мало отличавшійся отъ образа жизни какого-либо графа или барона, имѣлъ вассаловъ, придворныхъ слугъ, крѣпостныхъ, участвовалъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ, строилъ себѣ укрѣпленіе, подобное феодальному замку, и т. п. Съ другой стороны, рыцарство принимаетъ религіозный характеръ и заимствуетъ у церкви обрядъ посвященія. Вмѣстѣ съ этимъ въ рыцарскую поэзію проникаютъ элементы монастырской легенды, и романтизмъ носитъ на себѣ слѣды своего двойного происхожденія въ быту феодальномъ и въ церковной письменности. Послѣдняя сама не остается чуждою вліянію феодальнаго быта, и легенда готова переносить на небо черты свѣтскаго общества, изображая рай въ видѣ феодальнаго двора, ставя ап. Петра въ вассальныя отношенія къ Іисусу Христу или говоря о духовной борьбѣ, какъ о рыцарскомъ турнирѣ. Такъ сростались и переплетались между собою отдѣльныя стороны католическаго и феодальнаго быта.

Этими рамками опредѣлялось положеніе средневѣкового государства и положеніе личности въ обществѣ. **Католическая церковь и феодальная сеньерія находились въ антагонизмѣ съ государствомъ.** Съ одной стороны, надъ государственною властью стоялъ авторитетъ папы, съ другой—она имѣла дѣло съ непокорными вассалами: тенденціей католицизма было сплотить всѣ западныя націи въ одну духовную монархію, въ которой высшая власть принадлежала бы папѣ, а государи отдѣльныхъ странъ были бы простыми

прикащиками римской куріи, тогда какъ тенденціей феодализма было сдѣлать государство изъ каждаго помѣстья, превративъ королей въ „первыхъ между равными“ феодальныхъ сеньеровъ. Такимъ образомъ съ двухъ разныхъ сторонъ государство отрицалось обѣими средневѣковыми системами, съ одной стороны, во имя папской теократіи, поглощавшей въ себѣ отдѣльныя націи, съ другой—во имя феодальныхъ сеньерій, раздроблявшихъ государство на суверенныя помѣстья. Процессъ, давшій въ результатѣ обѣ системы, разсматриваемый не съ положительной, а съ отрицательной точки зрѣнія былъ процессомъ ослабленія и разложенія государства, расхищенія его достоянія представителями матеріальной силы общества, заключавшейся въ землевладѣніи. Новое время есть время роста государства, его борьбы съ католицизмомъ и феодализмомъ, борьбы, проявляющейся и въ реформаціи XVI в., и въ абсолютизмѣ (особенно „просвѣщенномъ“ XVIII в.), и въ революціи 1789 г. Въ этой борьбѣ государство находитъ содѣйствіе и опору со стороны свѣтскаго общества и народной массы, выдѣляющихъ изъ себя новые не-церковные элементы интеллигенціи, каковы легисты, гуманисты, ученые и т. п., и новые не-феодальные классы общества, каковы горожане. Появленіе этихъ элементовъ и классовъ—тоже признаки наступленія новаго времени. Нужно, однако, прибавить, что государство вступало въ борьбу съ церковью и феодализмомъ главнымъ образомъ на политической почвѣ, оставляя за ними прежнее значеніе въ культурной и соціальной сферахъ и даже само проникаясь многими элементами католико-феодальныхъ воззрѣній и формъ быта.

Католицизмъ и феодализмъ выдѣлили изъ народа два класса, которымъ принадлежали духовная и матеріальная власть въ обществѣ. Свѣтское общество, т. е. дворянство, горожане и крестьяне по отношенію къ клиру были въ полномъ духовномъ подчиненіи, отрицавшемъ какую бы то ни было моральную свободу личности. Съ другой стороны,

политическій феодализмъ дополнялся въ области соціальныхъ отношеній крѣпостничествомъ, лишавшимъ народную массу и матеріальной свободы. Однимъ словомъ, католико-феодальныя формы средневѣковаго строя были неблагопріятны для индивидуальной свободы, причемъ католицизмъ стѣснялъ внутреннюю свободу личности, феодализмъ — внѣшнюю. Господство католико-феодальнаго строя предполагаетъ не только слабость государства, но и неразвитость личнаго начала въ общественной жизни, равно какъ и разрушеніе этой системы велось не только сверху, т. е. государственною властью во имя такъ или иначе понимаемаго общаго блага, но и снизу, придавленными силами общества во имя личной свободы, была ли то гражданская свобода, которой добивались горожане и крестьяне, тяготившіеся феодальнымъ гнетомъ, или свобода духовная, дѣятелями которой являлись гуманисты, реформаторы, „просвѣтители" XVIII в. Появленіе первыхъ признаковъ эманципаціонныхъ движеній въ обществѣ было также провозвѣстіемъ новаго времени.

Я надѣюсь, что изложеннаго будетъ достаточно для оправданія той точки зрѣнія, съ которой средніе вѣка характеризуются, какъ время установленія и господства католико-феодальной системы культурныхъ и соціальныхъ отношеній, а новое время обозначается, какъ время упадка и разложенія этой системы. Въ исторіи новаго времени мы все еще имѣемъ дѣло съ этими двумя основными явленіями западно-европейской образованности и гражданственности, но это—эпоха ихъ упадка, разложенія, успѣшной борьбы съ ними, ихъ приспособленія къ новымъ рамкамъ. Я позволю себѣ резюмировать все сказанное, чтобы представить, въ какихъ явленіяхъ вообще мы должны видѣть существенныя особенности новой исторіи.

1) Средневѣковое объединеніе Запада на почвѣ католицизма нарушается религіозной реформаціей XVI в., подготовлявшейся уже въ предыдущія столѣтія.

2) Средневѣковое феодальное раздробленіе уступаетъ мѣсто національному объединенію новаго времени.

3) Средневѣковая, чисто церковная культура смѣняется свѣтскою образованностью новаго времени, прежде всего проявляющейся въ гуманизмѣ XIV—XVI вв.

4) Средневѣковыя феодальныя начала перестаютъ господствовать въ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ новаго времени.

5) Главнѣйшія движенія новаго времени, реформаціонное въ XVI в. и преобразовательное въ XVIII в. (просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція) были движеніями одно антикатолическимъ, другое—антифеодальнымъ.

6) Средневѣковые католицизмъ и феодализмъ создали два привилегированныхъ сословія, которыя время отъ времени производятъ реакцію противъ враждебныхъ имъ силъ новаго времени, и ими же были созданы идеалы монашества и рыцарства, замѣняющіеся въ новое время иными идеалами.

7) Въ средніе вѣка произошла феодализація церкви, конецъ коей приходитъ съ началомъ секуляризаціи церковныхъ земель въ эпоху реформаціи. Въ новое время падаютъ монашеско-рыцарскіе ордена и прекращаются крестовые походы.

8) Средневѣковая католико-феодальная система возможна была лишь при ослабленіи государственной власти и личной свободы, новое же время есть эпоха развитія государственности и индивидуилизма, причемъ, замѣтимъ мимоходомъ, первая дѣлала болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ второй, пока со стороны послѣдняго не началась реакція противъ поглощенія личности въ государствѣ.

За начало новой исторіи принимается обыкновенно конецъ XV в. (открытіе Америки) или начало XVI в. (начало реформаціи 1517 г.), а само XV столѣтіе съ предыдущимъ вѣкомъ иными относятся къ новому времени, иными къ среднимъ вѣкамъ, что указываетъ на ихъ двойственный, переходный характеръ, вслѣдствіе чего одни явленія въ ихъ

исторіи имѣютъ несомнѣнно значеніе фактовъ новой исторіи (напр., гуманизмъ), тогда какъ другіе отмѣчены еще чертами католико-феодальнаго быта. Вообще строгой грани установить здѣсь нельзя; хронологическое отдѣленіе среднихъ вѣковъ отъ новаго времени всегда будетъ нарушаться ихъ разграниченіемъ съ точки зрѣнія культурно-соціальной, ибо и въ среднихъ вѣкахъ мы найдемъ немало явленій, изъ коихъ развилось все культурное и соціальное содержаніе новой исторіи, и, наоборотъ, въ новомъ времени придется встрѣчаться съ такими остатками и слѣдами средневѣкового быта, которые не могутъ считаться простыми переживаніями. Тѣмъ не менѣе XVI в. мы уже несомнѣнно относимъ къ новому времени, а не къ среднимъ вѣкамъ; XIII столѣтіе во всякомъ случаѣ будемъ считать средневѣковымъ, отнюдь не новымъ, но о XIV и XV можно еще спорить. Начиная болѣе подробное изложеніе съ XVI в., я предпошлю ему общее изображеніе XIV и XV вѣковъ *). Главнымъ же предметомъ нашимъ будетъ исторія новой европейской гражданственности и образованности, выросшей на средневѣковой почвѣ, но измѣненной расширеніемъ исторической сцены въ концѣ XV в. (открытіе Америки и морского пути въ Индію) и обращеніемъ къ классическому и христіанскому источникамъ цивилизаціи (Возрожденіе и реформація).

---

*) Исторія Европы въ переходную отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени эпоху была предметомъ соч. *Fr. Kortüm*'а и *K A. von Reichlin — Meldegg*'а подъ заглавіемъ Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. Этотъ трудъ (два тома) можетъ служить дополненіемъ къ нашему обзору, заключая въ себѣ внѣшнюю политическую исторію съ середины XV вѣка до начала XVI (приблизительно до реформаціи), исторію открытій и завоеваній внѣ Европы отъ открытія Америки до завоеванія Мексики и Перу, равно какъ исторію образовательныхъ искусствъ и отдѣльныхъ наукъ въ эту же эпоху (кромѣ краткаго очерка «возрожденія наукъ посредствомъ классическихъ занятій» и довольно большого очерка реформаціонной эпохи), т. е. такихъ предметовъ, которые выходятъ изъ плана нашего обзора и по которымъ, между прочимъ, см. *Peschel.* Geschichte des Zeitalters der Endeckungen.—*Falkenstein.* Geschichte der Buchdruckerkunst.—*Poppe.* Geschichte der Erfindungen. Кромѣ того, обращаю вниманіе на 9 томъ Weltgeschichte *Panke.*

III. Культурно-соціальная исторія.

Теоретическая точка зрѣнія. — Прагматическая и культурно-соціальная исторія. — Существенное содержаніе исторіи. — Католико-феодальная среда съ точки зрѣнія принциповъ и интересовъ. — Примѣненіе той же точки зрѣнія къ новой исторіи. — Общая исторія и исторіи спеціальныя.— Безсознательная философія общества и соціальная структура. — Идеологизмъ и экономическій матеріализмъ. — Переходъ къ дальнѣйшему.

Предыдущія разсужденія опредѣляютъ то существенное содержаніе, которое должно наполнить внѣшнія рамки нашего изложенія западно-европейской исторіи въ новое время. Католицизмъ и феодализмъ не произвольно выбранныя явленія: это— понятія, въ коихъ обобщается громадная масса самыхъ важныхъ и разнообразныхъ фактовъ культурной и соціальной жизни западныхъ народовъ, это—общія категоріи, по которымъ могутъ быть разнесены господствующія идеи и главныя учрежденія среднихъ вѣковъ. Однимъ словомъ, вышеизложенный взглядъ на содержаніе средневѣковой и отчасти новой исторіи есть результатъ обобщенія, а не апріорное построеніе, основанное на какихъ-либо отвлеченныхъ соображеніяхъ,—результатъ обобщенія, произведеннаго, однако, все-таки съ извѣстной теоретической точки зрѣнія. Я и займусь теперь принципіальнымъ обоснованіемъ этой точки зрѣнія*).

Извѣстно, что исторія занималась прежде всего событіями, складывающимися изъ человѣческихъ дѣяній. Назовемъ исторію событій исторіей прагматической и противопоставимъ ей исторію культурно-соціальную, предметомъ которой является матеріальный, духовный и общественный бытъ народовъ. Въ сущности событія и бытъ, человѣческія

*) См. мои «Основные вопросы философіи исторіи» (2 изд. 1887) и «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи» (1890).

дѣйствія и формы жизни суть только двѣ стороны одного и того же процесса, находящіяся между собою во взаимодѣйствіи, причемъ одну сторону мы представляемъ себѣ, какъ послѣдовательность прагматическихъ фактовъ (событій, происшествій, отдѣльныхъ поступковъ), находящихся между собою въ причинной связи, т. е. связанныхъ между собою, какъ причины и слѣдствія одни другихъ, а другую сторону разсматриваемъ, какъ послѣдовательность фактовъ культурныхъ и соціальныхъ, соединенныхъ между собою отношеніями эволюціонными, т. е. развивающихся одни изъ другихъ, представляющихъ собою лишь разные моменты въ развитіи однихъ и тѣхъ же явленій. Взаимодѣйствіе между этими двумя сторонами исторіи заключается въ томъ, что человѣческія дѣятельности, слагающіяся въ прагматическіе факты, въ историческія событія, въ общественныя движенія, бываютъ обусловлены извѣстными обстоятельствами культурнаго и соціальнаго свойства и въ свою очередь имѣютъ результатомъ своимъ—измѣненія въ формахъ культурнаго и соціальнаго быта, въ свою же еще очередь зависящихъ такимъ образомъ отъ прагматической стороны исторіи. Исторія крестовыхъ походовъ есть исторія прагматическая, въ которой мы можемъ связать отдѣльные моменты, какъ причины и слѣдствія, но эта исторія событій, совокупность коихъ составляетъ собою крестовые походы, вполнѣ уяснится для насъ, если мы обратимъ вниманіе на культурныя и соціальныя условія, породившія эти походы, условія католико-феодальнаго быта, и лишь тогда получится полное знаніе этого предмета, когда приняты будутъ въ расчетъ культурно-соціальные результаты этого прагматическаго движенія, результаты въ извѣстныхъ измѣненіяхъ быта. Съ другой стороны трансформація католико-феодальнаго общества въ общество новаго времени относится къ исторіи культурно-соціальной, въ которой однѣ стадіи общественнаго бытія представляются намъ развившимися изъ другихъ, но эта трансформація имѣла свои причины въ извѣстныхъ событіяхъ, въ извѣстныхъ дви-

женіяхъ, происходившихъ въ отдѣльныхъ слояхъ общества или въ цѣлыхъ націяхъ, въ извѣстныхъ поступкахъ отдѣльныхъ личностей и имѣла свои прагматическія слѣдствія, вызывая новые и новые поступки, движенія и событія. Однимъ словомъ, сцѣпленія прагматическихъ фактовъ, образованныя по принципу причинности, и ряды фактовъ культурно-соціальныхъ, основанные на идеѣ резвитія (эволюціи), постоянно между собою переплетаются, т. е. дѣянія и событія, идущія своимъ чередомъ, и формы быта, слѣдующія однѣ за другими своимъ же порядкомъ, находятся еще и во взаимодѣйствіи, такъ какъ факты прагматическіе, кромѣ причинъ и слѣдствій въ области такихъ же прагматическихъ фактовъ, состоятъ подъ вліяніемъ условій, и участвуютъ въ созданіи результатовъ культурно-соціальныхъ, а культурно-соціальные факты, помимо принадлежащей имъ эволюціонной связи, имѣютъ еще каузальную связь съ фактами прагматическими, порождаясь ими, какъ ихъ слѣдствія, и порождая ихъ, какъ ихъ причины. Если историкъ обязанъ представить исторію общества, состоящаго изъ отдѣльныхъ дѣйствующихъ личностей и существующаго съ опредѣленными міровоззрѣніемъ и строемъ, то лучше всего онъ рѣшитъ свою задачу, когда изобразитъ взаимодѣйствіе прагматизма съ культурою и соціальной организаціей, взаимодѣйствіе человѣческихъ дѣятельностей (съ ихъ условіями и результатами) и духовно-общественной среды (съ присущими ей мотивами и вырабатывающимися въ ней слѣдствіями этихъ дѣятельностей). Я не привожу здѣсь тѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать отсюда для теоретическаго пониманія сущности историческаго процесса, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, и не касаюсь сложнаго и труднаго вопроса о роли личности въ исторіи, опредѣляемой, какъ взаимодѣйствіе между личностью и культурно-соціальной средой, т. е. между дѣятельностями отдѣльныхъ индивидуумовъ и формами быта цѣлаго общества, такъ какъ и этотъ вопросъ отвлекъ бы насъ въ сторону, но вотъ тѣ выводы,

которые необходимо нужно сдѣлать для опредѣленія того что же должно считаться существеннымъ содержаніемъ исторіи, разсматриваемой съ самой общей точки зрѣнія.

Этихъ выводовъ два. Во первыхъ, въ области прагматическихъ фактовъ наибольшую важность имѣютъ тѣ, которые не только порождали другіе прагматическіе факты, но и оказывали дѣйствіе на культурно-соціальную среду. Съ этой точки зрѣнія можно классифицировать историческія событія по ихъ значенію для развитія формъ быта: въ драматическомъ отношеніи событіе можетъ быть весьма интереснымъ, весьма эффектнымъ и въ качествѣ таковаго обратить на себя вниманіе психолога или художника, но оно можетъ быть лишено всякаго значенія въ смыслѣ фактора, игравшаго роль въ эволюціи культурныхъ и соціальныхъ формъ и, наоборотъ, для исторіи измѣненій, происходящихъ въ этихъ формахъ, могутъ имѣть значеніе такія человѣческіе дѣянія и поступки, которые не привлекутъ къ себѣ вниманія психолога, а еще менѣе того сдѣлаются предметомъ художественнаго изображенія. Съ другой стороны, и въ области фактовъ культурно-соціальныхъ не всѣ имѣютъ равное историческое достоинство и притомъ съ двоякой точки зрѣнія, а именно есть такіе, коими обусловливается или, наоборотъ, совсѣмъ не обусловливается прагматическое движеніе исторіи, и кромѣ того, есть такіе, коими опредѣляется или совсѣмъ не опредѣляется индивидуальное существованіе въ самыхъ важныхъ своихъ сторонахъ,—и на этомъ-то вотъ намъ нужно остановиться. Условія духовно-общественной среды, опредѣляющія дѣйствія, которыя входятъ въ составъ историческаго прагматизма, бываютъ двухъ категорій: поступки человѣка, получающіе историческое значеніе, могутъ быть обусловлены или извѣстными принципами, воспринятыми личностью, или извѣстными интересами, ею раздѣляемыми, и въ этомъ смыслѣ самое важное въ культурно-соціальной средѣ заключено въ ея принципахъ и интересахъ, которые оказываютъ вліяніе на содержаніе событій, совершаю-

щихся въ данной средѣ. Культурная или соціальная форма, не имѣющая принципіальнаго значенія или не воплощающая въ себѣ какой-либо интересъ, съ точки зрѣнія общей и внутренней исторіи народа является чѣмъ-то частнымъ, второстепеннымъ, внѣшнимъ, несущественнымъ, ибо она не опредѣляетъ дальнѣйшаго историческаго движенія, и во всякомъ случаѣ она не можетъ идти въ сравненіе съ такимъ культурнымъ или соціальнымъ явленіемъ, въ коемъ заключенъ принципъ или интересъ, способный подвинуть отдѣльную личность на дѣятельность съ характеромъ историческимъ, сплотить отдѣльныя личности въ большую или малую культурную или соціальную группу, въ націю или государство, въ партію или сословіе, въ школу или фракцію, вызвать общественное движеніе, раздѣлить общество на отдѣльные классы или направленія, борьба между которыми будетъ также входить въ составъ прагматической стороны историческаго процесса. Возможность такой роли культурно-соціальныхъ фактовъ, имѣющихъ значеніе принятыхъ въ обществѣ принциповъ или отношеніе къ интересамъ, существующимъ въ обществѣ, обусловливается тѣмъ, что положеніе и судьба личности въ обществѣ опредѣляются именно формами, въ коихъ проявляются принципы или интересы цѣлаго общества или отдѣльныхъ его группъ, каковы партіи или классы: въ другомъ мѣстѣ я уже доказывалъ, что культурно-соціальными элементами первостепеннаго значенія являются поэтому идеи и учрежденія,—идеи, въ коихъ формулируются извѣстныя міровоззрѣнія, извѣстные моральные и соціальные принципы, извѣстные интересы національные, государственные, сословные, классовые, партійные, профессіональные, и учрежденія, опять-таки имѣющія основу въ тѣхъ или другихъ интересахъ и охраняемыя тѣми или другими принципами.

Становясь на такую теоретическую точку зрѣнія, мы можемъ смѣло сказать, что культурно-соціальные принципы и интересы и связанныя съ ними идеи и учрежденія средне-

вѣковаго общества цѣликомъ воплощаются въ понятіяхъ и отношеніяхъ, совокупность коихъ мы обозначаемъ, какъ католицизмъ и феодализмъ. Мы видѣли, что въ связи съ ними находятся важнѣйшія историческія движенія среднихъ вѣковъ и новаго времени, видѣли и то, что ими опредѣлялось индивидуальное существованіе однихъ людей, какъ духовныхъ пастырей и свѣтскихъ господъ, другихъ, какъ пасомыхъ и управляемыхъ. И въ основѣ католицизма, и въ основѣ феодализма лежали извѣстные принципы, въ коихъ заключались и общепринятые взгляды на человѣка, на его права и обязанности, на основанія общественныхъ различій, на источники вліянія и власти, на задачи общественной жизни и т. д. и т. д., — принципы, по традиціи переходившіе изъ одного поколѣнія въ другое, опредѣлявшіе дѣятельность и судьбу отдѣльныхъ личностей, сплачивавшіе ихъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, имѣвшіе своихъ спеціальныхъ представителей въ лицѣ духовныхъ и дворянъ. И католицизмъ, и феодализмъ были, кромѣ того, двумя организаціями, соотвѣтствовавшими извѣстнымъ общественнымъ интересамъ, удовлетворявшими извѣстнымъ потребностямъ,—организаціями, которыя равнымъ образомъ опредѣляли судьбу и дѣятельность отдѣльныхъ личностей, группируя ихъ въ особые классы по ихъ интересамъ и стремленіямъ. Однимъ словомъ, обобщая культурные и соціальные факты среднихъ вѣковъ, мы получаемъ понятія католицизма и феодализма, въ коихъ заключается или около коихъ сосредоточивается вся бытовая исторія европейскаго Запада въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, и на эти же общія понятія наводитъ насъ примѣненіе въ средневѣковой исторіи того теоретическаго воззрѣнія, по которому существенное въ жизни народовъ суть ихъ идеи и учрежденія, въ коихъ формулируются и воплощаются тѣ принципы и интересы, какими живутъ и подвигаются къ дѣятельности отдѣльныя личности, общественные классы, сословія, партіи и иныя особыя группы, наконецъ цѣлыя націи и государства и даже цѣлые историческіе міры въ родѣ разсматриваемаго нами западно-европейскаго міра.

Я не сталъ бы прибѣгать къ приведеннымъ теоретическимъ соображеніямъ, если бы дѣло касалось только средневѣковой образованности и гражданственности, выразившейся въ католико-феодальныхъ системѣ идей и организаціи учрежденій, если бы не было надобности указать на нѣкоторыя общія положенія, которыя положены въ основу нашего изображенія новой исторіи. Признавая въ историческомъ процессѣ взаимодѣйствіе личности и культурно-соціальной среды, взаимодѣйствіе людскихъ дѣятельностей съ формами духовнаго и общественнаго быта и тѣмъ самымъ опредѣляя относительную важность тѣхъ или другихъ прагматическихъ и культурно-соціальныхъ фактовъ, я и въ дальнѣйшей исторіи долженъ буду выдвигать на первый планъ тѣ событія и движенія, въ коихъ проявились извѣстные принципы и интересы внутренней жизни западно-европейскихъ обществъ или которые вносили измѣненіе въ данную систему принциповъ и организацію интересовъ,—сосредоточивая вмѣстѣ съ тѣмъ все вниманіе въ области не-прагматическихъ фактовъ на идеяхъ и учрежденіяхъ, опуская все, что не имѣетъ принципіальнаго въ духовномъ или общественномъ смыслахъ значенія, что не относится къ интересамъ отдѣльныхъ личностей или группъ, что безразлично, однимъ словомъ, съ самой общей точки зрѣнія на жизнь общества, хотя и было важнымъ при болѣе спеціальныхъ точкахъ зрѣнія техники и эстетики, обычаевъ и нравовъ, комфорта и приличій, привычекъ и условныхъ правилъ и т. п., которыми также, конечно, исторія и можетъ, и должна заниматься, но которые нами сознательно устраняются изъ разсмотрѣнія, дабы основныя архитектурныя линіи культурно-соціальнаго зданія новой исторіи не были загромождены и закрыты пестрой орнаментикой подробностей внѣшняго быта въ родѣ описанія жилищъ, одежды, домашней утвари, орудій труда, вооруженія, украшеній всякаго рода, техническихъ производствъ, увеселеній, зданій, картинъ, статуй, житейскихъ сценъ и т. д., однимъ словомъ, всего того, что поддается изображенію въ иллюстрирующемъ описаніе рисункѣ, но что

само по себѣ безразлично съ точки зрѣнія принциповъ и интересовъ доступныхъ только абстрактному воспроизведенію: вѣдь и католицизмъ съ феодализмомъ можно было бы представить не въ видѣ абстрактной системы, не въ видѣ схематической организаціи, а въ конкретныхъ образахъ готическаго собора и феодальнаго замка, церковныхъ процессій и рыцарскихъ турнировъ, или въ видѣ бытовыхъ сценъ, которыхъ такъ много можно найти въ новѣйшей исторической живописи или иллюстраціи къ историческимъ сочиненіямъ.

Для того, чтобы оправдать такой взглядъ на исторію,— конечно, не исключающій другихъ взглядовъ,—нужно составить себѣ надлежащее представленіе о томъ, чѣмъ должна быть общая исторія, не какъ сумма или механическое соединеніе спеціальныхъ исторій религіи, философіи, науки, литературы, государства, права, народнаго хозяйства, а какъ исторія самого общества, въ которомъ существуетъ все это, и исторія личности, чрезъ которую, въ которой и для которой равнымъ образомъ все это существуетъ, я же именно и имѣю въ виду исторію общества и тѣхъ условій, коими оно опредѣляло индивидуальное бытіе въ разныхъ мѣстахъ, въ разныя времена и въ разныхъ общественныхъ классахъ и положеніяхъ. Въ соціальной и исторической жизни различаются обособленныя до нѣкоторой самостоятельности по своему содержанію и по способамъ своего развитія сферы, каковы религія, философія, наука, литература, политика, народное хозяйство и т. п., такъ что состояніе или развитіе каждой такой сферы можетъ быть представлено отдѣльно. Тѣмъ не менѣе всѣ онѣ существуютъ не сами въ себѣ, а въ цѣломъ общественной жизни, находясь между собою въ извѣстныхъ взаимоотношеніяхъ, почему, напр., измѣненія въ экономической сферѣ отражаются такъ или иначе и на политикѣ, и на правѣ, и на моральныхъ принципахъ, равно какъ и идейныя измѣненія не проходятъ безслѣдно для исторіи государственныхъ учрежденій, правовыхъ нормъ, соціально-экономическихъ отношеній или для исторіи литературы и искус-

ства. Каждая специальная исторія изображаетъ одно какое-либо частное развитіе и только, такъ сказать, черезъ его призму разсматриваетъ эволюцію самого общества и другія частныя эволюціи, но то, что при изображеніи частной сферы культурно-соціальнаго быта имѣетъ большое значеніе, можетъ быть лишено всякаго интереса, будучи перенесено на почву всей совокупности явленій духовной и общественной жизни народовъ. Я держусь той точки зрѣнія, что общая исторія возникаетъ не изъ простого соединенія спеціальныхъ, а изъ такого ихъ сочетанія, при которомъ все слишкомъ спеціализирующее отдѣльныя стороны общественнаго бытія стушевывается. Общій историкъ не можетъ и не долженъ вносить въ свое изображеніе прошлаго—всего того, что вносятъ въ свои историческія представленія спеціальные историки литературы или права, церкви или искусства, философіи или хозяйственнаго быта, политическихъ учрежденій или науки. Общій историкъ будетъ пользоваться фактами той или иной спеціальной исторіи, когда въ нихъ особенно рельефно выражается эпоха, когда они имѣли особое вліяніе на всю общественную эволюцію, ибо для него важны литературныя или юридическія явленія, церковные или эстетическіе факты и т. п. не сами по себѣ, а какъ частныя отраженія общаго состоянія общества, не какъ звенья въ процессѣ литературныхъ, правовыхъ, религіозныхъ, художественныхъ измѣненій, а какъ факторы всей общественной эволюціи. Общій историкъ стремится найти и опредѣлить общую подкладку фактовъ, относящихся къ разнымъ сферамъ жизни, то общее русло, по которому совершается теченіе отдѣльныхъ элементовъ культурно-соціальной среды: спеціальные историки, разсматривающіе общую эволюцію черезъ призму эволюцій частныхъ, конечно, будутъ нѣсколько различнымъ образомъ представлять себѣ общій фонъ общественной жизни въ данное время, и напр., для историка литературы онъ будетъ иной, чѣмъ для историка права, но обязанность общаго историка въ томъ и заключается, чтобы, такъ сказать, при-

вести къ одному знаменателю условныя точки зрѣнія спеціалистовъ по литературѣ и по праву, по церковной или художественной исторіи, по политической экономіи или философіи и представить общую подкладку всего разнообразія исторической жизни. Понятное дѣло, что отношеніе спеціальной исторіи къ общей опредѣлится мѣстомъ и значеніемъ данной частной эволюціи въ эволюціи общей вообще и въ частности значеніемъ одной во другой въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Напр., вообще въ жизни общества политическія формы играютъ болѣе важную роль, чѣмъ техническіе пріемы и эстетическіе принципы архитектора, скульптора, живописца и композитора, а въ одной и той же области содержаніе, внутренній смыслъ, принципіальная сторона важнѣе формы, внѣшнихъ признаковъ, стороны технической, или церковные вопросы въ XVI в. стояли съ жизнью въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ впослѣдствіи, равно какъ французская просвѣтительная литература XVIII вѣка соприкасалась съ общимъ ходомъ исторіи сильнѣе и многостороннѣе, чѣмъ средневѣковая монастырская письменность *).

Что же можно принять за общій фонъ историческаго изображенія съ наиболѣе общей точки зрѣнія? Отдѣльные элементы культуры далеко не въ равной степени, (и въ однихъ и тѣхъ же элементахъ далеко не въ одинаковомъ смыслѣ отдѣльныя ихъ стороны) бываютъ показателями уровня интеллектуальнаго и моральнаго развитія личности въ разныхъ обществахъ и въ различныхъ слояхъ одного и того же общества, равно какъ и сами элементы эти и ихъ отдѣльныя стороны — опять-таки совершенно не такъ одни, какъ другіе,—могутъ служить для характеристики общаго состоянія цѣлой страны, всего ея населенія, общаго развитія цѣлаго общества и разныхъ группъ, входящихъ въ его составъ. Человѣческое самопониманіе, теоретическое и практическое, выражающееся въ томъ, какъ человѣкъ сознаетъ

*) См. болѣе подробное развитіе этой мысли въ моей книгѣ «Литературная эволюція на Западѣ» (1886).

не только свое „я“ со стороны его ума, чувства и воли, но и свои отношенія къ міру и человѣку,—самопониманіе, заключающееся въ религіяхъ, философскихъ системахъ, моральныхъ кодексахъ, политическихъ принципахъ, научныхъ теоріяхъ, это самопониманіе, способное сдѣлаться общественнымъ фактомъ, разъ оно не ограничивается единичною личностью, а составляетъ безсознательную философію цѣлаго общества, и есть одно, что составляетъ общій фонъ эпохи *), взятый съ внутренней или идейной его стороны, но у этого фона есть и другая сторона, сторона внѣшняя, сторона фактическихъ отношеній между людьми, складывающихся въ извѣстныя постоянныя системы, которыя мы можемъ назвать соціальными формами, или общественной структурой, являющейся намъ въ видѣ политической организаціи государства съ санкціонируемымъ имъ правомъ или соціальнаго—въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—строя экономическихъ классовъ. Индивидуальное самопониманіе, переходящее въ безсознательную философію общества, способную уясняться умственною дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, и общественное устройство, опредѣляющее положеніе и судьбу всѣхъ членовъ даннаго общества и членовъ отдѣльныхъ его классовъ— вотъ тотъ общій фонъ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ о предметѣ главнаго интереса общей исторіи. Безсознательная философія общества есть результатъ психическаго воздѣйствія однихъ его членовъ на другихъ, и съ этой стороны она составляетъ психологическую подкладку историческаго бытія. Но люди обмѣниваются не однѣми идеями: они обмѣниваются продуктами своего труда и взаимными услугами, т. е. находятся не только въ психическомъ взаимодѣйствіи, но и во взаимодѣйствіи экономическомъ, на почвѣ коего выростаетъ извѣстная общественная структура. Матеріальныя и духовныя потребности личности удовлетворяются въ обществѣ такимъ образомъ взаимодѣйствіемъ двоякаго

*) См. развитіе этой мысли въ статьѣ моей «Философія, исторія и теорія прогресса» (Историческое Обозрѣнія, 1890, т. I).

рода, и соотвѣтственно этому основа культурно-соціальныхъ явленій есть основа двойственная—психологическая и экономическая.

Было время, когда историческая наука искала основы историческаго процесса въ одномъ движеніи идей, видя въ перемѣнахъ, которыя происходятъ въ сферѣ культурныхъ идей общества, источникъ всѣхъ историческихъ перемѣнъ. Односторонность историческаго идеологизма очевидна сама собою, но не менѣе очевидна и односторонность того „экономическаго матеріализма“, который поставилъ себя на мѣсто прежняго историческаго міросозерцанія, объявивъ, что экономическій строй общества каждой данной эпохи представляетъ ту реальную почву, свойствами коей объясняется въ послѣднемъ анализѣ вся надстройка, образуемая совокупностью не только правовыхъ и политическихъ учрежденій, но и воззрѣній религіозныхъ, моральныхъ, философскихъ и прочихъ каждаго даннаго періода. Въ своемъ представленіи историческаго движенія на Западѣ, я буду исходить изъ той общей мысли, что обѣ эти общія концепціи ложны, какъ одностороннія увлеченія, неспособныя объяснить все въ исторіи, и тѣмъ не менѣе истинны, какъ обобщенія опредѣленныхъ категорій фактическаго содержанія исторіи, но не могу здѣсь взять на себя задачу теоретически обосновать свой тезисъ о несводимости всѣхъ культурно-соціальныхъ фактовъ или къ одной идейной, психической основѣ, или къ одной основѣ матеріальной, экономической*). Политическая и юридическая надстройка на экономическомъ фундаментѣ еще допустима да и то съ разными оговорками, но чтобы роль такихъ же надстроекъ играли религія, философія, наука, поэзія, искусство, съ этимъ согласиться нельзя. Съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія общественная среда, конечно, должна и различнымъ

*) Отсылаю къ своимъ статьямъ: «Политическая экономія и теорія историческаго процесса» (Историч. Обозрѣніе, 1891, т. II), «Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи» (тамъ же, 1892, т. IV) и «Источники историческихъ перемѣнъ» («Русское Богатство», 1892, I). Болѣе обстоятельно предметъ этотъ будетъ разсмотрѣнъ въ IV томѣ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи».

образомъ представляться историку: или это среда, опредѣляемая преобладающими въ ней идеями, или это среда, характеризуемая господствующими въ ней интересами, и такъ какъ ни въ одномъ, ни въ другомъ случаѣ на извѣстной ступени общественнаго развитія среда эта не бываетъ однородною, распадаясь на группы съ разными идеями и на классы съ неодинаковыми интересами, а между этими группами и классами происходитъ борьба, то борьба эта понимается или въ смыслѣ столкновенія принциповъ, или въ смыслѣ столкновенія интересовъ. Оба взгляда необходимо дополняютъ одинъ другой, и хотя культурныя группы и соціальные классы не всегда и не во всемъ совпадаютъ одни съ другими, тѣмъ не менѣе общность интересовъ, одинаковость положенія въ обществѣ всѣхъ членовъ одного и того же соціальнаго класса предрасполагаетъ къ тому, чтобы они и въ культурномъ отношеніи составляли одну группу въ обществѣ.

Теперь мы и перейдемъ къ изображенію культурно-соціальнаго состоянія западно-европейскаго общества при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, исходя изъ той точки зрѣнія, что католицизмъ былъ для средневѣковой Европы не только вѣроисповѣданіемъ, но и цѣлой системой индивидуальнаго и соціальнаго самопониманія, отражавшагося и на учрежденіяхъ того времени, а феодализмъ—всеобъемлющей структурой общества, проявлявшейся и въ области идей моральныхъ и соціальныхъ. Такъ какъ нужно прежде познакомиться съ внѣшнимъ положеніемъ носителей средневѣкового міросозерцанія, то мы и начнемъ съ разсмотрѣнія общественной структуры среднихъ вѣковъ, чтобы узнать вмѣстѣ съ тѣмъ, какіе общественные классы принимали участіе въ прагматической сторонѣ новой исторіи, разсматриваемой, какъ борьба представителей различныхъ культурно-соціальныхъ принциповъ и интересовъ. Но и потомъ передъ тѣмъ, какъ перейти къ католицизму, намъ нужно будетъ еще остановиться на личномъ началѣ въ процессѣ исторіи.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ФОРМЫ КОНЦА СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

IV. Феодальное устройство *).

Соціальная и политическая стороны феодализма. — Его опредѣленіе. — Королевская власть, церковь и города въ феодальную эпоху. — Господство феодализма въ разныхъ сторонахъ быта. — Феодальныя реакціи. — Дворянство въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.

Опредѣляя феодализмъ, мы должны различать въ немъ двѣ стороны, изъ которыхъ одна и появляется ранѣе, и позднѣе исчезаетъ въ общественной исторіи европейскаго Запада, тогда какъ время господства другой охватываетъ собою сравнительно меньшій промежутокъ времени. Одна изъ этихъ сторонъ—соціальная, другая политическая. Когда заходитъ рѣчь о феодализмѣ, обыкновенно имѣется въ виду вторая сторона и подъ нимъ тогда разумѣется распаденіе государства на мелкія владѣнія, въ которыхъ власть государя смѣшивается съ властью помѣщика и которыя находятся въ іерархической зависимости однѣ отъ другихъ: существенными чертами феодализма съ этой точки зрѣнія являются раздробленіе верховной власти, соединеніе ея съ землевладѣніемъ и установленіе вассальной іерархіи между государями-помѣщиками. Процессъ, приведшій государство къ такому состоянію, заключался въ расхищеніи королевскихъ правъ аристократиче-

*) Оріентироваться по вопросу о происхожденіи феодализма и найти литературу можно во вступительной главѣ соч. проф. *П. Г. Виноградова* Происхожденіе феодальныхъ отношеній къ лангобардской Италіи. Литература вообще весьма обширна.

скими элементами общества, въ смѣшеніи частно-правовыхъ, аграрныхъ отношеній съ отношеніями государственными, политическими и въ развитіи совершенно особенной формы политической зависимости, въ силу которой одинъ феодальный владѣлецъ былъ вассаломъ другого и самъ могъ имѣть вассаловъ. Чѣмъ независимѣе были феодальные владѣльцы отъ короля, чѣмъ болѣе землевладѣніе было основою политической власти и чѣмъ болѣе общество расчленялось по іерархическимъ ступенямъ, тѣмъ болѣе та или другая страна въ разныя времена или разныя страны въ одно и то же время могутъ быть названы феодальными. Съ другой стороны, процессъ разрушенія феодализма, взятаго съ политической своей стороны, долженъ былъ заключаться въ государственномъ объединеніи, въ отдѣленіи верховной власти отъ землевладѣнія и въ исчезновеніи вассалитета: верховная власть сосредоточивается въ однѣхъ рукахъ, феодальные сеньеры превращаются въ помѣщиковъ, іерархическая лѣстница замѣняется всеуравнивающимъ подданствомъ. Разсматривая съ такой точки зрѣнія внутреннюю исторію западной Европы, мы можемъ сказать, что эпохой полнаго развитія политическаго феодализма—да и то не вездѣ въ одинаковой степени—было время, протекшее отъ распаденія монархіи Карла Великаго до конца крестовыхъ походовъ, т. е. беря круглыя цифры, отъ 850 до 1250 года, т. е. около четырехъ вѣковъ, періодъ, примыкающій своимъ началомъ къ долговременному процессу феодализаціи, а въ послѣднихъ своихъ временахъ сливающійся съ эпохою возрожденія государственнаго начала и роста королевской власти, которая къ эпохѣ реформаціи дѣлаетъ значительные успѣхи. Такимъ образомъ новая исторія начинается въ эпоху разрушенія политическаго феодализма. Сводя, далѣе, къ основному началу явленіе феодализма, какъ политической системы, мы должны признать, что начало это заключается въ нераздѣльности власти и землевладѣнія: въ феодальной системѣ немыслимы ни землевладѣніе безъ власти, ни власть безъ земле-

владѣнія; въ постепенномъ соединеніи того и другого и заключался процессъ феодализаціи, въ разлученіи—процессъ разрушенія политическаго феодализма.

Переходимъ къ другой сторонѣ феодализма. Исторія западной Европы въ соціальномъ отношеніи за весьма продолжительный періодъ времени можетъ быть представлена, какъ исторія сначала постепеннаго пріобрѣтенія землевладѣльческимъ классомъ политической власти, а потомъ постепенной утраты этой власти: до полнаго торжества политическаго феодализма во второй половинѣ IX вѣка уже существовало крупное землевладѣніе съ нѣкоторыми особенностями, подготовлявшими переходъ верховной власти къ его представителямъ въ обществѣ, и это же землевладѣніе продолжало существовать и въ эпоху полнаго разрушенія политическаго феодализма, сохраняя, однако, многія черты, присущія землевладѣнію предыдущихъ періодовъ, такъ что и до установленія феодальной системы и послѣ ея паденія съ землевладѣніемъ связаны нѣкоторыя весьма характерныя особенности, и онѣ-то придаютъ земельной собственности феодальный характеръ. Давая опредѣленіе феодализму, Гизо, а за нимъ и другіе историки рядомъ съ соединеніемъ верховной власти и землевладѣнія и съ установленіемъ вассальной іерархіи между владѣльцами ставятъ еще юридическое явленіе замѣны полной земельной собственности условною, въ силу чего земля находится не въ полномъ, а въ зависимомъ обладаніи, т. е. она бываетъ или феодомъ, владѣлецъ коего владѣетъ въ зависимости отъ своего сеньера, какъ его вассалъ, обязанный ему службою, или бываетъ цензивой, которую человѣкъ держитъ въ зависимости отъ землевладѣльца, будучи обязанъ по отношенію къ нему извѣстными повинностями. Двойное право на одну и туже землю (dominium utile и dominium directum), характеризующее феодальныя отношенія, ведетъ свое начало изъ временъ болѣе раннихъ, когда короли меровингскаго періода раздавали бенефиціи за службу, изъ еще болѣе ран-

нихъ временъ, когда именно въ Римской имперіи подъ названіемъ эмфитевзиса возникла особая поземельная сдѣлка, представлявшая изъ себя нѣчто среднее между куплей-продажей и арендой, причемъ эмфитевтъ дѣлался вѣчнымъ владѣльцемъ земли, но и вѣчно же долженъ былъ платить оброкъ ея настоящему собственнику. Съ другой стороны, двойное право на землю пережило политическій феодализмъ, и если оно не было особенно тяжело для владѣній дворянства, потомковъ феодальныхъ сеньеровъ, то продолжало еще тяготѣть надъ «держаніями» простолюдиновъ, имѣвшими свой первообразъ въ эмфитевзисѣ. Въ эпоху полнаго развитія феодализма это двойное право совпадало съ политической іерархіей: феодъ былъ собственностью сеньера, но собственностью условною, ибо она ему принадлежала, какъ вассалу высшаго сеньера, отъ котораго и находилась въ зависимости. Иное значеніе имѣло то же двойное право по отношенію къ «держаніямъ» простолюдиновъ, такъ какъ было связано не съ политическою, а съ соціальною, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ съ экономическою стороною феодализма, такъ какъ обладаніе феодомъ было соединено съ правами верховной власти, а держаніе земли для веденія на ней хозяйства за уплату оброка или за отбываніе натуральныхъ повинностей представляло собою чисто экономическое отношеніе. Обработка наслѣдственнаго участка земли въ зависимости отъ феодальнаго владѣльца и составляетъ соціальную сторону феодальнаго устройства, которое въ данномъ отношеніи можно опредѣлить, какъ соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ, имѣвшее своимъ слѣдствіемъ обезпеченіе землею народной массы, съ одной стороны, а съ другой сопровождавшееся юридическою зависимостью этой массы отъ землевладѣльцевъ. Формы соединенія крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ могли быть весьма разнообразны, допуская и краткосрочную аренду участка свободнымъ человѣкомъ, и вѣчное пользованіе однимъ и тѣмъ

же участкомъ со стороны крѣпостнаго, и разныя промежуточныя формы, но сущность дѣла оставалась та же, и прототипомъ такого соединенія было хозяйственное устройство послѣднихъ временъ Римской имперіи, когда латифундіи дробились на мелкія хозяйственныя единицы, находившіяся въ обработкѣ прикрѣпленныхъ къ землѣ колоновъ. Феодальное землевладѣніе тѣмъ и характеризуется, что лишь на незначительной части земли велось собственное хозяйство сеньера барщиннымъ трудомъ подвластныхъ крестьянъ, вся же остальная земля на разныхъ условіяхъ зависимости раздроблялась на мелкіе участки, что ставило народную массу въ непосредственное распоряженіе почвой и дѣлало невозможнымъ образованіе сельскаго пролетаріата. Зависимость отъ сеньера такихъ крестьянскихъ надѣловъ, выражаясь современнымъ терминомъ, могла быть разная, но существованіе изъ римской еще эпохи колоната, продолжающагося въ средневѣковомъ серважѣ (крѣпостничествѣ), вытекавшая изъ германскихъ взглядовъ потеря свободы человѣкомъ, который садился на чужую землю, переходъ къ крупнымъ собственникамъ государственныхъ правъ надъ населеніемъ, жившимъ въ ихъ сеньеріяхъ,—все это создавало и личную зависимость народной массы отъ феодальныхъ господъ, которая была тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе былъ развитъ политическій феодализмъ. Іерархическое расчлененіе общества, начинавшееся сверху отъ королевскихъ вассаловъ и доходившее до послѣднихъ подвассаловъ, продолжалось и внизу, гдѣ также мы замѣчаемъ разныя степени несвободы и лица, и земли, находившейся въ его пользованіи, но наиболѣе характерной особенностью соціальнаго феодализма было крѣпостничество, чисто юридическая зависимость человѣка отъ человѣка, сопровождавшая зависимость экономическую. Феодальный сеньеръ, господствующій надъ закрѣпощеннымъ населеніемъ, этотъ государь-помѣщикъ, являющійся вассаломъ другого такого же государя-помѣщика, только какъ-бы смѣнилъ собою простого помѣщика (поссессора) римской эпохи, когда

государство было еще сильно, но феодальный сеньеръ и въ новое время, когда королевская власть уже превратила его въ простого подданнаго, хотя бы и привилегированнаго, продолжаетъ оставаться помѣщикомъ, держащимъ въ экономической и юридической отъ себя зависимости крестьянское населенiе. Соцiальный феодализмъ и начинается раньше, и кончается позже феодализма политическаго.

Какое же будетъ полное опредѣленiе феодализма, если принять въ расчетъ все вышесказанное, т. е. и политическую, и соцiальную стороны этого устройства, имѣвшаго такое важное значенiе въ исторiи западной Европы въ среднiе вѣка и въ новое время? Я думаю, что вывести такое опредѣленiе будетъ нетрудно, если мы обратимъ вниманiе на то, что въ основѣ этого устройства находилось обладанiе крупною земельною собственностью, сообщавшее владѣльцу права государственной власти, хотя и въ политической зависимости отъ высшаго владѣльца, и ставившее въ юридическую зависимость отъ него самого народную массу, которая однако вела самостоятельное хозяйство на мелкихъ участкахъ, такъ что въ феодализмѣ соединялись съ крупнымъ землевладѣнiемъ и верховная власть, и юридическая зависимость массы, и мелкое хозяйство. Процессъ разложенiя феодализма, начавшiйся въ политической сферѣ разлученiемъ землевладѣнiя и верховной власти, которая стала отходить къ королямъ, продолжался въ соцiальномъ отношенiи въ двухъ параллельныхъ процессахъ: съ одной стороны, это было высвобожденiе лица и земли изъ-подъ той крѣпости, какую на нихъ налагало феодальное право, причемъ лично свободные крестьяне весьма еще долгое время имѣли доступъ только къ несвободной землѣ, подлежавшей двойному праву, такъ что принципъ условной собственности оказался болѣе живучимъ, чѣмъ власть человѣка надъ человѣкомъ; съ другой стороны, это было постепенное открѣпленiе крестьянства

отъ земли, разрушеніе тѣхъ связей, которыя установились между крупнымъ землевладѣніемъ и мелкимъ хозяйствомъ, и подготовленіе крупнаго хозяйства, основаннаго на трудѣ сельскаго пролетаріата, примѣръ чего представляетъ Англія.

Процессъ феодализаціи захватилъ собою всѣ стороны общественнаго устройства. Между прочимъ онъ сказался на характерѣ королевской власти, на политическомъ положеніи духовенства, на бытѣ городовъ въ средніе вѣка.

Въ числѣ крупныхъ собственниковъ, по рукамъ которыхъ разошлась верховная власть и которые сдѣлались сеньерами по отношенію къ жившимъ на ихъ земляхъ людямъ, были и духовныя лица—епископы, аббаты, каноники,—дѣлающіяся иногда могущественными владѣтельными князьями. Это былъ своего рода церковный феодализмъ, развивавшійся параллельно съ феодализмомъ свѣтскимъ, такъ что рядомъ съ титулованными сеньерами, расхитившими должности герцоговъ, графовъ, маркизовъ и т. п., и простыми баронами, въ феодальной іерархіи мы встрѣчаемъ и лицъ, облеченныхъ духовнымъ саномъ архіепископа или епископа, или аббата. Когда палъ политическій феодализмъ, высшее духовенство испытало судьбу дворянства: оно превратилось въ привилегированное сословіе, сохранившее крупное землевладѣніе, сеньерьяльныя права и крѣпостныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, процессъ феодализаціи отразился и на судьбѣ городовъ, такъ какъ они подпали власти свѣтскихъ или духовныхъ сеньеровъ, т. е. графовъ и епископовъ, которые стремились и надъ горожанами установить широкія права, какими пользовались надъ деревенскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ городъ превращался въ часть феодальной сеньеріи, горожане дѣлались чуть не крѣпостными своихъ сеньеровъ. Правда, въ эпоху крестовыхъ походовъ они освобождаются и часто сами организуются въ самостоятельныя владѣнія съ республиканскимъ устройствомъ, и такимъ образомъ рядомъ съ духовными и свѣтскими сеньеріями, управлявшимися монархически, появляются своего рода сеньеріи республиканскія, внутри себя уничтожающія

всякіе слѣды феодализма, но и они вдвигаются въ общую политическую систему, какъ коллективные бароны, тоже въ своемъ родѣ королевскіе вассалы, нерѣдко пріобрѣтая и сеньерьяльныя права надъ окрестнымъ сельскимъ населеніемъ. Но церковь лишь одною своею стороною могла подчиняться феодальнымъ порядкамъ, а города, по существу дѣла, были живымъ противъ нихъ протестомъ, принявши дѣятельное участіе въ разрушеніи феодализма.

Феодализировалась и королевская власть, т. е. та самая политическая сила, которой впослѣдствіи пришлось играть первенствующую роль въ дѣлѣ разрушенія политическаго феодализма. Верховная власть ушла изъ королевскихъ рукъ и раздробилась между множествомъ феодальныхъ сеньеровъ, наиболѣе значительные между которыми были королевскіе же чиновники, сдѣлавшіеся наслѣдственными. Въ этомъ процессѣ національная королевская власть могла и совершенно исчезнуть, какъ это и случилось въ Италіи: сохраниться она могла, лишь опираясь на феодальное владѣніе, ибо внѣ землевладѣнія не было верховнаго права, и для короля такимъ образомъ оставалась роль феодальнаго сеньера, государя-помѣщика по отношенію къ собственнымъ доменамъ и главы феодальной іерархіи по отношенію къ другимъ государямъ-помѣщикамъ, среди коихъ онъ былъ только, какъ первые Капетинги во Франціи, первый между равными (primus inter pares). Мы еще увидимъ, что и въ новое время, сокрушивъ феодализмъ и даже сдѣлавшись абсолютными монархами, короли сохранили еще нѣкоторыя черты своего происхожденія въ феодальномъ мірѣ.

Необходимо освоиться съ этими основными чертами феодализма для того, чтобы понимать внутреннюю исторію западной Европы въ эпоху его постепеннаго разложенія. Необходимо, съ другой стороны, всегда помнить, какой смыслъ скрывается подъ цѣлою массою выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ широко захватывалась и глубоко проникалась феодализмомъ общественная жизнь Запада. Феода-

лизмъ и феодализація, феодальное государство и общество, феодальный сеньеръ или монархъ, феодальная сеньерія или монархія, феодальное дворянство, феодальная присяга (вассала сюзерену), феодальная служба, феодальное войско, феодальный замокъ, феодальное право, феодальныя кутюмы (сборники права), феодальное судоустройство и судопроизводство, феодальная зависимость, феодальное землевладѣніе, феодальныя повинности, феодальное хозяйство и т. д.,—вотъ цѣлый рядъ выраженій, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу въ исторіи политическаго и соціальнаго быта Запада, и къ нимъ нужно прибавить еще феодальныя понятія, феодальныя традиціи, феодальныя стремленія, съ которыми историку приходится имѣть дѣло и въ довольно позднія времена. Дѣло въ томъ, что феодализмъ былъ не только устройствомъ, но и традиціей, въ коей воспитывались цѣлыя поколѣнія, принадлежавшія къ феодальному сословію. Разрушаемый сверху дѣйствіемъ государственной власти, подкапываемый снизу работою народной массы, феодализмъ уступалъ занятыя позиціи только съ боя и, теряя подъ собою почву, старался возвратить утраченное при первой къ тому возможности. Отсюда цѣлый рядъ феодальныхъ реакцій съ характеромъ антигосударственнымъ или антинароднымъ, смотря по тому, гдѣ представлялась большая возможность отстаивать старину—въ области ли политической, или въ области соціальной. Съ такими феодальными реакціями мы встрѣчаемся и въ новой исторіи, и соотвѣтственно съ тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ находятся между собою политическая и соціальная стороны феодализма, крѣпче и упорнѣе всего держались именно соціальныя притязанія общественнаго класса, экономическая сила котораго заключается въ крупномъ землевладѣніи. Съ теченіемъ времени эти притязанія измѣнялись: традиція подвергалась вліянію новыхъ обстоятельствъ, и когда, напр., уже трудно было мечтать объ индивидуальномъ расхищеніи верховной власти, подобномъ тому, какое было въ эпоху феодализаціи, являлась

мысль о пріобрѣтеніи политическаго вліянія всѣмъ сословіемъ, или когда уже нечего и думать было о возстановленіи всѣхъ утраченныхъ правъ надъ населеніемъ, оставалось хлопотать о пріумноженіи соціальныхъ привилегій, которыя отличали бы дворянское сословіе отъ нижестоящихъ общественныхъ классовъ.

Въ новой исторіи за немногими исключеніями мы имѣемъ дѣло съ феодальнымъ дворянствомъ, какъ съ сословіемъ уже утратившимъ суверенныя права, но сохраняющимъ старое соціальное положеніе и даже пріобрѣтающимъ новыя привилегіи. Политическая его роль въ эпоху, предшествующую развитію королевскаго абсолютизма, когда оно превращается въ дворянство придворное или служилое, заключается въ томъ, что вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ оно занимаетъ первенствующее мѣсто въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ, съ коими королевская власть принуждена идти рука объ руку въ переходную эпоху отъ монархіи феодальной къ монархіи абсолютной. Эти сословно-представительныя учрежденія сами возникаютъ на почвѣ феодальнаго быта съ прибавкою новаго, городского элемента, внесшаго въ политическую и соціальную жизнь западной Европы новыя начала. Взаимоотношеніе этихъ двухъ элементовъ — феодальнаго и муниципальнаго — составляетъ также одну изъ видныхъ сторонъ исторіи европейскихъ народовъ.

V. Муниципальный бытъ *).

Соціальное и политическое освобожденіе городовъ.—Его значеніе въ исторіи. — Роль городовъ въ образованіи сословно-представительныхъ

---

*) *А. Смирновъ.* Коммуна средневѣковой Франціи. *A. Thierry.* Essai sur la formation et les progrès du tiers état. *Luchaire.* Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs. *Désmolins.* Mouvement communal et municipal au moyen âge. *Мауреръ.* Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти (*Maurer.* Einleitung zu Geschichte der Mark—, Hof—, Dorf—und Stadtverfassung) *и его же* Geschichte der Städteverfassung im Mittelalter. *Hüllmann* Städtewesen des Mittelalters. *R. Sohm.* Die Entstehung des deutschen

учрежденій.—Различное положеніе городовъ въ отдѣльныхъ странахъ.—Образованіе городского сословія.—Борьба аристократіи и демократіи въ городахъ.—Дальнѣйшая судьба городовъ.

Процессомъ феодализаціи общества и государства былъ захваченъ и городской бытъ: надъ городами установилась политическая власть свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ, графовъ и епископовъ, и вмѣстѣ съ этимъ произошло уменьшеніе гражданской свободы городского населенія. Въ эпоху крестовыхъ походовъ въ главнѣйшихъ континентальныхъ государствахъ Запада, путемъ возстаній и договоровъ, совершалось освобожденіе городовъ изъ-подъ феодальнаго гнета, и въ этомъ освобожденіи мы замѣчаемъ два разные процесса, которые могли и не совпадать одинъ съ другимъ: съ одной стороны, это было пріобрѣтеніе горожанами правъ свободнаго состоянія, т. е. прекращеніе въ городахъ соціальной стороны феодализма съ несвободою лица и земли, и въ многихъ случаяхъ этимъ и ограничивались главныя измѣненія въ городскомъ быту; съ другой, происходило пріобрѣтеніе городами правъ верховенства надъ своими жителями и территоріями, иначе говоря, это было появленіе рядомъ съ феодальными владѣніями, управлявшимися монархически, своего рода муниципальныхъ сеньерій, находившихся подъ властью коллективныхъ бароновъ, появленіе городскихъ республикъ или коммунъ, какъ онѣ назывались на сѣверѣ Франціи. Въ обоихъ случаяхъ принципамъ феодализма наносился ущербъ, и впервые основы новаго соціальнаго и политическаго быта развивались въ городахъ. Землевладѣніе, на которое опиралась феодальная система, не играло въ городахъ той роли, какая ему при-

Städtewesens. *Hegel.* Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter. *Hegel.* Geschichte der Städteverfassung in Italien. *Stephen* and *Merewether.* History of the corporate boroughts. Ср. книгу проф. *И. И. Дитятина* Устройство и управленіе городовъ Россіи, гдѣ есть небольшой очеркъ исторіи происхожденія городского самоуправленія въ западной Европѣ.

надлежала въ деревенской жизни: матеріальную подкладку городского быта составляютъ промышленность и торговля, и значеніе недвижимаго имущества вытѣсняется значеніемъ имущества движимаго, капитала. Такимъ образомъ въ городахъ возникаетъ общественный классъ, которому впослѣдствіи суждено было вступить въ конкуренцію съ представителями землевладѣнія, опираясь на другую экономическую силу, и аграрная система, лежавшая въ основѣ всей общественной жизни въ феодальную эпоху, должна была уступить извѣстную долю мѣста въ экономическомъ быту промышленности и торговлѣ. Это, однако, не все еще: города много ранѣе и гораздо полнѣе, нежели деревни, достигли освобожденія лица и земли отъ феодальной зависимости, ибо въ нихъ исчезаетъ крѣпостничество и двойное право на поземельную собственность, дѣлавшее изъ ея фактическихъ обладателей только зависимыхъ и обязанныхъ оброкомъ держателей. Другими словами, въ городскомъ быту восторжествовали принципы личной и имущественной свободы, коими и опредѣлилось содержаніе права, вырабатывавшагося въ городахъ. Въ этомъ смыслѣ они, какъ говоритъ Мауреръ *), „сдѣлались центрами новой свободы и новаго права, ибо, прибавляетъ онъ, городовая свобода и городовое право были существенно отличны отъ старой народной свободы и стараго народнаго права: въ этой новой свободѣ и этомъ новомъ правѣ лежалъ зародышъ совершенно новаго времени, и чрезъ дальнѣйшее его развитіе города сдѣлались предтечами новаго времени, полное проявленіе коего наступило лишь въ XIX вѣкѣ".

Не менѣе важна была и политическая сторона процесса и опять-таки въ двоякомъ отношеніи. Вопервыхъ, многіе континентальные города добились политической автономіи, образовавъ изъ себя суверенныя коммуны, т. е. общины, перенесшія на себя ту верховную власть, которая надъ ними

*) *Maurer*. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. I, 657.

принадлежала епископу или графу. Таковы были итальянскія средневѣковыя республики, таковы были южно-французскія муниципіи, управлявшіяся выборными консулами, таковы были сѣверно-французскія присяжныя коммуны (communes jurées), имѣвшія своихъ мэровъ, таковы были въ Германіи имперскіе города (Reichsstädte), какъ бы ни различались всѣ они между собою по своему устройству, по степени своей самостоятельности и по своему положенію среди другихъ политическихъ силъ той или другой страны. Въ этихъ городахъ-государствахъ верховная власть покоилась уже не на землевладѣніи, а на волѣ гражданъ, такъ или иначе проявлявшейся въ народныхъ собраніяхъ, и феодальное смѣшеніе государственныхъ и частно-правовыхъ понятій и отношеній такимъ образомъ вытѣснялось изъ политической жизни. Другими словами, идея государства новаго времени впервые осуществлялась въ городахъ, и въ нихъ же получила начало монархическая власть безъ феодальной окраски. О послѣднемъ рѣчь еще впереди, а пока лишь вкратцѣ укажемъ на то, въ чемъ дѣло. Итальянскія городскія республики къ концу среднихъ вѣковъ стали подпадать подъ власть князей (principi), не имѣвшую ничего общаго съ властью феодальнаго сеньера, государя-помѣщика, или съ властью феодальнаго короля, сюзерена, стоявшаго во главѣ вассальной іерархіи, ибо власть эта не имѣла въ своей основѣ ни феодальнаго землевладѣнія, ни вассальныхъ отношеній. Итакъ, въ городской жизни второй половины среднихъ вѣковъ возникаютъ новыя основы государственнаго права, и послѣднее вслѣдствіе этого освобождается отъ примѣси частно-правовыхъ отношеній и понятій, вносившихся въ эту область феодальнымъ соединеніемъ землевладѣнія и верховной власти. Въ этомъ и заключается одна сторона политической роли средневѣковаго города. Другая сторона—участіе городовъ въ національной политической жизни въ формѣ появленія ихъ представителей въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.

Я не буду останавливаться здѣсь на тѣхъ союзахъ, которые заключались между городами одной и той же страны для защиты своей независимости, какъ это было въ Италіи еще въ XII вѣкѣ или въ Германіи съ эпохи великаго междуцарствія: союзы эти имѣли мало внутренней прочности, нерѣдко выдвигали на первый планъ лишь торговыя цѣли (Ганза) и за немногими лишь исключеніями неразвивались впослѣдствіи въ постоянныя политическія федераціи, какъ это было въ Швейцаріи и Нидерландахъ, причислявшихся къ Германіи. Довольствуюсь лишь общимъ указаніемъ на этотъ фактъ, чтобы остановиться на другомъ. Города, освобождавшіеся отъ феодальной зависимости и добивавшіеся самоуправленія, дѣлались политическою силою, съ которою приходилось считаться и феодальному міру, и королевской власти. Послѣдняя, какъ было сказано, является во всѣхъ государствахъ при переходѣ въ новое время окруженною сословно-представительными учрежденіями, которыя, какъ мы это увидимъ, возникаютъ первоначально на почвѣ феодальныхъ отношеній, обязывавшихъ королей въ извѣстныхъ случаяхъ совѣщаться съ вассалами и испрашивать ихъ согласія на тѣ или другія мѣропріятія: весьма естественно, что пріобрѣтеніе горожанами политическаго самоуправленія, ставившаго коммуны на одну доску съ феодальными сеньеріями, должно было повлечь за собою появленіе и городскихъ властей на подобныхъ политическихъ собраніяхъ, что мы и наблюдаемъ дѣйствительно въ германскихъ имперскихъ сеймахъ (рейхстагахъ), въ англійскомъ парламентѣ, во французскихъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ (генеральныхъ штатахъ) и т. п., гдѣ горожане являются, какъ особый государственный чинъ (Reichsstand въ Германіи), какъ третье сословіе (tertius status, tiers état) рядомъ съ духовными и свѣтскими сеньерами. Такимъ образомъ города занимаютъ совершенно самостоятельное мѣсто въ системѣ сословной монархіи, и собственно говоря, лишь съ присоединенія городскихъ представителей къ духовнымъ

и свѣтскимъ сеньерамъ въ средневѣковыхъ политическихъ собраніяхъ послѣднія организуются въ сословно-представительныя учрежденія, игравшія свою роль въ разрушеніи политическаго феодализма.

Со времени освобожденія городовъ и появленія ихъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ политическое могущество распредѣлялось между четырьмя отдѣльными силами: во главѣ стоялъ король съ большимъ или меньшимъ феодальнымъ характеромъ власти; далѣе шли духовные феодалы, занимавшіе особое положеніе въ обществѣ и государствѣ, благодаря своей принадлежности къ церковной организаціи; за ними мы видимъ свѣтскихъ сеньеровъ, имѣвшихъ источникъ своей силы исключительно въ феодальномъ быту; наконецъ, какъ третье сословіе, выступаютъ города, добившіеся автономнаго положенія. Комбинація этихъ четырехъ элементовъ въ разныхъ государствахъ была различная, и положеніе городовъ въ отдѣльныхъ странахъ было потому далеко не одинаковое. Тамъ, гдѣ сильнѣе было феодальное раздробленіе, т. е. гдѣ болѣе была ослаблена центральная власть, городамъ легче было совершенно выдѣлиться изъ государственнаго единства и достигнуть полной независимости, какъ это случилось въ сѣверной Италіи, которая вся раздѣлилась на самостоятельныя республики, и наоборотъ, тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, лучше сохранилось государственное единство подъ королевскимъ верховенствомъ, города не могли выдѣлиться изъ этого единства въ самостоятельныя коммуны. Германія и Франція въ этомъ отношеніи стоятъ посрединѣ, и чѣмъ болѣе успѣховъ во второй изъ этихъ странъ дѣлалъ процессъ политическаго объединенія подъ королевскимъ главенствомъ, тѣмъ все болѣе и болѣе утрачивали коммуны свою автономность, тогда какъ въ Германіи противоположный процессъ распаденія на княжества сопровождался и политическимъ выдѣленіемъ городскихъ территорій: французскіе и нѣмецкіе города, не достигавшіе такой полной неза-

висимости, какою пользовались итальянскія республики, и въ то же время имѣвшіе столь значительную автономію, какой не знали города Англіи, были своего рода муниципальными оазисами среди массы феодальныхъ владѣній и вмѣстѣ съ ними входили въ составъ нѣкоторыхъ высшихъ національно-политическихъ единицъ. Въ указанномъ отношеніи городскія общины могли бы быть поставлены въ такой рядъ: итальянскія республики, нѣмецкіе имперскіе города, французскія коммуны и города англійскіе.

Различны были и взаимныя отношенія между феодальными (духовными и свѣтскими) элементами, съ одной стороны, и городами, съ другой, въ отдѣльныхъ странахъ. Въ Италіи, можно сказать, феодальные элементы были поглощены городомъ, ибо владѣльцы должны были вступить въ число гражданъ, среди которыхъ они заняли, правда, привилегированное положеніе, вошедши въ составъ городской аристократіи. Вслѣдствіе этого въ Италіи городской бытъ разрушилъ политическій феодализмъ, оставивъ, однако, неприкосновенными соціальныя отношенія феодальнаго характера въ деревняхъ. Въ Италіи какъ бы сохранился еще римскій принципъ, въ силу котораго городъ не отдѣлялся отъ своего уѣзда, если позволительно такъ выразиться, и подъ словомъ civitas разумѣлось не только городское поселеніе, но и вся его округа, такъ что вся территорія раздѣлялась на civitates, въ коихъ не дѣлалось никакого различія между городомъ и его уѣздомъ. Эти civitates феодализировались и раздроблялись, но побѣда городского населенія надъ феодальными сеньерами сопровождалась включеніемъ ихъ самихъ въ гражданскія общины, а ихъ земель въ городскія территоріи. Невыдѣленность города, но уже въ обратномъ смыслѣ, представляется намъ и въ Англіи, гдѣ во второй половинѣ XI вѣка установился своеобразный феодализмъ, одною изъ особенностей коего и было то, что здѣсь равнымъ образомъ не возникло рѣзкой противоположности между

городомъ и уѣздомъ, но такимъ образомъ, что не городъ поглощалъ собою уѣздъ, а наоборотъ, послѣднимъ поглощался первый. Положеніе англійскаго города въ государствѣ опредѣлялось не только тѣмъ, что въ Англіи политическаго раздробленія въ феодальномъ смыслѣ не было, но и тѣмъ, что административное и феодальное дѣленіе территоріи не создавали условій для того, чтобы города могли обособиться отъ остальной страны. Англійскій феодализмъ значительно отличался отъ континентальнаго, ибо онъ не раздроблялъ страны на самостоятельныя владѣнія, не превращалъ помѣщиковъ въ государей, не разрывалъ непосредственной связи свободнаго населенія съ королевскою властью, хотя и имѣлъ всѣ главные признаки, характеризующіе соціальную сторону феодализма: феодальный владѣлецъ не ослаблялъ связь города съ государствомъ, становясь на мѣсто послѣдняго; городу нечего было освобождаться изъ-подъ власти сеньера; для него не было основаній выдѣляться въ особую коммуну, а съ другой стороны, сохраненіе стараго самоуправленія графствъ было отрицательною причиною того, что въ Англіи не выработалось различія между самоуправляющимся городомъ и земствомъ, управляющимся феодальными сеньерами. Другое дѣло— Франція и Германія, гдѣ возникло рѣзкое различіе между городомъ и феодомъ, гдѣ города выдѣлились изъ состава феодальныхъ владѣній для того, чтобы вести совершенно отличную отъ нихъ жизнь, не поглощая собою внѣгородскихъ территорій, какъ это было въ Италіи, и не сливаясь съ ними, подобно англійскимъ городамъ. И здѣсь, и тамъ,—въ одной странѣ раньше, въ другой позже,—происходило политическое раздробленіе съ переходомъ власти къ землевладѣльцамъ, раздробленіе, на почвѣ котораго только и мыслимо было позднѣйшее обособленіе городовъ, какого не могло быть въ Англіи при лучшемъ сохраненіи государственнаго единства,

но французскіе и нѣмецкіе города и думать не могли о томъ, чтобы поглотить собою внѣгородскія территоріи и на нихъ распространить верховную власть, которая здѣсь остается за феодалами.

Говоря о городахъ, достигшихъ политической самостоятельности во Франціи и Германіи, мы не должны упускать изъ виду, что далеко не всѣ города въ обѣихъ странахъ превратились въ такія автономныя общины. Во Франціи областями ихъ распространенія были югъ, гдѣ съ XI вѣка развились муниципіи съ консулами во главѣ, и сѣверъ, гдѣ возникли присяжныя коммуны, да востокъ, сливающійся уже съ германскимъ міромъ, въ западной части котораго главнымъ образомъ и сосредоточивались имперскіе города. Въ центрѣ Франціи, а также и на западѣ города ограничились пріобрѣтеніемъ однѣхъ гражданскихъ правъ: это такъ называемыя bonnes villes du roi, не выдѣлявшіеся изъ политическаго состава королевскихъ доменовъ. Равнымъ образомъ и въ Германіи, чѣмъ далѣе мы будемъ отходить на востокъ отъ Рейна, тѣмъ менѣе будутъ встрѣчаться на нашемъ пути имперскіе города, сбросившіе съ себя земское верховенство (Landeshoheit) князей, и наоборотъ крайній востокъ Германіи, гдѣ возникли въ концѣ среднихъ вѣковъ габсбургскія и гогенцоллернскія владѣнія (позднѣйшія Австрія и Пруссія), представляетъ изъ себя страны, гдѣ существовали только земскіе города (Landstädte), находившіеся въ зависимости отъ княжеской власти. Впрочемъ, и они участвуютъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ земель, на которыя распалась Германія, въ тѣхъ земскихъ сеймахъ (ландтагахъ), о коихъ намъ придется еще говорить, подобно тому, какъ во французскіе генеральные штаты были привлечены и bonnes villes du roi, а въ англійскій парламентъ—города, бывшіе въ своемъ родѣ bonnes villes du roi и Landstädte по своему положенію въ государствѣ.

Былъ ли городъ автономной коммуной или входилъ въ составъ болѣе крупнаго политическаго тѣла, становился ли

онъ подъ непосредственную власть короля или оставался подъ властью феодала, его населеніе въ сословномъ смыслѣ,—за исключеніемъ Англіи,—строго отличалось отъ негородского населенія. Феодальное общество знало два класса людей—феодальныхъ сеньеровъ и зависимое отъ нихъ крестьянство, связанныхъ между собою вассалитетомъ, феодальнымъ землевладѣніемъ, а въ городахъ возникаетъ связь гражданства и подданства, первая тамъ, гдѣ городъ былъ и государствомъ, вторая—когда городъ не достигалъ коммунальной автономіи. Въ послѣднемъ смыслѣ любопытно появленіе во Франціи такъ называемыхъ „королевскихъ горожанъ“ (bourgeois du roi), т. е. лицъ, которые не подлежали сеньерьяльному суду и вмѣстѣ съ тѣмъ были гражданами не той или другой коммуны, а всего королевства. Съ другой стороны, составъ гражданства средневѣковыхъ муниципій не былъ однороднымъ. Мы уже видѣли, что итальянскія коммуны приняли въ свой составъ феодальные элементы, составлявшіе съ наиболѣе зажиточными горожанами аристократическій классъ городского населенія. То же наблюдается и въ южнофранцузскихъ городахъ, которые по условіямъ своего быта подходятъ близко къ городамъ итальянскимъ. Тѣмъ не менѣе и въ присяжныхъ коммунахъ сѣвера Франціи, не допускавшихъ въ свой составъ феодальныхъ элементовъ, возникло различіе между la haute bourgeoisie и le menu peuple. Городской патриціатъ и плебсъ существовали равнымъ образомъ и въ нѣмецкихъ Reichsstädte. Во всякомъ случаѣ это не были настоящія демократіи, такъ какъ общій принципъ сословнаго строя средневѣкового общества отразился и на городскомъ быту, такъ что не только устанавливалось въ городахъ общественное неравенство, въ силу чего на небольшую кучку полноправныхъ гражданъ приходилась цѣлая масса подданныхъ гражданъ, но нерѣдко бюргеры не противились соблазну имѣть собственныхъ крѣпостныхъ, хотя общимъ правиломъ было пріобрѣтеніе личной свободы крѣпостнымъ, переселявшимся въ городъ. На почвѣ гражданскаго неравен-

ства происходила весьма ожесточенная борьба аристократіи и демократіи, бывшая въ итальянскихъ республикахъ повтореніемъ аналогичнаго явленія въ античныхъ гражданскихъ общинахъ, борьба, во время которой возникала своего рода городская тираннія (принципатъ), губившая республиканскую свободу. Подобно тому, какъ это было и въ античномъ мірѣ, борьба эта принимала не только политическій характеръ борьбы за власть, но и обусловливалась областью экономическихъ интересовъ, причемъ пускалась въ ходъ, какъ это было между прочимъ и въ Германіи, та промышленная организація, которая извѣстна подъ названіемъ цеховъ. Внутреннія несогласія въ французскихъ коммунахъ и притѣсненія, коимъ горожане подвергали крестьянъ, нерѣдко служили для королей поводами для уничтоженія коммунальныхъ хартій, т. е. для превращенія коммунъ въ обыкновенные королевскіе города.

Дальнѣйшая судьба политически автономныхъ городовъ была различная. Въ Италіи республиканская свобода уступаетъ мѣсто развитію княжеской власти (принципата), во Франціи объединительная политика королей не дѣлаетъ никакого различія между феодальными владѣніями и коммунами, въ Германіи на городскую независимость посягаетъ княжеская власть, развивающая свое земское верховенство. Въ общемъ, муниципальный бытъ, повторявшій въ иной только формѣ феодальную раздробленность, склоняется къ упадку въ концѣ среднихъ вѣковъ передъ объединительными стремленіями новаго государства. Тамъ, гдѣ централизація дѣлала успѣхи, отъ него, какъ и отъ быта феодальнаго сохраняется нѣкоторый остатокъ мѣстнаго самоуправленія, корпоративныхъ привилегій и муниципальныхъ традицій, со стороны которыхъ возможна была при подходящихъ условіяхъ такая же реакція, къ какой еще бóльшую способность мы замѣчаемъ со стороны феодализма. Остается еще особое городское сословіе, отличное и отъ феодальныхъ сеньеровъ, и отъ крестьянства, свободное отъ феодальныхъ правъ и участвующее въ

сословно-представительныхъ учрежденіяхъ и въ обоихъ отношеніяхъ сливающееся съ гражданствомъ (bourgeoisie, Bürgerthum), которое выработалось въ такихъ городахъ, каковы вообще всѣ англійскіе, французскія bonnes villes du roi и нѣмецкія Landstädte.

Переходимъ теперь къ сословно-представительнымъ учрежденіямъ, которыя, имѣя въ своей основѣ феодальную систему, получили полное развитіе только съ того времени, какъ въ нихъ стали принимать участіе и горожане.

VI. Сословно-представительныя учрежденія *).

Сословная монархія и сословно-представительныя учрежденія.—Ихъ составъ.—Ихъ происхожденіе.—Договорный характеръ постановленій этихъ собраній.—Главныя ихъ права.—Междусословныя отношенія въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ.—Генеральные штаты во Франціи съ точки зрѣнія взаимнаго отношенія между сословіями.—Генеральные штаты и королевская власть въ средніе вѣка.—Значеніе штатовъ.

Между эпохами, когда королевская власть покоилась главнымъ образомъ на феодальной основѣ, будучи какъ-бы вершиною феодальной лѣстницы сеньеровъ и вассаловъ, и эпохой, когда утвердилась на Западѣ абсолютная монархія, воплощавшая въ себѣ верховенство государства, мы имѣемъ право помѣстить эпоху сословной монархіи, осуществлявшей государственное единство при распредѣленіи власти между королемъ и государственными чинами, т. е. самостоятельными сословіями, эпоху сословно-представительныхъ собраній, при посредствѣ коихъ общественные

*) *Guizot*. Histoire des origines du gouvernement représentatif. *Picot*. Histoire des état généraux. *Unger*. Geschichte der deutschen Landstände. Ср. книгу проф. *В. Н. Латкина* «Земскіе соборы древней Руси сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями», гдѣ есть (мало обработанные, впрочемъ) отдѣлы, посвященные послѣднимъ.

элементы принимали участіе въ политической жизни и пріучались къ совмѣстной работѣ, объединявшей эту жизнь. Эта эпоха обнимаетъ собою главнымъ образомъ XIV и XV вѣка, захватывая, впрочемъ, и болѣе раннее, и болѣе позднее время: въ самомъ дѣлѣ, начало аррагонскихъ и кастильскихъ кортесовъ относится къ XII в., но наибольшаго могущества они достигаютъ лишь въ XIV; въ серединѣ XIII только вѣка возникаетъ англійскій парламентъ, получающій окончательную организацію лишь въ началѣ XIV столѣтія и только къ серединѣ XV пріобрѣтающій всѣ тѣ права, съ какими онъ переходитъ въ новое время; къ началу XIV вѣка относится возникновеніе и французскихъ генеральныхъ штатовъ (états généraux), но уже къ серединѣ слѣдующаго столѣтія обнаруживается, что дальнѣйшая ихъ роль особаго значенія имѣть не будетъ; германскій имперскій сеймъ (Reichstag) болѣе древняго происхожденія, но не съ нимъ нужно сравнивать названныя собранія, а съ нѣмецкими земскими сеймами или ландтагами, образовавшимися въ отдѣльныхъ княжествахъ, преимущественно въ XIV вѣкѣ и достигшими наибольшей силы къ серединѣ слѣдующаго столѣтія. XVI и XVII вѣка представляютъ собою уже эпоху паденія этихъ учрежденій, и самъ англійскій парламентъ, непрерывно существующій и понынѣ уже болѣе шести сотъ лѣтъ, переживаетъ въ это время весьма опасный кризисъ.

Одна была эпоха возникновенія и развитія сословно-представительныхъ учрежденій, одинъ и тотъ же въ сущности былъ и ихъ составъ: элементы были одинаковые, только въ разныхъ комбинаціяхъ. На первомъ планѣ нужно поставить элементы феодальные и церковные, бывшіе въ сущности и феодальными, на второмъ планѣ элементъ городской. Епископы и аббаты могли являться въ нихъ, какъ представители церкви (епископы въ англійскомъ парламентѣ), но главнымъ образомъ, какъ духовные вассалы, что устраняло изъ этихъ собраній низшее духо-

венство. Въ качествѣ королевскихъ вассаловъ и феодальныхъ сеньеровъ появилось на нихъ дворянство — или одно высшее, какъ это было въ Кастиліи и первоначально во Франціи, или и высшее, и низшее, раздѣляясь часто на двѣ палаты (brazo de nobles и brazo de caballeros въ Аррагоніи, barones majores и barones minores съ рыцарями въ Англіи, Herrenstand и Ritterstand въ Германіи). Рядомъ съ ними города, имѣвшіе самоуправленіе, представлены были первоначально не выбранными ad hoc депутатами, а муниципальными властями (консулами, эшевенами, мэрами, бургомистрами, ратманами) или уполномоченными отъ нихъ лицами. Такимъ образомъ собирались государственные чины, т. е. главнымъ образомъ мѣстныя феодальныя и муниципальныя власти, обладавшія хотя бы частицею суверенитета, соединеннаго съ феодальнымъ землевладѣніемъ или съ коммунальною свободою,—чего строго утверждать, впрочемъ, нельзя (особенно по отношенію къ Англіи),—и верховная власть, раздроблявшаяся въ феодальномъ и муниципальномъ быту между сеньерами и коммунами, здѣсь какъ бы снова соединялась во-едино. Уже отъ мѣстныхъ условій зависѣли различія въ комбинаціи этихъ феодальныхъ и муниципальныхъ элементовъ. Во Франціи, напримѣръ, духовенство, дворянство и буржуазія составляли три отдѣльныхъ штата, тогда какъ въ Англіи въ парламентѣ образовалось двѣ палаты, изъ коихъ одна (верхняя) составилась изъ высшаго духовенства и крупныхъ бароновъ, а другая (нижняя)—изъ представителей мелкихъ бароновъ (barones minores—вассалы короля), рыцарей (подвассаловъ) и горожанъ.

Еще важнѣе различіе въ участіи членовъ этихъ собраній по личному праву и по представительству: первая форма болѣе древняя, была происхожденія феодальнаго, вторая, позднѣйшая, получила особое развитіе со времени присоединенія къ собранію феодаловъ и городского сословія. Дѣло въ томъ, что феодализація захватила въ свой процессъ и тѣ политическія собранія, которыя существовали въ государствахъ, основанныхъ германскими племенами въ римскихъ

провинціяхъ, какъ продолженіе старыхъ народныхъ вѣчъ, съ тѣмъ лишь различіемъ отъ послѣднихъ, что, благодаря расширенію территорій, на которыхъ разселялись германцы, и благодаря уменьшенію количества свободныхъ людей, эти собранія получили аристократическій характеръ, т. е. на нихъ съѣзжались только одни духовные и свѣтскіе вельможи государства. Превращеніе этихъ вельможъ въ феодальныхъ владѣльцевъ повлекло за собою превращеніе и ихъ съѣздовъ въ феодальныя собранія королевскихъ вассаловъ, съ коими сюзеренъ долженъ былъ въ извѣстныхъ случаяхъ совѣщаться, согласія которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ испрашивать. На такихъ собраніяхъ каждый появлялся по личному своему праву въ качествѣ королевскаго вассала, сеньера, государственнаго чина, какъ лицо, связанное съ сюзереномъ феодальнымъ договоромъ, какъ носитель извѣстной доли верховенства въ странѣ. Тамъ, гдѣ политическое раздробленіе сдѣлало большіе успѣхи, феодальный сеймъ получалъ характеръ международнаго конгресса, характеръ собранія суверенныхъ владѣтелей, съѣхавшихся для какихъ-либо соглашеній общаго характера, причемъ каждый договаривался отъ своего имени: такова въ основѣ своей королевская курія во Франціи, или курія перовъ, таковъ и германскій имперскій сеймъ, въ ту эпоху, когда каждый имперскій чинъ (Reichsstand), появлявшійся на этомъ сеймѣ, пользовался полнымъ земскимъ верховенствомъ. Когда рядомъ съ феодальнымъ суверенитетомъ сталъ суверенитетъ муниципальный, и городскія власти стали принимать участіе въ этихъ конгрессахъ всѣхъ самостоятельныхъ политическихъ элементовъ страны. Генеральные штаты во Франціи и выработались изъ собранія съ такимъ конгрессивнымъ характеромъ, когда къ высшему духовенству и дворянству присоединились городскіе эшевены, мэры и консулы, что случилось въ первый разъ, какъ извѣстно, въ 1302 году при Филиппѣ IV Красивомъ. По мѣрѣ того, какъ короли разрушали феодальный и муниципальный

сепаратизмъ, духовныя лица, дворяне и горожане, засѣдавшіе въ собраніяхъ штатовъ, все болѣе и болѣе переставали быть суверенными сеньерами и начальниками суверенныхъ коммунъ, чтобы превратиться въ депутатовъ отъ отдѣльно существовавшихъ сословій духовенства, дворянства и горожанъ и притомъ въ депутатовъ, избранныхъ сословіями: это и есть сословно-представительное учрежденіе въ собственномъ смыслѣ, какимъ не могъ сдѣлаться нѣмецкій рейхстагъ, пошедшій, наоборотъ, по пути развитія въ конгрессивномъ направленіи, по мѣрѣ того, какъ на сеймѣ стали появляться лишь непосредственные (reichsunmittelbare) чины имперіи, съ теченіемъ времени высвободившіеся изъ-подъ власти императора и захватившіе земское верховенство. Конгрессивность собранія соотвѣтствуетъ феодальному и муниципальному раздробленію, какое мы наблюдаемъ во Франціи передъ окончательнымъ сформированіемъ генеральныхъ штатовъ, а въ Германіи съ эпохи великаго междуцарствія; сословной монархіи, какъ объединенному цѣлому, именно и соотвѣтствуетъ политическое собраніе безъ конгрессивнаго характера, на которомъ появляются не самостоятельные политическіе элементы, а представители сословныхъ интересовъ въ цѣломъ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ въ сравненіе съ французскими генеральными штатами могутъ идти въ Германіи только земскіе сеймы (ландтаги), на коихъ были представлены земскіе чины (Landstände) отдѣльныхъ княжествъ. Англійскій парламентъ, о которомъ будетъ идти рѣчь особо, является съ характеромъ именно учрежденія, выросшаго изъ феодальныхъ и городскихъ элементовъ на почвѣ единаго государства, чѣмъ и обусловливается совершенное отсутствіе конгрессивнаго начала въ его исторіи.

Конгрессивность собраній—тамъ, гдѣ она имѣла мѣсто,—придавала принимавшимся ими рѣшеніямъ значеніе договоровъ между заинтересованными сторонами, между королями и сословіями: всякая общая мѣра могла быть результатомъ только соглашенія между участниками собранія. Но и вообще

сословно-представительныя собранія, какъ выросшія на феодальной почвѣ, были основаны на договорномъ началѣ, поскольку сама феодальная связь была не чѣмъ инымъ, какъ договоромъ, въ силу котораго сюзеренъ и вассалъ принимали на себя извѣстныя обязательства одинъ по отношенію къ другому и поскольку одинъ имѣлъ право считать себя свободнымъ отъ своихъ обязанностей, разъ другой нарушалъ свои. Собраніе вассаловъ одного и того же сюзерена становилось также въ договорныя къ нему отношенія, въ томъ смыслѣ, что принятое сообща рѣшеніе было результатомъ обоюднаго соглашенія, въ которомъ участвовали всѣ заинтересованные. Договоръ могъ получать и письменную форму, самый крупный примѣръ чего представляетъ собою англійская „великая хартія“ 1215 г. (magna charta libertatum), бывшая, однако, лишь одною изъ хартій, дававшихся королями баронамъ королевства и въ первое время (при Генрихѣ I) по поводамъ, вытекавшимъ изъ чисто феодальныхъ отношеній. Договорное право, обезпечивавшееся хартіями, предполагало право вооруженнаго сопротивленія при нарушеніи хартіи: въ основѣ и тутъ лежалъ феодальный взглядъ, позволявшій вассалу „дезавуировать“ своего сюзерена, т. е. разрывать съ нимъ основанную на феодальной присягѣ связь, сохраняя за собою свой феодъ. Въ двухъ важнѣйшихъ случаяхъ договорное соглашеніе требовалось, какъ условіе дѣйствительности рѣшеній: съ одной стороны, новые законы могли вводиться (и могли отмѣняться старые) лишь съ общаго совѣта и согласія всѣхъ (omnium consilio et consensu), mit Vollwort und Rath der Stände, mit Wissen und Willen der Landschaft, — право, коего, однако, не могли добиться французскіе генеральные штаты, — съ другой, главной функціей этихъ собраній было вотированіе налоговъ, установленіе и взиманіе коихъ могло совершаться только съ согласія самихъ плательщиковъ. Другими словами, главными правами сословно-представительныхъ учрежденій были участіе въ законодательствѣ

и право установленія налоговъ. Этими правами разныя учрежденія пользовались не въ одинаковой степени, и одно и то же учрежденіе обладало ими въ разное время не въ одной и той же мѣрѣ. Переходъ сословной монархіи въ монархію абсолютную и заключался въ прекращеніи этихъ собраній, причемъ и законодательная власть, и право обложенія сосредоточиваются въ рукахъ короля или князя, какъ это было въ Германіи съ эпохи тридцатилѣтней войны. Паденіе сословно-представительныхъ учрежденій въ XVI и XVII вѣкахъ происходило не безъ борьбы съ ихъ стороны, и только благодаря энергичному сопротивленію, приведшему къ двумъ революціямъ (1640—1649 и 1688—1689 гг.), отстояла Англія свой парламентъ въ тотъ XVII вѣкъ, когда абсолютизмъ утверждается въ государствахъ европейскаго континента.

Въ то время, когда кортесы, штаты и сеймы находились въ періодѣ наибольшаго процвѣтанія, государство имѣло форму союза самостоятельныхъ сословій съ органомъ своимъ въ представительномъ учрежденіи подъ главенствомъ королевской власти. Другими словами, въ основѣ этихъ учрежденій лежалъ сословный строй общества, и взаимныя отношенія сословій въ самой общественной жизни отражались на отношеніяхъ, какія возникали между ихъ представителями въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ: если между сословіями были единеніе и солидарность, учрежденіе, въ коемъ онѣ были представлены, оказывалось способнымъ къ сильному дѣйствію, къ отстаиванію пріобрѣтенныхъ правъ и къ пріобрѣтенію новыхъ; тогда какъ междусословный антагонизмъ и раздоры, перенесенные изъ повседневной жизни въ собраніе сословныхъ представителей, отражались и на этихъ собраніяхъ, подрывая ихъ значеніе въ государственномъ быту и внося въ нихъ элементы разложенія. Примѣръ солидарнаго выступленія отдѣльныхъ классовъ общества представляетъ собою англійскій парламентъ, заслуживающій особаго вниманія и по той роли, какая ему принадлежитъ въ новой исторіи; примѣромъ

сословнаго разъединенія и почти постоянныхъ раздоровъ въ собраніяхъ могутъ служить французскіе генеральные штаты, которые въ новое время лишь разъ, во второй половинѣ XVI в. сдѣлали попытку возвратить утраченное, пріобрѣсти новыя права и, какъ нарочно, именно въ такое время, когда съ значительною силою проявился антагонизмъ, существовавшій издавна между дворянствомъ и горожанами.

Однимъ изъ основныхъ фактовъ исторіи Франціи можно считать рѣзкій антагонизмъ, въ какомъ находились между собою въ этомъ государствѣ феодальное дворянство и городское сословіе: съ эпохи освобожденія коммунъ вплоть до великой революціи 1789 г. и временъ реставраціи (1814—1830), т. е. въ теченіи болѣе, нежели семи вѣковъ, аристократія и буржуазія не могли придти къ какому-либо соглашенію, и однимъ изъ самыхъ избитыхъ положеній исторіи сдѣлалось то, что своею побѣдою надъ феодализмомъ французскіе короли были въ значительной мѣрѣ обязаны союзомъ съ горожанами, помогавшими усиленію королевской власти на счетъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньеровъ. Это относится главнымъ образомъ ко времени, предшествовавшему образованію генеральныхъ штатовъ, когда одновременно съ ростомъ королевской власти при Капетингахъ XII и XIII вѣковъ происходило и городское движеніе, подкапывавшее феодализмъ снизу совершенно такъ же, какъ короли разрушали его сверху. Враждебныя отношенія установились между обоими сословіями и въ генеральныхъ штатахъ, которые въ послѣдній разъ собрались, какъ извѣстно, въ 1614 г. *), чтобы окончить свое существованіе среди не прекратившихся сословныхъ раздоровъ и своею неспособностью къ солидарному дѣйствію санкціонировать абсолютизмъ, утвердившійся во Франціи вопреки усиліямъ штатовъ второй половины XVI вѣка. Причина такого явленія лежала въ рѣзкой про-

*) Генеральные штаты 1789 г. въ счетъ не идутъ.

противоположности, образовавшейся во Франціи между сеньеріей и городомъ, между феодализмомъ и муниципальнымъ бытомъ, между положеніемъ, интересами, стремленіями, традиціями и понятіями дворянства и буржуазіи: эта противоположность и тянется черезъ всю французскую исторію отъ перваго городского возстанія противъ феодальной власти до послѣдней попытки феодальной реакціи въ XIX вѣкѣ, и ею обусловлены были тѣ отношенія, какія необходимо должны были образоваться между представителями обоихъ сословій на генеральныхъ штатахъ во всѣ три вѣка ихъ существованія (1302—1615).

Первое явленіе, бросающееся въ глаза въ исторіи генеральныхъ штатовъ, заключается съ этой точки зрѣнія въ томъ, что дворянство отказывалось видѣть въ „третьемъ сословіи“ (tiers état, какъ стали его называть съ конца XV в.) равноправный съ собою элементъ, хотя уже при первомъ королѣ, сзывавшемъ генеральные штаты, т. е. при Филиппѣ IV Красивомъ (штаты собирались при немъ въ 1302, 1308, 1313 и 1314 гг.) дѣлались уже попытки совокупнаго дѣйствія „благородныхъ и коммунъ“ въ разныхъ частяхъ Франціи для ограниченія произвола короля. Приниженное положеніе городскихъ представителей продолжается вплоть до генеральныхъ штатовъ 1614—1615 г., какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, а союзы были явленіемъ лишь временнымъ и непрочнымъ, разъ внѣ штатовъ феодальная аристократія и буржуазія представляли собою два враждебные другъ другу лагеря. Въ Англіи въ нижней палатѣ произошло сліяніе мелкихъ королевскихъ вассаловъ, рыцарей (подвассаловъ) и горожанъ, сліяніе, подготовившееся самою жизнью, которая способствовала соединенію, а не разъединенію интересовъ этихъ общественныхъ элементовъ, и кромѣ того, особыя условія не ставили верхнюю палату въ рѣзкую противоположность съ нижнею. Притомъ духовенство въ Англіи не составило особаго „штата“, такъ какъ высшее слилось въ верхней палатѣ съ крупными вассалами, а низшее, ли-

шенное сословнаго представительства, не выдѣлилось въ особый классъ, отличный отъ рыцарства. Въ Англіи поэтому сословность не получила такого развитія, какъ на материкѣ вообще и въ частности во Франціи, гдѣ генеральные штаты были представительствомъ сословныхъ интересовъ, постоянно сталкивавшихся между собою. Лишь первый „штатъ", духовенство, состоявшее впослѣдствіи и изъ аристократическихъ, и изъ демократическихъ элементовъ, играло роль умѣрителя и посредника при различіи въ интересахъ свѣтскихъ сословій. Сословная рознь была одной изъ причинъ слабости и другихъ представительныхъ учрежденій, и чѣмъ болѣе каждое отдѣльное сословіе теряло подъ собою почву по мѣрѣ того, какъ разрушался политическій феодализмъ и города лишались своей самостоятельности, тѣмъ все менѣе и менѣе ихъ представительныя собранія могли играть роль въ политической жизни.

Въ эпоху реформаціи и религіозныхъ войнъ во второй половинѣ XVI вѣка генеральные штаты сдѣлали попытку ограниченія королевской власти періодически собирающимися штатами съ правомъ широкаго участія въ законодательствѣ, и это происходило какъ-разъ въ то время, когда во Франціи происходила феодальная и муниципальная реакція противъ королевской власти. Такое явленіе было повтореніемъ того, что уже раньше бывало въ исторіи генеральныхъ штатовъ: событія XVI вѣка будутъ для насъ непонятны, если мы не посмотримъ, что въ этомъ отношеніи представляютъ собою XIV и XV столѣтія.

Первые генеральные штаты были собраны Филиппомъ Красивымъ въ 1302 г. во время спора съ папою Бонифаціемъ VIII: это собраніе, какъ извѣстно, провозгласило полную суверенность королевства и зависимость короля въ свѣтскихъ дѣлахъ лишь отъ одного Бога, и штатамъ 1302 г. такимъ образомъ принадлежитъ важное мѣсто въ исторіи національно-государственнаго самосознанія Франціи. Второе собраніе (1308 г.) имѣло опять таки особую цѣль: король наносилъ ударъ ор-

дену храмовниковъ и опять опирался на духовенство, дворянство и города. Такимъ образомъ штаты возникаютъ во Франціи по королевской инціативѣ, какъ опора государственной власти. Но у дѣла была и другая сторона: тотъ же Филиппъ IV созываетъ штаты въ 1314 году, дабы получить субсидіи, которыя ему были необходимы для войны, а земли свѣтскихъ вассаловъ и духовенства, равно какъ города, имѣвшіе хартіи вольностей, не подлежали налогамъ безъ собственнаго согласія, въ силу чего однимъ изъ самыхъ раннихъ правъ штатовъ сдѣлалось право самообложенія. При Филиппѣ Красивомъ дворянство даже соединяется съ горожанами для отпора чрезмѣрнымъ денежнымъ вымогательствамъ короля и деспотическимъ его замашкамъ. При совершавшейся въ началѣ XIV в. перемѣнѣ династіи были собранія духовенства и дворянства, которыя за отсутствіемъ горожанъ не были настоящими штатами (лишь въ первомъ собраніи было нѣсколько парижскихъ гражданъ): исключили изъ права престолонаслѣдія дочь Людовика X (въ 1317 г.), а по его смерти (въ 1328 г.) отдали корону Филиппу VI Валуа. Въ первую половину того періода, когда царствовала въ Франціи династія Валуа (1328—1589), штаты и играли наибольшую роль въ исторіи страны. Опираясь на право вотированія субсидій, сословные представители дѣлали время отъ времени попытки вмѣшательства въ изданіе новыхъ законовъ. Именно штаты 1355 г. (при Іоаннѣ Добромъ) объявили, что они дадутъ согласіе на налоги, въ коихъ нуждалось правительство, лишь подъ условіемъ такихъ-то и такихъ-то реформъ, между прочимъ обузданія произвола чиновниковъ и гарантіи того, что никто не будетъ лишаемъ права судиться своими естественными судьями. Соглашаясь на налоги, штаты сами назначили особыхъ лицъ для ихъ сбора и храненія. Въ слѣдующемъ (1356) году, послѣ того, какъ король попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ, штаты, руководимые парижскимъ купеческимъ старшиной (prévôt des marchands) Стефаномъ Марселемъ, кото-

раго поддерживали ланскій (Laon) епископъ Робертъ Лекокъ и одинъ изъ членовъ дворянства (Jean de Picquigny), настояли на цѣломъ рядѣ реформъ, выработанныхъ особой коммиссіей и принятыхъ затѣмъ самими штатами. Между прочимъ дофинъ, управлявшій Франціей, долженъ былъ замѣнить своихъ совѣтниковъ особыми уполномоченными трехъ сословій, безъ которыхъ онъ не сталъ бы ничего предпринимать, но онъ отъ этого отказался. Провинціальные штаты, къ коимъ онъ обратился, примкнули къ программѣ Марселя: они же поддержали и требованіе штатовъ 1357 г., выработавшихъ знаменитый „ордонансъ“ (указъ) этого года. Содержаніе его было таково: можно было взимать лишь тѣ налоги, которые были вотированы штатами, оставлявшими за собою и контроль надъ расходами; не позволялось лишать кого бы то ни было права судиться своими естественными судьями (по феодальному праву каждый судится своими перами, равными) и подчинять трибуналамъ, назначаемымъ королемъ; кромѣ того, вводились другія реформы, которыя должны были установить законный порядокъ на мѣсто произвола. Но въ 1358 г. дофинъ, утвердившій своимъ согласіемъ этотъ ордонансъ, объявилъ его отмѣну, опираясь на то, что духовенство и дворянство не оказывали особеннаго рвенія его поддерживать, но это вызвало только извѣстное парижское возстаніе подъ начальствомъ Марселя, къ коему примкнули нѣкоторые другіе города, встрѣтивъ однако несочувствіе собранныхъ Карломъ въ Компьенѣ штатовъ. Дофинъ (впослѣдствіи король Карлъ V) подавилъ возстаніе и если потомъ собиралъ штаты, то только для того, чтобы опираться на нихъ въ продолжавшейся войнѣ съ англичанами, что не мѣшало ему устанавливать налоги безъ согласія сословій. Роль ихъ потомъ падаетъ, созываются они рѣдко или замѣняются нотаблями (именитыми людьми) изъ трехъ сословій по королевскому приглашенію (въ началѣ царствованія Карла VI), и лишь новыя бѣдствія государства въ концѣ XIV и началѣ XV вызываютъ новое политическое движеніе, въ коемъ, какъ и въ 1357—1358 гг.,

главную роль играетъ Парижъ, на этотъ разъ руководимый мясниками и ихъ челядью. Это было въ 1413 г. Въ Парижѣ произошло возстаніе подъ предводительствомъ Кабоша, и по его имени былъ названъ ордонансъ (ordonnance cabochienne), представленный дофину (впослѣдствіи король Карлъ VII) и заключавшій въ себѣ требованіе цѣлаго ряда реформъ административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ, но это движеніе не было поддержано болѣе значительными силами, и ордонансъ такъ и остался простой программой. Франція переживала бѣдственную „столѣтнюю" войну съ Англіей, страна была раздѣлена и разорена, и штаты, собиравшіеся Карломъ VII въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XV вѣка, имѣли для него лишь значеніе опоры въ борьбѣ съ англійскимъ королемъ Генрихомъ VI , провозгласившимъ себя королемъ Франціи и захватившимъ добрую ея половину. Изъ этихъ штатовъ особое значеніе принадлежитъ только однимъ орлеанскимъ 1439 года: они дали одному королю право составлять войско и взимать налоги, т. е. сеньеры лишались феодальнаго права содержать военные отряды и устанавливалась постоянная армія, содержимая на постоянный же налогъ. Черезъ три года неверское (Nevers) дворянство протестовало противъ такого налога, но король объявилъ ему, что для взиманія субсидій нѣтъ болѣе надобности въ созваніи генеральныхъ штатовъ, и что такъ смотрятъ на дѣло многіе сеньеры. Карлъ VII такъ и не созывалъ штатовъ во все остальное время своего царствованія, т. е. въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ (1440 — 1461). Такимъ образомъ въ 1439 г. штаты утрачиваютъ свое право вотировать субсидіи, право, коимъ какъ-разъ главнымъ образомъ и пользовался англійскій парламентъ, расширяя свое политическое значеніе. Духовенство и дворянство были однако изъяты изъ обязанности платить поземельный налогъ, и этого было достаточно, чтобы установилась постоянная королевская талія (taille), падавшая на поземельную собственность третьяго сословія, а оно, не смотря на это, въ свою очередь оказы-

вало поддержку королевской власти, когда послѣдняя стѣсняла старыя права двухъ первыхъ сословій. Сословная рознь и была такимъ образомъ основной причиной того, что штаты не удержали за собой права вотированія субсидій.

Послѣ этого штаты собираются рѣдко и роли не играютъ. Въ 1467 г., при Людовикѣ XI, только одинъ разъ ихъ и созвавшемъ, сословія уполномочили короля принимать новыя мѣры для блага королевства безъ созванія штатовъ, и желая нарушить одинъ трактатъ, онъ въ 1470 г. прибѣгаетъ только къ нотаблямъ.. Затѣмъ были созваны штаты въ Турѣ во время несовершеннолѣтія Карла VIII (1484), замѣчательные тѣмъ, что здѣсь впервые подъ третьимъ сословіемъ разумѣются представители и сельскаго населенія. Эти штаты возвратились было къ традиціи пятидесятыхъ годовъ предыдущаго столѣтія, но все осталось въ области однихъ пожеланій. Карлъ VIII ниразу не собиралъ потомъ штатовъ, Людовикъ XII—одинъ разъ (въ 1506 г.), Францискъ I—ниразу, замѣнивъ ихъ два раза нотаблями да и то мѣстными (1526 и 1527 г.) для протеста противъ уступки Бургундіи испанскому королю, Генрихъ II — одинъ только разъ (въ 1545), причемъ многіе члены собранія были назначены самимъ королемъ, и лишь во второй половинѣ XVI вѣка, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, штаты возвратились къ традиціямъ 1355—57 и 1484 годовъ, хотя опять безуспѣшно.

Къ концу XV в. штаты измѣнили свой характеръ. Это не былъ, вопервыхъ, конгрессъ политическихъ властей, это было собраніе выборныхъ отъ отдѣльныхъ сословій, причемъ избиратели давали своимъ депутатамъ наказы. Вовторыхъ, въ штатахъ 1484 г. къ выборамъ были допущены и деревни, хотя представителями крестьянъ были все-таки горожане. Втретьихъ, намѣчалась уже безсословная подача голосовъ: уже въ штатахъ 1308 г. голоса подавались не по сословіямъ, какъ въ 1302 г., а поголовно, что случалось и впослѣдствіи, штаты же 1484 г. были раздѣлены по „націямъ“ (6 крупныхъ

дѣленій государства), причемъ въ каждой націи всѣ депутаты подавали голоса вмѣстѣ. Впрочемъ, на этотъ счетъ во Франціи не установилось опредѣленнаго правила.

Штаты несомнѣнно служили объединенію федераціи сеньерій и коммунъ въ одно государство. Они были опорой для королей въ ихъ внѣшней политикѣ. По ихъ указаніямъ производились многія правительственныя реформы. Въ трудныя минуты они даже становились во главѣ управленія, но они не только не утвердили за собою законодательныхъ правъ, но даже сами отдали королямъ несомнѣнно принадлежавшее имъ право налоговъ, и причиной того, что имъ не удалось утвердить своего значенія, была между прочимъ застарѣлая сословная рознь.

VII. Великая хартія *).

Эпоха возникновенія парламента.—Особыя условія англійской исторіи.—Сохраненіе въ Англіи германскихъ учрежденій.—Феодализмъ въ Англіи.—Первыя хартіи.—Magna charta libertatum.—Ея утвержденіе въ жизни.—Содержаніе хартіи и сдѣланныя въ ней измѣненія.—Историческое ея значеніе.—Мѣстное самоуправленіе въ Англіи.

Изъ всѣхъ представительныхъ учрежденій, возникшихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, самое выдающееся историческое значеніе принадлежитъ англійскому парламенту: возникнувъ полустолѣтіемъ раньше генеральныхъ штатовъ, онъ получилъ свою окончательную организацію лишь въ эпоху первыхъ генеральныхъ штатовъ, а къ тому времени, когда послѣд-

*) По исторіи англійскаго парламента см. *Stubbs*. The constitutional history of England. *Гнейстъ*. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. (*Gneist*. Englische Verfassungsgeschichte). *Boutmy*. Développement de la constitution et de la société politique en Angleterre. *Э. Фриманъ и В. Стеббсъ*. Опыты по исторіи англійской конституціи. *А. Градовскій*. Государственное право европейскихъ державъ, т. I. Сочиненіе о великой хартіи названо ниже.

ніе утратили самое важное свое право, т. е. къ серединѣ XV вѣка парламентъ, наоборотъ, является уже во всеоружіи всѣхъ тѣхъ правъ, съ которыми сохраняется въ теченіи новаго времени. Съ другой стороны ровно два столѣтія отдѣляютъ дату его возникновенія отъ того момента, когда нормандскій герцогъ Вильгельмъ завоевалъ (откуда и его названіе—Завоевателя) королевство англо-саксовъ, основалъ въ немъ новую династію и ввелъ въ Англіи феодальные порядки, раздавъ феоды своимъ нормандскимъ вассаламъ и другимъ пришедшимъ съ нимъ баронамъ. Одинъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, какъ мы увидимъ, уже даетъ хартію или грамоту, въ которой очень важное мѣсто принадлежитъ статьямъ, ограничивающимъ право короля, какъ сюзерена, въ пользу его вассаловъ, а ближе къ первымъ годамъ парламента, всего за полстолѣтіе появилась знаменитая magna charta libertatum Іоанна Безземельнаго, въ коей онъ соглашается на разныя уступки, потребованныя возмутившимися баронами и отчасти горожанами.—Познакомимся теперь съ періодомъ времени между завоеваніемъ Англіи норманнами (1066) и началомъ парламентовъ (1265), въ почти равныхъ промежуткахъ отъ начала и конца каковаго періода были даны королями первая по времени (1100 г.) и первая по значенію хартіи вольностей.

Исторія Англіи послѣ норманнскаго завоеванія не можетъ быть понята безъ разсмотрѣнія особенностей англійскаго феодализма, создавшаго вмѣстѣ съ отсутствіемъ въ первоначальной исторіи Англіи римскаго элемента и островнымъ положеніемъ этого государства совершенно особое для него положеніе среди другихъ европейскихъ народовъ.

Римская провинція Британія была мало романизирована, когда ее покинули (въ началѣ V вѣка) римскіе легіоны, а потомъ (въ серединѣ V вѣка) заняли язычники англо-саксы, вытѣснившіе прежнее кельтское населеніе и лишь черезъ полтора вѣка начавшіе принимать христіанство (въ концѣ VI сто-

лѣтія). Семь англосаксонскихъ государствъ, слившихся въ первой половинѣ IX вѣка въ одну Англію, не входили въ составъ и франко-римской имперіи Карла Великаго, изъ расчлененія которой произошли средневѣковыя Франція, Германія и Италія. Наконецъ, феодализмъ, выработавшійся на материкѣ изъ взаимодѣйствія римскихъ и германскихъ началъ, былъ занесенъ въ Англію извнѣ, хотя соціальная феодализація уже совершалась въ ней сама собою, причемъ однако въ политическомъ отношеніи страна сохраняла всѣ существенныя черты германскаго устройства вплоть до завоеванія норманнами. Англія—и въ этомъ состоитъ первое ея отличіе отъ главныхъ странъ материка — сохранила въ чистотѣ черты германскаго политическаго быта. Англосаксонскій король не былъ ни преемникомъ власти римскихъ цезарей, ни феодальнымъ сюзереномъ. Древнегерманское общегосударственное вѣче продолжало существовать, хотя и въ аристократической формѣ витенагемота, собранія „мудрѣйшихъ" изъ народа, т. е. духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ съ королевскими чиновниками. Королевство раздѣлялось на ширы или графства, которыя, какъ политическія единицы, были древнѣе самого королевства, и въ нихъ, съ одной стороны, сохраняются народныя вѣча, а съ другой, поддерживается связь съ центральнымъ правительствомъ въ лицѣ королевскаго чиновника—шерифа. Въ болѣе мелкихъ дѣленіяхъ, въ сотняхъ и общинахъ сохраняются народные суды и сходки. По праву завоеванія Вильгельмъ нормандскій занялъ мѣсто прежнихъ королей по отношенію къ англосаксонскому населенію, сохранивъ въ существенныхъ чертахъ устройство государства, имъ найденное, и подтвердивъ права свободныхъ жителей шировъ, что создавало для послѣдующей англійской исторіи такую основу, какой мы не находимъ ни въ романскихъ странахъ, ни въ самой Германіи, прошедшей черезъ періодъ франкской имперіи. Благодаря этому сохранилась непосредственная связь короля съ населеніемъ, и Виль-

гельмъ обязалъ присягою по отношенію къ себѣ не однихъ только пришедшихъ вассаловъ, но и ихъ вассаловъ, равно какъ и прежнее населеніе. Съ другой стороны, вынужденный раздать своимъ баронамъ и рыцарямъ земли въ ленъ, новый англійскій король принялъ мѣры къ тому, чтобы феодалы не захватили въ свои руки верховной власти. Уже одно то, что сохранялась старая англо-саксонская организація съ довольно значительною властью короля, усилившеюся, благодаря завоеванію, и съ мѣстнымъ самоуправленіемъ,—создавало препятствіе къ тому, чтобы бароны, владѣвшіе феодами отъ короля, превратились въ полныхъ господъ надъ своими землями и подѣлили между собою Англію на политически независимые организмы: если и существовала мѣстная свобода отъ центральной власти, то она была не феодальная, а старо-народная, выражавшаяся въ самоуправленіи шировъ. Кромѣ того, Вильгельмъ позаботился, чтобы владѣнія, розданныя имъ въ видѣ феодовъ, не составляли сплоченныхъ территорій, которыя могли бы превратиться въ независимыя сеньеріи: многіе вассалы получали весьма большіе феоды, но земли, ихъ составлявшія, были разбросаны по многимъ ширамъ, что препятствовало ихъ выдѣленію въ самостоятельныя территоріи. Благодаря всему этому въ Англіи мы не видимъ полнаго развитія характерныхъ чертъ политическаго феодализма: страна остается единою, не раздробляясь на независимыя сеньеріи, хотя и учреждаются феоды; бароны, владѣющіе землею на феодальномъ правѣ при зависимости всей собственности отъ короля не превращаются въ государей, хотя и развиваютъ большое политическое могущество; наконецъ, политическая связь между королемъ и націей не разрѣшается въ вассальную іерархію, такъ какъ присягою обязаны были по отношенію къ королю всѣ. Однимъ словомъ, политическая феодализація Англіи не получаетъ полнаго развитія, хотя въ ея государственный бытъ и вносятся развившіяся во Франціи феодаль-

ныя отношенія и понятія, и хотя въ первой половинѣ XII в., во время возникшихъ тогда споровъ за престолъ между членами династіи, феодальная аристократія и пыталась расширить свои права въ смыслѣ захвата суверенныхъ правъ.

Черезъ безъ малаго полстолѣтіе послѣ завоеванія, на англійскій престолъ вступилъ Генрихъ I (1100), давшій первую грамоту англійскому народу. Завоеваніе усилило власть короля, которая при преемникѣ Вильгельма (Вильгельмѣ Рыжемъ) сдѣлалась деспотическою, и враждебность бароновъ къ его брату Генриху I заставила послѣдняго опереться на народъ. Въ своей хартіи онъ отказывается отъ „злыхъ обычаевъ" своего брата, поработившаго и грабившаго церковь, обѣщаетъ баронамъ не злоупотреблять своими правами по отношенію къ вассаламъ и не вымогать отъ нихъ денегъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говоритъ и объ обезпеченіи правъ народа, исполняя законы добраго короля Эдуарда (Исповѣдника, послѣдняго англосаксонскаго короля), т. е. сохраняя старое устройство королевства, но особенно видное мѣсто въ этой хартіи принадлежитъ опредѣленію взаимныхъ отношеній между королемъ и феодальными баронами. Проходитъ еще полвѣка и послѣ упомянутой усобицы, бывшей весьма благопріятною для бароновъ, на престолъ вступаетъ энергичный Генрихъ II, основатель династіи Плантагенетовъ (1154), извѣстный своею борьбою съ духовною властью, въ лицѣ архіепископа кентерберійскаго Ѳомы Бекета, отецъ Ричарда Львиное Сердце и Іоанна Безземельнаго, вынужденнаго на великую хартію вольностей. Уже Генрихъ I подтвердилъ прежнія собранія litровъ подъ предсѣдательствомъ шерифовъ и подъ контролемъ королевской куріи, причемъ попытки распредѣленія налоговъ самими жителями, дѣлавшіяся уже при Вильгельмѣ Завоевателѣ, при Генрихѣ II получаютъ болѣе правильный характеръ. Вмѣстѣ съ этимъ, при томъ же королѣ, военная служба вассаловъ замѣняется особымъ налогомъ—scutagium. Въ борьбѣ, которую вели англійскіе короли съ баронами, до конца XII вѣка сочувствіе

народа было на сторонѣ первыхъ, но въ XII вѣкѣ тяжелыя подати, налагавшіяся на феодаловъ, горожанъ и сельчанъ, сближаютъ всѣхъ въ оппозиціи противъ короля, къ чему при Іоаннѣ Безземельномъ, присоединяется недовольство внѣшней политикой короля. Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ Іоаннъ Безземельный, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, вынужденъ былъ дать magnam chartam libertatum. Намъ нужно ближе познакомиться съ ея содержаніемъ, не излагая всѣхъ 63 ея статей, а останавливаясь на наиболѣе существенныхъ изъ нихъ *).

Король Іоаннъ отъ своего имени (хотя хартія имѣла договорное происхожденіе) объявлялъ „архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ, графамъ, баронамъ, судьямъ, лѣсничимъ, шерифамъ, превотамъ, чиновникамъ, всѣмъ бальифамъ и своимъ вассаламъ", что „по внушенію Бога и для спасенія души", „ради славы Бога, величія святой церкви и блага королевства", „по совѣту" такихъ-то и такихъ-то лицъ онъ подтверждаетъ свободу, права и вольности англійской церкви и пожаловалъ отъ себя и отъ имени преемниковъ своихъ разныя „вольности всѣмъ свободнымъ людямъ королевства". Первыя статьи хартіи говорятъ о вольности церкви (1) и устанавливаютъ законы о королевскихъ правахъ и доходахъ при переходѣ феодовъ по наслѣдству, объ опекѣ надъ малолѣтними вассалами, о бракахъ наслѣдниковъ, о вдовьемъ приданомъ и правѣ вторичнаго замужества, т. е. о такихъ вопросахъ, которые вытекали изъ феодальныхъ отношеній, что было и въ хартіи Генриха I (ст. 2—8), и, кромѣ того, законы о долговыхъ обязательствахъ (ст. 9—11). Далѣе идетъ статья (12), гдѣ сказано, чтобы упомянутый скутагій, коимъ замѣнялась личная служба вассаловъ, и субсидіи (auxilium) „назначались въ королевствѣ только общимъ королевства собраніемъ", за исключеніемъ законной субсидіи, платившейся по феодальному праву вассалами въ случаѣ плѣна сюзерена, посвяще-

*) Пользуемся русскимъ переводомъ великой хартіи въ трудѣ г. Н. Ясинскаго «Исторія великой хартіи въ XIII столѣтіи». Кіевъ, 1888, стр. 11—34.

нія въ рыцари его старшаго сына и перваго брака старшей дочери, причемъ эта статья распространялась и на городъ (civitas) Лондонъ, который по слѣдующей статьѣ долженъ былъ „владѣть всѣми старинными вольностями и своими свободными обычаями и на сушѣ, и по водамъ": права Лондона уже раньше обезпечивались грамотами Вильгельма Завоевателя, Генриха I и привилегіей 1191 г., утверждавшей въ городѣ коммуну, но въ той же (13) статьѣ король выражаетъ желаніе: чтобы „всѣ другія общины (civitates), бурги, города, порты владѣли всѣми вольностями и своими свободными обычаями", которые, нужно замѣтить, въ сравненіи съ лондонскими правами значили весьма мало. Знаменитая 14-ая статья должна быть приведена цѣликомъ. „При созывѣ же общаго государственнаго собранія, говорится въ ней, для вотированія субсидіи въ другихъ случаяхъ, помимо трехъ вышеозначенныхъ, или вотированія щитовыхъ денегъ (скутагія) приглашали бы мы архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и крупныхъ бароновъ призывными грамотами (онѣ получили названіе writ'овъ) за личною нашею печатью, а кромѣ того, черезъ шерифовъ и нашихъ бальифовъ окружною грамотою приглашали всѣхъ тѣхъ, которые держатъ феоды непосредственно отъ насъ, къ опредѣленному дню, т. е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока и въ опредѣленное мѣсто, но во всѣхъ призывныхъ грамотахъ указывали бы причину приглашенія; и такъ, когда уже разосланы пригласительныя грамоты, дѣло въ назначенный день подлежитъ рѣшенію согласно съ мнѣніемъ присутствующихъ, хотя бы не всѣ изъ приглашенныхъ явились". Потомъ одна (15) статья запрещаетъ кому бы то ни было взимать субсидію съ его свободныхъ людей, за исключеніемъ трехъ законныхъ случаевъ и лишь въ законномъ размѣрѣ; за нею слѣдуетъ статья (16), не позволяющая принуждать къ феодальной службѣ сверхъ того, что слѣдуетъ. Особаго вниманія заслуживаетъ и статья 18, по коей слѣдствія по нѣкоторымъ дѣламъ производились лишь въ ширахъ 4 раза въ годъ королевскими

объѣздными судьями „съ 4-мя рыцарями (milites) каждаго графства (шира), выбранными въ графствѣ", причемъ засѣданія (ассизы) должны были происходить „въ день и на мѣстѣ ширмота", т. е. суда графства, на которомъ присутствовали епископы, графы, бароны и всѣ свободные жители шира. Отдѣльныя статьи (20—22) касаются условій наложенія штрафовъ на лицъ разныхъ состояній, не исключая и крѣпостныхъ крестьянъ, равно какъ ограничиваютъ произволъ королевскихъ чиновниковъ и т. п. (26 и слѣд.): къ числу этихъ статей относится, какъ одна изъ важнѣйшихъ въ хартіи, и статья 39, устанавливающая личную свободу: „ни одинъ свободный человѣкъ пусть не подвергается аресту, заключенію въ тюрьмѣ, конфискаціи владѣній, лишенію покровительства законовъ, изгнанію или другой карѣ; мы не пойдемъ на него (войною), не пошлемъ за нимъ (войска), развѣ лишь по законному рѣшенію его (пэровъ) или по закону страны". Къ статьямъ, обезпечивающимъ свободу личности, относятся и тѣ (41—42), въ коихъ даруется свобода въѣзда и выѣзда, путешествія для купцовъ и для другихъ людей. Или вотъ еще статья (52), начинающаяся словами: „если кто безъ законнаго суда его пэровъ будетъ лишенъ владѣнія или отстраняемъ нами отъ имѣній, движимаго имущества, вольностей и права, то мы немедленно это ему возвратимъ, а если по этому поводу возникнетъ процессъ, тогда поступать по рѣшенію 25 бароновъ", о коихъ упоминается въ статьѣ (55), отдающей на рѣшеніе 25 бароновъ вопросы о несправедливыхъ и незаконныхъ взысканіяхъ и штрафахъ. Любопытна еще статья (60), приглашающая всѣхъ королевскихъ вассаловъ соблюдать по отношенію къ своимъ вассаламъ всѣ обычаи и вольности, пожалованные королемъ. Остается сказать еще о статьѣ 61, заключающей въ себѣ гарантію того, что все будетъ неприкосновенно исполняться: бароны должны были „избрать 25 бароновъ въ королевствѣ, какихъ пожелаютъ, обязанныхъ всѣми своими силами соблюдать, поддерживать и принуждать къ тому, чтобы соблюдали миръ

и вольности“, пожалованные королемъ „для лучшаго прекращенія возникшаго между нимъ и его баронами раздора“: 25 бароновъ должны были блюсти, чтобы хартія не нарушалась, и если бы король не возстановилъ нарушеннаго права, они будутъ при содѣйствіи всей страны „принуждать и преслѣдовать его всѣми способами, какими бы могли“, не касаясь только особы короля, королевы и ихъ дѣтей, и при этомъ разрѣщалось всѣмъ желающимъ приносить присягу въ повиновеніи 25 баронамъ. Таково содержаніе знаменитой хартіи, изъ-за которой велась еще продолжительная борьба, пока существенныя ея постановленія не вошли окончательно въ силу. Сущность этой борьбы была слѣдующая. Іоаннъ отказался отъ исполненія хартіи и нашелъ поддержку въ папѣ Иннокентіи III, разрѣшившемъ его отъ присяги, а враговъ короля, наоборотъ, отлучившемъ отъ церкви; началась рѣшительная борьба съ баронами, но Іоаннъ умеръ въ 1216 г. Царствованіе его преемника Генриха III, у опекуновъ котораго въ самомъ началѣ бароны вытребовали подтвержденіе хартіи, наполнено борьбою короля съ баронами, предметомъ коей была хартія. Правительство утвердило ее за исключеніемъ нѣсколькихъ статей, и еще нѣсколько разъ Генрихъ III ее утверждалъ, именно каждый разъ, когда ему приходилось созывать совѣтъ бароновъ, соглашавшихся на субсидіи лишь подъ условіемъ новаго подтвержденія хартіи, причемъ бароны оказывались весьма неуступчивыми. При немъ, какъ мы увидимъ, и возникаетъ парламентъ во время новой борьбы бароновъ съ королемъ. Нѣсколько разъ подтверждалъ хартію и Эдуардъ, I вступившій на престолъ въ 1272 г., постоянно однако съ ограниченіями, пока наконецъ бароны не потребовали категорическаго подтвержденія. Въ это время король былъ въ ссорѣ не только съ баронами, но и съ духовенствомъ, а сверхъ того велъ еще войну во Фландріи: ему ничего не оставалось дѣлать, какъ согласиться на confirmatio chartarum, и послѣ этого копіи съ королевскихъ хартій должны были находиться во всѣхъ каѳедральныхъ церквахъ и по два раза въ годъ прочитываться народу.

Великая хартія, изданная въ началѣ XIII в. и до конца этого столѣтія бывшая предметомъ спора, является какъ-бы исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія государственной жизни въ Англіи. По своему происхожденію и содержанію она несомнѣнно имѣетъ характеръ феодальный: это—договоръ между королемъ и его вассалами, и многія статьи хартіи прямо касаются отношеній, возникшихъ на почвѣ феодальнаго быта, тѣхъ самыхъ, коими занята, наприм., и упомянутая хартія Генриха I, причемъ за вассалами короля признается право платить извѣстные налоги только по собственному ихъ согласію, данному въ особомъ собраніи (ст. 12 и 14). Было бы, однако, несправедливымъ видѣть въ хартіи только одну эту сторону: утверждая права и вольности церкви, она не забываетъ столицы государства, пользовавшейся особыми привилегіями, гарантируетъ права другихъ городовъ и бурговъ (ст. 13), признаетъ старое устройство шировъ (ст. 18), беретъ подъ свою защиту всѣхъ свободныхъ людей противъ бароновъ и обязываетъ вассаловъ короля соблюдать по отношенію къ своимъ вассаламъ то же самое, что король обязался соблюдать по отношенію къ нимъ самимъ (ст. 16 и 60), охраняетъ отъ чиновничьяго произвола даже крѣпостныхъ крестьянъ, а знаменитой 39 статьей гарантируетъ личную неприкосновенность (развитіемъ этого принципа былъ во второй половинѣ XVII в. Habeas—corpus—act) и законный судъ равныхъ (legale judicium parium), изъ коего впослѣдствіи развился судъ присяжныхъ и т. д. Въ этихъ статьяхъ заключаются принципы, выходившіе уже изъ тѣсныхъ рамокъ феодальнаго быта, принципы, способные быть примѣненными къ цѣлому народу и къ высшимъ формамъ общежитія. Но гарантія того, что хартія будетъ соблюдаться, была чисто феодальная: она заключалась въ правѣ бароновъ на вооруженное сопротивленіе, къ коему приглашался всякій, кто бы ни пожелалъ. 61 статья хартіи ставила королевскую власть въ зависимость отъ баронской

олигархіи 25, и въ этомъ,—хотя, конечно, и не въ одномъ этомъ,—заключалось то, что Іоаннъ Безземельный не хотѣлъ исполнять хартіи. При подтвержденіяхъ хартіи въ XIII вѣкѣ въ нее вносились измѣненія, состоявшія главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ пропускахъ, съ одной стороны, и добавленіяхъ, съ другой. Первое подтвержденіе хартіи регентами королевства въ 1216 г. исключало изъ хартіи между прочимъ статью о 25 баронахъ, статью 12 и статью 14 и дополняло ее нѣкоторыми постановленіями, ограждавшими населеніе отъ произвола чиновниковъ. Менѣе важныя измѣненія были произведены при подтвержденіи хартіи въ 1217 г., въ каковомъ видѣ ея текстъ и повторялся потомъ при всѣхъ послѣдующихъ подтвержденіяхъ при Генрихѣ III, не мѣшавшихъ ему, впрочемъ, постоянно нарушать хартію. Не смотря на исключеніе изъ хартіи 12 и 14 статей, въ дѣйствительности право бароновъ вотировать налоги не было отмѣнено, и этимъ, какъ было сказано, пользовались бароны, давая деньги лишь подъ условіемъ утвержденія хартіи. Упомянутая confirmatio chartarum, признанная Эдуардомъ I въ 1297 г., обѣщая соблюдать ненарушимо во всѣхъ пунктахъ великую хартію (и еще одну спеціальную хартію Генриха III), дополняетъ ее наконецъ статьею, возстановляющею въ сущности пропущенныя 12 и 14 статьи, но тогда уже существовалъ самый парламентъ: король давалъ теперь обѣщаніе за себя и своихъ наслѣдниковъ духовенству, аристократіи и общинамъ (a tote communaute de la terre) не взимать субсидій, пошлинъ и сборовъ, иначе какъ съ общаго согласія всего королевства и на общую пользу. Въ виду именно того, что въ 1297 году, когда давалось это обѣщаніе, парламентъ, образовавшійся въ серединѣ вѣка, пользовался этимъ правомъ, и статья confirmationis chartarum уже санкціонировала только существовавшій фактъ.

Обоюдный договоръ, какимъ была великая хартія, полагалъ начало ограниченію королевской власти въ Англіи, и „вольности“ даровались ею не однимъ только феодаламъ, но и „всѣмъ свободнымъ людямъ королевства“, какъ сказано

въ первой же статьѣ вслѣдъ за подтвержденіемъ правъ церкви, или „всѣмъ жителямъ“, какъ это повторяется въ послѣдней статьѣ. Другими словами, въ великой хартіи поставлены рядомъ элементы феодальный и національный, сохранившій свою живучесть отъ англосаксонскихъ временъ. Въ исторіи Англіи она сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ политической свободы, фундаментомъ, на которомъ устроилось вѣковое зданіе англійской конституціи. Одновременно съ „золотою буллою“ Андрея II Венгерскаго (1222), подтверждавшею и опредѣлявшею права магнатовъ и ничего не говорившею о какихъ-либо вольностяхъ прочихъ классовъ населенія, сходная и по формѣ, и по частностямъ содержанія съ другими средневѣковыми хартіями, дававшимися разнымъ чинамъ, magna charta libertatum, важна именно своимъ всесословнымъ характеромъ, чѣмъ Англія была обязана сохраненію народныхъ правъ англо-саксонскаго періода во время норманнскаго завоеванія. Въ составъ этого права входило и самоуправленіе графствъ (шировъ), ведущее свое начало изъ самыхъ отдаленныхъ временъ, и на почвѣ этого самоуправленія легче было вырости и развиться самоуправленію государственному. Если крупные бароны и составили въ Англіи особую аристократическую палату, то въ нижней палатѣ были представлены именно эти графства, въ коихъ изъ мелкихъ бароновъ, подвассаловъ, просто свободныхъ людей вмѣстѣ съ горожанами, не выдѣлившимися въ суверенныя коммуны, выработался съ теченіемъ времени особый классъ людей, который и сталъ играть роль какъ въ мѣстномъ самоуправленіи, такъ и въ парламентѣ, чѣмъ устранялся рѣзкій сословный антагонизмъ континентальныхъ „государственныхъ чиновъ“ и создавалась связь между мѣстною и общегосударственною жизнью и притомъ такъ, что мѣстное самоуправленіе не расчленяло единаго государства на что-либо подобное феодальнымъ сеньеріямъ или муниципальнымъ республикамъ, а общегосударственное единство не убивало мѣстной самостоя-

тельности. Это самоуправленіе графствъ заслуживаетъ того, чтобы дать ему общую характеристику.

У англосаксовъ въ эпоху ихъ появленія въ Британіи мы наблюдаемъ существенныя черты того общественнаго устройства, какое за четыре вѣка передъ тѣмъ было, по описанію Тацита, у всѣхъ германцевъ. Деревни соединялись въ сотни, имѣвшія свои вѣча (гемоты) или собранія съ судебною и полицейскою функціями, а города получили значеніе отдѣльныхъ сотенъ, подчиняясь вмѣстѣ съ ними юрисдикціи графствъ. Послѣднія возникли отчасти изъ прежнихъ самостоятельныхъ королевствъ и получили названіе шировъ. Въ нихъ сохранялись народныя вѣча (фолькгемоты), какъ собранія графствъ (ширгемоты), гдѣ тоже рѣшались судебныя дѣла, но болѣе крупнаго значенія, равно какъ дѣла по общему управленію графствомъ, въ томъ числѣ и церковныя, для чего собранія созывались два раза въ годъ и должны были de jure состоять изъ всѣхъ свободныхъ людей сотенъ, хотя de facto составъ ихъ съ теченіемъ времени сдѣлался аристократическимъ. Во главѣ графствъ стояли королевскіе намѣстники (ольдермены) съ помощниками своими герефами (ширгерефа), которые и сдѣлались впослѣдствіи настоящими управителями графствъ. Эти мѣстныя учрежденія, какъ мы знаемъ, были сохранены послѣ норманнскаго завоеванія и послужили основою, на которой и развилось англійское самоуправленіе, такъ какъ Вильгельмъ Завоеватель, считая себя вступившимъ на престолъ не по праву побѣдителя, а какъ законный наслѣдникъ, далъ обѣщаніе соблюдать законы „добраго короля Эдуарда Исповѣдника“, своего предшественника. Генрихъ I подтвердилъ, что ширгемоты и бургемоты, равно какъ и сотенныя собранія будутъ созываться по прежнему. Къ эпохѣ изданія великой хартіи побѣдители и побѣжденные ассимилировались, старыя, народныя и новыя, феодальныя учрежденія срослись вмѣстѣ, и, какъ мы уже видѣли, хартія упоминаетъ о собраніяхъ графствъ, какъ о существующемъ учрежденіи. Графство не было ни территоріей какого-

либо города, ее въ себѣ и поглощавшаго въ политическомъ отношеніи, ни „графствомъ“, въ смыслѣ графствъ французскихъ, представлявшихъ изъ себя отдѣльныя владѣнія: оно было, такъ сказать, земствомъ, хотя полноправными ихъ гражданами уже до норманнскаго завоеванія были не всѣ жители, а только свободные, число коихъ уменьшалось, благодаря тому, что въ Англіи еще до Вильгельма Завоевателя происходилъ процессъ, аналогичный соціальной феодализаціи на континентѣ.

VIII. Возникновеніе парламента.

Мнѣніе Фримана о связи, существующей между витенагемотомъ и парламентомъ.—Magnum consilium.—«Безумный парламентъ».—Роль Симона Монфортскаго.—Начало представительства.—Парламентъ 1295 г.—Англія въ XIV и XV вв.—Парламентъ и континентальные чины.—Составъ верхней и нижней палаты.—Сравненіе парламента съ польскимъ сеймомъ.—Земля и власть въ Англіи.

„Въ исторіи Англіи, говоритъ одинъ изъ ея историковъ, не было ни одной эпохи, въ которую не существовало бы въ той или другой формѣ народнаго собранія: былъ ли то витенагемотъ, великій совѣтъ или парламентъ—всегда существовало собраніе, съ бо̀льшимъ или меньшимъ основаніемъ считавшее себя въ правѣ говорить отъ имени народа“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ, описавъ англосаксонскій витенагемотъ, происшедшій изъ общенароднаго вѣча, какъ собраніе (гемотъ) мудрыхъ (витановъ), указываетъ на то, что „изъ этого-то учрежденія непосредственно и выработался парламентъ. Относительно одной изъ его палатъ, продолжаетъ онъ, можно выразиться опредѣленнѣе: сказать, что она образовалась изъ древняго англійскаго собранія—этого мало; можно прямо сказать, что она совершенно то-

ждественна съ этимъ древнимъ собраніемъ. Палата лордовъ не происходитъ отъ древняго витенагемота—это тотъ же витенагемотъ: между исчезновеніемъ перваго и возникновеніемъ второго не было никакого перерыва. Король Вильгельмъ (Завоеватель) созывалъ своихъ витановъ такъ же, какъ король Эдуардъ (Исповѣдникъ) созывалъ ихъ въ свое время,.... и вообще послѣ норманнскаго завоеванія „великіе совѣты" отличаются такимъ же неопредѣленнымъ и измѣнчивымъ характеромъ, какъ и англосаксонскіе гемоты". „Я рѣшительно утверждаю, говоритъ онъ еще, что палата лордовъ представляетъ или точнѣе есть не что иное, какъ древній витенагемотъ". *) Приведенныя слова принадлежатъ Фриману, и чтобы понять ихъ нужно припомнить то, что сказано было раньше о превращеніи старогерманскихъ общенародныхъ вѣчъ въ собранія духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, наслѣдственныхъ и служилыхъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась государственная территорія, усиливался аристократическій классъ и уменьшалось количество свободныхъ людей, имѣвшихъ личное право участвовать въ вѣчѣ. Такимъ аристократическимъ сеймомъ **) и былъ англосаксонскій витенагемотъ. Фриманъ, быть можетъ, только слишкомъ рѣзко выставляетъ на видъ непосредственность связи между витенагемотомъ и парламентомъ, но съ самой общей точки зрѣнія онъ правъ: *между парламентомъ и витенагемотомъ существуетъ такое же соотношеніе, какое мы видимъ и на материкѣ между позднѣйшими собраніями „государственныхъ чиновъ" и прежними аристократическими сеймами*: послѣдніе, будучи преемниками народныхъ вѣчъ, замѣнялись въ феодальную эпоху собраніями вассаловъ (феодальныя куріи), присоединеніе къ коимъ другихъ элементовъ и превращало ихъ въ государственные чины. Принимая такой порядокъ

---

*) Э. Фриманъ и В. Стебсъ. Опыты по исторіи англійской конституціи. М. 1880. Стр. 47, 54—55 и 57.

**) Фриманъ здѣсь нѣсколько иного мнѣнія.

собраній (вѣче, сеймъ, курія, штаты), не нужно только настаивать на ихъ непрерывности и непосредственности той связи, какая между ними существовала. Въ Англіи норманнское завоеваніе и деспотизмъ первыхъ королей, равно какъ наплывъ континентальныхъ бароновъ, между коими подѣлено было много земли, и введеніе феодальныхъ порядковъ должны были произвести перерывъ, но съ другой стороны перерывъ этотъ не продолжался всѣ два вѣка, протекшіе между норманнскимъ завоеваніемъ (1066 г.) и началомъ парламента (1265 г.), ибо уже много раньше этого послѣдняго событія мы встрѣчаемся въ исторіи Англіи съ такъ называемымъ великимъ совѣтомъ (magnum consilium). Что же такое былъ этотъ великій совѣтъ и какую роль онъ играетъ въ образованіи парламента?

Правленіе первыхъ норманнскихъ королей въ Англіи мы имѣемъ полное право называть личнымъ, а новая феодальная аристократія не настолько еще упрочилась, чтобы сразу начать играть ту роль, какая принадлежала континентальнымъ феодальнымъ сеньерамъ. Тѣмъ не менѣе мы узнаемъ изъ источниковъ того времени, что собранія вассаловъ все-таки происходили, хоть особаго политическаго значенія они и не имѣли. Гнейстъ видитъ въ нихъ даже простые только придворно-военные парады, да и Стебсъ полагаетъ, что функціи національныхъ совѣтовъ были болѣе номинальнаго, чѣмъ реальнаго свойства. Во всякомъ случаѣ произошла феодализація этихъ собраній, превращеніе ихъ въ собраніе королевскихъ вассаловъ, совѣтъ и согласіе (counsel and consent) коего въ принципѣ по крайней мѣрѣ ограничивали власть короля. При Генрихѣ II, т. е. черезъ столѣтіе послѣ норманнскаго завоеванія, этотъ совѣтъ правильно созывается по два и по три раза въ годъ и по своему составу походитъ на королевскій судъ феодальныхъ вассаловъ, состоя, впрочемъ, кромѣ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, и изъ фригольдеровъ *),

---

*) Свободные землевладѣльцы. О нихъ ниже.

число которыхъ впослѣдствіи сократилось, и занимаясь дѣлами политическими, законодательными, финансовыми и судебными, и при этомъ de jure для рѣшенія дѣлъ испрашивался совѣтъ націи, законы издавались „cum consensu et consilio" собранія и даже обсуждались вопросы податного обложенія. Такъ дѣло тянулось до эпохи великой хартіи и образованія парламента т. е. до XIII вѣка. Такова была изстари существовавшая почва, на которой позднѣе выросъ англійскій парламентъ: его возникновенію предшествовала длинная традиція, какой не имѣли генеральные штаты во Франціи, возникшіе по иниціативѣ Филиппа Красиваго. Большой совѣтъ (magnum consilium) Генриха II является, дѣйствительно, какъ бы продолженіемъ витенагемота на новыхъ началахъ—съ большею властью короля, чѣмъ та, какою пользовались послѣдніе англосаксонскіе государи, и съ болѣе опредѣленнымъ составомъ обыкновенной феодальной куріи. Іоаннъ Безземельный, возведенный на престолъ баронами помимо правъ его малолѣтняго племянника Артура, время отъ времени созывалъ своихъ вассаловъ, предпочитая, впрочемъ, личное правленіе. Великая хартія, какъ мы видѣли, обязываетъ его не иначе налагать щитныя деньги (скутагій) и чрезвычайныя пособія (auxilium), какъ съ общаго совѣта (per commune consilium), въ который король долженъ былъ приглашать крупныхъ бароновъ и высшее духовенство личными грамотами, а прочихъ вассаловъ черезъ шерифовъ. Мы видѣли также, что, несмотря на пропускъ при подтвержденіи хартіи, 12 и 14 статей, заключавшихъ себѣ эти обязательства, порядокъ вещей ими санкціонированный не былъ отмѣненъ, и принципъ, по которому долженъ былъ существовать commune consilium regni, не потерялъ своей практической силы и въ царствованіе Генриха III, во вторую половину коего и возникаетъ настоящій парламентъ.

Генрихъ III жилъ въ ссорѣ со своими подданными, и во главѣ образовавшейся противъ него феодальной оппозиціи сталъ Симонъ Монфортскій, французъ по происхожденію,

получившій въ Англіи лейчестерскій феодъ съ графскимъ титуломъ и женившійся на сестрѣ короля, но тѣмъ не менѣе бывшій съ нимъ не въ ладахъ. Въ 1258 г. Генрихъ III созвалъ въ Оксфордѣ magnum consilium, который уже раньше сталъ называться парламентомъ*), по случаю предложенія папою сицилійской короны старшему сыну короля: пріобрѣтеніе этой короны требовало субсидій, и вотъ Генрихъ III собираетъ вельможъ и вассаловъ (proceres et fideles) своего королевства въ magnum consilium. Прелаты и бароны на этомъ собраніи потребовали, между прочимъ, періодическихъ созывовъ совѣта и учрежденія коммиссіи для преобразованія управленія, на что король далъ согласіе. Въ силу этого Генриху III была представлена петиція о прекращеніи злоупотребленій и назначенъ былъ комитетъ изъ 24 бароновъ, изъ коихъ 12 было указано самимъ королемъ, а 12 избрано баронами: роль его должна была быть посредническая, и въ числѣ членовъ его членомъ отъ оппозиціи былъ Симонъ. Этотъ комитетъ выработалъ такъ называемыя „оксфордскія провизіи", т. е. цѣлый проектъ конституціи чисто олигархическаго характера: „парламентъ" долженъ былъ превратиться изъ національнаго совѣта, съ согласія коего рѣшались законодательные и финансовые вопросы, въ учрежденіе, которое управляло бы государствомъ при посредствѣ баронскихъ комитетовъ. Генрихъ III принялъ эти условія, но для него этотъ парламентъ 1258 г. долженъ былъ казаться „безумнымъ" (insane parliamentum, какъ назвали собраніе 1258 года сторонники короля), да и помимо того, съ протестомъ противъ баронской олигархіи выступили мелкіе бароны и рыцари (подвассалы), подавшіе въ этомъ смыслѣ петицію и требовавшіе иныхъ преобразованій. Король между тѣмъ не подчинялся „провизіямъ" и даже нарушалъ прежніе законы страны. Въ это-то время и выдвинулся Симонъ Монфортскій, сдѣлавшійся необыкновенно популярнымъ среди всѣхъ

*) Мы увидимъ, что это названіе для собраній стало употребляться и въ другихъ странахъ.

сословій англійскаго общества. Началось междоусобіе (1263), въ битвѣ при Люисѣ (Lewes) Генрихъ III потерпѣлъ пораженіе и попалъ въ плѣнъ (1264), а побѣдитель Симонъ, признанный протекторомъ королевства, занялъ положеніе, напоминающее диктатуру. Но онъ воспользовался побѣдой, чтобы положить начало новому элементу въ „великомъ совѣтѣ", который, только благодаря этому, и измѣнился не по одному названію, но и по существу дѣла, превратившись въ позднѣйшій парламентъ. Magna consilia Генриха III состояли лишь изъ лицъ, которыя по своимъ должностямъ и феодамъ призывались имъ на совѣщанія, и только изрѣдка по спеціальнымъ вопросамъ приглашались выборные отъ рыцарства. Сдѣлавшись фактическимъ владыкою государства, Симонъ отъ имени короля созываетъ въ парламентъ на 20 января 1265 г. для умиротворенія страны и установленія новыхъ порядковъ — прелатовъ и преданныхъ новому правительству бароновъ, а кромѣ нихъ шерифы должны были „прислать" (venire faciant) по два рыцаря отъ каждаго графства, по два горожанина изъ бурговъ и по четыре выборныхъ отъ пяти портовъ королевства. То есть въ парламентѣ 1265 г. рядомъ съ старыми членами подобныхъ собраній, являвшихся по личному праву, мы видимъ и выборныхъ представителей отъ графствъ и городовъ, и съ этого времени ведетъ въ Англіи начало правильная представительная система. Между тѣмъ король и его старшій сынъ (Эдуардъ) нашли сторонниковъ среди вассаловъ: принцъ бѣжалъ изъ-подъ надзора Симона, война возобновилась, и въ битвѣ при Эвсгэмѣ (Evesham), Симонъ потерпѣлъ пораженіе и лишился жизни, прославленый потомствомъ и исторіей, какъ борецъ за народную свободу. Побѣдители составили особый актъ (dictum de Kenilworth), коимъ Генриху III возвращалась полная власть, но въ предѣлахъ законовъ и обычаевъ королевства и съ соблюденіемъ великой хартіи, и дѣло, повидимому, кончилось отмѣною не только постановленій „безумнаго парламента", но и нововведенія Симона

Монфортскаго. Генрихъ III мирно пользовался плодами своей побѣды до самой своей смерти.

Призывъ представителей графствъ и бурговъ для засѣданій въ парламентѣ не былъ совершенною новостью и не былъ также заимствованіемъ извнѣ (подражаніемъ аррагонскимъ кортесамъ, съ коими С. Монфортскій могъ быть знакомъ, какъ уроженецъ южной Франціи): такой призывъ случался и раньше, и начало представительства существовало въ Англіи и ранѣе 1265 года въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ исторіи самаго представительства англійскій ученый Стёбсъ (Stubbs) различаетъ разныя три стороны: 1) самое начало представительства, которое было знакомо англичанамъ изъ практики низшихъ судовъ, судовъ сотенъ и шировъ, 2) одинаковое примѣненіе этого начала ко всѣмъ классамъ общества и 3) порядокъ самаго производства призыва. Витенагемотъ и великій совѣтъ не были собраніями представительными, но въ парламентѣ рядомъ съ непредставительною палатой пэровъ образовалась представительная палата общинъ, въ коей были представлены всѣ классы общества, причемъ члены первой (лорды, пэры) призывались въ собраніе парламента личными пригласительными грамотами, а депутаты черезъ шерифовъ. Въ 1265 г. Симономъ Монфортскимъ положено было начало правильному и неслучайному представительству графствъ и городовъ въ тяжелую годину междоусобной войны съ обращеніемъ не къ однимъ ширамъ, но и къ бургамъ, и самая призывная грамота 1264 г. была одинаковымъ обращеніемъ къ духовенству, аристократіи, графствамъ и городамъ, что указывало на желаніе Симона Монфортскаго слить воедино всѣ классы общества въ общемъ національномъ дѣлѣ. При этомъ вдобавокъ была соблюдена форма созыва однихъ—личными приглашеніями, другихъ—черезъ шерифовъ, уже намѣчавшаяся 14 статьей великой хартіи, той самой статьей, которая была изъ нея выпущена при ея подтвержденіяхъ.

Верхняя и нижняя палаты образовались однако не въ 1265 году, а уже въ XIV в. Съ Эдуардомъ I до 1297 г. продолжалась еще борьба за хартію, завершившаяся, какъ мы видѣли, окончательнымъ ея утвержденіемъ (confirmatio chartarum), а до этого времени царствованіе Эдуарда I было продолженіемъ того, что представляли собою послѣдніе годы Генриха III послѣ побѣды при Эвсгемѣ и кенильвортскаго „dictum'a“, хотя король все-таки созывалъ и magnum consilium, приглашая, впрочемъ, по частнымъ вопросамъ и для отдѣльныхъ совѣщаній и выборныхъ отъ графствъ и городовъ (1275, 1282, 1283, 1290). Первый парламентъ въ формѣ того, который былъ созванъ Симономъ Монфортскимъ, относится послѣ этого только къ 1295 г.: Эдуардъ I былъ вынужденъ къ этому внѣшними неудачами и затрудненіями и необходимостью получить большія субсидіи. Въ пригласительныхъ грамотахъ этого года между прочимъ говорилось, что „всѣхъ касающіяся дѣла всѣми должны и одобряться“ (ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur) и что представители-рыцари графствъ и представители городовъ должны имѣть полномочія (plenam et sufficientem potestatem) говорить и дѣйствовать отъ ихъ имени, но сдѣлано было однако различіе (впослѣдствіи уничтожившееся) между magnum consilium и общинами въ томъ смыслѣ, что первый приглашался ad tractandum, ordinandum et faciendum, а вторыя—ad faciendum quod tunc de communi consilio ordinabatur. Въ той же формѣ повторился парламентъ и въ слѣдующемъ году, а черезъ годъ произошла извѣстная уже confirmatio chartarum, за которою послѣдовали новыя уступки со стороны короля.

Такъ возникъ парламентъ въ Англіи. XIV и XV вѣка въ англійской исторіи были весьма бурной эпохой, открывающейся двадцатилѣтнимъ царствованіемъ Эдуарда II (1307—1327), который все это время находился въ борьбѣ съ баронами и былъ низложенъ парламентомъ съ престола, а потомъ умерщвленъ, — и оканчивающейся тридцатилѣтнимъ междоусобіемъ „алой и бѣлой розъ“, т. е. ланкастерской и

іоркской династій. Въ серединѣ этого періода (1399 г.) повторяется фактъ низложенія короля (Ричарда II), сопровождаемый передачею престола парламентомъ въ ланкастерскую династію, что было причиною внутреннихъ смутъ XV вѣка. Не смотря на это, англійскія политическія учрежденія именно въ это время и развиваются на основахъ принциповъ 1215 и 1265 г. Въ первой половинѣ XIV вѣка парламентъ получаетъ ту организацію, которую и сохранялъ потомъ въ теченіи шести вѣковъ до нашего времени, а къ серединѣ XV прочно устанавливается и его компетенція

Англійскій парламентъ вполнѣ подходитъ подъ понятіе сословно-представительнаго учрежденія, ибо въ немъ были представлены три сословія, которыя составляли изъ себя англійскую націю, т. е. духовенство, бароны и общины, но отличіе этихъ сословій отъ континентальныхъ заключалось въ томъ, что въ Англіи они не сдѣлались сословіями замкнутыми, съ особыми привилегіями, ихъ разъединявшими, и съ представительствомъ сословнымъ здѣсь соединилось представительство мѣстное, имѣвшее корни въ отдаленной старинѣ и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе получавшее перевѣсъ. „Общины“ Англіи, представленныя въ нижней палатѣ, ближе подходили къ понятію націи, нежели разрозненные „чины“ континентальныхъ государствъ. Палата лордовъ была простымъ продолженіемъ великаго совѣта, состоя изъ прелатовъ и крупныхъ бароновъ, такъ что является съ чертами, характеризующими аналогичныя учрежденія континента, но настоящую самобытность представляетъ намъ изъ себя палата общинъ: въ ней слились воедино мелкое баронство и рыцарство съ гражданствомъ.—Разсматривая эту организацію, мы должны спросить: почему въ Англіи не образовалось особаго „чина“—духовенства? Отвѣтъ на это заключается въ томъ, что высшія духовныя лица подобно крупнымъ баронамъ получали личныя приглашенія на собранія парламента, и весьма было естественно, что эти духовные и свѣтскіе вельможи стали

засѣдать вмѣстѣ. Что касается до низшаго духовенства, имѣвшаго свои эпархіальныя собранія, то оно участвовало въ парламентахъ въ лицѣ своихъ начальниковъ или делегатовъ, которые засѣдали то отдѣльно отъ рыцарей, то вмѣстѣ съ ними, пока не произошло совершенное отдѣленіе ихъ отъ парламента, такъ какъ низшее духовенство предпочло вотировать субсидіи не въ парламентѣ, а въ своихъ спеціальныхъ собраніяхъ (конвокаціяхъ). Такимъ образомъ высшее духовенство слилось съ крупными баронами, а низшее устранилось отъ парламента, и клиръ не составилъ особаго „штата". Съ другой стороны, при первыхъ двухъ Эдуардахъ и рыцари отъ графствъ, и городскіе депутаты вотируютъ то вмѣстѣ, то отдѣльно, и только при Эдуардѣ III окончательно сливаются въ одно цѣлое — палату общинъ, что произошло, кажется, въ сороковыхъ годахъ XIV вѣка: напр., о парламентѣ 1343 г. извѣстно, что лорды собрались въ „бѣлой палатѣ", а рыцари и „коммонеры" въ „крашеной". На почвѣ общественной жизни графствъ происходило сліяніе разныхъ соціальныхъ элементовъ. Мелкіе бароны (barones minores), вассалы короля, и рыцари (milites), подвассалы, имѣли много общихъ интересовъ и совершенно одинаково призывались въ парламентъ циркулярами на имя шерифовъ. Старинныя собранія графствъ были наиболѣе удобнымъ средствомъ для призыва въ magnum consilium мелкихъ бароновъ по 14 статьѣ великой хартіи, а потомъ и рыцарей (правильно съ 1295 года), тѣмъ болѣе, что рыцари отъ графствъ издавна выбирались для разныхъ мѣстныхъ дѣлъ. Въ этихъ собраніяхъ они избирались de jure, по крайней мѣрѣ, всѣми имѣвшими право участвовать въ самихъ собраніяхъ, а таковыми были всѣ „свободные держатели" (libere tenentes), съ 1430 г. (статутъ Генриха VI) съ 40 шиллингами поземельнаго дохода. Англійское рыцарство не было замкнутымъ сословіемъ: въ него проникали свободные собственники, горожане, пріобрѣтавшіе рыцарскія помѣстья, и изъ него выработался для всѣхъ открытый помѣстный

классъ—джентри, вполнѣ опредѣлившійся вслѣдствіе закона о цензѣ въ 40 шиллинговъ,—классъ, съ коимъ, благодаря этому закону, тѣсно соединился и классъ фригольдеровъ, т. е. мелкихъ свободныхъ собственниковъ нерыцарскихъ имѣній. Такимъ образомъ къ серединѣ XV в. произошло сліяніе въ общемъ земствѣ мелкихъ феодальныхъ и просто свободныхъ соціальныхъ элементовъ, причемъ своимъ феодальнымъ характеромъ это земство не очень рѣзко отдѣлялось отъ феодальнаго элемента верхней палаты. Прежде нежели джентри выработалась окончательно, началось сліяніе ея представителей съ представителями городовъ.

Въ Англіи города не были коммунами во французскомъ смыслѣ. Лишь немногіе изъ нихъ получили хартіи, дѣлавшія изъ нихъ особыя графства, т. е. ставившія ихъ наравнѣ съ послѣдними: большею частью города не выдѣлялись изъ графствъ, въ коихъ находились. Политическое значеніе городовъ (особенно въ сравненіи съ джентри) было незначительно (исключая Лондонъ), да и не было опредѣленнаго порядка ихъ созыва въ парламентъ. Все это мѣшало образованію особой палаты горожанъ, и наоборотъ, было много причинъ для того, чтобы ихъ представители соединялись съ рыцарями отъ графствъ. Члены низшаго дворянства покупали себѣ дома въ городахъ, горожане пріобрѣтали имѣнія въ графствахъ, да и браки между обоими сословіями были часты. Оба они были членами одного и того же графства, подчинены одному и тому же шерифу, и городская милиція должна была являться туда же, куда являлась и сельская и т. д.

Какой же былъ составъ каждой изъ этихъ палатъ?

Верхняя палата состояла изъ лицъ, начавшихъ называться пэрами королевства и носившихъ разные аристократическіе титулы: ихъ право было быть лично призываемыми въ парламентъ и составлять особую его часть. Мало по малу званіе пэра сдѣлалось независимымъ отъ феодальнаго землевла-

дѣнія, ибо королевская власть имѣла право приглашать, кого ей было угодно. Тѣмъ не менѣе пэрство сдѣлалось наслѣдственнымъ, и наслѣдственность основывалась не на феодальномъ держаніи, а на фактѣ королевскаго приглашенія, причемъ званіе пэра переходило только къ одному старшему сыну. Благодаря этому, англійская аристократія не была уже прямо феодальною аристократіей, и самое званіе пэра было особымъ политическимъ правомъ, не распространявшимся на остальныхъ дѣтей пэра, которые такимъ образомъ сливались съ остальной массой. Должностныя лица великаго совѣта мало по малу утрачиваютъ свое значеніе, сливаются съ недолжностными, и самъ королевскій совѣтъ наполняется пэрами.

Въ нижней палатѣ было 74 рыцаря отъ графствъ, по два изъ каждаго 37 графства, на которыя дѣлилась Англія. Городское представительство было крайне неправильно, да и не особенно города дорожили этимъ правомъ: многимъ казалось тяжелымъ платить два шиллинга въ день своему депутату, а интереса къ парламентской дѣятельности не было. Кромѣ того, часто въ вопросѣ о налогахъ выгоднѣе было не выдѣляться изъ графства, гдѣ налоги были ниже. Сговорчивость горожанъ заставляла однако королей увеличивать число городовъ, призывавшихся въ парламентъ: они могли составить противовѣсъ противъ джентри, но они часто и уклонялись отъ появленія въ парламентѣ. Къ концу царствованія Эдуарда I число призываемыхъ городовъ было 166, а послѣ Ричарда II только 99, кромѣ Лондона. Распредѣлены эти города были между графствами крайне неравномѣрно, а право избиранія весьма различно въ разныхъ городахъ—гдѣ въ рукахъ замкнутой олигархіи, гдѣ въ рукахъ гражданъ и т. п. Не смотря на все это, горожанъ въ парламентѣ къ концу среднихъ вѣковъ было больше, чѣмъ рыцарей отъ графствъ (первыхъ 226 на 74 вторыхъ), хотя руководящая роль принадлежала все-таки послѣднимъ, ибо въ мѣстной жизни графствъ главными дѣятелями были они.

Таковъ былъ составъ англійскаго парламента, въ основѣ коего лежали мѣстное самоуправленіе и сліяніе сословій въ одно цѣлое. Не смотря на относительную самостоятельность графствъ, парламентъ не превратился въ конгрессъ пословъ отъ самобытныхъ политическихъ организмовъ, у которыхъ были бы сепаратистическія тенденціи, а сліяніе сословій не позволяло ему сдѣлаться простымъ соединеніемъ отдѣльныхъ и другъ къ другу враждебно расположенныхъ чиновъ. Въ англійскомъ парламентѣ счастливо сочетались принципы государственнаго единства и мѣстнаго самоуправленія, элементы феодальные и нефеодальные, земскіе и городскіе. Въ обоихъ отношеніяхъ полную противоположность англійскому парламенту мы видимъ въ конгрессивномъ и односословномъ польскомъ сеймѣ, организовавшемся къ началу XVI вѣка. Сравненіе между обоими учрежденіями будетъ небезполезно *).

Польскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: изъ сената и посольской избы. Сенатъ былъ королевскимъ совѣтомъ ранняго происхожденія и состоялъ изъ епископовъ и вельможъ (пановъ), т. е. былъ чѣмъ-то въ родѣ англійскаго magnum consilium, а въ посольской избѣ была представлена только одна шляхта или рыцарство (rycerstwo), выбиравшее своихъ „пословъ" на воеводскихъ сеймикахъ, т. е. на поголовныхъ собраніяхъ шляхты въ отдѣльныхъ воеводствахъ, на которыя дѣлилось государство, причемъ послы не получали тѣхъ полномочій, какими были снабжены англійскіе рыцари отъ графствъ, а снабжались инструкціями сеймиковъ, связывавшими ихъ самостоятельность: односословность и конгрессивность посольской избы главнымъ образомъ и отличаетъ ее отъ палаты общинъ. Въ Польшѣ все захватила въ свои руки шляхта, считавшая себя земскимъ элементомъ (ziemianie) и исключившая изъ сейма городское сословіе, а съ другой стороны, сейму, какъ общегосударственному со-

*) См. мою книгу «Историческій очеркъ польскаго сейма» (М. 1888), гдѣ дѣлается сравненіе сейма съ другими учрежденіями подобнаго рода.

бранію, не удалось подчинить себѣ воеводскіе сеймики (нѣчто въ родѣ собраній графствъ), и съ теченіемъ времени сеймиковый сепаратизмъ даже получилъ преобладаніе надъ сеймомъ. Произошло и то, и другое въ Польшѣ, вопервыхъ, потому, что въ эпоху возникновенія сейма въ Польшѣ, городское населеніе въ ней было нѣмецкое, сторонившееся отъ національной польской жизни, а вовторыхъ, потому, что воеводства, бывшія нѣкогда удѣльными княжествами, не успѣли окончательно сплотиться въ единое государство ко времени возникновенія общаго сейма, оставаясь чуть не въ личной только уніи между собою, какъ совершенно отдѣльныя земства. Если англійскій парламентъ былъ выраженіемъ единства земли и органомъ общесословнаго представительства, то онъ имѣлъ всѣ преимущества передъ континентальными „государственными чинами", въ которыхъ были представлены съ наибольшею силою мѣстные и сословные интересы, но нигдѣ до такой степени интересы отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльнаго сословія не брали такого перевѣса надъ общегосударственными и національными, какъ въ Польшѣ съ ея конгрессивнымъ и однососсловнымъ сеймомъ. Англія нашла середину между принципомъ крайней централизаціи, возобладавшимъ впослѣдствіи во Франціи, и принципомъ крайней децентрализаціи, проявившемся въ Польшѣ, и возвысилась не только надъ однососсловностью, которая нашла свое выраженіе въ исключительно шляхетскомъ составѣ польской нижней палаты, но и надъ чисто механическимъ соединеніемъ трехъ сословій во французскихъ генеральныхъ штатахъ. Англія была сильна началомъ земли, противополагавшимся началу власти, но именно единой земли, хотя и раздѣленной на графства, а не земель съ преобладаніемъ мѣстныхъ интересовъ, какъ въ Польшѣ, и именно земли, а не отдѣльныхъ чиновъ, спорившихъ за сословныя свои привилегіи, какъ во Франціи, или одного сословія, стремившагося захватить всю власть въ свои руки съ ущербомъ для другихъ сословій, какъ опять-таки въ Польшѣ. Благодаря

этому, Англія избѣжала и французскаго королевскаго деспотизма, возвысившагося надъ сословною разрозненностью генеральныхъ штатовъ, и польской шляхетской анархіи, дѣйствовавшей на государство разлагающимъ образомъ, избѣжала власти, не понимающей интересовъ земли, и не сдѣлалась землей, не хотящею знать никакой власти.

Какія же установились отношенія между властью и землей въ Англіи?

IX. Права парламента.

Политическая теорія Брактона и Фортескью. — Права парламента при Эдуардѣ III.—Два политическихъ направленія при Ричардѣ II и революція 1399 года. — XV в. въ Англіи. — Общій взглядъ на компетенцію парламента. — Его финансовая власть. — Законодательная инициатива и билли.—Права палатъ парламента и его членовъ.—Судъ парламента надъ королевскими совѣтниками.—Англія при Тюдорахъ и Стюартахъ.—Середина XIII и XVII вв. въ исторіи Англіи, Германіи и Франціи.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Англіи уже существовала теорія ограниченной королевской власти, сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ націи, ея политической традиціей. По этой теоріи, законъ считался выше короля, а источникомъ закона были совѣтъ и согласіе представителей земли,—принципы, противоположные тѣмъ, которые заявлялись на континентѣ юристами, изучавшими римское право. Идея эта развивалась уже при Генрихѣ III судьей Брактономъ: король выше всѣхъ въ королевствѣ, но самъ онъ состоитъ подъ Богомъ и закономъ, ибо законъ дѣлаетъ его королемъ, и о существованіи закона напоминаютъ королю его товарищи (comites, т. е. графы и бароны), какъ о границѣ его власти, самъ же законъ установляется „съ совѣта и согласія“ страны и короля (legis habet vigorem quicquid de consilio et consensu magnatum et reipublicae communi sponsione, auctoritate regis,

juste fuerit definitum). Главнымъ теоретикомъ этой идеи былъ въ серединѣ XV в. Джонъ Фортескью, одно время бывшій канцлеромъ и воспитателемъ сына Генриха VI Эдуарда, бѣжавшій во Францію во время войны двухъ розъ и тамъ написавшій сочиненіе въ похвалу законамъ своей родины (De laudibus legum Angliae). Этотъ государственный человѣкъ былъ юристъ, отдававшій преимущество англійскимъ принципамъ передъ римскими и французскими, являясь сторонникомъ ограниченной монархіи (limited monarchy) противъ абсолютной (absolute monarchy). По его теоріи, основы коей были заимствованы у Өомы Аквинскаго, есть два вида правленій — королевское (dominium regale), основанное на личной силѣ правителя, и политическое (d. politicum), требующее народнаго согласія. Англія же соединяетъ въ себѣ оба эти правленія, имѣя короля и законы, издаваемые съ согласія всѣхъ, т. е. она есть третья форма: dominium regale et politicum. Въ первомъ видѣ правленія силу закона имѣетъ то, что благоугодно государю (quod principi placuit legis habet vigorem), но этого-то и нѣтъ въ Англіи, ибо безъ согласія подданныхъ король не можетъ ни измѣнять законовъ, ни налагать на народъ податей. Тѣмъ не менѣе Фортескью признавалъ за королями особыя права въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ во время войны и внутреннихъ смутъ. Такова была идея, но въ подробностяхъ существовали спорныя права, относительно которыхъ политическая жизнь еще не рѣшила—принадлежатъ ли они одному королю или и относительно ихъ нужны „совѣтъ и согласіе". Изъ-за этихъ правъ велась борьба еще въ средніе вѣка, борьба, окончившаяся лишь въ XVII столѣтіи.

Мы упоминали, что царствованіе Эдуарда II (1307—1327) прошло въ борьбѣ короля и аристократіи, и что король былъ низложенъ. Борьба продолжается и при Эдуарѣ III (1327—1377), но тутъ за парламентомъ окончательно утверждается право вотированія субсидій: король могъ объявлять войну, деньги же получить могъ только

чрезъ парламентъ, и на этомъ правѣ утвердилось еще другое, право законодательства, т. е. или парламентъ вотировалъ законы, проекты коихъ вносились въ него изъ королевскаго совѣта, или самъ подавалъ королю петиціи, которыя съ королевскаго утвержденія превращались въ статуты. Правда, парламентская петиція иногда измѣнялась при утвержденіи королемъ, но парламентъ добился мало-по-малу того, чтобы такихъ измѣненій не было. Третьимъ правомъ парламента было право контроля надъ королевскими совѣтниками: король былъ неотвѣтственъ, отвѣчать за его дѣйствія должны были дурные совѣтники, и парламентъ пытался-было пріобрѣсти право участвовать въ самомъ назначеніи королевскихъ совѣтниковъ (чтобы они брались изъ палаты лордовъ и въ опредѣленные сроки давали отчетъ парламенту), но утвердилось за нимъ только право обвиненія нижнею палатою королевскихъ чиновниковъ передъ верхнею палатою, которая въ подобныхъ случаяхъ и дѣлалась судомъ надъ ними. Царствованіе Ричарда II (1377—1399) было временемъ еще большей борьбы между обѣими политическими силами: и парламентъ, и король поставили вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ весьма остро, парламентъ—ссылаясь на свое право низложенія короля въ случаѣ управленія безъ согласія парламента и требуя, чтобы король выбиралъ своихъ совѣтниковъ изъ членовъ парламента (1386 г.), Ричардъ II—заявляя принципы абсолютизма и утверждая, что король лучше знаетъ народныя нужды, чѣмъ парламентъ. Побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону, а въ этой рѣзкой постановкѣ вопроса мы видимъ зарожденіе двухъ разныхъ теченій въ англійской исторіи, которыя легко прослѣдить въ теченіи трехъ вѣковъ — отъ конца XIV до конца XVII в.: съ одной стороны, было стремленіе расширить королевскія права, съ другой—права парламента. Въ результатѣ въ концѣ XIV в., какъ и позднѣе, въ концѣ XVII столѣтія,

(вторая англійская революція 1688 г.) король потерпѣлъ пораженіе: если въ 1398 г. „самоубійственный“ парламентъ далъ королю почти неограниченную власть, то въ слѣдующемъ году парламентъ же, но состоявшій изъ оппозиціи, низложилъ Ричарда II, обставивъ эту революцію юридическими формальностями. Собраніе 1399 г., созванное Ричардомъ II, но не бывшее открытымъ по королевскому полномочію и потому, повидимому, не рѣшившееся назвать себя парламентомъ, придало низложенію короля видъ отреченія, которое стало разсматриваться влекущимъ за собою тѣ же послѣдствія, что и смерть короля, т. е. признано было, что парламентъ, созванный Ричардомъ II, пересталъ существовать вмѣстѣ съ отреченіемъ короля, но онъ тотчасъ же былъ собранъ призывными грамотами Генриха IV. Въ своемъ отреченіи Ричардъ II мотивировалъ этотъ актъ своимъ дурнымъ управленіемъ, и парламентъ, какъ бы согласившись съ такимъ мотивомъ послѣ разсмотрѣнія своего рода обвинительнаго акта, составленнаго противъ короля, подтвердилъ еще это отреченіе торжественнымъ актомъ низложенія.

Вступленіе на престолъ ланкастерской династіи было въ сущности узурпаціей: права, на основаніи которыхъ Генрихъ IV сдѣлался королемъ, были весьма спорныя, но узурпація эта санкціонирована была парламентомъ, и новая династія, обязанная своимъ возвышеніемъ народному представительству, должна была поддерживать принципы, восторжествовавшіе въ 1399 году. Генрихъ IV опирается на парламентъ въ борьбѣ съ врагами и дѣлаетъ ему существенныя уступки. Ланкастерскій король настолько укрѣпился на престолѣ, что передалъ его своему сыну (Генриху V, 1413—1422), но при внукѣ его (Генрихѣ VI) начинается война алой и бѣлой розы (1455), закончившаяся лишь черезъ 30 лѣтъ (1485) съ переходомъ короны къ Генриху VII Тюдору. Въ эту смутную эпоху погибло большинство бароновъ норманнскаго происхожденія, аристократія пришла въ упадокъ, парламенты, собиравшіеся за это время, были орудіемъ въ рукахъ торжествующихъ побѣдителей, и все

это подготовляло усиленіе королевской власти при Тюдорахъ (1485—1603). Но парламентъ и при нихъ сохранился, сохранились и его стародавнія традиціи. Мало того, претенденты на престолъ во второй половинѣ XV в. добивались утвержденія своихъ правъ со стороны парламента, что въ теоріи еще больше поднимало его значеніе.

Вотъ съ какими правами переходитъ англійскій парламентъ въ новую исторію, хотя права эти, какъ было уже замѣчено, весьма часто были еще предметомъ спора. Въ общемъ парламентъ получилъ характеръ учрежденія, въ извѣстныхъ отношеніяхъ ограничивающаго королевскую власть: для изданія статутовъ требовалось его согласіе, онъ вотировалъ субсидіи и даже имѣлъ возможность въ разныхъ случаяхъ вмѣшиваться и въ дѣла управленія, зависѣвшія отъ королей, которые съ своими совѣтниками и были настоящимъ центромъ послѣдняго. Случаи такого вмѣшательства были часты, но попытки парламента систематизирать эти случаи и прочно организовать свое вліяніе въ управленіи были прямо нападеніями на королевскую „прерогативу“ въ формѣ отказа въ субсидіяхъ, требованія удалить дурныхъ совѣтниковъ и даже возстанія, и все зависѣло отъ личности короля: сильный король дѣлалъ безуспѣшными попытки въ этомъ родѣ, и только въ новое время, какъ извѣстно, найдена была форма, посредствомъ которой парламентъ сталъ оказывать правильное вліяніе на управленіе. Вопросъ былъ однако поставленъ еще въ средніе вѣка.

Право вотировать налоги, какъ уже очень древнее право, почти не оспаривалось въ XV вѣкѣ, и эта финансовая власть парламента сдѣлалась опорою для пріобрѣтенія новыхъ правъ. Она не состояла, однако, въ одномъ вотированіи налоговъ, но мало по малу расширилась въ право спеціализировать и ограничивать государственные расходы, а также ставить вотированіе субсидій въ зависимость отъ удовлетворенія жалобъ и петицій и даже отчасти въ право кон-

тролировать расходы. По теоріи, король долженъ былъ жить своими средствами, т. е. покрывать расходы по двору и управленію обыкновенными своими доходами, а для этого королевскія помѣстья (домены) не должны были отчуждаться. Короли имѣли однако возможность доставать деньги и иными путями, напр., въ формѣ принудительныхъ займовъ (напр., у евреевъ) или заграничныхъ займовъ и т. п.

Правомъ отказа въ субсидіяхъ парламентъ пользовался для устраненія злоупотребленій и для расширенія своего участія въ законодательствѣ, подавая королю жалобы (gravamina) и петиціи. Мало по малу къ концу этого періода развилась законодательная инииціатива палатъ, т. е. право почина въ изданіи законовъ. Законодательная власть парламента почти не подвергается нападенію въ XV в., а только что указанное право почина выработалось изъ петицій, превратившихся въ готовые проекты законовъ или билли (bills). Вотъ какимъ образомъ это произошло. Главными источниками статутовъ были или королевскія предложенія, или парламентскія петиціи, причемъ безъ согласія парламента или безъ согласія короля статутъ не могъ состояться: король пользовался абсолютнымъ veto, а парламентъ „авторитетомъ". Однако, королевская власть безъ парламента издавала иногда распоряженія законодательнаго характера, отмѣняла (изрѣдка, впрочемъ) статуты, пріостанавливала ихъ дѣйствіе (суспенсивная власть), освобождала отъ ихъ примѣненія отдѣльныя лица или цѣлыя категоріи лицъ — и все это дѣлала помимо парламента, что нерѣдко было причиной борьбы не только въ средніе вѣка, но и въ новое время. Вмѣстѣ съ этимъ судьи и клерки заносили въ статуты парламентскія петиціи съ измѣненіями, и на это также весьма часто жаловались общины. При Генрихѣ V наконецъ состоялась сдѣлка: общины выставили на видъ, что въ законодательствѣ они являются не только просителями, но и стороною, дающею свое согласіе на законъ, въ силу чего измѣненія въ петиціяхъ находятся въ несоотвѣтствіи съ правами палаты, а Генрихъ

V, согласившись съ такимъ доводомъ, обѣщалъ ничего не измѣнять въ петиціяхъ, сохранивъ за собою все-таки прежнее право и отвергать ихъ. Этимъ-то и создано было право парламентской инициативы: петиціи, лишь цѣликомъ принимаемыя или отвергаемыя, сдѣлались проектами законовъ и мало-по-малу даже получили форму готовыхъ законопроектовъ, дабы судьямъ и клеркамъ не было надобности измѣнять ихъ хотя бы даже только въ смыслѣ редакціонномъ, пока при Генрихѣ VI не было прямо установлено, чтобы именно въ формѣ уже совсѣмъ готовыхъ биллей были вносимы въ парламентъ эти проекты. Билли могли возникать въ верхней или нижней палатѣ и изъ той, въ которой возникали, должны были переноситься въ другую, прежде чѣмъ идти на королевское утвержденіе.

Право созванія парламента принадлежало королю, но парламенты неоднократно съ середины XIV вѣка выражали желаніе, чтобы ихъ собирали ежегодно. Тѣмъ не менѣе и въ царствованіе Эдуарда Ш, и при Ричардѣ II бывали случаи неежегоднаго созванія парламентовъ, повторявшіеся и при ланкастерской династіи, а Эдуардъ IV въ двадцать два года своего правленія созывалъ парламентъ только шесть разъ. Палата общинъ мало-по-малу заняла мѣсто, равнозначущее съ верхней палатой, а въ одномъ отношеніи ей принадлежало даже первенство: въ 1407 г. палата общинъ протестовала противъ того, что король (Генрихъ IV) совѣщался съ духовными и свѣтскими лордами о субсидіяхъ, и выразили желаніе, чтобы впредь верхняя палата занималась этимъ дѣломъ лишь въ отсутствіи короля, и чтобы ни лордамъ, ни общинамъ не дозволялось сообщать королю о субсидіяхъ, которыя будутъ назначены общинами (какъ представителями главныхъ плательщиковъ) съ согласія лордовъ,—прежде нежели лорды и общины не договорятся по этому предмету, да и самое извѣщеніе должно бы совершаться лишь устами спикера (оратора) палаты общинъ. Вообще обѣ палаты жили въ согласіи, и съ 1407 г. между

ними установилось такое отношеніе, какое было желательно общинамъ. Далѣе, права парламента должны были отразиться и на привилегированномъ положеніи его членовъ—въ личной ихъ неприкосновенности и въ правѣ свободной рѣчи въ парламентѣ. Начало этихъ правъ заключалось въ особомъ положеніи лордовъ, съ коихъ они были перенесены и на коммонеровъ (общины), но въ началѣ каждой сессіи избранный палатою спикеръ просилъ короля подтвердить привилегіи членовъ палаты. Привилегіи обыкновенно подтверждались, но подчасъ и нарушались, особенно въ эпоху борьбы двухъ розъ. Окончательное торжество прициповъ неприкосновенности депутатовъ и свободы преній принадлежитъ уже новому времени.

Въ средніе вѣка парламенты весьма часто стремились добиться положительнаго вліянія на назначеніе королевскихъ совѣтниковъ, т. е. членовъ тайнаго совѣта, имѣвшаго весьма широкое значеніе, какъ средоточіе всего управленія. Бывали случаи, что король составлялъ свой совѣтъ по желанію парламента, но къ концу среднихъ вѣковъ тайный совѣтъ дѣлается главною опорою королевской власти, да и собственное его значеніе сильно выростаетъ. Не добившись превращенія королевскаго совѣта въ свой постоянный комитетъ, парламентъ тѣмъ не менѣе запасается оружіемъ противъ дурныхъ совѣтниковъ, возбуждая противъ нихъ судебное преслѣдованіе, причемъ обвиненіе вчиналось нижней палатой, а судила верхняя. Во второй половинѣ XV в. появляется еще bill of attainder: если не было подходящаго закона, подъ который можно было бы подвести данный поступокъ, законъ создавался послѣ совершенія подлежавшаго наказанію дѣянія, которое подъ этотъ законъ подводилось, а наказаніе назначалось въ видѣ смертной казни. Хотя такимъ биллемъ сначала пользовались сами короли въ эпоху алой и бѣлой розъ, но онъ сдѣлался именно въ рукахъ парламента какъ бы дамокловымъ мечомъ, готовымъ опуститься надъ дурнымъ совѣтникомъ короля.

По окончаніи войны алой и бѣлой розы парламентъ перешелъ въ XVI вѣкъ ослабленнымъ, королевская власть при Тюдорахъ усиливается до весьма значительной степени, но парламентская традиція продолжаетъ жить, многія права парламента остаются внѣ спора, хотя другія, какъ и прежде, являются спорными. Дальнѣйшая англійская исторія, сводясь съ политической стороны къ исторіи отношеній королевской власти и парламента до окончательнаго торжества парламента, начинающагося съ 1689 года, распадается на два періода, которые соотвѣтствуютъ двумъ династіямъ, царствовавшимъ въ Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ, Тюдорамъ (1485 — 1630) и Стюартамъ (1603 — 1688). Эпока Тюдоровъ была временемъ сильной королевской власти и несамостоятельныхъ парламентовъ, эпоха Стюартовъ—временемъ борьбы между королевскою властью и правами парламента. Извѣстно, что обѣ эти эпохи тѣсно связаны и съ исторіей религіозной реформаціи, принявшей въ Англіи двоякій характеръ—реформаціи королевской и реформаціи народной, увидимъ, что первая усиливала въ Англіи монархическую власть и что политическое столкновеніе при Стюартахъ было столкновеніемъ не только политическимъ, но и религіознымъ—между двумя реформаціями.

Итакъ, парламентъ возникаетъ въ Англіи во второй половинѣ XIII вѣка и въ эту же эпоху намѣчается та борьба между королевскою властью и парламентомъ, которая закончилась только въ исходѣ XVII столѣтія, т. е. протянулась съ перерывами цѣлые четыре вѣка. Замѣчательно совпаденіе главныхъ явленій середины XIII и середины XVII вѣковъ и въ исторіи Германіи и Франціи. Въ жизни нѣмецкаго народа это было время „великаго междуцарствія“, время распаденія Германіи на отдѣльныя княжества, закончившагося въ серединѣ XVII вѣка, послѣ тридцатилѣтней войны, когда вестфальскій миръ (1648) превратилъ Германію чуть не въ простой географическій терминъ, хотя и подъ названіемъ имперіи: четыре

вѣка и здѣсь (1250—1648) совершается процессъ распаденія единаго государства и расширенія территоріальной власти князей, и какъ извѣстно, и въ Германіи важная политическая роль въ этомъ процессѣ принадлежала религіозной реформаціи, усилившей княжескую власть. Иное мы видимъ во Франціи: современникомъ великаго междуцарствія въ Германіи и перваго парламента въ Англіи былъ Людовикъ IX Святой, при которомъ уже вполнѣ намѣтилось будущее возвышеніе королевской власти, а современникомъ обѣихъ англійскихъ революцій и вестфальскаго мира четыре вѣка спустя Людовикъ XIV, образецъ абсолютнаго короля. Франція не приняла реформаціи, имѣвшей большое вліяніе на политическую исторію и въ Германіи, и въ Англіи но реформаціонное движеніе и въ ней было, получивъ въ политическомъ отношеніи характеръ феодальной и муниципальной реакціи противъ роста королевской власти.

Мы разсмотрѣли феодальный и муниципальный строй среднихъ вѣковъ, познакомились съ тѣмъ, какъ на его основахъ выросли сословно-представительныя учрежденія, прослѣдили въ общихъ чертахъ судьбу одного изъ нихъ—парламента, а теперь перейдемъ къ королевской власти.

X. Королевская власть во Франціи *).

Королевская власть и исторія Франціи. — Римская традиція въ исторіи королевской власти во Франціи. — Характеръ власти итальянскихъ князей. — Одновременность усиленія королевской власти въ разныхъ странахъ. — Общій взглядъ на взаимныя отношенія королевской власти и феодализма съ XII по XVIII в.—Короли и генеральные штаты.—Административная централизація. — Королевская власть въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени.—Парижскій парламентъ.

Новое время на континентѣ Европы характеризуется развитіемъ королевской власти вплоть до кризиса 1789 г.,

*) Luchaire. Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens. Giraud-Teulon. Royauté et bourgeoisie. Chéruel Hist. de l' administration monarchique en France. Dareste Hist. de l' administration en France.

когда основнымъ стремленіемъ дѣлается ограниченіе королевской власти по англійскому образцу: новое время было эпохою паденія или упадка сословно-представительныхъ учрежденій, выросшихъ на феодально-муниципальной почвѣ, и только въ XIX вѣкѣ, но уже на новыхъ началахъ возраждаются представительныя учрежденія. Наиболѣе типичною страною въ этомъ отношеніи является Франція. Она рано и сильно феодализировалась въ политическомъ отношеніи, такъ что ея король сдѣлался простымъ главою политической федераціи феодальныхъ сеньеровъ, къ коимъ присоединились съ теченіемъ времени суверенныя коммуны. Во Франціи генеральные штаты были характернымъ выраженіемъ сословной разрозненности, какъ одного изъ условій для того, чтобы королевская власть могла сдѣлаться отъ нихъ независимой. Уже въ началѣ XVI. вѣка французскій король считается наиболѣе подходящимъ къ типу абсолютнаго монарха, въ началѣ XVII в. генеральные штаты обнаруживаютъ свою несостоятельность, а Ришелье и Людовикъ XIV и создаютъ то зданіе, которое было разрушено только революціей 1789 г. Съ этой точки зрѣнія исторія королевской власти на Западѣ, достигшей въ новое время абсолютизма, лучше всего изучается именно на примѣрѣ Франціи.

Королевская власть въ средневѣковыхъ государствахъ была происхожденія германскаго, но германскій характеръ, какъ мы видѣли, она сохранила только въ Англіи: въ другихъ государствахъ она сильно подверглась римскому вліянію, и благодаря именно ему, она ассоціировалась очень рано съ идеей абсолютизма. Попытка Карла Великаго возстановить императорскую власть окончилась неудачей, но идея абсолютизма не умерла и послѣ распаденія его имперіи. Если универсальность этой власти сдѣлалась признакомъ, за которымъ погнались нѣмецкіе короли, то ея неограниченность стала, такъ сказать, сдѣлалась французской политической традиціей. Франкскіе короли, основавши госу-

дарство въ Галліи, сдѣлались преемниками римскихъ цезарей надъ галло-римскимъ населеніемъ, и римскій взглядъ на власть вступилъ въ борьбу съ германскимъ, пока все не было покрыто феодализмомъ, и положеніе первыхъ капетингскихъ королей не представило собою образецъ феодальной монархіи, въ которой король былъ простой вотчинникъ и „первый между равными". Реальная основа власти первыхъ Капетинговъ дѣйствительно заключалась въ ихъ родовомъ феодѣ и въ вассальныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились къ нимъ герцоги и графы, но идея этой власти оставалась римская, сохраняясь главнымъ образомъ среди духовенства, какъ носителя римскихъ традицій, а затѣмъ и въ народной массѣ: вспомнимъ хотя бы аббата Сугерія, помогавшаго Людовикамъ VI и VII возвысить королевскій авторитетъ, и ту поддержку, какую короли находили въ народѣ противъ феодаловъ. Въ XIII в. особенно оживляется эта идея, когда короли, начиная съ Филиппа II Августа, современника Іоанна Беземельнаго, окружаютъ себя юристами, изучавшими римское право: эти „легисты"(законники) были проникнуты политическими принципами императорскаго Рима, которые и переносили на своихъ королей, уча, что силу закона имѣетъ то, что благоугодно государю (quod principi placuit legis habet vigorem), и на рубежѣ XIII и XIV вв. Филиппъ Красивый, тотъ самый, который собралъ первые генеральные штаты, уже ссылался на „полноту своей власти". По мѣрѣ того, какъ королевская власть сокрушаетъ феодализмъ, опираясь на города, потомъ лишая и города самостоятельности, по мѣрѣ того, какъ она отдѣлывается отъ генеральныхъ штатовъ, созданныхъ ею самою же въ интересахъ государственнаго объединенія, носители этой власти еще болѣе проникаются римскимъ возрѣніемъ на ея значеніе, а въ концѣ среднихъ вѣковъ у нихъ есть передъ глазами и образцы такой власти безъ всякой феодальной подкладки — въ лицѣ итальянскихъ князей.

Первый примѣръ монарховъ безъ малѣйшей примѣси фео-

дальныхъ началъ мы, дѣйствительно, видимъ въ итальянскихъ городахъ конца среднихъ вѣковъ. Нужно припомнить то, что сказано было выше. Феодализмъ былъ соединенiемъ суверенитета съ землевладѣнiемъ; впервые ихъ разъединенiе произошло въ городскихъ общинахъ, достигшихъ политической самостоятельности, и сильнѣе всего въ суверенныхъ итальянскихъ городовыхъ республикахъ, гдѣ явилась государственная власть безъ всякой аграрной основы. Эта власть была республиканская, но въ итальянскихъ муниципiяхъ повторилась античная борьба между аристократiей и демократiей, во время которой повторялось и то, что равнымъ образомъ было знакомо классическому мiру, когда въ греческихъ политiяхъ водворялась тираннiя въ древнемъ смыслѣ этого слова. Итальянскiй принципатъ (княжеская власть) характеризуетъ собою XIV и XV вѣка, какъ болѣе раннюю эпоху характеризуютъ городовыя республики, выбившiяся изъ-подъ феодальнаго гнета. Итальянскiй principe этой эпохи не феодальный сеньеръ, не государь-помѣщикъ, а представитель неограниченной государственной власти, принадлежавшей прежде населенiю города, а теперь перешедшей къ нему: у его власти весьма часто нѣтъ ни законности, такъ какъ она есть результатъ узурпацiи, ни надлежащей прочности, такъ какъ она нерѣдко держится одной силой, ни правильной преемственности, такъ какъ довольно часто нарушается ея наслѣдственная передача, но не въ томъ дѣло. Главное — въ власти, опирающейся не на землевладѣнiе, и въ неограниченности этой власти, обусловленной, съ одной стороны, совершеннымъ разложенiемъ республиканскаго быта, а съ другой, опорою, какую „принципамъ“ оказывали наемныя войска: нерѣдко вѣдь и сами вожди такихъ наемныхъ дружинъ (кондотьеры) захватывали власть. Въ культурномъ отношенiи это была эпоха классическаго Возрожденiя, о коемъ рѣчь будетъ идти ниже, а тогда римскiя политическiя идеи оказали и влiянiе на самую жизнь, и въ началѣ XVI в. практика, какою установлялись въ Италiи но-

вые порядки, нашла своего теоретика въ лицѣ Макіавелли, „Государь“ котораго сталъ оракуломъ и настольной книгой континентальныхъ королей XVI вѣка. Вотъ эта-та княжеская политика въ Италіи и сдѣлалась предметомъ подражанія со стороны французскихъ королей послѣ того, какъ рѣшеніе генеральныхъ штатовъ 1439 г. поставило ихъ въ возможность опираться на постоянную армію и взимать налоги безъ согласія „чиновъ“ королевства.

Примѣръ этотъ дѣйствовалъ и въ иныхъ странахъ, гдѣ условія, аналогичныя французскимъ, подрывали значеніе сословно-представительныхъ учрежденій и вели къ усиленію королевской власти. Мы видѣли, что послѣднее произошло даже въ Англіи съ вступленіемъ на престолъ Генриха VII Тюдора (1485), даже раньше, при Эдуардѣ IV (1461—1483), лишь шесть разъ въ 22 года созывавшемъ парламентъ. Бракъ Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской (1469) подготовлялъ соединеніе ихъ королевствъ въ одну Испанію, въ которой уже устанавливается абсолютизмъ Карла I (V по Германіи) и Филиппа II и т. п. Въ Германіи идея абсолютизма переносится на княжескую власть, и доктора римскаго права, дѣлающіеся университетскими профессорами и княжескими совѣтниками, въ этомъ дѣлѣ играютъ весьма замѣтную роль.

Постепенное установленіе абсолютизма въ феодальной Европѣ представляетъ большой историческій интересъ, и особенно, повторяю, любопытно прослѣдить этотъ процессъ на исторіи Франціи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ примѣромъ того, какъ новая власть, возникшая среди устарѣлыхъ учрежденій, однако уживается съ ними, подобно тому, какъ въ Римѣ послѣ 30 г. до Р. Х. новая власть принцепса уживается съ прежними республиканскими учрежденіями, которыя и существуютъ бокъ съ нею весьма долгое время, пока не исчезаютъ, окончательно подкопанные новымъ политическимъ началомъ: и во Франціи случилось то же, ибо королевская власть, не смотря на свои римскія традиціи,

только въ XII в. выступаетъ на новую дорогу, дѣлается сама новымъ элементомъ въ феодально-муниципальномъ строѣ, а впослѣдствіи вводитъ новую по отношенію къ этому строю систему централизаціи и бюрократическаго управленія, столь отличную отъ феодальнаго и муниципальнаго раздробленія и феодализаціи государственныхъ должностей. На первыхъ порахъ эта власть, подобно власти первыхъ римскихъ цезарей, была status extra ordinem, и если впослѣдствіи она стала ссылаться на свое историческое право, то у феодальнаго и муниципальнаго міра было также свое историческое право, шедшее изъ эпохи полнаго господства феодализма и коммунальнаго движенія, и съ точки зрѣнія этой традиціи особенно феодальные, а отчасти и буржуазные элементы общества часто смотрѣли, какъ на нѣчто незаконное, произвольное, на всѣ проявленія новаго начала,—новаго, повторяю, по отношенію къ феодальнымъ и муниципальнымъ стремленіямъ, но весьма стараго въ сознаніи духовенства и народной массы. И старыя силы пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ пустить въ ходъ свои традиціи: таковы были феодальныя реакціи при первыхъ Валуа въ XIV в., при Людовикѣ XI, въ эпоху религіозныхъ войнъ второй половины XVI вѣка, въ малолѣтство Людовика XIII и во время фронды въ XVII вѣкѣ. Борьба борьбой, но въ то же время оба начала и уживаются: феодализмъ, какъ мы знаемъ, былъ не только политической системой, но и соціальнымъ строемъ, и королевская власть, разрушая феодализмъ въ политической сферѣ, оставляла его неприкосновеннымъ въ области гражданскаго права и экономическихъ отношеній, т. е. не трогая сложившихся въ феодальную эпоху юридическихъ нормъ, опредѣлявшихъ собою зависимость крестьянства отъ сеньеровъ, и поземельныя отношенія, тѣсно съ нею связанныя. При Карлѣ VII, при которомъ въ серединѣ XV в. генеральные штаты совершили актъ самоотреченія, было положено начало редактированію провинціальныхъ сборниковъ феодальнаго права (кутюмъ), и въ

существенныхъ чертахъ занесенные въ нихъ порядки, коими регулировались въ эту эпоху дворянско-крестьянскія отношенія, сохранились черезъ всю новую исторію вплоть до революціи 1789 г. Мало того: династія Капетинговъ съ ея отпрысками Валуа (1328—1589) и Бурбонами (1589—1792 и 1814—1830) была сама феодальнаго происхожденія, и проникаясь идеей абсолютизма, она не могла отрѣшиться отъ своихъ феодальныхъ традицій, чѣмъ и объясняется **двойственный характеръ королевской власти во Франціи, заключающійся въ смѣшеніи въ ея правахъ и въ ея политикѣ началъ феодальныхъ и государственныхъ.** Свои притязанія короли выводили не изъ феодальныхъ традицій, а изъ римскихъ началъ, съ коими знакомились отъ духовенства (аб. Сугерій при Людовикахъ VI и VII), отъ легистовъ, изъ политическихъ ученій новаго времени. Они усвоили изреченіе римскаго права: «quod principi placuit legis habet vigorem», которое было переведено и по французски: «si veut le roi, si veut la loi», и съ Франциска I (1515—1547) стали при изданіи законовъ ссылаться просто на свою личную волю, какъ носителей государственной власти, пользуясь формулой: «car tel est notre plaisir». Король сдѣлался источникомъ всякой власти и всякаго права, сдѣлался, напр., источникомъ правосудія (toute justice émane du roi), и только король одинъ (уже при Людовикѣ XI) могъ дѣлать цеховыхъ мастеровъ. «L'état c'est moi» Людовика XIV относится къ числу легендъ, но принципъ, выраженный въ этихъ словахъ, былъ дѣйствительностью, ибо по мысли названнаго короля, „нація во Франціи не составляла самостоятельнаго политическаго тѣла, воплощаясь цѣликомъ въ королевской особѣ“ (la nation ne fait pas corps en France, elle réside tout entiére dans la personne du roi). А между тѣмъ предки французской династіи были крупные феодальные сеньеры, бывшіе лишь первыми среди равныхъ имъ феодальныхъ герцоговъ и графовъ, и это обстоятельство сказалось на всей исторіи королевской власти

во Франціи. Въ феодализмѣ смѣшивались понятія права частнаго и государственнаго: землевладѣніе было основой суверенитета; государственныя должности сдѣлались частною собственностью. Французскіе короли въ своей власти видѣли поэтому не исполненіе политической функціи, а свою частную собственность, которую можно отчуждать и продавать, и они, дѣйствительно, продавали кусочки, если можно такъ выразиться, своей власти за деньги, создавая такимъ образомъ наслѣдственныя и несмѣняемыя должности, о чемъ рѣчь будетъ еще впереди. Феодальный король былъ, какъ primus inter pares, членъ сословія и такимъ онъ оставался и впослѣдствіи въ качествѣ „перваго дворянина", своего рода представителя сословныхъ интересовъ и традицій. Однимъ словомъ, королевская власть приспособлялась къ старымъ формамъ, ихъ подкапывая, да и старыя формы приспособлялись къ новому началу, не давая ему развиться до логическихъ его результатовъ; тамъ же, гдѣ это оказывалось невозможнымъ, онѣ падали.

Французскіе короли вышли побѣдителями изъ борьбы. При послѣднихъ Каролингахъ, т. е. съ конца IX в. феодалы стремились сдѣлать королевское достоинство выборнымъ (какъ это и случилось къ Германіи въ началѣ X вѣка), но Капетинги позаботились о томъ, чтобы установить начало наслѣдственности, и счастье имъ помогло: каждый король умиралъ, оставляя взрослаго сына, который уже ранѣе, при жизни отца, дѣлался соправителемъ и королемъ, избраннымъ феодалами. Съ XII вѣка эта власть стала уже прямо наслѣдственною и выступила въ роли собирательницы государства, причемъ начала позднѣе опираться на города противъ сеньеровъ, потомъ пользоваться услугами легистовъ, наконецъ дѣйствовать вмѣстѣ съ генеральными штатами, представлявшими собою всю Францію, для окончательнаго ея объединенія, хотя и отдѣлывается отъ этихъ штатовъ, какъ только послѣдніе начинаютъ мечтать объ ограниченіи королевской власти, а сословная рознь помогаетъ королямъ это сдѣлать.

Къ концу среднихъ вѣковъ Франція была уже политически объединена, и съ ней началась и административная централизація, управленіе провинціями, бывшими феодальными княжествами, изъ центра „королевскими людьми". Королевскіе домены издавна управлялись особыми чиновниками, носившими названіе на сѣверѣ превотовъ и бальивовъ (prévôts et baillis), на югѣ байльевъ (bails) и сенешаловъ (sénéchaux): они собирали налоги, судили, созывали войско, вмѣщивались въ сеньерьяльную юстицію, объявляя многіе судебные случаи королевскими (cas royaux) и установляя принципъ, по которому королевскіе суды должны были быть аппелляціонными инстанціями для сеньерьяльныхъ, и всякими иными способами на мѣстахъ проводили стремленія королевской власти. Благодаря имъ, значеніе послѣдней увеличивалось, и параллельно съ увеличеніемъ королевскихъ доменовъ расширялась сфера королевскаго вліянія въ управленіи и судѣ, какъ въ феодахъ, такъ и въ городахъ. Это была работа медленная, незамѣтная, но прочная по своимъ послѣдствіямъ. Средневѣковая администрація, развивавшаяся главнымъ образомъ съ XIII вѣка, не была централизована, но для централизаціи все быдо подготовлено, и Францискъ I въ первой половинѣ XVI вѣка создаетъ новый органъ управленія—губернаторовъ, задача коихъ состояла въ объединеніи администраціи. Губернаторы были военные начальники, и подъ ихъ командой находились одинаково и королевскіе постоянные отряды, и феодальныя дружины, и городскія милиціи. Губернаторамъ были подчинены превоты, бальивы и сенешалы. Губернаторъ представлялъ собою короля въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, каковы были провинціальныя судебныя палаты (парламенты), и предсѣдательствовалъ въ мѣстныхъ сословно-представительныхъ собраніяхъ, провинціальныхъ штатахъ (états provinciaux). На губернаторскія мѣста назначалась знать, но, чтобы вельможи не могли узурпировать власти, Францискъ I оставилъ за собою право смѣнить губернатора, когда ему будетъ угодно, и въ 1542 г. сразу отрѣшилъ отъ должности всѣхъ

губернаторовъ во Франціи. Предосторожность имѣла смыслъ: мы увидимъ, что во второй половинѣ XVI в., въ эпоху религіозныхъ войнъ должностью губернатора пыталась завладѣть феодальная реакція. При сынѣ Франциска I Генрихѣ II (1547—1559) появляются еще временные агенты королевской власти въ провинціяхъ—интенданты: это были королевскіе коммисары, превращающіеся въ XVII в. въ постоянную должность.

Если мы посмотримъ, что же представляла собою королевская власть во Франціи въ періодъ времени, протекшій отъ генеральныхъ штатовъ 1439 г., отрекшихся отъ своего права вотировать субсидіи, до середины XVI в., когда начались религіозныя и политическія смуты реформаціонной эпохи, то она представится намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Генеральнымъ штатамъ не удалось развиться въ законодательное учрежденіе, и послѣ 1439 г., какъ мы знаемъ, они созываются рѣдко и, созываясь, не играютъ роли (штаты созывались послѣ 1439 г. до 1560 г. только въ 1461, 1467, 1484, 1506 и 1548 гг.). Законодательная власть сосредоточивается въ рукахъ короля, и является формула: car tel est notre plaisir. Король распоряжается постояннымъ войскомъ и постояннымъ налогомъ, управляетъ государствомъ посредствомъ интендантовъ и уже знаетъ не вассаловъ, а только подданныхъ. Передъ нимъ склоняется былая независимость политическихъ сословій. Болонскимъ конкордатомъ 1516 г., о которомъ рѣчь еще впереди, папа Левъ X изъ-за денежныхъ выгодъ отдаетъ Франциску I власть надъ французскимъ духовенствомъ, предоставляя ему право замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей. Дворянство, устроившее-было противъ Людовика XI „лигу общественнаго блага", т. е. задумавшее цѣлую феодальную реакцію, потерпѣло пораженіе, а рыцарственные подвиги Карла VIII, Людовика XII, Франциска I и Генриха II поставили подъ королевскія знамена эту знать во внѣшнихъ

войнахъ: вспомнимъ одни итальянскіе походы. Другой приманкой былъ королевскій дворъ, устроенный по образцу дворовъ итальянскихъ династовъ, веселый и роскошный дворъ, гдѣ дворяне были желанными гостями, жили, ѣли, пили, забавлялись на королевскій счетъ, занимали разныя почетныя должности, выпрашивали для своихъ дѣтей епископства и аббатства, растрачивали свои феодальные доходы, получая щедрыя подачки отъ короля, и изъ независимой феодальной аристократіи превращались въ придворную знать, продававшую свое былое значеніе за деньги, за внѣшній почетъ, за веселую жизнь, за сохраненіе сеньерьяльныхъ правъ. Муниципальныя вольности исчезли еще раньше, и третье сословіе находилось въ такомъ же подчиненіи. Королевская администрація сокрушила городское самоуправленіе, какъ сокрушила она и феодальную самостоятельность, вмѣшиваясь въ финансовое хозяйство городовъ, которое велось дурно и приводило къ банкротствамъ, ограничивая судебныя права выборныхъ городскихъ властей, являясь въ качествѣ посредницы при спорѣ между „лучшими" и „меньшими" людьми, подчиняя себѣ выборныхъ городскихъ чиновниковъ, устанавливая надъ ними свой контроль и замѣняя ихъ прямо назначенными королевскою властью. Послѣднее особенно относится къ царствованію Франциска I. При внукахъ Франциска I, послѣдовательно царствовавшихъ одинъ за другимъ, при Францискѣ II (1559—1560) Карлѣ IX (1560—1574), Генрихѣ III (1574—1589) мы увидимъ, однако, какъ и знать, и города вступятъ въ борьбу съ властью, снова выступятъ на сцену генеральные штаты, и какъ все это движеніе сплетется съ религіозной реформаціей.

Говоря объ этомъ процессѣ возвышенія королевской власти, я нарочно оставилъ подъ конецъ исторію одного учрежденія, которое выростаетъ въ одно время съ монархіей и вмѣстѣ съ нею падаетъ въ концѣ XVIII в., нося общее имя съ англійскимъ законодательнымъ собраніемъ, но будучи явленіемъ совершенно своеобразнымъ,

учрежденіемъ феодальнымъ по происхожденію, государственнымъ по значенію, учрежденіемъ, въ которомъ на феодальную основу наслоились бюрократическіе элементы, учрежденіемъ, въ коемъ до самаго конца XVIII в. не умирала мысль ограничить королевскую власть, и съ коимъ послѣдняя находилась въ частой борьбѣ, не уничтожая его однако до конца XVIII вѣка: однимъ словомъ, намъ нужно еще познакомиться съ организаціей и ролью парижскаго парламента *).

При Капетингскихъ короляхъ образовалась феодальная курія (curia regis), составъ коей мѣнялся, смотря по дѣламъ судебнаго большею частью характера, которыя въ ней рѣшались, и въ ней засѣдали то крупнѣйшіе вассалы (пэры), то епископы съ аббатами, то сеньеры непосредственныхъ владѣній короля (доменовъ) и коронные чиновники, пока всѣ эти лица не стали появляться вмѣстѣ, не составляя, впрочемъ, постояннаго судилища. При Людовикѣ IX изъ куріи выдѣляется судебное учрежденіе, которое и начинаетъ называться парламентомъ и дѣлается въ началѣ XIV вѣка (въ 1302 г. при Филиппѣ IV) постояннымъ собраніемъ, раздѣлившись при Людовикѣ Длинномъ (1319) на три палаты, что указываетъ на увеличеніе и усложненіе его дѣятельности: это были grand' chambre, какъ аппелляціонная инстанція, chambre des requêtes, судившая въ первой инстанціи, и chambre des enquêtes, подготовлявшая дѣла для „большой палаты". Впрочемъ, Филиппъ IV выдѣлилъ еще изъ старой куріи большой совѣтъ для дѣлъ политическихъ и административныхъ и счетную палату (chambre des comptes) для финансовыхъ дѣлъ. Чисто судебный характеръ учрежденія требовалъ въ немъ постояннаго присутствія юристовъ, и они появились: это были упомянутые законники, „легисты", сначала въ роли юрисконсультовъ и докладчиковъ, потомъ въ качествѣ королев-

*) О легистахъ см. соч. Bardoux.

скихъ судей, когда феодальные сеньеры увидѣли, что судебныя тонкости не ихъ дѣло. И вотъ легисты облачаются въ пурпуръ съ горностаемъ, какъ бы указывая этимъ на то, что въ нихъ представлена судебная власть, имѣющая свой источникъ въ королѣ. Мало по малу „пэры", продолжавшіе считаться членами парламента, стали появляться въ немъ лишь тогда, когда судился кто-либо изъ ихъ равныхъ, да въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ. Будучи по своему происхожденію феодальной куріей пэровъ (cour des pairs) и по временамъ превращаясь снова въ таковую, парламентъ сдѣлался однако учрежденіемъ бюрократическимъ, а члены его, легисты изъ буржуазіи, оказались завзятыми противниками феодализма. Съ этой стороны парламентъ дополнялъ собою превотовъ, бальивовъ и сенешаловъ, установившихъ аппелляцію въ парламентъ на приговоры мѣстныхъ судовъ, въ томъ числѣ и феодальныхъ. По образцу парижскаго парламента въ XV в. основываются провинціальные, каковы были тулузскій, гренобльскій, бордосскій, дижонскій и др. Мало по малу парижскій парламентъ сталъ мечтать о политической роли, и „королевскіе люди", каковыми были его члены, начали стремиться къ тому, чтобы поставить подъ свой контроль законодательную власть короля. Легисты съ теченіемъ времени прониклись сознаніемъ того, что парламентъ есть королевская курія, что въ этой роли онъ продолжаетъ собою старинныя учрежденія страны, и одно обстоятельство дало имъ поводъ настаивать на своемъ „правѣ регистраціи" (droit d'enregistrement). Въ средніе вѣка обычные факты дѣлались прецедентами, на коихъ основывалось право, а однимъ изъ обычныхъ фактовъ парламентской жизни было то, что короли объявляли свои ордонансы (указы) черезъ парижскій парламентъ, который въ такихъ случаяхъ обязанъ былъ заносить ихъ въ свой реестръ: эта обязанность была понята въ смыслѣ права, логическимъ слѣдствіемъ чего было то, что судебно-бюрократическое учрежденіе считало себя въ правѣ отказывать въ заре-

гистрированіи королевскихъ повелѣній, дѣлая при этомъ съ своей стороны представленія или ремонстранціи (remonstrances), а въ случаѣ надобности и прекращая свою дѣятельность. Признавъ за парламентомъ право ремонстранціи, королевская власть не допускала развитія иныхъ его правъ въ этой области, хотя для того, чтобы сломить сопротивленіе королевскихъ людей, требовалось экстраординарное средство: оно называлось „троннымъ засѣданіемъ“ (lit de justice) и состояло въ томъ, что король являлся въ „большую палату“ и засѣдалъ въ ней лично, окруженный пэрами, сановниками и дворомъ, приказывая своимъ чиновникамъ внести ордонансъ въ реестръ, и члены парламента въ такихъ случаяхъ не осмѣливались оказывать непослушаніе, ибо они въ присутствіи короля какъ бы лишались самостоятельной власти. Первый примѣръ такого lit de justice, относится къ серединѣ XIV вѣка, послѣдній былъ передъ самой революціей 1789 г. Парламентъ продолжалъ претендовать на законодательный контроль въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, а послѣ того, какъ прекратились собранія генеральныхъ штатовъ, т. е. съ начала XVII вѣка онъ смотрѣлъ на себя, какъ на своего рода представительство страны. При сильныхъ правительствахъ ему не удавалось однако играть политической роли. Однажды (1462) Людовикъ XI напомнилъ ему, что онъ учрежденъ королемъ для отправленія правосудія и ни во что вмѣшиваться больше не долженъ. Самое право ремонстранцій стало оспариваться, и парламентскимъ уполномоченнымъ, явившимся къ Франциску I протестовать противъ конкордата съ папой (болонскаго, 1516 г.) этотъ король объявилъ, что онъ король и требуетъ послушанія, и пригрозилъ имъ тюрьмою, если они немедленно не доведутъ о его волѣ до свѣдѣнія своихъ товарищей. Парижскій парламентъ и не имѣлъ, разумѣется, значенія представительнаго собранія: это была судебная палата, его члены были судьи, королевскіе чиновники, а не выборные представители сословій или націи. Мало того: это были съ Франциска I наслѣд-

ственные обладатели своихъ мѣстъ, такъ какъ послѣднія продавались за деньги для пополненія королевской казны. Впрочемъ, это-то и создавало ихъ независимость по отношенію къ власти и позволяло имъ при случаѣ играть роль оппозиціи, пріучая и народъ смотрѣть на парламентъ, какъ на своего рода представительство, ограничивающее королевскій произволъ, хотя парламентъ самъ былъ и произволенъ, и продаженъ, и служилъ впослѣдствіи оплотомъ соціальнаго феодализма противъ реформъ, требовавшихся духомъ времени. Въ XVII вѣкѣ „дворянство робы" (noblesse de robe, роба—судейское платье) сдѣлало даже попытку ограниченія королевской власти постояннымъ закономъ—въ эпоху такъ называемой фронды, бывшей въ малолѣтство Людовика XIV. При Людовикѣ XV (1715—1774) и Людовикѣ XVI были особенно часты случаи столкновенія правительства съ парламентами.

XI. Политическое раздробленіе Германіи *).

Нѣмецкая исторія въ сравненіи съ англійской и французской. — Общій взглядъ на политику нѣмецкихъ императоровъ въ средніе вѣка.—Идея священной Римской имперіи.—Усиленіе княжеской власти въ Германіи.— Великое междуцарствіе. — Политика и положеніе императора въ XIV и XV вв.—Избирательная монархія.—Курфюрсты.—Золотая булла и имперскій сеймъ.—Князья.—Города.—Имперское рыцарство.—Усиленіе Габсбурговъ.—Реформы имперскаго устройства.

Основной фактъ англійской политической исторіи съ конца среднихъ вѣковъ—развитіе парламента, французской полити-

*) *Г. Вызинскій.* Папство и священная Римская имперія въ XIV и XV в. — *Брайсъ.* Священная римская имперія (*Bryce.* The holy roman empire). *Höfler.* Kaiserthum und Papsthum. *Ficker.* Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen. *Janssen.* Geschichte des deutschen Volkes Seit dem Ausgange des Mittelalters.

ческой исторіи—ростъ королевской власти, нѣмецкой— распаденіе политическаго единства: эти основные факты намѣчаются въ серединѣ XIII в. въ эпоху Генриха III въ Англіи, Людовика Св. во Франціи, великаго междуцарствія въ Германіи, а черезъ четыре вѣка вполнѣ достигаютъ наибольшаго своего развитія въ эпоху послѣдней борьбы парламента съ королями, въ эпоху абсолютизма Людовика XIV, въ эпоху совершеннаго раздробленія Германіи по вестфальскому миру, чтобы проявляться потомъ въ главнѣйшихъ явленіяхъ англійской, французской и нѣмецкой исторіи въ XVIII вѣкѣ вплоть до революціи 1789 года. Франція и Германія входили (вмѣстѣ съ сѣверной Италіей) въ составъ имперіи Карла Великаго, но отдѣлившись одна отъ другой по вердюнскому договору 843 г., онѣ пошли по разнымъ дорогамъ. Въ то время, когда во Франціи политическій феодализмъ достигъ наибольшаго развитія, т. е. въ X вѣкѣ, Германія еще сохраняла свое единство, хотя и здѣсь начинался процессъ феодализаціи и, наоборотъ, съ середины XIII, когда во Франціи уже значительно усилилась королевская власть, въ Германіи она падаетъ, а въ новое время рядомъ съ единой Франціей существуетъ раздробленная Германія, эта федерація княжествъ и вольныхъ городовъ подъ верховенствомъ большею частью безсильнаго императора: дѣло распаденія, сильно подвинувшееся впередъ въ эпоху междуцарствія (1250—1273), продолжается въ эпоху реформаціи (1520 — 1555) и завершается тридцатилѣтнею войною (1618—1648), послѣ которой имперскій сеймъ дѣлается простымъ конгрессомъ пословъ отъ князей и вольныхъ городовъ, а князья превращаются въ абсолютныхъ господъ надъ своими княжествами, подражая политикѣ Людовика XIV и отдѣлываясь отъ соправительства мѣстныхъ сословно-представительныхъ учрежденій.

Исходнымъ пунктомъ этого процесса нужно считать X столѣтіе и видѣть его причины въ трехъ фактахъ. Фактъ первый: съ прекращеніемъ каролингской династіи, т. е. съ 911 г.

въ Германіи королевское достоинство дѣлается избирательнымъ, попадая въ роды племенныхъ герцоговъ. Второй фактъ—завоеваніе Оттономъ Великимъ сѣверной Италіи и принятіе имъ императорскаго титула (962 г.), что заставляло его преемниковъ постоянно стремиться къ обладанію Италіей, отстаивавшей свою независимость: для итальянцевъ ихъ императоръ былъ черезъчуръ нѣмецкимъ королемъ, для нѣмцевъ ихъ король—черезъчуръ римскимъ императоромъ, и въ погонѣ за Италіей онъ дѣйствительно забывалъ свои интересы въ Германіи. Третій фактъ—вѣковая борьба папства и имперіи: принятіе нѣмецкими королями титула римскихъ императоровъ заставило ихъ вмѣшиваться въ дѣла не только Италіи, но и папства и приводило ихъ, какъ свѣтскихъ владыкъ міра, по средневѣковой теоріи, въ столкновеніе съ духовными главами западнаго христіанства. Въ этой борьбѣ папство поддерживало все, что было враждебно императору въ Германіи и Италіи, нѣмецкихъ феодаловъ и итальянскія республики, а избирательная власть, вѣчно нуждавшаяся въ помощи вассаловъ противъ мятежныхъ итальянцевъ и враждебныхъ папъ, дѣлала уступки князьямъ и стремилась осуществить идею универсальной монархіи феодальными средствами, упуская изъ виду свои реальные интересы. Гогенштауфены падаютъ въ борьбѣ, два десятилѣтія тянется междуцарствіе, а съ Рудольфа Габсбургскаго императоры уже не мечтаютъ объ универсальной власти, не заботятся даже о своемъ нѣмецкомъ королевствѣ, а хлопочутъ подобно другимъ князьямъ въ Германіи объ увеличеніи своихъ родовыхъ владѣній. Нужно было стеченіе особыхъ обстоятельствъ, чтобы въ первой половинѣ XVI вѣка императорская корона покоилась на головѣ государя (Карла V), возмечтавшаго вернуться къ традиціи могущественныхъ императоровъ X—XII вѣковъ.

Идея Римской имперіи или „священной Римской имперіи нѣмецкой націи“, тѣсно связанная съ внутренней исторіей Германіи съ середины X в., есть идея чисто средне-

вѣковая, представляя собою однако наслѣдіе древняго міра. Можно сказать, что въ этомъ идейномъ наслѣдіи было двѣ черты—понятіе о власти абсолютной и понятіе о власти универсальной, и что если французскіе короли, бывшіе національными, а не космополитическими государями, особенно проникались идеей сосредоточенія въ своихъ рукахъ всего суверенитета государства, то, наоборотъ, нѣмецкіе короли, императоры римскіе гнались за осуществленіемъ идеи универсальной монархіи, будучи даже готовы видѣть въ другихъ государяхъ quasi reges provinciales, надъ которыми они господствуютъ. Римское наслѣдіе, далѣе, получило въ средніе вѣка религіозную оболочку: имперія была „священной", что тѣсно связывало ее съ католическою церковью. Для варварскихъ королей, основавшихъ въ провинціяхъ западной Римской имперіи новыя государства, власть императора, сначала западнаго, потомъ (съ 476 г.) восточнаго, была высшею властью на землѣ: они считали свои королевства частями этой имперіи, номинально признавая верховенство императора. Номинальная связь Запада съ византійскимъ „василевсомъ" порвалась въ 800 г., когда Карлъ Великій, король франкскій, возстановилъ западную имперію, а затѣмъ послѣдовало вторичное ея возстановленіе Оттономъ Великимъ, послѣ чего она и сдѣлалась имперіей нѣмецкой націи. Наконецъ, извѣстное пророчество Даніила толковалось въ томъ смыслѣ, что „четвертой монархіей" была именно имперія Римская, что она будетъ существовать до скончанія міра, такъ какъ самъ Христосъ родился въ ней, и что средневѣковая имперія есть прямое продолженіе древней. Мы еще подробнѣе будемъ разсматривать отношенія между имперіей и папствомъ, а теперь отмѣтимъ, что по средневѣковой теоріи одна власть дополняла другую: обѣ власти были вселенскія, универсальныя, одна надъ душами, другая надъ тѣлами, и если „преемникъ апостоловъ" былъ „всеобщимъ епископомъ" (episcopus universalis), то наслѣдникъ „цезарей" былъ „господиномъ міра" (dominus mundi). Идея эта

одушевляла всѣхъ великихъ императоровъ среднихъ вѣковъ, но если уже тогда она была фикціей, то тѣмъ болѣе имѣютъ характеръ реставраціи старины такія попытки универсальной монархіи, каковы были сдѣланы въ новое время Карломъ V въ XVI в. Людовикомъ XIV въ XVII и Наполеономъ I въ началѣ XIX, тремя государями, претендовавшими на наслѣдіе Карла Великаго. Между Гогенштауфенами, павшими въ борьбѣ за идею имперіи, имѣя противъ себя и папство, и итальянскій національный патріотизмъ, и развивавшійся нѣмецкій феодализмъ, и Карломъ V, возобновившимъ традицію средневѣковой имперіи, прошло два съ половиною вѣка (съ середины XIII до начала XVI), въ теченіи коихъ въ Германіи происходилъ процессъ усиленія территоріальной власти князей.

„Германское королевство, говоритъ Брайсъ, *) разбилось подъ тяжестью Римской имперіи. Для того, чтобы пріобрѣсти всемірное господство, Германія пожертвовала собственнымъ политическимъ существованіемъ". Дѣйствительно, итальянскіе походы и споры съ папой заставляли императоровъ дѣлать уступки помогавшимъ ихъ политикѣ князьямъ; въ частыя отсутствія ихъ изъ Германіи магнаты узурпировали не принадлежавшія имъ права и затѣмъ ужъ ихъ не хотѣли возвращать; а папство вдобавокъ приглашало ихъ къ возстаніямъ и даже поощряло выставлять антиимператоровъ. Еще съ этой эпохи намѣчается процессъ усиленія власти князей и главный политическій вопросъ нѣмецкой исторіи: Германія распадается на княжества, а попытки объединенія встрѣчаютъ оппозицію. Такъ было въ средніе вѣка, такъ было и въ новое время — при Карлѣ V и въ эпоху тридцатилѣтней войны, когда шла борьба между Габсбургами и князьями, такъ было и послѣ тридцатилѣтней войны, уже въ XVIII в., когда образовался

*) Дж. Брайсъ. Священная римская имперія. М. 1891. Стр. 169.

знаменитый «союзъ князей». Только французская революція и Наполеонъ I разрушили нѣмецкое мелкодержавіе, не создавъ, впрочемъ, единства Германіи, которое осуществилось только въ 1870 году, да и то не въ видѣ единой монархіи.

Уже двумя прагматическими санкціями 1220 и 1232 г. Фридрихъ I утвердилъ сдѣлавшіяся обычными права епископовъ и знати, превращавшія ихъ въ государей ихъ городовъ и территорій, за исключеніемъ случаевъ его личнаго нахожденія въ этихъ городахъ и территоріяхъ. Королевская власть въ Германіи попадала въ положеніе, какое занимала она во Франціи при первыхъ Капетингахъ. Въ годы великаго междуцарствія наступила анархія, господство «кулачнаго права»: прелаты и бароны расширяли свои земли, рыцари разбойничали, города соединялись между собою для взаимной защиты. Когда снова явился государь въ лицѣ графа габсбургскаго Рудольфа (1273—1291), имперская политика измѣнилась. Выбрали въ императоры въ сущности не особенно значительнаго владѣльца въ Эльзасѣ и Швейцаріи, и онъ уже вовсе не думаетъ идти въ Италію, помня басню о лисицѣ, которая видѣла много слѣдовъ въ пещеру льва и за то не видѣла слѣдовъ оттуда, но онъ пользуется случаемъ, чтобы прихватить къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ Австрію, Штирію и Крайну. И Адольфъ Нассаускій былъ незначительный графъ, „бѣдный рыцарь", высказавшій однако поползновеніе округлить свои владѣнія. Послѣ этого походы въ Италію не предпринимаются, а если и дѣлаются исключенія, какъ это было при Генрихѣ VII Люксембургскомъ и Людовикѣ Баварскомъ, т. е. въ первой половинѣ XIV вѣка, то результаты такихъ исключеній были ничтожны. Вся дѣятельность новыхъ императоровъ была сосредоточена на увеличеніи своихъ наслѣдственныхъ княжествъ, а правами „священной имперіи" они пользуются лишь для добыванія денегъ, продавая въ Германіи и въ Италіи князьямъ и городамъ титулы, права, привилегіи, вольности или за деньги закладывая до-

стояніе имперіи. Достоинство императора падаетъ. Карлъ IV (1347—1378), „отецъ Чехіи и отчимъ Германіи", получаетъ корону отъ папы, какъ даръ, но подъ условіемъ—не быть въ Римѣ болѣе одного дня. Въ Пизѣ подожгли домъ, гдѣ онъ остановился, во Флоренціи ссудили деньгами лишь подъ залогъ драгоцѣнной короны. Тѣмъ не менѣе и онъ съумѣлъ для своей фамиліи попользоваться пріобрѣтеніями въ Германіи. Вацлавъ и не показывается въ Германіи. Чешскіе дворяне одно время держатъ его въ плѣну, а нѣмецкіе князья, наконецъ, низлагаютъ (1400). Его братъ Сигизмундъ (1410—1437) закладываетъ за деньги имперскіе города, расточаетъ права имперіи и по просьбѣ констанцскаго собора полтора года разъѣзжаетъ, живя на чужой счетъ. Альбрехтъ II Австрійскій долго колеблется, принять ли ему корону. При его племянникѣ Фридрихѣ III, Венгрія и Чехія получаютъ національныхъ королей, хотя права принадлежали опекавшемуся имъ сыну Альбрехта. Австрія отъ него отрывается. Бургундскій герцогъ Карлъ Смѣлый, искавшій получить отъ него королевскую корону, поставилъ его при личномъ свиданіи въ Трирѣ въ такое положеніе, что императоръ предпочелъ тихонько уѣхать переодѣтымъ. Его сынъ Максимиліанъ въ качествѣ жениха богатой бургундской наслѣдницы, дочери Карла Смѣлаго, Маріи, взялъ у своей невѣсты „немножко деньжонокъ", чтобы имѣть возможность пріѣхать на свадьбу, а позднѣе онъ служитъ въ арміи англійскаго короля за сто червонцевъ въ день. Но и онъ съумѣлъ усилить свою фамилію въ Германіи извѣстными браками (Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube).—При такомъ положеніи дѣлъ императорская власть разсматривалась, какъ нѣчто безполезное. Въ 1273 г. ольмюцскій епископъ писалъ папѣ, что императоры по безсилію и недостатку средствъ (ob impotentiam et necessariorum defectum) не могутъ regnare utiliter et praeesse. Фридриха III одна хроника называетъ ein unnützer Kaiser. Сравненія, какія дѣлались между князьями и императорами, были обидны для послѣднихъ: около 1.400 г. одинъ

современникъ пишетъ, что въ Германіи иной архіепископъ или епископъ подчасъ имѣетъ вдвое доходовъ (in duplo plus habet in reditibus), чѣмъ получаетъ rex romanorum во всѣхъ своихъ земляхъ (in omnibus terris, sibi subjectis), а д'Альи (дѣятель соборной реформы) говоритъ, что до такой степени пала (depressa est) императорская власть, что болѣе, нежели императоръ, имѣетъ значенія (magis honoretur ac vereatur) даже какой-нибудь итальянскій кондотьеръ (alius capitaneus gentium armigerorum in Jtalia). Это не мѣшало, однако, императорамъ высказывать гордыя притязанія на всемірную власть, выразившіяся, напр., въ извѣстномъ смыслѣ, какой Фридрихъ III придалъ гласнымъ латинской азбуки: A (u s t r i a e) E (s t) I (m p e r a r e) O (r b i) U (n i v e r s o)!

Римскій императоръ былъ государь избирательный. De jure право сдѣлаться императоромъ принадлежало каждому христіанину (разумѣется, католику), но de facto императоры выбирались обыкновенно изъ какой-либо могущественной княжеской фамиліи въ Германіи, въ чемъ какъ-бы повторялось древне-германское сочетаніе избранія и наслѣдственности короля, т. е. избранія его изъ членовъ опредѣленнаго рода. Такимъ образомъ Германія въ теченіи цѣлыхъ девяти вѣковъ (911—1806) была наслѣдственно-избирательнымъ государствомъ (ein erbliches Wahlreich). Въ самомъ дѣлѣ за Конрадомъ Франконскимъ царствовала болѣе ста лѣтъ (919—1024) саксонская династія, потомъ одно столѣтіе (1024—1125) династія франконская, а послѣ Лотаря Саксонскаго (1125—1138) опять болѣе, чѣмъ сто лѣтъ (1138—1250) династія Гогенштауфеновъ. Правда, послѣ междуцарствія князья предпочитаютъ мѣнять династію, и выборы происходятъ въ перемежку, но и тутъ старое начало возобладало. Императоры изъ Габсбурговъ были въ 1273—1291 (Рудольфъ I) и 1298—1308 (Альбрехтъ I) гг. и между нимъ одинъ изъ графовъ Нассаускихъ (Адольфъ, 1292—1298); въ теченіи ста тридцати лѣтъ царствовали императоры изъ люксембургскаго дома (Генрихъ VII

1308—1313, Карлъ IV и Вацлавъ, 1347—1400, Сигизмундъ, 1410—1437) съ промежуточными царствованіями одного императора изъ баварскаго дома (Людовика IV, 1314—1347) и одного изъ Пфальца (1400—1410), пока въ 1438 г. корона не возвращается снова къ Габсбургамъ, которые и не выпускаютъ ее изъ рукъ (кромѣ небольшого перерыва въ серединѣ XVIII в.) въ теченіи трехъ съ половиною вѣковъ. Избраніе ослабляло власть: каждый, желавшій получить высшій свѣтскій санъ въ западномъ христіанствѣ, долженъ былъ дѣлать избирателямъ уступки изъ правъ, принадлежавшихъ его предшественникамъ, и опять уступать, чтобы обезпечить избраніе своего сына, но такъ какъ власть не была наслѣдственною, то и пользованіе ею разсматривалось съ точки зрѣнія той выгоды, какую изъ нея можно было извлечь для увеличенія наслѣдственныхъ владѣній и личныхъ средствъ.

Право избранія принадлежало особымъ князьямъ-избирателямъ, которые по латыни назывались principes electores, по-нѣмецки курфюрстами (Kurfürsten). Мало-по-малу именно изъ рукъ вообще знати, дѣйствія коей, какъ предполагалось, одобряются и народомъ, это право перешло въ руки ограниченнаго количества князей, именно семи, изъ которыхъ трое были архіепископы самыхъ богатыхъ епархій: майнцской, кёльнской и трирской, четверо свѣтскіе владѣтели: пфальцграфъ рейнскій, герцогъ саксонскій, маркграфъ бранденбургскій и король богемскій. Числу семь было даже придано священное, мистическое значеніе. Этотъ порядокъ былъ легализированъ золотою буллою Карла IV (1356 г.), имѣвшею своею цѣлью упорядочить избраніе императоровъ, сопровождавшееся въ прежнія времена междоусобіями, но золотая булла вмѣстѣ съ этимъ узаконила независимость курфюрстовъ и ослабленіе императорской власти, въ силу чего императоръ сдѣлался простымъ Vorsteher der Reichsgemeinde, т. е. если de jure, mo de facto своего рода primus

inter pares. Золотая булла распространяла на курфюрстовъ многія королевскія права (регаліи), установляла нераздѣльность ихъ владѣній съ правомъ первородства въ свѣтскихъ курфюршествахъ, давала имъ право чеканить монету, приравнивала къ оскорбленію величества преступленія противъ особы курфюрста, изымала подчиненныхъ имъ лицъ отъ чужой подсудности и т. п., и постепенно подобныя права стали переходить и къ другимъ князьямъ. Постояннымъ мѣстомъ избранія императора былъ объявленъ Франкфуртъ на Майнѣ, предсѣдательство передано архіепископу майнцскому, три архіепископа были признаны великими канцлерами Германіи, Бургундіи и Италіи, король богемскій—чашникомъ, пфальцграфъ—сенешаломъ, герцогъ саксонскій—маршаломъ, маркграфъ бранденбургскій—камергеромъ. Рѣшающимъ считался голосъ большинства. Впослѣдствіи прибавились еще восьмое и девятое курфюршества.

Политическому распаденію Германіи соотвѣтствовало и преобразованіе имперскаго сейма въ чисто конгрессивное учрежденіе,--процессъ, завершившійся, впрочемъ, лишь черезъ три вѣка послѣ золотой буллы, послѣ вестфальскаго мира. Въ этомъ смыслѣ исторія рейхстага — совершенная противоположность исторіи генеральныхъ штатовъ. Его зародышъ—въ первоначальномъ единомъ вѣчѣ единаго государства, въ вѣчѣ, которое превратилось въ собраніе аристократическихъ элементовъ. По мѣрѣ того, какъ развивалась княжеская власть и вмѣстѣ съ нею понятіе о посредственномъ отношеніи къ имперіи чрезъ зависимость отъ этой власти, въ сеймѣ могли участвовать только непосредственные (reichsunmittelbaren, immediati) чины имперіи, не знавшіе надъ собою никого высшаго, кромѣ императора, а по мѣрѣ того, какъ эти непосредственные элементы высвобождались изъ-подъ власти императора, пріобрѣтая суверенныя права, въ силу чего императоръ превращался въ номинальнаго главу федераціи княжествъ и имперскихъ городовъ,— и сеймъ имперскій все болѣе и болѣе начиналъ походить на

международный конгрессъ. Курфюрсты, князья и города, входившіе въ составъ сейма, весьма ревниво оберегали свои права, заботились лишь объ интересахъ каждый своего „чина", весьма мало думая объ имперіи, почти не давая средствъ на ея нужды. Коронныя земли были расхищены въ эпоху междуцарствія или растрачены императорами XIV и XV вѣковъ, заботившимися не объ имперскомъ достояніи, а о своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, равно какъ и разныя „регаліи", дававшія доходъ, самовольно захватывались князьями жаловались имъ самими императорами, продавались, закладывались: вотъ почему императоры, какъ таковые, были до такой степени бѣдны. А сеймъ ничего не давалъ или давалъ очень мало. Рудольфу Габсбургскому курфюрсты отказали въ назначеніи его сына „римскимъ королемъ" (т. е. будущимъ императоромъ), ссылаясь на то, что доходовъ государства хватаетъ едва на содержаніе одного монарха, а министръ Карла V Гранвелла сказалъ на шпейерскомъ сеймѣ, что императоръ для поддержанія своего достоинства получаетъ съ имперіи доходъ цѣною въ орѣхъ.

За то большіе успѣхи дѣлала княжеская власть, и на нее переносились тѣ представленія, которыя выработались по отношенію къ императорской власти,—правда, не сразу, но постепенно, однако такъ, что въ XVII вѣкѣ и въ Германіи устанавливается полный абсолютизмъ. Девизъ: quod principi placuit legis habet vigorem—былъ въ почетѣ еще у Гогенштауфеновъ, по воззрѣнію которыхъ императоръ стоялъ выше всякаго закона (legibus solutus), будучи самъ источникомъ всякаго права, живымъ закономъ на землѣ (viva lex in terris), и даже Людовикъ Баварскій писалъ о себѣ: „мы, которые стоимъ выше права" (nos qui sumus supra jus). Но въ Германіи этотъ принципъ воплотился впослѣдствіи во власти отдѣльныхъ территоріальныхъ князей, и уже въ XV вѣкѣ они пользуются услугами юристовъ, изучавшихъ римское право. Одинъ современникъ (Фруассаръ) говоритъ прямо, что „князьямъ величайшую помощь въ этомъ отношеніи оказываютъ доктора права и

другіе свѣдущіе въ правѣ, которыхъ они помѣщаютъ въ университетахъ и держатъ при своихъ дворахъ и которые тратятъ всю свою ученость и все свое искусство на то, чтобы укрѣпить власть и верховенство князей, какъ единственно законныя и надъ всѣмъ господствующія". Правда, княжеская власть въ эту эпоху еще не сложилась, ибо въ имперіи оставались еще элементы, сохранявшіе свою отъ нея независимость,—имперскіе города и имперское рыцарство,—но князья пытались и ихъ стѣснить. Съ другой стороны, въ отдѣльныхъ земляхъ, гдѣ развивалось княжеское верховенство (Landeshoheit) составлялись союзы земскихъ чиновъ (Landstände), прелатовъ, дворянъ и городовъ, не бывшихъ въ непосредственномъ отношеніи къ имперіи, и земскіе сеймы (ландтаги) играли роль мѣстныхъ сословно-представительныхъ учрежденій, ограничивавшихъ княжескую власть. Послѣдней удалось отдѣлаться отъ этого ограниченія только въ эпоху тридцатилѣтней войны XVII вѣка, когда князья привыкли налагать подати безъ согласія ландтаговъ. Во всякомъ случаѣ, княжеская власть къ началу реформаціонной эпохи, т. е. къ первой четверти XVI вѣка не была еще вполнѣ сложившеюся силой, хотя и было уже замѣтно, что будущее было за нею.

Въ имперскомъ сеймѣ участвовали еще имперскіе города, которые играютъ большую роль въ исторіи Германіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Населеніе ихъ увеличилось въ XIV вѣкѣ, богатство ихъ возрасло, они стали играть политическую роль, составляя такіе союзы, какъ ганзейскій, швабскій, рейнскій, ведя войны съ феодальными союзами и входя въ соединеніе съ другими политическими силами (напр., съ Швейцаріей). Города равнымъ образомъ пріобрѣтаютъ привилегіи отъ императоровъ. Независимымъ отъ княжеской власти оставался еще одинъ общественный элементъ—имперское рыцарство (Reichsritterschaft), котораго особенно было много въ западной Германіи: имперскіе рыцари были представителями феодальной анархіи и кулачнаго

права, часто попросту разбойниками, а это заставляло и города, и князей обуздывать ихъ войною, хлопотать объ обезпеченіи „земскаго мира“. Особенно были князья принципіальными противниками этого сословія, и уже въ XV вѣкѣ Фруассаръ указывалъ на то, что рыцари „подвергаются опасности потерять всѣ свои права и вольности и попасть въ полную зависимость отъ князей“. Мы еще увидимъ, какъ стѣснили имперскихъ рыцарей въ концѣ XV вѣка и какъ это сословіе своимъ возстаніемъ 1522—23 годовъ открываетъ бурную эпоху политическихъ смутъ, совпавшихъ съ религіозной реформаціей.

Изъ XV вѣка въ XVI столѣтіе Германія переходила при неустойчивомъ равновѣсіи внутреннихъ силъ. Германія находилась въ процессѣ разложенія, который еще не завершился; коллегіи имперскаго сейма тянули въ разныя стороны; князья еще не совсѣмъ эманципировались, но ревниво оберегали свои права; города были въ ссорѣ съ князьями; имперское рыцарство волновалось; начиналось, какъ увидимъ, недовольство и среди крестьянъ. И въ это-то время происходитъ усиленіе габсбургскаго дома, къ которому переходитъ императорская корона въ 1438 г.,—именно въ царствованіе Максимиліана I (1493—1519), непосредственно предшествующее царствованію его внука Карла V, при которомъ императорская власть достигаетъ давно не бывалой высоты, но въ то же время происходятъ событія, бывшія на руку только князьямъ. Эпоха Максимиліана I важна, какъ время, если не перваго появленія, то перваго значительнаго роста новой силы—силы Габсбурговъ, пытающихся въ XVI в. возвратить императорской власти ея прежнее значеніе въ Германіи, а имперіи—ея былое положеніе среди другихъ государствъ, но встрѣчающихъ оппозицію со стороны нѣмецкихъ князей и со стороны другихъ государствъ, какъ разъ въ то время, когда начинается и религіозная реформація. Съ другой стороны, при Максимиліанѣ ставится и отчасти рѣ-

шается вопросъ о реформѣ имперскаго устройства, коему суждено было также волновать XVI вѣкъ.

Внѣшняя исторія возвышенія габсбургскаго дома съ Рудольфа I извѣстна, и не менѣе извѣстно, какъ счастливые браки создали для этой династіи при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени совершенно исключительное положеніе. Эрцгерцогъ австрійскій, графъ тирольскій, герцогъ Штиріи и Каринтіи, феодальный сюзеренъ земель въ Швабіи, Эльзасѣ и Швейцаріи, т. е. весьма значительный князь, Максимиліанъ вступилъ въ бракъ съ богатой бургундской наслѣдницей. Родившійся отъ этого брака сынъ (Филиппъ Красивый) женился на дочери (Іоаннѣ Безумной) аррагонскаго короля Фердинанда Католика и кастильской королевы Изабеллы, и старшій ихъ сынъ Карлъ наслѣдовалъ габсбургскія владѣнія въ Германіи, Нидерланды и другія части бургундскаго наслѣдства, Испанію и Неаполь: его-то, уже бывшаго королемъ Испаніи (подъ именемъ Карла I) избрали германскіе курфюрсты въ римскіе императоры, подъ именемъ Карла V, правда, лишь подъ извѣстными условіями *). Давно Германія не видала такого могущественнаго монарха, и давно уже Германіи не было суждено играть такой выдающей роли въ международной политикѣ. Карлу V было, повидимому легко осуществить старыя притязанія императорской власти и въ Германіи, и внѣ Германіи, и этотъ новый факторъ дѣйствительно играетъ крупную роль въ борьбѣ политическихъ силъ въ новое время. Внутреннюю нѣмецкую истоію онъ, несомнѣнно, усложнялъ и усложнялъ тогда, когда ставился вопросъ о томъ, чѣмъ же будетъ наконецъ Германія.

Излагая исторію Германіи въ эпоху реформаціи, мнѣ еще придется вернуться къ разсмотрѣнію ея политическихъ силъ при вступленіи на престолъ Карла V. Остановимся только немного на времени Максимиліана I, когда, какъ выражается

*) Карлъ наслѣдовалъ и вновь открытыя земли въ Америкѣ.

Брайсъ, окончилась „священная Римская имперія" и началась австрійская монархія,—остановимся, однако, не на старой имперіи и не на новой монархіи, а на той федераціи, которая называлась Германіей. Максимиліанъ создалъ нѣкоторыя учрежденія, протянувшія свое существованіе до самаго конца имперіи, т. е. три вѣка (XVI—XVIII), и въ его же время были еще планы, коихъ не удалось осуществить. Я скажу прежде всего именно о неудавшейся попыткѣ реформы, причемъ замѣчу, что причина неудачи была въ конгрессивномъ устройствѣ сейма, не желавшаго объединенія государства, и въ непримиримой противоположности интересовъ императора и имперскихъ чиновъ. Максимиліана послѣдніе принудили согласиться на учрежденіе особаго административнаго совѣта (Reichsregiment), но онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы это учрежденіе, ограничивавшее его хотя бы и призрачную власть, не имѣло никакого значенія. А между тѣмъ Reichsregiment могъ бы ослабить и мѣстный сепаратизмъ, что также было невыгодно и для князей, да и по всему строю жизни это учрежденіе должно было скорѣе напоминать сенатъ федеративнаго государства, чѣмъ административный совѣтъ, окружающій монарха. Больше значенія имѣли введеніе земскаго мира, раздѣленіе Германіи на округи и учрежденіе верховнаго имперскаго суда (Reichskammergericht). Было это въ 1495 году на сеймѣ въ Вормсѣ, гдѣ всѣ три коллегіи имперскаго сейма согласились ввести новое государственное устройство, долженствовавшее положить конецъ прежнимъ междоусобіямъ, но еще болѣе ослабившее власть императора: былъ установленъ земскій миръ подъ страхомъ опалы и изгнанія, а для разрѣшенія споровъ между чинами былъ учрежденъ рейхскаммергерихтъ, зависѣвшій не отъ императора и не отъ князей, но замѣщавшійся всѣми чинами имперіи, а для облегченія хода судебныхъ дѣлъ имперія была раздѣлена на 10 округовъ (Kreisen), во главѣ коихъ стояли по два старшины (Kreisobersten): имъ поручалось приведеніе въ исполненіе рѣшеній верховнаго суда.

Максимиліанъ умеръ въ 1519 г. Въ 1522—23 г. произошло рыцарское возстаніе, въ 1524—25 разразилась въ Германіи крестьянская война, но оба движенія были подавлены князьями, которымъ удалось въ концѣ-концовъ побѣдить и Карла V, и всѣ эти событія уже стоятъ въ связи съ реформаціей.

XII. Политическіе вопросы новаго времени.

Политическіе вопросы въ отдѣльныхъ государствахъ въ реформаціонную эпоху. — Испанія въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI вѣка. — Церковь и государство при переходѣ въ новое время.—Двоякаго рода движенія новой исторіи.—Ростъ государства.—Государство и общество.—Соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями.—Землевладѣніе и капиталъ.—Процессъ дефеодализаціи сельскаго быта.—Государство и народная масса.—Положеніе крестьянства въ разныхъ странахъ.—Необходимость разсмотрѣть соціальную сторону феодализма. — Экономическая сторона новой исторіи.

Въ каждомъ крупномъ государствѣ Западной Европы при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ къ новому времени существовалъ свой особый политическій вопросъ, требовавшій разрѣшенія, и главнѣйшія историческія событія перваго періода новой исторіи, который принято называть реформаціоннымъ (1517—1648), находились въ самой тѣсной связи именно съ этими политическими вопросами. Намъ уже извѣстно, чѣмъ въ этомъ отношеніи характеризуются Германія, Франція и Англія, и было уже говорено, что внутренняя политическая исторія каждой изъ этихъ странъ тѣсно связана въ XVI и XVII вѣкахъ съ исторіей религіознаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ реформаціи. Въ самомъ дѣлѣ, для Германіи это были времена политическихъ столкновеній и междоусобій (1522—1555 и 1618—1648), побѣдителями изъ коихъ вышли князья, сломившіе имперское рыцарство, крестьянство и самую императорскую власть, которая обна-

ружившала тенденцію къ усиленію. Во Франціи эпоха реформаціи и вызванныхъ ею религіозныхъ войнъ была временемъ феодальной и муниципальной реакціи противъ возрастанія королевской власти съ попыткою ограниченія послѣдней посредствомъ генеральныхъ штатовъ (1560—1598 и отчасти фронда въ серединѣ XVII в.), наконецъ, въ Англіи въ XVII вѣкѣ произошло столкновеніе между королевскою властью и парламентомъ, сопровождавшееся столкновеніемъ между монархической и народной реформаціей, вызвавшее междоусобіе, временное низверженіе монархіи и установленіе республики (1649—1660) и приведшее послѣ реставраціи Стюартовъ ко второй революціи, которая наконецъ укрѣпила права парламента. Всѣ эти политическія движенія совершались подъ знаменемъ идей религіозныхъ, и политическія партіи были въ то же время и партіями религіозными, на чемъ мы особенно остановимся въ свое время. Самые вопросы, о коихъ идетъ рѣчь, рѣшались въ Германіи, Франціи и Англіи въ связи съ судьбами религіозной реформаціи: побѣда политическая была въ то же время и побѣдою извѣстной религіозной системы. Почему это было такъ, мы еще увидимъ, когда будемъ анализировать причины реформаціи XVI вѣка, но какъ бы ни были тѣсно связаны между собою и даже переплетены движенія политическія и религіозныя, и тѣ и другія имѣли каждое свой самостоятельный источникъ и могли отдѣльно существовать другъ отъ друга. Примѣръ — Испанія, гдѣ одновременно съ нѣмецкой реформаціей происходило сильное политическое движеніе, отнюдь не принимавшее религіозной окраски.

Это было именно въ царствованіе Карла I (V, какъ римскаго императора), при которомъ произошло дѣйствительное соединеніе Аррагоніи и Кастиліи въ одну испанскую монархію, подготовленное бракомъ его дѣда Фердинанда Аррагонскаго и бабки Изабеллы Кастильской. Въ обоихъ этихъ государствахъ были могущественныя духовенство и дворянство, существовали промышленные и торговые города (соб-

ственно въ Аррагоніи), собирались представители сословій, которые въ кортесахъ пользовались весьма широкими правами, ограничивавшими королевскую власть. Оба государства продолжали самостоятельную жизнь при Фердинандѣ и Изабеллѣ, но въ обоихъ проводилась одна и та же политика—ослабленія духовенства и дворянства и возвышенія королевской власти, опиравшейся на знаменитую инквизицію. По смерти Изабеллы (1504) правленіе въ Кастиліи перешло сначала къ ея дочери Іоаннѣ и мужу послѣдней Филиппу, но Филиппъ скоро умеръ, Іоанна сошла съ ума, и кортесы сдѣлали опекуномъ надъ ихъ сыномъ Карломъ его дѣда Фердинанда, который назначилъ этого своего внука наслѣдникомъ всѣхъ испанскихъ владѣній. По смерти Фердинанда (1516) Карлъ дѣлается королемъ Кастиліи и Аррагоніи. Молодой король (род. въ 1500 г.) отстранилъ отъ дѣлъ главнаго совѣтника своихъ дѣда и бабки кардинала Хименеса и роздалъ важныя должности пріѣхавшимъ съ нимъ нидерландцамъ. Это и было одною изъ причинъ неудовольствія дворянства и горожанъ, уже раньше сильно стѣсненныхъ политикой Фердинанда, Изабеллы и Хименеса. Въ то время, какъ Карлъ ѣздилъ въ Германію для принятія императорской короны по смерти своего другого дѣда Максимиліана (1519 г.), въ Испаніи произошло большое возстаніе дворянства и городовъ, соединившихся для расширенія своихъ правъ и ограниченія королевской власти въ духѣ старыхъ вольностей. Это политическое движеніе, во главѣ котораго стоялъ Донъ-Жуанъ Падилья изъ Толедо, открываетъ собою цѣлый рядъ подобныхъ политическихъ движеній, коими былъ такъ богатъ XVI вѣкъ: и годы, въ которые это происходило (1519—1521), непосредственно предшествуютъ бурной революціонной эпохѣ въ Германіи (1522—1525), когда тамъ совершились рыцарское и крестьянское возстанія, но большая часть политическихъ движеній XVI в. совершилась подъ знаменемъ новыхъ религіозныхъ идей, тогда какъ испанское возстаніе дворянства и

городовъ сохраняло чисто политическій характеръ. Замѣтимъ кстати, что дворяне и города не поладили между собою, т. е. тутъ произошло то же самое, что такъ часто случалось во Франціи, да и результатъ былъ тотъ же: послѣ пораженія возставшихъ при Вильярарѣ и гибели Падильи (онъ былъ казненъ) у городовъ, заведшихъ у себя демократическое устройство и вступившихъ между собою въ союзъ (хунту), были отняты ихъ привилегіи, кортесы стали собираться все рѣже и рѣже и такимъ образомъ утратили свое значеніе.

Указанное объединеніе въ XVI вѣкѣ политическихъ и религіозныхъ движеній находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и церковью, который также рѣшался въ государствахъ Запада въ XVI вѣкѣ на новыхъ началахъ. Объ этомъ рѣчь будетъ идти впереди, а здѣсь пока ограничимся одною стороною дѣла для характеристики политическихъ вопросовъ, поставленныхъ историческою жизнью къ концу среднихъ вѣковъ. Средневѣковое государство не только разлагалось феодальнымъ строемъ, но и поглощалось католическою церковью: средневѣковой король нерѣдко встрѣчалъ неповиновеніе со стороны своихъ вассаловъ и весьма часто долженъ былъ смиряться передъ папой, или, говоря другими словами, государственная власть встрѣчала антагонизмъ въ обществѣ со стороны преимущественно феодальныхъ элементовъ и въ то же время стѣснялась извнѣ властью церковною. Одновременно, однако, падаютъ и феодализмъ, и католицизмъ, какъ политическая система: *государство эманципируется отъ путъ, налагавшихся на него феодальнымъ строемъ и католическою церковью*, въ чемъ и состоитъ весьма важная сторона государственной исторіи новаго времени. Мало того: какъ-разъ въ эпоху рѣшенія тѣхъ внутреннихъ политическихъ вопросовъ, которые были завѣщаны Германіи, Франціи и Англіи (да и въ другихъ государствахъ) прошлымъ этихъ странъ, церковь, находившаяся въ сильной

«порчѣ» и оказавшаяся не въ состояніи исправиться собственными силами церковь подвергается реформѣ со стороны государства и свѣтскаго общества въ широкомъ смыслѣ этого слова, причемъ и государственная власть, и отдѣльные общественные классы хотятъ воспользоваться церковною реформою для своихъ цѣлей.

Послѣднее обнаружилось въ двоякомъ происхожденіи церковныхъ реформъ въ XVI вѣкѣ: онѣ шли именно или сверху, т. е. совершались по иниціативѣ либо подъ руководствомъ королевской власти,—либо снизу, т. е. имѣли свой источникъ и находили своихъ творцовъ въ отдѣльныхъ соціальныхъ классахъ. Стоитъ только стать на эту точку зрѣнія, чтобы объяснить себѣ цѣлый рядъ аналогичныхъ явленій въ новой исторіи западной Европы. XVI вѣкъ былъ вѣкомъ перехода отъ средневѣковой сословной монархіи къ абсолютной монархіи новаго времени: разлагавшаяся католическая церковь могла легко сдѣлаться предметомъ борьбы между королевскою властью, стремившеюся себя усилить между прочимъ и посредствомъ подчиненія себѣ церкви,—и общественными классами, желавшими перестроить и церковную жизнь примѣнительно къ своимъ интересамъ и стремленіямъ. Отсюда то королевская власть беретъ на себя иниціативу реформы, то, наоборотъ, эта иниціатива принадлежитъ обществу, народу, но и вообще и черезъ всю новую исторію проходятъ двоякаго рода движенія: одни идутъ сверху, отъ власти, другія—снизу, отъ общества, отъ народа. Такъ было именно въ эпоху реформаціи, когда или власть усиливалась, подчиняя себѣ церковную реформу, или нація расширяла свои права, овладѣвая тѣмъ же реформаціоннымъ движеніемъ. Полную аналогію этому мы встрѣтимъ и въ XVIII вѣкѣ, когда подъ вліяніемъ „философскихъ“ идей происходятъ крупныя перемѣны въ общественной жизни, причемъ перемѣны эти производятся сначала абсолютными монархами, т. е. идутъ сверху («просвѣщенный абсолютизмъ»), а потомъ явля-

ются результатомъ дѣйствія снизу, исходя изъ интересовъ и стремленій желавшихъ новаго порядка общественныхъ классовъ (французская революція). Эту мысль о двоякомъ характерѣ церковной реформы въ XVI вѣкѣ и объ аналогіи, съ одной стороны, между церковными преобразованіями, шедшими въ ту эпоху и сверху, и снизу, а съ другой стороны, преобразованіями политическими и соціальными я буду развивать впослѣдствіи, и тогда мы увидимъ, что и по отношенію къ реформаціи XVI в., и по отношенію къ преобразованіямъ XVIII столѣтія нужно принимать въ расчетъ взаимное положеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ отдѣльныхъ странахъ, и въ разныя времена. Во всякомъ случаѣ между этими силами мы наблюдаемъ антагонизмъ, и смотря по тому, чтò въ данное время отстаиваетъ та или другая сила, она дѣлается прогрессивной или реакціонной.

Отдѣлываясь отъ феодальнаго и церковнаго соправительства, государство новаго времени превращается въ такую соціальную силу, какой средніе вѣка не знали: оно все болѣе и болѣе стягиваетъ къ себѣ всѣ живыя силы общества и является въ роли наслѣдника тѣхъ правъ, которыя въ средніе вѣка были распредѣлены между отдѣльными сословіями, общинами и корпораціями, или сосредоточены въ католической церковной организаціи. Государство беретъ на себя починъ въ новыхъ задачахъ исторической жизни; оно является въ роли главнаго руководителя общества; оно выступаетъ, какъ единственный исполнитель того, чего настоятельно требовалъ данный моментъ національнаго бытія. В ъ с р е д н і е в ѣ к а г о с у д а р с т в о, т а к ъ с к а з а т ь, р а с т в о р я л о с ь в ъ с о с л о в н о-о р г а н и з о в а н н о м ъ о б щ е с т в ѣ, в ъ н о в о е в р е м я о б щ е с т в о б ы л о п о г л о щ е н о г о с у д а р с т в о м ъ и л и ш и л о с ь своей с а м о д ѣ я т е л ь н о с т и, пока не началось возвращеніе къ этой самодѣятельности, но уже на новыхъ началахъ, ранѣе всего проявившихся въ Англіи, которая съ своимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и парламентскимъ представительствомъ общественныхъ силъ и не пере-

живала періода такого всемогущества правительства. Выступая въ роли главнаго регулятора національной жизни, государственная власть оказываетъ громадное вліяніе на соціальную структуру отдѣльныхъ странъ: ея тенденціей было нивеллировать сословія, но нивеллировать лишь по стольку, по скольку это нужно было съ узко-политической точки зрѣнія, не трогая того глубокаго различія, которое выработалось между отдѣльными общественными классами не въ ихъ отношеніяхъ къ государству, а въ ихъ отношеніяхъ между собою. Т. е. государство новаго времени охотно лишало сословія ихъ политическихъ правъ, не останавливаясь передъ борьбою, но оно оставляло за сословіями ихъ соціальныя привилегіи, мало обращая вниманія на то, что послѣднія были тягостны для народныхъ массъ. Другими словами, государство мало реформировало общество, оставляя, наприм., существовать все то, что у насъ было уже не разъ обозначаемо, какъ феодализмъ соціальный. Съ паденіемъ сословно-представительныхъ учрежденій, выросшихъ на почвѣ политическаго феодализма, королевская власть сдѣлалась абсолютной почти во всѣхъ государствахъ европейскаго континента, но феодализмъ соціальный съ неравенствомъ сословій, съ феодальными правами надъ землею, съ несвободой сельскаго населенія продолжаетъ существовать какъ ни въ чемъ не бывало. Намъ еще придется видѣть, въ чемъ состоялъ такъ называемый „старый порядокъ" (ancien régime), который былъ не въ одной только Франціи передъ революціей 1789 г., и едва-ли мы будемъ ошибаться, если будемъ полагать его сущность въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями большею частью феодальнаго происхожденія. Духовенство и дворянство утратили сначала (тамъ, гдѣ, конечно, первоначально имѣли) права верховной власти надъ населеніемъ своихъ владѣній; потомъ эти два сословія утратили свои политическія права, коими пользовались чрезъ представителей своихъ

въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ; только впослѣдствіи, въ сравнительно позднюю эпоху потеряли они свои соціальныя привилегіи, да и то государство сначала лишь вмѣшивается въ ихъ отношенія къ сельской массѣ не для уничтоженія, а для нѣкотораго ослабленія ихъ власти въ интересахъ самого государства, которое жило главнымъ образомъ тѣмъ, что̀ извлекало изъ податныхъ классовъ, такъ какъ одною изъ главнѣйшихъ привилегій духовенства и дворянства сдѣлалось изъятіе изъ обязанности что либо платить государству. До эпохи просвѣщеннаго абсолютизма (1740—1789), королевская власть сравнительно мало занимается вопросами, касающимися общаго положенія народной массы: выходило такъ, какъ будто она считала нужнымъ вознаградить высшія сословія за потерю политическихъ правъ, предоставляя въ полное ихъ распоряженіе личность, трудъ и имущество сельскаго населенія. Съ своей стороны, потомки феодальныхъ сеньеровъ оберегали весьма ревниво все то, что у нихъ оставалось еще отъ ихъ предковъ въ собственныхъ земляхъ, въ правахъ на чужихъ земляхъ, въ оброкахъ и повинностяхъ крестьянъ, ибо отсюда извлекали они свои доходы, дававшіе имъ возможность становиться и въ оппозицію власти. Экономическая мощь, бывшая въ феодальную эпоху непосредственнымъ источникомъ суверенитета, была основой той политической роли, какую крупные землевладѣльцы, духовные и свѣтскіе, играли и въ эпоху сословно-представительныхъ учрежденій, и въ ту эпоху, когда при абсолютной королевской власти они все-таки составляли правящій классъ, умѣвшій защищать свои интересы и поддерживать свои традиціи. Только постепенно подрывалась эта экономическая сила феодальнаго землевладѣнія, съ одной стороны, благодаря появленію и развитію промышленности и торговли въ городахъ, о чемъ уже было говорено раньше, а съ другой стороны, благодаря медленному, но постепенному процессу дефеодализаціи сельскаго быта.

Въ этомъ послѣднемъ процессѣ нужно отличать дѣйствіе двухъ силъ—силы государства и силы самого народа, нужно различать и двоякое дѣйствіе обѣихъ силъ, т. е. постепенное подкапываніе подъ соціальный феодализмъ мелкими мѣрами правительства или мелочными измѣненіями, вносившимися въ жизнь отдѣльными лицами, и, наоборотъ, крупные перевороты, выражавшіеся въ важныхъ реформахъ, шедшихъ со стороны власти, или въ народныхъ попыткахъ стряхнуть съ себя феодальный гнетъ. Государство въ роли политической силы, повліявшей на разложеніе соціальнаго феодализма, могло выступить лишь въ сравнительно позднее время, да и то первоначально оно ограничивалось частными мѣропріятіями, приступивъ къ первымъ сколько-нибудь серьезнымъ реформамъ въ этой области только въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Начало процесса дефеодализаціи сельскаго быта обусловливалось преимущественно мелкими измѣненіями, вызывавшимися разными общими причинами, преимущественно экономическаго свойства, съ которыми нужно поставить рядомъ попытки, большею частью неудачныя, самого народа сбросить съ себя феодальный гнетъ. Эти попытки, встрѣчающіяся вообще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, имѣютъ особенно значительные размѣры при переходѣ въ новое время: таковы французская жакерія середины XIV вѣка, возстаніе крестьянъ въ Англіи въ концѣ того же вѣка и великая крестьянская война въ Германіи въ реформаціонную эпоху (1524—1525), война, коей предшествовало много мѣстныхъ и не столь значительныхъ вспышекъ. Эти попытки не имѣли удачи: противъ нихъ были соединенныя силы сеньеровъ и государства, стоявшаго на точкѣ зрѣнія сохраненія соціальнаго status quo. Феодальный строй былъ прямо враждебенъ свободѣ народной массы; сословная монархія, объединявшая интересы отдѣльныхъ классовъ, исключала изъ представительныхъ учрежденій не только несвободное, но и свободное крестьянство; позднѣйшій абсолютизмъ былъ тѣсно связанъ съ поддержкою соціальныхъ привилегій тѣхъ со-

словій, которыя держали въ зависимости отъ себя сельское населеніе. И нельзя сказать, чтобы въ новое время съ ростомъ государственнаго начала улучшалось положеніе народной массы. Если, напр., въ Англіи и во Франціи къ концу среднихъ вѣковъ крѣпостное состояніе исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, ослабляется, то въ Германіи, наоборотъ, въ новое время оно какъ-разъ усиливается. Такова юридическая сторона въ положеніи крестьянской массы въ трехъ названныхъ странахъ. Въ экономическомъ отношеніи мы наблюдаемъ ухудшеніе быта не только въ Германіи, гдѣ оно весьма понятно при возроставшемъ безправіи, но и въ Англіи съ Франціей, гдѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сопровождалось открѣпленіемъ ихъ отъ земли или увеличеніемъ тяжести оброковъ, лежавшихъ на землѣ. Освобожденіе крестьянъ не было общей государственной мѣрой: оно было результатомъ громаднаго количества частныхъ сдѣлокъ между сеньерами и крестьянами, сдѣлокъ, въ коихъ первые не упускали своихъ выгодъ, а другіе были предоставлены своей слабости. Съ другой стороны, высшія сословія, имѣвшія голосъ въ представительныхъ учрежденіяхъ или оказывавшія вліяніе на правительство въ качествѣ правящаго класса, такъ или иначе участвовали въ созданіи законодательныхъ мѣръ, клонившихся къ явному вреду для большинства населенія, не имѣвшаго своихъ депутатовъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.

Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію положенія народной массы въ европейскихъ государствахъ, которыми мы преимущественно заняты. До сихъ поръ мы имѣли въ виду только сословія, игравшія политическую роль, сохранившія старыя привилегіи или добившіяся новыхъ, а говоря о феодализмѣ, останавливались на одной политической его сторонѣ. Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ соціальной стороной феодализма, пережившей крушеніе стороны поли-

тической, пережившей сословно-представительныя учрежденія, продолжавшей существовать при полномъ развитіи абсолютизма, впервые сколько-нибудь затронутой просвѣщенными деспотами XVIII вѣка и сокрушенной только въ новѣйшее время. Эта соціальная сторона феодализма проявляется именно въ устройствѣ сельскаго быта, въ распредѣленіи поземельной собственности, въ характерѣ хозяйства, въ юридическомъ положеніи крестьянина. Я прошу припомнить то, что говорилось обо всемъ этомъ въ началѣ настоящаго разсмотрѣнія политическаго и общественнаго быта главныхъ государствъ западной Европы въ концѣ среднихъ вѣковъ: здѣсь мы выходимъ изъ области вопросовъ политическихъ и вступаемъ въ область вопросовъ экономическихъ, которымъ пришлось играть немалую роль въ новой исторіи. Но экономическая сторона должна быть нами разсмотрѣна не только въ сельскомъ быту, не только въ области земледѣлія, не только по отношенію къ крестьянамъ, но и въ быту городскомъ, въ области обрабатывающей промышленности, по отношенію къ ремесленникамъ и рабочимъ. Мы найдемъ нѣкоторыя аналогіи въ томъ и другомъ быту, и самою главною изъ нихъ будетъ замѣна мелкаго хозяйства крупнымъ, замѣна мелкаго производства крупнымъ, один ъ изъ важнѣйшихъ переворотовъ экономическихъ, совершившихся въ новое время, на почвѣ котораго возникаетъ буржуазія новаго времени, представительница такъ называемаго капитализма, и рядомъ съ нею пролетаріатъ, неизвѣстный средневѣковому экономическому устройству. Мы увидимъ впослѣдствіи и то также, какую важность экономическіе вопросы получаютъ въ новое время для государства, которое, все болѣе и болѣе принимая на себя разныхъ задачъ, раньше не столь сложныхъ и исполнявшихся притомъ самимъ обществомъ, все болѣе и болѣе стало нуждаться въ большихъ денежныхъ средствахъ, для чего и стало извѣстнымъ образомъ направлять экономическую жизнь народа, преслѣдуя свои фискальныя цѣли. Наконецъ, намъ

придется имѣть дѣло съ народными движеніями новаго времени, одно изъ которыхъ открываетъ собою смуты реформаціонной эпохи (крестьянская война въ Германіи), но эти народныя движенія имѣютъ необходимо экономическую подкладку, служа вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ какой-либо глубокой перемѣны, совершившейся въ хозяйственномъ быту массы. Особенно подробно я остановлюсь на судьбахъ крестьянства: городская промышленность есть уже продуктъ исторіи новаго времени, и на положеніи промышленныхъ рабочихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ поэтому пока нѣтъ надобности останавливаться съ такими подробностями.

Соціальныя отношенія

XIII. Крѣпостничество во Франціи *).

История сельскаго населенія во Франціи.—Рабство въ Галліи и колонатъ.—Сохраненіе колонатныхъ отношеній въ варварскую эпоху.—Феодализація. — Феодальная сеньерія. — Классы населенія феодальной сеньеріи.—Поземельныя ея отношенія.—Оброки и повинности.—Сеньерьяльныя права.

Для ознакомленія съ средневѣковымъ крестьянскимъ бытомъ я останавливаюсь преимущественно на судьбахъ французскаго сельскаго населенія, на которыхъ лучше всего можно познакомиться съ перемѣнами, происходившими во-

*) Эта и слѣдующая главы представляютъ собою сокращеніе изъ моей книги «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.» Тамъ же можно найти указанія на сочиненія по исторіи французскихъ крестьянъ. Очеркъ литературы по исторіи крестьянъ въ разныхъ странахъ Европы сдѣланъ въ книгѣ *В. И. Семевскаго* Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Общее сочиненіе по исторіи уничтоженія крѣпостничества—*Sugenheim*. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. Вообще по исторіи крестьянства и землевладѣнія см. еще въ дополненіяхъ проф. *И. В. Лучицкаго* къ Исторіи новаго времени *Зеворта*.

обще въ крестьянскомъ быту: съ той эпохи, когда въ Галліи существовали самостоятельныя государства, черезъ эпохи римскую и варварскую до образованія французской монархіи и потомъ черезъ всѣ періоды въ исторіи послѣдней тянется длинный рядъ явленій, находящихся между собою въ преемственной связи, хотя и не всегда схожихъ между собою, явленій, сводящихся къ тому, что въ теченіи двухъ тысячелѣтій сельскій народъ въ этой странѣ былъ въ зависимости отъ землевладѣльческаго класса, въ зависимости, принимавшей самыя разнообразныя формы, но наиболѣе характеризующейся тѣми феодальными отношеніями, которыя въ сферѣ соціальной и возникли раньше, и перестали существовать позже, чѣмъ развился и склонился къ упадку феодализмъ политическій.

По древнѣйшему извѣстію о соціальномъ бытѣ самыхъ отдаленныхъ предковъ французскаго крестьянина, низшихъ классовъ въ Галліи, по извѣстію, принадлежащему завоевателю Галліи Юлію Цезарю, въ ней народъ былъ въ рабскомъ состояніи: „большая часть, говоритъ Цезарь, обремененные долгами или вслѣдствіе тяжести налоговъ, или же по причинѣ притѣсненій со стороны сильныхъ людей,—закабаляютъ себя знатнымъ (sese in servitutem dicant nobilibus), и послѣдніе имѣютъ по отношенію къ нимъ всѣ тѣ же права, какія принадлежатъ господамъ надъ рабами". Въ послѣднія времена Римской имперіи въ ней господствуетъ колонатъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть вообще прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Вѣроятно, первоначальную основу колоната положили полузакрѣпощенные галлы; далѣе, въ число колоновъ должны были войти и рабы, такъ или иначе получившіе смягченіе своей участи; наконецъ, значительный контингентъ для пополненія колоновъ могли доставить мелкіе свободные арендаторы. Взаимныя отношенія государственной власти, помѣщика и колона въ Галліи мало чѣмъ разнились отъ тѣхъ же отношеній въ Россіи при крѣпостномъ правѣ. Само собою разумѣется, что разъ между государствомъ и прежде свободнымъ

колономъ стоялъ помѣщикъ, отъ котораго этотъ колонъ находился въ зависимости, связь между государственной властью и массой населенія должна была ослабѣть и на первый планъ— выдвинуться господство землевладѣльца; къ нему же должно было перейти и политическое значеніе въ одну изъ такихъ эпохъ, когда само государство какъ бы теряетъ свою жизненную силу. Вотъ почему въ колонатѣ мы должны видѣть подготовительную стадію средневѣкового феодализма, особенно, если обратимъ вниманіе на юридическую и на экономическую сторону: именно мы замѣчаемъ въ колонатѣ первую форму уменьшенія свободы вслѣдствіе найма чужой земли,—уменьшенія, характеризующаго юридическія отношенія среднихъ вѣковъ; съ другой стороны, приходится признать несомнѣнную связь колоната съ эксплуатаціей имѣній мелкими хозяевами, зависимыми оброчниками, какими были и средневѣковые крестьяне. Экономическому различію раба и колона, изъ коихъ первый былъ какъ бы пожизненный батракъ, а второй—пожизненный фермеръ, соотвѣтствовало и юридическое различіе между обоими состояніями: колонатъ былъ не лишеніемъ, а только какъ бы уменьшеніемъ свободы; въ сравненіи съ рабствомъ онъ представлялъ болѣе мягкую форму личной зависимости. Законъ признавалъ колоновъ даже свободными людьми. Но эти свободные люди не были вполнѣ независимы они не могли оставить той земли, на которой сидѣли и за которую платили оброкъ, они были какъ бы рабами этой земли, съ коей и ихъ никто не имѣлъ права согнать. Съ этимъ правомъ и съ этой обязанностью вѣчно сидѣть на одномъ участкѣ соединялась для колона обязанность обрабатывать этотъ участокъ, дабы было чѣмъ платить разъ навсегда установленный оброкъ. Одновременно съ колонатомъ происходило въ Римской имперіи развитіе особаго учрежденія, вызваннаго отчасти тѣми же причинами, какъ и только-что описанныя отношенія. Это—такъ называемый эмфитевзисъ, договоръ, по которому землевладѣлецъ передавалъ свою землю другому лицу въ очень обширное пользованіе, за что эмфи-

тевтъ обязывался платить ежегодно опредѣленную поземельную ренту. Это было что-то среднее между куплей и арендой: эмфитевтъ дѣлался вѣчнымъ владѣльцемъ земли, могъ даже ее продавать (съ уплатой собственнику извѣстной пошлины), но въ то же время онъ не считалъ себя настоящимъ собственникомъ и долженъ былъ вѣчно платить оброкъ за свою землю. Въ извѣстномъ смыслѣ римскій эмфитевзисъ былъ равносиленъ цензивѣ феодальной эпохи. Рабство у германцевъ еще въ I в. по Р. Х. напоминаетъ колонатъ. „Рабы, говоритъ Тацитъ въ своей книгѣ о Германіи, — находятся у германцевъ въ иномъ положеніи, чѣмъ наши, между которыми распредѣлены отдѣльныя домашнія службы. У каждаго своя усадьба, свое хозяйство. Господинъ только налагаетъ на нихъ, какъ на фермеровъ (ut colono), извѣстный оброкъ хлѣбомъ, скотомъ, одежею—и въ этомъ все рабство". Благодаря этому обстоятельству, германскимъ племенамъ, поселившимся въ Галліи, легко было приспособиться къ существовавшему тамъ колонату, такъ какъ съ нимъ ихъ крѣпостное состояніе имѣло столь много общаго и въ юридическомъ, и въ экономическомъ смыслѣ. Варвары приняли и существовавшій въ Галліи порядокъ обработки земли: латифундіи и колонатъ могли оставаться въ полной силѣ. Впрочемъ, такъ какъ варвары были мало способны понимать юридическія различія, существовавшія въ римскомъ правѣ между отдѣльными оттѣнками зависимости одного человѣка отъ другого, то между рабами и колонами должно было произойти нѣкоторое смѣшеніе. Во всякомъ случаѣ вотъ какія черты проходятъ черезъ всю исторію Галліи-Франціи, начиная со времени, предшествовавшаго завоеванію ея легіонами Юлія Цезаря, до окончательнаго утвержденія въ ней феодальнаго режима: это, во-первыхъ, р ѣ з к о е р а з д ѣ л е н і е о б щ е с т в а н а д в а к л а с с а, изъ которыхъ одинъ все болѣе и болѣе захватываетъ почву въ свои руки, тогда какъ другой все менѣе и менѣе оказывается способнымъ даже сохранить личную свободу; во-вторыхъ, это начинающаяся система с о е д и н е н і я к р у п н о й с о б с т в е н н о с т и съ

мелкимъ хозяйствомъ: землевладѣльцы не предпринимаютъ эксплуатаціи почвы въ широкихъ размѣрахъ, низшій классъ находитъ себѣ помѣщеніе въ имѣніяхъ крупныхъ собственниковъ въ качествѣ крѣпостныхъ крестьянъ,—словомъ, латифундіи и колонатъ взаимно дополняются; въ-третьихъ, при несомнѣнномъ развитіи частной собственности, не исключающемъ ни ограниченій ея въ пользу общины, ни общиннаго землевладѣнія, наряду съ полною собственностью создается особый видъ собственности зависимой (emphyteusis), возникающій въ силу особаго договора, который напоминаетъ одновременно продажу и отдачу въ наемъ; въ-четвертыхъ, время отъ времени обнаруживается стремленіе слабыхъ членовъ общества заручиться покровительствомъ какого-либо сильнаго человѣка, хотя бы для этого пришлось лишиться своего клочка земли и свободнаго распоряженія своею личностью. Указанныя черты характеризуютъ бытъ крестьянъ и при феодальномъ режимѣ: элементы его существовали ранѣе, и только позднѣе комбинировались они въ цѣлую систему, охватившую всѣ сферы общественной жизни.

Система эта, какъ мы видѣли, дробившая цѣлую страну на множество политическихъ организмовъ, въ то же время опутывала своею сѣтью и мелкія сельскія общины. Феодализмъ въ послѣднемъ смыслѣ началъ устанавливаться гораздо ранѣе феодализма, какъ политической системы: нужно было только, чтобы распалась государственная власть преемниковъ Карла Великаго, дабы черты, характеризующія колонатъ, обострились въ феодальной системѣ: раздѣленіе общества на два класса, землевладѣльцевъ и подневольныхъ земледѣльцевъ съ переходомъ государственной власти въ руки первыхъ превращается въ раздѣленіе общества на господъ и подданныхъ; въ то же время крупная собственность, латифундія возводится на степень самостоятельнаго цѣлаго, и состояніе колоната въ извѣстномъ смыслѣ распространяется на все населеніе такого политическаго организма, возникшаго на почвѣ

крупнаго имѣнія; равнымъ образомъ при установленіи іерархіи между отдѣльными феодальными владѣніями генерализируется система зависимой собственности: если на верхней ступени лѣстницы стоялъ сюзеренъ, который имѣлъ подъ собою вассаловъ, владѣвшихъ своими землями въ зависимости отъ него, то внизу мы находимъ крестьянина, который держитъ землю отъ своего сеньера, какъ вассалъ послѣдняго: и феодъ, или ленъ благороднаго вассала, и цензива простого человѣка одинаково противополагаются алоду, какъ полной, независимой собственности, состоя въ нѣкоторомъ родствѣ съ эмфитевзисомъ; при всемъ этомъ въ такой системѣ, которая отдавала всю страну во власть помѣщиковъ, обладавшихъ значеніемъ носителей государственной власти, уже положительно невозможно было кому-либо сохранить свою свободу и не стоять подъ покровительствомъ какого-нибудь сеньера, когда все общество отъ короля до послѣдняго нищаго представляло изъ себя лѣстницу, въ которой каждый стоящій на промежуточныхъ ступеняхъ имѣлъ надъ собою сеньера и въ то же время самъ былъ чьимъ-либо сеньеромъ; наконецъ, вслѣдствіе того же политическаго переворота отдѣльныя лица, коимъ ранѣе удалось стать внѣ свободной общины, стали теперь надъ общинами, возвративъ имъ однородность состава въ силу своего превращенія изъ совладѣльцевъ общинъ, не желавшихъ подчиняться общему правилу, въ господъ, которымъ не было интереса слишкомъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки общины. Вотъ какимъ образомъ политическая сторона феодальной системы содѣйствовала дальнѣйшему развитію, закрѣпленію и, такъ сказать, обостренію феодализма въ соціальной сферѣ, начавшагося гораздо ранѣе. Было бы ошибочнымъ однако принимать это содѣйствіе за основную причину: феодализмъ въ сферѣ соціальной и зародился ранѣе, и окончилъ свое существованіе позднѣе, нежели въ сферѣ политической.

Въ эпоху меровингскихъ и каролингскихъ королей (VI—X

вв.) процессъ феодализаціи завершился окончательно. Первымъ выдающимся результатомъ было исчезновеніе, уже къ концу IX вѣка, всякой свободной собственности. Сверху шла раздача королями доставшихся имъ, главнымъ образомъ по наслѣдію отъ римскаго фиска, земель, во временное пользованіе за военную, придворную и иную службу (бенефиціи),—раздача, кончившаяся тѣмъ, что бенефиціи, бывшія при Меровингахъ временными, при Каролингахъ превратились въ феоды, передававшіеся по наслѣдству, хотя и налагавшіе по прежнему обязанность военной службы. По аналогіи съ этимъ помѣщики раздавали сами участки своей земли частнымъ лицамъ за отбываніе какой-либо повинности или уплату оброка ценза, откуда названіе такихъ участковъ цензивами. Обѣ категоріи земель — и феоды, владѣльцами коихъ могли быть только „родовитые люди“ (gentiles homines, gentilshommes), и цензивы, существовавшія для простолюдиновъ, — представляли изъ себя особенный видъ собственности, принадлежавшей разомъ двумъ владѣльцамъ: тому лицу, которое непосредственно пользовалось такимъ имѣніемъ, принадлежалъ dominium utile; лицо, по отношенію къ которому владѣлецъ феода или цензивы былъ обязанъ извѣстными повинностями, имѣло то, что называлось dominium directum. Къ концу XI вѣка уже окончательно установилась общая классификація не-алодіальной собственности на феоды и цензивы, причемъ цензива получила почти всѣ признаки полной собственности въ то самое время, когда цензитарій изъ арендатора, какимъ онъ былъ въ сущности сначала, превратился въ подданнаго своего помѣщика. Цензива существовала во Франціи до революціи 1789 г., и передъ самымъ концомъ стараго порядка землевладѣльцы отдавали еще землю въ вѣчное владѣніе за уплату ежегоднаго ценза.

Феодальная латифундія имѣла иное устройство, чѣмъ римская: римскому поссессору нужна была самая земля съ правомъ ею пользоваться по своему произволу (jus utendi et abutendi, какъ говорили юристы), феодальному сеньеру нужны

были болѣе люди, и потому онъ охотно дѣлился землею, которую притомъ самъ обработать всю былъ не въ состояніи: хозяйство на свой счетъ онъ велъ на небольшомъ сравнительно клочкѣ съ помощью барщины, т. е. дарового труда подвластныхъ ему крестьянъ и довольствуясь цензомъ и повинностями, которыя лежали на остальной землѣ.

Усадьба каждаго болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца дѣлалась центромъ для всего окружающаго населенія: сеньеръ владѣлъ наибольшимъ количествомъ земли, хотя большею частью и не въ видѣ сплошной массы; на этой землѣ жили его крѣпостные, его цензитаріи, ставшіе въ зависимость отъ него люди; однако далеко не на все населеніе и не въ одинаковой мѣрѣ на отдѣльныя личности распространялась его власть. Такому землевладѣльцу естественно было стремиться къ округленію своего имѣнія и къ выработкѣ однородности въ положеніи населяющаго его люда: въ какихъ бы отношеніяхъ ни стояло разнородное населеніе данной территоріи къ государству и общинѣ, для помѣщика оно было однородно и представляло изъ себя нѣчто цѣльное, связанное между собою болѣе или менѣе одинаковыми отношеніями къ общему господину. Въ эпоху установленія феодализма не дѣлали строгаго различія между понятіями и отношеніями политическими и частноправовыми: землевладѣлецъ начиналъ смотрѣть на себя, какъ на законодателя, управителя и судью лицъ, жившихъ въ его помѣстьѣ, на его землѣ и находившихся потому въ нѣкоторой зависимости отъ него, а въ самыхъ этихъ лицахъ начиналъ видѣть приблизительно то же, чѣмъ были его собственные крѣпостные. Съ другой стороны, когда къ нему перешла государственная власть, онъ часто не умѣлъ различить, гдѣ начиналась его власть, какъ государя, и гдѣ кончалась принадлежавшая ему власть землевладѣльца и господина крѣпостныхъ: феодальный сеньеръ былъ не то государь, не то помѣщикъ; не то рабовладѣлецъ. Эти три элемента власти средневѣкового феодальнаго сеньера такъ перепутались въ концѣ концовъ между собою,

до такой степени сдѣлались невыдѣлимыми изъ общаго комплекса, нерѣдко весьма мало различаясь одинъ отъ другого, постоянно одинъ съ другимъ смѣшиваясь и одинъ въ другой переходя, что феодальная сеньерія была какъ-бы помѣстьемъ, вся земля коего въ извѣстной степени принадлежала сеньеру, а жители были отъ него въ зависимости.

Соціальный феодализмъ дѣлилъ все общество на два класса, на классъ господствующій и на классъ подданный: въ то самое время, какъ въ послѣднемъ продолжается вѣчно нарушаемое жизнью стремленіе отдѣльныхъ состояній сравняться между собою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе принижается передъ первымъ, и общество должно было состоять изъ однихъ господъ и рабовъ, едва зная среднее состояніе: нигдѣ въ Европѣ до такой степени не исчезла изъ общества старая свобода, какъ именно во Франціи. Другими словами, всякій человѣкъ былъ либо благородный, либо неблагородный, а въ послѣднемъ случаѣ онъ не только по достоинству считался ниже благороднаго, но и не былъ вполнѣ свободнымъ, находясь въ извѣстной зависимости отъ перваго.

Населеніе феодальной сеньеріи не было однородною массою: глядя на него издали, трудно было замѣтить въ немъ какія-либо подраздѣленія, такъ что когда нужно было обозначить всю массу однимъ какимъ-нибудь словомъ, то почти никогда не затруднялись называть ее вообще сервами, какъ бы указывая этимъ на ея однородность: слово „сервъ" имѣло весьма опредѣленное значеніе. Но если мы переберемъ всѣ названія, которыми обозначали отдѣльныя части населенія, то увидимъ, что слово сервъ имѣло, особенно съ XIII вѣка, значеніе болѣе спеціальное, и что рядомъ съ сервами существовали еще разные другіе классы. Въ эпоху полнаго господства феодальной тиранніи на самой низкой ступени общественной лѣстницы стояли сервы, будучи самою безправною частью населенія, надъ которою господину принадлежала неограниченная власть: онъ могъ дѣлать съ ними

все, что ему ни вздумалось бы, справедливо или несправедливо, отвѣчая передъ однимъ Богомъ. Это такъ называемые gens depleine poeste или de corps, hons (hommes) de cors, потому что они были въ полной власти господина, потому что ему принадлежало самое ихъ тѣло. Сервъ былъ совершенно безправнымъ человѣкомъ: на судѣ его свидѣтельство допускалось лишь съ большими ограниченіями; вступать въ какія-либо обязательства ему не дозволялось; господинъ могъ налагать на него произвольный оброкъ и произвольную барщину (taille и corvée à merci); вступать въ бракъ онъ могъ только съ согласія господина; по смерти его имущество доставалось господину (droit de main-morte); если онъ оставлялъ произвольно имѣніе, въ которомъ жилъ, то господинъ могъ его отыскивать (droit de poursuite), а проживъ годъ съ днемъ на землѣ другого сеньера, онъ дѣлался сервомъ послѣдняго въ качествѣ иностранца, обэна (droit d'aubainage). De facto сервы пользовались земельными надѣлами, которые переходили отъ отца къ сыну. Въ періодъ между IX и XI вѣками начался переходъ сервовъ этой категоріи въ болѣе смягченное состояніе, извѣстное подъ названіемъ мэнморта (мертвая рука, manus mortua, mainmorte, откуда serfs de main-morte или mainmortables), хотя еще въ XIII вѣкѣ число полныхъ сервовъ было весьма значительно. Это была другая, болѣе мягкая форма серважа, въ которую попали сначала большею частью свободные, но безземельные поселяне, колоны, коимъ удалось избѣжать общей участи своихъ собратій, а впослѣдствіи попадали и сервы, получившіе нѣкоторое облегченіе своей участи. Они наравнѣ съ сервами были прикрѣплены къ землѣ: homines manus mortuae sunt servi glebae; вмѣстѣ съ ними они обязаны были платить талію и отбывать натуральныя повинности въ пользу сеньера; за дозволеніе вступать въ бракъ они платили особую пошлину (droit de formariage), а въ случаѣ ихъ смерти наслѣдникомъ ихъ дѣлался сеньеръ: ихъ рука была мертва, чтобы дѣ-

лать загробныя распоряженія съ своимъ имуществомъ. Но они существенно отличались отъ первой категоріи сервовъ тѣмъ, что количество и качество требуемыхъ отъ нихъ повинностей было опредѣлено договоромъ или обычаемъ. Съ XIII в. все чаще и чаще встрѣчается названіе вилллановъ, въ положеніе которыхъ уже перешли почти всѣ сервы и мэнмортабли въ началѣ новой исторіи, т. е. въ XVI вѣкѣ. Это были крестьяне лично свободные, находившіеся въ подчиненіи у сеньеровъ, какъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ они держали свои участки, — и какъ отчасти обладателей государственной власти, подъ которою находились, — словомъ, не какъ крѣпостные крестьяне у своихъ помѣщиковъ. De jure сеньеръ имѣлъ надъ этими людьми власть ограниченную: между ними и имъ былъ судья въ лицѣ непосредственнаго сюзерена, вассаломъ котораго былъ сеньеръ, а съ усиленіемъ королевской власти и въ лицѣ короля, какъ всеобщаго сюзерена. Такому подданному принадлежали право полнаго распоряженія своею собственностью и совершенная правоспособность во всѣхъ гражданскихъ актахъ: онъ пользовался, какъ говорили, „римской свободой." Тѣмъ не менѣе надъ нимъ тяготѣли многія тяжелыя стороны феодальнаго права: и онъ подвергался обэнажу, и онъ былъ обязанъ платить сеньеру разныя подати, пошлины, оброки, и онъ подчинялся сеньерьяльной юрисдикціи. Во французскихъ деревняхъ такой классъ сталъ образовываться только впослѣдствіи, и первыми лицами, которыя вошли въ его составъ, были большею частью такъ называемые hôtes (hospites), переселявшіеся изъ другихъ мѣстъ по приглашенію сеньеровъ для обработки незанятой земли, которая передавалась имъ обыкновенно въ качествѣ цензивъ: эти свободные цензитаріи, сначала весьма рѣдкіе, находились только въ подданствѣ у сеньеровъ, откуда общее названіе для всѣхъ лицъ подобной категоріи homines potestatis, hons de poste, de poté, francs hommes de poté.

Среди разныхъ способовъ сдѣлаться сервомъ одинъ со-

хранялъ свою силу до самой революціи. Еще въ до-феодальную эпоху цензивныя земли раздѣлялись на разныя категоріи по состоянію лица, ихъ занимавшаго, вслѣдствіе чего назывались mansi ingenuiles, lidiles и serviles, смотря по тому, давался-ли мансъ (участокъ земли, надѣлъ) свободному человѣку или зависимому литу, или же наконецъ серву; впослѣдствіи сами участки стали ставить лицо, ихъ занимавшее, въ то или другое положеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи существовали особые участки земли, которые назывались крѣпостными или мэнмортабельными (héritages serfs или mainmorfábles, также mex, meix): прожившіе на нихъ извѣстное количество времени, дѣлались сервами. Это была такъ называемая servitude réelle, когда крестьянинъ былъ сервомъ не лично, а по занимавшемуся имъ земельному надѣлу.

Каково было экономическое положеніе этой массы? Крупнаго хозяйства почти не существовало при феодальной системѣ: во всякомъ случаѣ сеньеръ велъ хозяйство самъ только на незначительной части своего домена, раздавая остальную землю по мелкимъ участкамъ крестьянамъ; сеньерьяльное хозяйство велось барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ, сидѣвшихъ каждый на своемъ надѣлѣ, хотя, кромѣ того, бывали въ видѣ исключенія и безземельные рабочіе, получавшіе отъ землевладѣльца помѣщеніе, одежду и пищу; вся остававшаяся затѣмъ земля находилась въ пользованіи различныхъ классовъ крестьянъ, которые большею частью владѣли ею наслѣдственно, отъ отца къ дѣтямъ, ибо въ то время краткосрочной аренды почти не существовало (фермерство въ хозяйственной исторіи Франціи явленіе позднѣйшее), и всякая съемка земли стремилась превратиться въ наслѣдственную. Благодаря этому обстоятельству, феодальной эпохѣ былъ неизвѣстенъ сельскій пролетаріатъ: крестьяне были обезпечены землею на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, начиная отъ отбыванія ими повинностей въ пользу помѣщика по его произволу и кончая уплатой ему

денежнаго ценза въ неизмѣнномъ каждый годъ количествѣ, —начиная съ барщины и кончая половничествомъ, состоявшимъ въ томъ, что съемщикъ обязанъ былъ представлять землевладѣльцу половину продукта, — начиная съ довольно прочной связи крестьянина съ его землей, въ видѣ такъ называемаго dominii utilis, и кончая отношеніями, которыя зависѣли въ значительной мѣрѣ отъ доброй воли сеньера. Вслѣдствіе того, что крестьяне были большею частью наслѣдственными владѣльцами опредѣленныхъ земельныхъ участковъ, и того, что каждая деревня была окружена пустопорожними землями, служившими выгономъ для скота, между односельчанами должны были поддерживаться старыя или возникать новыя общинныя отношенія, тѣмъ болѣе, что сами сеньеры сдавали земли цѣлымъ общинамъ.

Если среди земледѣльческаго населенія феодальной сеньеріи существовало нѣсколько классовъ, то это раздѣленіе имѣло характеръ болѣе юридическій, нежели экономическій: въ послѣднемъ отношеніи крестьянская масса была болѣе или менѣе однородна, ибо почти всѣ были самостоятельными хозяевами. Экономическое раздѣленіе могло бы имѣть мѣсто, если бы въ величинѣ отдѣльныхъ хозяйствъ существовали крупныя различія, но этого, повидимому, не было, хотя крестьянскіе участки и не были всѣ равны между собою. Тѣмъ не менѣе есть основаніе утверждать, что въ общемъ не было вовсе и крупнаго неравенства: слишкомъ большіе (нельзя однако сказать: и слишкомъ малые) участки представляли изъ себя отдѣльные случаи, исключенія изъ общаго правила. Для серва существовало даже нѣчто въ родѣ нормальнаго надѣла или манса: даже въ позднѣйшую эпоху словомъ mex, meix — названіемъ мэнмортабельной земли— обозначалось вообще и такое количество почвы, которое было необходимо pour occuper et nourrir un sujet avec son ménage.. Нѣтъ основанія предполагать, что и цензивныя хозяйства не были болѣе или менѣе одинаковы: они могли колебаться только въ довольно ограниченныхъ предѣлахъ. При каждой деревнѣ были

въ средніе вѣка общинныя земли (les communaux), и вездѣ существовали общинные сервитуты, когда, наприм., по уборкѣ хлѣба всѣ жители деревни высылали свой скотъ пастись по разгороженнымъ полямъ отдѣльныхъ хозяевъ (vaine pâture). При этомъ держались принципа: qui n'a labourage, n'a pâturage, т. е. у кого въ деревнѣ нѣтъ своей пашни, тотъ и скота своего не можетъ пасти на общемъ выгонѣ.

Оброки, повинности и права, которымъ подлежало населеніе феодальной сеньеріи, были крайне разнообразны: потребовался бы цѣлый словарь, чтобы только перечислить всѣ термины феодальнаго права, обозначавшіе какой-либо платежъ, какой-либо видъ барщины, какую-либо привилегію сеньера. Одни изъ нихъ возникли въ эпоху закрѣпощенія, другіе были цѣною освобожденія, начавшагося впослѣдствіи; одни вышли изъ употребленія довольно рано, существованіе другихъ было прекращено только законодательствомъ революціи; одни существовали потому, что сеньеръ былъ представитель государственной власти, другіе—потому, что отъ него зависѣла земля, третьи — потому, что у него были крѣпостные, четвертые—потому, что сеньеръ былъ силенъ и могъ вымучить у крестьянъ все, что ему было угодно. Сеньеры взимали въ свою пользу разные налоги, установленные прежде государствомъ, каковы подушная и поземельная подати, пошлины при продажѣ имѣнія или полученіи наслѣдства, пошлины рыночныя, заставныя, мостовыя и т. п. Эти налоги, при полномъ почти отождествленіи государственнаго и частноправового порядковъ, сеньеръ не хотѣлъ отличать отъ тѣхъ, которые платились ему, какъ феодальному сеньеру его вассалами и какъ землевладѣльцу его крестьянами: тутъ были и военная служба, и taille aux quatre cas (выкупъ изъ плѣна, пособіе на паломничество, посвященіе старшаго сына въ рыцари и свадьба старшей дочери), и такъ называемые баналитеты, право охоты, гаренны, и разные виды ценза за землю, и барщина, и формарьяжъ, и mainmorte, и пр. и пр. Вотъ наиболѣе характерныя сеньерьяльныя права.

Весьма часто мы встрѣчаемся и въ феодальную эпоху, и позднѣе вплоть до революціи съ оброкомъ, называвшимся цензомъ (cens) и раздѣлявшимся на множество видовъ. Съ нимъ были соединены также lods et ventes, т. е. пошлина, платившаяся сеньеру при переходѣ цензивной земли въ другія руки. Право на цензъ могло принадлежать, по основному принципу феодальнаго права, только владѣльцу феода: когда кто-либо впослѣдствіи отдавалъ свою землю другому на условіяхъ цензивы, не будучи самъ сеньеромъ, то въ такомъ случаѣ получалъ простую ренту, а не цензъ. Мало-по-малу развилось даже особое право, droit d'enclave, по которому участки земли, не платившіе прежде ценза, должны были ему подчиниться въ размѣрѣ, который существовалъ на сосѣднихъ земляхъ. Цензъ былъ иногда очень невеликъ, но только въ томъ случаѣ, когда уплачивался деньгами; когда онъ вносился сеньеру натурою, онъ назывался шампаромъ (champart, campi pars) и состоялъ изъ весьма значительной части продукта. Позднѣе выработалась теорія, что цензъ и шампаръ всегда были результатомъ земельной уступки, и сеньеры, получая его съ однихъ хозяйствъ сеньеріи, старались на основаніи droit d'enclave распространить и на другія на томъ основаніи, что прежде вся земля принадлежала имъ и они уступали ее въ цензивное владѣніе на одинаковыхъ условіяхъ. Благодаря этому, во Франціи земля держалась въ крѣпостной зависимости до самой революціи. Въ связи съ этимъ было правило, что нѣтъ земли, надъ которой бы не было сеньера, nulle sans seigneur. Съ XVI вѣка изреченіе nulle terre sans seigneur стало толковаться въ томъ смыслѣ, что сеньеръ есть универсальный собственникъ и можетъ наложить цензъ или шампаръ на тѣ земли, которыя ихъ прежде не платили. Здѣсь лежала возможность увеличить уже прежде существовавшіе платежи и обременить новыми податями земли, уступленныя раньше за болѣе умѣренныя повинности. Благодаря тому же обстоятельству, въ разрядъ поземельныхъ оброковъ были переведены многія чи-

сто личныя повинности. Цензъ, шампаръ, указанное правило, играли самую выдающуюся роль въ феодальномъ правѣ, особенно позднѣйшаго времени. Другія сеньерьяльныя права, наоборотъ, первенствовали въ болѣе раннюю эпоху, когда населеніе было въ крѣпостномъ состояніи; позднѣе они составляли уже исключенія. Таковы преимущественно личныя повинности крѣпостного и подданнаго: произвольныя и абонированныя въ извѣстномъ размѣрѣ талія и барщина (taille, corvée à merci, à volonté или abonnée), подымный налогъ (fouage), особая подать за покровительство (avouerie, sauvegarde и т. д.), налогъ на скотъ (cornage, charnage) и т. п. Или вотъ особый видъ барщины, дотянувшійся до конца феодальнаго режима: крестьяне нерѣдко должны были ночью бить палками по прудамъ, чтобы кваканье лягушекъ не безпокоило сеньера.

Баналитетомъ (banalité, bannum) называлось особое право сеньера, по которому крестьяне обязаны были молоть и печь свой хлѣбъ въ господской мельницѣ и печи, отвозить свой виноградъ на господское точило и, конечно, не даромъ. Въ силу того же права сеньеръ опредѣлялъ время покоса, жатвы, сбора винограда; ему же принадлежало исключительное право (banvin) первому продавать свой виноградъ, а иногда только ему могъ крестьянинъ продать свой. Въ связи съ ними стояло право исключительной рыбной ловли и охоты. Послѣднее право было весьма тяжело: крестьянинъ не могъ истреблять дичи, портившей его посѣвы, не могъ начинать покоса, пока извѣстнаго рода птицы не выведутъ своихъ птенцовъ, долженъ былъ помогать въ сеньерьяльной охотѣ, которая нерѣдко производила опустошеніе въ его полѣ, и ради той же охоты очень часто лишался пользованія лѣсомъ, когда сеньеръ превращалъ его въ заповѣдную гаренну (garenne) для разведенія кроликовъ, отъ коихъ тоже не мало страдала крестьянская нива. Не давали ей пощады и голуби, правомъ содержать которыхъ пользовались сеньеры (droit de colombier): нерѣдко въ своихъ голубятняхъ они держали массы этихъ птицъ, превосходящія всякія вѣроятія.

Послѣднія привилегіи сеньеровъ связаны были обыкновенно съ ихъ судебнымъ правомъ (droit de justice), которымъ они пользовались, какъ господа—по отношенію къ сервамъ, какъ феодальные сеньеры—по отношенію къ вассаламъ и, какъ государи—по отношенію къ подданнымъ. Юрисдикція сеньеровъ распространялась такимъ образомъ на все населеніе сеньеріи, на всякаго, кто „встаетъ и ложится спать" въ извѣстной территоріи.

XIV. Эпоха освобожденія французскихъ крестьянъ.

Эпоха постепеннаго освобожденія деревень.—Вліяніе разныхъ факторовъ на крестьянскія движенія.—Условія освобожденія крестьянъ.—Ордоннансъ Людовика X (1315 г.).—Сущность освобожденій XIII и слѣд. вѣковъ.—Обезземеленіе крестьянъ и наемный трудъ.—Неблагопріятныя условія освобожденій.—Жакерія.—Казенные налоги.—Бѣдствія XIV и XV вв.—Редактированіе кутюмъ.—Отношеніе генеральныхъ штатовъ къ крестьянству.—Соціальный бытъ по кутюмамъ новаго времени.

Когда въ 1789 г. приступили къ отмѣнѣ феодальнаго режима, то сдѣлали различіе между временемъ de la fèodalité dominante, когда чуть не всякій недворянинъ и недуховный былъ сервомъ, и временемъ de la féodalité contractante, когда сеньеры начали заключать договоры уже съ освобожденными сервами. Границей между этими двумя періодами можетъ быть признанъ XIII вѣкъ. Съ этой эпохи въ жизни крестьянъ стали играть роль новые факторы: возвышеніе королевской власти и освобожденіе городовъ. Въ XII в. Капетинги начинаютъ уже переходить въ наступательное положеніе, объявивъ войну феодальному своеволію во имя правъ своей короны. При первомъ изъ королей, которые выступили на новый путь, Людовикѣ VI (XII в.) начинается союзъ прави-

тельства съ народной массой: Людовикъ во время борьбы съ непокорными вассалами, обратился къ крестьянамъ, и они составили первую независимую отъ феодальныхъ отношеній милицію, которая подъ предводительствомъ священниковъ и подъ знаменемъ короля стала ходить сражаться съ ослушниками власти. Помимо того, въ борьбѣ послѣдней съ феодальными сеньерами масса вообще становилась на сторону короны, не смотря на то, что часто приходилось ей разочаровываться въ своихъ упованіяхъ: короли были покровители далеко неискренніе. То немногое, что успѣла сдѣлать въ эту эпоху королевская власть для прекращенія анархіи, казалось современникамъ все-же весьма значительнымъ, и лѣтописцы XII в. даже прославляли успѣхи земледѣлія и промышленности въ царствованіе Людовика VII.

Не одна королевская власть прибѣгала къ помощи крестьянъ, какъ это случилось при Людовикѣ VI: дѣлать это начало и духовенство. Въ первой половинѣ XI вѣка устраиваются союзы мѣстнаго населенія съ цѣлью защиты извѣстнаго Божьяго мира (treuga Dei): сами феодальные бароны нанимались иногда къ этимъ союзамъ на службу, и часто священники, стоя во главѣ такихъ ассоціацій, вооруженною рукою заставляли феодаловъ подчиняться рѣшеніямъ соборовъ. Въ 1179 г. папа Александръ III утвердилъ Божій миръ, какъ общій законъ церкви, но въ это время духовенство начало уже опасаться прибѣгать къ ассоціаціямъ мира, видя возможность перехода ихъ легальныхъ дѣйствій въ открытыя возстанія, которыя легко могли направиться противъ самого же духовенства.

Обращеніе къ крестьянамъ, сдѣланное королевскою властью и церковью, не могло не оживить деревенскаго люда, не могло не привести его въ движеніе. Не забудемъ, что съ этимъ временемъ совпадаетъ эпоха крестовыхъ походовъ (1096—1270). Въ св. землю двинулась масса сервовъ, которымъ за богоугодный подвигъ обѣщано было царство небесное за гробомъ, а здѣсь освобожденіе изъ крѣпост-

ного состоянія; на войнѣ они подвергались общей опасности съ сеньерами, и хотя въ походѣ происходили между господами и крестьянами разные раздоры, все-таки господа начинали смотрѣть на нихъ, какъ на людей; сеньерамъ, далѣе, нужны были деньги, и они охотно продавали крестьянамъ разныя привилегіи, а безопасность оставляемыхъ дома женъ и дѣтей, кромѣ весьма понятнаго у многихъ религіознаго одушевленія, заставляла сеньеровъ и безъ того нѣсколько смягчать участь сервовъ. Такимъ образомъ и крестовые походы подняли нѣсколько крестьянина въ его собственныхъ глазахъ и внесли нѣкоторую жизнь и нѣкоторое движеніе въ мертвыя и угнетенныя дотолѣ деревни. Подняли его и легисты. Большою ихъ заботой было уничтожить самостоятельность сеньерьяльнаго суда подчиненіемъ всѣхъ суду королевскому. Власть феодальныхъ бароновъ въ глазахъ легистовъ была узурпацией королевской, и, —что для насъ особенно важно,—въ римскомъ правѣ они искали идеи свободы, а не порабощенія, какъ позднѣе дѣлали это нѣмецкіе юристы въ эпоху рецепціи римскаго права. У легистовъ XIII вѣка не было теоретической санкціи рабства: въ немъ видѣли они результатъ насилія, въ лучшемъ случаѣ частной сдѣлки, и потому въ спорныхъ случаяхъ легисты почти всегда подъискивали юридическія основанія въ пользу свободы человѣка. Идеи легистовъ не пропадали даромъ: „сервы, говорилъ Людовикъ Св., принадлежатъ столько-же Іисусу Христу, сколько намъ, и въ христіанскомъ королевствѣ мы не должны забывать, что они намъ братья,“—и король отпускалъ многихъ на волю. Далѣе, цѣлыя выраженія, заимствованныя у легистовъ, встрѣчаемъ мы въ отпускныхъ грамотахъ XIII и XIV вѣковъ.

Къ XIII вѣку вмѣстѣ съ королевской властью выросла еще одна сила, оказавшая вліяніе на крестьянскій бытъ, именно, города. Въ XI вѣкѣ жители многихъ городовъ берутся за оружіе, чтобы завоевать себѣ свободу, чисто мате-

ріальную свободу уходить и приходить, продавать и покупать, быть у себя дома хозяиномъ и оставлять наслѣдство дѣтямъ,—и ведутъ они эту борьбу противъ бароновъ и духовныхъ господъ, во власти которыхъ была большая часть городовъ и бурговъ. Часто дѣло шло только о самыхъ элементарныхъ принципахъ, подобныхъ слѣдующимъ: каждая услуга требуетъ платы; никто ни у кого не имѣетъ права брать предметовъ потребленія безъ соотвѣтственнаго вознагражденія и безъ согласія, какъ продавца, такъ и покупателя. Многія общины съ гражданскими правами получили и политическія, организовавшись совершенно пореспубликански, но особенно интересною для насъ должна быть грамота, данная Людовикомъ Толстымъ королевскому бургу Lorris en Gâtinais. Политическихъ правъ, которыя превратили бы этотъ городокъ въ республику, какъ это случалось съ другими городами, грамота ему не давала; она имѣла характеръ исключительно гражданскій и вслѣдствіе этого стала мало-по-малу распространяться и на другіе города, такъ что ею начало опредѣляться положеніе горожанъ въ цѣлыхъ провинціяхъ: въ XVII в. ея кутюма распространялась почти на 300 городовъ. Эта хартія обезпечивала именно за буржуа спокойное пользованіе своимъ имуществомъ, жилищемъ, личною свободою, а также и лучшею администраціей. Всякій слѣдъ mainmorte и droit de poursuite исчезъ. Натуральныя повинности ограничены двумя въ годъ поѣздками въ Орлеанъ для продажи королевскаго вина и привозкою дровъ на королевскую кухню. Банальныя права сведены на запрещеніе продавать вино, пока король не продастъ своего. Droit de guet (обязанность охранять сеньерьяльный замокъ) уничтоженъ, а въ случаѣ войны буржуа Lorris тогда лишь обязанъ былъ идти въ походъ, если экспедиція отдаляла его не болѣе, какъ на одинъ день пути отъ дома. Всѣ чрезвычайные поборы были отмѣнены, и горожанинъ платилъ лишь шесть денье въ годъ съ дома или арпана земли и мѣру ржи во время жатвы съ каждой сохи въ пользу сержантовъ.

Нѣкоторые штрафы были уменьшены въ 12 разъ.—Вообще это была эпоха полной отмѣны серважа въ городахъ (наприм., въ Ланѣ въ 1128 году, въ Орлеанѣ въ 1147 г., въ Tournus въ 1171 г.). Словомъ, результатомъ освобожденія городскихъ общинъ (обходя возникновеніе коммунъ съ политическими правами) было уничтоженіе серважа и сеньерьяльнаго произвола въ городахъ. Среди феодальнаго міра здѣсь впервые возникла гражданская свобода новаго общества, и уже въ XII вѣкѣ исчезли такія феодальныя права, отмѣна которыхъ для деревень произошла только въ 1789—93 годахъ. Къ сожалѣнію, къ нѣкоторымъ городамъ, добившимся политическихъ правъ, перешли многія сеньерьяльныя права надъ окрестнымъ деревенскимъ населеніемъ, которое теперь такимъ образомъ могло очутиться подчасъ въ подданствѣ и у коммунъ. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ богатѣла городская буржуазія, она начинала мало-по-малу переносить дѣятельность свою и въ деревни, гдѣ нерѣдко покупала цѣлые подфеоды (retrofeoda, arrière-fiefs, т. е. такіе, которые вассалами отдавались подвассаламъ) или брать на откупъ феодальныя права какой-либо сеньеріи. Мало того: горожане, бывшіе только вчера чуть не сервами, освободившись отъ произвольной власти сеньеровъ и даже достигши независимости, совершенно почти отвернулись отъ деревень. Воюя съ феодалами, города нерѣдко опустошали деревни своихъ непріятелей, вовсе и не думая о союзѣ съ ихъ крестьянами. Равнымъ образомъ и сеньеры старались разъединять горожанъ и поселянъ, внося въ грамоты, которыми утверждалось освобожденіе первыхъ, особые параграфы въ родѣ того, что коммуна не должна вмѣшиваться въ дѣла сеньеровъ, не должна включать въ себя внѣшнія селенія (villas extrinsecas), не должна принимать къ себѣ сервовъ дворянства и духовенства безъ согласія ихъ господъ; нѣкоторые города, особенно на югѣ, пользовались, впрочемъ, правомъ, по которому бѣглые крѣпостные, проживши въ нихъ годъ съ днемъ, получали свободу, тогда какъ въ другихъ (напр., въ Ланѣ могли

еще существовать сервы, хотя и въ видѣ исключенія. Этотъ отказъ коммунамъ въ правѣ принимать къ себѣ сервовъ шелъ не всегда со стороны сеньеровъ,—часто грамоту утверждалъ король, который нуждался въ сеньерахъ, такъ какъ они составляли его главную военную силу, и потому включалъ такое запрещеніе въ грамоту, но иногда и сами горожане стояли за это условіе, не желая имѣть ничего общаго съ деревенщиной. Въ началѣ XIV вѣка является наконецъ новый пунктъ различія между городами и деревнями. Третье сословіе въ генеральныхъ штатахъ около двухсотъ лѣтъ состояло изъ однихъ горожанъ, ибо только около 1500 г. получили сюда доступъ и выборные отъ деревень, да и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Понятно, что города воспользовались этимъ правомъ для заявленія правительству о своихъ нуждахъ и для полученія разныхъ привилегій: нужды крестьянъ буквально забывались на генеральныхъ штатахъ, которые, кромѣ того, всегда имѣли тенденцію сваливать всю массу налоговъ на деревенскій людъ. То же можно сказать и о собраніяхъ чиновъ, существовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ, о такъ называемыхъ провинціальныхъ штатахъ, въ которыхъ даже въ XVIII вѣкѣ не было представителей сельскаго населенія.

Вторая половина среднихъ вѣковъ характеризуется въ исторіи французскихъ крестьянъ процессомъ постепеннаго ихъ освобожденія, но процессъ этотъ не заканчивается еще съ исходомъ среднихъ вѣковъ, и тѣ отношенія, которыя установились къ XVI столѣтію, въ существенныхъ чертахъ доживаютъ до самаго 1789 года.

Уже въ XI вѣкѣ въ деревняхъ начинаетъ обнаруживаться нѣкоторое движеніе, явно стремившееся къ ослабленію феодальнаго гнета: за норманнскимъ возстаніемъ 997 года слѣдовали возмущенія въ Бретани (1024 г.) и Бургундіи (1032); въ томъ же XI вѣкѣ совершается установленіе Божьяго мира, для защиты котораго возникаютъ особые союзы; въ концѣ столѣтія начинаются крестовые походы, въ коихъ,

кромѣ рыцарей, принимаютъ участіе и вилланы и во время которыхъ сеньеры должны были отчасти измѣнить свои отшенія къ сервамъ. Слѣдующій, XII вѣкъ, ознаменованъ возвышеніемъ королевской власти и освобожденіемъ городовъ: подъ знаменами короля противъ феодаловъ ходятъ иногда крестьяне, а за городами, добивавшимися лучшей доли, должны были потянуться и деревни. Въ XIII, наконецъ, вѣкѣ заговорили легисты о прирожденной человѣку свободѣ, и все чаще сдѣлались отпущенія сервовъ на волю.

Вліяніе коммунальной революціи на деревни несомнѣнно. Указывая на это, мы должны отмѣтить здѣсь одинъ изъ крупныхъ фактовъ французской исторіи. Городское движеніе не было безплоднымъ для деревень; результаты его однако далеко отстали отъ результатовъ революціи коммунъ: въ то время, какъ эти послѣднія не только освобождались отъ крѣпостной зависимости, но и пріобрѣтали часто политическія права на своихъ территоріяхъ, деревни лишь слегка стряхнули съ себя феодальный гнетъ. Далеко не всѣ деревни получили льготныя грамоты, и далеко не во всѣхъ такихъ грамотахъ мы находимъ статьи, отмѣняющія крѣпостное состояніе, такъ что серважъ внѣ городовъ нѣсколькими столѣтіями долженъ былъ пережить полное исчезновеніе свое внутри городовъ. Равнымъ образомъ сельское землевладѣніе до самой революціи продолжало находиться въ феодальной зависимости, тогда какъ города мало-по-малу и въ этомъ отношеніи съумѣли освободить себя отъ сеньярьяльной власти.

Наверху общества также произошла маленькая перемѣна во взглядахъ на серважъ. Легисты были самыми выдающимися представителями освободительной тенденціи, но и нелегисты говорили уже въ томъ же духѣ. „По естественному праву, пишетъ въ XIII вѣкѣ Бомануаръ, во Франціи всякій свободенъ—selon le droit naturel chascun est franc en France». Въ 1311 году Филиппъ Красивый, освобождая за деньги сервовъ Валуа, писалъ какъ бы подъ диктовку леги-

стовъ, что „всякое человѣческое существо, созданное по образу нашего Господа, должно быть свободно по естественному праву“. Но сеньеры пришли, помимо этого, и къ тому заключенію, что освобожденіе сервовъ представляетъ нѣкоторыя выгоды. Наприм., арх. безансонскій въ одной грамотѣ 1347 году мотивировалъ отпущеніе своихъ сервовъ на волю тѣмъ, что „мэнмортабли работаютъ нерадиво, говоря, что они работаютъ для другого, — будь они увѣрены, что они кое-что оставятъ своимъ роднымъ, они трудились бы и пріобрѣтали бы съ большею охотою“. Подобныя разсужденія мы встрѣчаемъ и въ другихъ грамотахъ. Не нужно забывать и того, что отпущеніе на волю производилось за выкупъ или съ превращеніемъ уничтожаемыхъ правъ господина надъ сервомъ въ новые оброки. Сеньеры и не думаютъ ничего скрывать: они очень даже наивно признаются въ своихъ побужденіяхъ: я взялъ, гласитъ грамота одного сеньера, за это отпущеніе и за эту свободу столько-то денегъ, которыя и обратилъ въ свою пользу (et pro hac manumissione et franchesia habui et recepi octodecim libras viennensium bonorum, quas in utilitatem meam et commodum meum posui); мы дали эту свободу, говорится въ другой грамотѣ, ради нашей выгоды (pro nostre proffit). Такъ какъ, кромѣ того, сеньерамъ бросается въ глаза (особенно въ XIV и XV вв.), что самыми бѣдными и малонаселенными мѣстностями являются тѣ, которыя подчинены мэнморту, то они начинаютъ замѣнять послѣдній виленажемъ. Далѣе, со времени освобожденія коммунъ, когда броженіе проникло и въ деревни, крестьяне массами стали уходить въ города, и вотъ, чтобы удержать ихъ на старыхъ мѣстахъ и привлекать къ себѣ новыхъ переселенцевъ, короли и сеньеры стали основывать новыя поселенія съ разными льготами для ихъ будущихъ жителей и облегчать положеніе старыхъ деревень. Все вмѣстѣ взятое,—крестовые походы и освобожденіе коммунъ, возвышеніе королевской власти и броженіе въ деревняхъ, отвлеченная теорія легистовъ и хозяйственныя соображенія сенье-

ровъ,—все это одинаково способствовало тому, что сеньеры стали отпускать своихъ сервовъ на волю цѣлыми деревнями и заключать съ ними новые договоры. Королевская власть шла въ этомъ отношенiи впереди духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ: значенiе ея все болѣе и болѣе начинало покоиться на иныхъ основахъ, нежели феодальное землевладѣнiе съ крѣпостнымъ населенiемъ; короли мало-по-малу либо обогащаются настолько, либо настолько находятъ новыхъ источниковъ доходовъ, что не нуждаются болѣе въ строгомъ примѣненiи правъ своихъ надъ сервами; наконецъ, политикой королей всетаки руководила извѣстная тенденцiя, въ образованiи которой участвовали, какъ мы видѣли, и легисты. Королевская власть начинаетъ очень рано отмѣнять серважъ въ отдѣльныхъ своихъ владѣнiяхъ, а въ 1315 г. Людовикъ X издалъ знаменитый ордоннансъ, въ которомъ между прочимъ сказано было слѣдующее: „Такъ какъ по естественному праву каждый долженъ родиться свободнымъ (selon le droit de nature chascun doit nestre franc), а по нѣкоторымъ обычаямъ и кутюмамъ, которые съ самыхъ древнихъ временъ были введены и доселѣ сохранялись въ нашемъ королевствѣ, и случайно за проступки предковъ великое множество нашего простого народа впало въ рабство и разныя несвободныя состоянiя, что намъ весьма не нравится,—мы, принимая во вниманiе, что наше королевство названо королевствомъ франковъ, и желая, чтобы вещь дѣйствительно соотвѣтствовала названiю и чтобы положенiе народа было исправлено нами съ началомъ нашего новаго царствованiя (et que la condition des gens amende de nous en la venue de nostre nouvel gouvernement), по совѣщанiи съ нашимъ великимъ совѣтомъ, повелѣли и повелѣваемъ, чтобы по всему нашему королевству и повсюду, гдѣ можетъ распространиться власть наша и нашихъ преемниковъ, такiя рабскiя состоянiя были замѣнены свободой (telles servitudes soient ramenées à franchise), и чтобы тѣмъ, которые по происхожденiю или по давности, либо вновь по формарьяжу или пребы-

ванію на рабской землѣ впали или могли бы впасть въ состояніе сервовъ, была дана свобода на хорошихъ и приличныхъ условіяхъ (franchise soit donnée ô bonnes et louables conditions). Ради этого и въ частности ради того, чтобы не обижали нашего простого народа и не приносили ему убытка сборщики, сержанты и другіе служащіе, которые прежде посылались къ нему въ случаяхъ мэнморта или формарьяжа, какъ это было доселѣ, что намъ весьма не нравится,— а также ради того, чтобы другіе сеньеры, владѣющіе сервами (hommes de corps) взяли примѣръ съ насъ въ возвращеніи имъ свободы, мы, надѣясь вполнѣ на ваше доброе расположеніе, вамъ поручаемъ и приказываемъ этой грамотой отправиться въ la baillie de Senlis и ея вѣдомство и во всѣ мѣста, города, общины и къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя будутъ требовать у васъ вышесказанной свободы, условливайтесь и договаривайтесь съ ними относительно выкуповъ, посредствомъ которыхъ мы были бы достаточно вознаграждены (suffisante récompensantion nous soit faicte) за тѣ выгоды, которыя эти рабскія состоянія могли бы доставить намъ и преемникамъ нашимъ, и давайте имъ, насколько касается насъ и преемниковъ нашихъ, общую и постоянную свободу и по вышеуказанному правилу и какъ подробнѣе мы вамъ говорили, объяснили и поручали словесно". Разсматривая этотъ документъ, мы прежде всего видимъ, что король только приглашаетъ другихъ сеньеровъ, владѣющихъ сервами, послѣдовать его примѣру, ибо въ началѣ XIV вѣка королевская власть еще не имѣла права издавать законовъ во владѣніяхъ своихъ вассаловъ безъ ихъ согласія, но любопытно, что даже черезъ 464 года Людовикъ XVI, освобождая сервовъ въ своихъ доменахъ, писалъ такъ въ эдиктѣ своемъ отъ 8 августа 1779 г.: „такъ какъ мы будемъ во всѣ времена питать уваженіе къ законамъ собственности,.. то мы можемъ осуществить только часть блага, которое имѣемъ въ виду, уничтожая рабское право лишь въ нашихъ доме-

нахъ;" всѣ другіе сеньеры только приглашались послѣдовать примѣру, поданному королемъ, который, „чтобы поощрить ихъ, насколько это отъ него зависѣло, въ слѣдованіи этому примѣру, съ своей стороны, изъялъ отпущенія на волю отъ взноса разныхъ пошлинъ". Затѣмъ условія, на которыхъ Людовикъ X соглашался дать свободу своимъ сервамъ, только для него самого были «bonnes et louables». Прежде всего предлагавшееся имъ освобожденіе сервовъ было скорѣе лишь смягченіемъ ихъ положенія, и самъ Людовикъ X, чувствуя, что немногіе польстятся на такую свободу, писалъ потомъ коммиссарамъ, которымъ было поручено это дѣло: „такъ какъ можетъ случиться, что нѣкоторые вслѣдствіе дурнаго совѣта или недостатка благоразумія не увидятъ въ этомъ великаго благодѣянія и великой милости, такъ что скорѣе захотятъ оставаться въ бѣдности рабскаго состоянія, чѣмъ освободиться,—то мы приказываемъ и поручаемъ вамъ, разсмотрѣвши имущество такихъ лицъ и условія рабства каждаго, взять для покрытія расходовъ нашей настоящей войны (съ Фландріей) съ каждаго столько, сколько можно безъ обиды взять и сколько потребно для нуждъ нашей войны". Такихъ нѣкоторыхъ, слушавшихъ дурные совѣты и не имѣвшихъ никакого благоразумія, было весьма много: они предпочитали оставаться taillables et corvéables à merci и не платить денегъ, которыхъ у нихъ и не было, для того лишь, чтобы все-таки отбывать потомъ разныя повинности, быть можетъ, въ размѣрѣ, превышавшемъ даже прежніе произвольные оброкъ и барщину. Такимъ образомъ въ основѣ ордоннанса 1315 г. лежатъ финансовыя соображенія: это было тоже своего рода наложеніе таліи на сельское населеніе, напоминающей таліи 1296, 1303, 1319 и 1322 гг., и уже успѣвшей сдѣлать для крестьянъ тяжелымъ содѣйствіе политическимъ предпріятіямъ королевской власти. Тѣмъ не менѣе ордоннансъ этотъ—одинъ изъ симптомовъ той перемѣны, которая совершилась уже въ деревняхъ. Конечно, повторяемъ, перемѣна эта не была такъ значительна, какъ перемѣна въ

судьбѣ городовъ въ эпоху ихъ освобожденія. Какъ бы ни размножались въ продолженіи XIII и XIV вв. деревенскія общины, это не приносило земледѣльческимъ классамъ того единства гражданскаго состоянія, которое существовало для буржуазіи съ одного конца королевства до другого.

Сущность освобожденій въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ заключалась именно въ превращеніи сервовъ въ вилллановъ, крѣпостныхъ—въ зависимыхъ крестьянъ, причемъ процессъ совершался такъ медленно, что еще въ XVIII вѣкѣ онъ былъ оконченъ только благодаря революціи. Другая особенность этихъ освобожденій, отличающая ихъ отъ тѣхъ, которыя случались въ предъидущихъ вѣкахъ, та, что это уже не были единичныя manumissiones, послѣ коихъ вольноотпущенные обыкновенно снова впадали въ рабство, а было нѣчто иное. Въ эпоху полнаго господства феодализма крѣпостные одного сеньера соединялись въ деревеньки, въ которыхъ около XII вѣка являются старосты (меры) изъ крѣпостныхъ же; обязанность ихъ состояла въ соблюденіи господскихъ интересовъ. Такія-то деревни, сдѣлавшіяся впослѣдствіи административными единицами, и стали пріобрѣтать себѣ льготныя грамоты—отъ сеньеровъ, которымъ просто нужно было продавать подобныя льготы: сервы бѣжали съ своихъ земель, остававшихся необработанными, а сеньеры такъ нуждались въ деньгахъ.

Но при этомъ обыкновенно они старались удержать въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе власти и перенести на землю всѣ тягости, которыя лежали прежде на личности серва. Они были весьма мало склонны къ тому, чтобы ихъ прежніе сервы составляли независимыя отъ административной опеки помѣщика селенія или заключали союзы съ какими-нибудь коммунами; поэтому въ условіяхъ освобожденія сервовъ мы встрѣчаемъ такія статьи, по которымъ освобожденные non poterunt facere communias in jam dictis villis sive communiam in aliqua dictarum... nec esse de communia quamdiu in dicta villa vel in villis manebunt. Право суда

обыкновенно оставалось за сеньеромъ же, а не передавалось общинѣ, какъ это дѣлали хартіи, установлявшія коммуны въ городахъ. Повинности и оброки, правда, были теперь опредѣлены въ особыхъ грамотахъ и кутюмахъ, но большею частью односторонне самимъ сеньеромъ, дѣлавшимъ ту или другую уступку своимъ крестьянамъ, а не по взаимному соглашенію сторонъ. Далѣе, сеньеры удерживали право на рабскую землю за собою и отдавали ее освобожденнымъ на волю уже въ видѣ цензивы, шампартнаго участка, половнической аренды и т. п. Мало того: въ условіяхъ освобожденія крестьянской массы лежала возможность ея обезземеленія, и дѣйствительно, съ этой эпохи все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться извѣстія о людяхъ, живущихъ поденной работой. Кромѣ доходовъ, которые уже приносили сеньеру крестьянскія земли (разнаго рода цензъ, шампаръ, таліи и т. д.), многія новыя повинности легли теперь на самыя крестьянскія семейства или на цѣлыя общины, какъ вѣчная плата за освобожденіе отъ мэнморта, формарьяжа, произвольной таліи и барщины, ибо сервы не могли же выкупаться единовременнымъ взносомъ большой суммы денегъ: послѣднее въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ случалось только въ королевскихъ доменахъ. Эти выкупные оброки и повинности были крайне разнообразны, состоя то изъ денегъ, то изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, то изъ разнаго рода работы, распредѣляясь либо поголовно, либо по количеству занимаемой каждымъ земли, либо, напр., падая на скотъ, на дома (подымная подать) и т. д., то наконецъ существуя, какъ самостоятельный оброкъ, то сливаясь съ поземельными платежами. Освобожденія не снимали, далѣе, съ крестьянъ тѣхъ ограниченій въ пользованіи гражданскими правами, которыя феодальныя кутюмы въ силу болѣе или менѣе опредѣленныхъ принциповъ дѣлали почти всегда для лицъ неблагороднаго происхожденія. Равнымъ образомъ сеньеры сохраняли исключительное право охоты и рыбной ловли, а

баналитеты иногда заводились вновь, въ видѣ вознагражденія за уничтоженіе мэнморта и другихъ подобныхъ правъ.

Къ концу XIV вѣка, около двухъ третей сервовъ превратились въ вилланов. Перемѣна эта не была однообразна во всемъ государствѣ. Во первыхъ, экономическія отношенія въ разныхъ мѣстностяхъ были различны, вслѣдствіе чего потребность въ измѣненіи феодальнаго status quo не чувствовалась каждымъ заинтересованнымъ въ одно и тоже время, въ одной и той же степени, однимъ и тѣмъ же образомъ. Во вторыхъ, сама перемѣна была результатомъ не общей государственной мѣры, а частныхъ сдѣлокъ до того разнообразныхъ, что не только деревни одной и той же сеньеріи не пользовались одинаковыми правами, но даже въ одномъ и томъ же селеніи существовало иногда крайнее разнообразіе положеній: вѣдь и городамъ давались привилегіи каждому по одиночкѣ, а не одинаковыя какому-либо классу городовъ или городамъ какой-либо области. Это характерная черта средневѣковья, которую мы встрѣчаемъ во всѣхъ европейскихъ странахъ. Одно только обстоятельство необходимо отмѣтить при этомъ: въ феодальную эпоху раздѣленія, существовавшія среди земледѣльческаго сословія, были характера главнымъ образомъ юридическаго, тогда какъ въ XIV вѣкѣ появляются первые признаки экономическаго раздѣленія. Наемный трудъ начинаетъ играть нѣкоторую роль, и въ серединѣ вѣка происходитъ даже попытка регулировать рабочую плату. Съ Филиппа IV, впродолженіи всей столѣтней войны безпрестанно мѣнялся вѣсъ монеты, что дѣлало заработокъ наемнаго человѣка весьма ненадежнымъ, и рабочіе часто набивали себѣ цѣну; тотъ же результатъ должна была имѣть и черная смерть, свирѣпствовавшая въ Европѣ въ 1348 году. Въ тоже самое время, когда въ Англіи Эдуардъ III подъ вліяніемъ подобныхъ же обстоятельствъ издаетъ свой ordinance of labourers, во Франціи сходный съ нимъ ордоннансъ издается королемъ Іоан-

номъ: въ немъ опредѣлялась именно та плата, которую каждый земледѣльческій рабочій могъ требовать за свой дневной трудъ. Тотъ же король первый долженъ былъ предпринять и мѣры противъ бродяжничества и нищенства, этихъ постоянныхъ спутниковъ экспропріаціи.

Говоря объ освобожденіи сервовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, необходимо указать на тѣ внѣшнія неблагопріятныя для него условія, при которыхъ ему приходилось совершаться. Прежде всего въ самомъ феодальномъ правѣ было одно постановленіе, крайне затруднявшее разсматриваемый процессъ. „Никакой вавассоръ или дворянинъ, говорятъ памятники, не можетъ освободить своего серва (hons de cors) безъ согласія барона или главнаго сеньера." Вслѣдствіе этого, если вассалъ освобождалъ своего крѣпостного, то высшій феодальный сеньеръ сохранялъ свое право на него и могъ взять его себѣ, какъ бы оставленнаго вассаломъ, не говоря уже о томъ, что послѣднему, если сюзеренъ хотѣлъ ужъ совсѣмъ придираться, за уменьшеніе феода могла грозить конфискація. Примѣненіе этого принципа во всей строгости весьма затрудняло освобожденія, такъ что въ лучшемъ только случаѣ освобождавшійся платилъ одному своему непосредственному сеньеру. Другія неблагопріятныя обстоятельства заключала въ себѣ вся исторія XIV вѣка. На крестьянъ накладывается гнетъ королевскихъ податей; новая династія, вступившая на престолъ Франціи въ 1328 г., Валуа—становится во главѣ феодальнаго движенія противъ легистовъ, дѣйствовавшихъ при сыновьяхъ Филиппа Красиваго; скоро начинается несчастная столѣтняя война съ англичанами, разоряющая крестьянъ увеличеніемъ налоговъ и выкупами, которые они должны были дѣлать для сеньеровъ, попавшихъ въ плѣнъ, не упоминая ужъ о непосредственномъ вредѣ отъ войны для тѣхъ мѣстностей, которыя были ея театромъ; въ половинѣ вѣка страшныхъ бѣдъ надѣлала, наконецъ, черная смерть, о которой мы будемъ еще говорить по поводу тѣхъ послѣдствій, какія она имѣла для

Англіи. Недовольство крестьянъ, давно уже проявлявшееся въ мелкихъ вспышкахъ и въ религіозныхъ броженіяхъ, разразилось тогда цѣлымъ возстаніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ жакеріи (la Jacquerie), и было затоплено только въ крови бунтовщиковъ.

Жакерія представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ исторіи XIV в. Броженіе, возникшее въ половинѣ этого столѣтія въ буржуазіи, во главѣ коей сталъ извѣстный Стефанъ Марсель, проникло и въ деревни, нашедшія въ Марселѣ человѣка, который относился къ нимъ весьма сочувственно. Крестьяне отчасти примкнули даже къ этому политическому движенію, хорошенько не понимая его программы. Послѣ пораженія, нанесеннаго французскому дворянству англичанами при Пуатье, страсти разгорѣлись еще болѣе, а дворяне стали увеличивать поборы съ крестьянъ. По одному извѣстію, ближайшимъ поводомъ возстанія былъ § 5 компьенскаго ордоннанса, въ коемъ повелѣвалось à seux à qui il appartiendroit, т. е. крестьянамъ поправлять замки въ виду опасности отъ непріятеля. Приходилось, кромѣ того, уплачивать выкупы за плѣнныхъ сеньеровъ, а тутъ наступала такая удобная минута идти по стопамъ самихъ же сеньеровъ и буржуазіи, которые пользовались затрудненіями правительства, чтобы вынудить у него уступки. Да и сама королевская власть въ одномъ отношеніи, такъ сказать, давала крестьянамъ косвенное дозволеніе прибѣгнуть къ силѣ: въ первой половинѣ XIV вѣка происходили во Франціи страшныя частныя войны, противъ которыхъ правительство обѣщало употребить самыя энергичныя мѣры, дозволяя въ то же время крестьянамъ самимъ отражать нападенія. Лѣтомъ 1358 г. и вспыхнуло возстаніе въ Бовези, откуда оно распространилось по Иль-де-Франсу, Шампани, Пикардіи. Возставшихъ Жаковъ Простяковъ (Jacques Bonhomme—такъ привыкли рыцари звать крестьянъ) было около ста тысячъ. Жакерія была, разумѣется, простымъ взрывомъ стихійной силы: крестьяне собирались безъ предводителей, безъ опредѣленныхъ пла-

новъ, и когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они это дѣлаютъ, то они отвѣчали, что сами не знаютъ и дѣлаютъ то, что дѣлаютъ другіе. Къ жакамъ сначала примкнули-было и нѣкоторые горожане, но скоро, испугавшись размѣровъ, которые приняло возстаніе, и насилій, коими оно сопровождалось, они отстали отъ движенія, тѣмъ болѣе, что дворяне не безъ успѣха приложили свои старанія, чтобы разъединить буржуазію и жаковъ и подавить возстаніе. Ужасно было мщеніе: дворяне не разбирали ни правыхъ, ни виноватыхъ, убивали мирныхъ поселянъ во время работы, зажигали тѣ деревни, гдѣ крестьяне оставались спокойными.

Однимъ изъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ пришлось совершаться освобожденію крестьянъ, было то обстоятельство, что съ расширеніемъ королевской власти ко всѣмъ прежнимъ платежамъ, лежавшимъ на сельскомъ населеніи, присоединились еще государственные налоги. Къ концу XIV вѣка они достигли уже значительной для того времени цифры. Первымъ налогомъ, установленнымъ королями, была королевская талія, сначала необычайная, взимавшаяся на военныя издержки, но со времени Филиппа IV Красиваго, начавшая собираться довольно правильно, чтобы сдѣлаться постоянною въ царствованіе Карла VII (1422—1461). Съ XIV же вѣка ведутъ свое начало и разные косвенные налоги, изъ которыхъ самый тяжелый былъ соляной, называвшійся габелью (la gabelle), которую окончательно регламентировалъ Филиппъ VI (1328—1350). Тяжело ложилось на крестьянъ и такъ называемое droit de prise (иначе droit de gîte, de pourvoirie), имѣвшее происхожденіе въ правѣ сеньера и его людей пользоваться даровымъ продовольствіемъ во время своихъ поѣздокъ. Напрасно сама власть (ордоннансъ Карла V въ 1367 г.) пыталась ограничить число лицъ, которыя могли пользоваться этимъ правомъ; напрасно жителямъ деревень дозволялось даже (ордоннансъ дофина-регента въ 1357 г.) оказывать вооруженное сопротивленіе

грабителямъ: королевскимъ солдатамъ часто нечѣмъ было кормиться, а короли не могли совсѣмъ отказаться отъ этого вида натуральной повинности, въ лучшемъ случаѣ замѣняя ее опредѣленными платежами или заставляя отъ нихъ выкупаться.

Въ началѣ XV в. уже сказываются результаты финансовой системы монархіи: правительство начинаетъ сильно безпокоиться по поводу умножающихся недоимокъ. Въ 1439 г. Карлъ VII, при которомъ возникла постоянная армія съ постоянной таліей на ея содержаніе,—думалъ было помочь дѣлу запрещеніемъ сеньерамъ налагать на крѣпостныхъ новыя подати, но могла ли имѣть какой-либо результатъ подобная мѣра, когда сама королевская талія возрастала почти съ каждымъ новымъ царствованіемъ? Съ 1.800,000 ливровъ при Карлѣ VII она при Людовикѣ XI (1461—1483) возрасла до 4.800,000, чтобы почти удвоиться при Францискѣ I (1515—1547), при которомъ она превышала уже 9 милліоновъ. Только въ царствованіе Людовика XII (1498—1515) сдѣлана была серьезная попытка облегчить тяжесть налоговъ уменьшеніемъ таліи до 1.200,000 и добываніемъ необходимыхъ для казны денегъ изъ королевскихъ доменовъ. Но съ Франциска I начинается эпоха быстраго и постояннаго, безостановочнаго возрастанія налоговъ вплоть до самой революціи, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Этому возрастанію тяготы, которую несъ на себѣ крестьянинъ, не соотвѣтствовало такое же возрастаніе благосостояніе. Напротивъ, XIV и XV вѣка были полны общественными бѣдствіями, которыя разоряли крестьянъ въ конецъ. Все XIV столѣтіе состояло изъ періодическихъ повтореній голодныхъ годовъ и эпидемій (особенно 1315, 1338, 1348, 1361 и 1399 гг.). Къ этому присоединялась война съ Англіей, тянувшаяся черезъ всю вторую половину XIV вѣка до середины слѣдующаго, такъ что и въ XV вѣкѣ народъ не выходилъ изъ заколдованнаго круга голода и эпидемій.

Въ это печальное столѣтіе, протекшее съ вступленія на престолъ династіи Валуа до окончанія англійской войны, феодализмъ, казалось, начиналъ воскресать. Крестьяне вынуждены были отбиваться разомъ отъ сеньеровъ, королевскихъ солдатъ и англичанъ: тамъ вспыхнетъ возстаніе противъ внѣшнихъ враговъ, здѣсь повторится жакерія противъ дворянъ и духовныхъ, въ другомъ мѣстѣ возмутятся противъ сборщиковъ податей. Только при Карлѣ VII прекратилась внутренняя анархія и внѣшняя война. Положеніе государства было бѣдственное: общественные нравы одичали, многія мѣстности запустѣли. „Я видѣлъ, говоритъ одинъ современникъ, долины Шампани, Гатинэ, Мэна, Бовези и другія провинціи отъ Сены до Амьена и Аббевилля совершенно пустыми и необработанными. Жителей не было, въ поляхъ росли сорныя травы". Нѣсколько болѣе благопріятныя условія представляла изъ себя только вторая половина XV в., эпоха окончательной побѣды королевской власти надъ силами феодальнаго міра. Но во время борьбы съ ними эта власть, начиная съ XIV в., все болѣе и болѣе упускала изъ виду интересы низшихъ классовъ, а потому при окончательномъ пораженіи сеньеровъ законодательство стало стремиться лишь къ тому, чтобы положить предѣлы ихъ произволу записываніемъ кутюмъ, примѣненіе которыхъ осталось въ рукахъ тѣхъ же сеньеровъ. Болѣе ста лѣтъ одною изъ главныхъ задачъ королевской власти и юристовъ было именно это приведеніе въ порядокъ кутюмнаго права. Въ 1453 г. было предписано Карломъ VII приступить къ этой работѣ, но она началась не тотчасъ же, совершалась весьма медленно, съ перерывами, ибо сеньеры дѣлали всякія препятствія изданію законовъ, связывавшихъ ихъ произволъ. Огромное ихъ большинство составлено было все-таки передъ исходомъ XVI вѣка, къ концу царствованія Генриха III. Хотя ордоннансъ 1497 года и предписывалъ нѣкоторое участіе народа въ составленіи законовъ на основаніи обычнаго права, однако сборники кутюмъ утверждались помимо всякаго его участія, какъ прежде, такъ и послѣ ука-

заннаго ордоннанса. Эти законы, закрѣпившіе въ XV и XVI вв. отношенія, которыя возникли еще въ XI—XIII столѣтіяхъ, сохраняли свою силу во Франціи впродолженіи XVII и XVIII вѣковъ. Итакъ, королевская власть не пошла далѣе регулированія уже установившихся отношеній, нисколько не думая о ихъ реформѣ. Французскіе короли не забыли своего происхожденія въ средѣ феодальной аристократіи и не научились смотрѣть на свою власть, какъ на нѣчто иное, нежели частная собственность извѣстнаго аристократическаго рода; они до самой революціи продолжали смотрѣть на себя, какъ на первыхъ дворянъ Франціи, и на свою власть, какъ на собственность, которая зиждется на тѣхъ же основахъ, на которыхъ покоились всѣ права феодальныхъ сеньеровъ. Тѣмъ же характеромъ отличалось отношеніе и генеральныхъ штатовъ къ крестьянамъ. Состоя изъ представителей дворянства, духовенства и горожанъ, они сравнительно очень мало заботились объ интересахъ поселянъ: доказательство этому можно найти въ любой исторіи этого учрежденія, именно въ томъ молчаніи о крестьянскихъ дѣлахъ на генеральныхъ штатахъ, которое мы находимъ у каждаго изъ историковъ, слѣдившихъ за развитіемъ и дѣятельностью національнаго представительства въ старой Франціи. Допущеніе представительства селъ въ общее собраніе государственныхъ чиновъ (1484 г.) сущности дѣла не измѣняло, ибо представителями сельскихъ жителей сдѣлались все-таки буржуа. Въ провинціальныхъ же штатахъ даже въ XVIII вѣкѣ деревни представителей не имѣли. Это отсутствіе крестьянъ на мѣстныхъ собраніяхъ играло особенно важную роль въ тѣхъ случаяхъ, когда тремя сословіями обсуждались старыя кутюмы: сельскій людъ не могъ подавать своего голоса.

Новыя кутюмы могутъ служить однимъ изъ источниковъ для составленія себѣ понятія о положеніи крестьянъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Поэтому большая часть того, что можетъ быть сказано, по крайней мѣрѣ, о юридическихъ от-

ношеніяхъ земледѣльческаго быта въ XVI вѣкѣ, относится одинаково и къ самому кануну революціи. Прежде всего при разсмотрѣніи кутюмъ намъ бросаются въ глаза, такъ сказать, однородность ихъ основы и крайнее разнообразіе въ подробностяхъ, дѣлающее изученіе феодальнаго права весьма труднымъ. По отношенію къ серважу, впрочемъ, кутюмы раздѣлялись на свободныя (franches) и рабскія (serves): въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ дѣйствовали первыя, крѣпостного состоянія не допускалось болѣе, тогда какъ провинціи, въ которыхъ дѣйствующее право составляли les coutumes serves, насчитывали въ своемъ населеніи еще довольно значительное количество сервовъ. Между этими сервами было сравнительно немного полныхъ, или такъ называемыхъ serfs de corps, которые хотя и отличались отъ крѣпостныхъ, носившихъ такое имя въ XII в., но все-таки не могли выйти изъ-подъ зависимости отъ своего господина: большинство несвободныхъ крестьянъ принадлежало къ категоріи serfs d'hétitages или serfs réels, которые могли освободиться, покинувъ свои земли. Далѣе идутъ уже подробности: не только сервы одной провинціи изъ тѣхъ, въ которыхъ они продолжали существовать *), не были во всемъ сходны съ сервами другой, но даже въ одной и той же мѣстности существовало крайнее разнообразіе положеній. Вторымъ крупнымъ дѣленіемъ кутюмъ было дѣленіе ихъ на алодіальныя и недопускавшія алода, т. е. державшіяся правила nulle terre sans seigneur: вторыя составляли общее правило, первыя незначительное исключеніе. Въ нѣкоторыхъ областяхъ даже тогда закономъ не допускалась свободная собственность, если бы и владѣлецъ доказалъ ея алодіальность какими-либо документами. Въ силу этого правила почти всѣ земли Франціи, которыми только владѣли крестьяне, были цензивами, и на всѣхъ лежали разные платежи въ пользу сеньеровъ въ

---

*) Бургундія, Франшъ-Конте, Бретань, Шампань (Troyes, Sens, Vitry Берри, Ниверна, Бурбоннэ, Овернь (pays de Combrailles), Маршъ и др.

родѣ ценза или шампара, разныхъ рентъ и пр. и пр., а вмѣстѣ съ платежами и разныя ограниченія въ свободномъ распоряженіи землею, вытекавшія либо изъ необходимости обезпечить правильный взносъ повинностей, либо изъ разныхъ правъ сеньера, права охоты, напримѣръ. Можно принять, что, начиная съ XV вѣка, цензива была самымъ распространеннымъ видомъ крестьянскаго землевладѣнія, начавши даже вытѣснять половничество, пока не стала водворяться система фермерства. Помимо сеньерьяльныхъ поборовъ, которые кутюмы опредѣляли, какъ плату за отданную крестьянамъ землю, существовала масса другихъ, не вытекавшихъ изъ поземельныхъ отношеній. Крестьяне несли старыя, средневѣковыя повинности, отъ которыхъ не успѣли откупиться; они несли повинности и сравнительно болѣе поздняго происхожденія, представлявшія выкупъ за уничтоженіе мэнморта, формарьяжа и т. п. Въ одномъ мѣстѣ они присягали сеньеру въ вѣрности, въ другомъ въ знакъ покорности дѣлали разныя символическія приношенія въ родѣ заячьей лапки, куриной ножки и т. п., или исполняли какія-либо унизительныя и смѣшныя дѣйствія.

Далѣе, не смотря на то, что судебное право сеньера ограничивало верховную власть короля, не смотря на то, что съ самаго XIII вѣка королевскіе судьи преслѣдовали одну задачу—уничтожить соперничество съ ихъ юрисдикціей юрисдикціи сеньерьяльной, послѣдняя продолжала существовать, хотя и разсматриваемая, какъ делегированная сеньерамъ функція, хотя и ограниченная какъ кутюмами, такъ, начиная съ XVI в., и спеціальными распоряженіями королевской власти: въ XVII вѣкѣ уже въ полномъ ходу былъ принципъ—toute justice émane du roi, и въ теоріи признавалось возвращеніе королю делегированнаго имъ судебнаго права въ случаѣ злоупотребленія сеньера этимъ правомъ. Практика шла своимъ путемъ, и соединеніе въ рукахъ помѣщиковъ съ властью судебною и полицейской власти дѣлало ихъ произволъ еще болѣе возможнымъ и еще менѣе чѣмъ-либо ограниченнымъ.

Такимъ образомъ зависимость крестьянина отъ помѣщика при переходѣ въ новое время была еще весьма велика: вилланъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ сеньерьяльною властью, ибо на немъ нерѣдко лежали повинности личныя; земля его почти всегда подлежала цензу, шампару и пр. и пр.; для его хлѣба и винограда существовали разныя монопольныя мельницы, печи, точила землевладѣльца; онъ платилъ разныя пошлины заставныя, мостовыя, паромныя; онъ находился подъ административной опекой сеньерьяльныхъ агентовъ; онъ подчинялся ихъ суду и пр. и пр. Казалось, редакція кутюмъ должна была лишь увѣковѣчить statum quo, и нѣкоторыя ихъ постановленія, дѣйствительно, носятъ такой характеръ. Такъ тамъ, гдѣ дѣйствовало правило nulle terre sans seigneur (а это была почти вся Франція), несвобода почвы была признана вѣчнымъ принципомъ землевладѣнія, ибо отъ ценза и замѣняющихъ его повинностей со всѣми ихъ аттрибутами въ родѣ пошлины при продажѣ цензивнаго участка его владѣльцемъ другому лицу (lods et ventes),—большею частію нельзя было освободиться никакимъ образомъ. Le cens n'est point rachetable, говоритъ кутюмное право, и если цензитарій выкупалъ свою землю, то тѣмъ переводилъ ее только изъ-подъ зависимости отъ непосредственнаго своего сеньера подъ dominium directum другого, высшаго сеньера.

XV. Положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ *).

Взглядъ на судьбу нѣмецкаго крестьянства въ новое время.—Крупная и мелкая собственность въ Германіи. — Положеніе крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.—Взаимныя отношенія господъ и крестьянъ. — Ухуд-

---

*) *Maurer*. Geschichte der Fronhöfe, der Bauerhöfe und der Hofverfassung in Deutschland.—Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. См. соч. *Janssen'a* на которое указано въ главѣ XI.

шеніе экономическаго быта.—Роль юристовъ.—Споліація общинныхъ земель.—Безправное положеніе крестьянъ.—Крестьянскія волненія передъ реформаціей.—Обѣднѣніе рыцарства. — Венгерское и польское крестьянство.—Французское, нѣмецкое и англійское крестьянство.

История нѣмецкихъ крестьянъ съ исхода среднихъ вѣковъ есть история постепеннаго ухудшенія ихъ быта и въ юридическомъ, и въ экономическомъ отношеніи. Начало XVI вѣка въ исторіи Германіи было ознаменовано цѣлымъ рядомъ крестьянскихъ бунтовъ, предшественниковъ великой крестьянской войны 1524—1525 г., происходившей уже подъ знаменемъ религіозныхъ идей реформаціи. И эти бунты, и эта война была симптомами глубокой перемѣны, совершавшейся въ жизни сельскаго населенія въ эту эпоху. Замѣчательно, что въ то время, какъ во Франціи и особенно въ Англіи принципъ личной свободы крестьянства сдѣлалъ большія завоеванія въ сельскомъ быту, въ Германіи, наоборотъ, усиливается закрѣпощеніе народной массы, сопровождавшееся и уменьшеніемъ ея имущественныхъ правъ. Пораженіе крестьянъ въ 1525 г., понятное дѣло, не могло улучшить ихъ участи, и ухудшеніе идетъ crescendo, особенно въ эпоху тридцатилѣтней войны, вообще бывшей гибельною для Германіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Поземельная собственность въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, принадлежала преимущественно князьямъ, господамъ, монастырямъ и, кромѣ того, городамъ, пріобрѣтавшимъ нерѣдко населенныя земли путемъ денежныхъ ссудъ подъ ихъ залогъ или путемъ прямой покупки (наприм., у Ульма было владѣній цѣлыхъ 15 квадратныхъ миль). Крупное землевладѣніе существовало такимъ образомъ и въ Германіи, хотя здѣсь рѣдко имѣнія состояли изъ сплошныхъ территорій: большею частью земли одного и того же господина были раскинуты небольшими участками въ разныхъ деревняхъ, и въ одной и той же деревнѣ бывали участки, принадлежавшія двумъ, тремъ, четыремъ господамъ, участки

же эти были отдѣльные дворы. Съ этимъ своеобразнымъ характеромъ крупнаго землевладѣнія въ Германіи сочеталось сохраненіе весьма многими крестьянами своихъ дворовъ въ свободной собственности, т. е. рядомъ съ дворами, принадлежавшими помѣщикамъ, хотя и обработывавшимися каждый мелкимъ хозяиномъ-крестьяниномъ, въ деревнѣ могли существовать и дворы, составлявшіе собственность вполнѣ свободныхъ или полусвободныхъ крестьянъ. Размѣры всѣхъ этихъ дворовъ были далеко неодинаковы: были дворы покрупнѣе, отъ 3 до 10 гуфъ каждый, считая гуфу въ 30—40 моргеновъ, что составляетъ отъ $10^1/_2$ до 35 десятинъ, были дворы средніе менѣе трехъ гуфъ и мелкіе въ нѣсколько моргеновъ, не считая самыхъ маленькихъ участковъ въ родѣ огорода съ хижиной, принадлежавшихъ бобылямъ (Köter). Дворы, передававшіеся весьма часто по смерти хозяина младшему сыну (миноратъ), составляли или отдѣльные хутора съ замкнутыми территоріями, или сплошныя деревни. Исключивъ крестьянъ-собственниковъ, среди тѣхъ, которые сидѣли на помѣщичьихъ дворахъ, мы можемъ различить разныя положенія, а именно: 1) свободныхъ фермеровъ, встрѣчавшихся большею частью на городскихъ территоріяхъ, на которыхъ крѣпостничество было исключеніемъ, 2) чиншевиковъ, т. е пожизненныхъ или наслѣдственныхъ цензитаріевъ, платившихъ чиншъ (цензъ, оброкъ) за обладаніе дворами, которые были по этому чиншевыми ленами (Zinslehen), и 3) настоящихъ крѣпостныхъ (Kopfhörige), каковыхъ было большинство. Крѣпостной крестьянинъ платилъ оброкъ, отбывалъ барщину, былъ прикрѣпленъ къ землѣ, не имѣя права ее оставить, но въ тоже самое время пользуясь правомъ не быть лишаемымъ своего двора, пока имъ исполнялись всѣ обязанности по отношенію къ господину, причемъ обязанности эти опредѣлялись обычнымъ правомъ отдѣльныхъ помѣстій (Hofrechte) или областей (Weisthümer). Это же обычное право возлагало и на помѣщика извѣстныя обязанности по отношенію къ крестьянамъ, обязанность имъ помогать

въ случаѣ болѣзни, неурожая, падежа скота, разоренія отъ войны и т. п. Были опредѣлены въ обычномъ правѣ и размѣръ чинша, и величина барщины, и тотъ посмертный взносъ (Sterbefall, mortuarium), который наслѣдникъ умершаго крестьянина долженъ былъ дѣлать помѣщику, а съ другой стороны опредѣлялось, какія харчи помѣщикъ долженъ былъ давать крестьянамъ, когда они приходили на барщинную работу.

Экономическое положеніе крестьянской массы въ общемъ было сносное и даже, пожалуй, завидное въ сравненіи съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи представляли другія страны, и сама же Германія въ позднѣйшія времена. Лѣтъ черезъ 25 послѣ великой крестьянской войны одинъ современникъ писалъ, что на памяти его отца, который самъ былъ крестьянскій сынъ, крестьяне ѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ въ его время: „тогда, прибавляетъ онъ въ изобиліи были мясо и другія яства, а теперь стало иначе. Вотъ уже много лѣтъ, какъ наступило дорогое и дурное время, и пища болѣе зажиточныхъ крестьянъ сдѣлалась почти во много разъ хуже, чѣмъ прежняя пища поденщиковъ и батраковъ.“ Это свидѣтельство изъ середины XVI вѣка подтверждается многими данными XV и начала XVI столѣтій. Есть извѣстія о томъ, что достатокъ дѣлалъ крестьянъ нерѣдко чванными и что они позволяли себѣ много лишняго, такъ что нѣкоторые ландаги XV в. издаютъ законы противъ роскоши крестьянъ и установляютъ, напр., цѣну, выше которой мужикъ не могъ платить за сукно на своемъ платьѣ.—Мы въ состояніи прослѣдить, какъ происходило это ухудшеніе быта и какіе факторы его произвели. Первый изъ нихъ заключался въ томъ, что землевладѣльческое сословіе, рыцари, стали больше требовать отъ крестьянъ, чѣмъ тѣ давали раньше, и причиною этого было то, что произошла перемѣна въ самомъ рыцарскомъ быту: послѣдній въ былыя времена мало чѣмъ отличался отъ быта зажиточныхъ крестьянъ, но мало-по-малу подъ вліяніемъ иноземныхъ нравовъ и примѣра, подававшагося

разбогатѣвшими горожанами, нѣмецкіе феодальные господа стали вести болѣе роскошный образъ жизни, требовавшій больше расходовъ и, разумѣется, больше доходовъ, извлекавшихся изъ земли посредствомъ крестьянскихъ оброковъ. Увеличеніе крестьянскихъ платежей вызывалось и другой причиной, значительнымъ сокращеніемъ доходовъ въ силу обезцѣненія денегъ вслѣдствіе открытія Америки: въ Европу сразу изъ Новаго Свѣта нахлынула масса драгоцѣнныхъ металловъ, что отразилось на уменьшеніи цѣны денегъ и на соотвѣтственномъ вздорожаніи товаровъ. Юристы, вводившіе въ жизнь нѣмецкаго народа нормы римскаго права, оказались услужливыми не только по отношенію къ князьямъ, содѣйствуя усиленію ихъ значенія своимъ ученіемъ о власти, но и по отношенію къ феодальнымъ помѣщикамъ. Ихъ роль въ Германіи, гдѣ „рецепція“ римскаго права происходила двумя вѣками позже, чѣмъ во Франціи, оказалась менѣе благопріятною по отношенію къ крестьянской свободѣ, нежели роль французскихъ юристовъ, и пословица, сдѣлавшая изъ юристовъ плохихъ христіанъ (Juristen boese Christen), получаетъ отсюда свой настоящій смыслъ. Между тѣмъ какъ французскіе легисты, толковали всѣ сомнительные случаи въ положеніи крестьянъ въ смыслѣ свободы, нѣмецкіе юристы стремились подвести родную дѣйствительность подъ понятія римскаго права и, находя въ немъ лишь два состоянія людей—свободу и рабство, распространяли понятіе послѣдняго на всѣ зависимыя положенія, въ какихъ могли находиться нѣмецкіе крестьяне по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Въ одномъ только случаѣ теоріи юристовъ во Франціи и въ Германіи не расходились, это тогда именно, когда рѣчь шла о поземельной собственности. Мы уже знаемъ, что въ средніе вѣка земля находилась въ двойной собственности, — форма совсѣмъ незнакомая римскому праву: настоящему владѣльцу принадлежалъ dominium utile, а его сеньеру принадлежалъ dominium directum, какъ совокупность административныхъ, судебныхъ, финансовыхъ и иныхъ правъ. Юристы, проникшіеся воззрѣніями римскаго права,

поняли эти отношенія по-своему, отдѣливъ понятіе власти (imperium), которое перенесли на государя, и начавъ толковать dominium directum въ смыслѣ частной собственности, a dominium utile въ смыслѣ простого пользованія. Извѣстный намъ французскій принципъ «nulle terre sans seigneur» былъ понятъ именно въ этомъ смыслѣ, и изъ него былъ сдѣланъ выводъ, позволившій начать споліацію общинныхъ земель (les communaux). На этомъ нужно нѣсколько остановиться, какъ на явленіи, общемъ Франціи и Германіи, тѣмъ болѣе, что съ нимъ мы встрѣчаемся и въ исторіи Англіи, хотя тамъ и не дѣйствовало римское право.

Дѣлая очеркъ исторіи сельскаго населенія Франціи, я упомянулъ о существованіи въ ней въ средніе вѣка общиннаго землевладѣнія, состоявшаго изъ разнаго рода угодій, въ связи съ чѣмъ находилось и право жителей деревни посылать свой скотъ пастись по всѣмъ ея полямъ по снятіи съ нихъ жатвы. Когда права сеньера въ извѣстной территоріи стали толковаться въ смыслѣ простой собственности, право его на послѣднюю было распространено и на общинныя земли, которыя стали разсматриваться, какъ только уступленныя крестьянамъ въ пользованіе, и на этомъ основаніи сеньеры начали отбирать въ свою пользу значительныя части общинныхъ угодій: жалобами на это полны наказы (cahiers) депутатовъ третьяго сословія на генеральныхъ штатахъ XVI вѣка, встрѣчаются на это жалобы и въ cahiers 1789 г., а въ XVII вѣкѣ это озабочивало само правительство, запрещавшее обирать сельскія общины. Мы увидимъ, что такая споліація происходила въ особенно большихъ размѣрахъ въ Англіи, но и въ Германіи было то же самое и какъ-разъ передъ великой крестьянской войной, во время которой крестьяне, между прочимъ, поставили и такое требованіе, чтобы имъ были возвращены общинныя земли, у нихъ несправедливо отнятыя. Общинное землевладѣніе въ Германіи было довольно развито: „марки“ существовали во всѣхъ деревняхъ, и правомъ ими пользоваться обладали и свободные, и крѣпостные жители деревень. Обычное право прямо признавало

это за крестьянами, не дѣлая никакого различія между свободными и крѣпостными. Деревня въ административномъ и судебномъ отношеніи была общиной, выбиравшей своего старосту и устанавливавшей порядокъ пользованія своими общими угодьями, къ числу коихъ относились и луга, и воды. Стѣснительные для крестьянъ законы объ охотѣ и рыбной ловлѣ изъимали изъ ихъ вѣдѣнія эти лѣса и эти воды. Въ крестьянскихъ статьяхъ 1525 г., заключающихъ въ себѣ требованія значительной части возставшаго народа, отводится мѣсто и требованію вернуть старые порядки въ этой области сельскаго быта, что указываетъ на значительное измѣненіе въ прежнихъ правахъ крестьянъ по отношенію къ общиннымъ угодьямъ.

Таковы были причины ухудшенія крестьянскаго быта въ Германіи. Весьма естественно, что нѣмецкое крестьянство чувствовало, что для него наступаютъ новыя времена, которыя несутъ съ собою много нехорошаго. Все это вызывало среди нихъ броженіе, проявлявшееся сначала въ рядѣ мѣстныхъ вспышекъ и разразившееся, наконецъ, общей войной, которая охватила значительную часть Германіи, причемъ недовольство народа принимаетъ видъ общественнаго движенія на религіозной подкладкѣ. Крестьяне были побѣждены, и ухудшеніе ихъ быта пошло быстрыми шагами.

Крестьянская война 1524—1525 г. имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи Германіи въ эпоху реформаціи, и потому весьма интересно ознакомиться съ движеніями, которыя ее подготовили. Одною изъ непосредственныхъ причинъ народнаго броженія было то, что крестьяне лишились покровительства законовъ, не имѣя учрежденія, куда могли-бы жаловаться на произволъ помѣщиковъ: вслѣдствіе этого они и стали прибѣгать къ своего рода самопомощи и самосуду. Въ сельскихъ общинахъ существовало какое ни-на-есть самоуправленіе съ рѣшеніемъ мелкихъ тяжбъ на деревенскихъ сходахъ, но этотъ порядокъ сталъ отмѣняться, и по-

мѣщичій судъ началъ вытѣснять старое народное право. Съ другой стороны, въ XV в. были весьма часты случаи обращенія крестьянъ съ жалобами на господъ къ императору, къ юридическимъ факультетамъ, къ швабскому союзу и т. п., но право принесенія такихъ жалобъ подверглось также разнымъ стѣсненіямъ. Не говоря уже о томъ, что крѣпостные вообще не могли вчинать исковъ противъ своихъ господъ, а свободные крестьяне имѣли большія основанія относиться съ недовѣріемъ къ судамъ, тянувшимъ сторону дворянъ, въ концѣ XV и началѣ XVI в. были специальныя постановленія, отнимавшія у крестьянъ возможность искать судебной защиты. Когда, въ 1495 году былъ учрежденъ верховный имперскій судъ (Reichskammergericht), крестьянскія дѣла не были включены въ его компетенцію, а въ 1500 г. въ Аугсбургѣ было постановлено, что крестьяне могутъ жаловаться на посторонних господъ, никакъ не на своихъ, хотя разнаго рода неудовольствія возбуждались среди крестьянства именно поведеніемъ собственныхъ, а не чужихъ помѣщиковъ. Это имперское законодательство дополнялось аналогичными мѣстными узаконеніями, проходившими въ ландтагахъ, на коихъ крестьянское сословіе не имѣло представителей. Эти же ландтаги, вотировавшіе налоги, сваливали увеличивавшуюся тяжесть послѣднихъ на то же крестьянское сословіе, и вотъ мы видимъ, что когда въ 1514 г. возстали крестьяне въ Вюртембергѣ, однимъ изъ ихъ требованій было допущеніе въ ландтагъ и ихъ представителей, что на время и осуществилось-было, но въ общемъ въ народѣ былъ тотъ взглядъ, что ландтаги ничего не дѣлаютъ для крестьянъ, кромѣ прибавки новыхъ налоговъ.

Не находя нигдѣ защиты, сельская масса начала волноваться, и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Германіи вспыхивали крестьянскіе бунты. Можно было бы составить списокъ цѣлаго ряда такихъ бунтовъ, предшествующихъ войнѣ 1524—1525 годовъ. Символомъ крестьянскаго возстанія въ началѣ девятидесятыхъ годахъ XV вѣка дѣлается мужицкій башмакъ съ ремнями, которые привязывали его къ ногѣ (Bundschue), и

этотъ символъ группируетъ около себя тайныя сообщества, играющія роль въ исторіи крестьянскаго движенія за цѣлую четверть вѣка передъ наступленіемъ реформаціонной эпохи. Отмѣчаемъ теперь этотъ фактъ для того, чтобы познакомиться съ нимъ подробнѣе при изложеніи этого замѣчательнаго періода въ исторіи Германіи.

Крестьянская война слѣдовала въ Германіи непосредственно за рыцарскимъ возстаніемъ, причины котораго будутъ выяснены при изложеніи самой эпохи. Здѣсь, говоря о соціальномъ положеніи отдѣльныхъ классовъ нѣмецкаго общества, имѣвшихъ отношеніе къ землевладѣнію и земледѣлію, нельзя обойти молчаніемъ, что, кромѣ политическихъ причинъ рыцарскаго недовольства,—а такими причинами была опасность для рыцарской независимости со стороны княжеской власти и новое устройство Германіи, ограничивавшее произволъ рыцарей,—въ томъ движеніи, которое происходило въ этомъ сословіи, дѣйствовала еще причина экономическая. Землевладѣльцы переживали кризисъ, и рыцарство бѣднѣло. Не говоря уже о томъ, что помѣстья дробились вслѣдствіе естественнаго размноженія сословія, онѣ еще обезцѣнивались, такъ какъ земля не приносила прежняго дохода вслѣдствіе указаннаго выше экономическаго переворота и другихъ причинъ, стоящихъ въ связи съ образованіемъ богатаго промышленнаго и торговаго класса въ городахъ. Можно сказать, что въ эту эпоху возникаетъ среди рыцарства своего рода пролетаріатъ, хранившій дворянскія претензіи, гнушавшійся работы и даже предпочитавшій труду благородное ремесло грабителя или службу при княжескихъ дворахъ. Если рыцари и сохраняли свои имѣнія, то жить доходами съ нихъ становилось трудно, тѣмъ болѣе, что въ XV в. исчезло однообразіе быта менѣе богатыхъ рыцарей и болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Одно сословіе особенно возбуждало зависть среди дворянства въ ту эпоху, что было, какъ мы увидимъ, не въ одной Германіи: сословіемъ, о коемъ идетъ рѣчь, было духовенство, обладавшее крупною поземельною собственностью,

большимъ движимымъ имуществомъ, огромными доходами, и на него то главнымъ образомъ и направилось рыцарское возстаніе 1522—1523 г. Понятно, что между рыцарями и крестьянами не могло быть никакой солидарности: въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка это были два враждебные лагеря, соединить которые для общаго дѣла было трудно. За пораженіемъ „офицеровъ безъ солдатъ" въ 1523 г. и за пораженіемъ „солдатъ безъ офицеровъ" въ 1525 г. соціальныя отношенія, созданныя предыдущей эпохой не измѣнились къ лучшему: они прямо даже ухудшились.

Не въ одной Германіи мы наблюдаемъ ухудшеніе крестьянскаго быта и развитіе крѣпостничества въ новое время: явленіе это замѣчается и въ другихъ странахъ, близкихъ къ Германіи по степени экономическаго и политическаго развитія. Мало того: не въ одной Германіи собранія государственныхъ чиновъ, въ коихъ не было крестьянскаго представительства, издавали законы противъ народной свободы, и не въ одной Германіи пускались въ ходъ римскія идеи о рабствѣ для узаконенія крестьянскихъ закрѣпощеній. Я имѣю въ виду Венгрію и Польшу.

Въ 1514 г., въ одинъ годъ съ возстаніемъ вюртембергскихъ поселянъ, произошло крестьянское движеніе въ Венгріи. Началомъ послужила проповѣдь крестоваго похода противъ турокъ, увлекшая массу народа, но встрѣченная весьма несочувственно дворянствомъ, которое было противъ того, чтобы крестьяне покидали свои дома и оставляли невоздѣланными поля. Противодѣйствіе съ ихъ стороны возмутило „крестоносцевъ" (куруцевъ), и они подняли знамя возстанія, сопровождавшагося пожарами и убійствами. Бунтъ былъ подавленъ, и сеймъ объявилъ государственнымъ закономъ на вѣчныя времена полнѣйшее рабство крестьянъ (mera et perpetua servitus). На этотъ законъ ссылались венгерскіе дворяне, когда черезъ 270 лѣтъ императоръ Іосифъ II, король венгерскій, задумалъ освободить венгерскихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ Польшѣ эпоха образованія государственнаго сейма и эпоха закрѣпощенія сельскаго населенія прямо совпадаютъ между собою и совпадаютъ съ временемъ, когда въ Германіи происходилъ только-что разсмотрѣнный процессъ. Польская шляхта, высылавшая своихъ пословъ на вальный (общій) сеймъ, безъ согласія котораго съ первыхъ лѣтъ XVI в. не издается никакихъ законовъ, съ самаго же начала пользуется своею властью исключительно ради собственной выгоды и между прочимъ лишаетъ крестьянство прежнихъ его правъ. Въ XV в. польское рыцарство утрачиваетъ свой военный характеръ, превращается въ помѣщичій классъ, начинаетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и умноженіемъ своихъ доходовъ, шедшихъ главнымъ образомъ на удовлетвореніе той страсти къ роскоши, которая характеризуетъ польскую шляхту въ XVI вѣкѣ. Весь доходъ прежняго шляхтича состоялъ изъ хлопскаго чинша за снятую землю да того, что давали стадо, мельница, корчма: теперь этого было мало, и пользуясь своею законодательною властью, шляхта прикрѣпляетъ крестьянина къ землѣ и отнимаетъ у него покровительство законовъ. Право владѣть „земскими имуществами" принадлежало одной шляхтѣ, которая и сдѣлалась обладательницей всей земли; крестьянинъ не могъ владѣть землею и въ то же время не имѣлъ права покидать помѣстья, въ которомъ жилъ; барщинныя повинности, на немъ лежавшія, и другіе поборы были увличены, и въ довершеніе всего у него отнято было право жаловаться на своего пана. Весьма любопытно, что своего рода теоретическое оправданіе такой перемѣны шляхта находила въ перенесеніи на тогдашнюю польскую дѣйствительность понятій, заимствованныхъ изъ римской исторіи: собственное государство являлось ей республикой (rzecz-pospolita), сама она представляла себя свободнымъ народомъ (szlachta naród), живущимъ трудами рабовъ — хлоповъ, рабовъ въ духѣ римскаго права.

Однимъ словомъ, и въ Германіи, и въ Венгріи, и въ

Польшѣ, не называя уже другихъ странъ той же степени экономическаго развитія, въ началѣ новаго времени мы встрѣчаемся съ явленіями, которыя Франціей и Англіей были пережиты раньше, которыя въ XIV и XV вв. были для этихъ странъ отдаленнымъ прошлымъ. И особенность средневѣкового хозяйственнаго быта, состоявшая, въ соединеніи крупной земельной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ, характеризуетъ общественный строй странъ, гдѣ происходило указанное ухудшеніе крестьянскаго быта. Шляхтичъ въ Польшѣ былъ землевладѣлецъ, но онъ велъ хозяйство барщиннымъ трудомъ только на одной части своего помѣстья: все остальное было въ рукахъ безправныхъ хлоповъ, имѣвшимъ однако свои надѣлы, свое хозяйство и отбывавшихъ повинности въ пользу своихъ пановъ. То же самое и въ Германіи. Особенно въ сѣверо-восточной ея части мы рѣдко встрѣчаемся со сколько-нибудь развитымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ, да и на западѣ Германіи мелкое хозяйство крѣпостныхъ или свободныхъ можно считать общимъ правиломъ. Мы видѣли уже, что во Франціи даже началъ намѣчаться процессъ замѣны мелкаго хозяйства болѣе крупнымъ, но опять-таки это не было явленіемъ повсемѣстнымъ и всеобщимъ, какъ то было въ Англіи, къ которой мы теперь и перейдемъ, чтобы остановиться потомъ на церковномъ и монастырскомъ землевладѣніи, игравшемъ особую роль въ исторіи экономическаго переворота, совершавшагося въ сельской жизни, и въ исторіи политическихъ отношеній реформаціонной эпохи. Во всякомъ случаѣ мы можемъ заключить этотъ краткій обзоръ состоянія нѣмецкихъ крестьянъ указаніемъ на то, что въ изъ трехъ главныхъ странъ европейскаго Запада, наиболѣе отсталою въ соціальномъ отношеніи оказалась Германія: Франція ушла гораздо дальше впередъ, а еще далѣе ушла отъ характерныхъ особенностей соціальнаго быта среднихъ вѣковъ—Англія.

XVI. Соціальный строй Англіи *).

Экономическій строй Англіи. — Парламентъ и соціальныя отношенія.— Паденіе крѣпостничества въ Англіи. — Черная смерть. — Возстаніе крестьянъ. — Роль парламента въ крестьянскомъ вопросѣ въ серединѣ XIV вѣка.—Соціальная структура англійской націи.—Образованіе сельскаго пролетаріата.—Фермерское хозяйство и фермеры.—Огораживаніе полей. — Эмиграція въ города и бродяжничество. — Крупная собственность. — Разореніе рыцарства. — Возникновеніе соціальнаго антагонизма.

Въ исторіи соціальнаго феодализма мы различаемъ сторону юридическую и экономическую,т. е. во-первыхъ, несвободу личности и земельнаго надѣла крестьянъ, во-вторыхъ, соединеніе крупной собственности съ развитіемъ мелкаго хозяйства, дѣлавшимъ невозможнымъ сельскій пролетаріатъ. Въ процессѣ феодализаціи сельскаго быта во Франціи мы наблюдаемъ, какъ личное освобожденіе отнюдь не сопровождается освобожденіемъ земли и, мало того, даже сопровождается разрывомъ той связи, какая установилась между крестьяниномъ и землею. Рѣдко гдѣ этотъ процессъ проявлялся въ своихъ характерныхъ чертахъ съ такою силою, какъ въ Англіи: Англія классическая страна крупнаго землевладѣнія и сельскаго пролетаріата, ранняго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и ранняго же развитія фермерскаго хозяйства. Все это, однако, явленія новаго времени: средневѣковая Англія знала и мелкое крестьянское хозяйство, и крѣпостныхъ крестьянъ, и все дѣло заключалось въ томъ, что юридическое освобожденіе крѣпостной массы сопро-

---

*) П. Виноградовъ. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка (и англійская переработка этой книги подъ заглавіемъ Villainage in England)— М. Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ и его же. Полиція рабочихъ въ Англіи въ XIV в.—Д. Петрушевскій. Рабочее законодательство Эдуарда III.—Th. Rogers. A history of agriculture and prices in England.—Ochenkowski. Englands wirthschaftliche Entwicklung im Ausgange des Mittelalters.—W. Denton. England in the fifteenth century.—Ashley. An introduction to englich economic history.

вождалось въ Англіи расторженіемъ прежней связи между крестьянствомъ и землею. Это однако не мѣшало тому, что въ Англіи утвердился принципъ феодальной собственности, въ силу котораго въ ней земля всегда зависѣла—въ первой инстанціи отъ короля, во второй—отъ дворянства и рыцарства. Мы и остановимся на этомъ явленіи, какъ на явленіи, наиболѣе характерномъ для Англіи, не заходя въ старыя времена, когда въ этой странѣ господствовали крѣпостныя отношенія и крестьянское хозяйство. Есть и еще причина, заставляющая насъ обратить вниманіе на соціальный процессъ, совершившійся въ Англіи въ XIV и XV вѣкахъ: въ эту эпоху уже существовалъ парламентъ, верхняя палата коего состояла изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ нижней же палатѣ мало-по-малу произошло сліяніе землевладѣльческихъ и городскихъ классовъ населенія, и который пріобрѣлъ рѣшающее значеніе въ законодательной дѣятельности государства, и, конечно, мы не можемъ не поставить вопроса о томъ, какъ представители землевладѣнія, пользовавшіеся въ парламентѣ законодательною властью, относились къ народу вообще и въ частности къ крестьянству. Мы увидимъ, что въ данномъ случаѣ парламентъ былъ органомъ соціальныхъ интересовъ землевладѣческихъ классовъ, и то отношеніе, въ какое онъ сталъ къ крестьянской массѣ, было въ сущности только частнымъ случаемъ нѣкотораго болѣе общаго правила, подъ какое мы имѣемъ право подвести и отношеніе къ крестьянству, напр., также и стороны французскихъ генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ: сила средневѣкового парламента заключалась въ представителяхъ феодальнаго землевладѣнія и вообще поземельной собственности, и нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что законодательная дѣятельность парламента разрѣшала всѣ вопросы, возникавшіе изъ условій соціальнаго феодализма, не въ пользу крестьянскаго населенія. Однимъ словомъ, парламентъ

былъ въ числѣ факторовъ, игравшихъ роль въ исторіи освобожденія англійскихъ крестьянъ отъ земли, и эта роль была не изъ тѣхъ, которыя дѣлали честь парламенту.

Въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ въ средніе вѣка, существовало крѣпостничество, называвшееся вилленажемъ (villainage), по-латыни villenagium. Къ концу XV вѣка вилленажъ почти исчезаетъ, и крестьянско-земельныя отношенія начинаютъ получать новый характеръ. Причины этого факта были довольно сложныя, но едва ли будетъ ошибочнымъ считать главною изъ нихъ то, что и политически, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ экономически Англія опередила континентальныя страны,—политически потому, что, ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, произошло здѣсь торжество государственныхъ началъ надъ феодализмомъ, который въ Англіи и не получалъ значенія политической системы,—и потому, что здѣсь же началось сліяніе классовъ, устранявшее возможность выработки чисто кастическаго строя, и вотъ это-то политичекое развитіе, обезпечивавшее внутренній порядокъ, содѣйствовало развитію экономическому, которое выразилось въ томъ, что Англія сравнительно рано переходитъ отъ натуральной системы хозяйства къ денежной, содѣйствовавшей важнымъ соціальнымъ измѣненіямъ. И помѣщикъ, и крестьянинъ предпочитали уже въ XIII вѣкѣ деденежные оброки натуральнымъ повинностямъ, первый—потому, что получать деньгами крестьянскіе платежи было удобнѣе, второй—потому, что отбываніе натуральныхъ повинностей ставило его нерѣдко въ крайне стѣснительное положеніе, особенно когда нужно было отбывать барщину. Нерѣдко выкупъ повинностей сопровождался договорами, которыми что мы сейчасъ увидимъ, крестьяне пользовались потомъ, какъ доказательствами своей личной свободы.

Въ средніе вѣка вообще существовали классы, такъ сказать, колебавшіеся между крѣпостью и свободой, и они сильно развиваются въ Англіи къ концу среднихъ вѣковъ, нося весьма разнообразныя названія и болѣе приближаясь

либо къ вилланамъ, либо къ вполнѣ свободнымъ людямъ, каковые, разумѣется, тоже существовали въ Англіи. Такимъ классомъ особенно въ королевскихъ доменахъ являются сокмены, и всѣ усилія вилланов заключались въ томъ, чтобы перейти постепенно въ положеніе, характеризуемое этимъ названіемъ (socagium): одинъ памятникъ конца XIV в. опредѣляетъ сокмена, какъ свободнаго человѣка, держащаго крѣпостную землю (villenagium),—причемъ держаніе это, твердое и прочное, было не на основаніи грамоты, а на основаніи обычая. Отъ положенія сокмена былъ только шагъ къ полной гражданской свободѣ. Желаніе крестьянъ освободиться отъ крѣпостныхъ узъ весьма часто встрѣчалось съ стремленіемъ помѣщиковъ избавиться отъ обязанности давать пропитаніе своимъ крѣпостнымъ во времена голодовокъ, каковыя были довольно часты въ первой половинѣ XIV вѣка. Этотъ послѣдній вѣкъ былъ въ исторіи Англіи эпохой особенно сильнаго движенія среди крестьянства. Вопервыхъ, многіе освобождаются судебнымъ порядкомъ, опираясь на законъ, по которому подавать искъ въ судъ могъ только свободный человѣкъ: стоило крестьянину—особенно если у него былъ какой-либо договоръ въ рукахъ—подать искъ въ судъ, и суду стоило лишь его принять, чтобы подавшій сдѣлался свободнымъ, какъ признанный въ таковомъ званіи судомъ, а чтобы господинъ не могъ опротестовать подачи иска, стоило лишь подать его одновременно въ разные суды. Впослѣдствіи сами помѣщики соглашались на такую уловку, чтобы освобождать крѣпостныхъ безъ хлопотъ и формальностей. Вовторыхъ, крестьяне освобождались посредствомъ бѣгства и проживанія въ какомъ-либо городѣ въ теченіи одного года и одного дня (что имѣло силу и во Франціи), и опять-таки помѣщики сами впослѣдствіи пользовались такимъ способомъ, сами позволяя крѣпостнымъ отлучаться на годъ съ днемъ. Однимъ словомъ, и здѣсь дѣло шло, какъ во Франціи, т. е. путемъ частныхъ сдѣлокъ, а не общихъ законодательныхъ мѣръ, и вмѣстѣ съ этимъ и здѣсь освобожденіе сопровождалось

открѣпленіемъ крестьянина отъ земли, остававшейся за помѣщикомъ и снова отдававшейся крестьянину уже не на прежнихъ основаніяхъ.

Въ исторіи этого процесса весьма важное значеніе принадлежитъ «черной смерти», которая въ серединѣ XIV вѣка обошла всю Европу, посѣтила Англію и унесла изъ ея населенія чуть не половину, нарушивъ правильное теченіе экономической жизни. Въ это время въ Англіи уже существовали наемные рабочіе, и весьма естественно, что плата за ихъ трудъ значительно должна была возрасти послѣ эпидеміи. Тогда въ парламентѣ, состоявшемъ изъ собственникомъ, прошелъ статутъ (1349), коимъ безземельные рабочіе обязывались служить всякому нанимателю, какой только потребуетъ ихъ работы, и получать за это плату, какая въ данномъ мѣстѣ существовала за два года до чумы, и все это подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Въ 1350 г. парламентъ опредѣлилъ самый размѣръ платы и запретилъ рабочимъ оставлять приходы, въ коихъ они жили въ моментъ изданія статута, и опять подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Эти распоряженія проводились въ жизнь съ величайшимъ трудомъ, и новыя подтвержденія закона увеличили мѣру наказанія до клейменія бѣглыхъ рабочихъ въ лобъ каленымъ желѣзомъ. Вмѣстѣ съ этимъ началось возвращеніе крестьянъ, откупившихся отъ барщины, къ прежнему барщинному труду. Черная смерть затѣмъ опять постигла Англію, нищета была ужасающая. Начинались народныя волненія, явились агитаторы, и парламентъ принимаетъ противъ этого мѣры—запрещеніемъ стачекъ, сообществъ и сборищъ рабочихъ. Въ это время выдвигается личность „съумасшедшаго кентскаго попа“, Джона Балля, говорившаго страстныя проповѣди на тему объ естественномъ равенствѣ, и на ту же тему сложилась народная пѣсенка: „когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, кто былъ тогда дворяниномъ“ (When Adam delved and Eve span Who was then gentleman?). Тогда же и Вильямъ Лонгландъ написалъ свои „Жалобы Петра пахаря“ на ту же тему ра-

венства людей и обязательности труда для всѣхъ. Возвращенія черной смерти (вплоть до 1369 г.), новыя строгости противъ рабочихъ, репрессіи противъ крѣпостныхъ, отказывавшихся отъ работы, запрещенія сходокъ и союзовъ въ низшихъ классахъ народа, а вмѣстѣ съ этимъ и война съ Франціей, и борьба Эдуарда III съ парламентомъ, и начало рѣзкихъ отношеній со стороны свѣтскихъ сословій къ папству и духовенству,—все это или прямо подготовляло взрывъ народнаго неудовольствія послѣ смерти Эдуарда III, или косвенно содѣйствовало этому взрыву. Поводомъ было введеніе поголовнаго налога (the pole groates), распространявшагося и на рабочихъ, которые прежде были свободны отъ налога, но главная причина была въ томъ, что поселянъ сильно притѣсняли лэндлорды, потребовавшіе отъ нихъ прежнихъ повинностей и службъ. Агитація, ведшаяся уже нѣсколько лѣтъ, проповѣди нищенствующихъ монаховъ, бѣдныхъ священниковъ, усвоившихъ протестъ Виклифа противъ богатаго духовенства, народныя пѣсни на жгучія темы, произвели свое дѣйствіе, и въ 1381 г. произошло страшное народное возстаніе подъ начальствомъ Вата Тайлера, овладѣвшаго даже Лондономъ. Молодой Ричардъ II, явившійся къ инсургентамъ и принятый ими дружелюбно, обѣщалъ имъ амнистію и освобожденіе отъ рабства: народъ даже и тогда возлагалъ на короля всѣ надежды, когда Ватъ Тайлеръ былъ убитъ въ его присутствіи лондонскимъ мэромъ, находившимся въ королевской свитѣ. Дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что возстаніе было подавлено съ страшною жестокостью, а парламентъ не согласился на обѣщанныя и уже сдѣланныя королемъ уступки. Тѣмъ не менѣе возстаніе возъимѣло то дѣйствіе, на какое расчитывали крестьяне и ихъ вожди: оно напугало имущіе классы общества и заставило ихъ не только быть осторожнѣе, но и значительно измѣнить свою тактику, такъ что въ общемъ процессъ освобожденія не затормозился. Однако парламентъ 1381 г. выступалъ противъ политики уступокъ, коей желалъ король и его совѣтъ. Въ своемъ посланіи къ

парламенту Ричардъ II указывалъ на то, что если члены парламента думаютъ отпустить на волю своихъ крѣпостныхъ, то онъ, король, ничего не будетъ имѣть противъ этого, но парламентъ ему отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что грамоты, данныя имъ крестьянамъ, не имѣютъ силы, что крѣпостные составляютъ собственность своихъ господъ, у которыхъ, король не имѣетъ права что-либо брать безъ ихъ согласія, и что они скорѣе готовы умереть, чѣмъ согласиться на то, что имъ предлагаютъ. Мало того: въ духѣ статута о рабочихъ парламентъ настоялъ на томъ, чтобы дѣти виллановъ не могли ни поступать въ духовное сословіе, ни въ ученики къ городскимъ ремесленникамъ, ни въ общественныя школы.

Роль парламента въ эпоху законодательства о рабочихъ и крѣпостныхъ, вызваннаго черною смертью и крестьянскимъ возстаніемъ, показываетъ намъ, что представленные въ этомъ учрежденіи общественные классы отстаивали не только свои политическіе интересы отъ королевской власти, но и экономическіе свои интересы, имѣя противъ себя народную массу. На чисто соціальной почвѣ въ палатѣ общинъ объединились въ этомъ отношеніи интересы всякихъ работодателей, т. е. и сельскихъ хозяевъ, и промышленныхъ предпринимателей, однимъ словомъ, имущихъ классовъ и въ деревняхъ, и въ городахъ, и парламентъ сдѣлался органомъ этихъ интересовъ: сліяніе въ немъ отдѣльныхъ сословій въ одинъ имущественный классъ завершилось уже извѣстнымъ намъ установленіемъ избирательнаго ценза въ 40 шиллинговъ, коимъ вводилось новое начало въ соціальный строй Англіи признаніе за извѣстнымъ размѣромъ собственности самаго важнаго политическаго права—высылать представителей въ парламентъ. Весьма естественно, что нижняя палата, въ коей руководящая роль принадлежала выборнымъ отъ джентри, должна была заботиться объ усиленіи своего соціальнаго значенія, сходясь въ этомъ отношеніи съ лордами, которые также были землевладѣльцами. За-

конодательство о рабочихъ въ серединѣ XIV в. уже указываетъ намъ на то, что парламентъ сталъ пользоваться своею властью не только для того, чтобы закрѣплять за земельными собственниками тѣ выгодныя стороны, какія существовали для нихъ въ феодальномъ строѣ, но и для того, чтобы въ выгодномъ же для себя смыслѣ рѣшать вопросы, возникавшіе уже на почвѣ совсѣмъ новыхъ отношеній, сущность коихъ состояла въ томъ, что крѣпостной крестьянинъ открѣплялся отъ земли и становился безземельнымъ рабочимъ, живущимъ платою за трудъ для чужого хозяйства. Въ эту именно сторону направлялся эманципаціонный процессъ въ Англіи, и парламентъ, насколько отъ него зависѣло, регулировалъ этотъ процессъ въ исключительную пользу имущихъ классовъ. Такимъ образомъ, если въ Англіи не выработалось замкнутыхъ сословій и образовался въ юридическомъ отношеніи лишь одинъ классъ свободныхъ людей, въ который постепенно переходитъ все населеніе страны, то впервые въ Англіи возникло чисто экономическое различіе между имущими и неимущими безъ всякихъ сословныхъ перегородокъ. Въ этомъ отношеніи Англія опередила другія европейскія страны.

Свободные люди, или фримены (freemen) сохранились въ Англіи съ древнихъ временъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. По отношенію къ землѣ они были свободные держатели или фригольдеры (freeholders, libere tenentes), снимая земли по свободному договору у крупныхъ землевладѣльцевъ. Не нужно однако думать, чтобы освобожденные вилланы попали въ это состояніе и въ немъ удержались: освобождаясь отъ крѣпостной зависимости, крестьяне лишались своихъ земельныхъ участковъ и превращались въ безземельныхъ батраковъ, работавшихъ уже въ пользу нанимавшихъ ихъ сельскихъ хозяевъ. Обезземеленіе крестьянства въ Англіи идетъ рука объ руку съ двумя важными явленіями въ исторіи поземельныхъ отношеній въ этой странѣ: съ одной стороны, развивается фермерское хозяйство при помощи наем-

ныхъ рабочихъ, съ другой, происходитъ процессъ такъ называемаго огараживанія полей, и оба эти явленія были причинами того, что прекращеніе той юридической связи, какая существовала между вилланомъ и его земельнымъ участкомъ, сопровождалось и фактическимъ открѣпленіемъ крестьянъ отъ земли, превращеніемъ ихъ въ батраковъ, живущихъ наемнымъ трудомъ, т. е. образованіемъ сельскаго пролетаріата. Само собою разумѣется, что процессъ этотъ совершался постепенно, и въ немъ было даже нѣсколько обособленныхъ моментовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго продолжительными промежутками времени, но сущность дѣла была одна, и въ процессѣ участвовали, съ одной стороны, перемѣны въ системѣ хозяйства въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, съ другой—общія законодательныя мѣры, исходившія отъ парламента.

И въ Англіи въ средніе вѣка господствовало соединеніе крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ. Экономическіе интересы заставляли помѣщиковъ сначала переводить натуральныя повинности крѣпостныхъ, главнымъ образомъ барщину— на деньги, а потомъ соединять нѣсколько мелкихъ крестьянскихъ участковъ въ болѣе крупныя фермы, которыя и стали отдаваться въ аренду предпринимателямъ, обладавшимъ денежными средствами и ведшимъ хозяйство при помощи наемнаго труда. Пока существовалъ барщинный трудъ, помѣщику было выгодно держать на своей землѣ какъ можно больше народа, но потомъ было, наоборотъ, выгоднѣе сокращать число держателей земли, особенно въ виду того, что крестьяне пользовались правомъ пасти свой скотъ на землѣ помѣщика, а затѣмъ капиталистъ-фермеръ былъ аккуратнѣе въ платежахъ, да и платежи можно было повышать: это было не то что неизмѣнная крестьянская рента. Вытѣсненіе крѣпостной и барщинной обработки земли, т. е. крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства фермерствомъ было однимъ изъ наиболѣе крупныхъ экономическихъ измѣненій, и въ Англіи, гдѣ оно про-

изошло, конечно, не сразу, а потребовало большого періода времени, процессъ этотъ и раньше начался, и сильнѣе проявился, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, гдѣ только освобожденіе крѣпостныхъ сопровождалось разрывомъ ихъ старой связи съ землею. Въ Англіи весьма рано появляется и особый классъ такихъ съемщиковъ земли рядомъ съ старыми ея держателями на разныхъ условіяхъ, какія были извѣстны феодальному праву вообще и въ частности прежнимъ англійскимъ законамъ. Этотъ новый классъ (йомены) занялъ посредствующее положеніе между ландлордомъ и рабочимъ, и доходы съ сельскаго хозяйства стали раздѣляться на ренту, доходъ землевладѣльца, на прибыль, доходъ капиталиста-фермера, и на рабочую плату, — явленіе совершенно неизвѣстное средневѣковому феодальному хозяйству, но характерное для исторіи новаго времени. Фермерство создало цѣлый классъ людей, бравшихъ землю въ аренду (tenentes ad voluntatem), классъ, отличный и отъ старыхъ фригольдеровъ и такъ называемыхъ копигольдеровъ (copyholders), державшихъ землю по письменному договору (der copiam), замѣнившему прежній крѣпостной обычай. Общій порядокъ превращенія сельскохозяйственныхъ классовъ былъ таковъ: вилланъ дѣлался копигольдеромъ, копигольдеръ—фригольдеромъ, фригольдеръ—фермеромъ. Этому процессу и обязанъ своимъ происхожденіемъ зажиточный классъ йоменовъ (yeomen), большею частью являвшихся изъ городскихъ капиталистовъ. Они дѣлаются мало-по-малу главными сельскими хозяевами, превращая прежнихъ крестьянъ-хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, такъ какъ одна ферма заключала въ себѣ нѣсколько прежнихъ крестьянскихъ участковъ. Это измѣненіе экономическаго быта отразилось на быстрыхъ успѣхахъ земледѣльческой культуры, ибо удалило съ земли классъ, которому наиболѣе было свойственно держаться старинныхъ способовъ обработки земли, и отдало хозяйство въ руки капиталистовъ, имѣвшихъ и интересъ, и возможность довести культуру земли до высокой степени интензивности.

Другая причина обезземеленія крестьянской массы заключалась въ „огораживаніи“ полей. И въ Англіи существовали земли, находившіяся въ общемъ пользованіи отдѣльныхъ деревень. И въ Англіи также былъ обычай, въ силу котораго всѣ изгороди между полями снимались послѣ жатвы для того, чтобы скотъ могъ безпрепятственно пастись по полямъ цѣлой деревни, не исключая и помѣщичьей земли. Фермеры стали нарушать этотъ обычай. Весьма часто ничѣмъ не связанные съ мѣстнымъ населеніемъ, они начали извлекать арендуемыя ими земли изъ общаго пользованія, огораживая ихъ, а помѣщики, желая усилить свои денежныя средства, стали огораживать и часть общинныхъ земель, чтобы отдавать въ аренду и эти выгороженные участки, благодаря чему площадь общинныхъ угодій сильно сокращалась. Была и другая причина, дѣйствовавшая въ томъ же направленіи. Англія въ средніе вѣка весьма выгодно торговала шерстью съ материкомъ Европы, и въ ней поразительно развилось овцеводство, для котораго прямо стало требоваться превращеніе пахатныхъ земель въ пастбища и луга: интересы овцеводства заставляли обводить изгородью луга и поля съ цѣлью ихъ изъятія отъ выпаса осенью, что вызывало часто крестьянскіе безпорядки, сопровождавшіеся разрушеніемъ изгородей.

Открѣпленіе крестьянъ отъ земли сопровождалось переселеніемъ ихъ въ города, гдѣ они искали заработка въ спеціально городскихъ промыслахъ. Это явленіе особенно характеризуетъ соціальную исторію Англіи, гдѣ обезземеленіе народной массы повлекло за собою ея перемѣщеніе въ города, въ коихъ, благодаря этому, постоянно, возрастало число свободныхъ рукъ, бывшихъ въ распоряженіи городскихъ промысловъ, т. е. мануфактуръ и торговли, не говоря уже о томъ, что обширная колонизація отдаленныхъ странъ англичанами въ послѣдующіе вѣка сдѣлалась возможною опять-таки лишь вслѣдствіе обезземеленія массы. Въ томъ же явленіи мы должны видѣть и причину того бро-

дяжничества, противъ коего англійское законодательство принимаетъ въ концѣ среднихъ вѣковъ весьма суровыя мѣры.

Таковы были перемѣны въ способахъ хозяйства и въ положеніи массы, но перемѣны эти не нанесли ни малѣйшаго ущерба развитію въ Англіи крупнаго землевладѣнія. Напротивъ того, послѣднее въ концѣ XV вѣка было поставлено весьма прочно. Въ самомъ дѣлѣ, земля въ Англіи принадлежала крупными помѣстьями или духовенству и монастырямъ, или лордамъ и рыцарямъ: можно принять, что между духовными и свѣтскими владѣльцами земля раздѣлялась поровну, а изъ того, что приходилось на долю духовенства и монастырей, послѣднимъ принадлежало цѣлыхъ двѣ трети, т. е. около трети всей поземельной собственности. Даже города не имѣли своей земли: городскія территоріи принадлежали крупнымъ землевладѣльцамъ, и всѣ дома въ городахъ строились на чужой землѣ. Казенныхъ земель въ это время было очень мало, и если въ эпоху войны алой и бѣлой розы побѣдители очень часто прибѣгали къ конфискаціи имѣній побѣжденной стороны, то пріобрѣтаемыя такимъ образомъ помѣстья не удерживались за казною, а расходились по рукамъ лордовъ побѣдившей стороны или раздавались вновь назначеннымъ лордамъ. Мы увидимъ, что то же самое произошло и въ XVI вѣкѣ, когда при Генрихѣ VIII (1509—1547) произошла секуляризація, т. е. отобраніе въ казну монастырской поземельной собственности: конфискованныя имѣнія и тогда разошлись по рукамъ большею частью крупныхъ землевладѣльцевъ. Ни церковныя помѣстья, ни имѣнія лордовъ не могли дробиться, послѣднія—на основаніи перехода наслѣдства по праву первородства (майоратъ).

Этому сосредоточенію собственности въ рукахъ сравнительно небольшаго числа фамилій содѣйствовало разореніе рыцарства, продававшаго свои земли преимущественно лордамъ въ виду того, что долгое время обладаніе рыцарскими помѣстьями было связано съ несеніемъ извѣстныхъ феодальныхъ обязанностей. Причины

разоренія рыцарства были довольно разнообразны. Во первыхъ, постепенная замѣна дарового барщиннаго труда трудомъ наемнымъ при заработной платѣ, обнаруживавшей постоянную тендецію къ повышенію, дѣлала веденіе хозяйства въ рыцарскихъ имѣніямъ затруднительнымъ, часто невыгоднымъ. Вторая причина этого разоренія была слѣдующая: хлѣбъ дешевѣлъ вслѣдствіе правительственныхъ запрещеній вывоза его заграницу, а вывозъ шерсти, наоборотъ поощрялся, такъ что шерсть сдѣлалась главнымъ предметомъ заграничной торговли, и замѣнять хлѣбопашество овцеводствомъ представляло поэтому большую выгоду, но только люди съ значительными денежными средствами, лорды и городскіе капиталисты, могли безъ потрясенія всего своего состоянія переходить отъ одного способа эксплуатаціи поземельной собственности къ другому, конкурировать съ ними рыцарямъ было не подъ силу, и имъ оставалось продавать свои земли лордамъ и городскимъ капиталистамъ. Замѣчательно, что это сосредоточеніе собственности въ рукахъ лордовъ совпадаетъ съ временемъ ослабленія ихъ политическаго значенія вслѣдствіе междоусобія алой и бѣлой розъ и образованія нѣкоторой соціальной розни. Дѣло въ томъ, что описанный процессъ разорвалъ тѣ старинныя узы, которыя связывали лорда съ его вассалами и фригольдерами, когда вмѣсто прежнихъ „держателей“, имѣвшихъ много общихъ интересовъ съ аристократіей и въ общегосударственныхъ дѣлахъ, и въ мѣстной жизни, стали все болѣе и болѣе играть роль фермеры безъ старыхъ традицій, съ интересами, часто враждебными интересамъ ландлордовъ, весьма часто по этому посылавшіе въ палату общинъ депутатовъ, настроенныхъ по отношенію къ лордамъ не особенно благопріятно. Между верхней и нижней палатами возникаетъ нѣкоторый антагонизмъ, и имъ пользуется королевская политика преимущественно при Тюдорахъ. Этотъ же антагонизмъ проявляется и въ той великой борьбѣ королевской власти съ парламентомъ, которая разразилась въ XVII столѣтіи. Съ другой стороны, введеніе

избирательнаго ценза въ 40 шиллинговъ (какъ мы видѣли, состоявшееся въ 1429 г.) раздѣлило все сельское населенiе Англiи на два класса, свидѣтельствуя о томъ, что прежняя группировка общества по сословiямъ не соотвѣтствовала болѣе распредѣленiю въ немъ богатства и благосостоянiя. Мы уже раньше познакомились съ процессомъ слiянiя старыхъ англiйскихъ сословiй, теперь мы видимъ еще образованiе экономическихъ классовъ, стоящихъ внѣ ихъ. Въ правящiй англiйскiй классъ, въ то дворянство плутократическаго характера, которое образовалось въ Англiи, нужно включить и высшее духовенство.

XVII. Церковное землевладѣнiе *).

Политическое и соцiальное значенiе духовенства и церковное землевладѣнiе.—Три главные вопроса, связанные съ разсмотрѣнiемъ этого значенiя.—Церковное землевладѣнiе и десятина.—Алчность прелатовъ и монастырей.—Причины антагонизма между дворянствомъ и духовенствомъ.—Мысль о секуляризацiи церковной и монастырской собственности.—Нападки на роскошь духовенства.—Новый способъ распоряженiя церковными доходами.—Сельское хозяйство на церковныхъ земляхъ.—Демократизмъ низшаго духовенства.—Духовенство и горожане.—Соцiальная оппозицiя противъ духовенства и ея слѣдствiя въ новой исторiи.

На средневѣковое духовное сословiе вмѣстѣ съ монашествомъ можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнiя по его двоякому положенiю въ обществѣ: съ одной стороны, архiепископы, епископы, аббаты, каноники, приходскiе священники и монахи всевозможныхъ орденовъ были соединены въ могучую церковную организацiю, имѣвшую своего главу въ папѣ, свое управленiе, свои законы, свои собранiя, свои интересы, свои традицiи, какъ организацiя, отличная отъ свѣтскаго общества и государства и даже поглощавшая въ себѣ отдѣль-

---

*) *Laurent.* L'église et la féodalité (VII т. его Etudes sur l'histoire de l'humanité).

ныя націи и государства, но съ другой, это было одно изъ сословій среди другихъ сословій одной и той же страны, особый чинъ или штатъ, представленный въ государственномъ сеймѣ, пользующійся особенными привилегіями, имѣющій свои собственные интересы и свои традиціи, какъ сословіе даннаго государства, т. е. какъ одна изъ составныхъ его частей. Вотъ съ этой-то, политической и соціальной точки зрѣнія мы и разсмотримъ теперь духовенство, оставляя точку зрѣнія церковную до другого времени, но и тутъ нужно сдѣлать одно ограниченіе. Политическая роль высшаго духовенства мало чѣмъ отличалась отъ политической роли дворянства, что и позволило намъ не выдѣлять его изъ феодальнаго класса, когда о немъ шла рѣчь. Многіе прелаты добивались положенія владѣтельныхъ князей, всѣ вообще епископы и аббаты были феодальными сеньерами; потомъ они появляются въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ или вмѣстѣ съ свѣтскимъ феодальнымъ сословіемъ (въ палатѣ лордовъ), или составляя особый штатъ или чинъ, который и считается первымъ въ государствѣ. Но въ положеніи духовенства (и между прочимъ въ церковномъ землевладѣніи) были и другія стороны, которыя заставляютъ насъ обратить вниманіе на политическое и соціальное значеніе духовнаго сословія, какъ сословія. Главное, о чемъ будетъ теперь идти рѣчь, сводится къ тремъ основнымъ явленіямъ, характеристичнымъ для разсматриваемой эпохи и тѣсно между собою связаннымъ. Первое явленіе— антагонизмъ между духовенствомъ и дворянствомъ, играющій вообще роль въ тогдашнихъ междусословныхъ отношеніяхъ съ ихъ политическими слѣдствіями и въ частности не лишенный значенія въ исторіи реформаціоннаго движенія XVI вѣка. Вторымъ явленіемъ, подлежащимъ разсмотрѣнію, будетъ измѣненіе хозяйственной системы среднихъ вѣковъ, прежде всего начавшее обнаруживаться на церковныхъ земляхъ и тѣмъ поставившее духовенство въ особое отношеніе

къ крестьянству. Наконецъ, къ этому нужно присоединить третье явленіе, имѣвшее важныя политическія и экономическія слѣдствія въ реформаціонную эпоху, когда въ нѣкоторыхъ государствахъ, въ протестантскихъ княжествахъ Германіи, въ Швеціи, въ Англіи и т. д., происходила секуляризація, отобраніе государствомъ церковной и монастырской собственности, возбуждавшей алчныя поползновенія и въ другихъ странахъ. Между прочимъ, мы не поймемъ, напр., вполнѣ ни того соціальнаго переворота, который совершался въ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени, ни общественной стороны религіозной реформаціи, заключающейся между прочимъ и въ сословномъ антагонизмѣ, существовавшемъ между свѣтскими классами общества и духовенствомъ, и въ политикѣ государственной власти по отношенію къ церковному и монастырскому землевладѣнію. Впрочемъ, о секуляризаціи удобнѣе будетъ говорить при изложеніи реформаціонной эпохи: то, о чемъ будетъ идти рѣчь дальше, могло бы быть озаглавлено такъ: 1) духовенство и дворянство и 2) духовенство и крестьяне.

Въ средніе вѣка церковь, какъ мы видѣли раньше, также подверглась процессу феодализаціи, т. е. духовенство и монастыри заняли въ обществѣ то же мѣсто, что и другіе крупные землевладѣльцы, и притомъ съ тѣми же правами, какія вообще давало землевладѣніе: они сдѣлались феодальными сеньерами, вассалами королей и князей, господами по отношенію къ народной массѣ. Церковное землевладѣніе, существовавшее уже въ Римской имперіи, сильно развилось въ средніе вѣка, и если бы обогащеніе духовенства и монастырей поземельною собственностью шло безъ всякихъ препятствій, то церковь могла бы сдѣлаться единственнымъ собственникомъ земли: такъ велики были пространства ея владѣній. Эти обширныя земли составлялись и изъ мелкихъ участковъ, отдававшихся церкви собственниками, которые искали у нея защиты и получали

отъ нея обратно свои участки на правахъ зависимаго владѣнія, — составлялись и изъ крупныхъ дареній со стороны королей, для которыхъ во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе было имѣть вассалами епископовъ и аббатовъ, чѣмъ свѣтскихъ бароновъ, — составлялись, наконецъ, и изъ пожертвованій, какія дѣлались ради спасенія души самими феодальными сеньерами, отдѣлявшими церкви часть своихъ земель. Съ точностью, конечно, нельзя сказать, какъ велики были церковныя владѣнія сравнительно съ доменами короны и свѣтскими сеньеріями, но можно смѣло утверждать, что, по крайней мѣрѣ, треть всей поземельной собственности была въ рукахъ прелатовъ и монастырей, а иногда и больше того, наприм., цѣлая половина (Англія). Притомъ земли духовенства въ общемъ могли только приращаться: ихъ отчужденіе было немыслимо въ силу юридическаго правила, по которому церковь могла только брать, но не имѣла права отдавать, а кромѣ того, для церковныхъ земель не существовало и того раздробленія собственности, которое было возможно среди свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Съ другой стороны, духовныя лица имѣли доходы—и нужно сказать, значительные доходы— и помимо того, что давали феодальное землевладѣніе и крестьянскіе оброки: между этими доходами самое важное мѣсто принадлежитъ единственному всеобщему налогу, взимавшемуся въ пользу церкви со всѣхъ земель, именно такъ называемой десятинѣ, которую уплачивали всѣ землевладѣльцы, причемъ только часть ея шла на содержаніе низшаго клира и благотворительность, а другая часть доставалась и безъ того богатымъ прелатамъ. Понятно, что церковь была очень богата, и что доходы ея въ общемъ превышали доходы дворянства. Къ этому нужно прибавить, что духовенство оказалось болѣе умѣлымъ въ веденіи сельскаго хозяйства, болѣе бережливымъ по отношенію къ своимъ доходамъ, менѣе расточительнымъ въ своихъ расходахъ, однимъ словомъ, было экономнѣе дворянства, а избытокъ своихъ средствъ церковь тратила на раздачу бѣднымъ, особенно въ

годины бѣдствій и неурожая, когда открывались ея запасные магазины, и даже въ обыкновенное время, такъ какъ монастырь былъ всегда готовымъ кровомъ для безпріютныхъ и обнищавшихъ, что придавало особое соціальное значеніе церкви, какъ великому благотворительному учрежденію.

Но эта благотворительная дѣятельность духовенства и монастырей развивалась только до поры до времени. Въ XIV и XV вв. общій голосъ обвинялъ церковь въ „порчѣ“, и мы еще увидимъ, какое важное историческое значеніе вообще принадлежитъ этому факту, въ тѣхъ же отношеніяхъ, которыя мы теперь разсматриваемъ, *порча проявилась въ алчности прелатовъ, въ ихъ любостяжаніи, въ ихъ отказѣ употреблять на бѣдныхъ избытки своихъ доходовъ*. Общее искаженіе, какому подверглись въ концѣ среднихъ вѣковъ церковныя учрежденія Запада, вызвало противъ духовенства и монашества оппозицію съ весьма различныхъ сторонъ, и между другими видами оппозиціи немаловажное мѣсто занимаетъ оппозиція соціальная. Общимъ ея лозунгомъ были жалобы на алчность и праздность клира, но каждое сословіе по своему понимало то, на что жаловалось весьма часто въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Не касаясь здѣсь городского населенія, о которомъ рѣчь будетъ идти еще впереди, мы видимъ, что у дворянства въ жалобахъ на любостяжаніе духовенства и монастырей звучитъ прямо нота завистливаго чувства, какое возбуждалось въ этомъ сословіи при видѣ богатства церкви, тогда какъ крестьянинъ жалуется на несправедливости, притѣсненія и обиды, какія чинили ему духовные въ качествѣ землевладѣльцевъ.

Итакъ, *церковное землевладѣніе возбуждало въ дворянствѣ завистливое чувство*, хотя это была не единственная причина неудовольствія свѣтской аристократіи противъ аристократіи духовной. Духовные пользовались десятиною, которая падала одинаково и на дворянскія, и на крестьянскія хозяйства, нерѣдко вызывая разнаго рода

столкновенія между сборщиками десятины и плательщиками. Съ этой стороны весьма любопытны споры, происходившіе въ теченіи двухъ столѣтій между польскою шляхтою и духовенствомъ, любопытны именно тѣмъ, что, начавшись еще въ XIV вѣкѣ, они достигли наибольшей силы въ серединѣ XVI вѣка, когда на сеймахъ происходила сильная борьба между рыцарствомъ и епископами, причемъ рыцарская оппозиція шла подъ знаменемъ протестантизма. Въ этой же борьбѣ видную роль игралъ и вопросъ о церковныхъ судахъ, въ коихъ шляхта видѣла нарушеніе своего права судиться только земскимъ судомъ и по земскому праву, и таже самая причина неудовольствія противъ духовенства существовала и въ другихъ странахъ, напр., въ Англіи, гдѣ въ началѣ XVI в. надѣлало большого шума присужденіе лорда Серрея къ церковному наказанію за несоблюденіе поста. Наконецъ, во многихъ странахъ дворянство недовольно было финансовыми привилегіями духовенства. Общимъ мнѣніемъ было то, что духовенство служитъ королю своими молитвами, дворянство проливаемою на войнѣ кровью, а народъ физическимъ трудомъ, но дворянство не особенно дружелюбно относилось къ такой службѣ духовенства тамъ, гдѣ само оно должно было платить или служить, а духовенство съумѣло создать для себя разныя изъятія. Таковы были въ общихъ чертахъ причины антагонизма, существовавшаго въ разныхъ государствахъ Европы, и притомъ гдѣ больше, гдѣ меньше, между дворянствомъ и духовенствомъ, но среди этихъ причинъ несомнѣнно первенствующее значеніе принадлежитъ тому отношенію, въ какое стало дворянство къ церковному землевладѣнію. Богатства духовенства и монастырей, слишкомъ сильно бросающееся въ глаза противорѣчіе между ихъ алчностью и идеаломъ евангельской бѣдности, вызывали противъ церковнаго землевладѣнія моральный протестъ въ предшественникахъ реформаціи, и уже намѣчались взгляды на этотъ предметъ, которые должны были создать и особую политическую точку зрѣнія на церковное землевладѣніе, позволившую въ

XVI в. произвести секуляризацію церковной собственности, но разъ подрывался самый принципъ духовнаго и монашескаго землевладѣнія, тѣмъ менѣе могло быть сдержекъ для того чувства, какимъ проникались дворяне при зрѣлищѣ экономической мощи прелатовъ и монастырей. Вмѣстѣ съ этимъ дворянство, переживавшее въ нѣкоторыхъ странахъ тяжелый хозяйственный кризисъ, не могло не видѣть, что его обѣдненіе находилось въ прямой связи съ обогащеніемъ церкви, такъ какъ многія церковныя земли были когда-то дворянскими, перешедшими въ руки церковныхъ лицъ путемъ даренія, большею частью посмертнаго, для спасенія души. Въ Англіи, напр., еще при Генрихѣ IV парламентъ представлялъ королю ходатайство на счетъ конфискаціи свѣтскихъ владѣній церквей и монастырей, и одной изъ причинъ популярности ученія Виклифа было его воззваніе къ отобранію церковныхъ имуществъ, причемъ землевладѣльческій классъ не скрывалъ своего стремленія поживиться на счетъ отобранныхъ имѣній. Въ 1410 г. рыцари графствъ прямо предложили королю и лордамъ конфисковать церковную и монастырскую собственность частью для обогащенія казны, частью для увеличенія численности знати и рыцарства, и равнымъ образомъ въ трактатахъ, приписываемыхъ самому Виклифу или его ученикамъ, выставляется на видъ, что конфискація владѣній клира и монастырей была бы только возвращеніемъ этихъ имѣній къ ихъ первоначальному назначенію служить постояннымъ фондомъ для вознагражденія служилаго сословія. Въ XVI вѣкѣ аналогичные мотивы въ пользу секуляризаціи проводятъ такіе члены рыцарскаго сословія въ Германіи, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Францъ фонъ-Зиккингенъ. Польская протестантская шляхта въ серединѣ XVI в. точно также указываетъ на церковныя земли, какъ на фондъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, и въ тоже время возникаетъ подобная же мысль и во Франціи, гдѣ предполагалось употреблять средства съ церковныхъ земель на воспитаніе неимущей молодежи. Мысль эта не была со-

вершенно нова, ибо то же самое происходило во французскомъ королевствѣ при послѣднихъ Меровингахъ, когда церковная собственность служила средствомъ для надѣленія бенефиціями служилыхъ людей королевства.

Само собою разумѣется, что все сказанное относится главнымъ образомъ, если не исключительно даже—къ высшему клиру, въ экономическомъ отношеніи рѣзко отличавшемуся отъ низшаго духовенства. Громадныя богатства, сосредоточенныя въ распоряженіи епископовъ, аббатовъ, каноников, давали имъ возможность вести роскошный образъ жизни: о такомъ образѣ жизни свидѣтельствуетъ и развитая въ XIV и XV в. сатира, и развивающіяся въ это же время моральныя обличенія предшествениковъ реформаціи, и чисто объективныя описанія быта духовныхъ лицъ, дошедшія отъ этой эпохи. Эта роскошь бросалась въ глаза, и было тутъ чему позавидовать и не для однихъ обѣднѣвшихъ рыцарей. Насмѣшки и обличенія, направленныя на алчность и роскошь служителей алтаря, находили сочувственный пріемъ и въ народной массѣ: церковное богатство создавалось и на ея счетъ, ибо хозяйничанье духовенства въ своихъ владѣніяхъ было именно такого рода, что крестьяне, жившіе на его земляхъ и отъ него зависѣвшіе, чувствовали на себѣ особую тяготу.

Въ болѣе отдаленныя времена церковные сервы находились, такъ сказать, въ привилегированномъ положеніи: съ ними ихъ духовные сеньеры и мягче обращались, и менѣе ихъ эксплуатировали. Владѣнія епископовъ, капитуловъ и монастырей были обширны, доходы, состоявшіе преимущественно изъ естественныхъ продуктовъ, весьма значительны, запасные магазины не пустовали, а при неразвитости денежнаго хозяйства ихъ некуда было и сбывать: оставалось кормить бѣдныхъ, которыхъ бывало немало при средневѣковыхъ неурожаяхъ и военныхъ разореніяхъ. Но времена измѣнились, натуральное хозяйство стало уступать мѣсто хозяйству денежному, — явленіе, на которомъ мы еще остановимся,—и та же самая причина, отъ коей зависѣлъ уже извѣстный

намъ переводъ барщинныхъ повинностей на денежный оброкъ въ Англіи, оказала вліяніе и на тотъ способъ, какимъ прелаты распоряжались своими доходами: на естественные продукты, накоплявшіеся въ амбарахъ церковныхъ помѣстій, явился спросъ, ихъ можно было продавать за деньги и за деньги же многое можно было купить, т. е. для избытковъ нашлось новое употребленіе, шедшее въ разрѣзъ и съ тою цѣлью, ради которой существовали земельная собственность церкви, десятина, эти достоянія бѣдныхъ, и съ прежними обычаями, и съ требованіями, предъявлявшимися со стороны моралистовъ, публицистовъ, сатириковъ и самого народа, но за то вполнѣ соотвѣтствовавшее коммерческому духу времени. Превращая въ деньги свои доходы и тратя деньги на роскошный образъ жизни, прелаты имѣли и тутъ избытокъ, превышеніе доходовъ надъ расходами: духовенство начинаетъ ссужать деньги, и, напр., въ Англіи около 1470 года въ обезпеченіе королевскаго долга вестминстерскому аббатству была отдана корона, которую пришлось выкупать для того, чтобы возможно было ее отослать во Францію ко дню предстоявшей коронаціи.

При такомъ направленіи, овладѣвавшемъ духовенствомъ, весьма было естественно, что и въ пользованіи своими землями оно заводило порядки, *существенным образомъ измѣнявшіе положеніе массы и ея отношеніе къ обработывавшейся ею почвѣ*. Мы познакомились уже съ экономическимъ процессомъ, происходившимъ въ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, но не оттѣнили того факта, что въ этомъ процессѣ обезземеленія крестьянъ играло роль и веденіе хозяйства на земляхъ, принадлежавшихъ церкви. Этотъ послѣдній фактъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, какъ вообще извлекало духовенство доходы изъ своихъ земельныхъ владѣній.

Духовная сеньерія въ общемъ была устроена такъ же, какъ и свѣтская: земли было много, но только часть ея обработывалась собственными средствами, скажемъ, наприм.,

монастыря, разумѣя подъ этими средствами, понятное дѣло, барщинный трудъ, коимъ были обязаны сервы, т. е. только часть территоріи была подъ собственнымъ хозяйствомъ монастыря, ибо другую часть составляли мелкія крестьянскія держанія, на коихъ велись самостоятельныя мелкія хозяйства и съ коихъ монастырь получалъ оброки. Все различіе между свѣтскимъ и духовнымъ помѣстьемъ могло заключаться и въ количествѣ земли, какое оставлялось сеньеромъ для собственнаго хозяйства, и въ качествѣ самого хозяйства. Не будетъ ошибкой сказать, что въ общемъ впервые помѣщичье хозяйство, какъ таковое, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ развивается на церковныхъ, въ частности на монастырскихъ земляхъ, а помѣщичье хозяйство было прототипомъ позднѣйшаго хозяйства фермерскаго. И впослѣдствіи духовенство не отставало до поры, до времени—отъ общаго движенія въ этой области, а иногда и опережало свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Такъ какъ экономическій процессъ вытѣсненія мелкаго крестьянскаго хозяйства (Англія) или обремененія поселянъ новыми повинностями (Германія) весьма тяжело отзывался на матеріальномъ быту народной массы, то для насъ понятно и озлобленіе, какое вызываютъ противъ себя духовные и монахи,—разумѣется, когда они дѣйствуютъ въ направленіи этого процесса. Выше уже было отмѣчено, что въ Англіи помѣщики стали предпочитать овцеводство земледѣлію, и въ этомъ дѣлѣ, повидимому, иниціаторами (а если и не иниціатарами, то во всякомъ случаѣ весьма ранними дѣятелями) были монастыри, такъ какъ аббаты имѣли обыкновеніе оставлять въ личномъ завѣдываніи цѣлыя помѣстья, прилегавшія къ монастырю, а извѣстно, какъ это отразилось на народномъ быту особенно въ XVI вѣкѣ. Въ XVI в. Томасъ Морусъ жаловался на овецъ, сживавшихъ съ земли цѣлыя селенія, и въ числѣ лицъ, которыя превращаютъ свои земли въ огороженныя пастбища, называлъ и аббатовъ. Въ другихъ отношеніяхъ духовенство, когда это было выгодно, упорно стояло за

старину, и напримѣръ во Франціи передъ революціей 1789 г. настоящіе сервы существовали главнымъ образомъ на земляхъ духовенства.—Не малую причину народнаго неудовольствія противъ духовенства по поводу отношеній чисто экономическихъ составляла десятина, при сборѣ которой допускались разныя несправедливости и притѣсненія.

Въ той народной оппозиціи клиру и монастырямъ, съ какою мы встрѣчаемся въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени, весьма часто ея вождями и истолкователями дѣлаются члены низшаго духовенства, обездоленные и загнанные. Во время крестьянскихъ волненій въ Англіи во второй половинѣ XIV в. на сторонѣ крестьянъ стояли такіе проповѣдники, какъ раньше упоминавшійся Балль, но онъ былъ не единственный проповѣдникъ въ томъ же направленіи изъ низшаго духовенства. И во Франціи во время выборовъ въ генеральные штаты 1789 г. сельскіе священники были близкіе народу люди, демократически настроенные, дѣйствовавшіе въ духѣ политическихъ и общественныхъ идей того времени.

Въ особыя отношенія становилось духовенство къ горожанамъ въ разныя эпохи среднихъ вѣковъ. Было время, когда епископы были сеньерами въ городахъ, но коммунальная революція освободила многіе города отъ ихъ власти. Затѣмъ возникли совершенно новыя отношенія, когда городское начальство стало обнаруживать стремленіе подчинить мѣстное духовенство установленнымъ въ городѣ порядкамъ, а послѣднее противилось этому, и въ малыхъ размѣрахъ разыгрывалась на малыхъ территоріяхъ своего рода борьба церкви съ государствомъ, принимавшая подчасъ весьма острый характеръ, когда, наприм., духовенство пользовалось своимъ орудіемъ отлученія, а городское начальство запрещало продавать духовнымъ съѣстные припасы: одною изъ причинъ такихъ столкновеній было нежеланіе клира что-либо уплачивать въ городскую казну съ недвижимой своей собственности.

Указаніе на эти отношенія можетъ служить переходомъ къ изображенію соціальнаго быта городовъ. Мы познакоми-

лись съ исторіей землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ классовъ, къ коимъ принадлежало и духовенство, какъ сословіе, распоряжавшееся громадною недвижимою собственностью, и между иными явленіями, характеризующими эту исторію, было отмѣчено то обстоятельство, что въ области сельскаго хозяйства въ эту эпоху замѣчался переходъ отъ натуральной системы къ денежной, и что духовенство въ этомъ отношеніи не отставало отъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Мы увидимъ теперь, что настоящимъ мѣстомъ, гдѣ развивалось и росло денежное хозяйство, былъ промышленный и торговый городъ. Но прежде нежели перейти къ разсмотрѣнію соціальной исторіи городскихъ классовъ, мы не можемъ обойти здѣсь молчаніемъ, что указанная оппозиція духовенству со стороны дворянъ, горожанъ и крестьянъ, оппозиція, имѣвшая чисто экономическую подкладку, оказала свое дѣйствіе, когда былъ поставленъ вопросъ о реформѣ церкви, и что этимъ подготовленъ былъ тотъ переворотъ, который вычеркнулъ духовенство въ странахъ, принявшихъ протестантизмъ, изъ числа землевладѣльческихъ классовъ, причемъ недвижимыя имущества церкви пошли на усиленіе государственныхъ средствъ и свѣтскаго землевладѣльческаго сословія. Въ этомъ состояла одна изъ важнѣйшихъ сторонъ религіозной реформаціи XVI вѣка, разсматриваемой съ точки зрѣнія политической и соціальной. Только въ государствахъ, оставшихся вѣрными католицизму, духовенство сохранило за собою свои земли и сеньерьяльныя права, связанныя съ землевладѣніемъ, но и здѣсь наступила пора, когда новое государство наложило свою руку на недвижимую собственность клира, и тутъ самымъ важнымъ моментомъ была французская революція. Отобраніе у клира и монастырей тѣхъ имѣній, коими они владѣли, было какъ бы насильственнымъ разрывомъ между церковью и тѣми феодальными отношеніями, какія продолжали у нея существовать съ той поры, когда прелаты были феодальными сеньерами, и въ этомъ

отношенiи оно имѣло важное историческое значенiе: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленiй наступившей въ концѣ среднихъ вѣковъ дефеодализацiи политическаго быта, и какъ мы увидимъ, силою, нанесшею ударъ церковному землевладѣнiю, было государство, въ данномъ случаѣ рѣшившееся на весьма крутую мѣру ради своего обогащенiя и награжденiя своихъ союзниковъ въ борьбѣ съ церковью, господство коей надъ государствомъ вообще поколебалось къ концу среднихъ вѣковъ. Можно сказать, что въ XV и XVI столѣтiяхъ церковное землевладѣнiе было осуждено въ принципѣ, вызывало противъ себя оппозицiю и со стороны дворянства, и со стороны народа, и государству легко было тамъ, гдѣ для него это было нужно, расторгнуть связь церковной организацiи съ остатками феодализма.

XVIII. Цехи *).

Экономическiй партикуляризмъ феодальнаго и муниципальнаго быта.—Зарожденiе денежнаго хозяйства.—Мелкое производство.—Цеховая организацiя.—Происхожденiе и политическое значенiе цеховъ.—Цеховая монополiя и регламентацiя производства.—Работа на мѣстный рынокъ.—Разладъ между подмастерьями и мастерами.—Разложенiе цеховой жизни извнѣ.—Народное недовольство въ городахъ.

Феодальная организацiя хозяйственнаго быта въ одномъ отношенiи вполнѣ соотвѣтствовала феодальной организацiи быта политическаго: и тотъ, и другой были бытомъ обособ-

*) Levasseur. Histoire des classes ouvrières cu France.-Faigniez. Histoire de l'industrie à Paris aux XII—XIII s.-Wilda. Das Gildenwesen im Mittelalter.-Arnold. Das Aufkommen des Handwerkstandes im Mittelalter-Neuberg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung in der Zeit vom XIII bis XVI Jahrh.—Schönberg. Zur wirthschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter.-Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht.-Ch. Gross. The gild merchant.-J. Malet Lambert. Two thusand of gild life. По исторiи промышленности и торговли въ началѣ новаго времени см. дополненiя проф. И. В. Лучицкаго къ Исторiи новаго времени Зеворта.

ленныхъ одна отъ другой территорій, обособленныхъ одна отъ другой группъ населенія,—обособленныхъ именно и политически, и экономически. И феодальная сеньерія, державшаяся натуральными повинностями и службами своего населенія, и крестьянскія общины, владѣвшія, какъ мы видѣли, лѣсами, пастбищами и водами, хотя и въ зависимости отъ сеньера, были общественными союзами, внутри которыхъ и совершался весь процессъ производства въ эпоху полнаго господства феодализма. Матеріальная жизнь членовъ крестьянской общины удовлетворялась тѣми продуктами, которые добывались ихъ трудомъ на ихъ землѣ, т. е. имъ нечего было покупать, да и продавать было некуда; почти то же самое можно сказать и о сеньерѣ, жившемъ натуральными оброками своихъ крестьянъ, содержавшемъ на эти оброки многочисленную дворню, среди коей были и ремесленники, изготовлявшіе все необходимое для жителей замка, т. е. платье, домашнюю утварь, вооруженіе и т. п., хотя, конечно, сеньеру кое-что приходилось добывать и на сторонѣ. Обособленность характеризуетъ и городской бытъ въ средніе вѣка. Эпоха образованія варварскихъ государствъ была временемъ обезлюденія городовъ и паденія торговли, но и потомъ, когда съ развитіемъ экономической жизни оживились городскіе промыслы, ими опять-таки главнымъ образомъ удовлетворялись мѣстныя потребности, даже тогда, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались торговые пункты, бывшіе центрами болѣе обширныхъ районовъ. Обвобожденіе городовъ, бывшее результатомъ уже нѣкотораго экономическаго развитія, въ свою очередь содѣйствовало подъему ихъ хозяйственнаго быта: въ городахъ впервые осуществился свободный трудъ, трудъ ремесленниковъ, вышедшихъ изъ служебныхъ отношеній къ феодальнымъ сеньерамъ, и города сдѣлались мѣстами, гдѣ ремесленники, служившіе раньше господамъ въ замкахъ, могли работать на себя, т. е. заработывать хлѣбъ продажей своихъ произведеній и городскому населенію, и феодальнымъ сеньерамъ прилегавшей къ городу территоріи,

въ же время покупая хлѣбъ у сельскихъ хозяевъ. Такимъ образомъ началось экономическое взаимодѣйствіе между городомъ и окружавшими его феодальными помѣстьями съ крестьянскими общинами, входившими въ ихъ составъ, и на почвѣ этого взаимодѣйствія зародилось денежное хозяйство, чуждое экономической сторонѣ феодализма. Мы уже видѣли, что къ концу среднихъ вѣковъ оно сдѣлало даже успѣхи въ сельскомъ быту: сюда мы должны отнести и переложеніе крестьянскихъ оброковъ и службъ на деньги, и отдачу земель въ наемъ за деньги же, и появленіе сельскихъ рабочихъ, живущихъ наемнымъ трудомъ, и начало фермерской обработки земли, требовавшей приложенія денежнаго капитала, и продажу монастырями сельско-хозяйственныхъ избытковъ, и обращеніе въ Англіи пахатныхъ земель въ пастбища для овецъ, дававшихъ шерсть для продажи,—все такія, уже извѣстныя намъ явленія, которыя указываютъ на возникновеніе въ сельской жизни новыхъ началъ, совершенно отличныхъ отъ соотвѣтствовавшей самому существу феодальнаго хозяйства системы. Но настоящіе успѣхи денежное хозяйство сдѣлало къ концу среднихъ вѣковъ въ городахъ: въ нихъ появляется денежный капиталъ, появляются капиталисты, а ихъ появленіе должно было подѣйствовать разлагающимъ образомъ и на феодальный бытъ. Тою дѣятельностью, которая создавала въ городахъ крупныя состоянія и классъ, получившій впослѣдствіи названіе буржуазіи въ болѣе узкомъ смыслѣ, была въ исходѣ среднихъ вѣковъ торговля, т. е. классъ капиталистовъ состоялъ главнымъ образомъ изъ купцовъ, тогда какъ промышленность продолжала еще жить чисто средневѣковой формой мелкаго производства, расчитаннаго на мѣстный сбытъ, хотя бы и здѣсь уже замѣчалась нѣкоторая перемѣна въ смыслѣ захвата капитализмомъ и обработывающей промышленности.

Существуетъ аналогія въ средніе вѣка между хозяйствомъ въ деревнѣ и въ городѣ: сельское хозяйство было въ рукахъ крестьянъ, сидѣвшихъ на мелкихъ участкахъ и только къ

концу среднихъ вѣковъ, эта форма пользованія землею начинаетъ (да и то не повсемѣстно) замѣняться фермерствомъ, при которомъ хозяинъ-капиталистъ велъ свое дѣло руками наемныхъ рабочихъ. Въ промышленномъ быту фермерству впослѣдствіи соотвѣтствовала (въ экономическомъ смыслѣ, разумѣется) мануфактура: и здѣсь былъ предприниматель, обладавшій капиталомъ, и были наемные рабочіе. Развитіе мануфактуръ принадлежитъ уже новому времени, а средневѣковая промышленная жизнь отмѣчается, какъ характернымъ своимъ признакомъ, преобладаніемъ мелкаго производства, находившимся въ рукахъ хозяевъ-ремесленниковъ. Эта черта проявляется главнымъ образомъ въ цеховой организаціи городскихъ промысловъ.

Не входя въ подробности, можно такъ представить себѣ цеховое устройство и его значеніе, причемъ мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ цехъ нѣмецкій. Въ каждомъ городѣ ремесленники группировались въ цехи, т. е. въ союзы представителей одного и того же ремесла: цехъ устанавливалъ между ними солидарность и не давалъ возникнуть крупному производству, такъ какъ ремесла были въ рукахъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ (мастеровъ, Meister, maître) съ ихъ младшими товарищами (подмастерьями, Geselle, compagnon) и учениками (Lehrling, apprenti), и цеховые уставы ограничивали число подмастерьевъ и учениковъ у одного и того же мастера, такъ что послѣднему невозможно было въ рамкахъ, налагавшихся на его дѣятельность цехомъ, расширить свое производство, а потому и доходы всѣхъ мастеровъ были болѣе или менѣе одинаковы. Это была одна сторона цеховой организаціи, выгодная для рабочаго люда. Другая выгода этого устройства заключалась въ томъ, что въ цехѣ долженъ былъ работать каждый, и не было рѣзкой границы между хозяиномъ и его рабочими, такъ какъ работалъ и самъ мастеръ, а его рабочіе могли безъ особаго труда сдѣлаться сами мастерами. Хотя только мастеръ былъ полноправнымъ членомъ цеха, но мастеромъ могъ

сдѣлаться тотъ, кто самъ былъ раньше ученикомъ и подмастерьемъ, а съ другой стороны, цеховое устройство ставило рабочаго лишь временно въ положеніе наймита, открывая каждому доступъ къ званію мастера, т. е. къ возможности самому сдѣлаться хозяиномъ. Дѣло происходило такъ. Ученикъ поступалъ въ выучку къ мастеру на опредѣленный срокъ, по прошествіи коего мастеръ представлялъ цеху доказательства умѣлости ученика въ данномъ ремеслѣ, и цехъ возводилъ его въ званіе подмастерья. Подмастерье уже получалъ плату за свой трудъ и могъ мѣнять хозяевъ, оставаясь однако въ зависимости отъ цеха, какъ его неполноправный членъ. Чтобы сдѣлаться мастеромъ, онъ долженъ былъ выдержать испытаніе въ ремеслѣ, и результаты этого испытанія разсматривались въ коммиссіи мастеровъ цеха. Вновь принятый мастеръ получалъ право работать самостоятельно и участвовать въ цеховыхъ собраніяхъ. На мастера цехъ налагалъ и извѣстныя обязанности, опредѣлявшіяся уставомъ: между прочимъ цеховой статутъ установлялъ и подробности самаго производства, въ силу чего цехъ контролировалъ доброкачественность товара, производившагося его членами, и чинилъ судъ надъ тѣми, которые отступали отъ устава. Контролемъ своимъ цехъ ограждалъ интересы потребителей, для которыхъ было выгодно и непосредственное соприкосновеніе съ производителями, такъ какъ между тѣми и другими не было перекупщиковъ, создававшихъ свое благополучіе на дешевой куплѣ товара у однихъ и на дорогой его продажѣ другимъ. Техника производства страдала отъ мелочной регламентаціи ремеслъ цеховыми уставами, и мелкое производство (какъ и мелкое хозяйство) вообще было менѣе способно къ техническимъ улучшеніямъ, но за то цехи давали ремесленному классу организацію, при которой орудія производства не были отдѣлены отъ представителей труда. Не принадлежа къ цеху, не подчиняясь его уставу, никто не могъ заниматься ремесломъ; заниматься имъ имѣлъ право

лишь тотъ, кто умѣлъ самъ работать; ограниченное число рабочихъ въ каждомъ отдѣльномъ заведеніи ограждало многія мелкія производства отъ поглощенія однимъ крупнымъ, и въ томъ же направленіи дѣйствовало—подчасъ, правда, вредное для техническихъ успѣховъ—строгое отграниченіе близкихъ одно отъ другого ремеслъ, ибо дѣлало невозможнымъ крупное предпріятіе, требовавшее соединенія подъ однимъ управленіемъ нѣсколькихъ спеціальностей. Цеховое устройство, расчитанное на непосредственный сбытъ хозяевами мелкихъ ремесленныхъ заведеній на мѣстномъ рынкѣ, было съ этой стороны продуктомъ экономическаго партикуляризма, о которомъ было сказано выше, а торговля между отдѣльными городами и странами Европы и съ отдаленнымъ Востокомъ, создававшая для экономическаго оборота болѣе обширную арену, чѣмъ городъ съ его маленькимъ рыночымъ райономъ,—торговля, вносившая начала денежнаго хозяйства и въ промышленность, была какъ разъ тѣмъ факторомъ, который дѣйствовалъ разлагающимъ образомъ на цеховую организацію.

Такова была въ общихъ и существенныхъ чертахъ эта организація, процвѣтавшая въ исходѣ среднихъ вѣковъ, но уже и начинавшая когда же обнаруживать признаки будущаго паденія. Прежде нежели, однако, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этихъ признаковъ, остановимся еще нѣсколько на самомъ устройствѣ цеха, чтобы понять его происхожденіе, оцѣнить его политическую роль въ городской жизни и дополнить нѣсколькими подробностями то общее о немъ представленіе какое дано выше. Ограничимся во всемъ этомъ однимъ самымъ необходимымъ и характернымъ.

Кромѣ экономической стороны, которую мы нарочно выдвигаемъ на первый планъ, цехи имѣли еще значеніе благотворительныхъ учрежденій и политическихъ союзовъ. Первымъ моментомъ въ ихъ образованіи было религіозное соединеніе рабочихъ одного и того-же ремесла: они выбирали себѣ въ патроны того или другого святого, изображеніе коего

ставили въ церкви, устраивая праздникъ въ день его памяти; такимъ покровителемъ плотниковъ былъ, напр., св. Іосифъ. Значеніе такого союза было благотворительное: изъ общихъ взносовъ составлялась касса для помощи заболѣвшимъ или впавшимъ въ какое-либо бѣдствіе товарищамъ. Монополизація ремесла присоединилась позднѣе къ этимъ товарищескимъ общеніямъ, выросшимъ подъ сѣнью церкви, а источниками этой монополизаціи могли быть или собственные интересы участниковъ, или право сеньеровъ отдавать на откупъ извѣстныя ремесла. Въ послѣднемъ случаѣ цеховая монополія прямо развивается на почвѣ сеньерьяльныхъ правъ феодальнаго владѣльца. Во Франціи, напр., гдѣ города были дольше въ феодальной зависимости, цехи получали свои права нерѣдко отъ сеньеровъ, позволявшихъ довольно часто заниматься извѣстнымъ промысломъ только лицамъ, взявшимъ у нихъ это право на откупъ. Даже въ деревняхъ, какъ мы видѣли, существовали монополіи, обозначавшіяся названіемъ баналитетовъ въ родѣ баналитета печи, въ силу котораго только арендаторъ сеньерьяльной банальной печи имѣлъ право печь хлѣбъ. Но каково бы ни было происхожденіе цеховъ, какъ товарищескихъ союзовъ съ монопольными правами, они получили и политическое значеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представляли изъ себя организацію рабочаго класса въ борьбѣ съ городскимъ патриціатомъ. Въ свое время нами было отмѣчено, что въ городахъ образовалось два различные класса, изъ коихъ только одинъ пользовался полными правами гражданства, замкнувшагося, благодаря этому, въ ограниченное число фамилій. Притомъ въ силу общаго строя средневѣковой жизни, требовавшаго, чтобы каждый человѣкъ былъ, такъ сказать, привязанъ или къ землѣ (крѣпостничество), или къ другому человѣку (вассалитетъ), или къ какой нибудь общинѣ либо корпораціи, для пользованія гражданскими правами недостаточно было простой осѣдлости или уплаты городскихъ налоговъ, а нужно было принадлежать къ какой-либо гильдіи или цеху, представлявшимъ изъ

себя въ городской жизни своего рода административныя и судебныя единицы. Эта-то организація и дозволила ремесленникамъ добиваться права участвовать въ городскомъ управленіи путемъ борьбы, составляющей одну изъ интересныхъ страницъ въ исторіи, напр., нѣмецкихъ городовъ (съ XIV в.). Во время этой борьбы цеховъ съ городскими совѣтами, состоявшими изъ членовъ купеческихъ гильдій, мастера особенно заботились о поддерженіи хорошихъ отношеній съ подмастерьями и учениками, давали имъ разныя льготы. Весьма часто ремесленники побѣждали, и результатомъ этого бывало допущеніе цеховыхъ представителей въ городское управленіе: можно сказать, что цехи воспитывали низшій классъ городского населенія для общественной жизни. Мало того: въ безправныя времена, когда отдѣльная личность ради защиты своей должна была становиться подъ покровительство какого-либо сильнаго человѣка, цехъ представлялъ собою новую форму самозащиты, именно самозащиты путемъ соединенія слабыхъ, и цехъ оказывалъ покровительство своимъ членамъ, оказывалъ имъ и помощь матеріальную въ случаѣ болѣзни, разоренія и т. п.

Дѣлая характеристику экономическаго и политическаго значенія цеховъ, я имѣлъ въ виду преимущественно Германію, но и въ другихъ странахъ повторяются существенныя черты этого устройства быта городскихъ ремесленниковъ. Дополнимъ теперь это общее изображеніе нѣкоторыми частными подробностями, заимствуя ихъ изъ разныхъ странъ и имѣя во виду необходимость выясненія причинъ позднѣйшаго разстройства цеховой жизни. Остановимся прежде всего на цеховой монополіи, или на цеховомъ принужденіи (Zunftzwang), въ силу котораго нельзя было заниматься ремесломъ безъ вступленія въ цехъ. Если, напримѣръ, ремесленникъ устраивалъ мастерскую для выдѣлки сукна на своемъ станкѣ, независимо отъ цеха, то его могли насильно удалить изъ той мѣстности, въ которой онъ жилъ или появлялся. Другая черта цеховой организаціи заклю-

чалась въ томъ, что одно ремесло было строго отдѣлено отъ другого, хотя бы и весьма къ нему близкаго, въ силу чего и не могли возникать мануфактуры, требовавшія сосредоточенія разныхъ производствъ подъ однимъ управленіемъ. Пряжей шерсти, напр., занимался одинъ цехъ, выдѣлкою изъ нея сукна—другой, а окраскою этого сукна—третій. Въ Парижѣ въ XIII вѣкѣ были три особыхъ цеха для выдѣлки четокъ: одинъ выдѣлывалъ четки изъ костей и раковинъ, другой—изъ кораллов, третій—изъ камня. Каждый, далѣе, долженъ былъ оберегать тайну своего ремесла и вступающій въ цехъ былъ обязанъ поэтому давать клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать его секреты. Особенно это считалось необходимымъ въ виду того, что ученикъ, получивши званіе подмастерья, могъ начать странствовать по другимъ городамъ. Наприм., по религіозному характеру весьма интересенъ цехъ каменьщиковъ или гильдія строителей (преимущественно храмовъ), жившихъ иногда прямо на мѣстѣ постройки, гдѣ эти francs maçoncs (вольные каменьщики) строили для себя лачужки (ложи). Многіе обряды позднѣйшихъ франмассоновъ ведутъ свое начало отъ этихъ гильдій. Цеховыя постановленія обыкновенно записывались, и такимъ образомъ возникали уставы цеховъ, иногда очень древніе. Напр., въ XIII в. во Франціи Стефанъ Буало составилъ собраніе уставовъ почти 100 ремесленныхъ корпорацій существовавшихъвъ Парижѣ (Grand livre des mêtiers). Въ Германіи составленіемъ такихъ сводовъ занимались преимущественно въ XIV в. По большей части эти уставы ведутъ свое начало изъ тѣхъ временъ, когда еще мы не встрѣчаемъ антагонизма между мастерами и подмастерьями, проявившагося впослѣдствіи. Въ связи съ этой монополизаціей производства, закрѣплявшейся цеховыми уставами, стояла и его регламентація, исходившая изъ соображенія, что цехъ долженъ отвѣчать за доброкачественность продуктовъ своихъ членовъ. Поэтому на продукты накладывалось особое клеймо. Каждый цехъ имѣлъ свой знакъ, которымъ могъ отмѣчать произведенія своихъ членовъ. Эта регламентація должна была,

конечно, стѣснятъ производство, потому что всѣ мастера обязаны были работать по заранѣе опредѣленному образцу. Напр., парижскіе ножевщики, которые дѣлали и ручки къ ножамъ, не имѣли права украшать костяныя ручки серебромъ или золотомъ, такъ какъ можно было скрыть подъ металломъ плохую кость и выдать ее за слоновую. Цеховые мастера работали главнымъ образомъ на мѣстный рынокъ. Развитію мелкаго производства, расчитаннаго на удовлетвореніе потребностей мѣстныхъ покупателей содѣйствовало то обстоятельство, что крупная торговля въ средніе вѣка существовала только по отношенію къ предметамъ иностраннаго ввоза и вывоза. Кто хотѣлъ купить что-либо, покупалъ прямо у мѣстнаго мастера. Только впослѣдствіи сукно и нѣкоторые другіе товары сдѣлались предметомъ оптовой торговли. Дѣло въ томъ, что въ эпоху процвѣтанія цеховъ не существовало дѣятельнаго обмѣна между продуктами отдѣльныхъ городовъ, такъ что цехъ почти исключительно работалъ на свой городъ и ближайшій округъ.—Уже въ концѣ среднихъ вѣковъ происходитъ разложеніе цеховъ, какъ извнутри, такъ и извнѣ. Въ Германіи, напр., солидарность между отдѣльными чинами цеха была сильна въ XIV в., когда происходила борьба ремесленниковъ съ патриціатомъ. Въ это время подмастерья получили всѣ права, которыя дѣлали выгоднымъ ихъ положеніе. Но борьба окончилась, и въ XV в. мы присутствуемъ, при началѣ внутренняго разложенія цеховъ. Мастера, единственные полноправные члены цеховъ, все еще хлопочутъ объ уничтоженіи крупнаго производства и стараются ограничить число учениковъ у отдѣльныхъ хозяевъ, но по отношенію къ нимъ самимъ цеховые уставы дѣлаются все болѣе и болѣе снисходительными, а по отношенію къ прочимъ членамъ цеха наоборотъ все болѣе и болѣе строгими. Срокъ ученія увеличивается (иногда, впрочемъ, оттого, что самое ремесло развивается), а это увеличеніе срока было выгодно для мастеровъ, потому что давало имъ больше дарового труда. Мастера, далѣе, всячески придираются къ

подмастерьямъ, но въ тоже время дѣлаютъ всякія льготы для своихъ сыновей. Подмастерье, становясь мастеромъ, долженъ былъ вносить большую сумму въ пользу цеха, сумму, значительно уменьшавшуюся для сыновей мастеровъ. И вообще мастера перестаютъ смотрѣть на подмастерьевъ, какъ на своихъ товарищей. Это общее ухудшеніе участи послѣднихъ лучше всего видно изъ того, что и они начинаютъ заключать между собою особые союзы, имѣвшіе цѣлью взаимную помощь и посредничество въ случаѣ столкновеній между ними и ихъ хозяевами. Разсматриваемый переворотъ въ жизни цеховъ происходитъ главнымъ образомъ въ XV в., особенно же къ концу его, когда развивается и другое вредное для цеховъ явленіе. Такъ какъ каждый продуктъ до своего появленія на рынкѣ проходилъ черезъ руки нѣсколькихъ цеховъ, (занимавшихся, напр., пряжей, тканьемъ, окрашеніемъ, то должны были образоваться, такъ сказать, спеціальности высшія и низшія. Чтобы придать продукту окончательную обработку, нужно было больше умѣнья, чѣмъ вначалѣ, и вотъ рабочіе низшей спеціальности начинаютъ переходить и на низшую ступень общественнаго строя. Такимъ образомъ уже внутри самихъ цеховъ мы наблюдаемъ разложеніе старыхъ основъ, но и извнѣ точно также дѣйствовала одна сила, которая способствовала разложенію цеха. Этою силою явилось купеческое сословіе, организованное въ гильдіи и съ развитіемъ торговыхъ сношеній начавшее принимать непосредственное участіе не только въ продажѣ, но и въ производствѣ товаровъ. Напр., купецъ заказываетъ всѣмъ мастерамъ одного цеха извѣстное количество товара, но недодѣланнаго, т. е. такого, которому еще остается придать окончательную обработку. Послѣднюю купецъ беретъ уже на себя и отъ себя же отправляетъ на рынокъ громадное количество даннаго товара. Такимъ образомъ между производителемъ и потребителемъ становится предприниматель, что конечно, невыгодно отзывается на работникахъ, имѣвшихъ прежде дѣло съ покупателемъ непосредственно. Затѣмъ возникаютъ и заведенія въ родѣ

позднѣйшихъ фабрикъ, въ коихъ работаетъ большое количество наймитовъ, при чемъ предприниматели пользуются увеличившимся предложеніемъ дешеваго труда, множествомъ свободныхъ рукъ, появившихся въ городахъ вслѣдствіе экономическаго переворота въ деревняхъ, и начинаютъ конкурировать съ цехами. Вотъ почему, напр., въ Германіи въ XV в. мы постоянно слышимъ жалобы на появленіе купцовъ, разоряющихъ народъ, но напрасно ландтаги запрещали монополизацію и произвольное возвышеніе цѣнъ на товары ихъ скупщиками, ибо запрещенія эти ни къ чему не приводили. А между тѣмъ въ ремесленныхъ цехахъ еще жива была память о прежнемъ благосостояніи, вслѣдствіе чего броженіе въ нихъ противъ купеческой аристократіи было очень сильно. Ремесленное сословіе обращается за защитою своихъ интересовъ къ церкви, но духовенство въ XV и XVI вв. само выступало въ роли притѣснителей народа. Неудовольствіе низшаго сословія и успѣхъ реформаціи въ нѣмецкихъ городахъ въ XVI в. объясняются именно антагонизмомъ противъ духовенства и купцовъ. Поэтому же и тогдашнее сектантство съ программою соціальнаго переворота, пользовавшееся успѣхомъ среди крестьянъ, имѣло его и въ низшемъ городскомъ классѣ. Тотъ же процессъ, что происходилъ въ Германіи, наблюдается и въ Англіи, и во Франціи. Въ первой изъ этихъ двухъ странъ особенно быстро должно было совершаться разложеніе цеховъ, потому что открѣпленіе крестьянъ отъ земли гнало ихъ на заработки въ города, чѣмъ пользовались и капиталисты для того, чтобы заводить крупныя промышленныя предпріятія, и мастеры для своего выдѣленія въ ремесленную аристократію. Для рабочаго люда доступъ къ званію мастера все болѣе и болѣе затрудняется: образцовая работа требуется такая, что только немногіе могутъ ее выполнить, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтей самихъ мастеровъ освобождаютъ отъ этой тяготы. Начинаютъ, далѣе, продавать званіе мастера просто за деньги, чтобы обогатить цеховую казну, которою пользуются опять-таки одни мастера. Изчезаютъ, наконецъ, прежнія

товарищескія отношенія къ подмастерьямъ и замѣняются эксплуатаціей. Внутренніе безпорядки цеховой жизни заставили и само правительство вмѣшиваться въ дѣла цеховъ и регламентировать ихъ производство своими постановленіями, но вмѣшательство это открывало путь къ тому, что правительство (особенно во Франціи) стало продавать за деньги званіе мастера или патенты на занятіе извѣстнымъ производствомъ.

XIX. Денежное хозяйство *).

Городскіе капиталисты въ новое время.—Ихъ отношенія къ аристократіи, народу и государству.—Привилегированныя гильдіи въ средніе вѣка.—Средневѣковая торговля.—Ея главные пути.—Развитіе купеческаго класса.—Кредитъ и денежный ростъ въ средніе вѣка.—Слѣдствія открытія Америки.—Зарожденіе меркантилизма.—Намѣчающаяся политика по отношенію къ рабочему классу.—Культурное значеніе выдѣленія буржуазіи.—Переходъ къ послѣдующему.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ только-что намѣчается происшедшее уже въ новое время развитіе крупной промышленности и соединенное съ нимъ возникновеніе промышленнаго капитала и класса крупныхъ предпринимателей, неизвѣстнаго въ эпоху полнаго господства цеховой организаціи. Въ средніе вѣка обладаніе большими денежными капиталами могло быть результатомъ главнымъ образомъ торговли, такъ что слова купецъ и капиталистъ были почти синонимами, но въ новое время происходитъ, какъ только что было сказано, развитіе капиталистическаго производства,

*) *Бэръ*. Исторія всемірной торговли. (*Beer*. Allgemeine Geschichte des Welthandels). *Falke*. Die Geschichte des deutschen Handels,—*Pigeaunneau*. Histoire du commerce de la France.

отражающееся на разныхъ сторонахъ общественнаго быта. Уже не разъ выше приходилось отмѣчать замѣну натуральнаго хозяйства феодальной эпохи денежнымъ хозяйствомъ новаго времени, и вотъ въ связи съ этою замѣною находятся два явленія, коими опредѣляется положеніе класса капиталистовъ и по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ, и по отношенію къ ремесленному классу. До появленія денежнаго капитала главною экономическою опорою соціальной мощи было землевладѣніе, съ коимъ въ эпоху полнаго господства феодализма соединялось даже и обладаніе верховною властью, а съ паденіемъ политическаго феодализма—во всякомъ случаѣ господствующее положеніе въ обществѣ: капиталъ является другою экономическою основою соціальной силы, и рядомъ съ землевладѣльческимъ дворянствомъ развивается капиталистическая буржуазія, соперничество между коими имѣетъ столь важное значеніе въ соціальной исторіи новаго времени, представляя изъ себя на экономической почвѣ продолженіе того антагонизма, которой проявился раньше въ политической сферѣ между феодальной сеньеріей и муниципальной общиной. Съ другой стороны, развитіе крупнаго производства создало раздѣленіе въ промышленномъ классѣ, отдѣливъ интересы капиталистовъ-предпринимателей отъ интересовъ наемныхъ рабочихъ, что было явленіемъ невѣдомымъ цеховому устройству среднихъ вѣковъ. Благодаря всему этому, образовался дѣйствительно какъ-бы особый классъ, занявшій среднее положеніе между землевладѣльческою аристократіей (духовной и свѣтской) и народомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ: отъ аристократіи этотъ классъ отличался отсутствіемъ привилегій, оставшихся за нею, какъ соціальное наслѣдіе феодализма, отъ народа, особенно отъ обезземеленныхъ крестьянъ и отъ городского пролетаріата—своею имущественною состоятельностью, приближавшею его къ аристократіи. Понятное дѣло, что въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ новѣйшее время этотъ

общественный классъ былъ далеко не одно и тоже, въ частности же зародыши его мы должны видѣть не въ крупныхъ промышленныхъ предпринимателяхъ,—которыхъ и не существовало,—а въ купцахъ, ведшихъ обширную торговлю. Рядомъ съ двумя только-что отмѣченными явленіями нужно поставить и третье: буржуазія становится въ особыя отношенія не только къ землевладѣльческому и рабочему классамъ, но къ самому также государству: государство новаго времени при расширеніи своей дѣятельности все болѣе и болѣе стало нуждаться въ деньгахъ, и тотъ общественный классъ, который обладалъ деньгами, вслѣдствіе этого могъ начать играть особую роль въ государствѣ. Намъ придется еще видѣть, какъ государство новаго времени стало покровительствовать развитію крупныхъ предпріятій въ области промышленности и торговли, что въ свою очередь способствовало росту общественнаго класса, все соціальное значеніе котораго заключалось именно въ обладаніи капиталами. Это постепенное развитіе буржуазіи въ новое время, ранѣе всего обнаружившееся изъ трехъ странъ, политическія и соціальныя отношенія коихъ мы разсматривали до сихъ поръ, въ Англіи, принимало разныя формы и отражалось на разныхъ сторонахъ быта. Между прочимъ, разбогатѣвшіе горожане стали устремляться и въ деревни, гдѣ арендою или покупкою земель и сеньерьяльныхъ правъ до извѣстной степени обезсиливали потомковъ феодальныхъ владѣльцевъ.

Появленіе промышленнаго капитала—фактъ, относящійся къ новому порядку вещей въ сферѣ экономическихъ отношеній: ему предшествуетъ эпоха, когда крупные капиталы создавались исключительно путемъ торговыхъ операцій. Прежде нежели мы коснемся средневѣковой торговли съ точки зрѣнія ея соціальнаго значенія, намъ нужно еще остановиться на одномъ явленіи, имѣющимъ отношеніе и къ цеховой организаціи промышленности, и къ зарожденію буржуазіи въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ,

что въ отдѣльныхъ городахъ существовали цехи болѣе важные и менѣе важные, и что одни сравнительно съ другими занимали и болѣе привилегированное положеніе въ городскомъ быту. Конечно, парижскіе ремесленники, работавшіе надъ выдѣлкою четокъ, причемъ самый промыселъ этотъ дробился еще на отдѣльныя спеціальности, не могли ни значительно обогащаться, ни играть выдающейся роли въ жизни города, но были за то цехи, которые по весьма понятнымъ причинамъ выдвигались изъ другихъ подобныхъ корпорацій и составляли своего рода аристократію среди ремесленнаго класса. Въ Парижѣ, напр., такое положеніе заняли въ средніе вѣка булочники, мясники, суконщики, золотыхъ дѣлъ мастера и т. п., а напр., мясники пытались даже играть и политическую роль. Ихъ корпорація, дѣйствительно, имѣла весьма прочную организацію и пользовалась значительнымъ вліяніемъ. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ ихъ заведенія были расположены на правомъ берегу Сены и составляли то, что стало называться „la grande Boucherie", а церковь св. Іакова, находившаяся въ этой мѣстности, стала обозначаться, какъ Saint Jacques la Boucherie (ея башня существуетъ и понынѣ). Этой корпораціи удалось получить почти монопольныя права, что было довольно затруднительно при существованіи въ Парижѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ одна отъ другой юрисдикцій. Напр., аббатства Saint-Germain des-Prés и Saint-Martin устроили собственныя бойни въ своихъ кварталахъ; „большой бойнѣ" пришлось съ этимъ примириться, но она была счастливѣе въ своемъ процессѣ съ аббатиссой Монмартрскаго монастыря и съ храмовниками, коимъ принадлежалъ особый кварталъ (Temple). Въ 1413 г. мясники и ихъ рабочіе, а между ними особенно l' écorcheur Caboche, потребовали, какъ мы уже видѣли, цѣлаго ряда реформъ (l'ordonnance cabochienne). Еще болѣе, чѣмъ мясники, имѣла значенія въ Парижѣ торговая гильдія, парижская „ганза", носившая названіе „marchandise de l' eau", т. е. корпорація купцовъ, занимавшихся торговлею на Сенѣ и имѣвшихъ монопольное право перевозки товаровъ по этой рѣкѣ.

16

Отъ этой корпораціи находились въ экономической зависимости многія другія корпораціи, такъ какъ безъ нея они не могли обходиться. Во главѣ „marchandise de l'eau" стоялъ prévôt des marchands, сдѣлавшійся мэромъ Парижа, и извѣстный намъ Стефанъ Марсель, ставшій въ серединѣ XIV в. во главѣ цѣлаго политическаго движенія, былъ именно такимъ купеческимъ головой Парижа. Такое же корпоративное устройство имѣли въ Парижѣ, замѣтимъ кстати, и представители научныхъ занятій, ибо изъ нихъ образовался на лѣвомъ берегу Сены университетъ съ выборнымъ начальствомъ и юрисдикціей не только надъ своими членами, учащими и учащимися, но и надъ всѣми, жившими въ „латинской странѣ" (теперешній quartier latin) и имѣвшими отношенія къ университету въ качествѣ квартирныхъ хозяевъ, книгопродавцевъ и т. п. Одной изъ принадлежавшихъ ему привилегій было ограниченіе торговли пергаменомъ правомъ университета прежде другихъ запасаться этимъ товаромъ на ярмаркѣ въ С. Дени, но совершенно такъ же и продавцы шерсти не могли начать торговлю своимъ товаромъ, пока послѣднимъ не запасался цехъ суконщиковъ. Подобныя привилегированныя корпораціи существовали и въ другихъ городахъ Франціи. То же самое мы находимъ и въ Англіи, гдѣ существовали свои привилегированныя „гильдіи". Неодинаковое ихъ значеніе въ городской жизни явствуетъ хотя бы изъ того, что въ Лондонѣ было четыре гильдіи (среди нихъ суконщики и золотыхъ дѣлъ мастера), посылавшія въ городской совѣтъ по шести выборныхъ, двѣнадцать гильдій, отъ коихъ являлось туда по 4 представителя, тогда какъ остальныя имѣли право лишь на двоихъ депутатовъ. Любопытно, что среди этихъ гильдій мы не встрѣчаемъ особой гильдіи крупныхъ торговцевъ, производившихъ вывозъ товаровъ. Это объясняется тѣмъ, что торговля по Темзѣ велась иностранными купцами (ганзейскими, фламандскими, итальянскими), и потому въ Лондонѣ не было корпораціи, соотвѣтствовавшей парижской marchandise de l'eau. Мало того: англійское законодательство, вообще не да-

вавшее развиться крупной промышленности на счетъ благосостоянія рабочаго люда, относилось неблагопріятно и къ крупной торговлѣ. Отдѣльные богатые купцы, разумѣется, были, но ихъ было немного, и на нихъ смотрѣли, какъ на какихъ-то общественныхъ паразитовъ. Они допускались къ товару не раньше того, какъ выставленный на рынкѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней, онъ пріобрѣтался мѣстными жителями въ томъ количествѣ, въ какомъ былъ имъ необходимъ, и потому оптовая торговля продуктами внутренняго производства была невозможна: она оставалась только для привозныхъ товаровъ, которые и скупались оптомъ такъ называемыми grossers или grossiers, составлявшими особую гильдію. Хотя она и заняла первенствующее положеніе среди другихъ гильдій, но ея значеніе въ политическомъ смыслѣ было ничтожно: правительство по своему усмотрѣнію облагало гроссеровъ „беневоленціями", т. е. добровольными (конечно, лишь по имени) подарками и принудительными займами. Этотъ примѣръ показываетъ, что въ странѣ, которая впослѣдствіи сдѣлалась главной представительницей капиталистическаго производства, *накопленіе крупныхъ капиталовъ было возможно на первыхъ порахъ лишь путемъ оптовой торговли и преимущественно предметами ввоза.*

Внутренняя торговля въ среднихъ вѣка вообще была развита мало. Системѣ натуральнаго хозяйства, мелкаго производства, работы на мѣстный рынокъ, непосредственныхъ сношеній между покупателемъ и производителемъ, однимъ словомъ тому партикуляризму, о которомъ было говорено выше, какъ нельзя больше соотвѣтствовали другія неблагопріятныя для развитія торговли условія культурнаго и политическаго свойства, каковы были жалкое состояніе сухопутнаго сообщенія, множество заставъ, у которыхъ взимались въ пользу владѣльцевъ разныя пошлины, разбойничество, въ коемъ участвовали весьма часто и рыцари. Наилучшіе пути были водяные, во первыхъ, по рѣкамъ, во вторыхъ, по морямъ. Изъ рѣкъ получили въ этомъ

отношеніи особое значеніе тѣ, по которымъ можно было перовозить товары отъ Средиземнаго моря къ сѣвернымъ морямъ, а изъ морей главное торговое значеніе принадлежало именно Средиземному: отсюда важная роль въ иностранной торговлѣ городовъ итальянскихъ (особенно Генуи и Венеціи), южно-французскихъ, особенно приморскихъ и прироискихъ, а въ Германіи городовъ по Дунаю и по Рейну и т. п. Въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени происходятъ событія, измѣнившія направленіе торговыхъ путей: сношенія съ Востокомъ дѣлались все болѣе и болѣе затруднительными, почему начали подумывать о морскомъ пути въ Индію, что приводитъ въ самомъ концѣ XV в. почти одновременно къ открытію Америки (1492) и мыса Доброй Надежды (1498), а завоеваніе Египта турецкимъ султаномъ Селимомъ I (1512—1520) совсѣмъ отрѣзываетъ Европу отъ богатой Индіи, заперши единственный извѣстный древнему міру путь на Востокъ, который оставался еще свободнымъ, что отразилось на торговомъ значеніи итальянскихъ городовъ и городовъ, расположенныхъ по Дунаю и по Рейну. Главную выгоду изъ великихъ морскихъ открытій извлекли для себя Испанія и Португалія: при новыхъ путяхъ первенствующая роль въ торговлѣ принадлежитъ этимъ двумъ государствамъ, изъ коихъ одна (Испанія), какъ извѣстно, пріобрѣла и громадное политическое значеніе въ XVI вѣкѣ. Но это преобладаніе Испаніи и Португаліи было непродолжительно, ибо изъ позиціи, занятой ими въ XVI вѣкѣ, онѣ въ слѣдующемъ столѣтіи вытѣсняются Нидерландами, Франціей и Англіей. Перемѣщеніе центровъ торговли сильно подорвало знаменитый ганзейскій союзъ, который въ концѣ среднихъ вѣковъ былъ весьма значительною силой. Правда, въ XVI вѣкѣ онъ насчитываетъ еще въ своемъ составѣ 60—70 городовъ, раздѣленныхъ на четыре округа съ Любекомъ, Кельномъ, Брауншвейгомъ и Данцигомъ во главѣ (при общемъ главенствѣ Любека), но это была уже сила, отживавшая свое время. Послѣдствія, коими сопровождалось перемѣщеніе главныхъ

торговыхъ путей, упадокъ однихъ городовъ и, наоборотъ, развитіе другихъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что первенствующую причину ихъ обогащенія составляла международная торговля, и именно этой-то международной торговлѣ обязанъ былъ своимъ развитіемъ классъ богатыхъ купцовъ, съ коимъ мы встрѣчаемся въ средневѣковыхъ городахъ: его мы находимъ въ Италіи, въ Германіи, во Франціи, а въ Англіи онъ только что зарождается, но Англія быстро опережаетъ другія страны въ торговомъ отношеніи, тогда какъ, на оборотъ, Германія сравнительно съ прошлымъ приходитъ въ упадокъ.

Не останавливаясь вообще сколько-нибудь подробно на международныхъ отношеніяхъ, касались ли они дѣлъ войны и мира между государствами, т. е. политическихъ союзовъ и дипломатическихъ сношеній или соперничества на поприщѣ промышленности и торговли, слѣдя преимущественно за внутренними общественными и духовными измѣненіями въ жизни западно-европейскихъ народовъ, мы можемъ ограничиться сказаннымъ о роли отдѣльныхъ странъ въ международной торговлѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени. Въ эту переходную эпоху, когда существовалъ только торговый капиталъ, промышленный же едва лишь возникалъ, образованіе въ той или другой странѣ класса богатыхъ горожанъ зависѣло отъ условій, въ какія она вообще тогда была поставлена относительно международной торговли. Понятно, что ранѣе всего должно было произойти торговое развитіе въ Италіи, занимающей центральное положеніе на Средиземномъ морѣ, въ этой ближайшей греческому и мусульманскому Востоку западно-европейской землѣ. Итальянцы сдѣлались въ торговомъ отношеніи посредниками между Востокомъ и Западомъ, итальянскіе города—центрами денежнаго хозяйства, итальянское купечество—капиталистическимъ классомъ, а за Италіей наступила очередь и для другихъ странъ. Конецъ среднихъ вѣковъ оставилъ намъ массу сви-

дѣтельствъ о богатствѣ и зажиточности горожанъ. Суверенная аристократія Венеціи и Генуи была купеческая. Купеческая фамилія Медичи возвышается въ флорентійской республикѣ и дѣлается родоначальницей тосканскихъ герцоговъ XVI вѣка. Въ Германіи чего стоитъ одинъ торговый домъ Фуггеровъ. Во Франціи страшнымъ богачемъ былъ въ первой половинѣ XV в. извѣстный Jacques Coeur, настоящій милліонеръ.

Долгое время непреодолимымъ препятствіемъ для образованія крупныхъ капиталистовъ въ торговомъ классѣ было запрещеніе церковью денежнаго роста, поддерживавшееся свѣтскимъ законодательствомъ и мѣшавшее развитію кредита. Въ Англіи парламентскіе статуты, муниципальныя постановленія, судебныя рѣшенія противъ ростовщиковъ, дѣлали крайне затруднительною отдачу денегъ подъ проценты, этотъ „несправедливый и омерзительный договоръ“, но для иноземныхъ капиталистовъ допускалось исключеніе, а такими денежными иностранцами были здѣсь преимущественно итальянцы или „ломбарды“, какъ ихъ называли, и къ нимъ вынуждается прибѣгать само правительство. Извѣстно, что ломбарды были предметомъ народной ненависти и вызвали противъ себя не одинъ мятежъ. Ломбардовъ, отдающихъ деньги въ займы за проценты, мы встрѣчаемъ и во Франціи, гдѣ одни они пользуются той же привилегіей. Съ ломбардами конкурировали только евреи, коимъ нечего было бояться церковной анаѳемы, и для которыхъ законодательствомъ почти совсѣмъ были закрыты другія профессіи, кромѣ денежныхъ операцій, но евреи были менѣе обезпечены въ своемъ положеніи, чѣмъ ломбарды. Это появленіе итальянскихъ капиталистовъ въ чужихъ странахъ съ цѣлью обогащенія путемъ отдачи денегъ подъ проценты указываетъ на то, что въ Италіи весьма рано пали средневѣковыя преграды для такого способа обогащенія, и дѣйствительно, Италія въ этомъ отношеніи подавала примѣръ другимъ государствамъ. Не даромъ ломбардами стали называться и банки, въ коихъ можно было получать деньги подъ залогъ, да и само названіе

банка—итальянское: banco — скамья, на который сидѣлъ мѣняло. Акцiонеры генуэзскаго банка владѣли всѣми финансами республики. Флорентiйскiе Медичи были банкиры. Явились потомъ банки—и нужно сказать знаменитые банки—въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ и въ Антверпенѣ. Денежныя операцiи, идущiя по стопамъ крупной торговли, содѣйствуютъ сосредоточенiю большихъ капиталовъ, которые потомъ начинаютъ примѣняться къ промышленности, чтобы во многихъ ея отрасляхъ вытѣснить старое цеховое производство. Другими словами, сами деньги дѣлались товаромъ, торговать которымъ составляло особую выгоду.

Сильному развитiю денежнаго хозяйства особенно содѣйствовало открытiе Америки, сопровождавшееся страшнымъ наплывомъ въ Европу драгоцѣнныхъ металловъ; послѣднiй въ свою очередь вызвалъ пониженiе цѣнности денегъ и соотвѣтственное вздорожанiе товаровъ въ XVI вѣкѣ, отразившееся гибелью на благосостоянiи низшихъ классовъ общества, такъ какъ ихъ заработокъ оставался тотъ же, что и прежде, или возрасталъ далеко не въ такой степени, какъ возрастала цѣна товаровъ. Но особенно важно здѣсь отмѣтить зарожденiе меркантилизма, характеризующаго экономическую политику новаго времени. Измѣненiе торговыхъ путей, приливъ драгоцѣнныхъ металловъ, появленiе на рынкахъ новыхъ продуктовъ—все это содѣйствовало и безъ того уже совершавшемуся экономическому процессу, но кромѣ того, долженъ былъ особенно дѣйствовать на умы примѣръ Испанiи и Португалiи, которыя, благодаря открытiю Новаго Свѣта и морского пути въ Индiю, развили у себя торговлю и ею очень обогатились: торговля стала считаться особенно выгоднымъ занятiемъ, и ему стало оказываться покровительство со стороны государства, нуждавшагося въ новыхъ доходахъ. И вотъ является экономическое ученiе меркантилизма, достигшее своего апогея въ XVII вѣкѣ, ученiе, признававшее, что благосостоянiе государствъ создается деньгами, добываемыми

лишь одною внѣшнею торговлею. Правительства берутъ подъ свое покровительство вмѣстѣ съ національною торговлею и тотъ классъ, который ею занимался. Подъ опекою государства онъ растетъ, развивается и направляетъ свою дѣятельность мало-по-малу на обрабатывающую промышленность, развитіе которой въ формѣ крупнаго производства для вывоза его продуктовъ на заграничные рынки тоже должно было считаться желательнымъ для привлеченія въ страну денегъ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ устранялась необходимость ввоза заграничныхъ товаровъ, разъ они производились у себя дома: можно было такимъ образомъ получать изъ чужихъ странъ деньги, а отъ себя денегъ не выпускать. Матеріальная выгода отъ всего этого выпадала на долю капиталистическаго класса, и въ то самое время, какъ государство новыхъ вѣковъ, разрушивши феодализмъ, какъ политическую систему, оставляетъ неприкосновенными феодальныя отношенія въ соціальной сферѣ, охраная установившіяся юридическія отношенія между дворянствомъ и крестьянствомъ, въ экономической сферѣ имъ оказывается преимущественное покровительство городскому денежному хозяйству, идущее рука объ руку съ крайней невнимательностью къ сельскому хозяйству, которое по самому существу дѣла наиболѣе подчинялось общимъ условіямъ хозяйства натуральнаго. Во имя старыхъ правъ поддерживалась феодальная зависимость крестьянина отъ сеньера, во имя новыхъ интересовъ трудъ приносился въ жертву капиталу. Все это, впрочемъ, явленія, развитіе коихъ принадлежитъ уже новому времени.

Въ эпоху полнаго господства феодализма и до образованія очень богатаго купечества въ городахъ, было только два сословія, обладавшія большою экономическою мощью, духовенство (да и то одно лишь высшее) и дворянство, оба сходные между собою въ томъ, что ихъ экономическое значеніе покоилось

на землевладѣніи. Обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи, и духовенство, и дворянство различались между собою въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Высшимъ культурнымъ проявленіемъ одного сословія былъ монахъ-аскетъ, которому въ другомъ соотвѣтствовалъ рыцарь-воитель. Богатый или только зажиточный горожанинъ по своей матеріальной обезпеченности становится рядомъ съ клирикомъ и дворяниномъ, но ему чужды интересы и монастырской кельи, и феодальнаго замка, ему чужды идеалы аскета и идеалы рыцаря: горожанинъ является новымъ общественнымъ типомъ, и если, какъ мы видѣли, въ жизни горожанъ впервые появляются новые, антифеодальные принципы политической жизни, если и въ соціальной сферѣ горожане составляютъ новый классъ съ такою экономическою основою, какая была невѣдома феодальному міру, то и въ отношеніи культурномъ главнымъ образомъ на почвѣ городского быта возникаетъ интеллигенція новаго времени, столь отличная отъ средневѣковой интеллигенціи, цѣликомъ или входившей въ составъ, или группировавшейся около церкви. Съ этою городскою интеллигенціей мы впервые встрѣчаемся въ Италіи, гдѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, городъ высвободился изъ-подъ феодальнаго гнета, ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ произошло образованіе вліятельнаго купечества и гдѣ ранѣе опять-таки, чѣмъ въ другихъ странахъ, получилъ начало свѣтскій культурный классъ.

Этимъ мы и окончимъ общую характеристику общественной структуры западной Европы въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени. Переходомъ къ изображенію культурнаго состоянія будутъ служить краткіе очерки двухъ сторонъ общественнаго быта той-же эпохи, а именно отраженіе классовыхъ воззрѣній, т. е. традицій, интересовъ и стремленій въ литературѣ и положеніе личности въ средневѣковомъ обществѣ, и это тѣмъ болѣе необходимо будетъ сдѣлать, что въ новой исторіи литературному выраженію, съ одной стороны, общественныхъ настроеній, и индивидуальному сознанію, съ другой, принадлежитъ весьма важное

значеніе, что требуетъ отъ насъ и нѣкоторыхъ новыхъ теоретическихъ соображеній. Мы познакомились съ разными классами, на которые распадалось средневѣковое общество, взятое съ чисто свѣтской стороны: посмотримъ, какъ выражались идеи этихъ классовъ въ литературныхъ произведеніяхъ среднихъ вѣковъ и однѣ ли онѣ выражались. Равнымъ образомъ мы имѣемъ теперь передъ глазами главныя общественныя состоянія, на которыя можемъ смотрѣть, какъ на особыя положенія, въ какія могла попадать отдѣльная личность: понятно, что эти состоянія должны были имѣть разное значеніе по отношенію къ самой личности и сознанію ею своихъ правъ. Оба эти вопроса о соціальномъ содержаніи свѣтской средневѣковой литературы и о положеніи личности въ средневѣковомъ государствѣ и обществѣ введутъ насъ и въ область духовныхъ интересовъ, которыми жила западная Европа въ концѣ среднихъ вѣковъ.

XX. Общественный характеръ литературы.

Общественная сторона литературы.—Феодально-рыцарская поэзія.—Литература горожанъ.—Значеніе литературныхъ перемѣнъ.—Народныя жалобы и стремленія въ литературѣ.—Религіозный демократизмъ и сословность.—Идея общаго блага.—Памфлетная публицистика въ Германіи.—«Реформація Фридриха III».—Сознаніе необходимости общественной реформы.—Сатирическая литература.—Необходимость разсмотрѣнія личнаго начала.

„Литература есть зеркало, въ которомъ отражается общество“. Эта избитая фраза сдѣлалась общимъ мѣстомъ, хотя при этомъ не всегда принимается въ расчетъ, что общество, отражающееся въ литературѣ, само распадается на отдѣльныя группы, на сословія, классы, профессіи, и что при разсмотрѣніи литературы, какъ отраженія общества, мы должны имѣть

въ виду существованіе своего рода сословности и литературныхъ произведеній, такъ какъ и литературные вкусы, и степень пониманія, и общественное міросозерцаніе, и интересы отдѣльныхъ классовъ не совпадаютъ между собою. Общій колоритъ средневѣковой литературѣ, несомнѣнно, давало культурное преобладаніе духовенства, но внѣ этого явленія, о которомъ рѣчь будетъ идти впереди, она получала и различные соціальные оттѣнки, смотря по тому, выраженіемъ идей и стремленій какого класса она служила. Это послѣднее замѣчаніе касается, конечно, свѣтской и національной литературы, развивающейся только во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, когда церковная письменность на латинскомъ языкѣ съ космополитическимъ характеромъ уже вполнѣ опредѣлилась и выработала свое главное содержаніе. Далѣе, свѣтская литература, заслуживающая здѣсь нашего вниманія, была или поэтическая, или публицистическая, или же ея произведенія занимали, такъ сказать, среднее положеніе между чистою поэзіей и чистою публицистикой. Наконецъ, сообразно съ тѣмъ, что средневѣковое общество распадалось на феодальное дворянство, на „среднее“ городское сословіе и на народъ, мы можемъ говорить о литературѣ спеціально дворянской, спеціально городской и спеціально народной *).

Свѣтская литература среднихъ вѣковъ зарождается въ сферѣ пѣсеннаго прославленія національныхъ героевъ, изъ коего и возникла, наприм., средневѣковая французская эпическая поэзія chansons de geste, т. е. поэмъ о подвигахъ. Народная по своему происхожденію, эта эпическая поэзія дѣлается феодальною и рыцарскою въ своемъ развитіи, благодаря тому, что въ традиціонныя формы все болѣе и болѣе вкладывалось сословное содержаніе тѣми труверами, которые занимались переработкой старыхъ сюжетовъ о Карлѣ Великомъ, о Роландѣ, о другихъ сподвижникахъ Карла. Жонг-

*) Многія изъ высказанныхъ здѣсь мыслей подробнѣе развиты въ моей книгѣ «Литературная эволюція на Западѣ». Воронежъ, 1886.

Трубадуры часто были только авторами поэтических произведений, жонглер — [redacted] распевал их.

леръ XII в. все еще воспѣвалъ ихъ дѣянія (gesta), но его вдохновляли уже крестовые походы; онъ прославлялъ подвиги традиціонныхъ Рено и Жирара, но на самомъ дѣлѣ изображалъ возстанія крупныхъ вассаловъ противъ Людовиковъ VI и VII. Въ этой поэзіи подвергался переработкѣ и образъ Карла Великаго съ его сподвижниками: спокойный и справедливый государь единаго королевства, всѣмъ заправляющій и у всѣхъ находящій послушаніе и вѣрную службу, превращается въ своего рода «перваго между равными» феодальнаго сюзерена, капризнаго и несправедливаго, и окружаютъ его уже не прежніе паладины, долгомъ своимъ считающіе умирать за него, а самовольные вассалы, ежечасно готовые къ возстанію. На феодальной почвѣ развилось рыцарство, и оно нашло свое особое отраженіе въ такъ называемыхъ romans d'aventures, содержаніе коихъ—рыцарскія приключенія, рыцарская любовь къ дамѣ сердца, турниры и судебные поединки,—въ романахъ, бывшихъ не только порожденіемъ военнаго быта и крестовыхъ походовъ, но и въ свою очередь вліявшихъ на самый духъ рыцарства. Общему характеру этихъ романовъ подчинились и самые chansons de geste. Феодально-рыцарская французская поэзія XII и XIII вѣковъ оказала сильное вліяніе на другія западныя литературы, но въ XIV и XV вѣкахъ она находится уже въ упадкѣ. Эпосъ chansons de geste и romans d'aventures—порожденіе сѣверной Франціи, на югѣ процвѣтала своя, провансальская культура, породившая лирическую поэзію трубадуровъ, также оказавшую вліяніе на другія страны. Эта лирика имѣла характеръ дворянскій и придворный: добрая половина изъ четырехъ сотенъ трубадуровъ принадлежала къ рыцарству, а въ его средѣ насчитывается десятка два царственныхъ особъ. Содержаніе этой лирики—условная рыцарская любовь къ дамѣ или свѣтскій протестъ противъ духовенства. Въ XIV и XV вв. и она также находится въ упадкѣ. Рыцарско-придворный характеръ имѣетъ, наконецъ, и нѣмецкая „пѣсня любви" (Minnegesang), ибо миннезингеръ является германскимъ повтореніемъ провансальскаго трубадура.

Въ XIV и XV вв. параллельно съ паденіемъ дворянскихъ эпоса и лирики развивается литература горожанъ. Въ то самое время, какъ рыцарскіе романы передѣлываются въ прозу и происходитъ компиляція ихъ въ произведенія, расчитанныя на читателей изъ горожанъ, а лирика миннезингеровъ переселяется въ города къ педантическимъ бюргерамъ, устраивающимъ у себя цеховое мастерство пѣсенъ (мейстерзингерство), однимъ словомъ, когда въ дворянскомъ кругу изсякаетъ творчество и дворянская литература, перенесенная на городскую почву, лишается жизненности, превращаясь во что-то искусственное, на этой же самой почвѣ городского быта развивается своя литература съ характеромъ дидактическимъ и сатирическимъ. Аллегорическія поэмы и разсказы въ стихахъ и сказки (fabliaux et contes) съ своимъ отпрыскомъ — новеллой характеризуютъ національную литературу XIV и XV вв.; съ нихъ почти прямо даже начинается развитіе итальянской и англійской литературъ: Данте создалъ величайшую аллегорическую поэму, Боккачіо прославился въ области новеллы, и на аллегоризмѣ съ фабліо воспитался отецъ англійской литературы Чосеръ. Аллегорія легко соединялась съ дидактикой и сатирой, съ своего рода публицистикой, бывшей въ большомъ ходу въ концѣ среднихъ вѣковъ. Разсудочность и сатира вносятся съ середины XIV в. въ фабліо, короткія, веселыя, шутливо-добродушныя стихотворныя повѣстушки восточнаго происхожденія, приспособленныя къ понятіямъ и отношеніямъ знакомаго общества, и въ нихъ выводятся на сцену горожане, крестьяне, приходскіе священники, лица, хорошо извѣстныя человѣку изъ средняго круга націи. Новому читателю все это понятнѣе и ближе, чѣмъ глубина религіознаго чувства церковной письменности и фантастическая восторженность рыцарскаго романа: ему больше нравятся простой здравый смыслъ и грубоватость фабліо, разсудочный аллегоризмъ, суховатая дидактика съ критикой существующаго и проповѣдью новыхъ общественныхъ идей.

Въ новое время и эта литература пойдетъ по слѣдамъ рыцарской поэзіи, и на счетъ обѣихъ разовьется придворный академизмъ, получившій начало при дворахъ итальянскихъ династовъ, чтобы идти рука объ руку съ королевскимъ абсолютизмомъ и вмѣстѣ съ нимъ во французскомъ ложно-классицизмѣ XVII—XVIII вв. достигнуть своего апогея. Этими литературными перемѣнами отмѣчаются такимъ образомъ начавшееся паденіе феодализма, выступленіе городского сословія, а позднѣе усиленіе королевской власти, стремящейся подчинить себѣ и литературу, какъ появленіе вообще свѣтской литературы въ обществѣ, раньше имѣвшемъ почти только одну духовную письменность, отмѣчаетъ, съ другой стороны, важный переворотъ культурный. Далѣе, усиленіе въ свѣтской литературѣ дидактическаго и сатирическаго элемента указываетъ на то, что литература начинаетъ дѣлаться общественной силой, органомъ воззрѣній и настроеній общественныхъ классовъ, то сходящихся въ своихъ желаніяхъ и стремленяхъ, то наоборотъ, враждебно между собою сталкивающихся. Съ этой точки зрѣнія литературныя произведенія съ общественнымъ характеромъ и особенно съ содержаніемъ публицистическимъ могутъ быть прекрасной иллюстраціей фактическихъ отношеній, существующихъ въ обществѣ, и служить дополненіемъ къ исторіи соціальнаго строя. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не признать особаго значенія за тѣми произведеніями литературы, въ коихъ выражаются народныя нужды, жалобы, просьбы и стремленія. Одна исторія французскаго крестьянства, напримѣръ, можетъ иллюстрироваться цѣлымъ рядомъ литературныхъ отрывковъ, въ коихъ отражается народная жизнь *). Любопытно, напр., какъ одинъ средневѣковой поэтъ (Robert Wace) передаетъ ропотъ поселянъ въ эпоху большого возстанія въ Нормандіи (въ X в.): „Мы такіе же люди, какъ и они, у насъ тѣ же члены и такое же, какъ у нихъ, тѣло и мы

*) См. мой «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ».

также можемъ страдать. Намъ нужно быть только храбрыми: соединимся клятвенно, чтобы другъ другу помогать, одному другого защищать и все имѣть сообща. А захотятъ они съ нами драться, вѣдь у насъ противъ одного рыцаря тридцать или сорокъ крестьянъ сильныхъ и умѣющихъ сражаться". Особенно интересна „Жалоба бѣднаго земледѣльца", относящаяся къ началу XV вѣка и обращенная къ „прелатамъ, князьямъ и добрымъ господамъ, къ горожанамъ, купцамъ и адвокатамъ, къ ремесленникамъ, военнымъ и людямъ трехъ чиновъ," равно какъ и къ „весьма благородному королю Франціи:" въ этой жалобѣ говорится о крайней нищетѣ, о тяжеломъ трудѣ, о полной безнадежности положенія крестьянъ (et ne sçavons que devenir). Поселянинъ, напримѣръ, обращается спеціально къ прелатамъ и церковникамъ, жалуясь на то, что остается даже безъ рубашки, жалуясь тѣмъ самымъ клирикамъ, о коихъ одинъ поэтъ XIII в. говорилъ, что ихъ недолюбливаетъ простонародье (ongues là gens vilaine n'aima clerc ni prêtre). Есть и особое обращеніе къ горожанамъ,

qui de noz rentes
De noz labeurs et de noz plantes
Avez vescu au temps passé...
Mains jours nous avez abuzé...
Plus ne faictes compte de nous...

Есть, наконецъ, въ этой complainte и жалоба крестьянъ на тягость налоговъ, на дурныя послѣдствія ухудшеній монеты, на обиды, чинимыя королевскими сержантами, на полное разореніе, не оставляющее послѣднимъ ничего, что они могли-бы взять у крестьянъ. Въ Англіи въ эпоху крестьянскихъ волненій XIV вѣка, какъ мы видѣли, также пѣлась пѣсенка, заключавшая вопросъ о томъ, гдѣ находился дворянинъ, когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла. Англійская исторія этого періода выставила и народнаго поэта Вильяма Лонгланда, автора „Видѣніе пахаря Петруши", вызвавшаго нѣсколько подражаній. Весьма любопытно, что особенно въ произведеніяхъ подобнаго рода (а ихъ было множество) сильнѣе всего достается духовенству, на что мы еще обратимъ вниманіе и въ другомъ

мѣстѣ, основнымъ же принципомъ защитниковъ народныхъ интересовъ является религіозная идея евангельскаго братства. Въ поэмѣ Лонгланда есть такого рода обращеніе къ рыцарю: „хотя онъ и подданный твой, но вѣдь, быть можетъ, на небѣ онъ будетъ признанъ болѣе тебя достойнымъ и получитъ большее блаженство, такъ какъ тамъ трудно разпознать, кто рыцарь и кто мужикъ". Ссылки на евангельскую свободу и евангельское равенство мы найдемъ и въ народныхъ жалобахъ и программахъ великой крестьянской войны въ Германіи въ реформаціонную эпоху, да и вообще съ этой стороны демократическая проповѣдь конца среднихъ вѣковъ и временъ религіозной реформаціи всегда принимала характеръ обращенія къ авторитету Евангелія. Связь народныхъ движеній съ движеніями религіозными мною будетъ еще указана, но и тутъ нельзя не отмѣтить, что религія была такою почвою, на которой разрушались сословныя перегородки среднихъ вѣковъ и возникала принципіальная оппозиція противъ общественнаго неравенства. Съ особенною силою должно было бросаться въ глаза противорѣчіе между ученіями церкви и правами и привилегіями сословія ея служителей, и ссылка на равенство разрушала сложившійся и у самихъ церковниковъ, нашедшій даже литературное выраженіе взглядъ, по которому сословный строй феодальнаго общества былъ созданъ самимъ Богомъ, обрекшимъ крестьянъ на вѣчную работу въ пользу духовенства и дворянства. Въ эпоху полнаго господства феодализма на такую точку зрѣнія становились даже духовныя лица на соборахъ и въ литературѣ, что мы находимъ, напр., въ одномъ латинскомъ посланіи XI в., въ коемъ изображается дѣленіе людей на благородныхъ и рабовъ, какъ вполнѣ естественное явленіе. Только съ точки зрѣнія религіознаго равенства и могли защитники народныхъ нуждъ и интересовъ возражать высшимъ сословіямъ, высказывавшимъ пренебреженіе къ крестьянамъ. „Богъ, говоритъ одинъ средневѣковый поэтъ, ненавидитъ вилановъ и потому-то онъ и обрекъ ихъ на такую тяжелую

жизнь" (por ce fist il toutes les paines passer parmi outre lor mains). По аналогическому представленію, Богъ не оставилъ имъ мѣста въ раю, такъ какъ Іисусъ Христосъ не желаетъ, чтобы виланы были съ нимъ*). На той же почвѣ воззрѣнія, по которому Богъ создалъ для всѣхъ людей разныя блага жизни, и возможна была только аргументація въ пользу доступности и для народа матеріальнаго благосостоянія. Словами «nos sumes hommes cum il sunt» (мы такіе же люди, какъ и они) поэмы Роберта Васа или заявленіемъ, что и мужикъ хочетъ жить (vivre nous fault, c'est le remede) „Жалобы" начала XV вѣка народъ какъ-бы возражаетъ поэтамъ, заставлявшимъ крестьянъ питаться кормомъ скота (il déussent parmi les landes—pestre herbe avec bues cornus—a quatre piez aler toz nus). На тѣ же принципы ссылались и народные проповѣдники изъ низшаго духовенства въ родѣ Джона Баллъ, о которомъ шла рѣчь выше. „Если, говорилъ онъ, напр., мы всѣ происходимъ отъ одного отца и матери, отъ Адама и Евы, какое право имѣютъ они (лорды и дворяне) говорить и на чемъ они основываютъ, будто они лучше насъ, кромѣ, пожалуй, того, что они принуждаютъ насъ добывать для нихъ своимъ трудомъ все то, что потомъ питаетъ ихъ роскошь и гордость?"

Понятное дѣло, мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибы стали утверждать, что поэзія и публицистика среднихъ вѣковъ были проникнуты только духомъ и интересами отдѣльныхъ сословій: въ этой литературѣ, какъ въ ученой на латинскомъ языкѣ, такъ и въ національной на народныхъ нарѣчіяхъ, мы конечно, найдемъ и выраженія болѣе широкихъ взглядовъ и на человѣка, и на общество, причемъ до развитія гуманистической литературы, которая принципіально была враждебна сословнымъ

*) Si ne cuit que Diex lor preste
En paradis ne leu ne place.
Oncques a Jhesus-Christ ne place
Que vilainz ait herbergerie
Avoec le filz saincte Marie.

перегородкамъ, аргументація въ пользу правъ личности заимствовалась изъ соображеній религіозныхъ, изъ которыхъ брались доказательства и той идеи, что есть нѣкоторое общее благо, требующее жертвъ со стороны не только личныхъ, но и сословныхъ интересовъ. Рядомъ съ этими религіозными соображеніями уже второстепенное мѣсто принадлежитъ аргументамъ, заимствованнымъ изъ римскаго права, когда, напримѣръ, французскіе легисты ссылались на естественную свободу всѣхъ людей, и опять таки до развитія гуманистической литературы, возвратившейся къ античной традиціи свѣтскаго государства, идея общаго блага олицетворялась въ высшемъ союзѣ, существующемъ на землѣ и основанномъ самимъ Богомъ, въ церкви. Отвлеченныя политическія ученія среднихъ вѣковъ стоятъ въ тѣсной связи съ принципами католицизма, хотя мы въ ученіяхъ этихъ и находимъ отголоски классическихъ воззрѣній на общее благо и на salutem populi, а что разсужденія на подобныя темы не оставались въ сферѣ однѣхъ абстракцій церковныхъ мыслителей, это можетъ быть видно изъ того, что переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени богатъ и публицистическою проповѣдью общаго блага, съ точки зрѣнія которой порицаются злоупотребленія сословными правами и даже сами сословные порядки.

Образцикомъ реформаціонныхъ идей въ сферѣ политическихъ и соціальныхъ отношеній можетъ служитъ одинъ памфлетъ конца XV в., извѣстный подъ названіемъ „Реформаціи императора Фридриха Ш". Съ середины XV в. появляется въ Германіи множество памфлетовъ, «летучихъ листковъ» (fliegende Blätter), въ коихъ обсуждались жгучіе вопросы эпохи съ весьма радикальныхъ иногда точекъ зрѣнія, и между этими оппозиціонными произведеніями можно отличить такія, въ коихъ высказывались взгляды тогдашнихъ культурныхъ классовъ, и такія, которыя были выраженіемъ прямо народной думы. „Въ то время, говоритъ о концѣ XV в. (1482 г.) одинъ хро-

никеръ (Шпангенбергъ въ „Саксонской хроникѣ"), составлялись и пѣлись пѣсни, напоминавшія начальству и убѣждавшія его соблюдать въ правленіи справедливость, не давать дворянству слишкомъ много воли и силы, не дозволять бюргерамъ въ городахъ слишкомъ большой роскоши, не обременять простой крестьянскій людъ (das gemeine Bawervolk) черезъ его силу, держать дороги въ безопасности и каждому оказывать право и справедливость". Одновременно съ этимъ раздается и радикальная проповѣдь, наприм., Іоганна Beheim'а или Богемца (Böhme), сожженнаго за свои смѣлыя рѣчи. Эти пѣсни и проповѣди дополнялись печатными памфлетами, составителями коихъ были люди съ нѣкоторымъ школьнымъ образованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимавшіе близко къ сердцу народныя нужды. Къ числу такихъ памфлетовъ и относится упомянутая „Реформація Фридриха III"*). Не излагая въ подробности этого памятника, довольно объемистаго, я отмѣчу такія его требованія какъ то, чтобы „бѣдный крестьянинъ не былъ обремененъ и чтобы уважались его человѣческое достоинство и свобода" (статья 2), чтобы всѣмъ городамъ и селамъ были „опредѣлены ихъ права и обязанности, не принимая въ соображеніе ихъ древнихъ привилегій, обычаевъ или заведеннаго порядка, единственно на основаніи христіанской свободы, человѣческаго достоинства, здраваго природнаго смысла, дабы всѣмъ людямъ было равномѣрно и необременительно", ибо „чрезъ это общее благо получитъ свое подобающее признаніе" (статья 3), чтобы изъ постановленій римскаго права, вообще предлагавшагося къ упраздненію, были оставлены лишь справедливыя, „дабы бѣдный могъ пользоваться безъ коварства и обиды свободою и своимъ правомъ, какъ и богатый, хотя бы онъ былъ князь имперіи" (ст. 7), чтобы отмѣнены были всѣ налоги и поборы, кромѣ необходимыхъ, „дабы частный интересъ не

*) Переводъ ея имѣется въ спеціальномъ изслѣдованіи о ней проф. Бауэра въ приложеніи къ I т. его «Лекцій по новой исторіи» (Спб. 1886; см. стр. 263—269, содержащія въ себѣ переводъ).

падалъ бременемъ на общество и не стѣснилъ бы всѣ промыслы и ежедневныя сношенія“ (ст. 8), чтобы были преобразованы „большія, купеческія компаніи и другія товарищества, которыя ежедневно вредятъ общественной пользѣ, на что вопіютъ не только знать, духовные и другіе богатые люди, но и мелочные торговцы и мелочные потребители, принужденные брать товаръ у нихъ, не говоря уже о бѣдныхъ рабочихъ, которые грошевыя свои потребности оплачиваютъ дорогою цѣною, между тѣмъ, какъ компаніи и товарищества вымогаютъ у нихъ запасы свои по самымъ низкимъ цѣнамъ“ (см. 11). Эти и другіе пункты разъясняются и развиваются въ особыхъ къ нимъ декларацiяхъ, въ коихъ составители высказываютъ постоянную заботливость объ общемъ благѣ и о большинствѣ народа, выражая, напр., желанія относительно уменьшенія чинша за землю съ крестьянъ, „чтобы простой человѣкъ, кромѣ уплаты части того, что даетъ Божья благодать, не былъ обременяемъ своимъ господиномъ какимъ-либо инымъ способомъ», ибо «тогда христіанская и человѣческая свобода сохранитъ свое истинное значеніе въ томъ видѣ, въ какомъ Богъ даровалъ ее людямъ“ (3 декларація на 3 статью),—или выражая мысль объ установленіи для общаго блага опредѣленной заработной платы „для того, чтобы простой человѣкъ не былъ обманутъ, чтобы съ него не требовали слишкомъ много и чтобы каждый ремесленникъ и поденщикъ былъ достаточно вознагражденъ за свое искусство, трудъ и работу, ибо братская любовь и общее благо того не терпятъ, чтобы кто-либо былъ лишенъ своего заработка или своего капитала“ (4 декларація на 3 статью). Въ деклараціи четвертой на 4 статью говорится, напр., что общее благо возвышается и развивается христіанской свободой, братской любовью и уваженіемъ человѣческаго достоинства. Въ памфлетѣ этомъ слышится и предостереженіе: жалуясь на поборы князей, духовенства, дворянства и городовъ, первое объясненіе деклараціи на статью 8 замѣчаетъ, «точно какъ будто они (вы) хотятъ

(хотите) вынудить крестьянина къ тому, чтобъ онъ ихъ (васъ) отстранилъ отъ худого ихъ (вашего) управленія. Смотрите, сказано далѣе, чтобы вы сверхъ этого не лишены были вашего родового владѣнія или, пожалуй въ худшемъ случаѣ, даже жизни". Это былъ цѣлый планъ реформъ, въ коемъ не были забыты ни одно сословіе и даже иностранцы: въ немъ предлагалось дать „всѣмъ сословіямъ въ имперіи, признаннымъ и включеннымъ въ проектъ преобразованія, не исключая ни одного, настолько свободы, правъ и привилегій, чтобы никому не было впредь необходимости искать защиты и покровительства иначе, какъ у священной Римской имперіи" (1 декл. на 12 ст.), и „куда бы, говорится еще, иностранецъ въ границахъ имперіи германской націи ни отправлялся, откуда бы ни выѣзжалъ и куда бы ни въѣзжалъ, онъ пользовался бы со всѣмъ своимъ имуществомъ и товаромъ такою же безопасностью, какъ и на территоріи своего государя" (2 декл. на 12 ст.). Эта „Реформація" имѣетъ цѣлую исторію, какъ памфлетъ, подвергавшійся многимъ наслоеніямъ, что указываетъ на его популярность въ XV и XVI вв., — и какъ памятникъ, обращавшій на себя всегда большое вниманіе историковъ, что, конечно, свидѣтельствуетъ о его важности. Но онъ не стоитъ одиноко, ибо и другія литературныя произведенія эпохи указываютъ на необходимость реформы, и слово reformatio, получившее въ XVI вѣкѣ такой опредѣленный смыслъ, въ XV в. понималось прямо въ значеніи преобразованій государственныхъ и общественныхъ. Германія особенно богата такими проектами въ XV вѣкѣ: таковъ проектъ De concordantia catholica (1433) Николая Кребса (впослѣдствіи кардинала Николая Кузанскаго); такова «Реформація императора Сигизмунда», своего рода выраженіе стремленій городского сословія; таковъ и упомянутый проектъ. Тутъ мало еще указать на соціальный протестъ противъ злоупотребленій и дурнаго общественнаго устройства: въ памфлетахъ, подобныхъ „Реформаціи Фридриха III", мы имѣемъ еще дѣло съ сознательнымъ стремленіемъ ихъ

авторовъ измѣнить общественное устройство согласно съ болѣе широкимъ пониманіемъ существа и цѣли человѣческаго общества, нежели то, какое мы находимъ у представителей сословныхъ интересовъ. Это сознательное отношеніе къ соціальной жизни есть тоже одинъ изъ признаковъ новаго времени: та же сознательность обнаруживается въ развитіи сатирической литературы, бичующей не отвлеченные общечеловѣческіе пороки и слабости, а недостатки той среды, въ коей появлялась эта, дѣйствительно, общественная сатира. Декамеронъ Боккачіо въ Италіи, Кентерберійскіе разсказы (Canterbury Tales) Чосера, этого „отца англійской литературы" (XIV в.), въ Англіи, особенно же нѣмецкія сатирическія произведенія XV в., каковы der Pfaffe von Kalenberg Филиппа Франкфурта, Narrenschiff Себастіана Брандта (1494), Till Eulenspiegel (1483) и т. п. могутъ служить примѣрами осмѣянія современнаго ихъ авторамъ общества, и конечно, не случайностью было то, что главнымъ объектомъ насмѣшекъ сдѣлались прелаты, низшее духовенство и монахи, противъ которыхъ направляются и гуманистическое, и реформаціонное движенія XIV—XVI вѣковъ.

Но въ этомъ возвышеніи единичныхъ авторовъ надъ интересами отдѣльныхъ сословій во имя идей достоинства человѣческой личности и общаго блага, въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ окружающей дѣйствительности,—проявлялось ли оно въ сатирическомъ осмѣяніи своего общества, или въ реформаціонныхъ проектахъ тогдашней публицистики,—выступаетъ еще одно начало, присущее исторіи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, имѣющихъ исторію, но не всегда одинаково развитое, часто весьма мало даже развитое, а именно начало человѣческой личности. Это начало намъ и нужно теперь разсмотрѣть, ибо дѣйствіе его въ новой исторіи получаетъ особую силу.

XXI. Положенiе личности въ обществѣ.

Личность въ античномъ мiрѣ и въ новой Европѣ. — Личныя права въ феодальномъ обществѣ. — Личное право, какъ сословная привилегiя.— Личность и государство въ новое время.—Духовная свобода личности.— Неразвитость личнаго начала въ средневѣковомъ обществѣ. — Корпоративность средневѣковой жизни и индивидуализмъ.—Традицiонная литература и личное творчество. — Инноваторская роль личности. — Бiографическiй элементъ въ исторiи. — Переходъ къ разсмотрѣнiю духовной культуры.

Въ исторической, философской, политической и юридической литературѣ неразъ отмѣчалось различiе въ положенiи личности въ обществѣ античномъ и новомъ, различiе, заключающееся въ томъ, что въ классическомъ мiрѣ личность поглощалась государствомъ и права индивидуальной свободы не существовало, тогда какъ въ западной Европѣ, начиная съ среднихъ вѣковъ и особенно въ новое время, утверждаются права личности, происходитъ ея эманципацiя. Это положенiе, сдѣлавшееся избитымъ общимъ мѣстомъ, возможно принять только условно и съ сильными ограниченiями. Во-первыхъ, и въ классическомъ мiрѣ, и въ новой Европѣ, въ одномъ— рабство въ другой—крѣпостничество, просуществовавшее до XIX в. и серьезно начавшее падать лишь со временъ французской революцiи, не говоря уже о рабствѣ негровъ въ Америкѣ, были явленiями, возможными лишь при отрицанiи элементарныхъ правъ личности, и Европѣ нужно было дожить до „просвѣщенiя“ XVIII вѣка, чтобы могъ начаться рѣшительный протестъ противъ состоянiй гражданской несвободы, каковы были рабство и крѣпостничество, протестъ, разумѣется, не со стороны тѣхъ, которые сами находились въ этомъ состоянiи, такъ какъ они начали протестовать раньше. Исключивъ низшiе слои общества, рабовъ, колоновъ, сервовъ, разныхъ крѣпостныхъ и зависимыхъ, обращаясь къ однимъ свободнымъ

классамъ, мы и тутъ видимъ сходство въ положеніяхъ личности въ античныхъ и новыхъ государствахъ, и вся разница будетъ заключаться въ томъ, какіе періоды мы будемъ брать для сравненія. И въ древнемъ государствѣ, поглощавшемъ личность, возможны были явленія, совершенно противоположнаго свойства, проявленія индивидуализма, блестящимъ примѣромъ коего можетъ служить аѳинская жизнь въ эпоху наивысшаго своего процвѣтанія, такія притомъ проявленія, которыя, какъ это было въ эпоху упадка, дѣйствовали разлагающимъ образомъ на государственную жизнь, и, наоборотъ, въ новой Европѣ было равнымъ образомъ немалое количество фактовъ принципіальнаго и дѣйствительнаго поглощенія личности государствомъ, закрѣпощенія первой второму, фактовъ, съ коими намъ придется постоянно встрѣчаться. Но дѣло, дѣйствительно, въ томъ, что принципіальное провозглашеніе правъ личности совершается главнымъ образомъ въ новой Европѣ, и весьма любопытно, что въ процессѣ развитія индивидуализма весьма видную роль играла и возродившаяся античная литература, какъ это будетъ показано въ очеркѣ гуманистическаго движенія. Правда—и то, что античное и новое пониманіе свободы не одинаково: въ первомъ главная вещь—участіе гражданина въ верховной власти, во второмъ—личная независимость. Было бы, однако, невѣрнымъ утверждать, будто это различіе относится ко всѣмъ эпохамъ древняго и новаго міровъ. Подобно тому, какъ въ исторіи классическаго общества наступали времена, когда падало стремленіе къ политической свободѣ, падалъ интересъ къ государственной жизни, и частная жизнь выдвигалась на первый планъ, такъ и въ новомъ обществѣ были эпохи, и весьма продолжительныя,—когда личная свобода вообще не особенно высоко цѣнилась. Не касаясь пока религіозной сферы, не говоря о роли христіанства въ эманципаціи личнаго начала, мы едва ли должны согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто индивидуализмъ былъ внесенъ въ исторію впервые германскими варварами, разрушившими Западную Римскую

имперію. Такимъ индивидуализмомъ, какой проявили германцы, отличаются всѣ народы на извѣстныхъ ступеняхъ историческаго развитія, и онъ не въ меньшей мѣрѣ былъ присущъ грекамъ гомерической эпохи, нежели германцамъ временъ великаго переселенія народовъ: это—простая недисциплинированность личности, первобытная независимость человѣка, не умѣющаго подчиняться соціальной необходимости, необузданность того, кто имѣетъ возможность не повиноваться закону, а не та индивидуальная свобода, которая совмѣстима съ правильнымъ общественнымъ порядкомъ, съ уваженіемъ къ чужой свободѣ и къ закону. Древнегерманская личная свобода граничила съ произволомъ, когда человѣкъ по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣлъ возможность насильничать, но сознаніе возможности при извѣстныхъ условіяхъ быть свободнымъ въ такомъ смыслѣ не исключало закрѣпощеній и самозакрѣпощеній, которыя въ эпоху феодализаціи сократили до minimum'а число свободныхъ людей. Если принимать въ расчетъ не непокорный нравъ знатныхъ и богатыхъ, въ коемъ выразился главнымъ образомъ варварскій индивидуализмъ, а то отсутствіе чувства свободы въ массахъ, которое сдѣлало возможными (конечно, при содѣйствіи причинъ экономическихъ и политическихъ) столь распространенныя самозакрѣпощенія временъ установленія феодальнаго режима, то мы придемъ къ взгляду, противоположному обычнымъ представленіямъ объ индувидуализмѣ начальной исторіи среднихъ вѣковъ. Историки не разъ обращали вниманіе на тотъ общій фактъ, что процессъ феодализаціи не встрѣчалъ сопротивленія со стороны народной массы, и только позднѣе, главнымъ образомъ съ эпохи крестовыхъ походовъ начинаются возстанія горожанъ и крестьянъ во имя личной свободы и защиты личныхъ правъ.

Феодальное общество рѣзко дѣлилось на благородныхъ и подлыхъ. Только первые пользовались свободою и притомъ свободою въ широкихъ размѣрахъ: здѣсь, дѣйствительно, развивается сознаніе права личности по от-

ношенію къ государству. Феодализмъ и разложеніе государства—синонимы, ибо феодальныя узы имѣли частный характеръ. Повиновеніе вассала сюзерену не было безусловнымъ, ибо феодальный договоръ ограничивалъ политическую власть послѣдняго надъ первымъ, давалъ королю не одни права, но налагалъ на него и обязанности, нарушеніе коихъ освобождало вассала отъ его обязанностей по отношенію къ сюзерену, и такимъ образомъ личность и государство (послѣднее въ лицѣ короля) были поставлены въ особое отношеніе другъ къ другу. Безусловность суверенитета, безправіе личности по отношенію къ государству не имѣютъ мѣста въ феодальномъ обществѣ,—разумѣется, при исключеніи изъ него закрѣпощенной массы,—и этотъ принципъ начинаетъ играть роль въ законодательствѣ. Знаменитая 39 статья magnae chartae libertatum представляетъ собою одно изъ рельефныхъ проявленій новаго начала. Съ другой стороны, въ этомъ обществѣ развивается сознаніе личнаго достоинства, въ формѣ рыцарской или дворянской чести, личнаго достоинства, правда, какъ и личнаго права, ограниченныхъ лишь извѣстнымъ состояніемъ: дворянинъ признаетъ за собою извѣстныя личныя права, нарушеніе коихъ со стороны государства разсматривается, какъ нѣчто незаконное, и признаетъ за собою личное достоинство, не какъ человѣческая личность вообще, а какъ членъ сословія, не возвышаясь до признанія этихъ правъ и этого достоинства за всѣми, уже много, если распространяя ихъ на всѣхъ свободныхъ (т. е. некрѣпостныхъ), какъ мы это видимъ въ 39 статьѣ великой хартіи. Такимъ образомъ личное право является на практикѣ, какъ сословная привилегія, хотя бы теорія и возвышалась до признанія личнаго права, какъ права общечеловѣческаго. Въ новой исторіи къ числу личныхъ правъ прибавляется, какъ мы увидимъ, свобода совѣсти, но и эта свобода осуществляется сначала въ формѣ сословной привилегіи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ государствахъ.

Признаніе новымъ государствомъ индивидуальной свободы

не могло быть прочнымъ при такой исключительности. Кромѣ Англіи, гдѣ сословныя права уступили мѣсто общему праву страны, паденіе феодализма съ его привилегіями, сопровождавшееся расширеніемъ правъ другихъ сословій по отношенію къ феодальному дворянству, не только не влекло за собою увеличенія правъ массы по отношенію къ государству, но расширяло, наоборотъ, его власть и надъ самими привилегированными сословіями. Мы еще увидимъ, какою силою сдѣлалось государство новаго времени и какъ въ немъ возобладали античныя традиціи, неблагопріятныя для зародышей индивидуальной свободы, хотя бы и съ сословнымъ характеромъ, вынесенныхъ обществомъ изъ среднихъ вѣковъ: успѣхи новой государственности были часто даже рядомъ пораженій для индивидуализма, вообще усиливающагося въ исходѣ среднихъ вѣковъ и проявившагося въ гуманизмѣ, протестантизмѣ и просвѣтительной литературѣ, прежде чѣмъ стать практическимъ требованіемъ въ „декларацій правъ человѣка и гражданина" 1789 года.

Сословный характеръ индивидуальныхъ правъ въ средніе вѣка и многіе факты новой исторіи указываютъ на то, что основа этихъ правъ заключалась во внѣшнемъ положеніи личности, въ ея матеріальной мощи, позволявшей ей отстаивать свою свободу, но содержаніе, какое вкладывалось въ понятіе свободы, обнаруживаетъ, наоборотъ, весьма малое развитіе внутренней, духовной свободы въ средніе вѣка, т. е. другими словами, свобода съуживалась не только количественно, но и качественно, такъ какъ индивидуальное я было весьма ограничено въ своихъ проявленіяхъ, ограничено главнымъ образомъ областью внѣшнихъ дѣйствій, выражавшихся въ непокорности по отношенію къ власти и въ произволѣ по отношенію къ низшимъ. Между тѣмъ личная свобода покоится не только на возможности ея огражденія внѣшними средствами, но и на внутреннемъ сознаніи правъ духовной личности на самоопредѣленіе. Феодальный классъ жилъ черезъ-чуръ внѣшнею жизнью войны, охоты, турнировъ, пировъ, въ

лучшемъ случаѣ—заботъ о матеріальномъ обезпеченіи себя болѣе упорядоченнымъ хозяйствомъ и развлеченій условною поэзіею своего сословія, а то сословіе, которое было призвано къ занятіямъ къ области мышленія, было подчинено неизмѣннымъ авторитетамъ традиціи, такъ что для стремленія къ духовной свободѣ слишкомъ мало оставалось мѣста въ жизни средневѣкового общества. Въ послѣднемъ вообще было мало развито личное начало, ибо развитіе этого начала вообще относится къ эпохамъ болѣе позднимъ, когда культурно-соціальная эволюція обогащаетъ духовное содержаніе личности новыми идеями, создаетъ возвышающуюся надъ сословными перегородками интеллигенцію, возбуждаетъ критическую мысль и приводитъ къ болѣе широкому личному и общественному самосознанію, создавая вмѣстѣ съ тѣмъ способы и средства для внѣшняго проявленія этого самосознанія въ рядѣ соціальныхъ условій, юридическихъ установленій и политическихъ учрежденій, ставящихъ личность въ болѣе благопріятное положеніе по отношенію ко всему, что препятствуетъ свободнымъ ея проявленіямъ. Мы еще увидимъ, какъ относился средневѣковой католицизмъ къ индивидуальной свободѣ, а это—немаловажная сторона дѣла, теперь же остановимся на неразвитости личнаго начала въ средніе вѣка, наблюдаемой въ фактахъ политической жизни и въ исторіи литературы, чтобы отмѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ къ концу среднихъ вѣковъ происходитъ эманципація этого начала. *).

Средніе вѣка были, какъ мы неразъ видѣли, эпохой политическаго и экономическаго партикуляризма, въ сферѣ коего и вращалась отдѣльная личность. Отмѣченное явленіе имѣло и другую сторону. Общественная жизнь въ эту эпоху принимаетъ строго корпоративный характеръ, дробясь на жизнь мелкихъ мѣстныхъ союзовъ или болѣе крупныхъ, но исключительныхъ, въ составъ коихъ душою и тѣломъ

*) Многое о литературѣ подробнѣе изложено въ моей книгѣ «Литературная эволюція на Западѣ».

входятъ отдѣльныя личности, дробясь на жизнь обособленной сельской общины, феодальной сеньеріи, монастыря, города, цеха, гильдіи, товарищества, монашескаго ордена, университета, сословія и т. п. Въ этихъ корпораціяхъ исчезалъ и поглощался индивидуумъ, выступая на сцену міра именно въ качествѣ члена той или другой корпораціи, въ большинствѣ случаевъ въ ней родившагося, вполнѣ проникнутаго ея воззрѣніями и интересами, изъ нея не выходящаго, въ качествѣ дѣятеля, являющагося простымъ экземпляромъ извѣстной культурной группы, простымъ представителемъ извѣстнаго общественнаго союза. Въ городахъ возникали партіи, и двѣ великія партіи (гибеллиновъ и гвельфовъ) имѣли универсальное значеніе, но человѣкъ становился въ ряды той или другой партіи не потому, что лично ей больше симпатизировалъ, а потому, что родился въ гвельфской или гибеллинской семьѣ. Даже тогда, когда личность выступала на великой исторической сценѣ, она была лишь представительницей извѣстной, безъ нея сложившейся системы, представительницей, напр., папства или имперіи. Однимъ словомъ, личность поглощена вполнѣ своею культурно-соціальною средою, ограничена своими рамками, недостаточно проявляетъ оригинальность и самобытность своего я. Въ этомъ отношеніи новое время гораздо индивидуалистичнѣе среднихъ вѣковъ, впервые же болѣе развитой индивидуализмъ проявился въ Италіи XIV и XV вѣковъ, принявъ здѣсь формы, не особенно симпатичныя съ нравственной точки зрѣнія, чего, конечно, не слѣдуетъ распространять на личное начало вообще.

Съ конца XIII в. начинается въ Италіи разложеніе средневѣкового быта, разложеніе муниципальной жизни и той системы папства и имперіи, которая придавала нѣкоторое единство странѣ при ея муниципальной разрозненности. Съ паденіемъ имперіи, а за нимъ съ началомъ упадка и папства партіи гибеллиновъ и гвельфовъ потеряли свой смыслъ, и подъ ихъ знамена становятся сначала сословные интересы, а потомъ интересы личные и эгоистическія страсти, что весьма пагубно

отразилось на общественной нравственности. Эгоистическій индивидуализмъ эпохи особенно рельефно выразился въ двухъ ея характерныхъ явленіяхъ—въ кондотьерствѣ и принципатѣ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Италіи возникаютъ наемныя военныя дружины подъ начальствомъ такъ называемыхъ кондотьеровъ: это не были отряды феодальныхъ вассаловъ подъ предводительствомъ сюзерена, не были городскія милиціи, а сборища людей, не связанныхъ между собою ни феодальными, ни муниципальными узами, сошедшихся изъ разныхъ сторонъ авантюристовъ, искавшихъ легкой наживы и соединявшихся между собою въ силу личнаго подчиненія одному и тому же кондотьеру, который дѣйствовалъ самъ отъ себя и самъ для себя, нанимаясь на службу къ кому угодно, измѣняя интересамъ своихъ нанимателей, вступая въ сдѣлку съ кондотьеромъ противоположной стороны, при случаѣ будучи готовымъ наложить руку и на довѣрившійся ему городъ, сдѣлаться въ немъ княземъ. И принципатъ основывался на томъ же началѣ личнаго умѣнія, личной способности, личнаго своекорыстія, ибо князь пользовался въ своихъ видахъ соціальнымъ раздоромъ въ городѣ, захватывалъ власть въ свои руки, опирался не на наслѣдственное право, а на обстоятельства, которыя эксплуатировалъ въ собственную пользу, и на личное искусство пользоваться игрою чужихъ эгоистическихъ интересовъ, прибѣгая къ ловкой рѣчи и бойкому перу гуманистовъ, извлекая изъ покровительства литературѣ возможность окружать себя блескомъ и славой. И кондотьеръ, и «принчипе» не были частями готовой общественной системы: они не рождались съ правомъ на власть, какъ сеньеры, не достигали власти правильнымъ путемъ избранія, какъ духовные, они сами, личными силами своими создавали себѣ извѣстное положеніе и опирались не на опредѣленные политическіе принципы и традиціи, не на ранѣе существовавшую организацію соціальныхъ интересовъ, а на индивидуальныя страсти минуты, на благопріятно сложившіяся обстоятельства или дипломатическою своею ловкостью создавая для себя такія именно

обстоятельства. Тутъ все—не наслѣдственное званіе, не высокій санъ, составлявшіе части феодальной или католической системы, тутъ все—въ личной смѣлости и удачѣ. Кондотьера и князя окружали такіе же люди, ибо борьба политическихъ партій въ городахъ съ конфискаціями имѣній и изгнаніями гражданъ создавала большой контингентъ наемныхъ дружинъ. Но индивидуализмъ способенъ былъ принимать и не такія формы, которымъ въ данномъ случаѣ содѣйствовала общая дезорганизація стараго быта: напр., въ области литературнаго творчества проявляется въ иномъ видѣ все та же новая историческая сила личнаго начала.

Преобладанію корпоративнаго надъ личнымъ вполнѣ соотвѣтствуетъ преобладаніе традиціоннаго надъ самобытнымъ. Въ исторіи литературы при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени наблюдается эманципація личности отъ условной традиціонности и своего рода коллективизма, что не разъ отмѣчалось историками литературы. Область, въ которой безпрепятственнѣе всего проявляется личное начало, есть область духовной дѣятельности вообще, въ частности литература. Средневѣковая словесность была, однако, весьма далека отъ того, чтобы быть выразительницей личныхъ воззрѣній и настроеній, и на ея произведеніяхъ особенно отражается сила традиціи, коллективное творчество и слабое пониманіе общественной роли литературы, какъ органа, посредствомъ котораго личность пропагандируетъ свою мысль. Поэтическое творчество въ средніе вѣка вращалось въ извѣстныхъ традиціонныхъ границахъ, воспроизводило исключительно старинныя преданія о временахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ и обработывало уже извѣстный литературный матеріалъ. Вмѣстѣ съ этимъ національныя поэмы среднихъ вѣковъ, французскіе chansons de geste и romans d'aventures, находившіе подражанія и въ другихъ странахъ, нѣмецкіе Нибелунги и т. п. были результатомъ коллективнаго творчества: находя, напр., въ болѣе раннихъ «кантиленахъ» готовые сюжеты, французскіе труверы перерабатывали ихъ такъ, что въ со-

ставленныхъ ими произведеніяхъ отражалась не столько личность автора, сколько духъ среды, окружавшей поэта. Каждая поэма среднихъ вѣковъ носитъ на себѣ печать коллективнаго происхожденія: ей предшествуютъ былины, слагавшіяся многими народными пѣвцами, изъ этихъ былинъ заимствуется матеріалъ, который перерабатывается потомъ многими поэтами, весьма схожими между собою. Словомъ, личность автора тутъ стушевывается передъ литературной традиціей и духомъ извѣстной группы лицъ, принадлежащихъ къ одному соціальному классу, къ одной профессіи; она еще не выдвигается, какъ развитая, оригинальная личность. Поэтому біографія поэта еще мало объясняетъ его произведенія: почти все ихъ объясненіе—въ тѣхъ заимствованіяхъ, которыя сдѣланы авторомъ изъ традиціоннаго литературнаго матеріала,—заимствованіяхъ, исключавшихъ необходимость собственной выдумки,—да въ общемъ духѣ среды, отражающемся на творчествѣ одного поэта почти такъ же, какъ и на творчествѣ другого. Не даромъ не дошли до насъ біографическія свѣдѣнія о личностяхъ авторовъ Нибелунговъ, большей части chansons de geste и т. п. При такомъ состояніи литературы ея общественная роль весьма ограничена: авторъ, перепѣвая старое традиціонное содержаніе въ одномъ духѣ и направленіи съ другими современными ему поэтами, не смотритъ на это дѣло, какъ на способъ высказывать свои моральные и общественные взгляды, поэзія остается увеселеніемъ, забавой, лишь безсознательнымъ или непреднамѣреннымъ выраженіемъ мысли и настроенія личности и окружающей послѣднюю среды. Жизненные импульсы еще слабо вліяютъ на поэзію, и подражательность не имѣетъ въ нихъ противовѣса. Лишь провансальская лирика, пѣсни трубадуровъ, впервые начинаютъ болѣе жить современностью, носить на себѣ слѣды разнообразія личныхъ характеровъ и сознательно выражать личный взглядъ на общественныя дѣла, и не даромъ современники трубадуровъ оставили десятки тетрадокъ съ біографіями этихъ поэтовъ, недаромъ ихъ

„сирвенты“ заключаютъ въ себѣ сознательныя тенденціи съ публицистическимъ характеромъ. Тутъ же впервые зарождается и литературная критика, въ основѣ коей лежитъ личная и сознательная оцѣнка поэтическихъ произведеній.

Раньше было нами указано на то, что въ поэзіи исхода среднихъ вѣковъ преобладаютъ аллегорія, дидактика и сатира: онѣ уже менѣе всего даютъ возможности вращаться въ области традиціи, еще болѣе выдвигаютъ личность и даже прямо представляютъ въ себѣ связь поэзіи съ публицистикой и литературной критикой. Французскіе фабліо, а за ними новеллы уже выводятъ на сцену окружающее общество. За подробностями по этимъ вопросамъ я позволяю себѣ отослать къ моей книгѣ «Литературная эволюція на Западѣ», гдѣ развитіе словесности разсматривается именно съ точки зрѣнія слабости или силы проявляющагося въ ней личнаго начала и гдѣ указывается, между прочимъ, на примѣръ Данте, какъ перваго великаго единоличнаго поэта, составлявшаго, какъ самъ онъ о себѣ говоритъ, одинъ всю свою партію, хотя онъ еще стоитъ въ міросозерцаніи на чисто средневѣковыхъ точкахъ зрѣнія католицизма и схоластики.*) Въ самомъ дѣлѣ, съ конца среднихъ вѣковъ литература подъ вліяніемъ большаго развитія личности принимаетъ новый характеръ. Развитая личность не можетъ не получать импульсовъ отъ жизни, отъ окружающей дѣйствительности, отъ современности и въ той или другой формѣ не выражать этихъ импульсовъ въ своихъ произведеніяхъ, и если къ концу среднихъ вѣковъ падаетъ въ качественномъ (но не количественномъ, правда) отношеніи поэтическая разработка традиціоннаго содержанія въ традиціонныхъ формахъ, то современность и личное отношеніе автора къ современности въ ней проявляются уже съ значительною силою.

Примѣръ литературной эволюціи на Западѣ въ средніе вѣка и въ новое время можетъ служить иллюстраціей нѣко-

*) О Данте см. стр. 188—210 указанной книги.

тораго болѣе общаго тезиса. Культурно-соціальная среда, какъ и литературная традиція, оставались бы неизмѣнными безъ инноваторской роли личности: чѣмъ развитѣе личность по общимъ культурнымъ и соціальнымъ условіямъ, тѣмъ сознательнѣе и самостоятельнѣе относится она къ окружающей ее средѣ, тѣмъ болѣе новаго и самобытнаго вноситъ она въ умы современниковъ и въ формы общественнаго быта, и тѣмъ, слѣдовательно сильнѣе проявляется личное начало въ исторіи и въ жизни. Индивидуумъ не мирится съ исчезновеніемъ собственнаго Я въ традиціонныхъ воззрѣніяхъ своей культурной среды, съ поглощеніемъ этого Я въ традиціонныхъ требованіяхъ соціальной организаціи, въ составъ которой онъ входитъ, и благодаря его иниціативѣ, благодаря поддержкѣ, какую онъ находитъ въ другихъ, благодаря общему подъему уровня личнаго развитія въ обществѣ, индивидуализмъ начинаетъ все болѣе и болѣе играть роль историческаго фактора. *). Въ этомъ отношеніи существуетъ большая разница между средними вѣками и новымъ временемъ: въ средніе вѣка культурно-соціальная среда господствовала надъ личностью, и біографіи средневѣковыхъ дѣятелей интересны главнымъ образомъ по тѣмъ чертамъ культурно-соціальнаго состоянія, которыя отражались на отдѣльныхъ личностяхъ, тогда какъ, наоборотъ, въ новое время наибольшій интересъ имѣютъ біографіи людей, попадавшихъ въ противорѣчіе съ окружавшею ихъ средою и содѣйствовавшихъ измѣненію этой среды въ новомъ направленіи, біографіи реформаторовъ и новаторовъ, вносившихъ въ жизнь личную мысль, личную иниціативу. Конечно, и въ средніе вѣка были люди иниціативы, и въ новое время, какъ и всегда, традиція представляетъ изъ себя сильный общественный факторъ; конечно, и въ біографіи отдѣльной личности переплетаются между собою и черты индивидуальнаго характера, и признаки окружающей культурно-соціальной среды, но въ общемъ въ новое время число людей ини-

*) См. мою книгу «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи».

ціативы увеличивается, сама инниціатива усиливается. Разумѣется, что и индивидуальная біографія поэтому можетъ быть понята лишь при одинаковомъ отношеніи и къ тому, что въ данномъ индивидуумѣ оригинально, и къ тому, въ чемъ индивидуумъ этотъ является, лишь какъ представитель извѣстной культурной группы, извѣстнаго общественнаго союза, но именно общее, положительное или отрицательное отношеніе личности къ той или иной культурно-соціальной средѣ и заставляетъ историка видѣть въ ней преимущественно или носителя извѣстныхъ, внѣ ея существующихъ воззрѣній, или носителя собственныхъ, ею самою выработанныхъ взглядовъ.

Индивидуальное развитіе отражается и на томъ, что болѣе развитая личность требуетъ отъ общества для себя бóльшихъ правъ, для своей внутренней и внѣшней жизни— большей свободы. Мы разсматривали до сихъ поръ главнымъ образомъ общественную структуру, опредѣлявшую собою внѣшнее положеніе личности, а теперь перейдемъ къ духовной культурѣ среднихъ вѣковъ и переходнаго времени. Въ этой области большее личное развитіе новыхъ вѣковъ проявилось въ двухъ культурныхъ движеніяхъ гуманизма и протестантизма, нанесшихъ ударъ средневѣковому міросозерцанію съ его антииндивидуалистической подкладкой.

СРЕДНЕВѢКОВОЙ КАТОЛИЦИЗМЪ.

XXII. Католическая церковь и свѣтское общество *).

Отличіе средневѣковой цивилизаціи отъ античной и новой.—Программа дальнѣйшаго изложенія. — Принципы и стремленія средневѣкового католицизма. — Ростъ папства и происхожденіе католическаго универсализма. — Причины главенства церкви надъ государствомъ. — Разные періоды въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. — Теорія о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою.—Богословская основа политической литературы.—Главенство клира въ обществѣ.

Средневѣковая духовная культура отличалась своимъ церковнымъ характеромъ отъ свѣтской цивилизаціи античнаго міра въ эпоху наивысшаго развитія его интеллектуальныхъ силъ. Для античнаго человѣка на землѣ не было и не могло быть ничего выше государства, и право являлось для него или какъ выраженіе воли сувереннаго народа, или какъ совокупность предписаній государственныхъ сановниковъ. Съ другой стороны, всѣ цѣли своей жизни онъ полагалъ въ

*) Laurent. L'empire et la papauté (VI томъ Etudes sur l'histoire de l'humanité). L'église et la féodalité (VII томъ). La réforme (VIII томъ). Eicken. Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Friedberg. Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche. Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій, томъ I. Поль-Жане. Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей (Paul Janet. Hist. de la science politique). Reuter. Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter. Hauréau. Histoire de la philosophie scolastique. Кромѣ того, извѣстныя церковныя исторіи Неандера, Гизелера, Гагенбаха, Баура (Christliche Kirche des Mittelaters), весьма хорошій компендіумъ Шмидта Précis de l'histoire de l'église d'Occident pendant le moyen âge. Для средневѣкового міросозерцанія см. еще статьи проф. *В. И. Герье* въ «Вѣстн. Евр.» за 1891 и 1892 г.

этомъ мірѣ, возбуждавшемъ и пытливость его ума, а въ своей наукѣ и философіи онъ видѣлъ результаты дѣятельности человѣческаго разума, руководимаго своими собственными законами и наблюденіемъ надъ природою. Но уже въ концѣ античнаго міра, еще до торжества христіанства и до прихода варваровъ эта цивилизація начинаетъ проникаться иными началами. Императорская власть, опиравшаяся сначала на сенатъ, потомъ на войско, при Діоклетіанѣ воспринимаетъ въ себя элементы восточной теократіи. Въ Александріи возникаетъ философія, которая, отринувши опытъ и разумъ, обращается къ вѣрѣ, и такъ называемый неоплатонизмъ представляетъ изъ себя синтезъ греческой философіи съ восточными теософіями. Въ средніе вѣка мы видимъ дальнѣйшее развитіе этихъ новыхъ началъ въ томъ дуализмѣ духовнаго и свѣтскаго съ господствомъ перваго надъ вторымъ, который характеризуетъ католическую культуру. Въ античномъ государствѣ, въ Римской имперіи возникаетъ новое учрежденіе—церковь, и хотя языческая имперія и дѣлается христіанскою, но государство и церковь продолжаютъ существовать раздѣльно, становясь въ разныя отношенія между собою, а изъ этихъ отношеній на Западѣ развилось господство церкви надъ государствомъ, сдѣлавшееся политическимъ догматомъ средневѣкового католицизма. Рядомъ съ правомъ гражданскимъ становится теперь право церковное (каноническое), стремящееся расширить свою компетенцію и подчинить себѣ первое. Въ области умственной дѣятельности теологія установляетъ свое преобладающее положеніе, видя въ философіи и наукѣ лишь своихъ прислужницъ: philosophia est ancilla theologiae. То же происходитъ и въ моральномъ міросозерцаніи: античный человѣкъ создавалъ идеалы «калокагаѳіи» и доблести (virtus) или счастья, представляя себѣ и нравственное совершенство, и личное блаженство, какъ имѣющія цѣли въ этомъ мірѣ, тогда какъ средніе вѣка создали аскетическій идеалъ отреченія отъ міра и удрученія плоти ради загробнаго спасенія души. Господство церкви надъ міромъ и въ области практической дѣятельности, и въ сферѣ духовныхъ интересовъ, съ одной стороны,

а съ другой это отреченіе отъ жизни плотью и земными интересами, т. е. теократизмъ и аскетизмъ, нашедшіе воплощеніе въ папствѣ и монашествѣ, и составляютъ главныя черты средневѣкового міросозерцанія — притомъ въ отличіе не только отъ античной цивилизаціи, но и отъ духа новаго времени. Дуализмъ духовнаго, спиритуальнаго и свѣтскаго, темпоральнаго или мірского, секулярнаго остался и въ новой цивилизаціи, но въ ней происходитъ эманципація государства и образованія отъ церковной опеки, эманципація теоретическаго и моральнаго міросозерцанія отъ догматизма католической философіи и отъ отождествленія моральныхъ требованій христіанства съ аскетическимъ идеаломъ, происходитъ, однимъ словомъ, секуляризація политики и культуры, т. е. превращеніе ихъ изъ церковныхъ въ свѣтскія—политику и культуру. Такимъ образомъ общее міросозерцаніе новаго времени отличается отъ средневѣкового своимъ свѣтскимъ характеромъ. Процессъ перехода средневѣковой культуры въ новую и будетъ теперь главнымъ предметомъ нашего вниманія. Вотъ именно планъ, котораго удобнѣе всего держаться при разсмотрѣніи этого предмета.

Въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, т. е. въ XIV и XV столѣтіяхъ католицизмъ вызываетъ противъ себя двоякаго рода протесты и оппозиціи, зарождающіеся еще ранѣе этого времени и достигающіе наибольшей силы только позднѣе, въ новое время: съ одной стороны, дѣйствуютъ силы, становящіяся въ оппозицію во имя мірскихъ, свѣтскихъ интересовъ и принциповъ противъ теократіи и аскетизма, съ другой—выступаютъ элементы, протестующіе противъ порчи церкви во имя той же самой религіи, въ силу и ради которой существовала сама церковь. Мірской оппозиціи и религіознаго протеста какъ имѣющихъ разные источники, —первая въ сферѣ интересовъ земного бытія общества и личности, второй—въ религіозномъ чувствѣ и

въ мысли о загробномъ спасеніи,—не слѣдуетъ между собою смѣшивать, а потому мы разсмотримъ прежде всего какъ тѣ стороны католицизма, которыя вызывали противъ себя свѣтскую оппозицію, такъ и самую эту оппозицію, а затѣмъ другія стороны, противъ коихъ былъ уже направленъ протестъ религіозный. Въ связи съ оппозиціей перваго рода намъ удобно будетъ познакомиться съ гуманизмомъ, бывшимъ какъ бы „возрожденіемъ" свѣтскаго духа античной цивилизаціи, въ связи же съ религіознымъ протестомъ—попытки церковной реформы, выдвигающейся на первый планъ въ исторіи XVI вѣка и порождающей протестантизмъ. Этимъ мы и подготовимся къ пониманію новой цивилизаціи, въ исторіи которой важную роль играютъ антикатолическія движенія гуманизма и протестантизма съ ихъ новыми принципами не только философскими и моральными, но и соціально-политическими, въ силу чего ихъ значеніе относится и къ области исторіи общественныхъ движеній и государственныхъ перемѣнъ въ новое время. Замѣчу еще, что въ гуманизмѣ и протестантизмѣ отразился и индивидуализмъ новаго времени, предъявившій свои требованія къ духовной культурѣ общества.

Я соберу прежде всего воедино черты, характеризующіе средневѣковой католицизмъ, какъ извѣстную систему съ своими стремленіями и принципами, никогда, конечно, не осуществлявшимися въ совершенной полнотѣ и чистотѣ. Католицизмъ былъ именно космополитическою системою, игнорировавшей національныя различія, системою теократическою и клерикальною, подчинявшей свѣтскую власть церковной и свѣтскія сословія духовенству, системою догматической мысли и аскетической морали, отрицавшею индивидуальную свободу и права личности. Такимъ образомъ характерными признаками средневѣковаго католицизма можно считать универсализмъ, теократизмъ, клерика-

лизмъ, теологическій догматизмъ и аскетизмъ, а свѣтская оппозиція, которая противъ него возникала въ концѣ среднихъ вѣковъ, принимала характеръ оппозиціи національной, политической, соціальной, умственной и оппозиціи со стороны инстинктовъ человѣческой природы, поскольку средневѣковая церковь отрицала и народную самобытность, и государственную и общественную самостоятельность, и индивидуальныя права. Все это мы теперь и разсмотримъ въ отдѣльности.

Начнемъ съ универсализма церкви. Средневѣковой католицизмъ представляется намъ, какъ обширная космополитическая монархія, совершенно отрицающая національныя различія во имя строгаго церковнаго единства. Этотъ универсализмъ соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе идеѣ церкви: задача послѣдней заключалась въ установленіи на землѣ царства Божія, въ приготовленіи человѣка къ загробному спасенію, но путь къ спасенію могъ быть только одинъ, внѣ единой церкви не было спасенія, а потому церковь должна была относиться совершенно одинаково ко всѣмъ народамъ. Историческія обстоятельства сложились на Западѣ въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для того, чтобы такая идея могла получить весьма широкое примѣненіе къ жизни. Еще во времена Римской имперіи церковь, какъ учрежденіе, долженствующее охватить весь міръ, получила названіе католической т. е. вселенской (ecclesia catholica). Это единство церкви стало распадаться въ IX вѣкѣ: на общей основѣ христіанства возникли двѣ большія церкви, и въ этомъ раздѣленіи выразилось какъ различіе греческаго и римскаго генія, такъ и разная судьба обѣихъ половинъ имперіи. На Востокѣ шла дѣятельная разработка теоретической стороны христіанства, опредѣленіе его догматовъ: здѣсь возникали многочисленныя ереси, здѣсь же въ IV—VIII вѣкахъ созывались вселенскіе соборы для установленія общепризнаннаго ученія (въ Никеѣ, Константинополѣ, Эфесѣ и Халкедонѣ); на Западѣ духовенство занято было больше разрѣшеніемъ практическихъ вопросовъ, и бл. Августинъ въ своей книгѣ «De Civitate Dei» (V в.) поставилъ вопросъ

объ отношеніи церкви къ государству. Между тѣмъ въ то самое время, какъ на Востокѣ сохранились единство и авторитетъ имперіи, западная имперія пала и была раздѣлена варварами: нужно было найти новое выраженіе единства церкви, да и духовенство не могло здѣсь стать къ новымъ королямъ, грубымъ варварамъ, лишеннымъ авторитета и традиціи старой власти, въ то же отношеніе, въ какомъ оно находилось къ императору. Карлъ Великій сдѣлалъ попытку возстановить имперію, подчинить своей власти духовенство; къ этому стремились и его преемники, но феодальное раздробленіе, ослабленіе государственной власти, усиленіе римскаго епископа дѣлали такую задачу весьма трудною: здѣсь усилія ослабленной и раздробленной государственной власти встрѣтились съ противоположными стремленіями папъ, которые сами дѣлаются какъ-бы духовными монархами. Въ устройствѣ первоначальной церкви игралъ роль элементъ демократическій. Только съ IV вѣка епископатъ, получившій отъ императоровъ разныя привилегіи, собиравшійся на вселенскіе и помѣстные соборы, приводитъ церковь къ аристократическому устройству. Но и епископы не имѣли всѣ одинаковаго значенія: первый вселенскій соборъ (въ Никеѣ въ 325 г.) призналъ старшинство за Римомъ, Антіохіей и Александріей, а также за экзархомъ іерусалимскимъ; второй соборъ (константинопольскій 381 г.) непосредственно за римскимъ епископомъ поставилъ константинопольскаго; четвертый (халкедонскій 451 г.) утвердилъ за указанными пятью епископами титулъ патріарховъ, даровавъ первенство Риму. Такимъ образомъ когда пала западная имперія, на Западѣ былъ одинъ патріархъ, на Востокѣ—четыре. Но первенство не было еще главенствомъ: верховная власть въ церкви принадлежала соборамъ, гдѣ засѣдали епископы и въ которыхъ требовалось участіе патріарховъ. Областью римскаго епископа, гдѣ у него были особыя права, никейскій соборъ сдѣлалъ среднюю и южную Италію, Сардинію, Сицилію и Корсику. Между тѣмъ оба азіатскіе и африканскій патріархаты, незначительные по раз-

мѣрамъ, были завоеваны арабами, а между патріархами европейскими началось соперничество: папа Дамасъ былъ недоволенъ опредѣленіемъ второго собора, возвысившаго константинопольскаго епископа; Григорій Великій въ концѣ VI вѣка протестовалъ противъ титула „вселенскій" (universalis), который былъ данъ императоромъ Маврикіемъ константинопольскому патріарху. При этомъ соперничествѣ историческія обстоятельства сложились въ пользу Рима: послѣдніе императоры Запада жили въ Равеннѣ, и папа оставался первымъ лицомъ въ Римѣ, городѣ, оказывавшемъ такое обаяніе на провинціаловъ и варваровъ; въ концѣ V вѣка имперія падаетъ, и власть папы дѣлается болѣе независимой; притомъ во времена ересей, которыя волновали церковь, папа являлся защитникомъ правовѣрія, поддерживалъ связи съ православнымъ населеніемъ провинцій Запада, гдѣ господствовали еретики-аріане германцы. Паденіе имперіи и варварскія вторженія позволяли папамъ играть уже совсѣмъ самостоятельную роль. Византія, отвоевавшая у остъ-готовъ Италію (въ первой половинѣ VI вѣка), сохраняетъ еще право утвержденія папъ, но дальность разстоянія и завоеваніе Италіи лангобардами (во второй половинѣ VI вѣка) дѣлаютъ власть Византіи надъ Римомъ весьма слабою. Въ концѣ VI вѣка папа Григорій Великій очутился прямо въ положеніи свѣтскаго правителя Рима: онъ тратитъ свою казну на закупку хлѣба, откупается отъ лангобардовъ, надзираетъ надъ чиновниками въ городахъ Италіи. При его содѣйствіи аріане лангобарды въ Италіи и вестъ-готы въ Испаніи присоединяются къ церкви, а кромѣ того, папа посылаетъ миссіонера въ Британію для обращенія язычниковъ англо-саксовъ, взявъ обѣщаніе подчинить новую церковь непосредственно Риму. Въ VII вѣкѣ осужденіе шестымъ вселенскимъ соборомъ ереси моноѳелитовъ (въ Константинополѣ 680 г.), противъ которой особенно ратовали папы, было своего рода торжествомъ римскаго престола, и въ томъ же вѣкѣ императоръ Константинъ Пагонатъ соглашается, чтобы избраніе папы не дожидалось утвержденія изъ Византіи, хотя вліяніе византійскаго намѣст-

ника въ Италіи (экзарха) на выборы сказывается еще въ томъ, что въ папы нѣкоторое время попадаютъ только греки и сирійцы. Въ первой половинѣ VIII вѣка возникновеніе на Востокѣ ереси иконоборцевъ приводитъ папу Григорія II въ столкновеніе съ императоромъ Львомъ III; тотъ же Григорій II посылаетъ миссіонера въ Германію обращать язычниковъ, взявъ съ него обѣщаніе подчинить новую церковь Риму, и миссіонеръ этотъ (св. Бонифацій), предсѣдательствуя на соборахъ галльскаго духовенства, проводитъ и во франкской монархіи идею папскаго главенства. Въ борьбѣ съ лангобардами, тѣснившими папу въ Римѣ, Григорій II обращаетъ свои взоры къ франкамъ, и при преемникахъ его во второй половинѣ VIII вѣка совершается важный переворотъ: папы освящаютъ узурпацію франкской королевской короны майордомомъ Пепиномъ Короткимъ, который защищаетъ ихъ отъ лангобардовъ, отвоевываетъ равеннскій экзархатъ въ Италіи, достояніе Византіи, и даритъ его Св. престолу. Сынъ Пепина Карлъ Великій подтверждаетъ этотъ даръ, распространяетъ въ Германіи христіанство, возвышаетъ духовную власть папы въ своей имперіи, а принятіе имъ императорскаго титула переноситъ на него и его преемниковъ право утвержденія папъ. Однако въ половинѣ IX вѣка папа Стефанъ IV посвящается безъ утвержденія со стороны императора, а во время междоусобій, послѣдовавшихъ за распаденіемъ имперіи Карла Великаго, папы произвольно распоряжаются императорской короной. Около того же времени являются лжеисидоровы декреталіи, подложный документъ яко-бы изъ первыхъ вѣковъ христіанства, по которому папѣ одному приписывается право утвержденія епископовъ, созванія и утвержденія рѣшеній соборовъ, принимать аппеляціи на дѣйствія всѣхъ духовныхъ властей, и галльскіе епископы, напр., охотно подчинились такой власти, расчитывая, что отдаленная власть папы не такъ опасна, какъ болѣе близкая власть митрополита: Николай I именно на основаніи этихъ декреталій разрѣшилъ въ пользу епископовъ фран-

цузскихъ споръ ихъ съ властолюбивымъ архіепископомъ реймскимъ. Такимъ образомъ ко времени распаденія монархіи Карла Великаго и утвержденія феодализма папство достигаетъ важныхъ результатовъ, которые можно обобщить подъ названіемъ независимой отъ свѣтскихъ государей церковной монархіи. Въ этой монархіи устанавливается строгое единство, выраженіемъ коего было исключительное употребленіе латинскаго языка въ церковной жизни. Когда христіанство утвердилось въ Римской имперіи, западныя ея провинціи были уже романизированы, т. е. говорили на народно-латинскомъ языкѣ, и письменная латынь, употреблявшаяся въ церкви, была понятна ихъ населенію, ибо только позднѣе изъ простонародной латыни (sermo rusticus) развились романскіе языки, да и тѣ очень поздно стали получать литературную обработку. Первая церковь не романская, въ коей богослуженіе было введено на совершенно чуждомъ и непонятномъ народу языкѣ, была англосаксонская, съ самаго начала ставшая въ непосредственную зависимость отъ римскаго престола, а за нею черезъ вѣкъ съ небольшимъ послѣдовала церковь германская, равнымъ образомъ принявшая латинскій языкъ, какъ языкъ своей письменности и богослуженія. Романскія церкви, только позднѣе ставшія въ такія же отношенія къ римскому епископу, уже раньше пользовались тѣмъ же языкомъ, и къ серединѣ IX в., ко времени начала христіанства среди славянъ, на Западѣ уже раздавались протесты противъ употребленія народныхъ нарѣчій въ богослуженіи, такъ какъ право на такое употребленіе признавалось лишь за языками еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ. Когда позднѣе на самомъ Западѣ явилась потребность въ переводахъ священнаго писанія на народные языки, папство отнеслось къ этому недружелюбно и даже стало запрещать такіе переводы. Въ эпоху наибольшаго развитія папскаго могущества централизація, отрицавшая національное начало въ жизни народовъ, все болѣе и болѣе проникала въ отношенія Рима къ отдѣльнымъ странамъ, въ которыхъ, однако, съ XIV вѣка начинаетъ развиваться національное самосознаніе, мало по малу приходящее въ столкновеніе съ католическимъ универсализмомъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя создали на Западѣ эту космополитическую духовную монархію, дозволили церкви достигнуть господства и надъ государствомъ. На ея сторонѣ была громадная сила: это была сила вѣры въ массахъ, соединенной со страхомъ отлученія отъ церкви и интердикта, налагавшагося на цѣлыя страны; это была сила образованія, главнымъ представителемъ котораго въ обществѣ было духовенство; это была сила организаціи, охватывавшей въ іерархической централизаціи всѣ страны западной Европы съ ихъ шаткою государственною властью и феодальной разрозненностью; это была сила матеріальная—обширныя земли и громадные доходы духовенства. Заслуги церкви передъ обществомъ также немало возвышали ея авторитетъ: церковь оказывала какую ни на есть защиту слабымъ; монастыри были піонерами высшей культуры; въ XI вѣкѣ духовенство учрежденіемъ божія мира пыталось ограничить феодальныя усобицы; папство стояло, наконецъ, во главѣ популярнаго предпріятія католическаго Запада противъ мусульманскаго Востока (крестовые походы, 1096—1291).

Разложеніе государства въ феодальную эпоху и было тою почвою, на которой могла получить практическое осуществленіе теорія о главенствѣ церкви надъ государствомъ. Въ исторіи отношеній между церковью и государствомъ можно различить нѣсколько эпохъ: первая обнимаетъ I—III вѣка, когда церковь существовала въ языческомъ государствѣ; вторую составляютъ IV—VI вѣка, когда церковь находилась въ зависимости отъ государства; потомъ на Западѣ обнаруживается стремленіе церкви къ независимости и господству, которому, однако, препятствіе составляла власть императоровъ въ лицѣ Карла В., Оттона В. и Генриха III: послѣдній составилъ даже планъ подчинить мірянъ священникамъ, священниковъ епископамъ, епископовъ папѣ, а папу себѣ, чтобы осуществить свои грандіозные планы. Съ Григорія VII, какъ извѣстно, начинаются новыя отношенія: нетолько заявляются притязанія на господство надъ государями, но притязанія эти осуществляются на практикѣ.

Если бы осуществились вполнѣ стремленія Григорія VII, Иннокентія III (въ началѣ XIII вѣка) и Бонифація VIII (въ началѣ XIV вѣка), то духовная власть сдѣлалась бы такимъ подавляющимъ элементомъ общественной жизни на Западѣ, противъ котораго всякое сопротивленіе было бы почти невозможнымъ. При Григоріи VII споромъ за инвеституру съ Генрихомъ IV открывается вѣковая борьба церкви и государства. На имперію главнымъ образомъ падаютъ удары папства: она владѣла Италіей и заявляла притязанія на верховенство надъ Римомъ; власть императора была высшею свѣтскою властью на Западѣ. „Преемникъ апостоловъ" хотѣлъ подчинить себѣ „наслѣдника цезарей"; „всеобщій епископъ" (episcopus universalis) хотѣлъ стать выше „господина міра" (dominus mundi); папа былъ блюстителемъ душъ, императоръ—блюстителемъ тѣлесъ, и по скольку духъ выше тѣла, постольку императоръ долженъ былъ подчиняться главѣ той церкви, которой онъ обязанъ былъ служить въ качествѣ „защитника" (advocatus ecclesiae). При случаѣ и короли чувствовали надъ собою тяжесть папской десницы и должны были смиряться.

Вопросъ о достоинствѣ духовной и свѣтской власти былъ поставленъ еще въ первые вѣка христіанства и весьма рано разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что священство выше царскаго сана. Понималось, однако, такое отношеніе не въ политическомъ, а въ моральномъ смыслѣ, и только при особыхъ историческихъ обстоятельствахъ, какія сложились на Западѣ, изъ моральнаго превосходства духовнаго надъ мірскимъ сдѣлали такой политическій выводъ, которому оказалось возможнымъ дать и практическое значеніе. Ранѣе всего идею, положенную папствомъ въ основу своей политической теоріи, мы встрѣчаемъ въ такъ называемыхъ „апостольскихъ правилахъ", въ коихъ говорится, что „насколько душа выше тѣла, настолько священство выше царскаго сана, ибо оно связываетъ и разрѣшаетъ достойныхъ наказанія и прощенія". Ту же мысль высказываетъ и Григорій Богословъ: „законъ Христа, говоритъ онъ, подчинилъ васъ (свѣтскихъ властителей) нашей власти и нашему суду, ибо и мы властвуемъ,

и прибавлю: властью высшею и совершеннѣйшею, нежели ваша. Или духъ долженъ повиноваться плоти и земному небесное?" „Священство, читаемъ мы у Іоанна Златоуста, настолько выше царской власти, насколько велико разстояніе между плотью и духомъ. И епископъ—князь, и гораздо почетнѣйшій земнаго: священные законы преклонили царскую главу подъ его руку, и когда требуется небесное благо, то царь прибѣгаетъ къ священнику, а не священникъ къ царю... Священникъ—высшій правитель земли и происходящаго на землѣ, нежели тотъ, кто облеченъ въ пурпуръ... Одни предѣлы царства, другія—священства. Однако послѣднее больше перваго". На Западѣ аналогичная идея, притомъ съ болѣе практическимъ характеромъ была развита блаж. Августиномъ въ сочиненіи „De Civitate Dei", въ коемъ онъ изображаетъ борьбу двухъ царствъ—божьяго и дьявола; первое—церковь—основано Богомъ, второе—государство—людьми и притомъ незнающими Бога. Подобное же мнѣніе было развиваемо впослѣдствіи папою Геласіемъ, который въ письмѣ къ императору Анастасію (въ концѣ V вѣка) говоритъ: „есть главнымъ образомъ двѣ власти, коими управляется міръ, священная власть іереевъ и власть царская. Изъ нихъ первые имѣютъ тѣмъ болѣе вѣса, что они должны за самихъ царей дать отчетъ Богу на страшномъ судѣ". Въ эпоху борьбы своей съ Генрихомъ IV Григорій VII прямо дѣлаетъ отсюда политическій выводъ, напримѣръ, въ письмѣ къ епископу мецскому Герману: „Развѣ Богъ сдѣлалъ изъятіе для царей, когда сказалъ Петру: „паси овецъ моихъ?" Вы знаете, чьи члены цари, которые свою честь и свои выгоды мірскія ставятъ выше божественной правды: какъ тѣ, которые поставляютъ Бога превыше всякой своей воли суть члены Христа, такъ тѣ, о которыхъ мы говоримъ,—члены антихриста.... Но, можетъ быть, они полагаютъ, что царская власть выше епископской; объ этомъ можно судить по ихъ происхожденію: одну изобрѣла человѣческая гордость, другую установила божественная любовь. Кто не знаетъ, что цари и князья ве-

дутъ свое начало отъ тѣхъ, которые, не вѣдая Бога, гордостью, разбоемъ, лукавствомъ, убійствами, наконецъ, почти всѣми злодѣяніями, побуждаемые дьяволомъ, княземъ міра сего, въ слѣпой своей алчности и въ невыносимомъ самопревознесеніи, присвоили себѣ власть надъ равными себѣ, т. е. надъ людьми?... Кто сомнѣвается, что служители Христа— отцы и учители царей, князей и всѣхъ вѣрныхъ! Такъ не есть ли это безуміе, когда сынъ хочетъ подчинить себѣ отца и ученикъ—учителя и покорить своей власти того, кѣмъ онъ можетъ быть связанъ, не только на землѣ, но и на небѣ?" Или вотъ что читаемъ мы въ знаменитой буллѣ Бонифація VIII „Unam Sanctam". „Мы обязаны вѣровать въ единую святую, католическую и апостольскую церковь. У единой и единственной церкви одно тѣло, одна глава, а не двѣ, какъ у чудовища, т. е. Христосъ и намѣстникъ Христа — Петръ и преемникъ Петра. Изъ святыхъ словъ мы узнаемъ, что въ его власти два меча, духовный и свѣтскій. Ибо, когда сказали апостолы: „вотъ два меча здѣсь", т. е. въ церкви,— не сказалъ Господь „много", но „довольно", т. е. оба меча, духовный и матеріальный находятся въ церкви: первый долженъ извлекаться церковью, второй—за церковь, первый— рукою священника, второй—рукою королей и воиновъ, но по приказанію и желанію священника. Необходимо, чтобы мечъ былъ подъ мечемъ и чтобы власть свѣтская подчинялась духовной (temporalem auctoritatem spirituali subjici potestati). Ибо, по свидѣтельству истины, духовная власть должна поставлять свѣтскую и судить ее, если она не хороша. Если прегрѣшитъ власть свѣтская, она должна судиться духовною, если низшая духовная прегрѣшитъ, то ее судитъ высшая, а эта можетъ быть судима однимъ Богомъ".

Мы еще увидимъ, какіе практическіе выводы дѣлались изъ подобныхъ ученій, а пока ограничимся указаніемъ на то, что опредѣленіе отношеній между церковью и государствомъ породило цѣлую политическую литературу богословскаго характера, въ которой

преобладаетъ въ періодъ времени отъ Григорія VII до Бонифація VIII, т. е. со второй половины XI по конецъ XIII в. теократическая идея, хотя и не безусловно. Эта идея во всякомъ случаѣ соотвѣтствовала духу папской политики въ эти вѣка борьбы папства и имперіи, а теологическая основа политической литературы вполнѣ гармонировала съ общимъ направленіемъ средневѣкового мышленія. Стоитъ заглянуть въ любую исторію политическихъ ученій, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторами трактатовъ съ такимъ содержаніемъ были духовныя лица, монахи и схоластики, ставившіе политическіе вопросы на богословскую почву и разрѣшавшіе ихъ ссылками на священное писаніе, на отцовъ церкви, на каноническое право, на теологическія соображенія.

Разъ церковь господствовала надъ государствомъ, весьма естественно, что и въ обществѣ первенство должно было принадлежать духовенству. Лжеисидоровы декреталіи приписывали апостолу Петру такого рода разсужденіе: „духовные—люди духа, свѣтскіе—люди плоти. Какъ плоть можетъ судить духъ, какъ низшіе стали бы судить высшихъ? Духовные суть орудія Господа, ихъ дѣла суть дѣла Божіи: какой дерзкій осмѣлится сдѣлать себя судьей Всемогущаго?“ Или вотъ что читаемъ мы у св. Даміана: „мірской человѣкъ—какъ бы ни былъ онъ благочестивъ—не можетъ быть сравниваемъ даже съ несовершеннымъ монахомъ, ибо золото, хотя бы и съ постороннею примѣсью, драгоцѣннѣе чистаго золота“.

Послѣдовательное осуществленіе католическихъ принциповъ въ жизни цѣлыхъ обществъ было бы гибелью ихъ національнаго, политическаго и соціальнаго развитія. Но если эти тенденціи были такъ враждебны мірскимъ началамъ народности, государства и общества, то не менѣе враждебны были эти тенденціи и личному развитію. Система, отрицавшая право на самоопредѣленіе за цѣлыми культурными группами и соціальными соединеніями, конечно, не могла быть благосклоннѣе къ самоопредѣленію индивидуальному.

XXIII. Отношеніе католицизма къ личности.

Догматизмъ и аскетизмъ въ области индивидуальной мысли и жизни.— Отношенія католицизма къ образованію и наукѣ.—Схоластика и школьная наука.—Аскетическія требованія.—Монашеское отрицаніе радостей жизни.—Проявленія монашескаго идеала.—Недовѣріе къ личнымъ силамъ.—Отношеніе къ ереси.—Главныя силы, боровшіяся въ новое время съ католической системой.—Противорѣчіе между властью надъ міромъ и отреченіемъ отъ міра.

Высшими проявленіями индивидуальной жизни должно считать мышленіе и хотѣніе, съ которыми соединяются въ каждомъ единичномъ бытіи извѣстные инстинкты, влекущіе человѣка къ матеріальному обезпеченію своего Я и къ расширенію своего индивидуальнаго существованія въ брачной и семейной жизни. Догматизмъ средневѣкового католицизма подчинялъ индивидуальную мысль готовымъ рѣшеніямъ собственной своей философіи или отвлекалъ ее отъ занятія свѣтскими науками, въ коихъ высказывался интересъ къ окружающему міру, тогда какъ аскетизмъ объявлялъ грѣховными и безнравственными стремленія человѣка къ свободному проявленію своей воли, къ матеріальному благосостоянію, т. е. къ физическому здоровью и достатку и наконецъ къ любви, браку и семьѣ, выставляя, какъ общеобязательныя нормы, монашескіе обѣты послушанія, нестяжанія и цѣломудрія.

Philosophia est ancilla theologiae: въ этихъ словахъ Өомы Аквинскаго выразился взглядъ духовнаго сословія на науку и философію. Человѣческой мысли отводились такимъ опредѣленіемъ весьма тѣсные предѣлы, да и въ этихъ предѣлахъ она не могла быть свободной, ибо клиръ считалъ себя обладателемъ готовой истины по всѣмъ вопросамъ мысли и жизни, хотя бы эти вопросы и не были строго религіозными. На почвѣ такого отношенія къ знанію развилась знаменитая схоластика, т. е. школьная философія. Хотя ея основатель, какъ мы увидимъ и

высказывалъ раціоналистическіе взгляды, но по самому существу своему эта философія имѣла цѣлью — подкрѣпить доводами разума извѣстныя незыблимыя положенія. Возстановитель философскаго элемента въ теологіи, кентерберійскій архіепископъ Ансельмъ, прямо ставилъ такую задачу въ своемъ «credo, ut intelligam». Въ такомъ же отношеніи къ церкви находились тривіумъ (грамматика, риторика и діалектика) и квадривіумъ (ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка) или такъ называемыя семь свободныхъ искусствъ (artes liberales), преподававшіяся въ школахъ, ибо грамматикѣ обучали для лучшаго пониманія божественныхъ книгъ, риторикѣ для правилъ священнаго краснорѣчія, діалектикѣ для достиженія искусства опровергать ереси, астрономіи для опредѣленія дня пасхи и т. п. Если во имя господства надъ міромъ средневѣковая церковь должна была дорожить образованіемъ подъ условіемъ собственной своей монополіи въ этой области, то аскетическое отреченіе отъ міра ставило ее прямо въ отрицательное отношеніе къ научному знанію. Съ этой точки зрѣнія послѣднее считалось подозрительнымъ, какъ ведущее свое начало отъ язычниковъ, грѣховнымъ, какъ привязывающее къ бренному міру, во всякомъ случаѣ лишнимъ для спасенія. Все это можно иллюстрировать подлинными словами представителей строго аскетическаго направленія въ католицизмѣ. „Дошло до насъ, писалъ папа Григорій Великій (около 600 г.) къ вьеннскому епископу,—дошло до насъ, о чемъ мы не можемъ вспомнить безъ стыда, а именно, что ты обучаешь кого-то грамматикѣ. Извѣстіе объ этомъ поступкѣ, къ которому мы чувствуемъ великое презрѣніе, произвело на насъ впечатлѣніе очень тяжелое: однѣми устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру... Если вы докажете ясно, что все разсказанное о васъ ложно, что вы не занимаетесь вздорными свѣтскими науками, тогда мы будемъ прославлять Господа нашего, который не допустилъ оскверниться устамъ вашимъ“. Или вотъ какъ смотритъ на науку св. Даміанъ:

„Богъ поручилъ проповѣдовать свой законъ людямъ простымъ, а не ученымъ. Св. Бенедиктъ не блисталъ наукою. Св. Антоній бросилъ Платона, чтобы довольствоваться Евангеліемъ. Къ чему наука христіанамъ? Развѣ зажигаютъ фонарь, чтобы видѣть солнце: оставимъ науку Юліанамъ Отступникамъ. Св. Іоаннъ обходился безъ нея. Св. Григорій ее презиралъ, Св. Іеронимъ упрекалъ себя въ ней, какъ въ преступленіи". Св. Бернаръ Клервальскій стремленіе къ наукѣ также считалъ лишь грѣшною суетою: «они, говоритъ онъ, называются философами, мы были бы болѣе правы, назвавъ ихъ любопытными и суетными людьми». «Мнѣ больно пишетъ, еще напр. Петръ Достопочтенный, видѣть тебя преданнымъ упорному труду безъ всякой надежды на награду. Цѣль философіи не заключается ли въ счастіи? а развѣ можно назвать философомъ того, чьи всѣ стремленія направлены къ пріобрѣтенію не вѣчнаго блажества, а вѣчной смерти? Древніе блистали въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ: къ чему послужила имъ эта образованность? Когда истина воплотилась, она отвергла ихъ науку. Сынъ Божій призывалъ не ученыхъ, но нищихъ духомъ, это имъ обѣщалъ Онъ царство небесное. Пусть замолчитъ человѣческое чванство, когда заговорило слово божественное! Пусть спрячется заблужденіе, когда явился свѣтъ! Развѣ апостолъ не сказалъ, что мудрость человѣческая есть безуміе»? Св. Францискъ осуждаетъ и считаетъ грѣшными стремленія монаховъ къ наукѣ. «Есть много братьевъ, говоритъ онъ, заботящихся о пріобрѣтеніи науки: забывая свое призваніе, они удаляются со святого пути смиренія. Братья, любопытствомъ влекомые къ наукѣ, увидятъ въ день страшнаго суда, что руки ихъ пусты.... Прійдетъ этотъ день, и тогда безполезныя книги годны будутъ только на то, чтобы ихъ бросить въ огонь.... Не предавайтесь же суетной наукѣ міра». «Что такое жизнь человѣческая, какъ не путешествіе? спрашиваетъ Hugo de Sancto-Victore, —мы путники и только проходя, видимъ этотъ міръ. Если на пути мы встрѣчаемъ незнакомыя вещи, то есть ли смыслъ отдать себя въ ихъ власть и своротить

съ своей дороги? А это-то и дѣлаютъ люди, посвящающіе себя наукѣ: неосторожные прохожіе, они забываютъ цѣль своего путешествія, они не направляются къ своему отечеству».

Таково было проявленіе аскетическаго міросозерцанія по отношенію къ знанію, но имъ, міросозерцаніемъ этимъ, отрицалось вообще все, что вытекаетъ изъ инстинктовъ человѣческой природы. Средневѣковая этика, исходившая изъ идеи грѣховности плотской жизни и мірскихъ интересовъ, была этикою аскетической, а аскетизмъ, требовавшій отъ человѣка уничтоженія въ себѣ воли жить и пользоваться радостями жизни, былъ прямо противоположенъ тому индивидуализму, который составляетъ отличительную черту новаго времени. Аскетическая мораль въ лицѣ крайнихъ своихъ представителей требовала и отъ мірскихъ людей, и отъ духовныхъ „презирать міръ, ибо весь міръ есть царство Сатаны“, какъ выражались писатели этого направленія: съ этой стороны аскетизмъ, какъ требованіе, предъявлявшееся личной жизни, является по отношенію къ этой послѣдней столько же характернымъ требованіемъ, сколько теократическія стремленія характеризуютъ католическую систему по ея отношенію къ разнымъ родамъ людскаго общежитія. Мы можемъ опять иллюстрировать эту сторону католическаго міросозерцанія подлинными заявленіями его представителей. „Блаженны избранные, восклицаетъ, напр., св. Бонавентура, которыхъ Господь спасаетъ среди великаго множества погибающихъ? Христосъ, принимая монаховъ въ свой ковчегъ, спасаетъ ихъ отъ міра, какъ пастырь исторгаетъ нѣсколько ягнятъ изъ пасти хищнаго звѣря“. Или вотъ что пишетъ св. Бернардъ Клервальскій отъ имени одного монаха новичка къ его родителямъ, звавшихъ его домой „Развѣ мало одного дьявола на людскую погибель? нужно ли еще, чтобы ученики Христовы ему помогали? Плакать о сынѣ, идущемъ въ монастырь—значитъ плакать о томъ, что сынъ Сатаны дѣлается сыномъ Божіимъ: это безуміе, это жестокость, это преступленіе. Вы не родители мои,—вы мои враги. Что вы мнѣ дали

кромѣ грѣха и несчастья? Вамъ мало, несчастные, что вы родили меня, несчастнаго, въ эту юдоль несчастья; вамъ мало было, грѣшникамъ, зачать меня, грѣшника, во грѣхѣ: вы не довольны божественною благодатью, спасающей меня отъ смерти, вы хотите сдѣлать меня сыномъ геенны чести огненной". Другое письмо того же Бернарда къ одному молодому человѣку, покинувшему монастырь по просьбѣ родныхъ, переполнено упреками противъ него, какъ отдавшаго добровольно душу свою въ руки Сатаны. „Богъ призвалъ тебя къ себѣ, и вотъ ты покинулъ его, чтобы идти за дьяволомъ. Родители твои бросаютъ тебя въ пасть льва погружаютъ тебя въ пучину смерти; демоны ждутъ тебя, они готовы схватить свою добычу". Объяснить такую вражду къ міру мы можемъ прямо словами св. Бонавентуры, перечисляющаго причины, по которымъ надо презирать все мірское. „Должно презирать міръ, говоритъ онъ, прежде всего за тревоги, доставляемыя властолюбіемъ, почестями и богатствомъ, потомъ потому, что любящіе земныя блага начинаютъ пренебрегать небесными. Въ концѣ концовъ благополучіе міра сего—одна суета; слава проходитъ, и остаются отъ нея прахъ и черви. Весьма трудно спастись въ мірѣ. Спѣшите покинуть его и удалиться въ грады убѣжища—монастыри, чтобы каяться въ прошлыхъ грѣхахъ и сдѣлаться достойными будущей славы". Такимъ образомъ въ средніе вѣка монашеская жизнь считалась идеаломъ совершенной жизни; монаховъ исключительно даже называлирелигіозными людьми (religiosi) и, играя созвучіемъ словъ, доказывали, что „cella" и „coelum" (келья и небо) одно и то же. Вильгельмъ, аббатъ S. Thierri, пишетъ: „совершенный монахъ не только хочетъ того же, чего хочетъ Богъ, но онъ и не можетъ хотѣть иного, кромѣ того, чего хочетъ Богъ. Хотѣть одного съ Богомъ—значитъ уже быть подобнымъ Богу, не мочь хотѣть чего нибудь другого—значитъ быть тѣмъ, чѣмъ есть Богъ, ибо для Бога хотѣніе и бытіе одно и тоже". Съ точки зрѣнія этого монашескаго идеала осуждались такимъ образомъ всѣ радости жизни, всякое удовлетвореніе вложен-

ныхъ въ человѣка природою инстинктовъ,—заботы о здоровьѣ, стремленіе къ независимости, желаніе матеріальной обезпеченности, любовь, бракъ, семейная жизнь. „Гиппократъ, говоритъ св. Бернардъ Клервальскій, учитъ сохранять тѣло, Іисусъ Христосъ—губитъ его. Кого вы возьмете за руководителя?.... Мнѣ говорятъ: это вредно желудку, а то—для груди. Въ Евангеліи, чтоли, или у пророковъ читали вы эти вещи? Это плоть нашла такую мудрость, а не божественный духъ. Пусть стада Эпикура заботятся о своемъ тѣлѣ: что касается до нашего божественнаго Учителя, то онъ научаетъ презирать здоровье". Равнымъ образомъ монашествомъ осуждалось стремленіе къ личной свободѣ. „Монахъ, говоритъ св. Бонавентура, долженъ непремѣнно заботиться о томъ, чтобы сокрушать свою волю, подчиняя ее приказаніямъ старшихъ". Лица, поступавшія въ монашескіе ордена, должны были далѣе, отказываться отъ всякой личной собственности. Тѣмъ не менѣе у монастырей вслѣдствіе даровъ и подаяній частныхъ лицъ возникла общая собственность, которая со временемъ приняла такіе размѣры, что противъ нея возникла въ монашествѣ оппозиція и въ XIII вѣкѣ образовались нищенствующіе ордена францисканцевъ и доминиканцевъ. „Отказъ отъ собственности, пишетъ францисканецъ св. Бонавентура, есть возвращеніе къ совершенству земнаго рая, ибо безъ грѣхопаденія не было бы собственности, ни частной, ни общей. Вслѣдствіе грѣхопаденія есть два царства: царство Божіе и царство Сатаны; жадность есть основа послѣдняго,—безусловная бѣдность разрушаетъ жадность въ корнѣ,—значитъ, она идеалъ совершенства. Общая собственность оставляетъ существованіе зародыша скупости; опасность исчезаетъ съ прекращеніемъ всякой собственности". Къ плотской любви относились монахи особенно враждебно,—всѣ возникающія изъ нея отношенія считались грѣхомъ. Hugo de Sancto Victore въ сочиненіи своемъ „De nuptiis" пишетъ о женщинѣ: „женщина—причина зла, корень ошибки, вмѣстилище грѣха; она соблазнила человѣка въ раю, она его соблазняетъ еще и на землѣ и она же увлечетъ его въ про-

пасть ада". Викентій Бовезскій говоритъ: „женщина—сладкій ядъ, причиняющій вѣчную смерть, она—факелъ Сатаны, она—дверь, въ которую входитъ дьяволъ". При такомъ взглядѣ на женщину поборники аскетическаго идеала должны былиестественно осуждать и бракъ. Вотъ, что говоритъ, напр., на этотъ счетъ Григорій Великій: „апостолъ, дозволяя бракъ, исполняетъ должность небеснаго врача: онъ не думаетъ предписывать правило здоровымъ, но даетъ лѣкарство больнымъ". Нѣкоторые аскеты смотрѣли поэтому на бракъ, какъ на величайшее зло. Такъ Петръ Ломбардскій заявлялъ, что „бракъ есть таинство, какъ лѣкарство противъ безпутства: его дозволяютъ слабымъ, чтобы предупредить еще большее зло». Такой же взглядъ на бракъ былъ у Ѳомы Аквинскаго. „Бракъ, говоритъ онъ, есть зло прежде всего для души, ибо ничто такъ не пагубно для добродѣтели, какъ плотское сожитіе. Онъ—зло для тѣла, ибо человѣкъ подчиняется женщинѣ, а это самое горькое рабство. Наконецъ, человѣкъ, имѣющій жену и дѣтей, долженъ необходимо заниматься внѣшними дѣлами, но, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, невозможно служить Богу, вмѣшиваясь въ дѣла міра". „Любовь къ женщинѣ, писалъ Hugo de S. Victore, есть пучина смерти, это—морская волна, увлекающая насъ въ пропасть". По мнѣнію св. Бонавентуры „бракъ не узаконяетъ этой любви, онъ едва ее оправдываетъ; любовь сама въ себѣ—презрѣнная, гнусная вещь, она препятствіе для любви къ Богу, единственной законной любви".

Таковы были прямыя заявленія аскетической литературы. Этимъ заявленіямъ соотвѣтствовалъ типъ монаха-аскета, разработанный средневѣковою литературою и искусствомъ. Въ первой мы имѣемъ цѣлый рядъ житій святыхъ отшельниковъ, цѣлый рядъ благочестивыхъ легендъ, проповѣдей и размышленій на тему отреченія отъ міра и удрученія плоти. Тоже самое можно сказать и объ искусствѣ, которое въ средніе вѣка вообще находилось въ услуженіи главнымъ образомъ у церкви, такъ какъ архитектура была преимущественно храмовая, музыка—богослужебная, живопись и скульптура воспроизводили свя-

щенныя лица и событія для украшенія храмовъ, и вотъ въ этихъ изможденныхъ святыхъ, изображенныхъ на средневѣковыхъ образахъ, въ средневѣковыхъ статуяхъ, мы узнаемъ художественныя (хотя и далеко не прекрасныя) воплощенія монашескаго идеала удрученія плоти постомъ, лишеніемъ сна, труднымъ подвигомъ. Съ другой стороны, были и живыя воплощенія типа аскета, лица въ родѣ св. Бернарда или основателя одного изъ нищенствующихъ орденовъ—св. Франциска Ассизскаго.

При подобномъ отношеніи къ человѣческому разуму и къ инстинктамъ человѣческой природы церковь не могла относиться съ довѣріемъ и къ личнымъ силамъ человѣка. Отдѣльное лицо дóлжно было постоянно находиться подъ непрестанной опекой церкви, и свѣтскій человѣкъ въ большей степени, чѣмъ духовный. „Тайны религіи, писалъ одинъ изъ величайшихъ папъ, Иннокентій III, не должны быть доступны всякому, но тѣмъ только, которые могутъ ихъ понимать, такъ чтобы вѣра ихъ не потерпѣла отъ этого. Умамъ простымъ нужно, какъ дѣтямъ, одно лишь молоко, а болѣе твердую пищу слѣдуетъ оставить только людямъ, которые могутъ ею пользоваться“,—и во имя этого принципа священное писаніе было отнято у мірянъ. „Мірянамъ, говорится черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Иннокентія III, на констанцскомъ соборѣ, — мірянамъ не подобаетъ разсуждать и обучать публично. Кто преступитъ этотъ законъ, тотъ будетъ подлежать отлученію на сорокъ дней“,—и въ этихъ словахъ выразилось общее правило средневѣковой школы, средневѣкового университета, въ коемъ и профессора, и студенты носили рясу, имѣли тонзуру. Церковныя власти зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы отъ философскихъ занятій не было какого-либо вреда для чистоты вѣры и церковнаго ученія. Такъ какъ каждое новшество въ философіи могло быть примѣнено и къ богословію, то нужно было постоянно наблюдать за тѣмъ, чтобы это новшество не сдѣлалось опаснымъ, тѣмъ болѣе что сами схоластики любили дѣлать приложенія своихъ выводовъ къ толкованію догматовъ, а при этомъ очень легко было впасть въ ересь.

Обвиненіе въ ереси было между тѣмъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ въ средніе вѣка, такъ какъ подъ этотъ терминъ подводилось нерѣдко всякое несогласіе съ оффиціально принятымъ ученіемъ. По отношенію къ ереси въ теченіи среднихъ вѣковъ держались, какъ авторитета, слѣдующихъ заявленій блаженнаго Августина. «Не спорю, говоритъ онъ именно, что лучше бы приводить заблуждающихся къ Богу наученіемъ, чѣмъ страхомъ, но и этимъ пренебрегать нельзя. Дай мнѣ человѣка, который отъ всего сердца сказалъ бы, что его душа жаждетъ Бога: такого, конечно, можно привести къ Богу только наставленіями. Но многіе должны быть, какъ дурные рабы, призваны къ ихъ Господу посредствомъ мукъ тѣлеснаго наказанія, прежде чѣмъ они достигнутъ такой степени религіознаго развитія.... Добро приходитъ отъ доброй воли. Но государство должно наказывать внѣшнее проявленіе зла, слѣдовательно и ереси, и расколы... Никто, кромѣ безумнаго, допустить не можетъ, что государство должно дать полную волю порокамъ подданныхъ. Наказываются же убійства, наказываются блудодѣянія, наказываются и всякія другія преступленія и позорные поступки злодѣйства и страстей, одни только преступленія противъ вѣры мы хотимъ оставить безъ наказанія со стороны правителей. Ереси и расколы ап. Павелъ поставилъ вмѣстѣ съ другими преступленіями—блудомъ, убійствомъ и т. д.; если ересей не наказывать, то и другихъ преступленій наказывать тоже не нужно». Если государство, разсуждалъ также Ѳома Аквинскій, казнитъ смертью поддѣлывателей фальшивой монеты, то какъ же поступить съ поддѣлывателями религіи! И при этомъ онъ ссылается на бл. Іеронима, говорившаго, что зараженныя части должны быть отдѣлены отъ здоровыхъ, чтобы все тѣло не погибло отъ гангрены. Вопросъ о еретикахъ осложнялся еще возможностью, что еретикъ будетъ стоять во главѣ государства; но тогда папа могъ разрѣшить его подданныхъ отъ присяги и даже объявить его низложеннымъ съ престола. Такова была господствующая точка зрѣнія, и подтвержденіе ея пра-

вильности искали въ дурно понятомъ текстѣ евангельской притчи о царѣ, къ которому не пришли на пиръ приглашенные и который поэтому велѣлъ позвать (=велѣлъ заставить придти: «compelle intrare») нищихъ и убогихъ. Еретики попадали въ руки духовнаго суда, а затѣмъ предавались свѣтской власти для казни безъ пролитія крови (т. е. посредствомъ сожженія). Свобода совѣсти, свобода мысли—понятія новаго времени: онѣ были неизвѣстны среднимъ вѣкамъ, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія безусловнаго авторитета въ дѣлахъ вѣры и знанія.

Таковы были тенденціи средневѣкового католицизма, и онѣ вполнѣ сходились съ тенденціями феодализма въ отрицаніи правъ государства и правъ подвластной личности. И феодализмъ, разлагавшій государство, закрѣпощая въ тоже время народную массу, и католицизмъ, подчинявшій государство церкви и отрицавшій индивидуальную свободу, могли господствовать только вслѣдствіе слабости политическаго и личнаго развитія. Государственная и народная оппозиція католицизму идутъ по этому рука объ руку съ государственною и народною борьбой противъ феодализма. Средневѣковая католическая система была сильна именно слабостью, неразвитостью тѣхъ человѣческихъ началъ національности, государства, свѣтскаго общества, научной и философской мысли, личнаго самосознанія, которыя отрицались крайними ея представителями. Вся первая половина среднихъ вѣковъ прошла въ образованіи новыхъ національностей, достигающихъ самосознанія и выработки литературныхъ языковъ лишь къ эпохѣ крестовыхъ походовъ; государство покоилось на шаткой феодальной основѣ и долгое время не могло вести успѣшной борьбы съ церковью; свѣтскія сословія были лишены образованія, коимъ, наоборотъ, обладало духовенство, той внутренней солидарности, которая вытекала изъ его организаціи, а личность, какъ намъ уже извѣстно, была мало развита для того, чтобы выступить въ роли оппозиціонной силы. Между тѣмъ послѣдовательное проведеніе системы было всетаки невозможно: она всюду встрѣчала препятствія, многіе

ея представители сами смягчали ея принципы, а наконецъ и ея главные дѣятели къ концу среднихъ вѣковъ не были на высотѣ своего призванія, пользуясь властью надъ міромъ, оправдывавшейся духовною цѣлью, преимущественно ради чисто свѣтскихъ интересовъ и живя въ полномъ противорѣчіи съ идеаломъ отреченія отъ міра. Чѣмъ болѣе погоня за властью получала мірской характеръ, и чѣмъ менѣе монастырская дѣйствительность соотвѣтствовала аскетическому идеалу, тѣмъ рѣзче бросалось въ глаза противорѣчіе между властью надъ міромъ и отреченіемъ отъ міра, противорѣчіе, снимавшееся раньше въ болѣе послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь принципа, въ силу коего церковь была представительницей царства Божія на землѣ, и теократическая идея лишь дополнялась аскетическимъ идеаломъ.

Для исторіи новаго времени въ высшей степени важно познакомиться съ тою оппозиціей, которая велась противъ среднѣковаго католицизма, какъ цѣлой культурно-соціальной системы, ибо оппозиція эта — одна изъ весьма видныхъ сторонъ новой исторіи.

XXIV. Политическая оппозиція церкви *).

Національная, политическая и соціальная оппозиція противъ католической церкви.—Средневѣковая борьба папства и имперіи.—«Даръ Константина».—Споръ за инвеституру.—Церковное законодательство, церковные суды и льготы духовенства.—Католицизмъ на верху своего могущества въ XIII в.—Взаимныя отношенія между церковью и государствомъ въ XIV и XV вв. во Франціи, Англіи и Германіи.

Мы разсмотримъ сначала коллективную, потомъ индивидуальную оппозицію противъ католицизма въ исходѣ среднихъ вѣковъ, разумѣя подъ коллективною оппозиціей или

*) Кромѣ относящихся сюда сочиненій, которыя показаны въ другихъ отдѣлахъ — см. *Riezler*. Die literarischen Wiedersächer der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiern.

національную, или политическую, или соціальную. Изъ нихъ мы подробнѣе всего должны разсмотрѣть оппозицію политическую, ибо о національной удобнѣе будетъ говорить въ связи съ попытками реформы церкви, въ коихъ, въ XIV и XV вв., играли важную роль требованія національной автономіи въ церковныхъ дѣлахъ, перевода священнаго писанія на національные языки, совершенія на этихъ же языкахъ и богослуженія: въ этихъ фактахъ рядомъ съ развитіемъ національныхъ литературъ проявляется народное самосознаніе, стремленіе сбросить съ себя чуждое, иностранное господство. Меньше придется говорить и о соціальной оппозиціи духовенству, такъ какъ о ней отчасти уже шла рѣчь, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касалось церковнаго землевладѣнія и хозяйства, ставившаго въ антагонизмъ къ клиру и дворянство, и крестьянскую массу.

Въ самыхъ краткихъ учебникахъ средневѣковой исторіи отводится обыкновенно весьма почетное мѣсто борьбѣ папства и имперіи, какъ одному изъ важнѣйшихъ явленій западно-европейской исторіи, но эта борьба была только эпизодомъ въ исторіи болѣе продолжительной и болѣе разносторонней борьбы церкви и государства, продолжающейся и въ новой исторіи. Можно даже сказать, что именно борьба папства и имперіи есть чисто-средневѣковое явленіе, прекращающееся съ исходомъ среднихъ вѣковъ, когда обѣ силы, боровшіяся между собою, приходятъ въ совершенный упадокъ, но что одновременно съ этимъ столкновеніемъ и отчасти въ связи съ нимъ происходитъ чисто политическая и отнюдь не связанная сама по себѣ съ средневѣковою теоріей папства и имперіи оппозиція національныхъ королей, какъ носителей государственной власти и представителей интересовъ свѣтскаго общества, противъ теократическихъ притязаній церкви. Эту оппозицію мы и должны выдвинуть на первый планъ, какъ явленіе, хотя и имѣющее начало въ среднихъ вѣкахъ, но развившееся главнымъ образомъ въ новое время, и лишь для лучшаго уразумѣнія его отличія отъ средневѣ-

ковой борьбы папства и имперіи, нужно остановиться на послѣдней, имѣя въ виду впрочемъ не общеизвѣстные факты, а принципіальную сторону дѣла, въ учебникахъ обыкновенно не излагаемую.

О священной Римской имперіи намъ уже пришлось упоминать два раза: въ первый разъ—по поводу исторіи паденія королевской власти въ Германіи, во второй—по поводу роста средневѣкового папства. Мы видѣли, что по средневѣковой политической теоріи священная Римская имперія дополняла собою святую римскую церковь, и что во главѣ западнаго христіанства ставились два представителя высшей власти на землѣ: папа и императоръ. Взаимныя отношенія ихъ могли пониматься различнымъ образомъ—или въ смыслѣ полнаго подчиненія свѣтской власти власти духовной, или въ смыслѣ большей независимости первой, но во всякомъ случаѣ это были власти соотносительныя, разграниченіе между коими происходило на основаніи текста: „воздадите Божія Богови, Кесарева — Кесареви", и на основаніи толкованія того мѣста въ Евангеліи, въ которомъ говорится о двухъ мечахъ, бывшихъ съ учениками Іисуса Христа въ саду Геѳсиманскомъ: два меча — двѣ власти, и одинъ мечъ вынимается изъ ноженъ на защиту церкви. Сама имперія имѣла религіозный характеръ, ибо къ ней прилагалось пророчество Даніила о четырехъ монархіяхъ (ассиро-вавилонской, персидской, македонской и римской), изъ коихъ послѣдняя должна существовать до скончанія міра, такъ какъ подъ ея властью родился Іисусъ Христосъ. „Наслѣдникъ цезарей", „господинъ міра" (dominus mundi), т. е. императоръ считался по этой теоріи „живымъ закономъ на землѣ" (animata lex in terris), но рядомъ съ нимъ стоялъ преемникъ князя апостоловъ, намѣстникъ Христа (vicarius Christi), „вселенскій епископъ" (episcopus universalis), коему принадлежала „полнота апостольской власти" (plenitudo potestatis apostolicae): оба находись и въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ церкви—одинъ, какъ ея защитникъ (advocatus ecclesiae), другой—какъ ея видимый глава, и обоимъ принадлежала власть надъ людьми—одному надъ

тѣлами, другому надъ душами. Весьма естественно, что двѣ власти, столь высоко поставленныя, имѣвшія хотя и въ разной степени касательство ко всѣмъ дѣламъ государственнымъ и церковнымъ, отграниченныя одна отъ другой на основаніи принциповъ, подлежавшихъ двоякому толкованію и спору, должны были въ дѣйствительности постоянно между собою сталкиваться, хотя въ идеалѣ между ними была установленная самимъ Богомъ гармонія. Притомъ такъ какъ со стороны болѣе сильнаго папства производились захваты въ области, которую защитники имперіи считали неподлежащею церковному вмѣшательству, то императоры должны были становиться въ оппозицію къ папству. Возникала борьба,во время которой папы пользовались оружіемъ отлученій, освобожденій подданныхъ отъ присяги, объявленій о низложеніи, т. е. папа прямо начиналъ распоряжаться императорской короной,ссылаясь на низложеніе Хильпериха и возведеніе на престолъ Пипина Короткаго, на дарованіе папою Львомъ III императорскаго титула Карлу Великому и особенно на такъ называемый „Константиновъ даръ“. Въ средніе вѣка утверждали, что императоръ Константинъ Великій, удаляясь изъ Рима въ новую столицу имперіи, подарилъ папѣ Сильвестру Западную имперію, въ силу чего преемники этого папы могли распоряжаться имперіей, какъ хотѣли, самый же даръ этотъ мотивировался будто бы такимъ образомъ: „тамъ, гдѣ первенство священства и высшая власть имперіи были установлены Царемъ небеснымъ, несправедливо было бы земному государю имѣть свою власть“. Въ подлинности дарственной записи, извлеченной изъ житія св. Сильвестра, были убѣждены даже противники папства, которые, не сомнѣваясь въ фактѣ, порицали только Константина за этотъ поступокъ, какъ положившій-де начало мірскому направленію папства или незаконный съ точки зрѣнія права, пока итальянскій гуманистъ первой половины XV в., Лаврентій Валла не доказалъ подложность этого документа.

Извѣстно, что борьба папства и имперіи открывается

споромъ за инвеституру, вытекавшимъ изъ феодальныхъ отношеній, въ какіе епископы становились къ свѣтскимъ государямъ. Феодальный сюзеренъ облекалъ духовнаго вассала властью надъ леномъ, передавая ему посохъ и перстень, что ставило епископа въ зависимость отъ свѣтской власти. Григорій VII, учившій, что духовная власть выше свѣтской, объявилъ отлученіе всякому, кто приметъ церковную должность отъ свѣтскаго государя, но это значило лишить свѣтскихъ государей, поставить подъ прямую зависимость отъ папства —всѣхъ духовныхъ вассаловъ, на что, конечно, свѣтская власть согласиться никакъ не могла. Правда, оставалось еще средство—развязать узы, связывавшіе епископство съ феодомъ, отказаться отъ церковнаго землевладѣнія, и на эту точку зрѣнія становился одинъ изъ преемниковъ Григорія VII, Пасхалисъ II, но такое разрѣшеніе спорнаго вопроса было, конечно, не въ интересахъ церкви въ ту эпоху, когда землевладѣніе являлось единственною опорой всякой политической силы, и споръ окончился компромиссомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ вормскаго конкордата (1122 г.), по которому утверждалось каноническое избраніе епископовъ и аббатовъ („клиромъ и народомъ“), а императоръ получалъ право пожалованія ихъ землями и свѣтскими правами посредствомъ скипетра, отказываясь отъ посвященія ихъ посредствомъ посоха и перстня. Хотя споръ за инвеституру возникъ на почвѣ феодальныхъ отношеній, но въ немъ была, однако, и такая сторона, которая могла интересовать и нефеодальное государство, именно вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи должны были находиться высшія духовныя лица къ папству и къ королевской власти. Мы увидимъ, напр., что во Франціи болонскій конкордатъ 1516 г. отдалъ духовенство въ полную зависимость отъ короля, представивъ ему право замѣщенія всѣхъ высшихъ церковныхъ мѣстъ въ государствѣ, а вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая лютеранская реформація рѣшала вопросъ этотъ совершенно въ пользу свѣтской власти, но этимъ дѣло еще далеко не кончалось.

Борьба папства и имперіи и споръ за ихъ весгиту ру — явленія средневѣковыя, выросшія на почвѣ политической теоріи католицизма и на почвѣ феодальныхъ отношеній, и успѣхъ церковной власти въ этой борьбѣ объясняется слабостью государства, опиравшагося лишь на ненадежныя силы феодализма. Въ XIV—XV вв. папство находится въ упадкѣ, государство возвышается, но уже раньше этого обнаруживается политическая оппозиція противъ церкви, вытекавшая не изъ фикціи римскаго императорства и не изъ феодализма въ церкви, а изъ реальныхъ и чисто свѣтскихъ отношеній. Государству принадлежитъ исключительное и недопускающее изъятій право законодательства, суда и наложенія податей, т. е. никто, кромѣ государственной власти, кому бы она ни принадлежала, не имѣетъ права издавать законы, учреждать суды, собирать налоги, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ безъ исключенія подданные государства обязываются подчиняться его законамъ, повиноваться его судамъ, уплачивать требуемые имъ налоги. Въ средніе вѣка церковь и духовенство стояли въ обоихъ отношеніяхъ поперекъ стремленіямъ государственной власти. Въ самомъ дѣлѣ, папа издавалъ законы (буллы, декреты, бреве), которыя были обязательны для всѣхъ государствъ, тогда какъ законы государства не были обязательны для церкви. Духовнымъ судамъ были подсудны и свѣтскія лица по многимъ, хотя иногда чисто мірскимъ дѣламъ, но клиръ считалъ своимъ правомъ даже по уголовнымъ преступленіямъ судиться только въ судахъ церковныхъ. Наконецъ, церковь установляла разные поборы со всѣхъ вѣрныхъ и въ то же самое время оспаривала у государства право налагать подати на духовенство и его земли. Однимъ словомъ, практически господство церкви надъ государствомъ выражалось въ томъ, что церковные законы, суды и налоги распространялись на подданныхъ государства безъ всякаго согласія со стороны послѣдняго, тогда какъ государственные законы, суды и налоги не касались ни са-

мой церкви, ни ея служителей, ни ея землевладѣнія, и понятно, что, съ одной стороны, желаніе церкви отстоять свое господство и свою независимость, а съ другой, желаніе государства пріобрѣсти независимость отъ церкви и добиться господства надъ клиромъ должны были приводить къ постояннымъ столкновеніямъ, въ которыхъ побѣда склонялась сначала далеко не всегда въ пользу государства. Въ сферѣ законодательной тѣмъ болѣе было трудно разграничить духовное и свѣтское, что съ церковной точки зрѣнія элементъ грѣха могъ быть усмотрѣнъ въ каждомъ дѣлѣ. Когда, напр., Иннокентій III вмѣшался въ войну французскаго короля Филиппа II Августа и его нормандскаго вассала, англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, требуя прекращенія распри, то на возраженіе, ставившее ему на видъ, что дѣло идетъ о феодальныхъ отношеніяхъ, не подлежащихъ его вѣдѣнію, онъ отвѣчалъ указаніемъ такого рода: онъ и не вмѣшивается въ эти отношенія, ибо для него дѣло не въ феодѣ, а въ грѣхѣ (non de feudo, sed de peccato).

Особенные споры возбуждались существованіемъ духовныхъ судовъ, къ коимъ привлекались и свѣтскія лица, и неподсудностью духовныхъ лицъ свѣтскимъ судамъ. Намъ уже раньше пришлось отмѣтить то неудовольствіе, какое духовные суды возбуждали въ свѣтскомъ обществѣ, особенно въ дворянствѣ, но и неподсудность духовенства государственному суду должна была вызывать сильную оппозицію. Самый замѣчательный случай столкновенія между духовною и свѣтскою властями изъ-за судовъ относится къ англійской исторіи XII в., когда между Генрихомъ II Плантагентомъ и архіепископомъ кентерберійскимъ Ѳомою Бекетомъ произошла борьба изъ-за „кларендонскихъ постановленій“, окончившаяся столь печально для англійскаго примаса. Духовные въ Англіи, какъ и вездѣ, подлежали вѣдѣнію церковнаго суда, который ограничивался однѣми эпитиміями, отлученіями, лишеніями сана, такъ что многія духовныя лица, совершившія тяжкія преступленія, оставались безнаказанными. Стремясь къ тому, чтобы осужденные отдавались свѣтской власти для болѣе дѣйствительныхъ на-

казаній, Генрихъ II. добился избранія въ архіепископы кентерберійскіе своего друга, канцлера Ѳомы Бекета, но онъ ошибся въ своемъ расчетѣ: въ санѣ архіепископа Ѳома сдѣлался сторонникомъ „свободы церкви" и въ дѣлѣ, интересовавшемъ короля, согласился лишь на то, чтобы клирикъ, лишенный сана, подвергался свѣтскому суду за преступленія, совершенныя уже послѣ лишенія сана. Въ 1164 г. изданы были знаменитыя кларендонскія постановленія, бывшія возстановленіемъ системы Вильгельма Завоевателя въ его отношеніяхъ къ церкви: выборъ епископа или аббата могъ происходить только съ королевскаго согласія; избранный до посвященія долженъ былъ принести феодальную присягу; безъ королевскаго разрѣшенія епископъ не могъ уѣхать изъ государства, не могъ отлучить отъ церкви королевскаго вассала или слугу. Но въ этихъ постановленіяхъ было и нѣчто новое—ограниченіе церковной юрисдикціи: королевскій судъ долженъ былъ рѣшать, какимъ судьямъ вѣдать ту или другую тяжбу между клирикомъ и міряниномъ; епископскій судъ долженъ былъ происходить въ присутствіи королевскаго чиновника, и клирикъ, обвиненный на духовномъ судѣ, долженъ былъ отдаваться свѣтской власти; королевскій судъ могъ кассировать епископскій приговоръ, а апелляція на таковой къ папѣ безъ согласія короля не допускалась и т. п. Ѳома далъ—было согласіе на эти ограниченія судебной власти церкви, но потомъ взялъ его назадъ. Его самого вызвали тогда къ королевскому суду, но онъ протестовалъ противъ права бароновъ судить его, апеллировать къ папѣ и, боясь за свою жизнь, спасся во Францію, и все это не помѣшало кларендонскимъ постановленіямъ утвердиться, какъ закону, регулировавшему отношенія церкви и государства къ Англіи. Но борьба продолжалась: Генрихъ преслѣдовалъ сторонниковъ примаса. Ѳома отлучалъ отъ церкви своихъ противниковъ. Королю грозилъ даже папскій интердиктъ; онъ поспѣшилъ примириться съ архіепископомъ, который и вернулся въ Англію, но только для того, чтобы быть, какъ извѣстно, убитымъ нѣсколькими рыцарями, думав-

шими, что это дѣло будетъ угодно королю (1170). Вотъ какъ комментировалъ поведеніе Ѳомы Бекета, причисленнаго католическою церковью къ лику святыхъ, Іоаннъ Салисберійскій: „его, говоритъ онъ, называютъ возмутителемъ спокойствія въ государствѣ, потому что онъ защищалъ права церкви. Между тѣмъ самъ папа не можетъ отказаться отъ свободы церкви; хотя онъ и все можетъ дѣлать, но онъ не можетъ измѣнить правилъ, которыя имѣютъ начало въ словахъ писанія, а такова свобода церкви. Кларендонскія постановленія не имѣютъ силы, потому что противны слову Божію. Не можетъ быть середины: или человѣкъ долженъ повиноваться Богу, или Богъ человѣку, а если государи будутъ имѣть право создавать постановленія противъ свободы церкви, Богъ станетъ рабомъ страстей человѣческихъ“. И это писалъ Іоаннъ Салисберійскій, самъ находившій среди современнаго ему духовенства „святотатцевъ, блудодѣевъ, разбойниковъ, воровъ, похитителей дѣвушекъ, поджигателей и убійцъ“.

Подъ свободою церкви разумѣлась и свобода клира отъ налоговъ. Когда во Франціи была объявлена „саладинова десятина“, на которую король хотѣлъ вести крестовый походъ, Петръ Блуасскій писалъ епископу орлеанскому: „если король хочетъ крестоваго похода, то пусть не затѣваетъ его на счетъ церкви и бѣдныхъ, но на свои доходы и на добычу отъ непріятеля которою онъ долженъ бы обогатить церковь, вмѣсто того, чтобы ее грабить подъ предлогомъ защиты. Если епископы не воспротивятся этому лихоимству, оно обратится нечувствительно въ обычай, и церковь будетъ приведена въ постыдное рабство“. Черезъ столѣтіе послѣ того, какъ писались эти слова, возникъ и наиболѣе знаменитый споръ изъ за права налоговъ, споръ между папою Бонифаціемъ VIII и французскимъ королемъ Филиппомъ IV.

Въ XIII в. папство достигаетъ наибольшаго могущества, одерживая рядъ блестящихъ побѣдъ надъ свѣтскою властью, дѣлая Римъ снова владыкою міра, посылая своихъ легатовъ, игравшихъ роль древнихъ проконсуловъ, и своихъ монаховъ, эти

духовные легіоны папства, въ подвластныя страны, заставляя народы принимать крестъ не только противъ невѣрныхъ, но и противъ еретиковъ (вспомнимъ южную Францію), ставя въ вассальную зависимость отъ себя королевства (вспомнимъ, наприм., Англію при Іоаннѣ Безземельномъ), возводя на престолъ и низлагая государей, подчинивъ себѣ, наконецъ, и Византію, гдѣ четвертый крестовый походъ основалъ Латинскую имперію. Побѣда папъ надъ средневѣковою феодальною имперіей была полная, но зато сами они побѣждены были въ слѣдующемъ вѣкѣ новою силою, силою государственной власти, опиравшейся на національное самосознаніе, на сочувствіе свѣтскаго общества, на общественное мнѣніе, которое нашло выраженіе въ цѣломъ рядѣ политическихъ трактатовъ, написанныхъ въ защиту правъ государства. Первый сильный ударъ папству наносится изъ Франціи, и на цѣлыя 70 лѣтъ папы попадаютъ даже въ плѣненіе у французскихъ королей.

Замѣчательно, что французскіе короли вообще отличались большимъ благочестіемъ, не вступали въ открытую борьбу съ папствомъ (кромѣ случая съ Филлипомъ IV Красивымъ) и тѣмъ не менѣе ревниво оберегали независимость своей короны. Между прочимъ, они всегда противились расширенію компетенціи духовныхъ судовъ, находившихся подъ контролемъ ихъ оффиціаловъ, причемъ съ Филиппа II Августа установилось правило, что церковные суды будутъ постановлять приговоры только по грѣхамъ, а не по дѣламъ феодовъ. Въ этомъ отношеніи королямъ весьма сильную поддержку оказывали бароны королевства. Въ 1246 г. послѣдніе прямо сдѣлали постановленіе такого рода: „мы, вельможи королевства, разсудивъ, что оно держится пóтомъ и кровью военныхъ, а не гордостью духовныхъ, постановляемъ: церковный судъ долженъ ограничиться только дѣлами о ересяхъ, бракахъ и ростовщичествѣ“. Людовикъ IX Святой порицалъ духовныхъ, слишкомъ щедро расточавшихъ проклятія и отлученія, а его внукъ Филиппъ IV ограничилъ (въ 1287 г.) права инквизиціоннаго судилища, вмѣнивъ инквизи-

торамъ въ обязанность преслѣдовать еретиковъ лишь съ согласія епископовъ и поручивъ своимъ сенешаламъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было незаконныхъ арестовъ. На основаніи общаго характера этой политики даже составилось убѣжденіе въ томъ, что уже Людовикъ Св. издалъ такъ-называемую прагматическую санкцію, которою будто-бы ограничивалась папская власть во Франціи. Наконецъ, дѣло доходитъ до открытаго разрыва, и поводомъ къ нему былъ вопросъ о налогахъ. Филиппъ IV, постоянно нуждавшійся въ матеріальныхъ средствахъ, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, какъ уплывали деньги изъ Франціи въ папскую казну, а папа (Бонифацій VIII) не хотѣлъ, чтобы духовенство платило королю. Извѣстна исторія возникшей отсюда борьбы, извѣстенъ и ея исходъ. Бонифацій VIII отлучилъ отъ церкви духовныхъ, которые стали бы платить налоги королю, и свѣтскихъ, какого-бы чина они ни были, которые стали-бы ихъ требовать, а Филиппъ IV отвѣтилъ на это запрещеніемъ вывоза денегъ изъ королевства. Папа объявлялъ королю, что и въ духовныхъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ онъ, король подчиненъ верховному первосвященнику (scire te volumus quod in spiritu alibus et temporalibus nobis subes), а король въ дерзкихъ выраженіяхъ заявлялъ папѣ (sciat tua fatuitas), что въ свѣтскихъ дѣлахъ онъ никому не подчиненъ (in temporalibus nos alicui non subesse), и что иначе думающій — глупецъ. Собранные королемъ генеральные штаты (1302) признали, что французская корона въ свѣтскихъ дѣлахъ зависитъ только отъ одного Бога. Филиппъ IV пригрозилъ затѣмъ папѣ вселенскимъ соборомъ, папа его отлучилъ, и дѣло кончилось извѣстною сценой въ Ананьи, которую легенда украсила пощечиной, будто бы данной Бонифацію VIII французскимъ канцлеромъ Ногаре: папа былъ побѣжденъ и скоро умеръ (1303), а его преемники (съ Климента V) жили во французскомъ городѣ Авиньонѣ, находясь какъ бы въ плѣну у французскихъ королей („вавилонское плѣненіе", 1308—1378). Финансовый вопросъ этимъ не былъ однако рѣшенъ, и изъ-за него возникали новые споры, но это и былъ единственный пред-

метъ споровъ. Въ видѣ протеста противъ папскихъ поборовъ и въ связи съ популярнымъ тогда ученіемъ о вольностяхъ галликанской церкви, о чемъ рѣчь будетъ идти впереди, при Карлѣ VII была издана въ Буржѣ прагматическая санкція (1438 г.), по которой, между прочимъ, у папъ отнималось присвоенное ими въ Авиньонѣ право распоряжаться лично всѣми епархіями церкви и разные установленные поборы съ искателей церковныхъ мѣстъ, но такъ какъ этотъ актъ возстановлялъ правильное каноническое избраніе епископовъ и аббатовъ, а королевская власть стремилась захватить въ собственныя руки назначеніе на высшія церковныя должности, то въ 1463 г. Людовикъ XI отмѣнилъ санкцію, а въ 1470 г. заключилъ съ папою конкордатъ, коимъ папа обязывался назначать на эти мѣста лишь французовъ и притомъ сообразуясь съ королевской рекомендаціей. Наконецъ, въ 1516 г. Францискъ I и Левъ X заключили между собою болонскій конкордатъ: папа взамѣнъ возстановленія въ его пользу поборовъ (т. н. аннатовъ, о чемъ будетъ рѣчь послѣ), отмѣненныхъ въ 1438 г., уступалъ королю право назначать на всѣ высшія церковныя должности во Франціи: галликанская церковь продавалась за деньги французскому государству. Въ эту же эпоху были регулированы и судебныя отношенія: духовные въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ подчинялись свѣтскому суду, на духовные суды въ случаѣ превышенія ими власти существовала апелляція въ королевскій совѣтъ или въ парламентъ (appel comme d'abus, установленный еще въ 1329 году), и вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ наносилъ ударъ инквизиціи, отнявъ у нея дѣла по ереси и объявивъ, что лишь королевскіе суды могутъ приговаривать къ смертной казни, благодаря чему уже съ середины XV в. инквизиція не существовала болѣе во Франціи. Отмѣтимъ еще, что Людовикъ XI принялъ мѣры противъ захватовъ церковью поземельной собственности. Однимъ словомъ, отъ спора Филиппа IV съ Бонифаціемъ VIII до болонскаго конкордата, т. е. **въ теченіи** XIV **и** XV **вв. совершается во Франціи весьма**

важный процессъ выхода государственной власти изъ-подъ папской опеки и подчиненія духовенства королямъ, т. е. политическая оппозиція оканчивается полнымъ успѣхомъ, ибо конкордатъ 1516 г. отдаетъ въ руки короля власть надъ церковью во Франціи.

Въ англійской исторіи XIV и XV вв. особое вниманіе обращаетъ на себя политическая оппозиція со стороны парламента, папство же, наоборотъ, выступаетъ противникомъ политической свободы въ Англіи. Іоаннъ Безземельный долженъ былъ признать себя папскимъ вассаломъ, принять корону изъ рукъ легата Иннокентія III, обязаться ежегодно данью по отношенію къ св. престолу, и послѣ этого римскіе первосвященники охотно приходили на помощь къ англійскимъ королямъ въ ихъ борьбѣ съ подданными: въ началѣ XIII в. великая хартія была осуждена папою, король освобожденъ отъ своей присяги, его противники подвергались отлученію, а черезъ пятьдесятъ лѣтъ Симонъ Монфортскій, основатель палаты общинъ, умеръ отлученнымъ отъ церкви (что не помѣшало однако англійскому народу вѣрить въ его святость и даже чудотворную силу). Впрочемъ, и короли при случаѣ приходили въ столкновенія съ папствомъ. Вотъ главнѣйшіе факты. Въ 25 годъ царствованія Эдуарда I общины заявляютъ королю, что такъ какъ епископства и аббатства основаны королемъ и народомъ Англіи, то послѣднимъ и должно принадлежать право замѣщенія вакантныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ ими распоряжается папа, раздавая эти должности по своему произволу и даже иностранцамъ. Въ 1307 г. король и парламентъ постановляютъ, чтобы аббаты монастырей не смѣли платить налоговъ начальникамъ-иностранцамъ, живущимъ заграницей, а бароны, кромѣ того, жалуются на случаи папскаго вмѣшательства въ дѣла страны. Вмѣшательство папы Бонифація VIII въ спорныя отношенія между Англіей и Шотландіей вызвало также протестъ парламента-заканчивавшійся заявленіемъ, что бароны и королю не дозволятъ допустить что-либо оскорбительное для правъ короны (1301 г.).

Жалобы и протесты подобнаго рода особенно учащаются въ царствованіе Эдуарда III (1327—1377), вызываясь главнымъ образомъ папскими назначеніями на церковныя мѣста и поборами, превышавшими въ пять разъ доходы короля. Однажды общины просили или употребить какія-либо мѣры противъ произвола папы или, по крайней мѣрѣ, помочь имъ изгнать силою папскую власть изъ королевства. Жалобы и протесты посылались самому папѣ, и отношенія дѣлались все болѣе и болѣе натянутыми. Особенно важенъ въ исторіи этой оппозиціи 1343 годъ, когда король, лорды и общины издаютъ актъ такого содержанія: запрещается подъ страхомъ конфискаціи имуществъ привозить въ Англію, принимать и приводить въ исполненіе буллы и другіе подобные документы, противные правамъ короля и его подданныхъ, а папскіе провизоры, поступающіе въ противность этому закону, отдаются подъ судъ короля, въ видѣ же наказанія имъ полагается лишеніе покровительства законовъ, вѣчное заключеніе или изгнаніе изъ королевства. Эти постановленія были дополнены въ послѣдующее время новыми мѣропріятіями для огражденія Англіи отъ папскихъ притязаній. Въ томъ же 1343 г. Эдуардъ III съ согласія парламента отказался признать право вмѣшательства папы Климента VI въ его отношенія къ французскому королю Филиппу VI. Наконецъ, отмѣтимъ еще одинъ важный фактъ, относящійся къ этому царствованію. Уже и раньше бывали случаи неуплаты папѣ дани, наложенной на Англію Іоанномъ Безземельнымъ, а Эдуардъ III съ самаго своего совершеннолѣтія и совсѣмъ пересталъ ее платить. Въ 1366 г. Урбанъ V потребовалъ взноса дани съ недоимками за 33 года подъ угрозою вызвать короля въ случаѣ отказа къ своему трибуналу. Эдуардъ III обратился къ парламенту, и послѣдній объявилъ, что король Іоаннъ не имѣлъ права подвергать свое королевство и свои владѣнія какому-либо рабству и подчиненію иначе, какъ по общему согласію парламента, но такого согласія имъ получено не было,—и постановилъ стоять за короля до послѣдней крайности. Въ царствованіе Ричарда II, коимъ

оканчивается XIV вѣкъ, продолжается та же антипапская политика парламента. XV в. не прибавилъ къ этой борьбѣ ничего существенно новаго, но и въ эту эпоху пополнялось новыми мѣрами въ прежнемъ духѣ законодательство, ограждавшее Англію отъ притязаній куріи. Въ первой трети XVI в. королевской власти въ Англіи пришлось даже сдерживать политическую оппозицію парламента противъ папства, пока не произошелъ извѣстный разрывъ Генриха VIII съ Климентомъ VII.

Политическая борьба съ папствомъ со стороны Германіи въ XIV и XV вв. не была ни такъ успѣшна, какъ во Франціи, ни такъ энергична, какъ въ Англіи: паденіе императорской власти и раздробленіе Германіи на княжества дѣлало папскую курію полною хозяйкой въ нѣмецкихъ дѣлахъ, что, конечно, также вызывало жалобы и протесты. Главными дѣятелями политической оппозиціи здѣсь выступили князья и въ частности курфюрсты. Генрихъ VII Люксенбургскій и Людовикъ Баварскій въ первой трети XIV в. возобновили - было политику средневѣковыхъ императоровъ, но главная сила была не въ императорахъ. Когда папа Іоаннъ XXII наложилъ интердиктъ на Германію, отлучилъ Людовика отъ церкви и объявилъ, что курфюршескіе выборы требуютъ папскаго утвержденія, на съѣздѣ курфюрстовъ (Kurverein) въ Рензе (близь Кобленца) въ 1338 г. было постановлено, что нѣмецкій король получаетъ свои права исключительно въ силу своего избранія курфюрстами, чѣмъ имперія объявлялась независимой отъ папы. Мало того: интересы папъ и императоровъ въ эту эпоху сближаются, и при Фридрихѣ III заключается съ папою Евгеніемъ IV ашаффенбургскій конкордатъ (1449), посредствомъ коего папа de jure дѣлался чуть не полнымъ распорядителемъ въ Германіи, что и вызывало такую страстную оппозицію папству въ нѣмецкомъ обществѣ предреформаціонной эпохи.

И такъ, со стороны государственной власти ведется противъ папства болѣе или менѣе успѣшная оппозиція, въ которой короли находятъ поддержку и со стороны свѣтскаго

общества, отстаивавшаго національные интересы противъ куріи и въ частности интересы отдѣльныхъ сословій противъ духовенства. Всѣмъ этимъ подготовлялось то пораженіе церкви въ ея стремленіи къ господству надъ государствомъ, которое составляетъ политическую сторону религіозной реформаціи XVI вѣка, но кромѣ того, мы еще увидимъ, что въ новое время государство во многихъ отношеніяхъ дѣлается наслѣдникомъ правъ средневѣковой церкви. Въ этомъ процессѣ возвышенія государства на счетъ церкви игралъ большую роль свѣтскій харакеръ культуры новаго времени.

XXV. Зарожденіе литературной оппозиціи католицизму.

Взаимныя отношенія разныхъ видовъ оппозиціи.—Оппозиціонная литература.—Легисты.—Защитники свѣтской власти въ политической литературѣ XIV и XV вв.—Свѣтская оппозиція противъ монашества и аскетизма.—Целибатъ духовенства.—Проявленіе раціонализма въ схоластикѣ.—Номинализмъ и реализмъ.—Аверроизмъ.—Гуманизмъ.—Объединеніе всѣхъ видовъ оппозиціи католицизму, во имя человѣческихъ началъ.

Свѣтская оппозиція противъ тенденцій средневѣкового католицизма, какъ мы уже знаемъ, была или національная, или политическая, или соціальная, или же интеллектуальная и моральная, отстаивавшая права человѣческаго разума и человѣческой природы противъ догматизма и аскетизма. Національная оппозиція отчасти совпадала съ политическою и соціальною, отчасти имѣла, какъ мы увидимъ, свой особый предметъ, введеніе національнаго принципа въ самую церковную жизнь, а соціальная, вызывавшаяся общественнымъ положеніемъ духовенства, сливалась то съ политической оппозиціей, то съ оппозиціей индивидуальной, и всѣ эти виды недовольства церковью, противодѣйствія ей нашли выраженіе въ свѣтской литературѣ

исхода среднихъ вѣковъ, принимающей вслѣдствіе этого рѣзко оппозиціонный характеръ. По связи съ только-что изложенною исторіей практическихъ отношеній между церковью и государствомъ въ трехъ главныхъ странахъ Европы въ XIV и XV в. намъ нужно теперь разсмотрѣть, какъ отразилась эта исторія въ политической литературѣ тѣхъ же столѣтій.

Побѣда Филиппа IV надъ Бонифаціемъ VIII открываетъ собою новую эпоху въ исторіи взаимныхъ отношеній между церковью и государствомъ: съ этого момента въ ихъ борьбѣ побѣда все болѣе и болѣе склоняется на сторону государства. Въ столкновеніи французскаго короля съ послѣднимъ могущественнымъ средневѣковымъ папою дѣйствуетъ канцлеръ Ногаре, который былъ легистомъ, а легисты, какъ извѣстно, игравшіе роль въ побѣдѣ королевской власти надъ феодализмомъ во Франціи въ XII вѣкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ выступали и въ роли защитниковъ императорской власти въ ея борьбѣ съ папствомъ. Римскій принципъ власти который легисты противополагали политической системѣ феодализма, клали они и въ основу своей защиты свѣтской власти въ ея спорахъ съ властью церковною, имѣя противъ себя декретистовъ, т. е. юристовъ, бывшихъ знатоками каноническаго права и поборниками папскихъ притязаній. У свѣтской власти не было вообще недостатка въ сторонникахъ, но главными теоретическими бойцами за ея интересы уже въ XII вѣкѣ сдѣлались такимъ образомъ легисты, ссылавшіеся противъ папскихъ теорій на фикціи 1) непрерывнаго существованія Римской имперіи и 2) всемірной монархіи, хотя излишества папскихъ притязаній не одобрялись и нѣкоторыми богословами на основаніи религіозныхъ доводовъ. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ новымъ временамъ, вообще увеличивается число литературныхъ защитниковъ свѣтской власти, и свѣтскіе аргументы встрѣчаются все чаще и становятся все сильнѣе въ этой полемикѣ. Ногаре не былъ единственный легистъ, по-

могавшій Филиппу IV въ борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII: рядомъ съ нимъ нужно поставить Петра Дюбуа, королевскаго адвоката въ Кутансѣ (въ Нормандіи), участвовавшаго въ генеральныхъ штатахъ 1302 г., которые сами были созваны по поводу этой борьбы. Дюбуа явился защитникомъ короля въ литературѣ, написавъ такіе памфлеты и трактаты, какъ „Вопросъ о папской власти" и „Прошеніе французскаго народа королю противъ папы Бонифація VIII". Въ то же время Филиппъ IV поручилъ профессору Іоанну Парижскому написать трактатъ „О королевской и папской власти". Вскорѣ послѣ этого Данте привѣтствовалъ Генриха VII Люксембургскаго трактатомъ „De monarchia", въ которомъ великій поэтъ, стоя еще, какъ и въ „Божественной комедіи", на средневѣковой точкѣ зрѣнія, возвращается, однако, къ римскому пониманію имперіи, являясь такимъ образомъ предшественникомъ свѣтской политической мысли въ Италіи. Но особенно замѣчательна публицистика временъ борьбы Людовика Баварскаго съ папою Іоанномъ XXII, вызвавшей извѣстное постановленіе курфюршескаго съѣзда въ Рензе. Въ полемикѣ приняли тогда участіе нѣмецъ Лупольдъ Бебенбургскій, англичанинъ по происхожденію Вильгельмъ Оккамъ, французъ Жанъ-де-Жанденъ и Марсилій Падуанскій. Послѣдній, одинъ изъ крупныхъ законовѣдовъ того времени, въ сочиненіи своемъ „Защитникъ міра" выдвигаетъ противъ папства теорію народнаго верховенства, какъ источника государственной власти, создавая такимъ образомъ основу для послѣдней, независимую отъ папы. Такимъ образомъ идея народовластія, которой пришлось играть весьма видную роль и въ политической литературѣ, и въ политической жизни новаго времени, высказывается защитникомъ государства въ полемикѣ съ притязаніями папства, причемъ идея эта берется у Аристотеля и у римскихъ юристовъ, объяснявшихъ императорскую власть изъ того, что на принцепса, воля коего есть законъ (quod principi placuit legis habet vigorem), римскій народъ перенесъ все свое право и всю свою державную власть

(omne suum jus et omne imperium). Оккамъ въ своихъ „Восьми вопросахъ о власти верховнаго первосвященника" оспаривалъ законность „Константинова дара", ибо императоръ не имѣетъ права отчуждать неотъемлемую собственность имперіи. Такъ отразились въ литературѣ столкновенія папской и государственной власти въ первой половинѣ XIV в., а этотъ вѣкъ видѣлъ еще зарожденіе гуманизма, который по самой сущности своей долженъ былъ внести въ политическую литературу идею независимаго отъ церковной опеки свѣтскаго государства. Названные писатели (особенно Данте и Оккамъ) стоятъ еще на схоластической почвѣ, которая не могла быть вполнѣ благопріятна для государства, такъ что теоретическое обоснованіе его правъ больше всего давалось тогда римскимъ правомъ.

Въ этой политической литературѣ, понятное дѣло, ставился и рѣшался вопросъ не объ одномъ отношеніи церкви къ государству. Напримѣръ, въ „Защитникѣ мира" Марсилія Падуанскаго рядомъ съ требованіемъ ограниченія священства однѣми духовными дѣлами и подчиненія духовенства свѣтскому суду, рядомъ съ заявленіемъ, что церковь не можетъ владѣть имуществомъ, мы находимъ и изложеніе такихъ мнѣній: основа вѣры—священное писаніе; соборы выше папъ; никого нельзя насильно заставить вѣрить; наказаніе еретиковъ возможпо лишь тогда, когда ими нарушаются свѣтскіе законы. Весьма любопытно, что Марсилій Падуанскій, провозгласившій принципъ законодательнаго права, какъ права всей совокупности или большинства гражданъ (legislatorem humanum solam civium universitatem esse aut valentiorem ejus partem), выставилъ и тотъ тезисъ, что Евангеліе не позволяетъ кого-либо приводить къ исполненію предписаній божественнаго закона наказаніями и казнями (ad observanda praecepta divinae legis poena vel supplicio temporali seu praesentis saeculi nemo evangelica scriptura compelli praecipitur). Такимъ образомъ Марсилій въ своемъ политическомъ ученіи высказываетъ идеи, разработка и осуществленіе коихъ принадлежитъ уже новому времени.

Въ литературѣ XIV—XV вв. мы встрѣчаемся и съ дру-

гими мотивами свѣтской оппозиціи. Мы уже знаемъ, какія побужденія заставляли свѣтскія сословія относиться недружелюбно къ духовенству: это были привилегіи послѣдняго, его поборы, его поземельная собственность, возбуждавшая зависть въ дворянствѣ и ставившая духовенство въ особыя отношенія къ народной массѣ. Съ другой стороны, мы еще увидимъ, что неудовольствіе возбуждалось и порочностью духовенства-такъ называемою „порчею церкви въ главѣ и членахъ“, доставлявшей обильную пищу обличительной и сатирической литературѣ. Въ первомъ случаѣ общество относилось къ духовенству, какъ къ одному изъ своихъ сословій, отрицая лишь его мірскія права, не трогая, однако, его въ его собственной области, во второмъ—духовенство подвергалось порицанію и насмѣшкѣ во имя собственнаго же его аскетическаго идеала, самый же идеалъ при этомъ не подвергался критикѣ. И вотъ рядомъ съ соціальной оппозиціей противъ духовенства, какъ привилегированнаго сословія въ государствѣ, рядомъ съ моральнымъ протестомъ противъ монашества, не только не соблюдавшаго своихъ обѣтовъ, но прямо вызывавшаго соблазнъ зазорнымъ поведеніемъ, мы имѣемъ еще дѣло съ заявленіями, направленными противъ монашества во имя элементарныхъ требованій общежитія и въ защиту человѣческой природы. Общественная жизнь требуетъ отъ людей труда, а не праздности, монахи же живутъ въ праздности и являются обременительными для общества тунеядцами — такова одна точка зрѣнія, встрѣчаемая въ литературныхъ произведеніяхъ XIV и XV вв., направленныхъ противъ монашества. Монахи давали обѣтъ нестяжанія, но это не помѣшало монастырямъ владѣть собственностью: въ XIII в. появились нищенствующіе ордена доминиканцевъ и францисканцевъ, которые отрицали не только индивидуальную собственность для своихъ членовъ, но и собственность, бывшую во владѣніи цѣлыхъ монастырей. Среди этихъ нищенствующихъ, именно среди францисканцевъ возникло даже цѣлое направленіе,

которое ставило нищету, какъ идеалъ, и жизнь подаяніемъ, какъ обязанность, такъ какъ трудъ все-таки есть источникъ собственности. Такой взглядъ долженъ былъ встрѣтить оппозицію со стороны людей, лучше понимавшихъ интересы земного общества. „Трудъ, писалъ Guillaume de St. Amour въ сочиненіи „Объ опасностяхъ церкви",—задача человѣка. Это-законъ, данный человѣку Богомъ, сотворившимъ его въ состояніи совершенства, это—обязанность, наложенная на него послѣ его грѣхопаденія. Мы естественно и необходимо должны производить вещи, безъ которыхъ человѣческій родъ не могъ бы существовать; безъ труда онъ погибъ бы: значитъ, мы должны работать... Жизнь налагаетъ обязанности, это—дѣятельность, развитіе способностей человѣка: исполнять свои общественныя обязанности лучше, чѣмъ молиться... Если Сынъ Божій совѣтуетъ намъ отказаться отъ нашихъ имуществъ, то, конечно, вовсе не для того, чтобы мы вели праздную жизнь въ тягость обществу... Если есть совершенство въ томъ, чтобы все покинуть ради Іисуса Христа, то только подъ условіемъ, чтобы жить своимъ трудомъ". Такимъ образомъ аскетизмъ, доходившій даже до отрицанія необходимости труда для своихъ представителей, вызывалъ противъ себя оппозицію съ соціальной точки зрѣнія. Но противъ него были также и отрицавшіеся имъ инстинкты природы. Папа Григорій VII объявилъ безбрачіе духовенства за основной законъ церкви, но извѣстно, какое сопротивленіе вызвалъ этотъ законъ среди женатыхъ и семейныхъ священниковъ и какъ долго въ наиболѣе отдаленныхъ отъ Рима странахъ были еще женатыя духовныя лица. Впослѣдствіи во многихъ случаяхъ целибатъ былъ простой фикціей, такъ какъ священники имѣли наложницъ, и напр., деревенскіе приходы въ Швейцаріи сами заставляли своихъ пастырей жить въ конкубинатѣ, оберегая нравственность женъ и дочерей своего населенія. Весьма естественно, что въ свѣтскомъ обществѣ всегда было несогласіе съ тѣмъ аскетическимъ взглядомъ, по которому внѣ исполненія аскетическихъ требованій не могло быть

нравственной жизни. Въ рыцарскомъ кодексѣ чести, въ свѣтской поэзіи южной Франціи, въ этой „веселой наукѣ", проглядываютъ тенденціи въ духѣ индивидуализма, хватающаго иногда черезъ край. Конечно, не подъ аскетическій идеалъ нестяжанія подходитъ такое заявленіе, встрѣчаемое въ одномъ поэтическомъ произведеніи (Loherains): „будь одна моя нога въ раю, а другая въ замкѣ Незилѣ, я отнялъ бы первую ногу, чтобы и ее поставить къ Незилѣ". Это относится и къ другой категоріи аскетическихъ идей, какъ и такая просьба трубадура (Сорделя): „не бери меня въ крестовый походъ; я не спѣшу спасаться, ибо я хочу какъ можно позднѣе достигнуть до вѣчной жизни". Смиреніе и послушаніе не были добродѣтелями рыцарства, отличавшагося, наоборотъ, гордою независимостью. Культъ дамы сердца, „суды любви" опять-таки не гармонировали съ аскетическимъ взглядомъ на женщину, и трубадуръ готовъ отказаться отъ самаго рая, если въ немъ не будетъ дамъ. Подобныхъ отрицаній аскетическаго идеала можно было бы собрать много въ средневѣковой литературѣ, но съ особою силою выразилось антиаскетическое направленіе въ гуманизмѣ. Гдѣ бы оно ни зародилось, какъ бы ни выражалось, оно было проявленіемъ того индивидуализма, который отрицался аскетическимъ идеаломъ, требовавшимъ отказа отъ своего Я, духовнаго и физическаго, отъ личной независимости, отъ матеріальнаго благосостоянія, отъ потребности въ семейныхъ привязанностяхъ. Проявленіемъ того-же индивидуализма было и зарожденіе раціонализма въ философіи и наукѣ, требовавшаго бо̀льшаго простора для личной мысли. Раціонализмъ былъ осужденъ церковью, и, напр., еще въ 1226 г. она отнеслась такимъ образомъ къ ученію жившаго въ IX в. родоначальника схоластики Іоанна Эригены Скота. „Я,—писалъ онъ между прочимъ,—не такъ боюсь авторитета, я не такъ боюсь ярости непросвѣщенныхъ умовъ, что не колеблюсь громко заявлять мысли, которыя отчетливо сознаетъ и съ достовѣрностью доказы-

ваетъ мой разумъ... Авторитетъ происходитъ отъ истиннаго разума, отнюдь не разумъ отъ авторитета (auctoritas ex vera ratione processit, ratio vero nequaquam ex auctoritate). Какой бы тамъ ни былъ авторитетъ, если онъ не признанъ разумомъ, онъ не имѣетъ силы. Напротивъ, разумъ, несокрушимо основанный на собственной силѣ, не имѣетъ нужды въ подкрѣпленіи со стороны какого-либо авторитета". Ансельмъ Кентерберійскій (XII в.) явился защитникомъ догматизма въ схоластикѣ (credo, ut intelligam), но и раціонализмъ имѣлъ своихъ представителей въ этой философіи, не всегда жившей въ ладу съ церковными ученіями. Между прочимъ, въ схоластикѣ возникъ споръ, суть ли общія понятія (universalia) роды и виды вещей (genera et species rerum), внѣ нашего ума (extraanimam) и ранѣе вещи (ante rem) существующія реальности (realia), или же они лишь суть имѣющія мѣсто въ умѣ нашемъ (in anima) и возникающія послѣ предмета (pest vem) названія или имена (nomina), т. е. не реальности, а простые звуки (flatus vocis). Этотъ споръ раздѣлилъ схоластиковъ на реалистовъ и номиналистовъ, и въ номинализмѣ съ особою силою проявлялся раціонализмъ, который преслѣдовался церковью, тогда какъ реализмъ былъ опорой ея ученій, доходя до утвержденія, что universalia могутъ существовать и безъ соотвѣтственныхъ предметовъ. Изъ номиналистовъ отмѣтимъ жившаго въ XII в. Абеляра, извѣстнаго своею любовью къ Элоизѣ и своими бѣдствіями. Не оцѣнивая здѣсь всего значенія Абеляра, ограничимся указаніемъ лишь на его принципъ, по которому къ истинѣ ведетъ изслѣдованіе, вызываемое сомнѣніемъ (dubitando ad inquisitionem venimus, inquirendo ad veritatem), и на его сочиненіе «Sic et non» (т. е. да и нѣтъ), въ коемъ онъ собралъ и сопоставилъ противорѣчивые отвѣты богословскихъ авторитетовъ на самые основные вопросы (то же самое предпринялъ по отношенію къ философскимъ авторитетамъ Іоаннъ Салисберійскій). Такъ какъ номинализмъ и раціонализмъ пошли отъ изученія схоластиками Аристотеля, то церковь нашла нужнымъ приспособить его къ своимъ ученіямъ, что не помѣшало ра-

ціонализму дѣлать свое дѣло. Въ XIII в. „ангельскому доктору“ Ѳомѣ Аквинскому, назвавшему философію служанкой теологіи, противосталъ Дунсъ Скотъ, умершій въ самомъ началѣ слѣдующаго вѣка, который провозглашалъ независимость наукъ отъ теологіи (nulla alia scientia accipit principia a theologia), что до извѣстной степени характеризуетъ разное отношеніе къ богословію у „ѳомистовъ“ и „скотистовъ“. Позднѣе выработалось даже ученіе о томъ, что истинное въ теологіи можетъ быть ложно въ философіи и, наоборотъ, ложное въ первой истиннымъ во второй,—ученіе, осужденное въ 1512 г. Схоластическій раціонализмъ весьма близко стоялъ къ такъ называемому аверроизму. На схоластику значительное вліяніе оказала арабская философія, сама основанная на греческой и проникавшая въ западную Европу при еврейскомъ посредствѣ. Въ XII в. среди арабскихъ философовъ особенно возвысился Ибнъ-Рошдъ, бывшій извѣстнымъ на Западѣ подъ именемъ Аверроеса, отвергнутый мусульманами за нечестіе, но нашедшій послѣдователей среди евреевъ и христіанъ. Аверроесъ былъ натуралистомъ, скептикомъ и индифферентистомъ: для него безсмертіе заключалось въ памяти потомства, загробное воздаяніе было вредной выдумкой, лучшей религіей — философія. Аверроизмъ, имѣвшій послѣдователей особенно въ Италіи и во Франціи, и былъ послѣ схоластическаго номинализма второю формою, какую принимаетъ раціонализмъ въ философіи. Онъ не умираетъ и тогда, когда на той же самой почвѣ индивидуализма развивается гуманизмъ, который сталъ искать истины, опираясь на латинскихъ и греческихъ классиковъ, мало по малу вытѣснившихъ у представителей этого направленія всѣ богословскіе авторитеты. Намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на первыхъ двухъ проявленіяхъ интелектуальной оппозиціи противъ католицизма, т. е. на номиналистическомъ раціонализмѣ и на аверроизмѣ, характеризующихъ антирелигіозныя проявленія въ исходѣ среднихъ вѣковъ, а о гуманизмѣ придется говорить особо въ виду громадной важности, какую онъ имѣетъ въ культурной исторіи новаго времени.

Въ XIV в. начался такъ называемый Ренессансъ, или Возрожденіе наукъ и искусствъ, возстановленіе античной образованности. Самой характерной чертой Возрожденія и считается обыкновенно обращеніе къ классической литературѣ: въ средніе вѣка эта литература была полупозабыта, полунепонятна, и сущность Ренессанса въ томъ именно и заключалась, что начинаютъ разыскивать, собирать, переписывать, изучать произведенія римскихъ и греческихъ писателей, что ими начинаютъ увлекаться, начинаютъ имъ подражать, т. е. Возрожденіе съ такой точки зрѣнія было прежде всего возрожденіемъ классической древности. Въ этомъ, дѣйствительно, заключается одна изъ чертъ эпохи, но, быть можетъ, будущему суждено выдвинуть на первый планъ въ пониманіи обозначаемаго этимъ именемъ культурнаго движенія другую черту, для характеристики которой существуетъ и другой терминъ, болѣе древній, чѣмъ самое названіе Ренессанса, и болѣе подходящій къ основному свойству всего движенія. Всѣмъ извѣстно, что люди, сдѣлавшіе предметомъ своихъ занятій изученіе классическихъ авторовъ, получили названіе гуманистовъ, и что созданное ими направленіе стало обозначаться, какъ гуманизмъ. Въ гуманизмѣ, какъ основной чертѣ эпохи Возрожденія, и заключается сущность послѣдняго и источникъ того интереса, съ какимъ представители всего движенія относились къ классической древности. Не нужно имѣть большихъ филологическихъ познаній, чтобы понять происхожденіе словъ— гуманистъ, гуманизмъ: они образованы изъ латинскаго humanus, человѣческій и, пожалуй, человѣчный, гуманный. Другое дѣло—тотъ смыслъ, какой получили эти слова въ связи съ культурнымъ переворотомъ, открывающимъ собою новое время въ западно-европейской исторіи. Въ средніе вѣка цѣлью и средоточіемъ умственной дѣятельности человѣка считались занятія божественными предметами (divina studia), подъ коими разумѣлось все, что имѣло отношеніе къ богословію, а въ противоположность къ нимъ предметы, составляющіе содержаніе свѣтской литературы, были предметами человѣческими,

занятія коими, т. е. humana studia представляли изъ себя нѣчто отличное отъ обычныхъ интересовъ умственной дѣятельности. Понятно, кого стали поэтому называть гуманистами, когда античная литература сдѣлалась предметомъ изученія сама по себѣ. Гуманизмъ былъ интересъ къ человѣческому и притомъ интересъ, весьма непохожій на тотъ, который человѣческія дѣла могли возбуждать къ себѣ со стороны представителей средневѣкового аскетическаго міросозерцанія съ его презрѣніемъ къ міру и ко всему, что составляетъ радость и красоту человѣческой жизни. Чѣмъ былъ человѣкъ для этого міросозерцанія? Существомъ прежде всего грѣховнымъ, испорченнымъ въ самой своей природѣ, и если ужъ стоило имъ заниматься, то развѣ лишь потому, что онъ сдѣлался предметомъ неизреченнаго милосердія Божія, предметомъ великаго акта спасенія воплотившимся Сыномъ Божіимъ: какой интересъ былъ въ немъ самомъ, въ этомъ существѣ разъ каждый ради будущей жизни долженъ былъ убить въ себѣ все то человѣческое, что привязывало его къ міру съ его соблазнами, и направлять всѣ помыслы свои къ божественному, возвращающему человѣка его небесной родинѣ? Новое воззрѣніе на жизнь, характеризующее гуманизмъ, пошло въ разрѣзъ съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ: для него, наоборотъ, человѣкъ явился вѣнцомъ творенія, существомъ богато одареннымъ, проявившимъ высшія свои способности въ чудныхъ произведеніяхъ античнаго интеллектуальнаго и эстетическаго творчества, и къ такому-то человѣку возникъ интересъ, который былъ въ сущности интересомъ человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру, т. е. самоуглубленіемъ не ради, однако, испытанія своей совѣсти, входившаго въ обиходъ и монашескаго житія, а ради того интереса, какой представляетъ собою такое занятіе. Новому настроенію нужна была новая пища, новому самопониманію—новая опора. Подобно тому, какъ позднѣе, въ эпоху реформаціи для людей, порвавшихъ связи съ старою церковью, опору въ выработкѣ религіозныхъ и моральныхъ взглядовъ представляла собою

Библія, такъ и зарождавшійся гуманизмъ съ своимъ теоретическимъ интересомъ ко всему человѣческому и съ своимъ практическимъ отстаиваніемъ человѣческихъ началъ въ жизни находилъ себѣ опору въ классической древности. Гуманисты оставляли позади себя эпоху, когда въ области морали почти безраздѣльно царили аскетическіе идеалы—отреченія отъ самого себя, бѣгства изъ міра: они искали иной морали, не отрываясь отъ христіанства, отождествлявшагося у представителей средневѣкового міросозерцанія съ аскетизмомъ, и искали ея тамъ, куда не гнушались обращаться за идейнымъ содержаніемъ и жившіе за тысячу лѣтъ до нихъ отцы церкви,—искали опоры для своего настроенія, для своихъ стремленій у античныхъ философовъ. Схоластика была слишкомъ отвлеченна и суха, слишкомъ мало говорила сердцу, чтобы удовлетворять людей новаго настроенія, стремившихся къ самопознанію: весьма естественно, что гуманисты не должны были жаловать представителей схоластическаго умозрѣнія, и борьба первыхъ съ послѣдними обнаруживаетъ ту причину, которая заставила гуманистовъ обратиться отъ философіи средневѣковой къ философіи античной. Для гуманистовъ діалектика была только упражненіемъ ума, средствомъ, а не цѣлью, и уже Петрарка смѣялся надъ глупцами, сѣдѣющими въ игрѣ словами и совершенно забывающими о понятіяхъ, этими словами выражаемыхъ, ибо предметъ философіи не голыя понятія, а нравственный человѣкъ и человѣческая жизнь. Такимъ образомъ личность начинаетъ сознавать самое себя, свои права, свои интересы; средневѣковое міросозерцаніе, выразившееся въ аскетизмѣ исхоластикѣ, ее не удовлетворяетъ, и на свои запросы въ области жизни и мысли она ищетъ отвѣтовъ у античныхъ писателей. И такъ, за Возрожденіемъ классической древности стоитъ гуманизмъ, а самъ онъ является однимъ изъ проявленій индивидуализма, характеризующаго начинавшуюся новую эпоху, и въ немъ же проявляется то стремленіе къ секуляризаціи, которое изъ церковной культуры среднихъ вѣковъ создаетъ свѣтскую цивилизацію новаго времени.

ВОЗРОЖДЕНІЕ и ГУМАНИЗМЪ.

XXVI. Средніе вѣка и классическая древность *).

Постановка вопроса о гуманизмѣ.—Три источника западно-европейской цивилизаціи.—Судьба классическихъ литературъ въ средніе вѣка и предшественники Ренессанса.—Отношеніе Данте къ классикамъ.—Почему Ренессансъ возникъ на итальянской почвѣ?—Роль византійскихъ грековъ.—Классицизмъ и христіанство въ Италіи и другихъ странахъ.—Петрарка и бл. Августинъ.—XIV и XV вѣка.

Намъ предстоитъ теперь заняться гуманизмомъ. Опредѣлимъ сначала ту точку зрѣнія, съ которой будетъ разсматриваться въ дальнѣйшемъ это крупное и сложное историческое явленіе.

Точка зрѣнія, на которую мы должны стать, опредѣляется общимъ характеромъ настоящей книги, разсматривающей отдѣльныя историческія явленія, главнымъ образомъ со стороны ихъ общеевропейскаго значенія и со стороны ихъ значенія для общей культурно-соціальной исторіи. Эту оговорку необходимо было сдѣлать въ виду того, что, развившись первоначально на итальянской почвѣ, гуманизмъ проникъ и въ

*) Самый обстоятельный обзоръ по исторіи итальянскаго гуманизма см. въ соч. М. С. Корелина. «Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія». Кромѣ того, Фохтъ. Возрожденіе классической древности (Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums). Буркгардтъ. Культура въ Италіи въ эпоху Возрожденія (Burckhardt. Die Cultur der Renaissance in Italien) А. Веселовскій. Вилла Альберти (Характеристика перелома итальянской жизни XIV—XV вѣковъ). Symonds. Renaissance in Italy. Geiger. Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland (въ коллекціи Онкена). Zeller. Italie et Renaissance. Körting. Die Anfänge der Renaissance-Literatur in Italien. И. Тэнъ. Искусство въ Италіи и Нидерландахъ (H. Taine. Philosophie de l'art en Italie). Въ указанной книгѣ М. С. Корелина самый полный и подробный критическій обзоръ литературы.

другія европейскія страны, и что, получивши характеръ классическаго „возрожденія“, онъ былъ, однако, гораздо шире простого возстановленія классическихъ занятій, и значило бы до-нельзя съузить смыслъ всего гуманистическаго движенія, если бы мы стали разсматривать его лишь по тому значенію, какое оно имѣло для національной итальянской исторіи, а перенесенное на общеевропейскую почву— для одного возрожденія ученаго интереса къ классическому міру. Съ точки зрѣнія итальянской національной исторіи гуманизмъ могъ и не играть особенной роли въ судьбахъ страны: весьма любопытно, что историки Италіи относятся къ нему не положительно, а отрицательно, чуть не ставя ему въ вину печальное политическое состояніе Италіи при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Историческая судьба апеннинскаго полуострова, конечно, зависѣла отъ иныхъ причинъ: и политическая раздробленность Италіи, и отсутствіе въ ней политической свободы, и утрата отдѣльными ея частями національной независимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественная деморализація,—всѣ эти явленія были результатомъ весьма сложныхъ обстоятельствъ, восходящихъ ко временамъ весьма отдаленнымъ, и скорѣе слабыя стороны самого итальянскаго гуманизма должны искать своего объясненія въ общемъ состояніи страны, чѣмъ наоборотъ общее состояніе страны и ея историческія судьбы— въ характерѣ гуманистическаго движенія. Для насъ, съ той точки зрѣнія, съ какой мы, какъ только—что сказано, разсматриваемъ исторію западной Европы въ этой книгѣ, и въ томъ смыслѣ, какое отводимъ очерку *гуманизма, какъ проявленія индивидуализма и секуляризаціи теоретическаго и моральнаго міросозерцанія*, важнѣе поставить вопросъ объ общеевропейскомъ значеніи итальянскаго гуманизма. По той же самой причинѣ мы должны придать болѣе важное значеніе той сторонѣ явленія, которою оно непосредственно соприкасается съ общею перемѣною въ средневѣковомъ міросозерцаніи, сравнительно съ дру-

гими его сторонами, каковы, наприм., возстановленіе классическихъ изученій и зарожденіе античной филологіи или замѣна въ литературѣ средневѣковыхъ традицій традиціями греко-римскими, такъ какъ самое обращеніе къ классической древности объясняется не чѣмъ инымъ, какъ необходимостью найти опору для новыхъ потребностей ума и новыхъ жизненныхъ стремленій, неудовлетворявшихся схоластикой, мистикой и аскетизмомъ. Такой постановкой вопроса, выдвигающей на первый планъ общеевропейское и широкое культурно-соціальное значеніе гуманизма, отнюдь не устраняется возможность отнестись къ нему и съ иныхъ точекъ зрѣнія, необходимо возникающихъ при изученіи итальянскаго гуманизма. Мы это сейчасъ и докажемъ, поставивъ два вопроса, одинъ, связанный съ классической стороной гуманизма,—именно о судьбѣ античной литературы въ средніе вѣка, другой, вводящій насъ въ историческія судьбы Италіи, т. е. вопросъ о причинахъ, дозволившихъ произойти возрожденію ранѣе всего въ Италіи.

Средневѣковая западно-европейская цивилизація имѣетъ три источника—1) въ гражданственности и образованности античнаго міра, короче говоря въ Римской имперіи, 2) въ идеяхъ и учрежденіяхъ церкви, т. е. въ христіанствѣ и наконецъ 3) въ томъ, что принесли съ собою новые народы, главнымъ образомъ германцы. Изъ взаимодѣйствія этихъ трехъ началъ и произошла вся средневѣковая цивилизація въ своихъ соціальныхъ и культурныхъ формахъ, причемъ взаимодѣйствіе античныхъ, христіанскихъ и народно-германскихъ традицій наблюдается и въ литературной эволюціи среднихъ вѣковъ, *)—цивилизація весьма своеобразная, переработавшая въ себѣ и приведшая къ одному знаменателю самые разнородные элементы. Духовное содержаніе этой цивилизаціи имѣетъ происхожденіе главнымъ образомъ или классическое, или христіанское, и чѣмъ далѣе мы идемъ отъ IV в. нашей эры, когда въ сферѣ философіи и литературы начался

*) См. мою книгу «Литературная эволюція на Западѣ».

съ особою силою синтезъ античныхъ и церковныхъ традицій, тѣмъ все болѣе и болѣе мы наблюдаемъ забвеніе первоначальныхъ источниковъ и искаженіе того, что не было забыто. Въ концѣ среднихъ вѣковъ начинается настоящее «возрожденіе» изначальныхъ традицій западно-европейской цивилизаціи съ крайне отрицательнымъ отношеніемъ къ тому, что выработано было самою западною Европою въ средніе вѣка, но въ этомъ кризисѣ мы видимъ два возрожденія: классическій Ренессансъ и христіанскую реформацію, въ коихъ произошло возвращеніе отъ схоластической образованности, съ одной стороны, къ классикамъ, съ другой, къ св. писанію и отцамъ церкви, какъ первымъ его комментаторамъ,—возвращеніе, вызванное естественнымъ развитіемъ жизни, искавшей для себя новыхъ умственныхъ и моральныхъ устоевъ и обновлявшей себя обращеніемъ къ изначальнымъ источникамъ европейской образованности. Впрочемъ, о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ эпохъ—эпохи гуманизма и эпохи протестантизма мы будемъ говорить особо, а теперь остановимся на судьбѣ классическаго элемента цивилизаціи въ средніе вѣка и на началѣ его «возрожденія». Объ этомъ я позволю себѣ сдѣлать выдержки изъ моей книги о «Литературной эволюціи на Западѣ» *).

„Классическая древность была сравнительно мало извѣстна средневѣковой литературѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ школьная поэзія отступила на послѣдній планъ и на первый выдвинулась національная, возникшая на почвѣ иной жизни и иныхъ преданій. Весьма рано прекратилось на Западѣ изученіе греческаго языка и исчезло знакомство съ тѣмъ, что на немъ было написано: даже Аристотеля, этотъ философскій авторитетъ среднихъ вѣковъ, знали не въ оригиналѣ, а въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ не съ греческаго, а съ арабскаго; римскихъ классиковъ читали мало, а читая ихъ и имъ подражая, не понимали ихъ духа; многія

*) См. именно стр. 210—213, 214—216 и 217.

преданія древности были извѣстны только изъ разныхъ компиляцій и попадали такимъ образомъ въ національную литературу изъ школьныхъ передѣлокъ, т. е. изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ. Съ развитіемъ образованности въ XII столѣтіи средневѣковые ученые начали обращать больше вниманія, нежели дѣлалось это прежде, на римскихъ писателей, но отношеніе ихъ къ древней литературѣ было весьма своеобразное: постоянно имѣлось въ виду язычество классиковъ, которое требовало осторожности въ обращеніи съ умами древняго міра, и если ими интересовались, то потому, что въ произведеніяхъ римской поэзіи усматривали аллегорическія передачи истинъ естественнаго богопознанія да образцы языка и чисто внѣшнихъ литературныхъ формъ, и во всякомъ случаѣ тутъ не было увлеченія самимъ содержаніемъ, духомъ, эстетическими красотами столь долго забытой поэзіи. Вотъ, напримѣръ, знаменитый Іоаннъ Салисберійскій: онъ зналъ до полутора десятка классиковъ, что для его времени было много, но изъ знакомства съ ними онъ вынесъ такое впечатлѣніе, что читать ихъ можно только людямъ, очень крѣпкимъ въ вѣрѣ; съ другой стороны, большая начитанность не вызвала въ немъ перемѣны въ обычномъ для средневѣковья взглядѣ на Энеиду, какъ на аллегорію, въ которой Эней — человѣческая душа, временно заключенная въ тѣлѣ, а его приключенія — человѣческая жизнь съ бѣдствіями дѣтства, заблужденіями юности, преступною любовью и т. п. Почетъ, въ какомъ находились классики у нѣкоторыхъ ученыхъ людей XIII в., обусловливался также чисто средневѣковыми соображеніями: напр., Викентій Бовэзскій, авторъ извѣстной энциклопедіи „Великое Зерцало“ (Speculum Magnum), находилъ, что хотя и лишенные откровенной религіи, эти писатели удивительно разсуждали о Творцѣ и его твореніяхъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ, и совершенно въ томъ же смыслѣ доминиканскій профессоръ Альбертъ Великій ставилъ въ заслугу языческимъ мудрецамъ и философамъ познаваніе Бога естественной мудростью разума, замѣнявшей для нихъ то

писаніе, изъ котораго узнавали о Богѣ евреи. Подобный взглядъ на римскую литературу не могъ, конечно, благопріятствовать тому, чтобы она повліяла на поэзію, и все, чѣмъ въ данномъ отношеніи пользовались изъ классиковъ поэты XII и XIII в., не говоря о сюжетахъ, входившихъ въ литературу изъ школьныхъ передѣлокъ и компиляцій,—сводилось, пожалуй, только къ нѣсколькимъ миѳологическимъ украшеніямъ, попадающимся въ латинскихъ стихотвореніяхъ этихъ двухъ столѣтій. Таковы были интересы, которые поддерживали изученіе римской литературы, изученіе случайное, поверхностное, не обнаруживавшее пониманія самаго духа изучавшихся произведеній, лишенное увлеченія ихъ идеями, преклоненія передъ ихъ поэтическими красотами. Да и могло ли быть иначе при той рѣзкой противоположности, которая существовала между духомъ античной литературы и безсознательной философіей, лежавшей въ основѣ средневѣковой жизни, между идеями, представленіями, интересами и настроеніемъ культурнаго человѣка древности, съ одной стороны, и всѣмъ міровоззрѣніемъ и стремленіями аскета-монаха, спиритуалиста-схоластика или мистика среднихъ вѣковъ, феодальнаго рыцаря и только что выступившаго на историческое поприще горожанина, съ другой? Исключенія, конечно, были, и наприм., переводилось или вѣрнѣе перелицовывалось любовное искусство съ лѣкарствомъ отъ любви Овидія, но это все-таки были исключенія, и въ подобныя передѣлки слишкомъ проникалъ чисто средневѣковой колоритъ. Когда жизнь ушла отъ тѣхъ путей, на которыхъ когда-то породила она религію, философію, науку, поэзію и искусство древнихъ, люди не могли уже понимать духа античной культуры: только измѣненія въ жизни, выразившіяся и въ паденіи настоящихъ средневѣковыхъ литературныхъ традицій, могли создать классъ людей, для которыхъ сдѣлались болѣе понятными и болѣе привлекательными міровоззрѣнія и настроенія погибшей, но не вполнѣ еще забытой культуры. Въ эпоху господства одной литературной

традиціи, поддерживаемой всѣмъ складомъ современнаго быта, отличная отъ нея традиція не можетъ получить силы: для новаго направленія должна быть расчищена почва, и такому расчищенію почвы соотвѣтствуетъ въ исторіи западно-европейскихъ литературъ паденіе средневѣковыхъ поэтическихъ традицій, которое мы обнаруживаемъ въ XIV и XV вѣкахъ. Новая жизнь искала новаго литературнаго содержанія и новыхъ литературныхъ формъ, но она нашла между прочимъ и нѣчто готовое старое, что могло теперь воскреснуть: это была именно античная литература. Въ XIV вѣкѣ начинаютъ ее изучать ради нея самой, а не для богословскихъ или чисто формальныхъ цѣлей, не ставя болѣе вопроса объ ея язычествѣ, но увлекаясь ея духомъ и „пріятностью“ ея формъ, ея языкомъ, стихомъ, стилемъ, всѣми ея пріемами въ поэзіи и прозѣ. Это—цѣлое литературное теченіе новаго времени среди другихъ теченій, болѣе непосредственно порождавшихся жизнью, и такова была его сила, что въ концѣ концовъ классицизмъ, который нѣмцы называютъ не безъ основанія ложнымъ (Pseudoclassicismus), заполонилъ къ началу XVIII в. почти всю литературу почти всѣхъ европейскихъ націй“.

„Между тѣмъ отношеніемъ къ античнымъ писателямъ, какое мы находимъ у эрудитовъ XII и XIII в., у Іоанна Салисберійскаго, у Викентія Бовэзскаго, у Альберта Великаго, и у современныхъ имъ латинскихъ поэтовъ, съ одной стороны, и тѣмъ преклоненіемъ предъ древними, которое характеризуетъ Петрарку и вообще всѣхъ гуманистовъ XIV—XV вв., разница громадная: послѣдніе вступили на путь прямаго подражанія классикамъ, имѣющаго мало общаго съ случайными заимствованіями миѳологическихъ украшеній, дѣлавшимися тѣмъ или другимъ школьнымъ поэтомъ XII и XIII столѣтія, и съ совершенно внѣшнимъ отношеніемъ средневѣковыхъ эпиковъ къ такимъ классическимъ сюжетамъ, каковы Троянская война или подвиги Александра Македонскаго. Перемѣна эта произошла, однако, не сразу: переходныя ступени представ-

ляютъ изъ себя предшественники Данте, какъ продолжатели и преемники болѣе раннихъ эрудитовъ и поэтовъ, и самъ Данте, какъ признанный предшественникъ классическаго возрожденія. Учитель Данте, Брунетто Латини, соединявшій поэзію съ ученостью, что было характерной чертой времени, ввелъ въ зарождавшуюся итальянскую литературу классическія воспоминанія, сдѣлавъ переводы Овидія и Боэція, превративъ Овидія, канцлера бога любви, въ своего руководителя, показывающаго настоящую дорогу, и т. п. Другой писатель того времени, Альбертино Муссато (1261 — 1330), историкъ и поэтъ, начитанный въ классикахъ, составляетъ трагедію Ахиллеиду и Eccerinis не безъ прямаго подражанія древнимъ, по-крайней мѣрѣ, во внѣшней формѣ: въ послѣдней трагедіи есть и хоры, и длинные разсказы „вѣстниковъ". Все это факты, напоминающіе и болѣе раннія отраженія классическихъ реминисценцій въ средневѣковой литературѣ, но здѣсь уже нѣсколько замѣтно усиленіе классическаго образованія къ концу XIII и началу XIV вѣка при сохраненіи общаго характера этого образованія: классиками пользуются, какъ источниками мудрости и образцами риторическаго способа изложенія. Такое образованіе получилъ и Данте: оно было по существу средневѣковое, схоластическое, съ обычною примѣсью классицизма, но уже значительно увеличившеюся. Древность не господствовала въ мірѣ его мысли безраздѣльно, какъ мы это видимъ у позднѣйшихъ итальянцевъ: читая произведенія римскихъ поэтовъ,—а онъ читалъ Виргилія, Горація, Овидія, Ювенала,—онъ не увлекался благозвучіемъ ихъ стиха, какъ Петрарка своимъ Цицерономъ, не смаковалъ прелести ихъ поэтической формы и часто цѣнилъ ихъ главнымъ образомъ за ихъ мудрыя изреченія, заключающія въ себѣ житейскія правила, но ему чуждъ былъ духъ древняго міра, да и пониманіе послѣдняго не доходило у него до уразумѣнія полной его противоположности съ современностью. Что въ самомъ дѣлѣ для Данте излюбленный имъ Виргилій? Онъ читалъ его съ особеннымъ удоволь-

ствіемъ, называлъ его своимъ учителемъ, давая ему даже предикатъ „божественнаго", изображалъ его своимъ руководителемъ въ загробныхъ своихъ странствованіяхъ, но въ его взглядѣ на Виргилія было много средневѣковыхъ чертъ: для него это—авторитетъ въ родѣ схоластическаго Аристотеля или какого-либо учителя церкви, мистическій святой изъ язычниковъ, какъ пророкъ о Христѣ, — представленіе, которое о Виргиліи создали себѣ средніе вѣка, съумѣвшіе рядомъ съ этимъ превратить римскаго поэта и въ какого-то чернокнижника. Тутъ еще нѣтъ, конечно, ничего новаго, и Данте не возвышается надъ современниками въ своемъ взглядѣ на римскихъ писателей, не ищетъ въ нихъ чего-нибудь большаго сравнительно съ тѣмъ, чего искали его предшественники, но не въ этомъ одномъ заключается отношеніе Данте къ классическимъ традиціямъ".

„Быть можетъ, кругъ классическихъ знаній Данте и не превосходилъ ограниченную все-таки начитанность Латини и Муссато, но никто до него и при немъ не содѣйствовалъ большему распространенію въ обществѣ знакомства съ древними: творецъ „Божественной Комедіи" уже безъ всякаго школьнаго педантизма и не для риторическихъ цѣлей говорилъ въ ней о мужахъ и женахъ древности, какъ объ общеизвѣстныхъ людяхъ, имена которыхъ безпрестанно сами собою приходятъ на память, и онъ зналъ эпоху и жизненную обстановку этихъ людей, а не одни имена, ничего не говорящія воображенію. Словомъ, Данте, продолжая средневѣковое традиціонное отношеніе къ античной литературѣ, начинаетъ находить въ ней,—быть можетъ и по всей вѣроятности, не ища,—нѣчто такое, чѣмъ до него не пользовались или во всякомъ случаѣ чѣмъ пользовались очень мало".

Данте, первый единоличный поэтъ новаго времени, по своему міросозерцанію оставался человѣкомъ совершенно средневѣковымъ, и его „Божественная Комедія" была цѣлой поэтической энциклопедіей, въ которой нашли выраженіе свое и схоластика, и мистика, и романтизмъ, и политическія теоріи

католицизма, но мы увидимъ, что у Петрарки, бывшемъ продолжателемъ Данте въ дѣлѣ созданія итальянскаго литературнаго языка, уже совсѣмъ иное отношеніе къ классикамъ, ибо и самъ онъ уже иной человѣкъ.

Классицизмъ возрождается на итальянской почвѣ. Помимо того, что въ Италіи именно ранѣе, чѣмъ гдѣ либо, стали исчезать культурныя особенности среднихъ вѣковъ и сдѣланы были наибольшіе успѣхи индивидуализмомъ; помимо того, что въ Италіи впервые развивается типъ интеллигентнаго горожанина, столь отличный отъ типа монаха и рыцаря; помимо того, что здѣсь же очень рано происходитъ возрожденіе положительныхъ знаній (наприм., анатоміи въ Салерно еще въ X в.) и, на что тоже надо указать, распространеніе скептицизма и религіознаго индифферентизма подъ вліяніемъ аверроизма, центромъ коего въ XIII в. былъ падуанскій университетъ,—помимо всего этого, Италія была страною, въ которой наилучшимъ образомъ сохранялись классическія традиціи и реминисценціи. Въ самомъ дѣлѣ развитіе итальянскаго языка въ литературѣ произошло довольно поздно, ибо до XIII в. латинскій языкъ былъ не совсѣмъ непонятенъ даже народу въ церковной проповѣди. Кодифицированное Юстиніаномъ Великимъ римское право принялось очень хорошо на итальянской почвѣ, и въ XII в. развилось уже научное его изученіе въ школахъ, задолго предшествовавшее его «рецепціи» во Франціи и Германіи. Муниципальныя учрежденія Римской имперіи повторились въ политическомъ быту средневѣковыхъ итальянскихъ городовыхъ республикъ. Отсутствіе въ Италіи готическаго архитектурнаго стиля (исключеніе—миланскій соборъ), столь характернаго для среднихъ вѣковъ, указываетъ тоже на бóльшую связь Италіи съ древностью и въ этомъ отношеніи,—связь, которая поддерживалась и массою памятниковъ римской эпохи на итальянской почвѣ. Наконецъ, и вообще античныя воспоминанія не такъ уже заглохли въ Италіи, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они были очень слабы, не говоря уже, наприм., объ Англіи или

Германіи, гдѣ ихъ почти и быть не могло. Важно было и географическое положеніе Италіи. Для ея средневѣковой культуры несомнѣнное и большое значеніе имѣли близость къ Востоку, соприкосновеніе на югѣ съ сарацинами, оказавшими на средневѣковую образованность большое вліяніе и въ частности вліяніе на развитіе раціонализма, скептицизма, индифферентизма и положительныхъ знаній. Позднѣе (и только позднѣе) въ Возрожденіи приняли участіе бѣглые греки, искавшіе въ Италіи пріюта отъ турокъ, утвердившихся на Балканскомъ полуостровѣ. Здѣсь умѣстно опровергнуть одно мнѣніе, которое до сихъ поръ повторяется не только въ школьныхъ руководствахъ, но и въ болѣе серьезныхъ сочиненіяхъ, будто Возрожденіе въ Италіи произвели византійскіе греки. Это положительная неправда и вотъ почему. Вопервыхъ, появленіе греческихъ выходцевъ въ Италіи относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ зарожденіе интереса къ классической древности, и прежде нежели научиться по-гречески и начать читать сочиненія греческихъ писателей, итальянскіе гуманисты уже опредѣлили характеръ своей дѣятельности при непосредственномъ знакомствѣ съ одними латинскими авторами, бывшими извѣстными на Западѣ и раньше, но до того времени остававшимися несобранными вмѣстѣ, или же съ такими, которые были только тогда открыты. Эпоха флорентійской уніи (1438) и паденія Константинополя (1453)— вотъ когда происходилъ наибольшій наплывъ грековъ въ Италію, но уже за сто лѣтъ до этого, благодаря дѣятельности Петрарки (1304—1374), его друзей и послѣдователей, опредѣлился характеръ гуманизма и его отношенія къ классической древности. Это разъ. Вовторыхъ, византійскіе греки относились къ сокровищамъ эллинской цивилизаціи, которыя они сохранили, мало чѣмъ лучше того, какъ западные ученые до эпохи Возрожденія относились къ римской литературѣ. Византійцы, пріѣзжая въ Италію, привозили съ собою книги на греческомъ языкѣ, обучали этому языку итальянцевъ, сообщали имъ фактическія свѣдѣнія, но этимъ глав-

нымъ образомъ и ограничивалось все ихъ вліяніе: сами учителя часто не понимали того, что передавали, т. е. понимали греческихъ авторовъ такъ же мало, какъ и средневѣковые схоластики или поэты—то, что знали изъ римской литературы, ибо они относились къ предмету своего знанія внѣшнимъ образомъ, не проникались духомъ читаемыхъ и изучаемыхъ писателей, тогда какъ итальянскіе ученики византійцевъ и сами были предрасположены къ лучшему пониманію классическаго міра, и уже на изученіи латинскихъ авторовъ подготовлены къ тому, чтобы понимать по настоящему и греческихъ писателей. Все значеніе византійскихъ выходцевъ заключалось такимъ образомъ въ формальномъ обученіи языку и въ передачѣ того, что самими ими было понимаемо совсѣмъ не въ гуманистическомъ духѣ. Гуманизмъ и классицизмъ далеко, какъ мы вообще будемъ видѣть, не синонимы.

Такимъ образомъ, Ренесеансъ и гуманизмъ были продуктами итальянской жизни, той ступени культурнаго развитія, какой она достигла, и большей сравнительно съ другими странами близости къ античной традиціи. Здѣсь же въ Италіи это явленіе и развилось съ наибольшею силою, получивъ въ XV вѣкѣ характеръ „возрожденія языческаго“, бывшаго, впрочемъ, явленіемъ временнымъ и мѣстнымъ,—временнымъ и по отношенію ко всей Италіи, въ исторіи которой о „паганизмѣ“ можно говорить, лишь имѣя въ виду одну эпоху, и мѣстнымъ по отношенію ко всей Европѣ, такъ какъ преобладающимъ направленіемъ было стремленіе примирить классическую древность съ христіанствомъ, которое все болѣе и болѣе начинаетъ пониматься внѣ той теократической и аскетической оболочки, какую оно получило въ средневѣковомъ католицизмѣ. Въ XIV в. Петрарка, этотъ родоначальникъ итальянскаго гуманизма, защищалъ христіанство отъ аверроистическаго невѣрія, хотя аверроизмъ развился въ Италіи на почвѣ того же индивидуализма и раціонализма, которые искали пищи и въ классической литературѣ, а самый круп-

ный, можно сказать, общеевропейскій гуманистъ XVI в. Эразмъ Роттердамскій порицалъ современныхъ ему итальянскихъ гуманистовъ за ихъ язычество, не говоря уже о массѣ гуманистовъ, ушедшихъ въ реформаціонное движеніе XVI в. Этотъ синтезъ христіанскаго съ классическимъ и составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ въ исторіи гуманизма въ XIV—XVI вѣкахъ и въ Италіи, и въ другихъ странахъ, хотя мы не отрицаемъ въ немъ иного теченія, съ наибольшею силою проявившагося въ Италіи XV вѣка, но, такъ сказать, затертаго вообще религіозною реформаціей XVI столѣтія, а въ частности въ Италіи католическою реакціей, начавшей свирѣпствовать въ серединѣ XVI в. Въ томъ ли, въ другомъ ли направленіи—гуманизмъ дѣйствовалъ разлагающимъ образомъ на средневѣковое міросозерцаніе.

Примиреніе христіанскаго съ античнымъ, коимъ занялись гуманисты въ XIV в., было какъ-бы продолженіемъ и повтореніемъ того, что начали дѣлать еще христіанскіе писатели IV в., учившіеся въ языческихъ школахъ, а въ этомъ отношеніи было сходство въ положеніи тѣхъ и другихъ. Родоначальникъ гуманизма Петрарка съ особенною любовью относился къ бл. Августину, жившему за тысячу лѣтъ раньше его, и для такого отношенія была глубокая причина. Совсѣмъ по новому цѣнилъ въ немъ Петрарка писателя, коего по потоку римскаго краснорѣчія онъ „тотчасъ же узнаётъ, какъ самаго дорогого изъ тысячъ“. Книга признаній, «Исповѣдь», омоченная слезами, по выраженію самого Петрарки, ему особенно полюбилась, и отца церкви, бесѣдовавшаго въ ней съ читателемъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, онъ часто называлъ «мой Августинъ». При объясненіи этого предпочтенія мы не можемъ не принять въ расчетъ сходства въ положеніи между итальянскимъ гуманистомъ и латинскимъ отцомъ церкви. Блаженный Августинъ жилъ на рубежѣ двухъ міровъ: въ его время уходилъ одинъ міръ, оставляя по себѣ свою образованность, на смѣну ему приходилъ другой, приносившій съ собою аскетическій идеалъ средневѣковья, и эти

два міра столкнулись въ семьѣ Августина—одинъ въ лицѣ отца, язычника, поздно обратившагося въ христіанство и хотѣвшаго сдѣлать изъ своего сына—ученаго, литератора, другой—въ лицѣ матери, христіанки, желавшей сдѣлать изъ него образцоваго христіанина. Противоположныя начала вступили въ борьбу между собою—отсюда всѣ колебанія и противорѣчія Августина, пока все не слилось въ выстраданномъ имъ міросозерцаніи. Съ глубокимъ интересомъ къ этому ритору, сдѣлавшемуся христіаниномъ, долженъ былъ отнестись Петрарка, самъ стоявшій на рубежѣ двухъ міровъ—въ эпохѣ уходившаго аскетизма и приходившаго гуманизма, человѣкъ, котораго уже не удовлетворялъ средневѣковой католицизмъ, который искалъ истины въ античной философіи, не отрываясь, однако, отъ христіанства. Такимъ образомъ оба они искали примиренія христіанства съ античной философіей и оба дорожили образовательными средствами классическаго міра. Въ этой любви Петрарки къ бл. Августину, при такомъ ея пониманіи, мы до извѣстной степени находимъ объясненіе всего смысла раннихъ фазисовъ въ развитіи гуманизма до того момента, когда, уже въ XV в. съ одной стороны, «стоицизмъ» Петрарки и его ближайшихъ послѣдователей смѣняется открытымъ эпикуреизмомъ, а съ другой стороны, платоники хотятъ поставить философію Платона на мѣсто евангелія. За тысячу лѣтъ до первыхъ гуманистовъ столкнулись между собою и столкнулись враждебно двѣ силы—античная цивилизація и христіанская церковь, первая—чуя, что новая религія грозитъ ей гибелью, вторая—относясь съ недовѣріемъ къ языческому происхожденію этой цивилизаціи. Въ IV в. языческая имперія превращается въ христіанское государство острый фазисъ борьбы прошелъ, началась работа сближенія, и тою дверью, чрезъ которую классическіе образовательные элементы проникли въ христіанскую литературу, оказалась школа, остававшаяся старою. Приходъ варваровъ прекратилъ работу слиянія античныхъ и христіанскихъ элементовъ въ литературной дѣятельности IV в.: возобновилась она только

въ XIV вѣкѣ, и Петраркѣ лишь пришлось послѣ перерыва въ тысячу лѣтъ продолжать дѣло, надъ которымъ работалъ и бл. Августинъ. Это сходство между IV и XIV вѣками было недавно отмѣчено Гастономъ Буассье въ концѣ второго тома его замѣчательной книги „о концѣ язычества“ *). „XIV в. лишь началъ, говоритъ онъ, продолжать работу, насильственно оборванную варварами въ V столѣтіи. Безъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, работа была возобновлена въ другомъ направленіи. Въ концѣ Римской имперіи смѣшеніе (le mélange) совершалось въ пользу христіанства, а тысячу лѣтъ спустя возобладалъ элементъ античный, но въ существѣ дѣла методъ и пріемы остаются тѣ же, и можно безъ преувеличенія сказать, что во времена Ѳеодосія уже начинался Ренессансъ“.

XXVII. Петрарка, какъ первый гуманистъ**).

Разныя точки зрѣнія на Петрарку и Боккачіо.—Индивидуализмъ, какъ основа гуманистическаго движенія.—Секуляризація мысли и жизни.—Жизнь, сочиненія и слава Петрарки.—Кола ди Ріенци и Петрарка.—Отношеніе Петрарки къ классической древности.—Его индивидуализмъ.—Славолюбіе гуманистовъ.—Историческое положеніе Петрарки.—Его борьба со схоластикою.—Историческое значеніе Петрарки.

Обыкновенно ставятъ рядомъ имена Данте, Петрарки и Боккачіо, какъ родоначальниковъ итальянской національной литературы, и было время, когда на Петрарку смотрѣли исключительно, какъ на автора канцонъ, въ коихъ онъ болѣе двадцати лѣтъ подрядъ воспѣвалъ одну и ту же женщину, Лауру, бывшую замужемъ за нѣкіимъ Гуго де-Садомъ, какъ на писателя, создавшаго цѣлое литературное направленіе „петрар-

---

*) Gaston Boissier. La fin du paganisme P. 1891. II, 499.

**) М. Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ, стр. 175—416, гдѣ указаны и разобраны всѣ сочиненія Петрарки, равно какъ работы его критиковъ и біографовъ. Кромѣ того, см. главнымъ образомъ, труды Фохта и Кёртинга (Petrarca's Leben und Werke).

кистовъ“, какъ Боккачіо, написавшій сборникъ новеллъ, озаглавленный имъ „Декамеронъ“, вызвалъ цѣлый рядъ „новеллистовъ“, подражавшихъ его „Декамерону“. Въ этомъ смыслѣ Петрарка и Боккачіо, дѣйствительно, какъ дѣятели итальянской литературы, могутъ быть поставлены рядомъ съ Данте, но въ дѣятельности обоихъ писателей XIV в. есть еще одна сторона, благодаря коей они имѣютъ болѣе широкое въ культурномъ отношеніи значеніе, нежели просто литературные дѣятели и основатели школъ и направленій въ словесности, и притомъ значеніе общеевропейское, и эта-то сторона ихъ дѣятельности, выдвигавшаяся на первый планъ при ихъ жизни и въ ближайшемъ потомствѣ, впослѣдствіи на долгое время почти совсѣмъ позабытая, чтобы быть вполнѣ оцѣненной только во второй половинѣ XIX в., заставляетъ насъ ихъ совершенно отдѣлить отъ Данте. Когда умиралъ великій средневѣковой поэтъ (1321) уже въ очень немолодыхъ годахъ, Петраркѣ и Боккачіо (род. въ 1304 и 1313 гг.) не было еще одному 18, другому 10 лѣтъ: оба они принадлежатъ совсѣмъ къ другому поколѣнію, чѣмъ Данте, отдѣленному отъ его поколѣнія почти полустолѣтіемъ. Данте въ своихъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеніяхъ стоитъ еще вполнѣ на средневѣковой точкѣ зрѣнія, Петрарка является, какъ выразился о немъ одинъ изъ его біографовъ, „первымъ человѣкомъ новаго времени“, der erste moderne Mensch. Дѣло въ томъ, что Петрарка былъ первый гуманистъ. То же значеніе принадлежитъ и Боккачіо. Однимъ словомъ, они были родоначальниками Ренессанса. Но и тутъ для настоящей оцѣнки ихъ историческаго значенія нужно различать между сущностью гуманистическаго движенія, индивидуализмомъ и стремленіемъ къ свѣтскому знанію, и тою оболочкой, какую приняло это движеніе, начавъ искать опоры для своихъ стремленій въ классической древности. Въ одной изъ лучшихъ книгъ по исторіи итальянскаго гуманизма, именно въ сочиненіи Фохта „Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма“, указавшемъ на индивидуалистическія стрем-

ленія Петрарки, но недостаточно ихъ оцѣнившемъ, преувеличивается увлеченіе Петрарки древностью, Боккачіо, напримѣръ, оцѣненъ и совсѣмъ невѣрно, такъ какъ авторъ игнорируетъ гуманистическое настроеніе, выразившееся въ итальянской его беллетристикѣ и, слишкомъ напирая на его ученыя латинскія сочиненія, имѣющія своимъ содержаніемъ классическія темы, представляетъ живого и остроумнаго автора „Декамерона“ какимъ-то олицетвореніемъ крохоборства (Kleinmeisterei) и педантизма, предшественникомъ филологическихъ буквоѣдовъ. Не въ томъ, что люди писали по латыни на классическія темы или заимствуя литературныя формы у античныхъ писателей, а въ томъ, что въ сочиненіяхъ ихъ проявляются совершенно новый духъ, новое настроеніе и новыя стремленія, заключается сущность гуманистическаго движенія, какъ оно понимается въ настоящее время. Такимъ образомъ Петрарку и Боккачіо мы можемъ разсматривать или какъ итальянскихъ писателей, играющихъ важную роль въ исторіи національной литературы, или какъ классическихъ филологовъ, имѣющихъ значеніе возбудителей ученаго интереса къ античному міру, или наконецъ, какъ гуманистовъ, какъ представителей новаго міросозерцанія, выражавшагося и въ итальянской поэзіи и беллетристикѣ обоихъ, и въ ихъ классическихъ занятіяхъ.

Классическая древность вообще была не источникомъ гуманизма, и его знаменемъ, его опорой, его оружіемъ въ борьбѣ, и кто хочетъ полнаго доказательства этого тезиса, того я могу только отослать къ капитальному труду М. С. Корелина, гдѣ развивается и мысль о томъ, что въ основѣ гуманистическаго движенія лежали индивидуалистическія стремленія новаго времени. Или прочтите то мѣсто въ указанномъ сочиненіи Фохта, гдѣ говорится о Петраркѣ, „какъ индивидуальной личности, составляющей противоположность среднимъ вѣкамъ“. То же найдете вы и въ книгѣ Буркгардта „Культура Италіи въ эпоху Возрожденія“, особенно въ главѣ,

посвященной развитію индивидуума".*) Этотъ индивидуализмъ былъ враждебенъ средневѣковому аскетизму, онъ стоялъ въ оппозиціи къ догматизму католической философіи, и онъ же былъ основою той секуляризаціи мысли и жизни, т. е. высвобожденія свѣтской культуры изъ-подъ церковной опеки, которое характеризуетъ новую цивилизацію сравнительно съ средневѣковою. Въ этомъ отношеніи также имѣетъ важное значеніе поворотъ къ забытымъ понятіямъ и идеаламъ античныхъ народовъ, родоначальниками коего были Петрарка и Боккачіо. Гуманисты сдѣлали свѣтскую литературу предметомъ научнаго интереса и изученія и въ рѣшеніи вопросовъ человѣческаго поведенія стали ссылаться на примѣры, заимствованные изъ свѣтской литературы, и на авторитеты свѣтскихъ писателей. Гуманисты положили начало свѣтскому образованію, возвратившись въ этомъ отношеніи къ античной традиціи и разрушивши средневѣковую систему, для которой религія была не ингредіентомъ воспитанія и образованія, а единственнымъ ихъ средствомъ, содержаніемъ и цѣлью. Гуманисты поставили и политическую литературу на чисто свѣтскую почву, сдѣлавшись вообще родоначальниками свѣтской науки. Правда, въ эпоху реформаціи и католической реакціи, это движеніе было затерто, вслѣдствіе того, что возобладалъ интересъ рѣшенію религіозныхъ вопросовъ, но оно снова усилилось, и „просвѣтители" XVIII в. не даромъ чувствовали свое родство съ гуманистами, отъ которыхъ отдѣлены были временами реформаціи, католической реакціи, теологическихъ споровъ, и религіозныхъ войнъ XVI и первой половины XVII вѣка. Весьма естественно, что гуманистическія тенденціи и слѣдствія возрожденія классической древности обнаружились не сразу, и что въ исторіи этого движенія мы должны принимать въ расчетъ не только разнообразный характеръ, какой гуманизмъ и изученіе антич-

*) Ср. въ моей книгѣ «Литературная эволюція на Западѣ», стр. 220 и слѣд., гдѣ рѣчь идетъ о Петраркѣ, какъ писателѣ.

наго міра принимаютъ въ отдѣльныхъ странахъ, но и разные оттѣнки этого движенія въ самой Италіи, смотря по отдѣльнымъ его центрамъ, особенно-же измѣненія въ немъ самомъ, бывшія результатомъ собственной его эволюціи.

Познакомимся прежде всего съ родоначальникомъ гуманизма.

Родители Франческо Петрарки были флорентинцы, изгнанные изъ роднаго города. По желанію своего отца онъ обучался праву въ Монпелье и Болоньѣ, но его влекло къ поэзіи и классической литературѣ, которую онъ ревностно изучалъ въ теченіи всей своей жизни, собирая рукописи древнихъ авторовъ, переписывая ихъ собственноручно или заказывая копіи для своей библіотеки. Значительную часть своей жизни онъ провелъ при авиньонской куріи, живъ недалеко отъ Авиньона въ Воклюзѣ и предпринимая путешествія въ Парижъ, во Фландрію, въ Германію и въ Италію, гдѣ между прочимъ въ 1341 г. происходило въ Римѣ, на Капитоліи вѣнчаніе его лаврами поэта. Только въ 1353 г. онъ навсегда покинулъ Францію, чтобы переселиться въ Италію, и жилъ послѣ этого то въ Миланѣ (добрую половину итальскаго періода своей жизни), то въ другихъ городахъ, въ Пармѣ, Мантуѣ, Падуѣ, Веронѣ, Венеціи и Римѣ, а напослѣдокъ въ Арква́ около Падуи, гдѣ онъ и умеръ, достигнувъ семидесятилѣтняго возраста. Литературная дѣятельность Петрарки была весьма обширная, причемъ она можетъ быть раздѣлена надвое: одну категорію его сочиненій составляютъ его итальянскіе сонеты, канцоны, баллады и т. п., въ коихъ воспѣвается упомянутая Лаура (Canzoniere), и болѣе поздніе Trionfi (тріумфы), написанные поитальянски же въ подражаніе аллегорической поэмѣ Данте, другая состоитъ изъ латинскихъ его сочиненій, каковы поэма Африка, написанная въ прославленіе второй пунической войны и Сципіона Африканскаго, эклоги, стихотворныя посланія, морально философскіе трактаты, сочиненія исторіографическаго характера, письма и рѣчи и, наконецъ, такъ называемыя

инвективы, имѣвшія полемическій характеръ и сдѣлавшіяся однимъ изъ наиболѣе своеобразныхъ родовъ гуманистической литературы и т. п. Эта разнохарактерность дѣятельности Петрарки равнымъ образомъ—совсѣмъ новая черта, вполнѣ совпадающая съ требованіемъ развитой индивидуальности, которая не могла замкнуться въ одну какую-либо спеціальность, какъ это дѣлали средневѣковые ученые, бывшіе теологами, юристами и т. д. чѣмъ угодно, но не выходившими изъ рамокъ своей спеціальности. Уже при жизни Петрарки литературная дѣятельность доставила ему выдающееся положеніе въ обществѣ, и онъ былъ первый частный человѣкъ (занимавшіяся имъ церковныя должности были просто доходныя статьи), который создалъ себѣ общественное положеніе, основывавшееся исключительно на его личной извѣстности и славѣ, а не на занимаемомъ мѣстѣ—первый писатель, прославившійся, какъ писатель. Слава Петрарки, дѣйствительно, была весьма велика. Ему не было еще сорока лѣтъ, когда онъ получилъ двойное приглашеніе пріѣхать для торжественнаго вѣнчанія, одно отъ канцлера парижскаго университета, другое отъ римскаго сената: извѣстно, что Петрарка остановилъ свой выборъ на второмъ приглашеніи, и для него устроена была торжественная церемонія на Капитоліи. Три раза призывалъ его къ себѣ императоръ Карлъ IV; король Робертъ Неаполитанскій его весьма высоко цѣнилъ и вмѣстѣ съ римскимъ сенатомъ приглашалъ его на поэтическое вѣнчаніе; папы его ласкали и давали ему должности; итальянскіе князья оказывали ему покровительство, и у нихъ онъ находилъ почетный пріемъ, особенно у Висконти въ Миланѣ; среди его друзей были высокіе сановники церкви и аристократы (напр., римская фамилія Колонна); Флоренція возвратила ему отнятое у его отца имѣніе и учредила каѳедру классической литературы, на которую его призывала; венеціанскій сенатъ декретировалъ, что Петрарка—величайшій писатель; въ Ареццо, его родинѣ, ему устроили тріумфъ и запретили перестраивать домъ, въ которомъ онъ

родился; у него было великое множество почитателей, среди коихъ видное мѣсто принадлежитъ Боккачіо, написавшему его біографію; когда онъ былъ еще молодъ, въ Авиньонъ пріѣзжали многіе образованные итальянцы и французы, чтобы только его видѣть, а въ Неаполь однажды пришелъ пѣшкомъ, опираясь на сына и одного ученика, старый, совсѣмъ ослѣпшій учитель изъ Понтремоли, самъ сочинявшій стихи, чтобы хоть разъ услышать его голосъ, и не заставъ его тамъ, отправился въ Парму, гдѣ и нашелъ его, плакалъ отъ счастья и цѣловалъ его руки; другой разъ, въ Миланъ изъ близь лежащаго Бергамо пріѣхалъ къ нему одинъ бывшій золотыхъ дѣлъ мастеръ, пригласилъ его къ себѣ и устроилъ ему царскій пріемъ, въ которомъ участвовали городскіе власти и нотабли; въ письмахъ и стихахъ друзей и почитателей Петрарки преобладалъ тонъ самаго чрезмѣрнаго почитанія, самаго безграничнаго удивленія къ его личности. Эта слава Петрарки—своего рода признакъ времени: мы не можемъ объяснить себѣ подобнаго увлеченія писателемъ, не сдѣлавъ предположенія, что Петрарка достигъ такого вліятельнаго положенія, какъ выразитель новаго настроенія и новыхъ потребностей, нарождавшихся въ обществѣ. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы должны съ особымъ интересомъ относиться къ внутреннему міру Петрарки.

Но, говоря о его вліяніи на современниковъ, нельзя не коснуться, хотя и вскользь, одного эпизода, связаннаго съ его именемъ. Гуманистовъ часто упрекали въ сильномъ увлеченіи древностью, доходившемъ будто бы до желанія вполнѣ воскресить всю античную обстановку жизни. Къ числу немногихъ фактовъ, на которые можно въ данномъ случаѣ сослаться, принадлежитъ попытка Колы Ріенцо (или ди Ріенци) возстановить древнюю римскую республику. Кола, получившій сначала отъ одного изъ авиньонскихъ папъ должность нотаріуса, потомъ при содѣйствіи папы, жившаго не въ ладахъ съ римской аристократіей, произвелъ въ вѣчномъ городѣ

демократическій переворотъ (1347), провозгласивъ себя „трибуномъ“ и начавъ править совмѣстно съ легатомъ папы, который призналъ совершившуюся революцію. Извѣстно, что вскорѣ Кола долженъ былъ бѣжать, скитаться, быть вызваннымъ на судъ въ Авиньонъ, но что папа снова воспользовался имъ для подавленія въ Римѣ аристократическаго своеволія: Кола вернулся въ Римъ, возстановилъ тамъ свою власть въ качествѣ „сенатора“, явившагося въ городъ съ папскимъ легатомъ, но его тиранническое правленіе вызвало народное неудовольствіе и насильственную смерть Колы ди-Ріенци (1354). Этотъ эпизодъ въ исторіи средневѣкового Рима разыгрался на почвѣ мѣстныхъ отношеній между отсутствовавшимъ папствомъ, аристократіей и простонародьемъ, и нуженъ былъ демагогъ, которымъ папа могъ-бы воспользоваться для своихъ цѣлей въ сложной политикѣ того времени, но для насъ здѣсь важны не эти отношенія и не личный характеръ „трибуна“, а классическое знамя, подъ которымъ совершается римское демократическое движеніе 1347 г., черезъ шесть лѣтъ послѣ вѣнчанія Петрарки на Капитоліи. Кола ди-Ріенци принадлежалъ къ числу поклонниковъ Петрарки и читателей его сочиненій, былъ знакомъ съ древними историками, зналъ топографію прежняго Рима, разбиралъ надписи, объяснялъ народу его былое величіе. Между Петраркой и Колой установилась извѣстная связь, и популярности „трибуна“, восторгу, который охватилъ Италію при извѣстіи о переворотѣ въ Римѣ, весьма много содѣйствовало прославленіе „трибуна“ Петраркой. Между прочимъ, въ посланіи ad Nicolaum Laurentii de capessenda libertate поэтъ описываетъ то впечатлѣніе, какое на него произвели римскія развалины, видѣнныя имъ впервые въ 1337 г. Весьма вѣроятно, что Кола ди-Ріенци присутствовалъ при капитолійскомъ вѣнчаніи 1341 г.: по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи онъ устроилъ себѣ трибунское вѣнчаніе лаврами и помѣчалъ свои посланія словами, красовавшимися на поэтическомъ дипломѣ Петрарки: „дано въ Капитоліи“. Еще до 1347 г. оба позна-

комились въ Авиньонѣ, куда пріѣзжалъ будущій „трибунъ", и Петрарка одобрилъ его планъ, какъ и впослѣдствіи прославлялъ возстановителя римской республики. И поэтъ, и „трибунъ" сходились между собою въ интересѣ къ древности, въ вѣрѣ въ свои личныя силы, въ своемъ стремленіи къ славѣ, и Кола ди Ріенци является также показателемъ совершавшагося въ Италіи культурнаго переворота, но не слѣдуетъ думать, чтобы эксцентрическая попытка „трибуна" и его смѣлые планы вполнѣ возстановить античныя формы быта были указаніемъ на то, въ какомъ направленіи будетъ развиваться отношеніе гуманистовъ къ классической древности. Это—все-таки эпизодъ и притомъ эпизодъ исключительный, хотя и весьма характерный.

Увлеченіе Петрарки предпріятіемъ этого, какъ онъ его называлъ, третьяго Брута, „новаго Камилла", „новаго Ромула", вполнѣ гармонируетъ съ его интересомъ и любовью къ классическому міру: не даромъ онъ въ своихъ поѣздкахъ отыскивалъ рукописи съ древними произведеніями, снималъ съ нихъ копіи, поручалъ другимъ ихъ отыскивать, создавалъ первую классическую библіотеку и первый музей древностей (монетъ и медалей), возбуждалъ въ другихъ тотъ же интересъ. Но это не было сильное преклоненіе, ибо Петрарка бралъ у классиковъ лишь то, что соотвѣтствовало собственному его настроенію, а это можно вообще сказать обо всѣхъ гуманистахъ, да и трудно было бы примирить безразборчивое подражаніе съ развитою индивидуальностью Петрарки. Онъ любитъ древнихъ, но выбираетъ между ними такихъ писателей, которые наиболѣе подходятъ къ его личнымъ воззрѣніямъ. Не отрываясь отъ христіанства, но и не раздѣляя теократическихъ притязаній и аскетическихъ требованій католицизма, онъ хочетъ оправдать индивидуальныя потребности, осужденныя аскетизмомъ, и для этого своего стремленія онъ ищетъ поддержки въ античномъ мірѣ, отнюдь не мечтая замѣнить его формами христіанскую цивилизацію. Нападая на папство, находившееся въ упадкѣ, онъ защищаетъ

христіанство отъ аверроистовъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ относится съ эстетическимъ интересомъ къ природѣ, осужденной тѣмъ же аскетизмомъ, и готовъ видѣть въ ней даже норму для жизни, воспитательницу и руководительницу человѣка. Тѣ рѣшенія жизненныхъ вопросовъ, которыя давала аскетическая мораль, для Петрарки оказывались неудовлетворительными, и онъ искалъ новыхъ рѣшеній—искалъ въ классической литературѣ, дѣйствовавшей также на его эстетическое чутье и на его литературный вкусъ. Петрарку интересуетъ его соотвѣтственное Я, интересуетъ человѣкъ, интересуетъ моральная личность. „Я вѣрю, пишетъ онъ самъ, что благородный духъ человѣка ни на чемъ не успокоится, кромѣ какъ на Богѣ, цѣли нашего существованія, кромѣ какъ на самомъ себѣ и на своихъ внутреннихъ стремленіяхъ, кромѣ какъ на другой душѣ, близкой ему въ силу большого сходства". Этотъ интересъ къ человѣческой личности ограничиваетъ и область философскихъ интересовъ Петрарки: онъ отвергаетъ схоластику, но не придаетъ значенія и античной метафизикѣ, сосредоточивая все свое вниманіе на моральной философіи, вопросы которой стремится разрѣшать не въ смыслѣ антииндивидуалистическаго аскетизма, а въ духѣ античнаго стоицизма, примиреннаго съ христіанствомъ; любопытно, что и вообще вкусъ къ метафизикѣ у гуманистовъ возникаетъ сравнительно поздно. Собственныя религіозныя воззрѣнія Петрарки съ оттѣнкомъ нѣкотораго мистицизма вполнѣ индивидуальны. Его отношеніе къ исторіи и къ обществу также индивидуалистично: къ источникамъ исторіи онъ относится съ критицизмомъ, сама исторія превращается у него въ рядъ біографій, и онъ вѣритъ въ силу человѣческаго слова, выступая въ своихъ произведеніяхъ, какъ публицистъ, и вѣритъ въ могущество отдѣльной личности, будетъ ли то „трибунъ" Кола ди Ріенци, или императоръ Карлъ IV, котораго онъ умолялъ перейти черезъ Альпы въ новой формѣ продолжить проигранное дѣло, дѣло „три-

буна“. Однимъ словомъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ выступаетъ въ Петраркѣ индивидуализмъ, личное начало—и въ той рефлексіи, съ какою онъ анализируетъ собственное чувство къ Лаурѣ, и въ томъ постоянномъ самоуглубленіи, которое отражается на его трактатахъ, и въ той любви, какую онъ питалъ къ признаніямъ бл. Августина. Одинъ разсказъ Петрарки о самомъ себѣ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на его душевное настроеніе, лежавшее въ основѣ его интереса къ человѣку. Однажды Петрарка совершилъ трудное восхожденіе на Монъ-Ванту, откуда открывался передъ нимъ величественный видъ. При немъ была „Исповѣдь“ бл. Августина, его любимаго писателя, и подъ вліяніемъ мыслей, которыми была полна его голова, онъ открылъ книгу, ища въ случайно прочитанномъ мѣстѣ какъ бы указанія свыше. „И люди, прочелъ онъ, идутъ дивиться на горныя выси, на громадныя массы морскихъ водъ и на теченіе широкихъ рѣкъ, на необъятный просторъ океана и на движеніе звѣздъ,—а на себя не обращаютъ вниманія, къ себѣ самимъ не относятся съ удивленіемъ“. Пораженный этими словами, онъ не сталъ читать дальше: отъ языческихъ философовъ ему, незадолго передъ тѣмъ, стало извѣстно, что ничему не слѣдуетъ удивляться, кромѣ ума человѣческаго и что великому уму ничто не представляется удивительнымъ (кромѣ его самого). И Петрарка относился съ большимъ вниманіемъ къ своей „ацедіи“, своего рода унынію, считавшемуся смертнымъ грѣхомъ, но получившему у Петрарки характеръ античной aegritudinis animi, т. е. своего рода міровой скорби. Развитое чувство личности порождало и то славолюбіе, которымъ отличался Петрарка и всѣ гуманисты. Уже у Данте пробивается чрезъ его церковное міросозерцаніе античная идея славы, что отмѣчено было уже Боккачіо, говорящимъ, что Данте былъ жаденъ до славы (fu desideroso di fama), прибавляя: какъ и всѣ мы (come siamo tutti). Церковь обѣщала вѣрующему, исполнившему ея предписанія, награду въ будущей жизни, а желаніе награды за свою дѣятельность въ славѣ

при жизни и по смерти было своего рода возрожденіемъ одного изъ явленій античнаго міра. Петрарка самъ признается въ своемъ стремленіи къ славѣ, полагая вообще, что земная слава играетъ роль могучаго фактора въ личной дѣятельности:

Implumem tepido praeceps me gloria nido
Expulit et coelo jussit volitare remoto.
....est mihi famae
Immortalis honos et gloria meta laborum,—

т. е. въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о славѣ, заставившей его улетѣть къ небесамъ изъ родного гнѣзда, а въ другомъ — что цѣль его трудовъ—честь и слава безсмертія въ потомствѣ.

Характеристика въ высшей степени сложной личности Петрарки не входитъ въ нащу задачу: въ характерѣ перваго гуманиста были слабости, были прямо несимпатичныя черты, но насъ и не съ этой, такъ сказать, чисто психологической стороны онъ интересуетъ. Намъ важно выяснить историческое положеніе Петрарки, и мы уже видѣли, что во многомъ оно напоминаетъ положеніе христіанскихъ писателей IV вѣка, производившихъ сліяніе античнаго съ христіанскимъ, и быть можетъ, не столько его лично, сколько его положеніе характеризуетъ нѣкоторая, такъ сказать, сбивчивость въ его собственныхъ точкахъ зрѣнія. Онъ пишетъ, напримѣръ, діалогъ „О средствахъ въ радости и горѣ“, (De remediis utriusque fortunae) и ссылаясь то на Библію, то на классиковъ, высказывается противъ привязанности къ земнымъ благамъ, раздѣляя аскетическій взглядъ на нихъ, какъ на препятствіе къ достиженію благъ небесныхъ, и вмѣстѣ съ этимъ становясь и на чисто-стоическую точку зрѣнія въ этомъ предметѣ. Онъ пишетъ еще объ уединенной жизни (De vita solitaria) и о досугѣ монаховъ (De otio religiosorum): съ одной стороны имъ восхваляется отшельничество, какъ его понимали средніе вѣка, съ другой—онъ прославляетъ обезпеченный досугъ въ классическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ возможности принадлежать лишь самому себѣ. И во взглядѣ на сущность

поэзіи онъ сбивается съ одной точки зрѣнія на другую. Къ концу среднихъ вѣковъ на поэзію установился взглядъ, какъ на аллегорію, и самъ Петрарка писалъ латинскія эклоги, въ которыя вкладывалъ аллегорическій смыслъ. И вмѣстѣ съ этимъ уже по классическому взгляду поэзія у него имѣетъ цѣлью и того прославлять, кого она воспѣваетъ, и тому доставлять безсмертіе въ потомствѣ, кто возвѣщаетъ о славѣ героевъ. Или еще онъ пишетъ путеводитель въ Св. Землю (Itinerarium syriarum), въ коемъ является и продолжателемъ авторовъ старыхъ „хожденій", предназначавшихся для паломниковъ, и родоначальникомъ тѣхъ описаній чужихъ странъ, которыми можетъ воспользоваться и просто любознательный туристъ. Быть можетъ, эта сбивчивость вытекала прямо изъ трудности общей задачи, а при взглядѣ на гуманизмъ, какъ на новое моральное міросозерцаніе, вытѣснявшее аскетическое міросозерцаніе среднихъ вѣковъ, особый интересъ получаетъ отношеніе Петрарки къ вопросамъ морали, которые онъ, не сходя съ почвы христіанства, разрѣшалъ въ смыслѣ этики древнихъ стоиковъ. Цѣльнаго и законченнаго міросозерцанія мы, впрочемъ, и не найдемъ у Петрарки, да и трудно было бы его искать въ зарождавшемся движеніи. Въ немъ только еще намѣчается свѣтская оппозиція средневѣковымъ началамъ мысли. Петрарка борется со схоластикой, съ астрологами, съ алхимиками, со всякаго рода суевѣрами, и особенно борьба со схоластикой принимаетъ характеръ борьбы принципіальной: философія, отрѣшенная отъ жизни и отъ практическаго примѣненія, противорѣчила всѣмъ его инстинктамъ, и находя, что діалектика хороша, какъ гимнастика ума, какъ средство, а не какъ цѣль, онъ смѣялся надъ глупцами, которые сѣдѣютъ въ игрѣ словами, совершенно забывая о понятіяхъ, ими выражаемыхъ, которые суетно и надменно вращаются въ пустомъ кругѣ съ своими безплодными умозрѣніями и преніями и вызываютъ удивленіе лишь у глупцовъ,— и вотъ онъ смотритъ на себя, какъ на Сократа, разоблачаю-

щаго призрачную мудрость софистовъ. Схоластики пытаются разграничить научныя области, а Петрарка хочетъ, наоборотъ, чтобы въ одномъ лицѣ соединялись историкъ, философъ, поэтъ и богословъ.

Итакъ, мы видимъ, что въ основѣ литературной дѣятельности Петрарки лежитъ индивидуализмъ, причемъ онъ ищетъ опоры для своихъ воззрѣній въ классической древности, считая въ ней авторитетнымъ лишь то, что соотвѣтствовало его настроенію и стремясь примирить новыя потребности съ средневѣковымъ христіанствомъ. И это историческое его значеніе, особенно значеніе его, какъ латинскаго героическаго поэта и возстановителя древности, было понятно и современникамъ, и потомству, пока живо было само гуманистическое движеніе. Еще при жизни Петрарки послѣднее сдѣлалось уже весьма замѣтнымъ въ умственной жизни Италіи, а благодаря отношеніямъ Петрарки къ папской куріи, и въ центрѣ католическаго міра, который во все время жизни Петрарки былъ, какъ извѣстно, не въ Римѣ, а въ Авиньонѣ. Замѣтимъ еще, что Петрарка обратилъ вниманіе и на греческій языкъ, бывшій въ средніе вѣка совсѣмъ почти позабытымъ на Западѣ: онъ у римскихъ писателей научился чтить греческихъ поэтовъ и философовъ и даже одно время (около 1340 г.) бралъ уроки греческаго языка у монаха Варлаама, пріѣзжавшаго въ Авиньонъ, хотя и не достигъ необходимыхъ знаній, чтобы читать Гомера, экземпляръ котораго ему удалось достать, а тѣмъ болѣе Платона, сочиненія коего у него также были и коего онъ противопоставлялъ схоластическому Аристотелю.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на значеніи Петрарки, чтобы, выяснивъ его интересъ къ классической литературѣ, легче понять смыслъ всего гуманистическаго движенія, но, конечно, не будемъ въ состояніи удѣлить столько мѣста другимъ гуманистамъ.

XXVIII. Гуманистическое значеніе Боккачіо *).

Общій взглядъ на развитіе гуманизма въ Италіи.—Боккачіо, его дѣятельность и сочиненія.—Оцѣнка его, какъ гуманиста.—Декамеронъ и его значеніе.—Отношеніе Боккачіо къ монашеству и духовенству.—Смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ у Боккачіо и позднѣйшихъ гуманистовъ.—«Обращеніе» Боккачіо.—Смѣна двухъ міросозерцаній.

Исторія итальянскаго гуманизма охватываетъ собою около двухъ вѣковъ, начинаясь приблизительно въ серединѣ XIV столѣтія и кончаясь приблизительно же къ серединѣ XVI-го, а во второй половинѣ этого періода (съ середины XV в.) гуманизмъ значительно распространился и внѣ Италіи, хотя въ другихъ странахъ онъ никогда не достигалъ такого значенія, какое имѣлъ въ своей родинѣ. Въ Италіи образовался цѣлый, весьма многочисленный классъ ученыхъ знатоковъ классической древности, выступавшихъ въ качествѣ писателей по философскимъ, моральнымъ, политическимъ и историческимъ предметамъ и изслѣдователей языка и литературы грековъ и римлянъ, въ качествѣ публицистовъ и поэтовъ, профессоровъ, публичныхъ ораторовъ, наставниковъ юношества, въ качествѣ книгоискателей и книгособирателей, наконецъ, въ качествѣ папскихъ секретарей, канцлеровъ республикъ, придворныхъ чиновниковъ и т. п. должностныхъ лицъ на службѣ у разныхъ правительствъ Италіи. Ихъ литературной и ученой дѣятельностью заинтересовывается образованное общество, въ которомъ они занимаютъ вліятельное положеніе, и они находятъ пріютъ и почетъ въ папской куріи, въ правящихъ сферахъ республикъ, при дворахъ потентатовъ: ими пользуются для дѣловой переписки, для дипломатическихъ сношеній, для полемики съ противниками, для торжествен-

---

*) М. Корелинъ. стр 417—576, гдѣ по отношенію къ Боккачіо сдѣлано то же, что и по отношенію къ Петраркѣ. «Декамеронъ» изданъ недавно въ русскомъ переводѣ акад. А. Н. Веселовскаго, который готовитъ и біографію Боккачіо.

ныхъ рѣчей; ими окружаютъ себя князья и знатные люди, стремящіеся къ внѣшнему блеску, ищущіе прославленія въ литературѣ, сами интересуясь ихъ занятіями или подражая установившейся модѣ. Нѣкоторые правители особенно прославили себя покровительствомъ, какое оказывали гуманистическому движенію, и первый примѣръ въ этомъ отношеніи подали еще нѣкоторые современники Петрарки, а въ XV вѣкѣ особенно прославилась флорентійская купеческая фамилія Медичи въ лицѣ Козимо и Лаврентія Великолѣпнаго, фамилія, давшая въ первой четверти XVI вѣка и папу-гуманиста, Льва X. При папской куріи, еще въ Авиньонѣ, гдѣ жилъ Петрарка, образовался первый гуманистическій кружокъ, и уже въ XIV в. гуманисты начинаютъ являться въ роли папскихъ секретарей, но настоящій періодъ процвѣтанія гуманизма при папской куріи—вторая половина XV и начало XVI вѣка, и быть можетъ, ничто такъ не содѣйствовало распространенію гуманизма внѣ Италіи, какъ примѣръ, подававшійся изъ самого центра католицизма, гдѣ еще съ начала всего движенія Петрарка находилъ друзей и послѣдователей среди французскихъ кардиналовъ. Кромѣ авиньонской куріи и папскаго Рима, образовались (частью еще въ XIV в.) другіе крупные центры гуманистическаго движенія, каковы были Неаполь, гдѣ еще въ первой половинѣ XIV в. царствовалъ покровитель Петрарки Робертъ, а потомъ одно время проживалъ и Боккачіо,—далѣе Миланъ, въ коемъ Петрарка жилъ довольно долго, затѣмъ въ разное время и въ разной степени и иные большіе и малые города Италіи—Венеція, Павія, Верона, Падуя, Феррара, Мантуя, Болонья, Перуджія и пр. и пр. Множество центровъ Ренессанса съ мѣстными особенностями каждаго, масса дѣятелей гуманизма съ разными стремленіями, вкусами и характерами, разнообразіе ихъ общественныхъ положеній и занятій, разносторонность философскихъ, научныхъ, литературныхъ, эстетическихъ интересовъ, захваченныхъ движеніемъ,—все это

до—нельзя усложняетъ изученіе итальянскаго Возрожденія, тѣмъ болѣе, что каждое новое поколѣніе гуманистовъ являлось и съ новыми запросами и съ новыми способами рѣшенія ранѣе поставленныхъ задачъ. Въ этой исторіи развитія Ренессанса, съ одной стороны, обращаетъ на себя вниманіе все большее и большее филологическое и историческое знакомство съ античнымъ міромъ, открытіе новыхъ рукописей, успѣхи въ критическомъ ихъ изученіи, распространеніе интереса къ классической древности въ обществѣ, усиленное изученіе греческаго языка и литературы, проникновеніе итальянскихъ писателей античными литературными традиціями и т. п., а съ другой—что для насъ особенно важно—развитіе индивидуализма и свѣтскаго направленія въ рѣшеніи вопросовъ отвлеченной мысли и особенно въ рѣшеніи вопросовъ личной и общественной жизни. Съ послѣдней точки зрѣнія въ исторіи гуманизма можно различать разные періоды, болѣе или менѣе ясно выразившіеся въ дѣятельности отдѣльныхъ крупныхъ представителей всего движенія.

Къ одному поколѣнію съ Петраркой принадлежалъ Джіованни Боккачіо, бывшій моложе его лишь на девять лѣтъ (род. 1313) и умершій въ слѣдующемъ же году по кончинѣ своего друга (1375). Какъ люди одного поколѣнія, они имѣютъ много общаго между собою, и вся разница между ними происходитъ отъ несходства въ складѣ ума и характера: Боккачіо менѣе субъективенъ, чѣмъ Петрарка, и обнаруживаетъ менѣе способности—да и склоности менѣе чувствуетъ—формулировать новыя стремленія, выражающіяся у него больше въ общемъ настроеніи, нежели въ опредѣленныхъ мысляхъ. Дѣятельность Боккачіо принадлежитъ Неаполю, гдѣ ему еще въ молодые годы удалось проникнуть въ высшее общество, и Флоренціи, гражданиномъ коей онъ былъ и гдѣ онъ основывается съ 1349 г. и въ слѣдующемъ же году начинаетъ получать дипломатическія миссіи къ разнымъ правительствамъ и къ папской куріи; между прочимъ ему же поручено было ѣхать къ Петраркѣ (1351), когда Флоренція возвратила ему

право гражданства, съ предложеніемъ поселиться въ городѣ, откуда происходили его предки. Боккачіо еще раньше этого познакомился съ Петраркою, и между ними возникла дружба, поддерживавшаяся перепискою и личными свиданіями, и младшій изъ этихъ двухъ гуманистовъ даже сдѣлался первымъ біографомъ старшаго: ихъ сближало общее обоимъ стремленіе къ поэзіи и изученію классической древности, бывшее однимъ изъ проявленій новаго настроенія духа. Боккачіо для своего времени обладалъ большою ученостью въ классическихъ предметахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его латинскія сочиненія (о генеалогіи боговъ, о знаменитыхъ женщинахъ, о несчастьяхъ знаменитыхъ мужей, о горахъ, лѣсахъ, источникахъ и т. д.); онъ собственноручно переписывалъ рукописи съ древними произведеніями, свѣрялъ тексты, учился погречески у Леонтія Пилата, котораго переманилъ изъ Венеціи во Флоренцію, читалъ съ нимъ Гомера и переводилъ послѣдняго на латинскій языкъ. Эта сторона дѣятельности Боккачіо имѣетъ значеніе въ исторіи классическаго Возрожденія, тогда какъ итальянскія его сочиненія характера поэтическаго и беллетристическаго и между ними знаменитый „Декамеронъ" относятся къ исторіи національной итальянской литературы, но было бы большою ошибкою думать, что гуманистъ Боккачіо проявился главнымъ образомъ въ занятіяхъ своихъ классическимъ міромъ и въ сочиненіяхъ, написанныхъ на латинскомъ языкѣ: на этомъ языкѣ онъ писалъ ученыя изслѣдованія, бывшія собраніями фактическаго матеріала, наиболѣе же проявилъ онъ свое Я какъ-разъ въ своемъ итальянскомъ „Декамеронѣ," не обращающемъ на себя вниманія историковъ, которые отождествляютъ гуманизмъ съ классицизмомъ. Быть можетъ, на примѣрѣ Боккачіо лучше всего можно видѣть ошибочность отождествленія гуманизма и классицизма, отождествленія, сдѣланнаго, впрочемъ, самими же гуманистами и по весьма понятной причинѣ: вырабатывая моральное міросозерцаніе, сообразно съ коимъ слѣдовало бы направлять развитіе индивидуальныхъ свойствъ личности и ея

общественную дѣятельность, гуманисты видѣли въ классической литературѣ средство къ достиженію этой цѣли образованія личности, но для многихъ людей цѣль заслонялась средствомъ, и тогда они, будучи классиками, не превращались еще въ гуманистовъ, въ большинствѣ же случаевъ интересъ къ древности, возбуждавшійся гуманистическими стремленіями, былъ, дѣйствительно, показателемъ принадлежности къ движенію и въ глазахъ самихъ представителей гуманизма. Немудрено, что позднѣйшіе историки съузили смыслъ всего движенія, увидѣвъ въ немъ одну классическую его сторону. Съ такой точки зрѣнія совершенно невѣрную оцѣнку Боккачіо сдѣлалъ Фохтъ, разобравшій только латинскія его сочиненія и выставившій его какимъ-то крохоборомъ и педантомъ, — взглядъ, который нашелъ мѣсто и въ элементарныхъ учебникахъ. Боккачіо отнюдь не былъ завзятымъ классикомъ ни въ томъ смыслѣ, чтобы не признавалъ иныхъ авторитетовъ, кромѣ античныхъ, ни въ томъ, чтобы у него не было интереса ни къ чему, что не соприкасалось съ чисто учеными занятіями его древнимъ міромъ. Надъ нимъ даже сохраняли еще свою силу многія средневѣковыя понятія: онъ цитируетъ рядомъ съ классическими авторитетами и средневѣковые; раздѣляетъ старыя суевѣрія, отвергнутыя, напримѣръ, Петраркою; въ сочиненіи о знаменитыхъ женщинахъ говоритъ не объ однѣхъ только женщинахъ античнаго міра. Только позднѣйшіе гуманисты отворачиваются отъ среднихъ вѣковъ, какъ отъ эпохи, въ которой для нихъ не могло быть ничего интереснаго. И гуманизмъ Боккачіо выразился не только въ томъ, что онъ защищаетъ поэзію отъ нападокъ теологовъ и монаховъ, доказывая, что и христіанинъ можетъ ею заниматься, но и во всемъ его общемъ жизнерадостномъ, антиаскетическомъ настроеніи. Онъ не отрицалъ средневѣковаго міросозерцанія съ философской точки зрѣнія, но насмѣшки его надъ монахами, жившими въ разладѣ съ своими идеалами, дѣйствовала убійственнымъ образомъ на это міросозерцаніе. Философія, из-

влекающаяся ихъ сочиненій Боккачіо, вполнѣ противоположна аскетизму среднихъ вѣковъ: цѣль жизни—счастье; человѣческая природа благородна, благо же личности заключается во всестороннемъ ея развитіи и въ широкомъ пользованіи тѣмъ, что даетъ природа, хотя и лишенія могутъ имѣть смыслъ, но лишь тотъ, что закаляютъ характеръ. Петрарка, человѣкъ до-нельзя субъективный и склонный къ рефлексіи, интересуется главнымъ образомъ своимъ Я и анализируетъ его, какъ теоретикъ, но у Боккачіо отстаивается и чужое индивидуальное право противъ всего, что стоитъ поперекъ личныхъ стремленій человѣка, напримѣръ, въ любви, которой препятствуютъ или аскетическія воззрѣнія, или сословныя перегородки. Боккачіо является своего рода демократомъ (не въ политическомъ смыслѣ) и космополитомъ, защищающимъ права личности, болѣе объективнымъ, чѣмъ Петрарка, индивидуалистомъ, относящимся съ бóльшимъ интересомъ къ чужой внутренней жизни не потому только, что она можетъ походить на его собственную, но въ силу того же интереса, съ какимъ онъ относится и къ природѣ, и къ современности.

Всѣ эти черты Боккачіо нашли самое полное выраженіе въ его „Декамеронѣ". Извѣстно, что это-сборникъ новеллъ, которыя разсказываютъ другъ другу по вечерамъ семь молодыхъ красавицъ и трое юношей, коротая время въ прелестной виллѣ, куда они удалились изъ Флоренціи во время страшной чумы 1348 г. Съ спеціально-литературной точки зрѣнія въ „Декамеронѣ" доведенъ до высшей степени искусства художественный пересказъ содержанія разныхъ итальянскихъ хроникъ, болѣе раннихъ новеллъ, фабліо, легендъ, балладъ и народныхъ анекдотовъ, создавшій итальянскую прозу и вызвавшій цѣлый рядъ подражателей не только въ Италіи, но и за ея предѣлами. Съ другой стороны, важно отношеніе „Декамерона" къ современному ему обществу, отразившемуся въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и такъ какъ особенно достается въ этой книгѣ монахамъ и духовнымъ, то ее можно сопоставить съ другими литературными произведе-

ніями конца среднихъ вѣковъ, въ коихъ съ насмѣшкой, грустью или негодованіемъ обличается порча церкви. Обрабатывая традиціонный матеріалъ въ новомъ духѣ, изображая именно современную жизнь, сильно удалившуюся отъ требованій средневѣкового аскетическаго идеала, Боккачіо проповѣдуетъ своими разсказами новый взглядъ на жизнь, право личности на ея радости и особенно на радости любви. Онъ находитъ, что „для желанія сопротивляться законамъ природы нужны слишкомъ большія силы", и что „тѣ, которые пытаются дѣлать это, часто трудятся не только понапрасну, но даже съ огромнѣйшимъ вредомъ для себя". Онъ признается, что у него „такихъ силъ нѣтъ и что имѣть ихъ онъ не желаетъ, а если бы онѣ у него были, то онъ скорѣе предоставилъ бы ихъ кому-нибудь другому, чѣмъ приложилъ бы къ самому себѣ". Своихъ хулителей онъ приглашалъ молчать и не мѣшать ему пользоваться „радостями, предоставленными намъ въ этой короткой жизни". Подъ послѣдними особенно разумѣется у него любовь, въ коей онъ готовъ видѣть великую моральную и культурную силу; онъ даже сочувствуетъ монахамъ, нарушающимъ свой обѣтъ держать себя далеко отъ женщинъ. Болѣе инстинктивно, чѣмъ принципіально, онъ высказывается и вообще противъ монашества, указывая на то, что главною заботою и главнымъ занятіемъ монаховъ было обманывать „вдовъ и многихъ другихъ глупыхъ женщинъ, а также и мущинъ", стремиться исключительно къ „женщинамъ и богатствамъ". Но протестъ противъ порчи нравовъ и протестъ противъ самого учрежденія—двѣ вещи разныя: Боккачіо, вопреки общему духу своихъ стремленій, не находитъ еще аргументовъ противъ монашества самого по себѣ, аргументовъ, съ какими явятся позднѣйшіе гуманисты. Вообще у него нѣтъ философскаго отрицанія: ему приходится, напримѣръ, смѣяться надъ распространенными въ его время злоупотребленіями священными предметами, но онъ былъ далекъ отъ самой возможности составленія приписывавшагося ему памфлета „De tribus

impostoribus", подъ коими разумѣлись основатели трехъ монотеистическихъ религій. Боккачіо, какъ и Петрарка, стоитъ на христіанской почвѣ, не имѣя только его философской вдумчивости и религіозной глубины. Извѣстно, что Петрарка рисовалъ папскую курію въ весьма непривлекательномъ видѣ. Боккачіо также осмѣиваетъ пороки духовенства и скорбитъ о порчѣ церкви, а одно изъ его изображеній папства и клира прямо оправдываетъ то, что въ одной новеллѣ Авраамъ (еврей, объ обращеніи коего идетъ рѣчь), познакомившись съ Римомъ, „не только не сдѣлается изъ еврея христіаниномъ, но если бы онъ даже принялъ христіанство, то несомнѣнно вернется къ іудейству". Стоя, какъ и Петрарка, на перепутьѣ между двумя мірами, вращаясь въ традиціонныхъ средневѣковыхъ формахъ религіи и морали, называя безуміемъ языческія басни, коими самъ же онъ наполнялъ свои сочиненія, онъ за внѣшнею ортодоксальностью скрывалъ духъ свѣтскій, направленный на земное: это земное онъ не ненавидѣлъ, а любилъ, не представляя себѣ ничего лучшаго, чѣмъ стоило бы дорожить, кромѣ любви славы, богатствъ.

У Боккачіо есть и произведенія религіознаго содержанія, но онъ начинаетъ впутывать языческую номенклатуру и фразеологію въ изложеніе христіанскихъ предметовъ: въ эклогѣ „Пантеонъ" онъ изображаетъ подъ языческими именами библейскую исторію, называя, напримѣръ, Христа голымъ Ликургомъ, который превратилъ Ѳетиду въ Бромія (чудо въ Каннѣ). Въ романѣ „Филокопо" онъ разукрашиваетъ рыцарскую основу волшебными сказками, христіанскими легендами и классическими миѳами, выводя на сцену языческихъ боговъ то въ видѣ реальныхъ личностей, то въ смыслѣ аллегорическихъ изображеній христіанскаго Бога, когда напримѣръ, заставляетъ Юпитера послать своего сына Христа для борьбы съ Плутономъ или обозначаетъ папу, какъ викарія Юноны. Отмѣчая эту особенность литературныхъ пріемовъ Боккачіо, мы должны имѣть въ виду позднѣйшихъ гуманистовъ, у коихъ эта смѣсь языческаго съ христіанскимъ получила

особое развитіе. Въ такомъ явленіи даже усматриваютъ одинъ изъ признаковъ паганизма, характеризующаго Ренессансъ XV вѣка, когда о христіанскихъ понятіяхъ и представленіяхъ принято было говорить, пользуясь выраженіями, взятыми изъ языческаго словаря. Эта мода, какъ и вообще стремленіе къ возстановленію античныхъ литературныхъ формъ, придаетъ также классическій оттѣнокъ сочиненіямъ гуманистовъ. Въ самомъ дѣлѣ подъ ихъ перомъ христіанскій Богъ превращался въ «Di Superi», въ «Iupiter Optimus Maximus, regnator Olympi, Superum Pater nimbipotens», св. Дѣва обозначалась, какъ «Mater deorum» святой становился божественнымъ (divus), отлученіе отъ церкви дѣлалось отрѣшеніемъ отъ воды и огня (aquae et igni interdictio). Поэтъ Вида, protégé папы Льва X, пишетъ поэму, въ которой изображаетъ страданія и смерть Іисуса Христа („Христіада"), выводя на сцену цѣлый миѳологическій аппаратъ горгонъ, гарпій, кентавровъ и гидръ въ моментъ крестной смерти или превращая преломляемый хлѣбъ въ «sinceram Cererem», а уксусъ, коимъ утолили жажду Распятаго, въ «corrupta pocula Bacchi». Передъ папою Юліемъ II произносится гуманистическая рѣчь на ту же тему крестной смерти, и послѣдняя сравнивается съ самоотверженными подвигами Курціевъ и Деціевъ, съ кончиною Сократа. Мода проникаетъ въ оффиціальный стиль, и однажды, напримѣръ, венеціанскій сенатъ обращается къ папѣ съ просьбою, uti fidat diis immortallibus quorum vices in terra geris. Подобные примѣры можно было бы приводить до безконечности, но разъ первые случаи такого смѣшенія христіанскаго съ языческимъ мы видимъ у Боккачіо, хотя и легкомысленнаго, но все таки остающагося вѣрнымъ, сына католической церкви, сама по себѣ эта мода, какъ нѣчто внѣшнее и формальное, не можетъ еще служить доказательствомъ паганизма всѣхъ итальянскихъ гуманистовъ, какъ, съ другой стороны, и приверженность къ изученію античнаго міра безъ новаго настроенія и новыхъ стремленій не дѣлала изъ человѣка настоящаго гуманиста. Указанное смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ въ общемъ было

однимъ изъ проявленій того стремленія къ сліянію средневѣкового съ античнымъ, которое характеризуетъ и Петрарку. Полное религіозное равнодушіе, отчасти сознательное невѣріе и даже паганизмъ были явленіями, развившимися въ гуманистическомъ движеніи лишь во второй половинѣ XV вѣка.

Внутренняя жизнь Боккачіо не была такъ богата, какъ жизнь Петрарки, но и въ немъ, конечно, настроеніе мѣнялось съ годами. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы понять надлежащимъ образомъ то „обращеніе“, которое произошло съ Боккачіо, когда ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Въ 1361 г. къ нему явился монахъ Джоакимо Чіани, сказавшій ему, будто онъ посланъ своимъ учителемъ, тоже монахомъ Піетро де'Петрони, не задолго передъ тѣмъ умершимъ въ Сіенѣ, съ порученіемъ предостеречь Боккачіо отъ грозящей ему страшной смерти и адскихъ мученій за его грѣховную жизнь, въ особенности за его нечестивыя сочиненія, если онъ не поспѣшитъ раскаяніемъ: самъ Пьетро, по словамъ монаха, зналъ все это изъ чудеснаго видѣнія, которое имѣлъ передъ смертью. На Боккачіо Чіани произвелъ впечатлѣніе, но Петрарка въ дружескомъ письмѣ къ нему совѣтовалъ не забывать, что подъ покровомъ религіи совершается немало обмановъ, и что пусть монахъ согласно выраженному намѣренію явится къ нему, Петраркѣ, ибо онъ, Петрарка, узнаетъ, насколько слѣдуетъ давать вѣры этому монаху. Съ этимъ эпизодомъ связано у нѣкоторыхъ біографовъ Боккачіо представленіе о какомъ-то его „обращеніи“, но въ сущности тутъ не было никакого обращенія, и средніе вѣка не побѣждали Ренессанса. Дѣло въ томъ, что онъ и послѣ визита Чіани не бросалъ своихъ классическихъ занятій и не переставалъ защищать поэзію, если-же на старости лѣтъ онъ конфузится за „Декамеронъ“, этотъ грѣхъ своей юности, то заботы о спасеніи души вовсе не окрашиваютъ его ученыхъ работъ послѣдняго періода его жизни, а съ другой стороны, и до разговора съ Чіани Боккачіо былъ вѣрующій католикъ: все различіе было въ томъ, что къ старости ослабѣла

сила его творчества, и что его дѣятельность приняла характеръ ученаго собиранія фактовъ. Да и вообще Боккачіо и прежде не становился въ такую рѣзкую оппозицію къ среднимъ вѣкамъ, какъ Петрарка.

Петрарка и Боккачіо были продуктомъ аналогичнаго настроенія, они выросли на одной и той же почвѣ. Популярность перваго, для которой не было прецедентовъ, появленіе рядомъ съ нимъ другого виднаго гуманиста, выступленіе за этими двумя первыми гуманистами цѣлаго ряда другихъ, то значеніе, какое они пріобрѣли въ обществѣ и у правительствъ, все это доказываетъ, что на смѣну старому міросозерцанію шло въ Италіи міросозерцаніе новое, а образованіе рядомъ съ старой интеллигенціей, замкнутой въ церковныя рамки, другой интеллигенціи съ характеромъ свѣтскимъ показывало, въ какомъ направленіи совершалась эта смѣна. Гуманисты сдѣлались именно первымъ „свѣтскимъ" сословіемъ литераторовъ, ученыхъ и публицистовъ, если не считать болѣе раннихъ легистовъ, которые не возвышались, однако, надъ общимъ уровнемъ средневѣкового пониманія жизни. Петрарка и Боккачіо—и особенно первый изъ нихъ, какъ человѣкъ болѣе субъективный и склонный къ рефлексіи—провозвѣщаютъ наступленіе новаго времени, начало секуляризаціи мысли и жизни, но они были не одни: у нихъ были почитатели, послѣдователи и сотрудники, оставившіе массу разныхъ сочиненій; многія изъ послѣднихъ были потомъ утрачены или затерялись въ многочисленныхъ итальянскихъ библіотекахъ, и часто ихъ авторы извѣстны лишь по имени, да и то иногда потому, что имъ адресовали письма и посвящали свои сочиненія Петрарка и Боккачіо. Эта секуляризація интеллигенціи можетъ быть прослѣжена отъ первыхъ ея проявленій у двухъ родоначальниковъ гуманизма—въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ теченій, приводившихъ каждое со временемъ или къ философіи и наукѣ, отличнымъ отъ философіи и науки среднихъ вѣковъ, или къ морали и политикѣ, совсѣмъ не похожимъ на аскетическія

и теократическія теоріи католицизма, или же наконецъ, къ новому искусству, на которомъ въ XV в. съ особою силою запечатлѣлся культурный переворотъ Возрожденія, доказательства чему можно найти въ любой исторіи искусства, особенно когда послѣднее изучается съ общекультурной точки зрѣнія, какъ это дѣлается, напр., въ книгѣ Тэна объ итальянскомъ искусствѣ эпохи Возрожденія: въ этой области вліяніе новаго духа было такъ сильно, что для многихъ Ренессансъ является обозначеніемъ спеціально блестящей эпохи въ развитіи архитектуры, скульптуры и живописи, эпохи Микель Анджело, Леонардо да Винчи и Рафаэля Санціо.

XXIX. Главные итальянскіе гуманисты.

Книгоискатели и книгособиратели, меценаты, профессора классическихъ знаній.—Колуччіо Салутати.—Леонардо Бруни.—Николо Никколи.—Поджіо Браччіолини.—Лоренцо Валла.—Гемистъ Плетонъ.—Марсиліо Фичино.— Пико делла Мирандола. — Анджело Полиціано. — Помпонаццо.—Общій выводъ.

Мы лишены возможности долго останавливаться на отдѣльныхъ дѣятеляхъ итальянскаго гуманизма: ихъ было такъ много, и они часто столь мало были похожи другъ на друга; притомъ же какъ перечисленіе гуманистовъ, такъ и детали о ихъ дѣятельности и не подходили-бы къ задачамъ, поставленнымъ настоящей книгѣ—давать по преимуществу обобщенное знаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе о фактахъ, имѣющихъ наиболѣе общее значеніе въ культурномъ или соціальномъ отношеніяхъ. Гуманисты явились дѣятелями на весьма различныхъ поприщахъ духовной жизни, и если-бы мы видѣли свою цѣль въ томъ, чтобы дать сумму частныхъ исторій классической филологіи или педагогики, исторіографіи или юриспруденціи и т. п., мы должны были-бы остановиться на разсмотрѣніи дѣятелей, имѣвшихъ особое значеніе въ той или

другой области. Одна исторія открытія древнихъ рукописей, пріобрѣтенія греческихъ авторовъ, составленія классическихъ библіотекъ и т. п. заставила-бы насъ привести цѣлый рядъ именъ, среди которыхъ особенно прославлены имена такихъ людей, какъ Поджіо Браччіолини и Никколо Никколи. Поджіо, папскій секретарь въ эпоху констанцскаго собора, составилъ себѣ громкое имя на поприщѣ открытій, распространивъ свою дѣятельность посредствомъ личныхъ путешествій и громадной переписки на всю западную Европу, и благодаря главнымъ образомъ его трудамъ къ 1430 году были собраны почти всѣ произведенія латинскихъ классиковъ, какія намъ извѣстны теперь: въ сравненіи съ этимъ были ничтожны дополненія, сдѣланныя впослѣдствіи, особенно во время папы Николая V, который самъ былъ гуманистъ. Поджіо, кромѣ того, собиралъ надписи и античныя рѣдкости. Никколо Никколи, жившій во Флоренціи, былъ библіоманъ и библіографъ, въ книгохранилищѣ котораго собрано было громадное количество рукописей, а въ памяти удерживалась цѣлая масса названій сочиненій и свѣдѣній о разныхъ библіотекахъ, книгахъ и т. п., переписка же его была своего рода литературной газетой гуманистовъ. Между прочимъ, Никколо Никколи былъ первый устроитель публичной библіотеки. Правда, такая мысль была уже у Петрарки, который думалъ пристроить свои книги въ Венеціи, но это дѣло не было приведено въ исполненіе, и его богатая библіотека была разрознена послѣ его смерти. Боккачіо завѣщалъ свои книги августинскому монастырю Санъ-Спирито, въ которомъ онѣ должны были храниться для монашествующей братіи, а гуманистъ Колучіо Салютати, бывшій флорентійскимъ канцлеромъ (ум. въ 1406 г.), думалъ устроить особое книгохранилище, въ коемъ можно было-бы производить провѣрку книгъ и тѣмъ предохранять ихъ текстъ отъ порчи. Никколи, на оборотъ, открывалъ свою библіотеку для всѣхъ желавшихъ въ ней заниматься и завѣщалъ ее сначала одному монастырю подъ условіемъ пользованія ею всѣми, кому будетъ надобность въ ней, но

потомъ онъ перемѣнилъ намѣреніе, поручилъ выбрать подходящее помѣщеніе для своихъ книгъ своимъ друзьямъ, въ числѣ коихъ были Козимо Медичи и Поджіо. Первый былъ однимъ изъ представителей того меценатства, которое развилось въ эту эпоху среди богатыхъ, знатныхъ и власть имѣющихъ людей: онъ заплатилъ долги Николли, когда этотъ гуманистъ скончался (1437 г.), и построилъ для его библіотеки особое зданіе, начавъ пополнять новыми покупками это собраніе книгъ, сдѣлавшееся настоящею публичною библіотекою. Козимо Медичи въ его заботахъ о библіотечномъ дѣлѣ,— онъ устраивалъ и другія библіотеки,—много помогалъ гуманистъ Томмазо Парентучелли, впослѣдствіи папа Николай V, основатель ватиканской библіотеки, весьма не мало содѣйствовавшій открытію новыхъ рукописей съ произведеніями древнихъ писателей. Въ частныхъ гуманистическихъ собраніяхъ и въ библіотекахъ, имѣвшихъ публичный характеръ, все въ большемъ и большемъ количествѣ появляются и греческіе авторы, вывозившіеся или выписывавшіеся съ Востока гуманистами или привозившіеся византійскими греками, которые пріѣзжали просить помощи Запада противъ турокъ (Хризолоръ, учившій по-гречески во Флоренціи, 1396) или для заключенія уніи съ католическою церковью (напр., дѣятель флорентійскаго собора, еп. никэйскій, позднѣе кардиналъ Виссаріонъ *) или просто спасаясь отъ варварскаго ига. Рядомъ съ греческими подлинниками умножались латинскіе переводы съ греческаго языка. Въ открытіи и покупкѣ рукописей и устройствѣ библіотекъ соперничали между собою государи и республики, знать и ученые, у которыхъ были средства. Рядомъ съ библіотеками возникали другія учрежденія, служившія все тѣмъ-же научнымъ занятіямъ: музеи, академіи, публичныя лекціи, и многіе гуманисты прославились, именно какъ профессора классическихъ языковъ и литературъ. Это развитіе вкуса къ свѣтской литературѣ, это по-

*) См. о немъ соч. проф. А. И. Садова.

кровительство научнымъ занятіямъ, это появленіе ученаго сословія внѣ сословія служителей церкви (хотя многіе гуманисты и занимали духовныя должности) и внѣ старыхъ университетскихъ корпорацій, въ коихъ продолжала царить схоластика,— весьма характерное явленіе, внутреннюю сторону коего представляетъ изъ себя постепенное отдаленіе развивающейся философской мысли отъ началъ, лежавшихъ въ основѣ средневѣкового міросозерцанія.

Слѣдя за тѣмъ, какъ одно поколѣніе гуманистовъ смѣнялось другимъ, и останавливаясь на самыхъ выдающихся представителяхъ отдѣльныхъ поколѣній, мы можемъ видѣть, какъ совершался этотъ процессъ, столь характерный для культурной исторіи образованныхъ классовъ итальянскаго общества въ XV вѣкѣ. Той двойственности, какую мы наблюдаемъ у Петрарки и Боккачіо, жившихъ на рубежѣ двухъ эпохъ, становится все меньше и меньше у послѣдующихъ гуманистовъ. Полнымъ равнодушіемъ къ порчѣ церкви смѣняется то обличительное направленіе, которое проглядываетъ въ литературной дѣятельности Петрарки и Боккачіо, и христіанская теологія со стоическою моралью, въ сочетаніи коей съ евангеліемъ искали принциповъ нравственной жизни первые гуманисты, уступаютъ мѣсто классической философіи сначала Платона, а потомъ и Аристотеля, въ то самое время, какъ въ этической сферѣ проповѣдуется эпикуреизмъ, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ все болѣе и болѣе забывается или перестаетъ пониматься, или же все болѣе осмѣивается и отвергается то, во что вѣрили, чѣмъ жили и дорожили средневѣковые люди. Именно съ этой точки зрѣнія, мы и должны теперь познакомиться съ нѣсколькими гуманистами, чтобы въ каждомъ изъ нихъ указать преимущественно на тѣ черты, которыя свидѣтельствуютъ о все большемъ и большемъ развитіи гуманизма въ направленіи, діаметрально-противоположномъ средневѣковымъ основамъ теоретической и практической мысли.

Какъ на представителя второго поколѣнія гуманистовъ,

можно указать на Коллуччіо Салутати, родившагося въ 1331 г. и умершаго въ 1406 г. Онъ былъ сначала апостольскимъ секретаремъ въ Авиньонѣ, потомъ возвратился во Флоренцію, откуда былъ родомъ,—и съ 1375 г. до самой смерти занималъ должность канцлера республики. Салутати еще весьма близокъ къ среднимъ вѣкамъ, цитируя схоластическіе авторитеты и высказывая мысли въ духѣ стараго благочестія, но въ то же время онъ проникнутъ уваженіемъ къ классикамъ, которыхъ ревностно изучаетъ, и выбираетъ изъ теоретическихъ вопросовъ, рѣшенію коихъ посвящаетъ свои трактаты, преимущественно вопросы моральные, отдавая имъ преимущество передъ метафизическими проблеммами. На міръ онъ смотритъ еще глазами аскета, какъ на юдоль грѣховъ и бѣдствій, но взглядъ на человѣческую природу у него гуманистическій: Салутати цѣнитъ ее очень высоко, хотя изъ того, соображенія, что міръ губитъ человѣка, и дѣлаются у него аскетическіе выводы, и онъ полагаетъ въ тоже время, что внѣ церкви нѣтъ спасенія. Любовь Салутати къ античнымъ писателямъ, собственныя его прозаическія и поэтическія произведенія на латинскомъ языкѣ, должность канцлера, дѣлали его весьма виднымъ гуманистомъ, на котораго многіе представители движенія въ слѣдующемъ поколѣніи смотрѣли, какъ на патріарха: онъ, дѣйствительно, былъ учителемъ и покровителемъ такихъ дѣятелей, каковы Поджіо и Леонардо Бруни. Салутати много содѣйствовалъ приглашенію во Флоренцію грека Эммануила Хризолора (1396), въ числѣ слушателей котораго и былъ наиболѣе ревностнымъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей третьяго поколѣнія названный Леонардо Бруни Аретино.

Бруни уже четыре года занимался правомъ, когда ученый византіецъ началъ учить во Флоренціи. Онъ нашелъ, что докторовъ права много, и что не слѣдуетъ упускать случая познакомиться съ греческими поэтами, ораторами и философами. Въ самомъ началѣ XV в., при папѣ Иннокентіи VII Бруни попалъ въ число папскихъ секретарей. Это былъ одинъ

изъ наиболѣе плодовитыхъ писателей среди гуманистовъ, весьма интересный, какъ человѣкъ, выставившій идею чисто свѣтскаго образованія, въ которое онъ вводилъ религію лишь въ качествѣ одного изъ его ингредіентовъ. Моральные вопросы весьма сильно занимали Бруни, и въ философіи онъ видѣлъ главнымъ образомъ средство выйти изъ ложныхъ воззрѣній, сбивающихъ человѣка съ должнаго пути къ тому истинному благу, къ которому человѣкъ стремится по самой своей природѣ. Съ этой точки зрѣнія Бруни интересовался дѣломъ воспитанія, коему отвелъ не мало мѣста въ своемъ Isagagon moralis disciplinae, опредѣляя цѣль воспитанія въ стоическомъ смыслѣ и приписывая рѣшающее значеніе индивидуальнымъ свойствамъ. Оставаясь вѣрующимъ сыномъ церкви подобно своимъ предшественникамъ, Бруни не вводилъ уже теологическаго элемента въ свои философскія, педагогическія и политическія (также его занимавшія) соображенія и даже принципіально защищалъ свѣтское образованіе въ трактатѣ „Объ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ“. Свѣтскимъ духомъ проникнута и его „Рѣчь противъ лицемѣровъ“, подъ коими онъ разумѣлъ монаховъ, да и самый аскетизмъ ему мало былъ уже вообще понятенъ. Напр., возвращаясь нерѣдко къ вопросу о созерцательной и дѣятельной жизни и отдавая преимущество послѣдней, Бруни допускалъ, что и первая, пожалуй, можетъ вести къ счастью того, „кто обладаетъ мудростью, знаніемъ, пониманіемъ и другими умственными добродѣтелями“, подъ условіемъ „долголѣтія, тѣлеснаго здоровья и другихъ удобствъ“, полагая, что этотъ именно идеалъ безпечнаго досуга увлекалъ къ созерцальной жизни Василія Великаго, бл. Августина и многихъ другихъ. Становясь на такую чисто свѣтскую точку зрѣнія, Бруни устанавливалъ въ своихъ сочиненіяхъ и особый взглядъ на человѣка, ибо изъ всѣхъ психическихъ свойствъ его выше всего ставилъ разумъ, изъ всѣхъ дѣятельностей, доступныхъ человѣку, особенно цѣнилъ науку. И древняя литература, которой онъ предавался съ увлеченіемъ, не мѣшавшимъ, однако, крити-

ческому къ ней отношенію,—весьма сильная сторона его дѣятельности,—и древняя литература была ему дорога, именно какъ орудіе умственнаго развитія: однимъ изъ первыхъ его переводовъ съ греческаго языка на латинскій былъ посвященный Салутати переводъ книги Василія Великаго „О научныхъ занятіяхъ“: предметъ самъ по себѣ интересовалъ Бруни, но кромѣ того, опираясь на авторитетъ отца церкви, онъ хотѣлъ нанести ударъ противникамъ гуманистическихъ занятій. Переводческая его дѣятельность была весьма обширна, и онъ съ особымъ усердіемъ переводилъ Платона и Аристотеля,—изъ Платона „Федона“ за его согласіе во многихъ пунктахъ съ христіанствомъ, изъ Аристотеля—политику, этику и экономику.—Къ одному поколѣнію съ Бруни принадлежалъ и упоминавшійся уже Никколо Никколи, самъ ничего не писавшій, хотя не было другого гуманиста, о которомъ и къ которому такъ много писали бы другіе. Его другъ Поджіо оправдывалъ Никколи ссылкою на Сократа и Христа, также ничего не писавшихъ. Судя по тому, что передаютъ о немъ другіе гуманисты, это былъ крайній индивидуалистъ, разсужденія коего напоминаютъ греческихъ софистовъ, а его рѣзкій не знавшій, по свидѣтельству Поджіо, никакихъ преградъ критицизмъ, не позволившій ему выработать опредѣленное міросозерцаніе, такъ сказать, расчищалъ или указывалъ путь для гуманистовъ слѣдующихъ генерацій. Съ Бруни, который въ 1427 г. сдѣлался флорентійскимъ канцлеромъ и до самой своей смерти въ 1444 г. занималъ этотъ постъ, Никколи былъ весьма близокъ. Не меньшій интересъ представляетъ намъ и личность Поджіо, знакомаго намъ по своему книгоискательству. Въ качествѣ папскаго секретаря онъ присутствовалъ на соборѣ въ Констанцѣ, но его весьма мало интересовали церковныя дѣла—расколъ и „ересь“ Гуса: весь этотъ съѣздъ былъ для него интересенъ съ точки зрѣнія личныхъ знакомствъ, пригодныхъ въ любимомъ имъ дѣлѣ отыскиванія и собиранія рукописей. И гуманистъ по-своему понималъ драму, разыгравшуюся на соборѣ съ ученикомъ

Гуса Іеронимомъ Пражскимъ, сожженнымъ „за ересь" въ 1416 г.: Іеронимъ былъ для него не страдалецъ за вѣру, какъ для однихъ, и не еретикъ, какъ смотрѣли на него другіе, а стоикъ, равнодушно, съ презрѣніемъ даже идущій на смерть, и вотъ Поджіо сравниваетъ его съ Сократомъ или Муціемъ Сцеволою, удивляясь его краснорѣчію, близкому къ античному, и предоставляя тѣмъ, кто „умнѣе его", т. е. богословамъ рѣшать вопросъ, дѣйствительно ли это былъ еритикъ, достойный смерти. Поджіо писалъ такъ своимъ друзьямъ, и любопытно, что Бруни въ письмѣ къ Никколи говоритъ, что написалъ бы ему о дѣлахъ собора, если бы не зналъ, что его, Никколи, этотъ предметъ совершенно не интересуетъ. Поджіо вообще можетъ служить образцомъ того, какъ гуманисты этой и слѣдующей эпохи относились къ куріи. Гуманисты со временъ Петрарки находили пріютъ въ куріи: апостольскими секретарями какъ во время великаго раскола, такъ и въ эпоху соборовъ были ученые гуманисты, владѣвшіе перомъ и литературнымъ стилемъ и, какъ наемники, отстаивавшіе папскіе интересы, а переговоры объ уніи съ восточною церковью заставляли обращать вниманіе и на знатоковъ греческаго языка. Къ числу такихъ папскихъ секретарей, которые внутренне были чужды интересамъ куріи, и принадлежали Бруни и Поджіо. Послѣдній съ шуткою относился къ своему духовному сану и проводилъ время въ веселой компаніи, разсказывая и слушая забавные анекдоты. Онъ даже собралъ и изложилъ хорошимъ латинскимъ языкомъ (Фацеціи) многіе анекдоты о духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ на темы весьма нескромнаго свойства. Съ монахами онъ былъ въ вѣчной войнѣ: не будучи самъ, по собственному признанію, добродѣтельнымъ человѣкомъ, онъ презиралъ въ монахахъ лицемѣріе и самохвальство людей, говорившихъ о своемъ образѣ жизни, какъ о подвигахъ Геркулеса.

Особенно рѣзко выразилось новое направленіе въ дѣятельности Лоренцо Валлы, представителя еще болѣе молодого поколѣнія. Валла родился въ 1407 году, провелъ дѣтство и

раннюю молодость при куріи Мартина V, потомъ жилъ въ разныхъ итальянскихъ городахъ и между прочимъ въ Неаполѣ при дворѣ Альфонса Аррагонскаго, а послѣдніе годы своей жизни (умеръ Валла въ 1457 г.) провелъ въ Римѣ, пользуясь покровительствомъ папы Николая V (гуманиста Томмазо Парентучелли) и служа при куріи. Въ свое время онъ былъ весьма вліятельнымъ гуманистомъ, какъ авторъ сочиненія «De linguae latinae elegantia», какъ комментаторъ латинскихъ авторовъ и переводчикъ греческихъ, какъ философъ и историкъ. Въ Валлѣ особенно силенъ былъ критицизмъ, направлявшійся на всѣ предметы, какихъ онъ только ни касался, былъ ли это стиль Цицерона и Квинтиліана или свѣтская власть папы и аскетическій идеалъ, а боевой характеръ Валлы создалъ ему массу враговъ, съ коими онъ велъ постоянную полемику въ излюбленной гуманистами еще со временъ Петрарки формѣ инвективы. Валла—рѣдкій примѣръ гуманиста, интересующагося церковно-богословскими вопросами, о чемъ свидѣтельствуютъ его поправки къ принятому церковью переводу библіи (Vulgata), „Рѣчь о таинствѣ евхаристіи", утраченное сочиненіе объ исхожденіи св. Духа и другіе его труды, о которыхъ будетъ идти еще рѣчь, но не будучи враждебенъ христіанству, онъ направилъ свою критику, не щадившую, между прочимъ, классическій авторитетъ Цицерона, „бога гуманистовъ",—и на церковные авторитеты. Въ 1440 году онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio", въ коемъ доказалъ подложность такъ называемаго Константинова дара, будто императоръ Константинъ подарилъ папѣ Сильвестру свѣтскую власть надъ Римомъ. Кромѣ того онъ опровергъ принимавшееся церковью ученіе о происхожденіи апостольскаго символа и выяснилъ апокрифичность письма Іисуса Христа къ Авгарю Эдесскому. За свое мнѣніе объ апостольскомъ символѣ онъ едва спасся отъ инквизиціи, и враги поставили ему въ счетъ и его разногласіе съ Аристотелемъ. Валла долженъ былъ лицемѣрно признать, что онъ „вѣритъ вмѣ-

стѣ съ матерью св. церковью", хотя послѣдняя и ничего не знаетъ о категоріяхъ Аристотеля. Главными его врагами были монахи, съ которыми онъ полемизировалъ, заявляя себя принципіальнымъ противникомъ аскетизма. Валла оставилъ точку зрѣнія болѣе раннихъ гуманистовъ, стремившихся примирить стоицизмъ и христіанство: его собственная философія—крайній эпикуреизмъ, хотя онъ и пытается его примирить съ христіанствомъ. Этотъ свой взглядъ онъ изложилъ въ сочиненіи De voluptate, выдвигающемъ на первое мѣсто въ жизни человѣка наслажденіе. Откровенность Валлы, выводящаго вдобавокъ въ качествѣ собесѣдниковъ на эту тему—папскихъ секретарей, многихъ скандализировала, и онъ переработалъ свой трактъ въ сочиненіе объ истинномъ благѣ (De voluptate ac vero bono), отнюдь, однако, не измѣнивъ своей основной мысли. Монахи, впрочемъ, были задѣты не столько этимъ теоретическимъ отрицаніемъ какого бы то ни было аскетизма, сколько другимъ его сочиненіемъ „De professione religiosorum", гдѣ онъ нападаетъ на самый институтъ монашества, проявляя такимъ образомъ съ наибольшею силою антиаскетическую тенденцію гуманизма. Обѣтъ цѣломудрія особенно порицался Валлою, находившимъ, что такой обѣтъ ведетъ только къ распутству. По отношенію къ метафизикѣ Валла стоялъ еще на той же точкѣ зрѣнія, на какой находились и предыдущіе гуманисты, хотя его трактаты „De dialectica", въ коемъ вносились поправки къ Аристотелю, и „De libero arbitrio", гдѣ опровергалось ученіе Боэція и доказывалось, что божественный Промыселъ не противорѣчитъ свободной волѣ, — указываютъ на начинавшійся среди гуманистовъ интересъ и къ отвлеченнымъ вопросамъ философіи, до того времени почти исключительно занимавшимъ однихъ представителей схоластическаго образованія. Критикъ всякихъ авторитетовъ, принципіальный противникъ аскетизма, авторъ сочиненія, подрывавшаго одну изъ основъ папскихъ притязаній на свѣтскую власть, Лоренцо Валла является весьма типичнымъ представителемъ гуманизма, какъ противоположности средневѣковыхъ догматизма,

аскетизма и теократіи *). Гуманисты слѣдующаго поколѣнія начинаютъ удаляться отъ самаго христіанства, въ чемъ весьма важную роль съиграло возрожденіе античной метафизики сначала въ видѣ возстановленія платонизма, а потомъ въ видѣ возвращенія къ Аристотелю, хотя, конечно, уже не къ испорченному Аристотелю схоластиковъ.

Родоначальникомъ платоновскаго движенія въ Италіи былъ Марсиліо Фичино, центромъ—Флоренція, гдѣ фамилія Медичи (Козимо, а во второй половинѣ XV в. Лоренцо Великолѣпный) оказывали покровительство гуманистическимъ занятіямъ.

На открывшійся сначала въ Феррарѣ, а потомъ перенесенный во Флоренцію соборъ, на которомъ разсматривался вопросъ объ уніи между западною и восточною церквами, съѣхалось много грековъ, между коими были упомянутый выше Виссаріонъ, игравшій потомъ большую роль въ итальянскихъ гуманистическихъ дѣлахъ, какъ и въ дѣлахъ собора, и уже раньше бывшій извѣстнымъ платоникъ или вѣрнѣе неоплатоникъ и порицатель западной схоластики, которая опиралась на Аристотеля, Гемистъ Плетонъ, старикъ, достигшій уже восьмидесятилѣтняго возраста **). Внутренне чуждый греческой церкви, хотя и несочувственно относившійся къ уніи, онъ создалъ для себя новую философскую религію, которую противопоставилъ христіанству: это былъ религіозный синкретизмъ на почвѣ неоплатонизма съ примѣсью даже церковной (греческой) обрядности. Едва-ли Плетонъ распространялъ свое ученіе среди итальянцевъ; притомъ же онъ послѣ закрытія собора уѣхалъ въ Пелопоннезъ, гдѣ жилъ раньше, но онъ оставилъ сильное впечатлѣніе, а пропаганда другими греками Платона вызвала полемику, въ коей итальянцы стали на сторону Аристотеля. Въ общемъ гуманисты относились къ ви-

*) Vahlen. Lorenzo Valla.

**) Fritz Schulze. Georgios Gemisthos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen.

зантійцамъ съ насмѣшкой и пренебреженіемъ; любопытно, что въ эту пору написанное Плетономъ во Флоренціи сочиненіе о различіи между Платонюмъ и Аристотелемъ было предметомъ спора между самими греками при очень слабомъ участіи гуманистовъ, хотя во Флоренціи были люди, читавшіе и понимавшіе Платона лучше грековъ, напр., переводчикъ Федона, Бруни, совсѣмъ не смотрѣвшій на великаго философа черезъ неоплатоническую призму Плетона. Тѣмъ не менѣе разговоры послѣдняго производили впечатлѣніе, и Козимо Медичи нашелъ нужнымъ основать особую академію для изученія платоновой мудрости. Онъ тотчасъ же сталъ собирать сочиненія Платона и Плотина и началъ подготовлять будущаго спеціалиста, какимъ долженъ былъ сдѣлаться шестилѣтній сынъ его врача Марсиліо Фичино. Надежды мецената вполнѣ сбылись, и Марсиліо Фичино сдѣлался основателемъ религіозно-философскаго направленія, бывшаго по существу дѣла продолженіемъ неоплатонизма первыхъ вѣковъ христіанства: не даромъ напр., Вашеро въ своей „Исторіи александрійской школы" разсматриваетъ и эту эпоху возрожденія неоплатонизма. По мнѣнію Фичино, усвоенному имъ отъ грековъ, настоящимъ истолкователемъ богословія божественнаго Платона былъ не менѣе божественный Плотинъ, раскрывшій тайныя ученія древнихъ, ибо оба они получили вдохновеніе свыше, а ихъ философія совершенно согласна съ христіанствомъ. Во Флоренціи при Лоренцо Великолѣпномъ была основана платонова академія, когда уже въ достаточной степени развился вкусъ къ метафизическимъ вопросамъ. На этой, новой для итальянскаго гуманизма почвѣ выросъ и Пико делла Мирандола,*) бывшій на тридцать лѣтъ моложе Марсиліо Фичино, энциклопедистъ по своему образованію, знатокъ нѣсколькихъ языковъ (Пико учился и по-еврейски), одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей платоновской академіи: въ своихъ сочиненіяхъ онъ соединялъ, напр., ученіе Платона и Моисея (по вопросу о міротвореніи), примирялъ перваго съ Аристотелемъ и вводилъ въ философію каббалистическую мистику.

Имена Фичино и Пико приводятъ насъ во Флоренцію временъ Лоренцо Великолѣпнаго *), когда гуманизмъ принялъ оттѣнокъ эпикурейско-языческаго направленія. Эту эпоху характеризуетъ и Анджело Полиціано, принадлежавшій къ младшимъ современникамъ родоначальника итальянскаго платонизма и къ старшимъ современникамъ Пико делла Мирандола **). Полиціано, прославившійся, какъ поэтъ, стилистъ критикъ, переводчикъ, профессоръ, жилъ у Лоренцо Медичи въ качествѣ домашняго учителя и занималъ во Флоренціи каѳедру классическихъ литературъ, привлекая къ себѣ слушателей изъ всѣхъ странъ Европы, гдѣ къ этому времени гуманистическія занятія пріобрѣли уже послѣдователей. Дѣятельность его, какъ ученаго и писателя была весьма разностороння, и кромѣ того, онъ является передъ нами какъ типическій представитель свѣтскаго гуманизма конца XV в. (онъ умеръ въ 1494 г.). По его представленію въ современной ему Флоренціи снова ожила и процвѣла греческая образованность, давно погибшая въ самой Греціи, такъ что самыя Аѳины могли бы пожелать оторваться отъ родной почвы и со всѣми плодами своего образованія переселиться во Флоренцію. Полиціано былъ равнодушенъ къ теологическимъ вопросамъ, и когда его однажды спросили, читалъ ли онъ св. писаніе, то онъ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что одинъ разъ занялся этимъ дѣломъ, но считаетъ потраченное на него время потеряннымъ.

Неоплатонизмъ, послужившій толчкомъ къ возникновенію въ Италіи цѣлаго мистико-пантеистическаго направленія, къ коему въ XVI в. могутъ быть причислены Кардано, Кампанелла, Ванини, Джіордано Бруно (сожженный въ Римѣ въ 1600 г.), и религіозный индифферентизмъ, заслуживавшій упрекъ въ паганизмѣ, были уже очень далеки отъ той точки зрѣнія, на которой стояли родоначальники гуманизма. Пет-

---

*) Reumont. Lorenzo di Medici.

**) Mähly. Angelus Politianus.

рарка былъ защитникомъ христіанства противъ скептическаго аверроизма, но тотъ же аверроистическій скептицизмъ проникъ и въ самое гуманистическое движеніе въ связи съ возрожденіемъ аристотелевой философіи. Это явленіе связано съ именемъ Помпонаццо, современника папы-гуманиста изъ фамиліи Медичи, Льва X. Помпонаццо по отношенію къ философіи Аристотеля былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Фичино для философіи Платона, продолжая въ то же время скептическую традицію аверроизма. Еще за два слишкомъ вѣка до Помпонаццо это направленіе имѣло приверженцевъ въ падуанскомъ университетѣ и около 1300 г. Петръ д'Абано въ духѣ ученія арабскаго раціоналиста составилъ трактатъ подъ заглавіемъ „Conciliator differentiarum philosophorum et medicorum". Не смотря на то, что аверроизмъ былъ встрѣченъ громаднымъ большинствомъ мыслящихъ людей несочувственно и между прочимъ вызвалъ полемику со стороны гуманистовъ, онъ продолжалъ жить въ Италіи и въ лицѣ Помпонаццо соединился съ гуманизмомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ, изъ коихъ отмѣтимъ трактатъ „De immortalitate animae" (1516), онъ развивалъ ту мысль, что у Аристотеля нѣтъ доказательствъ безсмертія души, что это—проблема, коей не можетъ рѣшить разумъ, что безсмертіе души изобрѣтено законодателями, дабы сдерживать народъ, и вмѣстѣ съ этимъ онъ проводилъ рѣзкую грань между философіей и теологіей, уча, что извѣстныя вещи бываютъ истинны теологически, но ложны съ философской точки зрѣнія. Какъ философъ, онъ отвергалъ безсмертіе души, въ которое считалъ нужнымъ вѣрить, какъ христіанинъ, и вопросъ этотъ онъ разбиралъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія, приводя аргументы pro и contra и какъ бы предоставляя самому читателю рѣшать вопросъ о томъ, какое же мнѣніе нужно считать истиннымъ.

Изъ исторіи итальянскаго гуманизма мы выхватили нѣсколько отдѣльныхъ личностей, которыя могутъ считаться представителями отдѣльныхъ поколѣній гуманистовъ съ конца XIV и до начала XVI вѣка. Этотъ обзоръ, конечно, не могъ

имѣть цѣлью познакомить со всѣми главными гуманистами и вполнѣ охарактеризовать дѣятельность каждаго изъ нихъ: это былъ только способъ представить, какъ происходило внутреннее развитіе итальянскаго гуманизма отъ его возникновенія до той поры, когда онъ имѣлъ уже крупныхъ представителей и внѣ Италіи. Нѣкоторые извѣстные гуманисты разсмотрѣнной эпохи, напримѣръ, Франческо Филельфо и Никколо Макіавелли были здѣсь умышленно опущены нами, такъ какъ о нихъ придется еще говорить въ иной связи, и кое-какія черты изъ жизни и дѣятельности тѣхъ, о коихъ шла уже рѣчь, равнымъ образомъ, не нашедшія мѣста здѣсь, будутъ изложены въ другой связи. Пока мы можемъ ограничиться тѣмъ общимъ выводомъ, что развитіе гуманизма въ Италіи въ XV вѣкѣ совершалось въ смыслѣ все большаго и большаго удаленія отъ средневѣковыхъ началъ: стоицизмъ, примирявшійся у первыхъ гуманистовъ съ христіанствомъ, смѣнялся эпикуреизмомъ (Лоренцо Валла), христіанская философія—неоплатонизмомъ и перипатетизмомъ (Марсилю Фичино и Помпонаццо), интересъ къ религіи—равнодушнымъ къ ней отношеніемъ (Поджіо, Полиціано), и все направленіе получало все болѣе и болѣе свѣтскій характеръ (Леонардо Бруни). Мы еще вернемся къ общей оцѣнкѣ гуманизма, а теперь перейдемъ къ общему очерку его распространенія въ другихъ странахъ.

XXX. Ренессансъ внѣ Италіи *).

Распространеніе Ренессанса. — Пути распространенія новаго образованія.— Различный характеръ Ренессанса въ разныхъ странахъ.—Нѣмецкій гума-

*) Вторая половина втораго тома книги Г. Фохта посвящена раннему распространенію классицизма внѣ Италіи. Geiger. Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland.—Hagen. Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter.—Janssen. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters.—Bursian. Geschichte der classischen Philologie in Deutsch-

низмъ.—Старшіе гуманисты и Эней Сильвій Пикколомини въ Германіи.— Нѣмецкіе университеты и эрфуртскій кружокъ. — Классическія увлеченія. — Рейхлинъ. — Эразмъ Роттердамскій. — Его литературныя произведенія.

Внѣ Италіи гуманизмъ нигдѣ и никогда не получалъ такого развитія, какъ на своей родинѣ и особенно въ XV вѣкѣ. Появившись въ другихъ странахъ и сдѣлавшись замѣтнымъ факторомъ культурной жизни много позднѣе, онъ и развивался здѣсь болѣе короткое время, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ такого громаднаго числа центровъ, какимъ обладалъ въ Италіи, такой массы дѣятелей и покровителей, какую выставило итальянское общество, не сосредоточивая на себѣ до такой степени умственные интересы интеллигенціи, какъ то было въ княжествахъ и республикахъ апеннинскаго полуострова, и не проникая съ такою силою въ самую жизнь, не охватывая такимъ всеобъемлющимъ образомъ отдѣльныхъ ея сферъ, какъ опять-таки тамъ, гдѣ онъ имѣлъ въ числѣ своихъ представителей и поклонниковъ—и папъ, и владѣтельныхъ князей и государственныхъ людей, и свѣтскую и духовную знать, и ученыхъ разныхъ спеціальностей, и литераторовъ, и поэтовъ, и публицистовъ. Тѣмъ не менѣе и въ другихъ странахъ онъ получилъ важное культурное значеніе и выставилъ нѣсколько первостепенныхъ именъ. — Та же склонность приписывать крупныя культурныя или соціальныя перемѣны внѣшнимъ событіямъ, которая выразилась въ объясненіи Возрожденія бѣгствомъ византійскихъ грековъ въ Италію,—создала довольно распространенное представленіе о томъ, будто культура итальянскаго Ренессанса обязана главнымъ образомъ такъ называемымъ итальянскимъ войнамъ конца XV и начала XVI вѣка своимъ распространеніемъ по западной Европѣ. Такое объясненіе, нашедшее мѣсто въ учебникахъ,

land (въ Мюнхенской коллекціи по исторіи наукъ въ Германіи). — Michelet. La renaissance.—Müntz. La renaissance en Italie et en France à l'époque de Charles VIII.—Egger. L'héllenisme en France.—J. Szujski. Odrodzenie i reformacya w Polsce.

принадлежитъ къ числу тѣхъ fables convenues, которыя весьма часто неизвѣстно какъ возникаютъ и продолжаютъ существовать, не смотря на то, что факты объясняются съ научной точки зрѣнія совершенно иначе. Однимъ изъ самыхъ раннихъ центровъ гуманизма, именно еще въ XIV вѣкѣ была папская курія въ Авиньонѣ, слѣдовательно внѣ Италіи, и среди сторонниковъ Петрарки были не одни итальянскіе, но и французскіе кардиналы. Примѣръ папской куріи, этого духовнаго центра западной Европы, не могъ не дѣйствовать на другія страны, а гуманизмъ именно здѣсь свилъ себѣ прочное гнѣздо. Великій расколъ и необходимость церковной реформы заставляли созывать извѣстные сборы первой половины XV вѣка, большіе съѣзды прелатовъ и ученыхъ людей, и на нихъ появляются уже гуманисты,—вспомнимъ, наприм., Поджіо,—рядомъ съ церковными реформаторами. Со вступленіемъ на папскій престолъ Томмазо Парентучелли подъ именемъ Николая V Римъ начинаетъ играть весьма видную роль въ исторіи гуманизма, какъ очень крупный его центръ въ Италіи, и гуманистическіе преемники Николая V, каковы Пій II (Эней Сильвій Пикколомини) во второй половинѣ XV в. и Левъ X Медичи въ первой четверти слѣдующаго столѣтія въ свою очередь могли гораздо болѣе содѣйствовать распространенію новаго образованія, чѣмъ какія бы то ни было войны. Флорентійскій соборъ, на который съѣхалось и много грековъ, равнымъ образомъ способствовалъ сближенію между собою ученыхъ разныхъ національностей. Съ другой стороны, итальянскіе гуманисты ѣздили иногда по Европѣ, а изобрѣтенное около середины XV в. книгопечатаніе сдѣлалось однимъ изъ весьма могучихъ средствъ распространенія классиковъ. Въ Италіи новое изобрѣтеніе привилось очень скоро, и при томъ почетѣ, въ какомъ находились классическіе авторы, съ нихъ и начали здѣсь книгопечатаніе. Нужно кстати замѣтить, что типографіи даже сдѣлались своего рода учеными учрежденіями, особенно издательская фирма Альдовъ въ Венеціи или Этьеновъ въ Парижѣ. Первая была старше, и сначала она глав-

нымъ образомъ снабжала книжный рынокъ изданіями греческихъ, латинскихъ и итальянскихъ авторовъ въ небольшихъ томикахъ и за дешевую цѣну: Венеція, благодаря Альду Старому, одна пустила въ оборотъ цѣлую четверть всего того, что тогда было напечатано, и если войны играли какую-либо роль въ этомъ дѣлѣ, то развѣ отрицательную, такъ какъ пріостанавливали типографскія работы. Изъ внѣитальянскихъ странъ Франція первая дала широкое развитіе тому же дѣлу, начавъ печатать вмѣстѣ съ латинскими греческія, а также и еврейскія книги. Въ XVI в. Парижъ былъ первымъ внѣитальянскимъ городомъ, въ которомъ изданіе классиковъ (ученая фирма Этьеновъ) достигло настоящаго процвѣтанія, такъ что парижскія изданія стали распространяться даже и въ самой Италіи. Вообще же въ эту эпоху Италія дѣлается модной страной, и изъ нея идетъ главнымъ образомъ вліяніе свѣтской культуры на разныя западно-европейскія страны: мы обнаруживаемъ это вліяніе и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и въ Польшѣ, и въ другихъ государствахъ.

Съ гуманизмомъ произошло то же самое, что случилось впослѣдствіи съ другими культурными явленіями, получившими общеевропейское значеніе, съ протестантизмомъ XVI в. и „просвѣщеніемъ“ XVIII вѣка, т. е. онъ пріобрѣталъ разный характеръ соотвѣтственно съ тѣмъ, что можно назвать духомъ того или другого народа, съ культурнымъ и соціальнымъ состояніемъ каждой отдѣльной страны въ данный періодъ. Вездѣ новое образованіе принималось сначала болѣе внѣшнимъ образомъ, такъ или иначе прилаживаясь къ старому міросозерцанію и только съ теченіемъ времени, какъ это случилось и въ Италіи, дѣлаясь выраженіемъ и органомъ совершенно новаго общественнаго настроенія. Въ этомъ отношеніи любопытна, напримѣръ, разница, существующая между ранними нѣмецкими гуманистами и нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые жили въ реформаціонную эпоху: для первыхъ древняя литература была чисто внѣшнимъ образовательнымъ средствомъ въ цѣляхъ,

имѣвшихъ большее или меньшее отношеніе къ религіи, богословію и церкви, тогда какъ у многихъ изъ послѣднихъ уже проявляется болѣе свѣтскій характеръ интереса къ классическимъ занятіямъ; одни стоятъ еще на средневѣковой точкѣ зрѣнія, мало проникаясь духомъ изучаемыхъ произведеній античнаго міра, другіе вырабатываютъ себѣ новое міросозерцаніе и въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ ищутъ отвѣтовъ на запросы своей мысли. Съ другой стороны, и взятый на протяженіи болѣе длиннаго періода времени, гуманизмъ у одного народа отличается отъ аналогичнаго явленія, когда мы наблюдаемъ его въ другой націи. Взять хотя бы польскій Ренессансъ въ сравненіи съ нѣмецкимъ: въ Германіи гуманизмъ былъ явленіемъ болѣе глубокимъ и серьезнымъ, чѣмъ у поляковъ, гдѣ его роль была болѣе внѣшняго свойства, общее значеніе—болѣе поверхностное, хотя, съ другой стороны, польское образованное общество, — а о немъ только и можетъ идти здѣсь рѣчь, — отличалось болѣе свѣтскимъ духомъ въ XVI вѣкѣ, когда въ обѣихъ странахъ происходила реформація, потому и принявшая въ одной странѣ болѣе мистическій, въ другой болѣе раціоналистическій характеръ. Болѣе тѣсная связь нѣмецкаго гуманизма съ религіозными стремленіями, выразившимися какъ въ самой реформаціи, такъ и во всемъ, что ее подготовляло, и составляетъ наиболѣе характерную черту въ исторіи новаго культурнаго направленія въ Германіи, хотя, повторяю, и здѣсь обнаружилось гуманистическое движеніе съ болѣе свѣтскимъ характеромъ. Среди итальянскихъ гуманистовъ можно указать развѣ на одного Лоренцо Валлу, который соединялъ съ гуманистическими занятіями богословскія, какъ это сплошь и рядомъ дѣлали представители новаго образованія въ Германіи, хотя весьма многіе изъ нихъ, а сначала положительно всѣ вовсе не могутъ идти въ сравненіе съ Валлой, какъ носителемъ извѣстнаго міросозерцанія и представителемъ извѣстныхъ умственныхъ стремленій. Къ свѣтскому Ренессансу Франція XVI вѣка была гораздо болѣе подготовлена, чѣмъ Германія, гдѣ общее направленіе культуры въ

сущности было враждебно итальянскому гуманизму, какъ онъ обрисовался къ началу распространенія классическихъ знаній среди нѣмцевъ: недаромъ въ нѣмецкихъ гуманистахъ первыхъ генерацій съ особою силою проявляется нелюбовь къ итальянцамъ вмѣстѣ съ сильнымъ національнымъ патріотизмомъ, благодаря чему, гуманизмъ принимаетъ здѣсь болѣе оригинальный характеръ, нежели гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Наоборотъ, Франція довольно легко подчиняется итальянскому вліянію, и если есть доля истины въ воззрѣніи, приписывающемъ распространеніе Ренессанса итальянскимъ войнамъ, то развѣ только въ томъ отношеніи, что французскіе короли (Карлъ VIII, Людовикъ XII и Францискъ I) и дворяне, побывавъ въ Италіи, пожелали и у себя на родинѣ завести ту же обстановку, какая поразила ихъ въ Италіи, но это уже относится къ иному кругу явленій, нежели тотъ, которымъ мы заняты, разсматривая культурный переворотъ, отдѣляющій новое время отъ среднихъ вѣковъ. Гораздо важнѣе общій подъемъ культурной жизни, какимъ характеризуется во Франціи время Франциска I (1515—1547), позволяющее говорить о французскомъ Ренессансѣ, какъ совокупности новыхъ явленій въ области литературы, науки, искусства. Въ сравненіи съ нѣмецкимъ гуманизмомъ на задній планъ отступаетъ и Возрожденіе въ Англіи, гдѣ и литература, и жизнь высшаго общества, особенно въ царствованіе Елизаветы (1558—1603) находились подъ сильнымъ вліяніемъ итальянскихъ образцовъ, хотя, собственно говоря, вліяніе это началось раньше, и здѣсь можно указать на Колета, подобно нѣмецкимъ гуманистамъ, бывшаго и классикомъ, и своего рода предшественникомъ религіозной реформаціи, или на Томаса Мора, одного изъ наиболѣе крупныхъ гуманистическихъ дѣятелей первой половины XVI вѣка. Во всякомъ случаѣ все, что внѣ Италіи было произведено гуманизмомъ болѣе выдающагося, болѣе замѣчательнаго, относится уже къ началу XVI вѣка,—что и подало поводъ говорить о вліяніи итальянскихъ войнъ на основаніи разсужденія, построеннаго по

формулѣ post hoc ergo propter hoc,—и если гдѣ искать наиболѣе оригинальныхъ проявленій Ренессанса въ эту эпоху, то именно въ Германіи, хотя и нѣкоторыя лица и нѣкоторыя событія, входящія въ исторію нѣмецкаго гуманизма,—имѣемъ въ виду преимущественно Ульриха фонъ-Гуттена и такъ называемый рейхлиновскій споръ,—съ бóльшимъ удобствомъ должны быть разсмотрѣны не въ этомъ краткомъ очеркѣ Возрожденія, а въ болѣе тѣсной связи съ исторіей нѣмецкой реформаціи.

Отличая гуманизмъ отъ классицизма, какъ внутреннее содержаніе отъ внѣшней оболочки, мы, говоря о раннихъ представителяхъ новаго образованія въ Германіи, скорѣе должны были бы обозначать ихъ, какъ людей, цѣнившихъ изученіе классиковъ въ качествѣ образовательнаго средства, цѣли же, коими они руководились, заключались не въ выработкѣ новаго міросозерцанія, а въ улучшеніи духовнаго просвѣщенія и церковной жизни. Первоначальнымъ пріютомъ возрождавшагося классицизма были здѣсь школы такъ называемыхъ „братьевъ общей жизни“ (fratres vitae communis), благочестиваго общества, основаннаго Гергартомъ де Гротомъ изъ Девентера (род. 1340) и игравшаго въ концѣ среднихъ вѣковъ роль въ исторіи религіознаго просвѣщенія въ Германіи,—роль, о коей будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Братство, состоявшее изъ людей, которые вели почти монашескую жизнь, не давая безповоротныхъ аскетическихъ обѣтовъ, ставило своею задачею содѣйствіе образованію въ духѣ религіи посредствомъ переписки книгъ и обученія юношества, и въ планъ ихъ школьной реформы входило усиленіе классическихъ занятій, какъ средства подготовить для церкви лучшихъ служителей и чадъ. Весьма естественно, что у нихъ отношеніе къ классикамъ, изученіе коихъ сдѣлалось болѣе основательнымъ, чѣмъ прежде, по духу мало чѣмъ отличалось отъ средневѣковаго. Это зарожденіе гуманистическихъ занятій въ братствѣ, сдѣлавшемся вмѣстѣ съ тѣмъ пріютомъ мистицизма, и наложило свою печать на весь нѣмецкій гуманизмъ, какъ на противоположность

во многихъ отношеніяхъ гуманизму итальянскому. Понятное дѣло, что новое направленіе не могло развиваться въ Германіи безъ всякаго отношенія къ итальянскому Ренессансу. Съ одной стороны, въ Италію стали ѣздить за наукой сами нѣмцы, съ другой— въ Германіи появлялись итальянцы, содѣйствовавшіе распространенію гуманистическихъ занятій. Къ числу людей, вышедшихъ изъ среды упомянутаго религіознаго братства и отправлявшихся въ Италію учиться, нужно отнести Николая Кузанскаго и Іоанна Весселя, двухъ ученыхъ, имѣющихъ, какъ мы увидимъ, гораздо болѣе отношенія къ исторіи церкви и богословія, нежели чисто свѣтскаго образованія,—а также и нѣкоторыхъ другихъ въ родѣ Рудольфа Агриколы (1443—1485), одного изъ первыхъ гуманистовъ, мечтавшаго о томъ, чтобы смыть съ Германіи пятно варварства и сбить спѣсь съ Италіи, которая слишкомъ кичилась первенствомъ своего краснорѣчія, для чего нужно было сдѣлать Германію болѣе латинской, чѣмъ самъ Лаціумъ. Изъ итальянцевъ, дѣйствовавшихъ на Германію, слѣдуетъ отмѣтить Энея Сильвія Пикколомини *), бывшаго впослѣдствіи папой (Пій II). Въ качествѣ секретаря одного кардинала онъ пріѣхалъ въ Базель на соборъ, примкнулъ къ антипапской партіи, сдѣлался секретаремъ собора, а потомъ и папской (Феликса V) канцеляріи. Плодовитый писатель, оставившій много сочиненій, важныхъ для исторіи эпохи, легко переходившій съ одной точки зрѣнія на другую, онъ въ концѣ собора, находясь уже на службѣ у императора Фридриха III (съ 1445 г.), оказалъ весьма большія услуги папству при заключеніи конкордата съ императоромъ. Эней Сильвій весьма много содѣйствовалъ распространенію въ Германіи классическаго образованія, дѣйствуя въ этомъ отношеніи, наприм., въ одномъ же направленіи съ своимъ противникомъ въ вопросахъ церковной политики, Григоріемъ фонъ Геймбургомъ **), защищавшимъ права и достоинства нѣмецкой націи. Этотъ нѣмецкій дѣятель тогдашняго классицизма можетъ служить

*) P. Ioachimsohn. Gregor Heimburg.

**) G. Voigt. Enea Silvio de' Piccolomini, als Papst Pius II, und sein Zeitalter.

образцомъ тѣхъ старшихъ германскихъ гуманистовъ, у которыхъ занятія классиками соединялись не только съ религіозными интересами, но и съ сильнымъ національнымъ патріотизмомъ, выражавшемся въ нерасположеніи къ куріи и вообще къ итальянцамъ. Можно даже сказать именно, что Возрожденіе въ Германіи настолько же характеризуется религіозностью и національнымъ, насколько Ренессансъ итальянскій— индифферентизмомъ и космополитизмомъ, — разумѣется, съ разными оговорками и исключеніями. Такимъ же защитникомъ нѣмецкихъ національныхъ интересовъ является, напр., и Яковъ Вимфелингъ (1450—1528), проповѣдникъ и профессоръ, богословъ и классикъ, написавшій по порученію императора Максимиліана сочиненіе въ защиту нѣмецкой націи отъ папской куріи *). Наконецъ, въ Германіи представители новаго образованія, составляя литературныя общества (sodalitates litterariae), умножившіяся къ началу XVI в. въ разныхъ мѣстахъ, не стояли въ такихъ же отношеніяхъ къ придворному меценатству, какія составляютъ одну ихъ характерныхъ чертъ внѣшняго положенія итальянскихъ гуманистовъ. Между прочимъ новое направленіе нашло въ Германіи доступъ къ университетской жизни, хотя и не безъ борьбы съ схоластикой. Въ то время, напр., какъ кельнскій университетъ оставался оплотомъ стараго образованія, другіе дѣлались центрами классицизма, причемъ нерѣдко учащаяся молодежь шла далѣе своихъ наставниковъ, которые на первыхъ особенно порахъ стремились примирять традиціонную схоластику съ занятіями въ гуманистическомъ духѣ. Многіе изъ нѣмецкихъ гуманистовъ занимали профессорскія каѳедры или дѣйствовали на университетское студенчество иными путями. Однимъ изъ такихъ центровъ сдѣлался Гейдельбергъ, благодаря дѣятельности Агриколы, но наиболѣе замѣчателенъ въ первыя десятилѣтія XVI вѣка, эрфуртскій университетъ **), основанный въ эпоху великаго раскола, обнаруживавшій въ свое время нѣкоторое

*) Wiskowatoff. Wimpheling.
**) Kampschulte. Geschichte der Universität Erfurt.

сочувствіе Гусу и никогда не знавшій особаго процвѣтанія схоластики. Здѣсь именно образовался цѣлый гуманистическій кружокъ, весьма характерный по своимъ классическимъ увлеченіямъ и своему свѣтскому духу, кружокъ, къ которому принадлежалъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и изъ котораго вышли знаменитыя „Письма темныхъ людей". Молодые гуманисты, противополагавшіеся представителямъ схоластики, какъ „поэты"—„софистамъ", были принципіальными противниками схоластики и аскетизма, защищая принципъ жизни сообразной съ природою, и группировались около готскаго каноника Конрада Мута (Конрадъ Муціанъ Руфъ), человѣка съ весьма неправовѣрными взглядами на христіанство, которыя онъ высказывалъ, впрочемъ, только въ частной своей перепискѣ. Интересъ къ гуманистическимъ занятіямъ переносился изъ одного университета въ другой; въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ Конрадъ Цельтесъ (род. 1459 г.), гуманистъ, поэтъ и сатирикъ, побывавшій въ Италіи и проведшій свою жизнь въ скитаніи по разнымъ городамъ, въ коихъ онъ читалъ лекціи, привлекая на нихъ массу слушателей и даже уводя за собою изъ одного университета въ другой лучшихъ студентовъ, будущихъ распространителей новаго образованія. Къ началу XVI вѣка въ нѣмецкихъ классикахъ все болѣе и болѣе открывается настоящихъ гуманистическихъ чертъ и сильнѣе сказывается итальянское вліяніе, хотя ему и не удалось побѣдить другое теченіе, находившееся въ бóльшемъ соотвѣтствіи съ нѣмецкимъ національнымъ духомъ и культурнымъ состояніемъ Германіи.

Увлеченіе классицизмомъ, характеризующее нѣмецкихъ дѣятелей Возрожденія, а также и Реформаціи, именно поколѣнія, которое принадлежитъ уже началу XVI вѣка, проявилось, наприм., въ ихъ страсти латинизировать или грецизировать свои варварскія имена. Иногда просто переводили нѣмецкую фамилію на одинъ изъ древнихъ языковъ, иногда прибѣгали къ болѣе замысловатымъ способамъ, какъ это было сдѣлано съ фамиліями гуманистическаго дѣятеля реформаціи

Шварцерта, превратившагося (чрезъ Шварцерде) въ Меланхтона, или базельскаго реформатора Геусгена, сдѣлавшагося (при посредствѣ Geussgen-Hausschein) Эколампадіемъ, но своего рода образцомъ такихъ передѣлокъ была метаморфоза Іоанна Іегера изъ Дорнгейма сначала въ Iohannes Dorhneim Venatorius, а потомъ въ Iohánnes Crotus Rubianus, ибо Iäger, т. е. охотникъ есть стрѣлокъ, а стрѣлокъ, какъ знакъ Зодіака, былъ сынъ Пана, называвшійся Кротомъ и жившій на Геликонѣ, дорогомъ каждому служителю музъ, тогда какъ Dorn принадлежитъ къ числу колючихъ растеній, къ коимъ относится и rubus, что и позволило Dornheim замѣнить Рубіаномъ. (Этотъ Рубіанъ былъ членомъ эрфуртскаго кружка, былъ другомъ Ульриха фонъ-Гуттена и принадлежалъ къ числу авторовъ „Писемъ темныхъ людей“). Вотъ почему мы встрѣчаемся въ исторіи Германіи этой эпохи съ нѣмецкими фамиліями въ родѣ того-же Агриколы (Гусмана), особенно въ XVI вѣкѣ, каковы Спалатинъ (Георгъ Буркгардтъ изъ Spält'a), Rhagius Aesticampianus (Ракъ изъ Зоммерфельда), Меланхтонъ, Эколампадій, да и Рейхлинъ былъ извѣстенъ у гуманистовъ подъ именемъ Капніона, даннымъ ему въ Венеціи (въ томъ предположеніи, что его фамилія происходитъ отъ слова Rauch=дымъ=καπνός, что дало врагамъ Рейхлина поводъ обзывать его въ насмѣшку Fumulus). Во всякомъ случаѣ въ тѣ два-три десятилѣтія, которыя предшествуютъ началу реформаціоннаго движенія въ Германіи, классицизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ этой странѣ, и нѣкоторые нѣмецкіе гуманисты (Эразмъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ до начала реформаціи и др.) подобно итальянскимъ классикамъ, пренебрегавшимъ родною рѣчью, писали свои произведенія по латыни, подражая классическимъ литературнымъ формамъ и вводя античные элемены въ содержаніе своихъ произведеній,

Свѣтилами нѣмецкаго гуманизма, двумя очами Германіи (duo Germaniae oculi), выражаясь словами Ульриха фонъ-Гуттена, были Рейхлинъ (1455—1522) и Эразмъ Роттердамскій (1467—1536), достигшіе большой славы и большого вліянія въ годы, непосредственно предшествующіе началу реформаціи.

Рейхлинъ *), сынъ почтальона, благодаря своему голосу попавшій въ придворные пѣвчіе и товарищи по ученію къ сыну маркграфа баденскаго, учился въ Парижѣ, Орлеанѣ и Италіи, куда онъ ѣздилъ сначала въ свитѣ герцога вюртембергскаго Эбергарда бородатаго, а потомъ по другимъ поводамъ и гдѣ онъ заводилъ связи съ гуманистами. На родинѣ онъ то профессорствовалъ, то жилъ при княжескомъ дворѣ (курфюрста пфальцкаго), то занималъ важную судейскую должность, предаваясь любимымъ своимъ занятіямъ филологическаго характера. Имя Рейхлина особенно знаменито въ исторіи науки, а въ общей исторіи—по той борьбѣ, которая происходила изъ-за него между гуманистами и представителями старины во второмъ десятилѣтіи XVI вѣка. Рейхлинъ былъ знатокомъ языковъ латинскаго, греческаго и еврейскаго, важность коего чувствовалась богословами, получавшими новое образованіе,—и его за это прозвали трехъязычнымъ чудомъ (trilingue miraculum). Своими изданіями и переводами классиковъ, грамматическими и лексическими руководствами (Micropaedia, sive grammatica graeca, 1478, Breviloquus sive dictionarium singulas voces latinas breviter explicans, 1478, Rudimenta hebraica, 1506), онъ значительно облегчалъ изученіе древнихъ языковъ, въ томъ числѣ и еврейскаго, и по его имени названо извѣстное произношеніе греческаго языка (итацизмъ), заимствованное имъ у новогрековъ (въ противоположность къ другому произношенію—эразмову). Съ классическими занятіями Рейхлинъ соединялъ богословскія, навлекшія на него подозрѣніе въ ереси, да и въ дѣйствительности въ этой области онъ работалъ, какъ мистикъ съ наклонностью къ религіозному синкретизму. Изданныя имъ въ 1512 г. семь покаянныхъ псалмовъ были первою вещью, напечатанною по еврейски въ Германіи, а сравненіе Вульгаты съ еврейскимъ текстомъ ветхозавѣтныхъ книгъ привело его къ обнаруженію разныхъ погрѣшностей въ латинскомъ переводѣ, а чрезъ то къ столкновенію съ духовенствомъ, мо-

*) Geiger. Reuchlin.

нахами и схоластиками. Въ сущности послѣдніе не были неправы, обвиняя Рейхлина въ ереси. На самое изученіе еврейскихъ книгъ онъ былъ наведенъ своимъ настроеніемъ, родственнымъ тому, какое было у Пико делла Мирандолы, и изучая еврейскую каббалу, онъ посвящалъ тайному знанію особые трактаты. (De verbo mirifico, 1494. De arte cabbalistica, 1517). Этою стороною своей дѣятельности Рейхлинъ соприкасается съ тѣмъ философскимъ движеніемъ въ Италіи, которое было представлено неоплатониками, но если считать наиболѣе характернымъ признакомъ гуманизма раціонализмъ, соединенный съ свѣтскими интересами, то гораздо больше правъ на названіе представителя гуманизма имѣетъ Эразмъ Роттердамскій, соединявшій, впрочемъ, съ своими свѣтскими занятіями и богословскія, внося, однако, въ послѣднія духъ новаго образованія и выступая, какъ противникъ схоластики и монашества. *)

Если въ комъ искать среди гуманистовъ проявленія индивидуализма, составляющаго основную черту гуманистическихъ стремленій, то однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей развитаго личнаго начала въ области духовной культуры будетъ всегда признаваться Эразмъ Роттердамскій.

Эразмъ былъ родомъ изъ Голландіи, но онъ такъ много путешествовалъ и проживалъ столь долго въ разныхъ странахъ— въ Германіи и Швейцаріи, во Франціи и Англіи, а также и въ Италіи, куда тянуло каждаго гуманиста: какъ это обстоятельство, такъ особенно и выдающееся положеніе Еразма среди гуманистовъ всѣхъ народовъ, его литературная слава, его индивидуалистическій космополитизмъ, позволявшій ему давать такую постановку всѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касался, что въ его къ нимъ отношеніи не было ничего такого, что могло бы спеціально интересовать только одну какую-либо націю, — все это дѣлало изъ Эразма человѣка, возвышавшагося надъ національными рамками и представлявшаго

*) Durant de Laur. Erasme, précurseur et initiateur d'esprit moderne.—Feugère. Erasme. Étude sur sa vie et ses oeuvres.

собою извѣстные умственные и общественные интересы всей западной Европы. Такому его положенію соотвѣтствовалъ и тотъ почетъ, какой ему оказывали и сильные міра въ разныхъ странахъ, и разноплеменные гуманисты, и тотъ пріемъ, какой встрѣчали его сочиненія, написанныя легкимъ стилемъ, съ большимъ остроуміемъ и о вещахъ, способныхъ заинтересовать всякаго образованнаго человѣка. Со славою первостепеннаго гуманиста онъ соединялъ и извѣстность богослова, основанную на его многочисленныхъ трудахъ по изданіямъ, переводамъ и комментированію священныхъ книгъ,—сторона дѣятельности Эразма, которой мы еще коснемся въ другомъ мѣстѣ. У Эразма высокопоставленные современники положительно заискивали, дѣлали ему заманчивыя приглашенія, вступали съ нимъ въ переписку, въ то самое время, какъ его сочиненія не только страшно читались, но и переводились на другіе языки. Чтобы дать понятіе о необыкновенной его популярности, достаточно указать на два факта: когда вышла въ свѣтъ (1510 г.) «Похвала Глупости», достаточно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы расхватали семь изданій этой знаменитой сатиры, а осужденіе Сорбонною эразмовыхъ «Colloquia» не помѣшало,—если только прямо тому не содѣйствовало,—издателю выпустить 25 изданій этой книги.

Обстоятельства жизни сдѣлали изъ Эразма врага монашества. Отецъ его былъ клирикъ по принужденію, разлученный съ своею возлюбленною, матерью Эразма, и онъ остался круглымъ сиротой по смерти своихъ родителей. Мальчикомъ онъ былъ упрятанъ своими опекунами въ монастырь послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ вкусить гуманистической науки въ Девентерѣ. Монахи склоняли его принять посвященіе, но онъ упорно отказывался; оставивъ этотъ монастырь, онъ весьма скоро попалъ послѣ этого въ другой, и въ общей сложности онъ провелъ въ монастыряхъ около восьми лѣтъ и, какъ очевидецъ, хорошо изучилъ ихъ бытъ. Затѣмъ онъ попалъ на время въ Парижъ, гдѣ учился, страшно бѣдствуя, а оттуда въ Лондонъ: въ обоихъ этихъ городахъ онъ сближался

съ гуманистами. Первый обширный трудъ Эразма вышелъ въ свѣтъ въ 1500 г.: это были „Adagia“, книга знаменитыхъ изреченій съ собственными его комментаріями, громадный сборникъ отдѣльныхъ мыслей, взятыхъ у разныхъ классиковъ, остроумныхъ разсужденій самого Эразма, сатирическихъ эпизодовъ, въ коихъ онъ проявилъ свою тонкую наблюдательность, живое отношеніе къ современности, большую изобрѣтательность и свою скептическую иронію вмѣстѣ съ громадною начитанностью въ древнихъ писателяхъ и умѣніемъ пользоваться ихъ литературнымъ наслѣдіемъ для выраженія собственнаго оригинальнаго міросозерцанія. „Adagia“ сразу сдѣлали Эразма перворазрядною знаменитостью, такъ что, когда онъ вскорѣ послѣ этого поѣхалъ въ Италію, а потомъ въ Англію, то встрѣтилъ почетный пріемъ и со стороны папы, и со стороны англійскаго короля Генриха VIII. Къ этому времени относится „Похвала Глупости“, *) главное сатирическое произведеніе не только самого Эразма, но и всей эпохи. Эразмъ былъ большой почитатель Лукіана Самосатскаго, называемаго Вольтеромъ II вѣка нашей эры, да и самому ему въ высшей степени давалась легкая манера и остроуміе этого греческаго писателя. Настоящее заглавіе сатиры Μωρίας ἐγκώμιον: Морія, т. е. глупость, или вѣрнѣе нелѣпость произноситъ сама себѣ панегирикъ, изображая себя владычицей міра, что даетъ Эразму возможность выразить въ сатирической формѣ свое отношеніе къ современности; намъ еще придется вернуться къ этому произведенію знаменитаго гуманиста. Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣдовали его „Разговоры“ (Colloquia) въ томъ же остроумномъ и насмѣшливомъ родѣ сатирической публицистики, но это было уже въ реформаціонную эпоху, когда между нимъ и энергичнымъ Лютеромъ произошло непріятное для гуманиста столкновеніе. Эразмъ является вообще принципіальнымъ противникомъ средневѣковой культуры. Въ „Adagia'хъ“ онъ называетъ всю эпоху,

*) Есть рус. пер. проф. А. И. Кирпичникова.

когда классическая древность была въ забвенiи, временами мрака, невѣжества и софистики. „Пусть, писалъ онъ, напр., пусть мнѣ назовутъ доминиканца или кордельера, котораго можно было бы сравнить съ Фокiономъ или Аристидомъ“. „Vix mihi tempero, признается онъ еще, quin dicam: Sancte Socrates, ora pro nobis“. Но увлекаясь античною образованностью, Эразмъ вооружался противъ возстановленiя язычества, которое ему видѣлось въ итальянскомъ гуманизмѣ, и онъ съумѣлъ осмѣять въ своемъ „Цицеронiанцѣ“ завзятыхъ классиковъ, педантически покланявшихся стилю римскаго оратора. Вотъ одна его остроумная шутка: Decem jam annos aetatem trivi in Cicerone, восклицаетъ подобный цицеронiанецъ, а эхо ему отвѣчаетъ, передавая мысль самого Эразма: ὄνε! (ослъ)!

Та общеевропейская слава, какой достигъ Эразмъ, соединявшiй въ себѣ самыя характерныя черты гуманизма, популярность его сочиненiй и появленiе множества представителей новаго образованiя во всѣхъ главныхъ западно-европейскихъ странахъ на рубежѣ XV и XVI вв. указываетъ на то, что къ этому времени культурное движенiе, зародившееся полутора вѣками ранѣе въ Италiи сдѣлалось замѣтнымъ историческимъ факторомъ и внѣ Италiи, вышедши изъ тѣсной сферы школъ, ученыхъ кабинетовъ и библiотекъ на болѣе широкую арену общественной жизни, и рейхлиновскiй споръ, начавшiйся вслѣдъ за появленiемъ „Похвалы Глупости“ и принявшiй размѣры цѣлаго событiя, только указываетъ на то, что въ борьбѣ гуманистовъ съ схоластиками шла борьба между отжившею средневѣковою образованностью и просвѣщенiемъ новаго времени.

XXXI. Гуманистическая мораль.

Разныя проявленiя индивидуализма.—Скептицизмъ и критицизмъ эпохи.—Общiе признаки бóльшаго индивидуальнаго развитiя.—Соцiальная сторона Ренессанса.—Подрывъ аскетическаго идеала.—Рабле.—Недостатки

гуманистической морали.—Крайности индивидуализма. — Демократизмъ гуманистовъ.—Ихъ соціальный индифферентизмъ.—Филельфо, какъ отрицательный типъ гуманиста.

Новый духъ, выразившійся въ гуманизмѣ, созданное имъ направленіе, которое все болѣе и болѣе сознавало свою противоположность со средневѣковымъ міросозерцаніемъ, возродившееся изученіе классической древности, заключавшей въ себѣ богатый матеріалъ для работы мысли, и все это въ связи съ развивавшимся индивидуализмомъ, съ первыми шагами раціонализма, характеризующаго наиболѣе вѣрныхъ выразителей основной черты всего движенія, и съ безсознательною или сознательною секуляризаціей,—вотъ въ чемъ заключается культурное значеніе Возрожденія. Проходитъ длинная эпоха, прежде нежели философы, промѣнявшіе схоластическіе авторитеты среднихъ вѣковъ на человѣческіе авторитеты Платона и Аристотеля, начали мыслить въ философіи вполнѣ самостоятельно, но и сама новая философія, отцомъ которой былъ Декартъ, родившійся уже въ самомъ концѣ XVI в. (1596), имѣла исходнымъ своимъ пунктомъ крайне индивидуалистическое разсужденіе: Декартъ, какъ извѣстно, допускалъ сомнѣніе въ существованіи внѣшняго міра, въ существованіи Бога, но находилъ, что есть нѣчто такое, что не можетъ быть принято ни за призракъ, ни за предразсудокъ, именно существованіе самого сомнѣвающагося Я, откуда его знаменитое cogito ergo sum. Гуманизмъ былъ лишь однимъ изъ продуктовъ этого индивидуализма новаго времени, создававшійся, впрочемъ, и при участіи другихъ факторовъ, равно какъ тотъ же индивидуализмъ находилъ и другія проявленія, создавалъ иныя формы, сдѣлавшись, наприм., въ области религіи основою мистицизма, опиравшагося на личное чувство, основою протестантизма съ его ученіемъ объ оправданіи посредствомъ личной вѣры и съ его личнымъ разумѣніемъ св. писанія, позднѣе основою свободы индивидуальной совѣсти. Тотъ же инди-

видуализмъ, такъ сказать, извѣрившійся во внѣшнихъ критеріяхъ истины, но не нашедшій никакого внутренняго критерія, выразился и въ томъ скептицизмѣ, который составляетъ весьма замѣтную струю въ свѣтскомъ гуманизмѣ какъ въ самой Италіи, такъ и внѣ ея. Культурные факты, составлявшіе предметъ предыдущаго изложенія, а еще болѣе тѣ, къ разсмотрѣнію коихъ намъ еще предстоитъ перейти, конечно, не даютъ ни малѣйшаго права на то, чтобы причислять скептицизмъ къ главнымъ и основнымъ чертамъ Ренессанса. Но равнымъ образомъ нельзя было-бы и отрицать его существованія въ эту эпоху: стоитъ только вспомнить аверроизмъ и Помпонацци, чтобы уже не выходить изъ предѣловъ Италіи. Отъ скептицизма, далѣе, нужно отличать критицизмъ, съ коимъ его напрасно смѣшиваютъ, критицизмъ же и составляетъ наиболѣе характерную особенность гуманистической эпохи. Старая культура теряетъ свою прежнюю авторитетность, подвергается критикѣ съ какихъ-бы то ни было точекъ зрѣнія, но во всякомъ случаѣ съ точекъ зрѣнія, являющихся новыми по отношенію къ тѣмъ, на коихъ держались прежніе авторитеты: въ этомъ заключалась разрушительная, отрицательная сторона духовной и общественной работы въ то самое время, какъ выработка новаго міросозерцанія, новыхъ нравственныхъ принциповъ и новыхъ формъ общественной жизни не могла обходиться безъ того, чтобы не дѣлать заимствованій изъ еще державшихся традицій или изъ традицій позабытыхъ и возобновленныхъ, каковы были античная цивилизація или христіанство первыхъ вѣковъ. Индивидуальныя особенности и историческое положеніе дѣятелей Ренессанса обусловливаютъ бо́льшую или, наоборотъ, меньшую принадлежность каждаго изъ нихъ въ отдѣльности къ той или другой категоріи—безсознательныхъ и сознательныхъ разрушителей старины, такихъ-же безсознательныхъ и сознательныхъ новаторовъ, людей болѣе рѣзко понимающихъ разницу между старымъ и новымъ и, наоборотъ,

болѣе склонныхъ къ примирительнымъ попыткамъ и компромиссамъ, людей, сильнѣе отрывавшихся отъ спиритуалистической основы средневѣковаго міросозерцанія и, напротивъ того, крѣпко за нее державшихся, хотя бы и съ значительными видоизмѣненіями. Во всякомъ случаѣ культурная жизнь около 1500 г. отличается бóльшимъ богатствомъ содержанія, бóльшимъ разнообразіемъ направленій, бóльшею сложностью отношеній, чѣмъ за два вѣка передъ тѣмъ, а это было заразъ и слѣдствіемъ, и причиною бóльшаго индивидуальнаго развитія, заразъ причиною и слѣдствіемъ, такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ взаимодѣйствіемъ личности и культурной среды: болѣе развитая личность больше вноситъ своего—индивидуальнаго и оригинальнаго—въ общую сокровищницу идей и знаній, обогащая ее новымъ матеріаломъ, создавая въ ней новые отдѣлы, комбинируя новымъ образомъ элементы ея прежняго содержанія, а отъ болѣе содержательной, разнообразной и сложной культуры, въ коей существуетъ болѣе богатый запасъ знаній, идей, воззрѣній, идеаловъ, часто сталкивающихся между собою враждебно и наводящихъ на мысль о новыхъ комбинаціяхъ, выигрываетъ индивидуальное развитіе, выигрываютъ критическія и творческія силы личности, выигрываетъ, наконецъ, общество, получающее людей, которые оказываются болѣе способными производить разнообразную работу, требуемую развитою соціальною жизнью. Совокупность культурныхъ явленій, обозначаемая растяжимымъ и невполнѣ точнымъ названіемъ Возрожденія, несомнѣннѣйшимъ образомъ содѣйствовала индивидуальному развитію: одно появленіе крупныхъ личностей на разныхъ поприщахъ научной, литературной и художественной дѣятельности,—благодаря чему образованность дѣлаетъ гигантскіе шаги впередъ во всей Европѣ около 1500 года,—свидѣтельствуетъ о томъ, какъ общія соціальныя условія и новая умственная культура способствовали вызову на историческую сцену индивидуальныхъ силъ, вопервыхъ, для работы

надъ разрушеніемъ стараго, самого по себѣ приходившаго въ упадокъ, вовторыхъ, для болѣе трудной еще работы—созиданія новыхъ формъ и отношеній.

Параллельное развитіе личности и культуры, эти двѣ эволюціи, находящіяся между собою во взаимодѣйствіи, дѣлаютъ весьма быстрые успѣхи, и это, конечно, не можетъ пройти безслѣдно для соціальной стороны исторіи, какъ въ свою очередь только на извѣстной ступени общественнаго развитія, при существованіи подходящаго соціальнаго класса, при достаточномъ экономическомъ обезпеченіи, откуда бы послѣднее не получалось—изъ собственныхъ ли средствъ культурнаго слоя, или изъ кармана меценатовъ, словомъ—лишь при благопріятнымъ образомъ сложившихся условіяхъ общественнаго быта лишь и возможны были какъ это личное развитіе, такъ и это развитіе образованія. Духовная культура и соціальная структура, имѣя каждая свое особое бытіе, не моугтъ существовать совершенно отдѣльно одна отъ другой, не находиться между собою во взаимодѣйствіи, и самое выдѣленіе изъ массы—развитыхъ личностей, перестающихъ жить ея традиціями, и образованіе свѣтскаго культурнаго класса съ особыми духовными стремленіями и интересами есть уже фактъ соціальной важности, такъ какъ имъ вносится нѣчто новое въ прежнія отношенія между отдѣльными людьми и общественными классами. Въ данномъ случаѣ мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ двумя явленіями, составляющими слабую сторону Ренессанса, особенно въ Италіи, гдѣ раньше, рѣзче, полнѣе и многостороннѣе проявились всѣ его основныя черты, а эти два явленія относятся одно къ моральной сферѣ, другое—къ соціальной: я разумѣю именно эгоистическій оттѣнокъ индивидуализма, нерѣдко граничащаго съ полнымъ отсутствіемъ альтруистическихъ чувствъ и съ общественнымъ индифферентизмомъ, и чисто аристократическій (хотя и не въ сословномъ смыслѣ) характеръ

гуманистической образованности. Вотъ эти два явленія и подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію, причемъ мы должны будемъ коснуться и другой стороны дѣла, имѣющей болѣе положительное значеніе.

Средневѣковой аскетизмъ въ исторіи христіанства, какъ религіи, требующей прежде всего любви къ ближнему, былъ проявленіемъ не этой любви, а себялюбивой заботы о личномъ спасеніи, коему, какія бы ни было земныя привязанности могли только мѣшать. Гуманизмъ возстановлялъ личныя права, отрицавшіяся аскетическимъ идеаломъ, но и онъ въ лицѣ первыхъ своихъ представителей поставилъ вопросъ о морали, къ коему сводилась вся его первоначальная философія, опять на почву личнаго же блага. „Стоицизмъ" Петрарки и его ближайшихъ преемниковъ и „эпикуреизмъ" Лоренцо Валлы и позднѣйшихъ гуманистовъ мало чѣмъ въ этомъ отношеніи отличались отъ эгоистическаго аскетизма, пріучавшаго человѣка думать только о томъ, какъ бы прежде всего спасти свою грѣшную душу въ этой юдоли грѣха и печали. Поэтому въ гуманистическомъ индивидуализмѣ мы должны отличать двѣ стороны, положительную и отрицательную: положительная, это — утвержденіе правъ личности, отвергавшихся средневѣковымъ міросозерцаніемъ; отрицательная, это—возведеніе въ единый принципъ морали своего личнаго Я. Неразличеніе этихъ двухъ сторонъ вообще въ индивидуализмѣ, и въ частности въ гуманистическомъ приводитъ къ сбивчивымъ и противорѣчивымъ сужденіямъ не только о гуманистахъ, но и объ основной роли индивидуализма, привѣтствуемаго одними, видящими главнымъ образомъ или даже исключительно его положительную сторону, между тѣмъ какъ другіе, подразумѣвая подъ нимъ лишь отрицательную его сторону—эгоизмъ и соціальный индифферентизмъ, разсматриваютъ его, какъ явленіе отрицательное.

Самымъ важнымъ результатомъ гуманистическаго движенія въ области морали было разрушеніе аскетическаго взгляда на жизнь и монашескаго идеала: основными чертами гуманизма были

индивидуализмъ, не мирившійся съ требованіемъ у личности отказа отъ слѣдованія инстинктамъ человѣческой природы, и интересъ ко всему, что прежде противополагалось духовному, какъ мірское. Къ тому-же отрицанію аскетизма, но только инымъ путемъ приходитъ и реформація XVI вѣка, такъ что ея противникамъ казалось, будто-бы Лютеръ началъ свое возстаніе противъ церкви, чтобы имѣть возможность бросить монастырь и жениться, но протестантизмъ отвергъ монашество, какъ средство, не ведущее къ спасенію, какъ одно изъ тѣхъ внѣшнихъ дѣлъ, которыя не имѣютъ никакого значенія съ точки зрѣнія ученія объ оправданіи посредствомъ одной вѣры. Какъ-бы тамъ ни было, хотя и гуманизмъ, и реформація оказались враждебными аскетической морали, лишь въ гуманизмѣ съ особою силою проявилась защита именно правъ личности. Эпикуреизмъ, смѣнившій собою стоицизмъ болѣе раннихъ поколѣній, былъ уже діаметральною противоположностью аскетизма, заставлявшаго такихъ людей, какъ Лоренцо Валла, уже сознательно возставать противъ того, что до него подвергалось болѣе инстинктивнымъ возраженіямъ. Но не въ одной Италіи направленіе, неблагопріятное аскетическому взгляду на жизнь, находило убѣжденныхъ и талантливыхъ выразителей. Въ Германіи, напр., такимъ носителемъ гуманистическаго міросозерцанія былъ Эразмъ, во Франціи—Франсуа Рабле.

Рабле *) — рельефное и яркое проявленіе того свѣтскаго духа, который составляетъ одну изъ основныхъ чертъ гуманистическаго движенія въ чистомъ его видѣ. Не забѣгая впередъ, въ исторію XVI вѣка, когда во Франціи до начала кальвинистической реформаціи проявилось скептическое направленіе, я отмѣчу здѣсь только одну сторону дѣятельности Рабле. Родившись въ одинъ годъ съ Лютеромъ (1483), а умерши въ одинъ годъ съ Серветомъ, котораго Кальвинъ сжегъ на кострѣ въ Женевѣ (1553), онъ предназначался сво-

*) J. Fleury. Rabelais et son oeuvre.—Gebhart. Rabelais, la renaissance et la réforme.—Stapfer. Rabelais, sa personne, son génie, son oeuvre.

имъ отцомъ къ духовному званію и воспитывался поэтому въ монастырѣ, сдѣлавшись впослѣдствіи монахомъ, а затѣмъ священникомъ, но главными его профессіями были медицина, которой онъ обучался въ Монпелье, и преподаваніе. Къ монашеству Рабле, какъ и Эразмъ, чувствовалъ одно отвращеніе и подобно Эразму же осмѣивалъ въ своихъ знаменитыхъ сатирическихъ романахъ „Гаргантюа" и „Пантагрюэль" испорченное духовенство своего времени. Рабле былъ увлеченъ потокомъ Ренессанса, радуясь возрожденію языковъ и тому, что „міръ наполнился учеными, свѣдущими наставниками и отличными библіотеками", и находя, что „ни при Платонѣ, ни при Цицеронѣ не существовало такихъ благопріятныхъ условій для занятій, какъ въ его время", когда даже „разбойники, палачи, мошенники и кучера сдѣлались болѣе учеными, чѣмъ прежде были доктора и проповѣдники". Рабле принялся самъ за изученіе древнихъ языковъ и за чтеніе классиковъ, что ему создало массу непріятностей въ кордельерскомъ монастырѣ, къ которому онъ принадлежалъ: монахи отнимали у него книги, сажали его подъ арестъ, и только съ переходомъ въ бенедиктинскій монастырь онъ могъ вздохнуть свободнѣе. Получивъ степень доктора медицины, Рабле дѣлается профессоромъ въ Монпелье и своимъ чтеніемъ Гиппократа, переводъ котораго былъ имъ напечатанъ, привлекаетъ къ себѣ массу слушателей. Но особенно онъ прославился, какъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ сатириковъ, жесточайшимъ образомъ осмѣявъ весь средневѣковой бытъ въ своихъ знаменитыхъ романахъ.

Рабле былъ скептикъ или человѣкъ, вѣрующій по своему, и ему приписываютъ даже такія предсмертныя слова: „Je m'en vais chercher un grand Peut-être". Осмѣивая католицизмъ съ его папствомъ и монашествомъ, онъ выражалъ неудовольствіе и противъ «бѣсноватыхъ кальвиновъ», говоря, что ихъ вмѣстѣ съ папелярами, монахами и всякими другими безобразными чудовищами породила „противоприрода" (антифизисъ) въ то время, какъ настоящая природа производитъ

только красоту и гармонію. Человѣчность и природа—вотъ съ какой точки зрѣнія Рабле критикуетъ современность не только въ культурной ея сторонѣ, но и въ сторонѣ соціальной, нападая на несправедливыхъ правителей и жестокихъ судей, на войну, на военныхъ дѣятелей и подымаясь такимъ образомъ до политической сатиры. Но самое главное, самое замѣчательное въ его литературной дѣятельности, это—проповѣдь свободы человѣческой дѣятельности и мысли, освобожденія жизни путемъ убійственной насмѣшки надъ всѣмъ, что ее стѣсняетъ и что противорѣчитъ природѣ:

Mieulx est de ris que de larmes escrire
Pour ce que rire est le propre de l'homme,—

но этотъ видимый смѣхъ, по собственнымъ словамъ сатирика, скрывалъ за собою слезы надъ горемъ, изнуряющимъ и снѣдающимъ людей.

Рабле любитъ природу, удивляется ея красотѣ и гармоніи, считаетъ законнымъ все то, что согласно съ нею и съ естественными потребностями человѣка, требуетъ свободнаго развитія духа и тѣла: въ этомъ смыслѣ и онъ выводитъ на сцену брата Жана, какъ живое воплощеніе естественной личности, протестующей противъ всего условнаго, не основаннаго на природѣ, неестественнаго, и съ той же точки зрѣнія онъ рисуетъ идеальное мѣстопребываніе подъ названіемъ Thelème (отъ θέλω, желаю), гдѣ жизнь основывается на совершенно новыхъ принципахъ. Надъ входомъ въ зданіе общины написано: «дѣлай, что хочешь» (fais ce que vouldras), и въ Телемѣ, дѣйствительно, царствуетъ полная свобода, такъ какъ тамъ всѣ будутъ работать и развлекаться, кто когда захочетъ. Кромѣ того, Рабле, противополагая утопическое общежитіе Жана монастырямъ, прямо говоритъ, что, вмѣсто монашескихъ обѣтовъ бѣдности, послушанія и цѣломудрія, въ Телемѣ разрѣшаются богатство, свобода и бракъ. Жизнь будущихъ телемскихъ монаховъ и монахинь въ этомъ общежитіи вполнѣ свободная, а доступъ въ него открытъ всѣмъ, и нѣтъ туда

входа только лицемѣрамъ и святошамъ, фарисеямъ и притѣснителямъ народа, не понимающимъ истиннаго значенія Евангелія. Моральный взглядъ его построенъ на вѣрѣ въ доброту природнаго инстинкта, который, по его мнѣнію, всегда направляетъ человѣка ко благу, а не ко злу, (ung instinct et aiguillon qui toujours les poulse á faictz vertueux et retire de vice); на томъ-же принципѣ основана и вся педагогическая система Рабле, заключающая въ себѣ требованіе физическаго воспитанія тѣла, нагляднаго обученія и широкаго умственнаго развитія.

Въ Рабле, скептикѣ и индивидуалистѣ, выразилась особенно рельефно интеллектуальная и моральная эманципація личности, начавшая проявляться и дѣлать успѣхи еще задолго до возникновенія гуманистическаго движенія, которое создало этого замѣчательнаго сатирика: онъ былъ, однако, конечно, не единственный, далеко не первый и тѣмъ болѣе далеко не послѣдній новый писатель, основывавшій мораль на жизни, сообразной съ природою. Мы видѣли, что поисками нравственнаго принципа, который замѣнилъ бы собою аскетическія требованія средневѣковаго міросозерцанія, собственно говоря, и начинается гуманистическое философствованіе. Неразъ отмѣчалось выше, что искомую истину предполагалось сначала обрѣсти въ соединеніи стоицизма съ Евангеліемъ, и что только постепенно стоицизмъ уступилъ мѣсто эпикуреизму. Выработка нравственнаго міросозерцанія, дѣло нелегкое само по себѣ, затруднялось тѣмъ положеніемъ, въ какое гуманисты были поставлены исторіей, и первые представители новаго направленія положительно страдали отъ внутренняго разлада вслѣдствіе непримиримости обозначавшихся въ нихъ стремленій съ средневѣковыми воззрѣніями; только въ XV вѣкѣ итальянскіе гуманисты все менѣе и менѣе уже обращаютъ вниманія на моральные вопросы и забываются въ своихъ увлеченіяхъ. Новыя индивидуальныя потребности разрушали основы стараго этическаго міросозерцанія, но не могли вмѣсто нихъ сразу создать сколько-нибудь прочныя начала для новой морали: этимъ отсутствіемъ

у нихъ твердо установленнаго идеала нравственности должны быть объясняемы всѣ тѣ недостатки, которые бросаются въ глаза при болѣе близкомъ, а иногда даже и при первомъ—знакомствѣ съ ихъ жизнью и общественною дѣятельностью: отсутствіе прочныхъ убѣжденій и твердыхъ правилъ, противорѣчія между внутреннимъ настроеніемъ и исполняемымъ дѣломъ или занимаемымъ мѣстомъ, компромиссы съ совѣстью ради выгоды и отдача въ чужое распоряженіе за покровительство и подачки—своихъ способностей, знаній и силъ. Ихъ индифферентизмъ въ вопросахъ религіозныхъ, моральныхъ и политическихъ обусловливался, впрочемъ, не одною трудностью, подчасъ невозможностью примиренія противоположныхъ началъ, но и печальною, какъ извѣстно, итальянскою дѣйствительностью той эпохи, бывшею вѣкомъ кондотьеровъ и тиранновъ, которымъ гуманисты служили и словомъ, и дѣломъ за матеріальныя выгоды и обезпеченный досугъ. Но все-таки главная причина отсутствія моральнаго содержанія у громаднаго большинства итальянскихъ гуманистовъ заключалась въ совершенной для нихъ невозможности сразу же противопоставить такой цѣльной, стройной и полной системѣ воззрѣній, какъ средневѣковой католицизмъ,—міросозерцаніе, которое могло бы съ нимъ соперничать по своей законченности, опредѣленности; всеобъемлемости. Освобождая мысль отъ тисковъ, не дававшихъ ей простора, вышедши сами изъ-подъ церковной опеки, они не могли ни сокрушить эти тиски, ни уничтожить эту опеку, ибо у нихъ не было моральнаго принципа, который они могли бы противопоставить, какъ знамя общественнаго движенія противъ католицизма, притомъ доставлявшаго имъ своими должностями и бенефиціями извѣстныя выгоды. Обезпеченный досугъ съ почетнымъ и вліятельнымъ положеніемъ въ обществѣ и съ безпрепятственною возможностью предаваться излюбленнымъ занятіямъ, вотъ къ чему стремилось громадное большинство итальянскихъ гуманистовъ, бывшихъ индивидуалистами не только въ смыслѣ

развитаго пониманія своихъ человѣческихъ правъ, но и въ смыслѣ почти совершеннаго непониманія своихъ общественныхъ обязанностей, и въ этомъ были виноваты, конечно, не классики и не свѣтскія, антиаскетическія стремленія, а общій складъ жизни въ Италіи, разложеніе ея соціальнаго строя, выдвинувшее на первый планъ удачливыхъ эгоистовъ—кондотьеровъ, тиранновъ, дипломатовъ и политиковъ. Уже въ родоначальникѣ гуманизма выразился, хотя и облагороженный умственными стремленіями эгоизмъ: въ этомъ отношеніи весьма любопытно то сравненіе, какое между Данте и Петраркой дѣлаетъ Леонардо Бруни, отдавая предпочтеніе первому за его общественную дѣятельность: „Данте, говоритъ онъ, имѣлъ бо̀льшую цѣну въ дѣятельной и гражданской жизни, чѣмъ Петрарка, потому что онъ со славою принималъ участіе въ войнѣ за родину и въ управленіи республикой, чего нельзя сказать о Петраркѣ, такъ какъ онъ не жилъ въ свободномъ государствѣ, которымъ могъ бы управлять, и никогда не поднималъ оружія за родину, что мы признаемъ за великую заслугу добродѣтели“. Конечно, не всѣ гуманисты слѣдовали примѣру Петрарки и уклонялись отъ общественной дѣятельности, но, занимаясь послѣднею, многіе изъ нихъ, какъ это дѣлали, напр., папскіе секретари, относились къ ней подобно наемникамъ или добивались извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, весьма рѣдко проявляя твердыя политическія убѣжденія, тѣмъ болѣе, что у нихъ не было опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ, которые заставляли-бы ихъ выступать въ роли новаторовъ и реформаторовъ, въ роли протестантовъ противъ соціальныхъ несправедливостей. Многіе прямо высказывали воззрѣнія крайняго индивидуализма и вели себя сообразно съ этимъ: таковъ былъ, напр., Никколо Никколи, всячески устранявшійся отъ какихъ-бы то ни было общественныхъ вопросовъ; Поджіо, который раздѣлялъ въ этомъ отношеніи взглядъ Никколи, въ одномъ діалогѣ („О несчастіи государей“) вкладываетъ ему въ уста такое разсужденіе: счастье заключается въ разумности и

добродѣтеляхъ, а князья, включая въ ихъ число и папъ, лишены того и другого, такъ что хорошіе между ними большая рѣдкость, несчастливы же они потому, что подавлены заботами, и вотъ разсужденіе заканчивается призывомъ къ истинному счастью, полагаемому въ устраненіи себя отъ общественной дѣятельности и въ научныхъ занятіяхъ (liberalium artium disciplinae et humanitatis studia), а послѣднія съ этой точки зрѣнія представляются, какъ спокойный портъ, гдѣ можно найти блаженную и стастливую жизнь (vita beata ac felix).

Другимъ недостаткомъ гуманистовъ, вытекавшимъ изъ ихъ моральнаго индифферентизма, была ихъ оторванность отъ народа. Они образовали изъ себя новый общественный классъ, вытѣснившій духовенство изъ исключительнаго господства въ сферѣ мысли, и поскольку классъ этотъ набирался, употребляя русское выраженіе, изъ разночинцевъ, онъ отличался демократизмомъ, который былъ уже отмѣченъ нами у Боккачіо, когда онъ протестуетъ противъ сословныхъ предразсудковъ; при томъ самый принципъ индивидуализма, полагающій всѣ права личности въ ней самой, а не во внѣшнихъ ея отношеніяхъ, заставлялъ гуманистовъ выступать противниками сословности. Протестъ противъ родовой знати и наслѣдственныхъ привилегій — черта, сближающая всѣхъ видныхъ итальянскихъ гуманистовъ и многихъ ихъ послѣдователей въ другихъ странахъ. У Леонардо Бруни есть недавно сдѣлавшееся извѣстнымъ *) сочиненіе „Споръ о знатности“ (Nobilitatis contentio), гдѣ вопросъ рѣшается въ такомъ смыслѣ: знатность заключается не въ „чужой славѣ“ и не въ богатствахъ, а въ личной добродѣтели, ибо какъ духовное превосходство отличаетъ человѣка отъ животныхъ, такъ и люди отличаются другъ отъ друга духовными достоинствами, наслѣдственная же знатность не имѣетъ цѣны вслѣдствіе того, что по рожденію всѣ люди равны между собою, а съ другой стороны, многіе знатные

*) Корелинъ, 632 sq.

ведутъ такую жизнь, которая уничтожаетъ въ нихъ всякое благородство. Та же тема разсматривается въ діалогѣ Поджіо „О благородствѣ“, гдѣ противникомъ знати выведенъ Никколо Никколи, ведущій споръ съ Лоренцо Медичи, защитникомъ аристократіи. Никколи доказываетъ ту мысль, что лишь мудрость и добродѣтель создаютъ благородство, а то, что люди называютъ этимъ именемъ, не истинно и въ разныхъ мѣстахъ понимается различнымъ образомъ, — и при этомъ гуманистъ перебираетъ аристократію разныхъ государствъ Италіи и внѣитальянскихъ странъ, чтобы придти къ такому выводу: ни праздность, ни прибыльныя занятія, ни богатство, ни длинный рядъ предковъ, ни пожалованія государей не могутъ служить источникомъ благородства. Но такой теоретическій демократизмъ, вытекавшій изъ индивидуалистической основы философствованія гуманистовъ и изъ ихъ собственнаго положенія въ обществѣ, былъ весьма далекъ отъ народолюбія. То-есть и въ данномъ отношеніи итальянскіе гуманисты, какъ и въ защитѣ личныхъ правъ, оставались на чисто эгоистической почвѣ, не проявляя соціальнаго альтруизма. Мало того: если каждый изъ нихъ въ отдѣльности создавалъ свое положеніе въ обществѣ собственными учеными и литературными занятіями, доставлявшими и почетъ, и выгоды, установлявшими въ буквальномъ смыслѣ знатность, то и весь классъ выдѣлялъ себя изъ массы, гордился своею культурою, видѣлъ въ ней основу своего превосходства и относился съ особаго рода аристократизмомъ къ простому народу. Гуманистическая наука и литература были аристократичны, — разумѣется, не въ сословномъ смыслѣ: господство въ ней латыни, когда итальянскій языкъ Данте, Петрарки и Боккачіо, да и другіе національные языки уже достигли извѣстной степени совершенства, — даже соглашаясь съ тѣмъ мнѣніемъ, что гуманистическое пренебреженіе къ родной рѣчи нѣсколько преувеличивается, — господство такимъ образомъ мертваго языка въ литературѣ, преобладаніе въ ней темъ отвлеченной науки или личной морали надъ общественными вопросами, въ особенности от-

сутствіе въ ней выраженія народныхъ интересовъ, не говоря уже объ антикварномъ или только эстетическомъ направленіи великаго множества гуманистическихъ произведеній,—все это дѣлало духовную культуру Ренессанса достояніемъ своего рода замкнутой аристократіи, жившей своими интересами, которые не были, положимъ, интересами какого-либо сословія или соціальнаго класса, но, несомнѣнно, были доступны, понятны и дороги только извѣстному культурному слою. Въ эпоху Ренессанса въ Италіи совсѣмъ пришла въ забвеніе мысль Данте, выраженная имъ въ „Трапезѣ“ (Il convito), въ которой онъ задумалъ подѣлиться умственною пищей ученыхъ съ народомъ. Данте называетъ здѣсь счастливцами немногихъ (т. е. ученыхъ), сидящихъ у стола, за которымъ имъ подается пища ангеловъ, тогда какъ большинство довольствуется кормомъ скота. „Но такъ какъ, говоритъ онъ, всякій человѣкъ другому человѣку по природѣ другъ и всякій другъ соболѣзнуетъ о лишеніяхъ, претерпѣваемыхъ тѣмъ, кого онъ любитъ, то и сидящіе за столь возвышеннымъ столомъ, не остаются безъ состраданія къ тѣмъ, которые пасутся, какъ скотъ, поѣдая траву и желуди. И такъ какъ состраданіе есть мать благотворенія, то обладающіе знаніемъ всегда щедро подаютъ отъ своего настоящаго богатства и становятся живымъ источникомъ, изъ коего утоляется жажда знанія“. Не считая себя сидящимъ за столомъ счастливцевъ, но признавая себя далекимъ и отъ пастьбы черни, Данте захотѣлъ „собирать у ногъ сидящихъ то, что падаетъ со стола“, собирать „по влеченію состраданія къ бѣднымъ“ чтобы „устроить имъ общую трапезу“. Вотъ это-то „состраданіе къ бѣднымъ“ и отсутствовало въ литературной и общественной дѣятельности гуманистовъ. Иные изъ нихъ считали итальянскій языкъ пригоднымъ только для непросвященной черни, и одинъ изъ наименѣе симпатичныхъ дѣятелей Ренессанса, Франческо Филельфо, заявлялъ что онъ можетъ излагать на языкѣ простонародья лишь тѣ предметы, о коихъ онъ не хочетъ возвѣщать потомству. Гуманисты другихъ

странъ въ общемъ были менѣе повинны въ оторванности отъ народныхъ интересовъ, и когда, напр., Ульрихъ фонъ Гуттенъ въ началѣ реформаціи почуялъ въ себѣ народнаго борца, онъ тотчасъ же бросилъ латынь, „которая не всякому понятна", чтобы „взывать къ нѣмецкому народу на его родномъ языкѣ".

Есть одинъ итальянскій гуманистъ, который, такъ сказать, воплотилъ въ себѣ отрицательныя черты итальянскаго Ренессанса и выразилъ ихъ въ наиболѣе рельефномъ видѣ. Гуманистъ этотъ—только что упомянутый Филельфо, и потому на немъ стоитъ нѣсколько остановиться. Филельфо (1398-1481) принадлежалъ къ числу тѣхъ итальянцевъ, которые ѣздили въ Византію за знаніемъ греческаго языка и литературы и привозили оттуда, кромѣ того, цѣлые сундуки греческихъ книгъ. Попавъ въ Венецію въ качествѣ преподавателя, онъ получилъ отъ ея правительства мѣсто секретаря посольства въ Константинополь, гдѣ нѣсколько времени спустя онъ поступилъ на службу къ императору Іоанну и женился на дочери своего наставника въ греческомъ языкѣ и литературѣ. Вернувшись въ Италію, Филельфо сдѣлался весьма виднымъ и вліятельнымъ представителемъ классическихъ занятій, котораго охотно желали видѣть у себя во всѣхъ главныхъ гуманистическихъ центрахъ, а неуживчивость его характера какъ нельзя болѣе содѣйствовала его переселеніямъ изъ города въ городъ,—да и вообще нужно сказать, что гуманисты часто ссорились между собою, наполняя личными своими дрязгами инвективы, которыя писали другъ противъ друга. Въ Флоренціи Филельфо не удалось ужиться съ Никколо Никколи и его кружкомъ; притомъ по своему характеру онъ былъ болѣе склоненъ къ придворной жизни. Будучи человѣкомъ большого самомнѣнія и высокомѣрія, какъ ученый, умѣвшій говорить по гречески и писавшій изящной латынью, онъ въ то же время ради внѣшняго почета и обезпеченной жизни готовъ былъ унижаться и льстить сильнымъ міра. Одно время онъ нашелъ пристанище при дворѣ миланскаго герцога Филиппа Висконти Маріи: этотъ деспотъ отлично его одарилъ и на при-

дворныхъ празднествахъ отводилъ ему мѣсто среди высшей знати, а гуманистическій поэтъ прославлялъ за это своего „божежественнаго“ князя. Когда послѣдній умеръ, въ Миланѣ установилась республика, раздиравшаяся партіями внутри, извнѣ обуревавшаяся войнами. Филельфо въ это время угождалъ всѣмъ партіямъ и всѣмъ претендентамъ на власть, то прикидываясь республиканцемъ, то подъѣзжая къ кондотьру Франческо Сфорца, которому онъ между прочимъ аттестовалъ себя, какъ человѣка, сидящаго дома и бесѣдующаго съ своими книгами, т. е. не вмѣшивающагося въ политику. Когда миланскій престолъ занялъ этотъ кондотьеръ, для Филельфо наступила новая пора благополучія. Лично Франческо Сфорца не чувствовалъ ни малѣйшей любви къ наукамъ и искусствамъ, но онъ былъ политикъ, и ему нуженъ былъ глашатый его доблестныхъ подвиговъ и славы: въ числѣ гуманистовъ, служившихъ новому герцогу, состоялъ Филельфо, задумавшій цѣлую эпическую поэму подъ названіемъ „Сфорціады“. Придворный поэтъ, хваставшійся тѣмъ, что затмитъ славу Виргилія, постоянно выпрашивалъ денегъ у герцога, а у него ихъ было очень мало. Казначей тиранна отказалъ-было однажды выдать требуемую сумму, но Филельфо пригрозилъ перейти на службу къ Венеціи, бывшей въ войнѣ съ Миланомъ, и Сфорца приказалъ удовлетворить его просьбу. Нѣсколько лѣтъ работалъ Филельфо надъ „Сфорціадой“, издавая ее отдѣльными пѣснями и грозя прервать продолженіе поэмы въ случаѣ отказа въ деньгахъ, но она такъ-таки и осталась безъ конца за смертью ея героя, уже при жизни коего поэтъ не прочь былъ перейти и на другую службу, даже къ туркамъ. Отношеніе герцога поблажавшаго нахальству Филельфо, указываетъ нато, какую все-таки силу составляли гуманисты въ общественномъ мнѣніи, и къ этому нужно прибавить еще одну черту: среди сильныхъ міра и знатныхъ особъ въ то время было какое- то болѣзненно стремленіе спастись отъ забвенія въ потомствѣ, и всѣ они думали, что имя ихъ сохранится на вѣчныя времена въ сочиненіяхъ гуманистовъ и поэтовъ: послѣдніе, по мѣткому

замѣчанію одного историка, „своими стихами такъ же открывали храмъ славы, какъ ключи Петра въ рукѣ папы открываютъ врата рая". Филельфо буквально торговалъ безсмертіемъ въ потомствѣ и оптомъ, и въ розницу, обирая разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и распространяя тотъ взглядъ, что его неодобрительный о комъ либо отзывъ можетъ покрыть его имя вѣчнымъ позоромъ. Изъ множества однородныхъ случаевъ приведу одинъ: въ Мантуѣ княжеская власть принадлежала Лодовико Гонзага, которому Филельфо однажды сообщилъ, что ему нужна такая-то сумма денегъ въ приданое для просватанной дочери, и что за присылку ему пятидесяти дукатовъ онъ отплатитъ хвалебными стихами въ „Сфорціадѣ"; Лодовико выслалъ эти деньги и послѣ того дѣлалъ Филельфо и еще очень цѣнные подарки. Другіе итальянскіе князья равнымъ образомъ оказывали почетъ знаменитому ученому и поэту и осыпали его подарками. Папы не отставали отъ свѣтскихъ государей, и Филельфо даже выпрашивалъ у Николая V кардинальство. Названный папа даже переманивалъ его къ себѣ, какъ хорошаго переводчика съ греческаго, и Филельфо за папскія милости началъ писать хвалебную біографію Николая V.

XXXII. Гуманистическая политика *).

Гуманизмъ и политика.—Пониманіе роли личности въ исторіи.—Политическія воззрѣнія Петрарки.—Недостатки гуманистической политики.—

---

*) См. общія сочиненія по исторіи политическихъ ученій (Чичерина, Paul Janet, Bluntschli, Robert Mohl и т. п.). Политическія воззрѣнія раннихъ гуманистовъ у Корелина. Далѣе, R. Mohl. Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, въ третьемъ томѣ коего дана «die Machiavelli-Litteratur». Villari. N. Machiavelli ed i suoi tempi (есть нѣм. переводъ). Алексѣевъ. Макіавелли, какъ политическій мыслитель. О Томасѣ Морусѣ соч. Mackintosh'a, Thommes'a и др. «Утопія» входитъ въ особую отрасль политической литературы, объ историческомъ изученіи коей сдѣлано будетъ указаніе въ другомъ мѣстѣ.

Взглядъ Никколо Никколи на законы. — Макіавелли и «Il principe». — Индивидуализмъ и культъ государства.—Взглядъ Макіавелли на религію.— Томасъ Морусъ и его «Утопія».

Гуманистическое движеніе въ Италіи и внѣ Италіи не могло не затронуть области политики въ ея практической и теоретической сторонахъ. Гуманисты окружали государей, воспитывали ихъ наслѣдниковъ, занимали государственныя должности и въ монархіяхъ, и въ республикахъ, исполняли дипломатическія порученія разныхъ правительствъ, защищали своимъ перомъ тѣ или другіе политическіе и династическіе интересы, а съ другой стороны, они касались политическихъ темъ въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ и исторіографическихъ трудахъ, которыми многіе изъ нихъ занимались довольно охотно, проявляя въ этихъ трудахъ нерѣдко и тонкое пониманіе современности, и знаніе людей вообще, а также и патріотизмъ, хотя и не выставляя опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ. Не касаясь сложной темы о гуманистической политикѣ во всемъ ея объемѣ, мы согласно съ общимъ планомъ настоящаго обзора должны обратить особенное вниманіе лишь на одну сторону дѣла, именно на ту секуляризацію политической науки, которая должна была произойти подъ вліяніемъ гуманизма какъ направленія мысли, отличающагося свѣтскимъ духомъ. Въ средніе вѣка, когда философія была „служанкой теологіи“, а государство находилось подъ опекою церкви, весьма естественно было и политическимъ ученіямъ основываться на богословскихъ доктринахъ, отличаться церковнымъ характеромъ и принимать за главный вопросъ политической теоріи— взаимныя отношенія церкви и государства. Но уже и тогда на пониманіи того, что такое государство и общество, сказывались классическія традиціи, преимущественно двоякаго рода. Выше уже неразъ отмѣчалось нами вліяніе римскаго права, на которое опирались защитники государственной власти въ борьбѣ съ папствомъ и феодализмомъ, другой же источникъ

заключался въ Аристотелѣ, игравшемъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, очень важную роль у схоластиковъ въ родѣ Ѳомы Аквинскаго,соглашавшаго св. писаніе и отцовъ церкви съ греческимъ философомъ. Весьма естественно, что гуманистическое обращеніе къ классической древности должно было еще болѣе подчинить политическую мысль эпохи античнымъ воззрѣніямъ на государство, не знавшее надъ собою церковной опеки, а общій духъ всего движенія только содѣйствовалъ освобожденію политической науки отъ теологическихъ соображеній. Мы видѣли, наконецъ, что впервые въ Италіи намѣтились также черты государства новаго времени, отрѣшившагося отъ феодальной подкладки, и что въ итальянскихъ республикахъ съ ихъ внутреннею борьбою аристократіи и демократіи и въ итальянскихъ княжествахъ, напоминающихъ древнегреческія тиранніи, какъ-бы повторился государственный бытъ античнаго міра, а это должно было извѣстнымъ образомъ способствовать пониманію гуманистами политическихъ отношеній древности, развитію интереса къ историческимъ событіямъ, проникновенію ихъ греко-римскими взглядами на государственную жизнь, столь отличными и отъ католическихъ, и отъ феодальныхъ воззрѣній въ этой области. Политическая наука новаго времени и тѣсно связанная съ нею исторіографія берутъ начало въ эпохѣ Возрожденія, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ первый, хотя и слабый починъ принадлежалъ Петраркѣ, хотя и не безусловно, такъ какъ уже Марсилій Падуанскій, какъ мы видѣли, былъ настоящимъ предтечей новой политической мысли въ своемъ „Защитникѣ мира", написанномъ, когда Петрарка былъ еще двадцатилѣтнимъ юношей.

Петрарка, этотъ глубокій индивидуалистъ, сводившій исторію къ однѣмъ біографіямъ, любопытенъ, какъ писатель, проводящій ту идею, что человѣческія личности и создаютъ, и разстраиваютъ общественные порядки. Описывая въ одномъ письмѣ современныя бѣдствія, онъ замѣчаетъ, что „все это не могло случиться безъ согласія человѣческаго рода", а

въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ вѣру въ силу человѣческаго слова, „которое въ состояніи привести въ движеніе умы, могущественно развивая свою скрытую силу“. Предпріятіе Колы ди Ріенцо какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его воззрѣнію на историческую роль личности. Равнымъ образомъ и Макіавелли, главный представитель гуманистической политики, посвятилъ одну изъ послѣднихъ главъ своей знаменитой книги (Il principe) разсмотрѣнію вопроса, „насколько въ человѣческихъ дѣлахъ играетъ роль судьба и насколько можно ей сопротивляться“. „Мнѣ не безъизвѣстно, пишетъ здѣсь Макіавелли, что множество людей думало встарь и думаетъ теперь, что Богъ и судьба такъ всевластно управляютъ дѣлами этого міра, что вся человѣческая мудрость безсильна остановить или направить ходъ событій“, но онъ самъ соглашается съ этимъ лишь отчасти, думая, что судьба управляетъ только половиною нашихъ дѣйствій и оставляетъ другую на людской произволъ— стоитъ намъ лишь измѣнить свои дѣйствія кстати, сообразно съ обстоятельствами и отличаться отважностью. Но личная роль въ исторіи можетъ проявляться или въ смыслѣ борьбы во имя извѣстныхъ идеаловъ, или въ смыслѣ умѣлаго пользованія обстоятельствами: гуманистическая политика въ Италіи пошла именно по этой второй дорогѣ—въ зависимости отъ культурнаго и соціальнаго состоянія страны. Политическія воззрѣнія Петрарки обсуждались его біографами и историками эпохи весьма различнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ воззрѣніяхъ дѣйствительно были противорѣчія, дающія такъ же много поводовъ къ разногласіямъ въ толкованіи и оцѣнкѣ, какъ это случилось и по отношенію къ Макіавелли. Петрарка лично любилъ свободу, но всю свою жизнь служилъ деспотизму, въ коемъ видѣлъ одно спасеніе отъ тогдашней анархіи; будучи въ своей философіи прежде всего моралистомъ, онъ, однако, не прикладывалъ нравственную мѣрку къ правителямъ, когда отъ ихъ дѣйствій ожидалъ общаго блага, такъ какъ, видя бѣдствія, губившія его родину, онъ искалъ въ общественной жизни такую силу, которая могла бы осуществить об-

щее благо, создавъ политическое единство Италіи подъ властью одного короля. Одно время онъ увлекался Кола ди Ріенцо, потомъ возлагалъ свои надежды на императора Карла IV, но потомъ увидѣлъ, что наиболѣе жизненности представляла изъ себя тогдашняя тираннія, съ которою онъ и заключилъ союзъ, хотя и не безъ колебаній, такъ какъ жестокость и порочность князей должны были возбуждать въ немъ отвращеніе. Извѣстно, что переходъ Петрарки къ миланскому тиранну, архіепископу Джіованни Висконти, человѣку, отличавшемуся коварствомъ и бывшему не безъ жестокости, весьма огорчилъ друзей перваго гуманиста и въ особенности подѣйствовалъ непріятно на Боккачіо, настроеннаго болѣе республикански. Когда тираннъ умеръ, Петрарка остался на службѣ у его племянниковъ, изъ коихъ двое младшихъ отравили своего брата. Въ концѣ своей жизни Петрарка служилъ падуанскому властителю Франческо ди Каррара, коему даже посвятилъ трактатъ „О наилучшемъ управленіи государствомъ“ (De republica optime administranda). Этотъ трактатъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ проводится та же точка зрѣнія, какую черезъ полтора вѣка развивалъ Макіавелли. Петрарка рекомендуетъ государю снискивать любовь добрыхъ гражданъ и внушать страхъ дурнымъ, избѣгая какъ „излишней снисходительности и необдуманной слабости“, такъ и напрасныхъ жестокостей. Благодѣянія, коими по его мнѣнію, князь можетъ достигнуть первой цѣли, принимаютъ у него между прочимъ характеръ мѣръ, направленныхъ на жизненныя удобства и на удовлетвореніе эстетическихъ требованій: правитель Падуи могъ употребить для этого средства городской казны. Другое дѣло государя—содѣйствовать матеріальному благосостоянію гражданъ, создающему общественное довольство и спокойствіе государства, и по той же причинѣ онъ совѣтовалъ осторожно вводить новые налоги, стараясь по возможности убѣждать народъ въ томъ, что правитель устанавливаетъ ихъ „противъ воли“ и „съ болью въ сердцѣ“, и давая „что-нибудь отъ себя“, дабы народъ видѣлъ, что князь признаетъ себя частью на-

рода. Благодѣтельствованіе бѣднымъ и не только изъ своего кармана, но изъ того, что можно безъ несправедливости взять у богатыхъ, также входитъ въ число политическихъ совѣтовъ трактата. Рекомендуя князю съ моральной точки зрѣнія избѣгать пороковъ и стремиться къ добродѣтели, Петрарка въ политическомъ отношеніи совѣтуетъ не поручать управленія государствомъ приближеннымъ и не давать знати привилегій. „У меня было намѣреніе, говоритъ еще Петрарка, здѣсь въ концѣ письма посовѣтовать тебѣ исправить нравы народа, но считая теперь это дѣломъ невозможнымъ, видя, что для его исполненія всегда тщетно прилагалась сила законовъ и царей, я оставляю эту мысль".

Гуманистическія черты политическихъ воззрѣній Петрарки мы должны видѣть въ томъ взглядѣ, по которому люди сами, своими собственными силами и средствами устраиваютъ и разстраиваютъ свои общественные порядки, и въ томъ, что порядки эти рисуются, какъ свѣтское государство, само въ себѣ заключающее и основу и цѣль своего существованія. Но освобождая политическую мысль отъ теологической опеки, гуманистическія ученія въ этой области сами лишены были нравственнаго принципа, который можно было бы противопоставить средневѣковому воззрѣнію, ставившему государство подъ контроль церкви во имя моральнаго идеала царства Божія, осуществить которое на землѣ и было задачею церкви. Гуманистическая мораль утверждала права личности, гуманистическая политика утверждала права государства, но какъ въ одномъ случаѣ отсутствіе альтруизма и соціальныхъ инстинктовъ, такъ въ другомъ отсутствіе основного моральнаго принципа и опредѣленнаго политическаго идеала составляютъ слабое мѣсто гуманистической этики и политики. Союзъ представителей новаго образованія съ тиранніей былъ одною изъ причинъ того, что гуманизмъ не могъ играть всей той общественной роли, какая выпадала на его долю при его превосходствѣ надъ стариною въ умственномъ отношеніи, при разложеніи самой этой ста-

рины, при соотвѣтствіи его новымъ стремленіямъ и потребностямъ личности и общества. Позднѣйшіе итальянскіе гуманисты даже совсѣмъ извѣрились въ какой бы то ни было политикѣ и относились совершенно индифферентно къ государственнымъ и политическимъ дѣламъ, и если, напр., Петрарка отъ тиранновъ еще ожидалъ спасенія родины отъ внутренней анархіи и междоусобій, то другіе, въ родѣ Филельфо, помогали князьямъ-деспотамъ потому, что тѣ имъ платили деньги, окружали ихъ внѣшнимъ почетомъ, давали имъ возможность безпрепятственно заниматься любимыми предметами и вести пріятную жизнь при дворѣ. Вотъ почему гуманистическая политика въ общемъ лишена дѣйствительно нравственнаго и общественнаго содержанія, хотя внѣшнее политическое искусство достигло тогда въ Италіи большого совершенства, и Италія въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени дѣлается настоящею школою политики для государственныхъ людей всѣхъ западно-европейскихъ странъ, тѣмъ болѣе, что примѣръ внѣитальянскимъ королямъ и князьямъ подавало и само папство, въ эпоху Возрожденія дѣйствовавшее въ духѣ совершенно свѣтской политики.

Крайности индивидуализма, какъ бы переносящія насъ во времена греческихъ софистовъ, были другою причиною недостатковъ гуманистической политики. Въ одномъ изъ діалоговъ Поджіо выводится Никколо Никколи, разсуждающій о юриспруденціи и правѣ. Законодатели приписывали свои установленія богамъ, и Никколи сопоставляетъ тутъ Моисея и Нуму съ маленькой оговоркой въ пользу истинности перваго. Положительное право для него не имѣетъ значенія, ибо законы, какъ паутина сдерживаютъ только слабыхъ, а сильные имъ, къ счастью, не повинуются,—къ счастью, говоритъ онъ, потому, что безъ нарушенія законовъ не было бы ни военныхъ подвиговъ, ни процвѣтанія наукъ, искусствъ и краснорѣчія, и въ доказательство этого тезиса имъ приводится множество примѣровъ изъ исторіи и современности. Бросая взглядъ на Ита-

лію, Никколи спрашиваетъ: развѣ не такимъ образомъ (appetendò rapiendoque) выросли герцоги Ломбардіи, венеціанцы, флорентійцы и многіе другіе? Они вѣдь не руководствуются никакимъ закономъ (quibus nulla lex imperat, neque ejus reguntur praecepto), а только выгодою и увеличеніемъ своихъ владѣній (utilitate et augmento suae reipublicae). Выводъ отсюда тотъ, что законы безсильны и вредны и что масса управляется болѣе силою и страхомъ наказанія, сильные же міра сего плюютъ на нихъ и попираютъ ихъ ногами. Не лучше для Никколи и каноническое право, вытекающее изъ папскихъ постановленій: что одинъ папа установляетъ, то другой отмѣняетъ, и такимъ образомъ это суть произвольныя распоряженія, приспособленныя къ обстоятельствамъ (res voluntariae, temporibus et causis accomodatae). Никколи признаетъ только естественное право, заявляя: non omne legum genus impugno, sed vestrum jus civile.

Самымъ полнымъ и характернымъ произведеніемъ политической литературы итальянскаго Ренессанса былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, „Il principe“ (Государь) Макіавелли, получившій столь печальную извѣстность, что именемъ его автора обозначается безнравственная, коварная и вѣроломная политика.

Никколо Макіавелли родился въ 1469 г. во Флоренціи. Вскорѣ послѣ изгнанія изъ Флоренціи фамиліи Медичи, Макіавелли получилъ мѣсто секретаря Совѣта десяти, которое и занималъ потомъ болѣе 14 лѣтъ, участвуя въ эти же годы въ разныхъ посольствахъ въ отдѣльные итальянскіе города, во Францію и Германію, а между прочимъ и къ сыну папы Александра VI, знаменитому Цезарю Борджіа, который интригами, беззаконіями и убійствами создавалъ себѣ въ Италіи княжество, причемъ Макіавелли пришлось быть свидѣтелемъ одного изъ варварскихъ подвиговъ Цезаря. Одинъ разъ Макіавелли даже начальствовалъ флорентійскимъ войскомъ, взявшимъ Пизу. Въ 1512 году Медичи вернулись во Флоренцію, Макіавелли лишился мѣста, былъ заподозрѣнъ въ заговорѣ противъ кардинала Джіованни Медичи (будущаго папы Льва X), посаженъ въ

тюрьму, подвергнутъ пыткѣ и изгнанъ изъ Флоренціи. По восшествіи на папскій престолъ названнаго кардинала онъ былъ, однако, прощенъ и даже сблизился съ фамиліей Медичи, особенно съ будущимъ Клементомъ VII, который еще при его жизни сдѣлался папой. Умеръ Макіавелли въ 1527 г.

Макіавелли былъ весьма крупный мыслитель, историкъ и политическій писатель, „Флорентійская исторія" (Istorie fiorentine) коего, охватывающая XIII—XV вв. и „Разсужденія о первой декадѣ Тита Ливія" (Discorsi sopra la prima decade di Tito Livio) принадлежатъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ произведеній эпохи. Но особенно для насъ важна его книга „О государѣ", написанная послѣ его несчастій въ 1512 г. и посвященная имъ Лоренцо Медичи (племяннику Льва X и отцу знаменитой французской королевы Екатерины), на котораго онъ возлагалъ надежду, какъ на возможнаго объединителя Италіи. Макіавелли былъ патріотъ: мысль о политическомъ единствѣ родной страны господствуетъ во всѣхъ его политическихъ соображеніяхъ, но у него не было ни твердаго политическаго идеала, ни непоколебимой гражданской доблести. Это былъ умный эгоистъ, котораго нельзя назвать, однако, безчестнымъ, а книга его вовсе не была злой сатирой надъ тиранніей, вовсе не была написана съ цѣлью изобличить деспотовъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, но была итогомъ чтеній и наблюденій автора надъ современностью: трактатъ въ качествѣ руководства для государя-объединителя могъ быть собраніемъ практическихъ совѣтовъ, какъ поступать для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Макіавелли самъ говоритъ, что до него многіе писали о томъ, какимъ образомъ государи должны держать себя по отношенію къ своимъ подданнымъ и союзникамъ, но что онъ, разсуждая объ этомъ предметѣ, думаетъ сойти съ обычной дороги, такъ какъ находитъ безъ сравненія „болѣе удобнымъ при описаніи какого либо предмета разсматривать его реальную сущность, а не отдаваться мечтательнымъ увлеченіемъ. Многіе писатели, продолжаетъ онъ, изображали государей и республики такими, какими

имъ никогда не удавалась встрѣчать ихъ въ дѣйствительности. Къ чему же служили такія изображенія? Между тѣмъ, какъ живутъ люди, и тѣмъ, какъ они должны жить, разстояніе необъятное; кто для изученія того, что должно было бы быть, пренебрежетъ изученіемъ того, что есть въ дѣйствительности, тѣмъ самымъ, вмѣсто сохраненія себя, приведетъ себя къ погибели: человѣкъ, желающій въ наши дни быть во всѣхъ отношеніяхъ чистымъ и честнымъ неизбѣжно долженъ погибнуть въ средѣ громаднаго безчестнаго большинства. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій государь, желающій удержаться, можетъ и не быть добродѣтельнымъ, но непремѣнно долженъ пріобрѣсти умѣніе казаться или не казаться таковымъ, смотря по обстоятельствамъ"…. „Государь, говоритъ онъ еще, не долженъ опасаться осужденія за тѣ пороки, безъ которыхъ невозможно сохраненія верховной власти, такъ какъ, изучивъ подробно разныя обстоятельства, легко понять, что существуютъ добродѣтели, обладаніе которыми ведетъ только къ гибели лицо, обладающее ими, и есть пороки, усвоивая которые государи могутъ только достигнуть безопасности благополучія"*). Макіавелли съ политическою объективностью, которая ужасаетъ своею откровенностью, разсказываетъ, какъ создаются, поддерживаются и управляются государства независимо отъ образа ихъ правленія, какъ въ нихъ пріобрѣтается, сохраняется и примѣняется верховная власть, и соотвѣтственно съ этимъ имъ даются совѣты, когда, напр., жестокость можетъ быть хорошо направлена (см. гл. VIII: о правителяхъ, достигающихъ верховной власти безчестными средствами), и лучше ли государю пользоваться любовью своихъ подданныхъ или возбуждать къ себѣ страхъ (что значитсявъ XVII заголовкѣ). „Я нахожу нужнымъ, говоритъ Макіавелли, чтобы государи достигали одновременно того и другого, но такъ какъ осуществить это трудно и государямъ приходится обыкновенно выбирать, то въ видахъ лич-

*) Глава XV. Цитирую по русскому переводу подъ ред. Н. Курочкина, изд. 1869 г.

ной ихъ выгоды замѣчу, что полезнѣе держать подданныхъ въ страхѣ". Такое свое мнѣніе Макіавелли основываетъ на томъ, что „люди, говоря вообще, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны", а потому на нихъ нельзя полагаться: люди, кромѣ того, „скорѣе бываютъ готовы оскорблять тѣхъ, кого любятъ, чѣмъ тѣхъ, кого боятся", тѣмъ болѣе, что „любовь держится на весьма тонкой основѣ благодарности, тогда какъ страхъ наказанія никогда не оставляетъ человѣка." Пессимистическое убѣжденіе въ испорченности людей проходитъ красною нитью черезъ все сочиненіе Макіавелли, но и самъ онъ не высоко ставитъ моральное совершенство, оцѣнивая всѣ общественныя явленія съ точки зрѣнія выгоды: послѣднею цѣлью политической дѣятельности Макіавелли считаетъ общее благо, осуществляемое государствомъ и достигаемое цѣлесообразною политикою, которая не останавливается ни передъ какими средствами: если ужъ нельзя дѣйствовать добромъ, то надо рѣшиться на всякія злодѣянія, такъ какъ средній путь ведетъ только къ гибели. Въ своемъ ученіи онъ вдохновлялся древнимъ Римомъ, мудрость и доблесть котораго имъ ставится въ примѣръ современникамъ, и для того, чтобы наглядно показать, какъ слѣдуетъ вообще поступать въ политикѣ, онъ и написалъ свои «Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio». Относительно формъ правленія онъ держался того мнѣнія, что республика годится тогда, когда нужно лишь поддерживать установившійся порядокъ, но въ другихъ случаяхъ необходима монархія— тогда именно, когда государство созидается или преобразовывается, когда народъ нравственно испорченъ, когда существуетъ своевольная аристократія, властвующая надъ народомъ, и когда нужно создать единство страны. Такъ какъ главною политическою цѣлью Макіавелли было „освобожденіе Италіи отъ варваровъ" (гл. XXVI), то и понятно, что при его вдобавокъ взглядѣ на нравственность современниковъ онъ находилъ нужнымъ появленіе въ Италіи деспота, который дѣйствовалъ бы въ смыслѣ правилъ, преподанныхъ ему въ «Il Principe».

Это сочиненіе Макіавелли имѣло не преходящее только значеніе политическаго трактата, вызваннаго извѣстными обстоятельствами мѣста и времени. Въ XVI и XVII вѣкахъ его „Государь“ сдѣлался настольною книгою правителей, и это явленіе будетъ для насъ весьма понятнымъ, если мы вспомнимъ тѣ тенденціи, которыя обнаруживала королевская власть уже въ предыдущемъ вѣкѣ, выставившемъ Людовика XI, Генриха VII, Фердинанда Католика. Но и этого мало: въ политическихъ воззрѣніяхъ Макіавелли проявился духъ античнаго государства, внѣ себя не знающаго никакой высшей силы, внутри все себѣ безусловно подчиняющаго во имя отвлеченнаго принципа: salus populi suprema lex. Если общій колоритъ гуманистическому движенію придается индивидуализмомъ, то политическая теорія Макіавелли можетъ быть признана за полное отрицаніе индивидуальной свободы. Склонялись-ли его симпатіи на сторону монархіи или республики, основывалъ-ли онъ свои воззрѣнія на идеѣ общаго блага или на принципѣ политическаго интереса, онъ вездѣ является государственникомъ, родоначальникомъ тѣхъ дѣятелей новаго времени, которые практически, какъ Ришелье, или теоретически, какъ Гоббзъ, —оба въ XVII вѣкѣ,—утверждали безусловное верховенство государства надъ всѣми проявленіями общественной жизни. Секуляризація государства сопровождалась перенесеніемъ на него того высшаго на землѣ авторитета, какой средневѣковое міросозерцаніе признавало за церковью. Съ государственной точки зрѣнія смотритъ Макіавелли и на религію, тоже какъ на своего рода политическое орудіе. Въ „Разсужденіи о Титѣ Ливіи“ есть на этотъ счетъ весьма характерныя мѣста (кн. I, гл. II и слѣд.). Въ главѣ о религіи римлянъ онъ говоритъ объ установленіяхъ Нумы, „какъ средства прежде всего необходимаго для насажденія гражданскаго быта: онъ основалъ религію такъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ нигдѣ не было такой богобоязненности, какъ въ этой республикѣ, и это облегчало всѣ предпріятія сената и ве-

ликихъ римскихъ мужей... Изучая римскую религію, говоритъ онъ нѣсколько далѣе, можно увидѣть, какую помощь оказывала религія для начальствованія войскомъ, для соглашенія народа, для поддержанія добрыхъ гражданъ и для посрамленія злыхъ". Нума, вводя свои установленія, ссылался на волю боговъ, но такъ дѣлали и другіе мудрые законодатели, ибо безъ этого нельзя было обойтись. „Гдѣ нѣтъ религіознаго страха, замѣчаетъ Макіавелли, тамъ государство или распадается или должно сохраняться боязнью къ государю, который въ этомъ случаѣ замѣняетъ религію". Поэтому „государи и республики, желающіе сохранить государство отъ порчи, должны прежде всего соблюдать въ чистотѣ религіозные обряды и всегда поддерживать уваженія къ нимъ... Они должны поощрять и поддерживать все, что благопріятствуетъ религіи, хотя-бы даже считали все это обманомъ и ложью, и чѣмъ болѣе они мудры, чѣмъ болѣе свѣдущи въ познаніи природы, тѣмъ болѣе обязаны поступать такимъ образомъ. Отъ того, что мудрые люди соблюдали все это и дѣйствовали такимъ образомъ, явилась вѣра въ чудеса, которыя почитаются во всѣхъ религіяхъ, даже и въ ложныхъ: откуда бы ни возникла эта вѣра, мудрые всегда ее поддерживаютъ, и авторитетъ ихъ внушаетъ довѣріе остальнымъ". Макіавелли разсматриваетъ тутъ же современное ему состояніе католической церкви, порчу которой отмѣчаетъ мимоходомъ: „мы, говоритъ онъ,—мы, итальянцы обязаны прежде всего нашей церкви и нашему духовенству тѣмъ, что потеряли религію и развратились, но мы обязаны имъ еще и худшимъ—тѣмъ, что сдѣлалось причиной нашей погибели... Причиною, почему Италія... не имѣетъ общей республиканской или монархической власти, должно считать только церковь. Церковь пріобрѣла и сохранила мірскую власть, но никогда не была настолько могущественна и достойна, чтобы занять всю Италію и сдѣлаться въ ней единодержавной, а съ другой стороны, она была такъ слаба, что изъ страха лишиться мірской власти постоянно призывала

на помощь себѣ всѣхъ, кто могъ защитить ее противъ другой слишкомъ усиливающейся власти въ Италіи".

Въ индивидуализмѣ, выступившемъ противъ аскетизма, и въ свѣтской государстенности, составляющей противоположность теократической идеѣ католицизма, заключены основанія новаго времени: отреченіе отъ міра во имя загробнаго спасенія и власть церкви надъ міромъ смѣняются стремленіемъ личности къ устроенію своей земной жизни и стремленіемъ государства къ полному и безусловному господству на землѣ, но между индивидуализмомъ и государственностью существуетъ также противоположность, и въ политическомъ идеалѣ личность такъ же предъявляетъ свои требованія государству, какъ реальное государство свои требованія—личности. Макіавелли исходитъ изъ принципа реальной государственности, но одновременно съ нимъ другой гуманистъ, англичанинъ Томасъ Моръ или Морусъ въ своей „Утопіи" (οὐ τόπος, небывалое мѣсто), вышедшей въ свѣтъ въ 1513 году, начертываетъ цѣлый планъ идеальнаго общества, какъ позднѣе сдѣлаетъ это и Рабле, изображая свой Thelème.

Томасъ Морусъ (род. 1480) былъ канцлеромъ (1529—1532) Генриха VIII, обнаружившимъ большую моральную силу, стойкость характера и, между прочимъ, не хотѣвшимъ противъ своей совѣсти присягнуть королю, какъ главѣ церкви, когда у него этого потребовали, за что и поплатился, сложивъ голову на плахѣ (1535). Знатокъ древнихъ языковъ, хорошій политикъ и юристъ, онъ и былъ авторомъ сочиненія „De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia", въ которомъ онъ вдохновлялся примѣромъ Платона, хотя въ воззрѣніяхъ Моруса проглядываютъ уже начала новаго времени. „Утопія"—разговоръ между авторомъ, его другомъ и однимъ путешественникомъ по имени Рафаиломъ. Сначала идетъ критика существующихъ порядковъ. Рафаилъ говоритъ о жестокихъ казняхъ за воровство въ Англіи, при которыхъ совсѣмъ не изслѣдуютъ причинъ этого порока, а онѣ ясны: богатство въ рукахъ

вельможъ, которые держатъ много прислуги, и разведеніе овецъ сгоняютъ съ земли мелкихъ владѣльцевъ и фермеровъ. Казнить за кражу не гуманно: воры должны быть употребляемы для публичныхъ работъ, для общей пользы и ихъ собственнаго исправленія. Собесѣдники спрашиваютъ Рафаила, почему онъ не даетъ своихъ совѣтовъ князьямъ, но онъ отвѣчаетъ, что его никто не сталъ бы слушать, ибо совѣтники государей думаютъ только объ однихъ завоеваніяхъ, о наполненіи казны, да объ усиленіи государственной власти, тогда какъ онъ сталъ бы давать совѣты въ смыслѣ заботъ объ общемъ благосостояніи и свободѣ. Затѣмъ Рафаилъ переходитъ къ критикѣ началъ, на коихъ основанъ общественный порядокъ, и, какъ на источникъ зла, нападаетъ на частную собственность, ссылаясь на мнѣніе Платона объ этомъ предметѣ. На возраженіе собесѣдниковъ, что съ отмѣною частной собственности исчезнетъ побужденіе къ труду, Рафаилъ и отвѣчаетъ разсказомъ объ островѣ Утопіи, который онъ посѣтилъ во время своихъ путешествій: тамъ-де установленъ коммунизмъ, и люди счастливы. Морусъ рисуетъ въ этой части своей книги идеальную картину быта утопійцевъ, сопоставляя ихъ порядки съ современномъ ему обществомъ. Къ сожалѣнію, въ Утопіи Моруса допускается рабство для непріятныхъ работъ, какихъ никто не захотѣлъ бы добровольно исполнять, но въ основу общественныхъ порядковъ положены обязательный для всѣхъ физическій или умственный трудъ и полное демократическое равенство гражданъ при общности имуществъ и выборномъ началѣ въ управленіи. Моральная философія утопійцевъ опредѣляется, какъ достиженіе честнаго, согласнаго съ добродѣтелью, т. е. основаннаго на природѣ и разумѣ счастья съ уваженіемъ къ чужому счастью, ибо этимъ достигается еще большее блаженство. Религіи у утопійцевъ разныя, всѣ они чтятъ единаго верховнаго Бога, относясь совершенно терпимо къ чужимъ религіознымъ воззрѣніямъ и не допуская только къ должностямъ людей, не вѣрящихъ въ Провидѣніе и безсмертіе души. Атеистамъ запрещено, кромѣ того, раз-

говаривать съ другими людьми, дабы послѣднiе не могли быть совращены; наконецъ, внѣ сената и народныхъ собранiй подъ страхомъ смерти запрещены какiя бы то ни было сужденiя о политикѣ во избѣжанiе смутъ. Изобразивъ это состоянiе, Рафаилъ еще разъ дѣлаетъ обзоръ общественныхъ несовершенствъ въ выраженiяхъ весьма рѣзкихъ. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ „утопическiй" идеалъ общественной жизни, выставленный гуманизмомъ, признавшимъ равенство людей (хотя и невполнѣ) и обязательность для нихъ работы въ противоположность Платону съ его аристократизмомъ и пренебреженiемъ къ труду; если, далѣе, Платонъ на первый планъ выдвигалъ благо цѣлаго, передъ коимъ должна была склоняться личная польза, то Морусъ, наоборотъ, заботился прежде всего о благосостоянiи всѣхъ личностей, входящихъ въ составъ общества. Слово „утопiя" сдѣлалось впослѣдствiи синонимомъ несбыточнаго общественнаго устройства, но дѣло не въ формахъ, а въ принципахъ, и въ лицѣ Моруса, въ коемъ сильно было моральное начало совѣсти, гуманизмъ проявилъ свою способность и къ альтруизму, и къ политическому идеализму, коихъ онъ былъ лишенъ въ Италiи, ибо проявленiя одного и того же отвлеченнаго принципа зависятъ и отъ личныхъ характеровъ людей, и отъ условiй культурной и соцiальной среды, которая въ Италiи не была средою вполнѣ здоровою.

XXXIII. Гуманистическая наука *).

Сложность вопроса о значенiи гуманизма.—Значенiе гуманизма въ умственной исторiи.—Научные интересы гуманистовъ.—Характеръ гума-

*) Исторiя умственнаго развитiя—и притомъ главнымъ образомъ на научной почвѣ—была предметомъ нѣсколькихъ извѣстныхъ сочиненiй, каковы: Дреперъ. Исторiя умственнаго развитiя въ Европѣ (Draper. History of intellectual development in Europe, есть и нѣм. переводъ) и его-же History of the conflicts between religion and science (появилась на разныхъ языкахъ въ международной научной библiотекѣ).—Лекки. Исторiя рацiонализма.—Cournot. Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes и др.

нистической науки.—Гуманистическое представленіе о человѣкѣ и обществѣ.—Выработка научныхъ методовъ.—Гуманистическая публицистика.—Интеллигенція новаго времени. — Общечеловѣческій характеръ гуманизма.—Значеніе классицизма.—Наука и общественное движеніе.

Общая оцѣнка гуманистическаго движенія—дѣло весьма сложное и допускающее разныя точки зрѣнія. Напр., національные историки Италіи въ большинствѣ случаевъ относятся къ нему несочувственно—съ патріотической точки зрѣнія, ибо Ренессансъ совпалъ съ самымъ тяжелымъ для Италіи періодомъ ея исторіи, когда страну раздирали и угнетали кондотьеры, князья-деспоты, а потомъ въ періодъ такъ-называемыхъ итальянскихъ войнъ—иноземные завоеватели, которые боролись между собою за обладаніе Италіей на ея же собственной почвѣ. Какъ-же вели себя въ это время гуманисты? Развѣ они не служили тираннамъ, подавлявшимъ свободу Италіи? Развѣ въ числѣ покровителей классицизма не было кондотьеровъ? Развѣ гуманисты въ эпоху иноземныхъ вторженій проявили патріотизмъ? Наконецъ, не слишкомъ-ли любили они древность въ ущербъ современности и не заявляли ли мнѣній вполнѣ космополитическаго характера, пренебрегая весьма часто роднымъ языкомъ для классической латыни?... Но гуманизмъ не былъ явленіемъ спеціально итальянскимъ: значеніе его въ исторіи было гораздо шире, ибо онъ сдѣлался явленіемъ общеевропейскимъ и притомъ оказывалъ вліяніе не на одну современность, занявши именно мѣсто въ числѣ крупныхъ историческихъ факторовъ, участвовавшихъ вообще въ созданіи всей культуры новаго времени,—и вотъ съ этойто точки зрѣнія мы должны оцѣнивать его положительные результаты.

Современная наука все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что въ основѣ гуманистическаго движенія лежалъ индивидуализмъ, и что въ результатѣ онъ долженъ былъ привести къ культурной секуляризаціи, чѣмъ и дается **та точка зрѣнія, съ которой мы должны смотрѣть на**

общеисторическую роль гуманизма. Въ „возродившейся" классической древности гуманисты находили опору для своихъ новыхъ стремленій, и чисто свѣтская цивилизація античнаго міра не могла, съ своей стороны, не возбуждать новыхъ умственныхъ стремленій, бывшихъ неизвѣстными въ средніе вѣка. Поэтому и оцѣнивать гуманизмъ мы должны главнымъ образомъ, какъ явленіе въ чисто умственной исторіи, какъ движеніе, положившее начало свѣтской цивилизаціи новаго времени, создавшее въ Западной Европѣ науку, которою она справедливо гордится, выдвинувшее, наконецъ, классъ свѣтской интеллигенціи, къ коей въ новой исторіи и переходитъ духовное руководительство обществомъ.

О значеніи Возрожденія въ исторіи секуляризаціи мысли сказано было достаточно, но намъ нужно еще разсмотрѣть общее значеніе гуманизма для развитія науки. Средневѣковое міросозерцаніе, какъ мы видѣли, не допускало самостоятельнаго существованія науки: въ лучшемъ случаѣ послѣдняя признавалась, какъ подспорье для церковныхъ цѣлей, а потому ей отводилась весьма узкая область интересовъ, да и въ той еще человѣкъ не могъ двигаться съ полною свободою, будучи со всѣхъ сторонъ обставленъ готовыми рѣшеніями. Гуманисты эманципируютъ науку изъ-подъ церковной опеки и даютъ ей самостоятельное значеніе въ умственной жизни, направивъ дѣятельность изслѣдующей мысли на человѣка, умственный интересъ къ которому является однимъ изъ главныхъ признаковъ всего движенія (хотя бы этотъ интересъ и не всегда сопровождался моральнымъ альтруизмомъ или развитымъ гражданскимъ чувствомъ). Первый научный интересъ возбудилъ къ себѣ самъ человѣкъ: этимъ объясняется то, что въ общемъ гуманисты, особенно въ болѣе раннюю эпоху занимались исключительно однѣми гуманитарными науками; но безъ возбужденія ими вообще интереса къ научному изслѣдованію всей вообще дѣйствительности не могло бы развиться необходимыхъ умственныхъ условій для того, чтобы возникло

впослѣдствіи и естествознаніе, въ коемъ новой Европѣ также сначала приходилось учиться у древнихъ, если не считать тѣхъ положительныхъ знаній, какія въ средніе вѣка были заимствованы ими у арабовъ. Большой умственный интересъ къ дѣйствительности, хотя бы и сопровождаемый, какъ это было особенно у позднѣйшихъ гуманистовъ моральнымъ и соціальнымъ индифферентизмомъ, очень важная черта въ исторіи гуманизма, и она положительно противорѣчитъ весьма часто встрѣчающемуся въ историческихъ сочиненіяхъ взгляду, будто бы гуманисты цѣликомъ ушли въ классическую древность, закрывъ глаза на окружающую ихъ современность, хотябы, конечно, изъ всѣхъ областей знанія, съ какими только можно было познакомиться по книгамъ, онилучше всего были знакомы съ древней литературой, что весьма часто и выдвигается совершенно напрасно на самый первый планъ, когда рѣчь заходитъ о гуманизмѣ. Конечно, среди гуманистовъ были, такъ сказать, спеціалисты классической филологіи, но ни одинъ крупный представитель движенія не замыкался исключительно въ эту область, чтобы заниматься только вопросами грамматики, стиля, критики текста, археологіи, исторіи литературныхъ произведеній и другими тому подобными предметами. Гуманисты были люди широкаго общаго образованія: въ этомъ ихъ отличіе отъ средневѣковыхъ ученыхъ, которые слишкомъ спеціализировались въ тѣхъ или другихъ отрасляхъ знанія. Уже Петрарка широко опредѣлялъ цѣль науки, какъ самопознаніе. Онъ отвергалъ теологію за недоступность ея предмета разуму и за то, что она не ведетъ къ самопознанію; онъ выдвигалъ на первый планъ поэзію, этику и исторію, говорящихъ о человѣкѣ, и сравнительно съ ними принижалъ медицину и юриспруденцію, касающихся, по его мнѣнію, менѣе важныхъ сторонъ человѣка. Петрарка защищалъ еще занятія языческой поэзіей и философіей потому, что онѣ внушаютъ уваженіе къ истинной религіи и ведутъ къ добродѣтели, и вообще моральную цѣль наукѣ ставятъ другіе ранніе гуманисты, но Леонардо Бруни уже высказываетъ взглядъ,

по которому наука стоитъ въ тѣсной связи съ самостоятельною духовною потребностью знанія. Средневѣковая наука не могла удовлетворить новые умственные запросы, пришлось прибѣгнуть къ классическской древности, но въ ней гуманисты останавливаются преимущественно на философахъ, поэтахъ, ораторахъ и историкахъ, оставаясь равнодушными къ праву; если они пишутъ свои сочиненія по латыни, то не ими это началось, да и не ими кончилось, такъ что въ этомъ отношеніи они продолжали средневѣковую привычку, очищая только языкъ отъ варваризмовъ и вырабатывая хорошій стиль, особенно подражая Цицерону, хотя и тутъ Петрарка выставилъ идивидуалистическій принципъ (suus cuique formandus stylus), напоминающій намъ извѣстное изреченіе Бюффона: le style est l'homme. Научныя занятія гуманистовъ, направленныя на человѣческія дѣла, должны были положить начало разнымъ отдѣльнымъ наукамъ, каковы педагогика, политика и исторія, существовавшія, конечно, и раньше, но совсѣмъ въ иной формѣ, нежели та, какую онѣ получаютъ въ эпоху Возрожденія и въ какой развиваются въ новое время, причемъ, разумѣется, образцы имъ были даны писателями античнаго міра. Но у этихъ писателей гуманисты могли заимствовать лишь формы и пріемы: духъ изслѣдованія, полная свобода отъ традиціи, критическое отношеніе къ дѣйствительности, стремленіе къ обобщенію личнаго опыта, построеніе собственныхъ теорій,— всѣ эти черты умственнаго индивидуализма, безъ которыхъ не можетъ существовать настоящей научной дѣятельности, конечно, не могли быть заимствованы внѣшнимъ образомъ, если бы предыдущее культурное и соціальное развитіе не заключало въ себѣ условій для того, чтобы выступили на сцену люди съ такою умственной характеристикой.

Всѣмъ этимъ создавались основы дальнѣйшей научной эволюціи, играющей такое важное значеніе въ исторіи новаго времени, и особенно важно то, что усилія гуманистовъ были направлены на міръ человѣческихъ отношеній. Какую бы роль ни играли въ исторіи моральные принципы и соціаль-

ные идеалы,—а ихъ роль громадная,—удачное разрѣшеніе ставимыхъ исторіей общественныхъ вопросовъ бываетъ возможно лишь при свѣтѣ знанія, въ чемъ и заключается великая историческая роль науки. Гуманисты положили въ основу своей науки изученіе человѣческой природы, каковою она является въ дѣйствительности, и какъ бы они ни расходились между собою въ пониманіи и оцѣнкѣ этой природы, они были близки другъ къ другу потому, что стояли на одной почвѣ, далекой отъ схоластики и аскетизма. Пусть Бруни находилъ, что человѣкъ по природѣ своей существо нравственное, и что на лучшихъ ея сторонахъ должна быть основана мораль, именно на развитіи этихъ сторонъ, а не на подавленіи всѣхъ инстиктовъ природы, и пусть Макіавелли высказывался въ смыслѣ діаметрально противоположномъ, чтобы сдѣлать свои ужасные политическіе выводы, оба они сходятся между собою именно въ томъ, что берутъ реальныхъ людей, а не схоластическія абстракціи и разсматриваютъ человѣка съ точки зрѣнія земныхъ условій и цѣлей индивидуальнаго бытія, а не съ той, которая господствовала въ аскетическихъ сочиненіяхъ. На ту же почву они переносятъ и политическую науку, отрѣшаясь отъ богословскихъ соображеній и теократическихъ тенденцій, основываясь на раціоналистическихъ посылкахъ, на данныхъ опыта, взятыхъ изъ исторіи или современности, и на идеяхъ общественной пользы. Національный и политическій индифферентизмъ, выработавшійся у гуманистовъ, относится къ субъективной сторонѣ ихъ политическихъ теорій, и мы уже видѣли, какъ слѣдуетъ смотрѣть на послѣднія съ этой точки зрѣнія, но въ томъ, что касается научнаго объективизма и изслѣдованія политическихъ явленій, именно гуманисты являются родоначальниками общественныхъ наукъ новаго времени, наукъ,—уже съигравшихъ важную роль въ рѣшеніи политическихъ и соціальныхъ вопросовъ новыхъ вѣковъ,—наукъ, которымъ принадлежитъ еще бо̀льшая роль въ будущемъ. Гуманисты въ XIV—XV вв. совершенно также начинаютъ собою рядъ соціоло-

гическихъ писателей новаго времени, какъ жившіе въ XVI и XVII вѣкахъ протестантскіе (и католическіе) авторы крупныхъ политическихъ трактатовъ заканчиваютъ собою развитіе политической науки на богословской почвѣ, начавшееся въ средніе вѣка и пережившее появленіе гуманистической политики, которая, однако, не осталась безъ вліянія и на эту отрасль политической литературы.

Это движеніе въ области науки не могло не сопровождаться выработкой научныхъ методовъ. Прежде всего они были приложены къ изученію классическихъ литературъ. Хорошее пониманіе древнихъ авторовъ требовало большихъ усилій ума и преимущественно въ критическомъ установленіи текста, испорченнаго переписчиками, а также въ точномъ переводѣ греческихъ писателей на болѣе понятный латинскій языкъ. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ въ выработкѣ исторической критики, которою занимается уже Петрарка, но особенно хорошо пользуется пріемами критики источниковъ Леонардо Бруни, рѣшая такіе вопросы, какъ о началѣ Мантуи и происхожденіи Цицерона, составляя біографіи какъ этого послѣдняго, такъ и Аристотеля, наконецъ очищая исторію Флоренціи отъ баснословнаго элемента. Критическіе пріемы Лоренцо Валлы уже составляютъ истинную его славу: онъ занимался съ критической точки зрѣнія не только тѣми предметами, о коихъ упоминалось раньше, но и римской исторіей, изучая Тита Ливія. Макіавелли въ своихъ „Discorsi“ своеобразно соединяетъ исторію съ политикой и философіей, а въ своей флорентійской исторіи является однимъ изъ крупнѣйшихъ историческихъ писателей, хотя и тутъ онъ имѣлъ предшественника въ лицѣ Бруни. Средневѣковому лѣтописанію гуманистической исторіографіей былъ положенъ конецъ не только со стороны внутренней, но и съ внѣшней стороны: введенію въ исторіографію—критики и изслѣдовательскихъ пріемовъ и общихъ взглядовъ и оцѣнки отдѣльныхъ событій, равно какъ обобщеній, основанныхъ на личномъ опытѣ и на данныхъ прошлаго, соотвѣтствовала и самая

перемѣна въ формѣ изложенія, между тѣмъ какъ обыкновенно личность автора средневѣковой хроники, совершенно исчезавшая въ изображаемыхъ событіяхъ, выдвигается въ мемуарной литературѣ новаго времени, которой положено было начало опять-таки итальянскими гуманистами.

Не строго отвлеченное изслѣдованіе сущности общества и государства, встрѣчавшееся и у схоластиковъ, обусловливаетъ общественную роль политической науки, но такое отношеніе къ этому вопросу, когда наука переходитъ уже прямо въ публицистику, и тогда только благотворно дѣйствуетъ публицистика, когда она возвышается до научнаго духа, выдвигая на первый планъ истину, какъ результатъ изслѣдованія, а не элементъ страсти и предразсудка. Гуманисты были настоящими публицистами новаго времени, писавшими свои политическіе трактаты въ виду дурно ли, хорошо ли понимаемыхъ требованій жизни и создавая цѣлую популярную литературу (переписка, рѣчи, инвективы, стихотворная полемика), такъ сказать, насыщенную научнымъ духомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на нее съ моральной или политической стороны. Гуманистическая публицистика пріобрѣла значеніе въ обществѣ и сдѣлалась органомъ общественнаго мнѣнія. Конечно, мы не станемъ отвергать существованія послѣдняго и въ средніе вѣка, но важно было то, что выразителями и вмѣстѣ съ тѣмъ руководителями общественнаго мнѣнія сдѣлались люди, къ голосу которыхъ стали прислушиваться лишь потому, что они были представители образованія, обязанные своимъ правомъ на вліяніе самимъ себѣ, своей учености и своимъ способностямъ, а не внѣшнему своему положенію въ обществѣ, т. е., напр., не по знатности своего происхожденія, не по ученымъ университетскимъ степенямъ, не по принадлежности, наконецъ, къ духовному сану, которая одна въ средніе вѣка была основою умственнаго вліянія на общество. Въ гуманизмѣ сказалась сила научнаго образованія, сила науки и ума. Средневѣковая церковь господствовала надъ обществомъ рав-

нымъ образомъ вслѣдствіе своего умственнаго превосходства, какъ единственная носительница тогдашняго образованія, но она въ то же время была цѣлой организаціей, опиравшейся на извѣстную матеріальную основу, которая заключалась въ ея землевладѣніи, такъ что стоило сдѣлаться членомъ церковной іерархіи для того, чтобы тѣмъ самымъ оказывать вліяніе на общество уже въ силу одного своего сана; да и самое это вліяніе должно было получать болѣе или менѣе сословный характеръ, не говоря уже о клерикальной окраскѣ, которую имѣло все образованіе, развивавшееся подъ сѣнью католической церкви. Гуманисты впервые образуютъ интеллигенцію въ духѣ новаго времени, въ которой каждый занимаетъ свое мѣсто лишь въ силу личнаго своего образованія и таланта, которая не имѣетъ по самому существу своему (другое дѣло мѣстныя и временныя условія) сословнаго характера, и которая, наконецъ, отличается чисто свѣтскимъ характеромъ. Индивидуализмъ, безсословность и свѣтскость этой первой въ Западной Европѣ интеллигенціи новаго времени составляютъ полную противоположность церковному, сословному и корпоративному характеру интеллигенціи средневѣковой, т. е. вообще католико-феодальнымъ основамъ культурнаго и соціальнаго быта съ весьма слабымъ въ немъ развитіемъ личнаго начала. Развитіе гуманистическихъ принциповъ и составляетъ главное содержаніе новой цивилизаціи.

Нужно сразу охватить мыслью то значеніе, какое пріобрѣла наука въ новое время, чтобы понять всю заслугу ея родоначальниковъ передъ потомствомъ и человѣчествомъ, такъ какъ новая западно-европейская наука, значеніе которой все болѣе и болѣе усиливается въ культурно-соціальной жизни не одного Запада, и есть та сила, естественная цѣль коей—создать такое духовное содержаніе, чтобы на его основахъ возможно было культурное объединеніе человѣчества. Гуманизмъ съ самаго своего начала получаетъ характеръ общечеловѣческій, какъ и „просвѣщеніе“ XVIII вѣка, что и объясняетъ

намъ его громадный успѣхъ во всей Западной Европѣ: въ этомъ отношенiи онъ не только превосходитъ лютеранизмъ, бывшiй проникнутымъ нацiональными тенденцiями, но и болѣе космополитическiй кальвинизмъ, распространявшiйся все-таки только въ странахъ католической культуры, тогда какъ новая наука не знаетъ ни племенныхъ, ни вѣроисповѣдныхъ преградъ для своего распространенiя. Гуманизмъ не былъ спецiальнымъ порожденiемъ итальянскаго нацiональнаго генiя, но онъ въ дальнѣйшей своей эволюцiи утрачиваетъ и специфическiя западно-европейскiя свои черты, чтобы стать, дѣйствительно, общечеловѣческимъ. Въ послѣднемъ отношенiи особенно важно одно обстоятельство, тѣсно и неразрывно связанное съ Ренессансомъ.

Въ выработку новаго философскаго, этическаго и соцiологическаго мiросозерцанiя, которая была начата итальянскими гуманистами, пошло именно все богатое наслѣдство классическаго мiра, бывшее результатомъ долгой исторической жизни, продуктомъ великихъ усилiй ума, синтезомъ всего, что могла дать жизнь не только самихъ классическихъ народовъ, но и другихъ древнихъ культурныхъ странъ, влiянiе коихъ на грековъ и римлянъ не подлежитъ сомнѣнiю. Гуманисты были первыми людьми, заинтересовавшимися чуждымъ окружавшей ихъ дѣйствительности мiромъ и вслѣдствiе этого вышедшими изъ культурной исключительности: обращенiе христiанской Европы къ Европѣ языческой, Европы латинской къ Европѣ греческой, Европы XIV—XV вѣковъ къ той Европѣ, которая существовала за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ, было великимъ культурнымъ фактомъ. Этотъ интересъ къ чужому былъ самъ по себѣ общечеловѣческимъ, ибо человѣку, какъ таковому не можетъ быть чуждо все человѣческое, хотя бы оно относилось къ самымъ отдаленнымъ и во времени, и въ пространствѣ предметамъ. Овладѣвъ знанiемъ классическаго мiра, новая Европа въ кругъ своихъ научныхъ интересовъ заключала съ теченiемъ времени всѣ времена, народы и страны, и ту древность, въ сравненiи съ коей античный мiръ есть явле-

ніе болѣе позднее, и націи самаго далекаго Востока до Индіи и Китая, и вновь открытый міръ африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ варваровъ и дикарей. Начало расширенія научнаго интереса ко всему человѣческому было такимъ образомъ положено изученіемъ классической древности, и классицизмъ сдѣлался такимъ образомъ научнымъ направленіемъ, подымавшимъ западно-европейскую теоретическую мысль на высшую ступень развитія общечеловѣческихъ началъ въ наукѣ. Для гуманистовъ античный міръ былъ не простымъ предметомъ, на которомъ можно было упражнять изслѣдовательскую страсть и критическія способности: они искали тамъ опоры для своихъ стремленій, отвѣтовъ на разные вопросы мысли и жизни, формулировки извѣстныхъ воззрѣній, образцовъ для подражанія въ отдѣльныхъ родахъ дѣятельности и находили тамъ новыя идеи и новые принципы, пошедшіе, какъ матеріалъ, въ умственную постройку новой науки.

Понятное дѣло, что эта новая наука не могла не захватить въ кругъ своихъ интересовъ своего, роднаго, общаго всей западной Европѣ или отдѣльнымъ ея націямъ. Гуманисты вовсе не были такъ увлечены древностью, чтобы изъ-за нея забывать все остальное, и напр., три великіе современника, овладѣвшіе новымъ образованіемъ, Макіавелли, Эразмъ и Томасъ Морусъ отразили каждый по своему свою родную дѣйствительность. Свѣтская наука была еще слаба и вслѣдствіе внутренняго недостатка въ силахъ, и вслѣдствіе внѣшнихъ условій, чтобы тогда же, т. е. около 1500 г. овладѣть всецѣло общественнымъ движеніемъ, какъ она это сдѣлала двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя во время развитія просвѣтительной литературы и просвѣщеннаго абсолютизма, но путь, по которому она пришла къ тому, чтобы достигнуть господства въ обществѣ, былъ намѣченъ еще гуманистами, но уже отъ моральнаго и соціальнаго содержанія самой жизни зависѣло то, какія вѣянія и движенія современности будутъ отражаться на наукѣ, какой матеріалъ по части нравственныхъ и обще-

ственныхъ принциповъ будетъ поставлять жизнь для научной обработки, какіе соціальные и политическіе интересы проникнутъ въ идейную лабораторію знанія. Въ XVI в. наука должна была уступить первенство религіи въ рѣшеніи вопросовъ не только морали, истинной сферы всякой религіи, но и политики; за то происшедшее въ религіозной области движеніе само сдѣлалось достояніемъ свѣтскаго просвѣщенія, наполнивъ его идеями и принципами, которые были слабо представлены или вовсе неразвиты въ гуманистической литературѣ, но которые были не только плодомъ усилій мысли отдѣльныхъ личностей, но и результатомъ цѣлыхъ политическихъ и общественныхъ движеній, въ коихъ сталкивались старые и новые интересы, старыя и новыя традиціи. Для науки это теченіе жизни не оставалось безслѣднымъ, и въ новой исторіи наступила пора, когда научное и общественное движенія перестали существовать отдѣльно одно отъ другого, когда они встрѣтились болѣе прочнымъ и болѣе плодотворнымъ образомъ, чѣмъ въ эпоху Возрожденія, и вслѣдствіе внутренняго прогресса самой науки, и вслѣдствіе того, что и общественная исторія была уже и морально, и политически болѣе содержательна, чѣмъ всѣ итальянскіе внутренніе перевороты и внѣшнія войны, изъ которыхъ не возникало ничего такого, что могло бы идти въ сравненіе съ такими событіями, какъ нѣмецкая реформація, возстаніе Нидерландовъ англійская революція и т. п., ограничиваясь фактами только одного реформаціоннаго періода. Свѣтская наука не могла рано или поздно не захватить въ число своихъ предметовъ и современной дѣйствительности, и гуманисты были первые ученые, которые интересуются реальною жизнью: это выражается въ ихъ политическихъ трактатахъ и сочиненіяхъ исторіографическаго характера, въ коихъ они разсматриваютъ окружавшую ихъ дѣйствительность не съ точки зрѣнія какихъ-либо традицій, а на основаніи личныхъ соображеній, основывающихся на раціоналистической аргументаціи, на историческихъ примѣрахъ и собственныхъ наблюденіяхъ автора.

На основаніи всего этого мы и должны видѣть въ гуманизмѣ прежде всего, эманципацію человѣческаго ума отъ догматической традиціонности, которая господствовала въ области мысли втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, и зарожденіе научнаго духа, которому, впрочемъ, пришлось еще много бороться не только съ католицизмомъ, но и съ новою схоластикою, выработавшеюся въ самомъ протестантизмѣ, не говоря уже о свѣтской власти и обществѣ, съ коими новой наукѣ неразъ приходилось сталкиваться, когда она относилась критически къ тѣмъ или другимъ традиціоннымъ принципамъ или современнымъ интересамъ.

XXXIV. Возрожденіе и Реформація *).

Два движенія въ началѣ новаго времени: свѣтское и религіозное. — Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Возрожденія и Реформаціи. — Ихъ антагонизмъ.—Сравненіе обоихъ движеній въ Италіи, Германіи, Франціи и Англіи. — Примиреніе христіанства и античной образованности. — Новое образованіе и церковная реформа.—Разные оттѣнки обоихъ движеній и разнообразіе ихъ отношеній. — Причины побѣды реформаціоннаго движенія.—Чѣмъ интересна исторія Савонаролы?

Гуманистическое движеніе, возникшее въ Италіи въ XIV в. и заглохшее въ ней лишь въ XVI столѣтіи, движеніе, по-

*) Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между гуманизмомъ и реформаціей мало изслѣдованъ во всемъ его объемѣ, хотя можно указать на множество сочиненій, касающихся этого вопроса и даже указывающихъ на него въ самыхъ своихъ заголовкахъ. Кромѣ соч. Ранке, Янсена, Гагена и др., посвященныхъ эпохѣ реформаціи и разсматривающихъ дѣятельность гуманистовъ, кромѣ и біографій гуманистическихъ дѣятелей реформаціонной эпохи въ родѣ Эразма, Ульриха фонъ Гуттена и др., см. Nisard. Renaissance et réforme.—Gebhard. Rabelais, la Renaissance et la Réforme.—Szujski. Odrodzenie i reformacya w Polsce.—Seebohm. The Oxford reformers Colt, Erasmus and More. — Cornelius. Die münsterischen Humanisten und ihr Verhältniss zur Reformation.—Kampschulte. Die Universität Erfurt.—W. Reindell. Luther, Crotus und Hutten.—Для Савонаролы см. Н. Осокинъ. Савонарола и Флоренція. Villari. Storia di Girolamo Savonarola e de'suoi tempi, а также Perrens.

лучившее во второй половинѣ XV в. значеніе общеевропейское, чтобы усилиться въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія, не было единственымъ крупнымъ явленіемъ въ духовной жизни западно-европейскихъ народовъ въ эти вѣка ихъ исторіи: какъ разъ въ то время, когда оно развивалось и, повидимому, стремилось лечь въ основу всей дальнѣйшей культурной эволюціи, подготовлялось и другое движеніе, имѣвшее совсѣмъ иной источникъ и отличавшееся инымъ характеромъ, движеніе, которое мы должны назвать реформаціоннымъ по имени религіозной реформаціи XVI вѣка, когда именно оно достигло уже наибольшаго напряженія и, оттѣснивъ гуманистическое на второй планъ, стало первенствовать въ исторической жизни. Такимъ образомъ новая исторія открывается двумя движеніями—свѣтскимъ и религіознымъ, Возрожденіемъ и Реформаціей, и изъ нихъ второе пересиливаетъ первое. Въ самомъ дѣлѣ, въ XIV и XV вв. такъ называемая „порча" католической церкви вызываетъ противъ себя протестъ религіозный, имѣвшій иной источникъ, чѣмъ всѣ виды свѣтской оппозиціи противъ католицизма, и выражавшійся не въ стремленіи освободить мысль и жизнь отъ церковной опеки, а въ стремленіи реформировать самую религію, въ стремленіи, которое ставитъ для насъ на одну общую почву и сектантовъ, отторгшихся отъ церкви, и предшественниковъ протестантской реформаціи XVI вѣка, и сторонниковъ реформы церкви при помощи соборовъ, т. е. вообще весьма не схожихъ между собою дѣятелей XIV и XV (отчасти и болѣе раннихъ) вѣковъ, но отличающихся отъ итальянскихъ гуманистовъ, бывшихъ ихъ современниками, своими религіозными и церковными стремленіями: достаточно вспомнить, что вторая половина XIV и первая половина XV в. были временемъ проповѣди Виклифа и Гуса, временемъ распространенія ихъ ученій, временемъ парижскихъ богослововъ, выставившихъ идею ограниченной папской монархіи и федераціи національныхъ церквей, временемъ

великихъ соборовъ въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ. Въ самый разгаръ гуманистическаго „паганизма“ въ Италіи, въ пору наибольшаго распространенія Ренессанса, въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи начинается религіозная реформація; въ тѣхъ же двадцатыхъ годахъ она овладѣваетъ скандинавскими государствами, въ слѣдующемъ десятилѣтіи захватываетъ Англію, въ сороковыхъ годахъ получаетъ новый центръ въ Женевѣ, откуда въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ распространяется по Франціи, Шотландіи, Нидерландамъ, Польшѣ, чтобы наполнить потомъ исторію цѣлаго столѣтія, до середины XVII в. религіозными междуусобіями и войнами и дать религіозное знамя политическимъ и общественнымъ движеніямъ эпохи.

Въ какихъ же отношеніяхъ находились между собою Возрожденіе и Реформація? Вотъ вопросъ, на который трудно дать общій и вполнѣ исчерпывающій суть дѣла отвѣтъ, тѣмъ болѣе что нѣтъ ни одного историческаго труда, въ которомъ вопросъ этотъ былъ бы рѣшенъ полно, всесторонне и вполнѣ научно. Да и трудно его рѣшить. Начать съ того, что нужно высказать приговоръ о цѣлыхъ трехъ столѣтіяхъ въ исторіи Запада, если начинать гуманистическую эпоху серединою XIV в., а за конецъ эпохи реформаціонной взять середину XVII в: и гуманизмъ пережилъ разные фазисы, и реформація тоже за эти вѣка измѣнялась. Вопросъ усложнится, если мы примемъ еще въ расчетъ, что оба движенія происходили на территоріи почти всей западной Европы, у разныхъ народовъ. Наконецъ оба они затрогивали столько сторонъ личной и общественной жизни — религію, философію, науку, литературу, искусство, мораль, политику, соціальныя отношенія, а это, разумѣется, дѣлаетъ предметъ, подлежащій изслѣдованію, еще болѣе сложнымъ и труднымъ. Отсюда и возможность противорѣчивыхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, смотря по тому, какіе факты принимаются главнымъ образомъ во вниманіе (т. е., напр. индифферентный ли къ религіи гуманизмъ итальянскій или религіозно

настроенный гуманизмъ нѣмецкій), и смотря по общимъ соображеніямъ, безъ коихъ нельзя обойтись при рѣшеніи сложныхъ историческихъ вопросовъ.

Я позволю себѣ привести нѣкоторыя соображенія, которыя будутъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго изложенія. Гуманизмъ богаче всего и оригинальнѣе развился въ Италіи и именно, какъ свѣтское направленіе, тогда какъ реформація есть явленіе религіозное, а потому между ними долженъ былъ возникнуть антагонизмъ. Гуманисты ставили личности цѣли въ этой жизни, понимая ихъ въ смыслѣ земного благополучія, тогда какъ реформаторы исходили изъ идеи о спасеніи души, отвергнувъ только старыя католическія средства для достиженія этой цѣли. Гуманизмъ былъ проявленіемъ индивидуализма въ области мысли, выдвигая на первый планъ человѣческій разумъ и служа поэтому раціонализму, а въ религіозной реформаціи индивидуализмъ проявлялся въ области вѣры и болѣе склонялся къ мистицизму, чѣмъ къ раціонализму. Отворачиваясь одинаково отъ средневѣковой схоластики и аскетической морали, гуманисты искали опоры своимъ стремленіямъ въ античной литературѣ, которую для реформаторовъ въ этомъ отношеніи замѣняли св. писаніе и отцы церкви. Если обобщить увлеченія однихъ, то можно признать, что ихъ помыслы были въ классической древности, отдѣлявшейся отъ нихъ цѣлыми столѣтіями варварства, невѣжества, паденія истинной образованности; обобщая же увлеченія другихъ, мы найдемъ у нихъ стремленіе вернуться къ первобытному христіанству, къ первоначальной церкви, въ средневѣковой исторіи коей видѣлись лишь порча и искаженіе. Классическій гуманизмъ и христіанская реформація могли бы разсматриваться съ этой точки зрѣнія, какъ двѣ реставраціи, какъ возстановленіе двухъ міровъ, когда-то находившихся въ борьбѣ между собою не на животъ, а на смерть. Таковы чисто логическія соображенія, и эта логика оправдывается фактами. Возьмемъ Италію: въ ней силенъ былъ свѣтскій гуманизмъ, индиф-

ферентный къ религіи, казавшійся прямо языческимъ, и въ Италіи не было религіозной реформаціи, но когда въ серединѣ XVI в. началась здѣсь реставрація католицизма, то эта религіозная реакція, направленная противъ реформаціи, оказалась гибельною и для Возрожденія. Иное дѣло Германія: здѣсь Возрожденіе принимаетъ болѣе религіозный характеръ подстать гораздо бо̀льшей религіозности самого общества, и зародыши болѣе свѣтскаго направленія, обнаружившагося въ первыя десятилѣтія XVI вѣка, гибнутъ съ началомъ реформаціоннаго движенія. Или вотъ еще Франція: ея исторія въ XVI вѣкѣ дѣлится какъ бы на двѣ части, изъ коихъ въ первой, до середины столѣтія, господствуетъ итальянскій Ренессансъ, выражающійся въ литературной дѣятельности индифферентнаго къ религіознымъ спорамъ Рабле, скептика и проповѣдника жизни, сообразной съ природою, а во второй половинѣ господствуетъ суровый кальвинизмъ съ его религіознымъ фанатизмомъ. Аналогичное явленіе представляетъ намъ и Англія, именно „старая веселая Англія“ XVI вѣка, когда сильно было итальянское вліяніе, когда процвѣталъ театръ, когда жилъ совсѣмъ свѣтскій по своему духу писатель, Шекспиръ, о которомъ такъ-таки хорошенько и неизвѣстно былъ ли онъ въ душѣ католикъ, или протестантъ въ эту эпоху всеобщей борьбы двухъ исповѣданій, и Англія середины XVII вѣка, Англія мрачныхъ пуританъ, религіозныхъ сектъ, Англія Мильтона, этого протестантскаго Данте. Однимъ словомъ, ни въ Италіи, ни въ Германіи, ни въ Франціи, ни въ Англіи не уживаются между собою оба движенія, и вездѣ за болѣе или менѣе продолжительною (иногда именно менѣе продолжительною, т. е. довольно короткою) эпохой свѣтскаго характера наступаетъ время сильнаго религіознаго возбужденія, которое то совершенно затираетъ гуманизмъ и вышедшія изъ него направленія, то отодвигаетъ ихъ на задній планъ. Ко второй половинѣ XVII в. все, что непосредственно было связано съ реформаціей, начинаетъ ослабѣвать, свѣтское культурное движеніе мало-по-малу полу-

чаетъ перевѣсъ и достигаетъ сильнаго развитія въ „просвѣщеніи“ XVIII вѣка, дѣятели коего чувствуютъ свое родство съ гуманистами дореформаціонной эпохи, и нужно замѣтить, что чутье ихъ въ данномъ случаѣ не обманывало.

Было бы весьма заманчиво остановиться на такой формулировкѣ отношеній между двумя великими культурными явленіями, коимъ западная Европа главнымъ образомъ и обязана переходомъ своимъ въ новое время. Но реальная жизнь и притомъ жизнь нѣсколькихъ поколѣній въ разныхъ странахъ, притомъ въ связи съ массою всевозможныхъ культурныхъ и соціальныхъ отношеній и съ великимъ разнообразнымъ индивидуальныхъ характеровъ сложнѣе логики отвлеченныхъ принциповъ: въ ней есть непослѣдовательности, противорѣчія, есть стороны, которыя не укладываются въ схематическое построеніе, которыя ускользаютъ отъ ясной и простой формулировки. Поэтому мы и не должны придавать приведеннымъ соображеніямъ безусловнаго значенія.

Основною чертою въ дѣятельности первыхъ гуманистовъ въ Италіи мы признали стремленіе примирить христіанство съ античною образованностью, и если позднѣйшіе итальянскіе гуманисты сходятъ съ этой почвы, то въ другихъ странахъ, наоборотъ, ея не покидаютъ представители Возрожденія, бывшіе современниками уже реформаціоннаго движенія: наиболѣе рельефный примѣръ такого отношенія гуманизма къ христіанству представляетъ собою Эразмъ Роттердамскій, который былъ не только представителемъ свѣтскаго Ренессанса въ началѣ XVI в., но и настоящимъ основателемъ протестантскаго богословія, представлявшаго изъ себя,—по крайней мѣрѣ, въ первыя времена своего развитія, пока и здѣсь не образовалась своя схоластика,—примѣненіе къ изученію св. писанія и отцовъ церкви—тѣхъ пріемовъ, которые были выработаны при изученіи классическихъ авторовъ. Въ XVI вѣкѣ, когда религіозные вопросы заинтересовали и итальянцевъ, между послѣдними явилось немалое количество вольнодумцевъ, внесшихъ раціонализмъ въ

пониманіе христіанскихъ догматовъ, но и они, какъ мы увидимъ, не хотѣли отрываться отъ христіанства, хотя и сходили съ исторической его почвы, отрицая троичность Божества и божественность Іисуса Христа (такъ называемые антитринитаріи). Какъ въ первыя вѣка христіанства церковные писатели пользовались образовательными средствами классической древности и подъ вліяніемъ античной философіи складывались еретическія ученія, такъ и въ XV—XVI вѣкахъ, съ одной стороны, обнаруживалось болѣе или менѣе свободное, но отнюдь не враждебное отношеніе къ христіанству, а съ другой, стремленіе воспользоваться средствами новаго образованія для блага церкви или въ цѣляхъ ея реформы. На него думаетъ опираться архіепископъ гнѣзненскій Збигнѣвъ Олесницкій для противодѣйствія гуситству въ Польшѣ; имъ овладѣваетъ религіозное „братство общей жизни“ въ Германіи; въ числѣ помощниковъ Лютера и вообще реформаторовъ были люди гуманистической науки, каковы Меланхтонъ или Эколампадій. Церковная реформа XVI вѣка нуждалась въ умственныхъ силахъ, въ научныхъ средствахъ, и вотъ эти то силы, эти средства доставлены были ей Возрожденіемъ съ его знаніемъ древнихъ языковъ, съ его новыми пріемами изслѣдованія, съ его отвращеніемъ къ схоластикѣ. Однимъ словомъ, оба движенія были способны сближаться одно съ другимъ на нѣкоторой общей почвѣ, такъ что та противоположность между ними, которая была указана выше на основаніи отвлеченныхъ соображеній и нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, вовсе не была безусловною. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ право говорить о болѣе умѣренныхъ направленіяхъ, какія принимались свѣтскимъ Возрожденіемъ и религіозной реформаціей, и о направленіяхъ болѣе крайнихъ, въ коихъ именно и проявлялся съ наибольшею силою указанный антагонизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, не было уже никакой общей почвы, напр., съ одной стороны, у того гуманистическаго направленія, которое отличалось въ дѣлахъ вѣры и морали индифферентизмомъ, скеп-

тицизмомъ, „паганизмомъ“ и эпикуреизмомъ, а съ другой, у фанатическаго сектантства, отрицавшаго науку, образованіе, радости жизни, хотя раціонализмъ одного и мистицизмъ другого были проявленіями одного и того-же индивидуализма, противополагающаго всему объективному или личный разумъ, или личную вѣру. Между людьми, органически сливавшими въ себѣ духъ новаго образованія и религіозные интересы, съ одной стороны, и людьми, или исключительно дорожившими интересами земной жизни и свѣтскаго образованія, или, наоборотъ, насквозь проникнутыми мыслью о спасеніи въ иномъ мірѣ и о реформѣ религіи, мы находимъ цѣлый рядъ людей, въ коихъ элементы обоихъ движеній, то сходящихся въ одномъ пунктѣ, то діаметрально расходящихся, встрѣчаются въ разныхъ сочетаніяхъ съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ или того, что составляло сущность Ренессанса, или того, что было содержаніемъ реформаціи. Во всякомъ случаѣ лишь очень немногіе, въ родѣ Эразма Роттердамскаго, могли-бы служить примѣрами сколько-нибудь равноправнаго сочетанія гуманистическихъ и теологическихъ интересовъ: у другихъ дѣятелей, носящихъ на себѣ слѣды вліянія обоихъ движеній, перевѣшиваетъ либо одно, либо другое, и то вся новая образованность поступаетъ на службу религіи, то, наоборотъ, религіозная реформа вызываетъ къ себѣ сочувствіе лишь вслѣдствіе соображеній, имѣвшихъ отношеніе къ свѣтскимъ стремленіямъ вообще и въ частности къ интересамъ новаго образованія. И вообще при сближеніи обоихъ движеній, даже тогда, когда ни одно изъ нихъ не дѣлалось принципіальнымъ врагомъ другого, между ними не могло быть равновѣсія, т. е. происходило усиленіе этого и ослабленіе того, такъ что на первый планъ выдвигается либо гуманизмъ, либо реформація. Однимъ словомъ, когда мы смотримъ на эпоху издали, различаемъ лишь основныя линіи и крупныя очертанія культурно-историческаго процесса, совершавшагося въ новое время, мы можемъ строго отграничить одно явленіе отъ другого, провести рѣзкое между ними отличіе, пріуро-

чить каждое къ опредѣленной эпохѣ, которой въ нашихъ глазахъ оно и даетъ извѣстную окраску, но ближе приглядываясь къ исторической дѣйствительности, изслѣдуя каждую ниточку пестрой ея ткани, мы теряемъ возможность строго различать характерные особенности интересующихъ насъ движеній, рѣзко отдѣлять признаки одного отъ признаковъ другого, когда эти признаки соединяются въ одномъ и томъ же фактѣ, въ одномъ и томъ же лицѣ или группѣ лицъ, въ одной и той-же эпохѣ.

Съ подобными лишь ограниченіями только и можно говорить о противоположности Возрожденія и Реформаціи, выросшихъ на одной и той же исторической почвѣ и находившихся въ извѣстномъ взаимодѣйствіи между собою, и съ тѣми же лишь оговорками, позволительно какъ въ исторіи всей западной Европы, такъ и въ исторіи отдѣльныхъ странъ, установить дѣленіе на періоды по преобладанію гуманизма или религіозныхъ интересовъ. Мы едва ли ошибемся при этомъ, если въ концѣ концовъ остановимся на томъ положеніи, что религіозная реформація XVI вѣка затерла на болѣе или менѣе продолжительное время и въ большей или меньшей степени то свѣтское культурно-историческое движеніе, характернѣйшимъ продуктомъ коего былъ гуманизмъ. Въ обществѣ, жившемъ преданіями средневѣкового католицизма, возникло культурное направленіе, сначала безсознательно, потомъ сознательно поставившее себѣ цѣлью секуляризацію мысли и жизни, а полная расшатанность католической системы, омірщеніе самой церкви обезпечивали временный успѣхъ этого направленія, подъ знаменемъ коего, могло казаться, и должно было-бы пойти практическое разрѣшеніе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, поставленныхъ предыдущею жизнью государства и общества, но этого-то именно и не случилось: на цѣлые почти полтора вѣка политическія и соціальныя движенія подчинились религіознымъ началамъ, хотя и въ новыхъ формахъ, возникшихъ на развалинахъ средневѣкового католицизма,

и въ томъ, что общество подчинилось имъ сильнѣе, чѣмъ началамъ гуманизма и классическаго Ренессанса, не было ничего удивительнаго, разъ мы признаемъ, что гуманизмъ и классицизмъ даже въ Италіи затронули лишь верхи общества, да и въ этихъ верхахъ содѣйствовали образованію лишь незначительнаго меньшинства, вполнѣ проникшагося свѣтскою культурой Возрожденія. Гуманизмъ не проникалъ въ народныя массы, понимавшія моральные и соціальные принципы лишь въ религіозной обосновкѣ, а въ образованномъ обществѣ онъ не былъ исключительнымъ и всеобъемлющимъ направленіемъ, и вотъ когда явились на смѣну обветшалымъ идеямъ католицизма новыя религіозныя идеи реформаціонной эпохи, онѣ тотчасъ же нашли откликъ во всѣхъ слояхъ общества, и жизненные интересы послѣдняго тотчасъ же нашли формулировку, ставившую ихъ подъ знамя этихъ идей. Нужно было, чтобы улеглись возбужденіе, произведенное реформою церкви, и пошедшія подъ ея знаменемъ или въ связи съ нею политическія и соціальныя движенія, нужно было, чтобы дѣло, начатое итальянскими гуманистами окрѣпло, расширилось, чтобы усилилось его значеніе и вліяніе въ обществѣ, однимъ словомъ, нужны были новые и новые шаги на пути общаго культурно-соціальнаго развитія, и только тогда могла произойти новая и болѣе рѣшительная секуляризація теоретической и практической мысли, та, которую мы наблюдаемъ въ „просвѣщеніи“ прошлаго вѣка, и лишь тогда могли совершаться государственныя и общественныя перемѣны подъ вліяніемъ чисто свѣтской философіи и науки. Такимъ образомъ въ общемъ культурно-соціальномъ состояніи западной Европы при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени мы должны искать объясненія того, почему Возрожденіе не играло въ исторіи столь шумной роли, какая выпала на долю реформаціи, и почему изъ двухъ теченій, связанныхъ съ этими именами,

одно было отодвинуто другимъ, съужено и затерто. Эта причина—основная, и въ сравненіи съ нею мало имѣютъ значенія извѣстные недостатки итальянскаго гуманизма, часто, впрочемъ, преувеличивавшіеся, особенно національными итальянскими историками, которые упрекаютъ гуманистовъ за политическій индифферентизмъ, за службу кондотьерамъ и тираннамъ, за отсутствіе патріотизма, за малую выработку характеровъ, за эпикурейскую мораль, за чрезмѣрное увлеченіе древностью и пренебреженіе къ современности, за сосредоточеніе своихъ интересовъ на археологіи и искусствѣ и т. д. Всѣ перечисленные недостатки, даже оставляя въ сторонѣ неправильныя обобщенія и преувеличенія, были результатомъ печальнаго политическаго и моральнаго состоянія Италіи, отнюдь не естественными и неотъемлимыми свойствами самого гуманизма, но и люди, настроенные на общественный ладъ, съ стойкими характерами и твердыми убѣжденіями не могли бы оказывать исключительно вліянія на широкіе круги общества и особенно на народныя массы въ ту эпоху, когда во всѣхъ проявленіяхъ жизни царила, хотя и расшатанная католическая церковность.

Даже въ самой Италіи, родинѣ гуманизма, Возрожденіе не имѣло подъ собою дѣйствительно народной основы: это видно, между прочимъ, изъ того, что случилось въ одномъ изъ главныхъ гуманистическихъ центровъ, именно во Флоренціи въ самомъ концѣ XV вѣка, послѣ блестящаго періода Медичи именно изъ извѣстнаго эпизода съ монахомъ Джироламо Савонаролой, на время установившимъ во Флоренціи совершенно монастырскій режимъ. Савонаролу нерѣдко причисляютъ къ предшественникамъ реформаціи, но это невѣрно: знаменитый проповѣдникъ покаянія и монахъ-пророкъ имѣетъ лишь то общее съ реформаторами, что обличалъ порчу церкви, но во всемъ остальномъ онъ былъ настоящимъ воплощеніемъ средневѣкового аскетизма на почвѣ строгаго католическаго правовѣрія; онъ не только не создалъ новой церкви, но и не провозгласилъ никакого новаго религіознаго принципа, его ученіе было оправдано папою

Павломъ IV и реабилитированному въ XVI в. Савонаролѣ въ XVII в. была составлена церковная служба. Самое интересное въ эпизодѣ его владычества во Флоренціи въ девятидесятыхъ годахъ XV в. заключается въ томъ, что средневѣковой аскетъ, воспитанный на Ѳомѣ Аквинскомъ, могъ, хотя и временно, быть господиномъ положенія въ городѣ, имѣвшемъ значеніе одного изъ крупнѣйшихъ гуманистическихъ центровъ, и вести въ немъ успѣшную борьбу съ свѣтскимъ культурнымъ направленіемъ. Вдохнувъ жизнь въ тосканскіе монастыри бенедиктинскаго ордена, Савонарола создалъ свое положеніе проповѣдью покаянія, пророческими предсказаніями (походъ Карла VIII въ Италію, бывшій началомъ итальянскихъ войнъ). „Единственное добро, проповѣдовалъ онъ, совершенное Платономъ и Аристотелемъ состоитъ въ томъ, что они придумали аргументы, которые можно употребить противъ еретиковъ. Однако и они, и другіе философы находятся въ аду. Любая старуха знаетъ о вѣрѣ болѣе, чѣмъ Платонъ. Было-бы цѣлесообразнымъ для вѣры, если-бы многія, нѣкогда казавшіяся полезными книги были уничтожены. Если-бы не было такого множества книгъ, естественныхъ доводовъ разума (ragioni naturale) и диспутовъ, вѣра быстрѣе распространилась-бы“. Въ особомъ сочиненіи Савонарола доказываетъ вредъ науки вообще. По его мнѣнію, ея изученіемъ должны заниматься только немногіе люди, чтобы не погибала традиція человѣческихъ знаній, а главное, чтобы всегда имѣлись ученые, искусные въ опроверженіи ересей, для остального-же общества довольно изученія грамматики и священныхъ книгъ. Несомнѣнно, Савонарола былъ крупнымъ человѣкомъ, если ему, жившему такими средневѣковыми идеями, удалось побѣдить гуманистическій энтузіазмъ флорентійцевъ, но побѣда эта опиралась на помощь людей, врывавшихся въ частные дома и силою требовавшихъ предметовъ, гонимыхъ суровымъ аскетизмомъ. Извѣстны торжественныя сожженія на кострахъ масокъ и маскарадныхъ костюмовъ вмѣстѣ съ латинскими и итальянскими книгами, въ числѣ коихъ были сочиненія Пет-

рарки и Боккачіо, вмѣстѣ съ картинами, съ разными произведеніями искусства и предметами роскоши. А вѣдь Савонарола не былъ единственнымъ проповѣдникомъ покаянія, имѣвшимъ успѣхъ, исторія же его указываетъ на то, что̀ было возможно въ Италіи въ самый разгаръ „паганизма". Политическая роль Савонаролы во Флоренціи, его итальянскій патріотизмъ, его оппозиція папству во имя старыхъ идеаловъ аскетизма и теократіи, его трагическая судьба и сожженіе на кострѣ (1498 г.) относятся къ иному кругу явленій, нежели тѣ, которыя насъ теперь интересуютъ, а потому этого всего мы здѣсь и не касаемся, но говоря о Савонаролѣ, нельзя не вспомнить женевскаго реформатора XVI вѣка, Кальвина, одного изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ католицизма, также превратившаго, однако, Женеву въ подобіе монастыря и съ такимъ-же рвеніемъ, какъ и флорентійскій пророкъ XV в., преслѣдовавшаго мірскія удовольствія и черезъ-чуръ свѣтскія книги. Нельзя также при этомъ не остановиться мыслью и на той католической реакціи, которая со второй половины XVI в. убила въ Италіи умственную жизнь и до такой степени прервала традицію гуманизма, что для позднѣйшихъ поколѣній Петрарка и Боккачіо были только итальянскіе писатели, творцы національнаго языка и литературы.

Заговоривъ о взаимныхъ отношеніяхъ Возрожденія и Реформаціи, до сихъ поръ еще весьма мало изслѣдованныхъ, чтобы не сказать: почти совсѣмъ не изслѣдованныхъ, я имѣлъ въ виду только намѣтить главные пункты вопроса, въ особенности же указать на то, что по существу дѣла гуманистическое и реформаціонное движеніе, встрѣтившіяся одно съ другимъ, относятся къ совершенно различнымъ категоріямъ явленій въ исторіи той оппозиціи, того протеста, которые поднялись со всѣхъ сторонъ противъ средневѣкового католицизма.

Мы разсматривали до сихъ поръ одну сторону католицизма и одну категорію оппозиціи противъ него въ концѣ среднихъ вѣковъ: католицизмъ создавалъ извѣстныя рамки

для индивидуальной и соціальной жизни, но личность и общество тяготились этими рамками и выступали съ оппозиціей противъ этой системы, но возставали во имя человѣческихъ началъ счастья и свободы, во имя правъ общества, какъ націи, государства и совокупности отдѣльныхъ сословій и классовъ, и высшимъ проявленіемъ этой оппозиціи былъ свѣтскій гуманизмъ, опиравшійся на свѣтскую философію, науку и литературу классическаго міра. Нами, далѣе, указано было на то, что это движеніе уступило, однако, первенство другому движенію, также имѣвшему оппозиціонный по отношенію къ католицизму характеръ, но совершенно иной источникъ: это былъ именно протестъ противъ церкви во имя уже религіозныхъ началъ, соединенный не съ желаніемъ секуляризаціи мысли и жизни, а съ стремленіемъ къ ея преобразованію въ духѣ новыхъ религіозныхъ идей. Реформаціонное движеніе, идущее параллельно съ секуляризаціоннымъ, вытекало изъ неудовлетворительнаго состоянія самой церкви, изъ того, что на языкѣ эпохи называлось ея «порчей въ главѣ и членахъ».

ПОРЧА ЦЕРКВИ И СТРЕМЛЕНІЕ КЪ РЕФОРМѢ.

XXXV. Упадокъ папства и монашества *).

Реформы Григорія VII и ихъ судьба въ XIV и XV вв.—Великій расколъ.—Моральный упадокъ папства.—Симонія и фискальный характеръ куріи.—Преувеличенныя представленія о папствѣ.—Упадокъ монашескихъ нравовъ.—Разложеніе средневѣкового католицизма.—Общія причины деморализаціи клира.—Морально-религіозный протестъ.—Общее значеніе XIV—XV вв. въ исторіи католицизма.

То, что въ эпоху религіозныхъ движеній и церковныхъ реформъ конца среднихъ вѣковъ и начала новаго времени называлось порчею церкви, не было явленіемъ совершенно новымъ въ исторіи католицизма. И раньше бывали періоды упадка церковной жизни, и раньше производились въ ней преобразованія, которыя выводили ее изъ печальнаго состоянія. Извѣстно, напр., въ какомъ положеніи былъ католицизмъ въ X в., и извѣстно, какими мѣрами поднялъ изъ упадка—папство и клиръ въ серединѣ XI в. энергичный Григорій VII. На этомъ нужно немного остановиться, ибо къ XIV—XV вв. реформы Григорія VII оказались, такъ сказать, износивши-

---

*) Г. Вызинскій. Папство и священная римская имперія въ XIV и XV вв.—Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка (Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter).—Haas. Geschichte der Päpste.—Ланфре. Политическая исторія папъ (Lanfrey. Histoire politique des papes).—Rocquain. La papauté au moyen âge.—Wattenbach. Gesch. des röm. Papsthums.—Pastor. Gesch. der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters.—Л. Ранке. Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII вѣкахъ (L. Ranke. Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI und XVII Jahrhundert).—Creighton. A history of the papacy during the period of the reformation. По исторіи великаго раскола новое сочиненіе Gayet. Le grand schisme d'Occident.

мися, а въ концѣ среднихъ вѣковъ не явилось другого такого папы, который устранилъ бы порчу церкви. До Григорія VII выборъ папы былъ нерегулированъ: утвержденіе папъ императорами (сначала византійскими, потомъ западными) позволяло въ это дѣло вмѣшиваться свѣтской власти, а въ противномъ случаѣ выборъ былъ въ зависимости отъ римскихъ аристократическихъ партій, вслѣдствіе чего происходили иногда двойные выборы, что бывало причиною схизмъ,—на папскій престолъ попадали недостойные люди, иногда возводившіеся на него женщинами, иногда въ слишкомъ юномъ возрастѣ (Іоаннъ XII въ X в. совсѣмъ мальчикомъ), совсѣмъ не соотвѣтствовавшіе высокому сану первосвященника (Іоаннъ XII посвятилъ дьякона въ конюшнѣ, in equorum stabulo). Григорій VII, еще будучи монахомъ Гильдебрантомъ, при папѣ Николаѣ II учредилъ коллегію кардиналовъ, которой и было предоставлено избраніе папы въ томъ предположеніи, что высшіе духовные сановники не станутъ раздѣляться между собою и будутъ останавливать свой выборъ на людяхъ достойныхъ. Посредствомъ закона объ обязательномъ безбрачіи духовенства (целибатъ) Григорій VII думалъ тѣснѣе связать духовенство съ интересами церкви, сдѣлать его болѣе независимымъ, устранить возможность наслѣдственнаго духовнаго сословія. Наконецъ, Григорій VII вооружился противъ продажи церковныхъ должностей, т. е. противъ симоніи, которую практиковали свѣтскіе владѣтели, распоряжавшіеся духовными мѣстами по ихъ связи съ феодальными владѣніями, и знаменитое запрещеніе инвеституры имѣло своею цѣлью не только сдѣлать клиръ независимымъ отъ государей, но и возстановить каноническое избраніе, прекратить симонію. Усилія Григорія VII принесли свои плоды, но къ XIV и XV вв. его реформы обнаружили свою несостоятельность, какъ мѣръ, расчитанныхъ на обезпеченіе церкви и во всѣ будущія времена отъ указанныхъ золъ. Послѣ побѣды Филиппа Красиваго надъ Бонифаціемъ VIII папство въ лицѣ Климента V переноситъ свою резиденцію въ Авиньонъ, но избраніе его

преемниковъ по-прежнему кардиналами, не спасло св. престолъ отъ занятія его недостойными людьми: авиньонская курія прославилась своимъ развратомъ, а папы XV в. были не лучше своихъ предшественниковъ XIV в. Мы еще увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ въ началѣ XV в. избранъ Іоаннъ XXIII, бывшій раньше пиратомъ, а впослѣдствіи судившійся констанцскимъ соборомъ, причемъ нѣкоторые пункты обвиненія по скандальности своей требовали процесса „при закрытыхъ дверяхъ“. Коллегія кардиналовъ не оберегла церковь и отъ схизмы и притомъ отъ небывалой раньше,—отъ схизмы, продолжавшейся чуть не сорокъ лѣтъ и потому извѣстной подъ названіемъ великаго раскола. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XIV в. папа Григорій XI пріѣхалъ изъ Авиньона въ Римъ, гдѣ и скончался. Римское населеніе потребовало отъ сопровождавшихъ его кардиналовъ, чтобы былъ выбранъ на его мѣсто итальянецъ и чтобы онъ остался жить въ Римѣ. Папою сдѣлался тогда Урбанъ VI—въ Римѣ, но кардиналы, оставшіеся въ Авиньонѣ, выбрали Климента VII, да и впослѣдствіи и римская, и авиньонская курія выбирали каждая своего папу, изъ коихъ одного признавали однѣ страны, другого—другія. Расколъ сопровождался взаимными проклятіями папъ и скандальными разоблаченіями, ронявшими авторитетъ папства. Порча церкви въ главѣ отражалась и на членахъ, среди коихъ притомъ развивается конкубинатъ, дѣлавшій безбрачіе фикціей. Въ то же время большихъ размѣровъ достигаетъ симонія, но уже на новой почвѣ: торгуетъ церковными мѣстами, хорошо оплачивавшимися постояннымъ доходомъ (бенефиціями), уже само папство, сосредоточивая въ своихъ рукахъ раздачу должностей, соединяя по нѣскольку бенефицій въ однѣхъ рукахъ, давая мѣста безъ обязательства исполнять должность (benefecium sine cura), установляя разные поборы при назначеніяхъ. Такимъ образомъ реформы Григорія VII оказались черезъ два-три вѣка безсильными, чтобы предохранить церковь отъ схизмъ, отъ порчи нравовъ духовенства, отъ симоніи, и великій расколъ, продолжавшійся почти сорокъ лѣтъ, раздѣлившій католическія

націи на римскую и авиньонскую паствы, сопровождавшійся скандальною полемикою двухъ курій, былъ лишь самымъ рѣзкимъ симптомомъ того, что стало называться порчею церкви въ главѣ и членахъ.

Основная причина упадка папства, заключалась въ его отступленіи отъ спиритуалистическаго идеала, въ его матеріализаціи, въ стремленіи къ свѣтскому господству и къ стяжанію денежныхъ средствъ, на что оно было натолкнуто особенно своею борьбою съ Гогенштауфенами. Духовные интересы отступили на задній планъ передъ интересами мірскими. Авиньонскіе папы болѣе всего заботились о своей итальянской области, которой грозили сосѣди, вмѣстѣ съ чѣмъ и въ самомъ Римѣ подымала голову непокорная аристократія, и вотъ для отраженія однихъ политическихъ враговъ и для обузданія другихъ, для посылки въ Римъ кардиналовъ-легатовъ, для найма военныхъ отрядовъ оказывается нужнымъ много денегъ, но много денегъ оказывается нужнымъ и для содержанія куріи, для той роскоши, какою окружаетъ себя авиньонское папство. Духовная власть дѣлается тогда источникомъ доходовъ, и та же духовная власть пускается въ ходъ, какъ политическое средство, когда отлученіе отъ церкви падаетъ, напр., на Венецію за то, что она напала на союзную съ папой Феррару, или за то, что она не дала галеръ своихъ неаполитанскому королю. То, что началось въ Авиньонѣ, успѣшно продолжалось въ Римѣ, когда миновала опасная для папъ пора великаго раскола и соборовъ первой половины XV в., стремившихся реформировать церковь, и мы еще увидимъ, что папы второй половины XV и начала XVI в. были прежде всего итальянскіе князья и свѣтскіе правители, а потомъ уже духовные владыки католическаго міра.

Папскіе доходы были громадные, и среди источниковъ этихъ доходовъ симонія, болѣе или менѣе открытая или замаскированная, играла не послѣднюю роль. Съ Иннокентія III спорные выборы епископовъ даютъ поводъ папамъ отъ себя замѣщать вакантныя каѳедры, а такъ какъ выборы были обставлены

многими формальностями, то и нарушеніе послѣднихъ или пропускъ срока были поводами для папскаго вмѣшательства. Иногда папы обращались къ капитуламъ, имѣвшимъ право избранія на должности, съ просьбами (preces), замѣнявшимися нерѣдко болѣе настоятельными указаніями на кандидатовъ (litterae monitoriae, litterae praeceptoriae) или прямо такими грамотами, въ коихъ уже давалось приказаніе исполнить папскую волю (litterae executoriae). Если епископъ умиралъ во время пребыванія въ куріи или путешествія туда или обратно (vacantes in curia), папа прямо назначалъ его преемника, а случалось, что преемникъ намѣчался еще при жизни своего предмѣстника (экспектанція), и тогда выборовъ не было, для низшихъ же должностей существовали способы пользованія доходами до фактическаго вступленія въ должность, если она давалась лицу, не достигшему каноническаго возраста. Умиралъ епископъ, папа пользовался его имуществомъ и получалъ доходы съ епархіи до назначенія преемника покойному (jus spolii и fructus medii temporis), а съ Іоанна XXII установились аннаты, т. е. равная годовому доходу плата, которую епископъ платилъ папѣ: былъ даже тарифъ, гдѣ значилось, сколько должны платить разныя епископства, а перемѣщенія изъ одного въ другое были лишними поводами получать аннаты. Продавались за деньги разныя утвержденія, аппелляціи, привилегіи, диспенсаціи и т. п., ибо безъ денегъ въ куріи ничего не дѣлалось: curia romana non curat ovem sine lana, говорили о фискальномъ характерѣ папства, которое оказывалось благопріятнымъ только по отношенію къ „дающему“:

Cum ad papam veneris, habe pro constanti,
Non est locus pauperi, soli favet danti.

Собиралась еще подать на крестовый походъ, обращавшаяся на борьбу съ политическими противниками папства, а кромѣ того, праздновались юбилеи католической церкви, когда богомольцамъ въ Римѣ обѣщалось прощеніе отъ грѣховъ, и паломники приносили съ собою много денегъ. Установленіе

это ведетъ свое начало съ Бонифація VIII, на понтификатъ котораго пришлось начало XIV столѣтія, но Клименту VI захотѣлось отпраздновать также юбилей, и онъ сократилъ столѣтній срокъ, назначенный для юбилеевъ Бонифаціемъ VIII, на 50 лѣтъ, послѣ чего Урбанъ VI еще сократилъ юбилейные періоды до 33 лѣтъ въ воспоминаніе числа лѣтъ земной жизни Спасителя, а Сикстъ IV—по причинѣ краткости человѣческой жизни" (ob brevitatem vitae humanae) уже прямо на 25 лѣтъ. Въ празднованіи юбилея была денежная выгода, и папамъ было лестно, чтобы, не дожидаясь отдаленнаго срока, до котораго можно было и не дожить, представился такой случай полученія лишнихъ доходовъ. Знаменитыя индульгенціи, коими продавалось за деньги отпущеніе грѣховъ, были также источникомъ для наполненія папской казны: грѣхи были распредѣлены на категоріи и расписаны по рубрикамъ денежной таксы, составлены были отпустительныя грамоты, которыя пущены были въ продажу, какъ теперь продаются цѣнныя бумаги, и для довершенія сходства торговля этими бумагами отдавалась на откупъ банкирскимъ домамъ. Однимъ словомъ, папская теократія выродилась въ какое-то фискальное учрежденіе, что не мѣшало защитникамъ ея правъ заявлять самыя неумѣренныя притязанія на значеніе папства, какъ чисто божественнаго учрежденія. Дѣйствительность была въ полномъ противорѣчіи съ идеей, и если этимъ противорѣчіемъ оскорблялось вообще нравственное чувство, то болѣе развитая религіозная совѣсть въ частности плохо мирилась съ суевѣрнымъ обоготвореніемъ папской власти, продолжавшимся и даже усилившимся въ эпоху авиньонскаго плѣна, когда, повидимому, менѣе всего можно было думать о папскомъ всемогуществѣ, или въ эпоху великаго раскола, когда взаимныя разоблаченія двухъ курій роняли достоинство папъ даже какъ обыкновенныхъ смертныхъ. Образцомъ неумѣренныхъ теоретиковъ папской власти могутъ служить два автора XIV вѣка, для коихъ, повидимому, мало было того, что «рабы рабовъ божіихъ» (титулъ

Григорія Великаго—servus servorum Dei) превратились постепенно изъ преемниковъ ап. Петра въ намѣстниковъ Христа, намѣстниковъ Бога (vicarius Christi, vicarius Dei). Одинъ изъ этихъ авторовъ, августинскій монахъ Августинъ Тріумфъ въ сочиненіи «Summa de ecclesiastica potestate», приписывая папѣ безусловное верховенство на землѣ, доводитъ пониманіе его священнаго сана до крайнихъ предѣловъ, отождествляя приговоръ папы съ приговоромъ самого Бога, утверждая, что папѣ слѣдуетъ поклоняться, какъ Богу, а францисканецъ Альваръ Пелагій въ трактатѣ „De planctu ecclesiae", отдавая папѣ двѣ власти, духовную и свѣтскую (какъ у Христа два естества) и провозглашая, что эта двойная его власть безпредѣльна (sine pondere, numero et mensura), объявлялъ, что на папу нельзя никому аппеллировать, ибо судъ его и судъ Христовъ на землѣ одно и то же (unum est consistorium et tribunal Christi et papae in terris), и что папа не простой человѣкъ, а Богъ (papa non est homo simpliciter, sed Deus), что папа — Богъ императора (papa est Deus imperatoris). Если римскій первосвященникъ, какъ духовный владыка, заявлявшій притязаніе на свѣтское господство, вызывалъ противъ себя оппозицію политическую, то деморализація папства, съ одной стороны, и суевѣрное поклоненіе его сану, съ другой, возмущали болѣе чуткое нравственное чувство и болѣе развитую религіозную совѣсть, дѣлаясь нерѣдко предметомъ и сатирической насмѣшки.

Религіозно-нравственный протестъ и насмѣшливое отношеніе вызывало противъ себя и монашество вслѣдствіе своей испорченности, не говоря уже о той оппозиціи, какую оно встрѣчало со стороны свѣтскаго общества, какъ сословіе, жившее на чужой счетъ, и оставляя въ сторонѣ проявленія оппозиціи противъ самого аскетическаго идеала. Монашескій обѣтъ нестяжанія находился въ противорѣчіи съ земельными богатствами монастырей и съ тѣмъ способомъ, какъ они тратили свои доходы въ концѣ

среднихъ вѣковъ. Для сатирической литературы этой эпохи монахи—неисчерпаемая тема, развиваемая въ фабліо и новеллѣ, въ «Романѣ о Лисѣ» (Roman du Renard, Reinhardus Vulpes), отражающаяся въ дидактикѣ «Roman de la Rose» и т. п., и обличеніями монашеской испорченности полна публицистика той же эпохи. Допустимъ, что сатира могла преувеличивать, что памфлеты по самому существу дѣла должны были накладывать густыя краски, но то же самое, что и эти произведенія, свидѣтельствуютъ намъ извѣстія, идущія изъ аскетическаго же лагеря, со стороны людей, которые не скрывали недостатковъ своихъ товарищей и скорбѣли о порчѣ, закравшейся въ монастырскую жизнь. Напр., св. Бернардъ Клервальскій, проповѣдникъ второго крестоваго похода (въ серединѣ XII в.) замѣчаетъ, что гораздо легче найти благочестивыхъ лицъ среди свѣтскихъ людей, нежели среди монаховъ (Multo facilius reperias multos saeculares converti ad bonum, quam unum quempiam de religiosis transire ad melius) прибавляя, что такой монахъ — рѣдкая птица (rarissima avis est). „Они, говоритъ Іоаннъ Салисберійскій, не живутъ съ другими людьми, своими ближними, они ведутъ ангельскую жизнь и бесѣдуютъ съ небесами. Они ежедневно постятся и безпрестанно молятся, но такъ, чтобы объ этомъ всѣ знали. Они любятъ выставлять блѣдность лица своего, показывать свои слезы. Не предлагайте духовнаго сана этимъ смиреннымъ христіанамъ: они вамъ скажутъ, что они недостойны. Въ самомъ дѣлѣ недостойны, ибо чаще всего они заранѣе купили себѣ то, отъ чего съ такимъ смиреніемъ будто-бы хотятъ отказаться“. О порчѣ монаховъ и монастырской жизни такъ говоритъ Petrus Cellensis: „Монахи живутъ въ безстыдствѣ, преданные брюху, роскоши и всѣмъ грѣшнымъ страстямъ; имъ сладко только вино, имъ горекъ только монастырь; они любятъ только плоть и міръ, имъ ненавистны слово и духъ Христовы“. Многіе монахи оставляли тишину монастырей и предавались свѣтскимъ дѣламъ. Такъ по поводу занятія монаховъ адвокатурой говорилось на реймскомъ соборѣ (1131) слѣдующее: „Пламя жадности охватываетъ

душу монаховъ, они мѣшаютъ правду съ неправдой, чтобы получить какъ можно больше денегъ". Соборъ 1240 г. также осуждаетъ занятіе монаховъ мірскими дѣлами, а въ особенности торговлею, какъ тѣсно связанною со всякаго рода обманомъ. „Развѣ, говорилось въ соборномъ постановленіи, избранные Господа могутъ служить мірянамъ, людямъ, принадлежащимъ сатанѣ? Развѣ это не униженіе для духовной власти быть подчиненною свѣтской и быть обязанной отдавать ей отчеты?... Нѣтъ договора, въ которомъ одна изъ сторонъ не стремилась-бы обмануть другую, нѣтъ продажи, съ которою не было-бы соединено грѣха; міряне сами должны были-бы воздержаться отъ этого постыднаго занятія, что-же сказать о духовныхъ, которые ему предаются?" Или вотъ какъ одинъ парижскій магистръ въ письмѣ къ другу своему канонику характеризуетъ монаховъ со стороны обѣта нестяжанія: „Рѣдкость большая—монахъ, который не присвоилъ-бы той или другой вещи; слова „мое" и „твое" раздаются въ монастыряхъ чаще, чѣмъ имя Бога. Нѣтъ изъ тысячи монаховъ ни одного, который оставался бы вѣрнымъ своему обѣту". Въ XIII в. возникли два монашескіе ордена францисканцевъ и доминиканцевъ, которые отрекались отъ всякой собственности, даже и отъ общей и получили названіе нищенствующихъ орденовъ: это была своего рода реформа монашества, но всеобщая порча церкви проникла и въ среду нищенствующихъ, у которыхъ мѣсто прежней добровольной бѣдности также заняла страсть къ наживѣ. Любопытны напр., слѣдующія слова св. Бонавентуры о францисканцахъ черезъ 70 лѣтъ послѣ основанія ордена: „Деньги, этотъ смертный врагъ нашего ордена, вымогаются съ такою жадностью нашими братьями, что прохожіе боятся встрѣчъ съ ними и бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ грабителей на большой дорогѣ. Наша бѣдность—вопіющая неправда: мы просимъ милостыни, какъ нищіе, а сами плаваемъ въ изобиліи". Еще одна черта монашеской жизни—взаимное соперничество разныхъ орденовъ, доходившее до ненависти однихъ къ дру-

гимъ. „Хотя, говоритъ Петръ Достопочтенный, они и принадлежатъ къ одной семьѣ, одному ордену, они глубоко ненавидятъ другъ друга и ведутъ одни съ другими войну не на животъ, а на смерть. Я не разъ видѣлъ чернаго монаха, который, встрѣтивъ бѣлаго, смѣялся надъ нимъ, какъ будто бы видѣлъ какое-нибудь странное чудовище, кентавра или химеру. Изъ за чего-же монахи, имѣющіе одного отца, до такой степени враждебны другъ другу? Это гордость ихъ заставила враждовать. Черные монахи, болѣе древніе, не могутъ простить, что бѣлые отняли у нихъ ихъ популярность, а бѣлые гордятся тѣмъ, что они возродили орденъ св. Бенедикта".

Высшее и низшее духовенство свѣтское (епископы и священники) равнымъ образомъ подлежали обвиненіямъ въ нравственной порчѣ, но главнымъ образомъ именно папство и монашество, представители средневѣковыхъ теократическихъ и аскетическихъ принциповъ и идеаловъ, вызывали противъ себя протестъ и дѣлались предметомъ обличенія и насмѣшки: въ томъ состояніи, въ какомъ находились передъ реформаціей папство и монашество, мы должны видѣть прямые признаки внутренняго разложенія католицизма, ибо лица, которыя должны были отрекаться отъ міра и господствовать надъ міромъ именно своимъ служеніемъ духовнымъ потребностямъ человѣка и общества, не стояли уже на высотѣ своего призванія, измѣняли собственнымъ своимъ принципамъ, на коихъ было основано самое ихъ существованіе, какъ папъ и монаховъ, жили въ противорѣчіи съ своими идеалами, во имя коихъ только и могли требовать подчиненія себѣ со стороны свѣтскаго общества, погрязали въ развратѣ и любострастіи. Средневѣковая католическая система была раньше сильна не только слабостью началъ, которыя могли-бы выступить съ оппозиціонными стремленіями, т. е. слабостью національнаго самосознанія, государственной власти, общественной солидарности и неразвитостью личности, но была могуча и собственною силою, которую она почерпала изъ

моральнаго превосходства своихъ представителей надъ свѣтскимъ обществомъ и изъ услугъ, какія они послѣднему оказывали. Люди легко подчиняются авторитету, разъ чувствуютъ его нравственное превосходство, мирятся съ привилегіями, когда онѣ соединены съ услугами: духовенство и монашество были защитниками слабыхъ, благотворителями бѣднымъ, піонерами гражданственности, носителями просвѣщенія, иниціаторами божіяго мира (treuga Dei) и проводниками гуманности въ общественныя отношенія и т. д. Система, въ основу коей была положена идея о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, конечно, требовала, чтобы ея органы соотвѣтствовали этой основѣ. Свѣтское общество росло, должно было рости и духовенство, а между тѣмъ оно дѣлалось не лучше, а хуже и этимъ подрывало свой авторитетъ. Отъ взявшаго на себя много многаго и требуютъ, и каждое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ въ подобныхъ случаяхъ особенно бросается въ глаза и потому особенно охотно ставится въ счетъ. Съ другой стороны, услуги, оказывавшіяся прежде обществу со стороны церкви, стали исполняться другими органами: государство окрѣпло для обезпеченія внѣшняго порядка, промышленность нашла свою организацію въ цехахъ, образованіе стало развиваться и не среди однихъ церковниковъ, а между тѣмъ послѣдніе начали пренебрегать исполненіемъ своихъ обязанностей, и вотъ этимъ также вызывалось общественное недовольство, напоминавшее клиру о необходимости нравственнаго исправленія и строгаго исполненія своихъ обязанностей: властолюбіе и корыстолюбіе особенно выдвигались какъ признаки порчи, и имъ противополагались христіанское смиреніе и апостольская бѣдность.

Но откуда-же шла эта порча церкви? Въ основѣ католической системы съ ея теократической идеей и аскетическимъ идеаломъ лежалъ крайній спиритуализмъ, но общество, среди коего приходилось существовать этой системѣ, было грубо: ея представителямъ слѣдовало воспитывать, морализировать это общество, эту духовную свою паству, но паства

была не только средой, окружавшей пастырей, но и средою, изъ которой послѣдніе выходили сами. Въ этомъ была одна опасность для системы, другая вытекала изъ задачи и средствъ самой системы. Церковь была учрежденіемъ духовнымъ, представлявшемъ на землѣ „царство не отъ міра сего", но въ грубомъ обществѣ она не могла держаться одною духовною силою, а стремясь подчинить себѣ государство, боровшееся за свою самостоятельность, она и сама должна была схватиться за мірскія средства. Намъ уже извѣстна по вопросу объ инвеституре та связь, какая существовала между феодализаціей церкви и теократическими стремленіями папства: духовенство не могло отказаться отъ своихъ земель, папство не могло отдать назначенія на церковныя должности въ руки свѣтской власти, но церковное землевладѣніе привязывало прелатовъ и монастыри къ міру, ставило ихъ въ ряды феодальной іерархіи, давало имъ массу продуктовъ сельскаго хозяйства, которые можно было продавать за хорошую цѣну, а вступая въ борьбу съ государями, папы должны были пускать въ ходъ тѣ же самыя средства, какими пользовались ихъ противники, погоня же за средствами мало по малу заслонила цѣль. Результатомъ было омірщеніе самой церкви, и положительною стороною того протеста, какой возбуждало это явленіе въ обществѣ было стремленіе возвратить церкви ея чисто духовное значеніе. Съ этой точки зрѣнія подвергаются одинаковому неодобренію и свѣтское властолюбіе папъ, и корыстолюбіе духовенства, и церковное землевладѣніе, т. е. не одобряются не только съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя были защитой правъ государства и интересовъ свѣтскихъ сословій, но и съ той точки зрѣнія, для которой выше всего былъ религіозный идеалъ церкви. Морально-религіозный протестъ давалъ высшую санкцію той оппозиціи, въ коей на первомъ планѣ были мірскіе права и интересы, и все это замѣчательнымъ образомъ сходилось въ отрицаніи политической

и экономической основѣ церкви — ея свѣтскаго могущества и ея землевладѣнія и десятинъ.

Въ XIV и XV вв. католицизмъ переживалъ тяжелый кризисъ: извнѣ усилилась оппозиція свѣтская, принимавшая характеръ національный, политическій, соціальный, не говоря уже о раціонализмѣ и индивидуализмѣ гуманистическаго движенія, а внутри все было расшатано, и что особенно замѣчательно, такъ это именно внутренній разладъ въ церкви. Въ эпоху авиньонскаго плѣненія папы встрѣтили сильную оппозицію въ одной части францисканскаго ордена—фактъ весьма любопытный, который стоитъ отмѣтить. Въ XIII в., какъ мы видѣли, былъ основанъ нищенствующій орденъ францисканцевъ, часть коего, болѣе строго державшаяся его аскетическихъ правилъ, носила особое названіе миноритовъ, т. е. меньшей братіи, и среди нихъ-то произошло въ XIV в. движеніе, враждебное испорченному папству и богатству духовенства, тѣмъ болѣе усиливавшееся, что папы объявили этихъ своихъ противниковъ «еретиками» и, подвергая ихъ наказаніямъ, пріучали ихъ смотрѣть на себя, какъ на мучениковъ за правду. Между тѣмъ проповѣдь миноритовъ имѣла большой успѣхъ, особенно въ народныхъ массахъ. Это былъ протестъ средневѣкового аскетизма противъ выродившейся теократіи, и аналогію ему представляетъ собою проповѣдь Савонаролы въ концѣ XV в., т. е. теократія была въ разладѣ съ аскетизмомъ. Произошелъ еще великій расколъ католической церкви: онъ породилъ новый внутренній разладъ, за которымъ послѣдовала борьба двухъ церковныхъ партій, партіи, желавшей ограниченія папской власти соборами, и партіи, стоявшей за папскій абсолютизмъ. Побѣда склонилась на сторону второй изъ нихъ, но папы воспользовались своей побѣдой лишь для того, чтобы продолжать практику авиньонской куріи. Мы увидимъ развитіе всѣхъ этихъ явленій, но прежде намъ нужно указать еще и на другія стороны той порчи, о которой идетъ рѣчь, стороны, вызывавшія не аскетическій протестъ миноритовъ или Савонаролы, не ор-

ганизаціонные только планы соборной реформы, но и нѣчто другое — протестъ настоящихъ предшественниковъ реформаціи XVI вѣка.

XXXVI. Суевѣрія и злоупотребленіе религіей *).

Реформація, какъ очищеніе вѣры.—Наивное проникновеніе народныхъ взглядовъ въ религіозную сферу.—Двоевѣріе.—Демонологія.—Суевѣрныя легенды и суевѣрная обрядность.—Piae fraudes.—Индульгенціи.—Торговля отпущеніями грѣховъ.—Формализмъ и матеріализмъ въ религіи.—Паденіе образованія среди духовенства.

Порча церкви объясняется въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ проникновеніемъ мірского направленія въ клиръ, который долженъ былъ отрѣшаться отъ міра и его интересовъ. Но изъ міра, изъ свѣтскаго общества, изъ простонародной массы могли проникать въ среду духовенства не одни только матеріальные интересы, но и грубыя воззрѣнія, противорѣчившія болѣе высокому пониманію христіанства, особенно легко воспринимавшіяся мало развитыми въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ клириками. Религіозные реформаторы XVI вѣка и ихъ предшественники въ вѣкахъ предыдущихъ полагали, что порча церкви состоитъ не въ одной деморализаціи ея служителей, имѣвшей свою основу въ мірскихъ богатствахъ, какъ думали аскетическіе оппоненты порчи, не въ однихъ, главнымъ образомъ, недостаткахъ внѣшней организаціи, какъ утверждали сторонники соборной реформы, но также и въ искаженіяхъ религіи, заключающихся въ человѣческихъ выдумкахъ, которыя были прибавлены къ Слову Божію. Говоря короче, въ концѣ среднихъ вѣковъ происходилъ еще протестъ противъ католической церкви во имя болѣе духовнаго пониманія хри-

*) Laurent. La réforme. — Raoul Rosières. Recherches critiques sur l'histoire religieuse de la France.—Baissac. Histoire du diable.—A. Maury. Les legendes pieuses au moyen âge.

стіанства, и въ этомъ протестѣ слышалось не только возмущенное нравственное чувство, но проявлялось и болѣе развитое сознаніе, не мирившееся со многимъ изъ того, что было терпимо и даже санкціонировано церковною властью въ воззрѣніяхъ и мірянъ, и духовныхъ, особенно же когда эти воззрѣнія тѣсно соприкасались съ нравственною сферой, отражаясь на ней невыгодно, хотя бы и выгодно отзываясь на матеріальныхъ интересахъ папы и клира.

Средневѣковое общество было грубо и могло воспринимать христіанство только въ чувственной формѣ, перенося, напр., въ священныя повѣствованія о прошломъ или въ изображенія небеснаго—черты и краски варварскаго или феодальнаго быта. Въ этомъ была наивная сторона проникновенія народныхъ взглядовъ въ религіозную область, въ литературномъ же отношеніи гуманисты, говорившіе о христіанскомъ Богѣ и святыхъ въ выраженіяхъ языческаго лексикона, только повторяли то, что дѣлали болѣе ранніе писатели уже съ меньшею сознательностью. Англо-саксъ VII в. (Кедмонъ) парафразируетъ въ особой поэмѣ Книгу Бытія: Авраама онъ представлялъ себѣ, какъ англо-саксонскаго Ярла, красоту Сарры сравнивалъ съ красотою германскихъ миѳическихъ существъ. „Геліандъ“ (Спаситель), саксонская поэма IX вѣка повѣствуетъ о земной жизни Христа также въ духѣ германскихъ воззрѣній: дворъ Ирода — сколокъ со двора саксонскаго герцога, ап. Петръ говоритъ передъ отреченіемъ о своей вѣрности, причемъ ему влагаются въ уста выраженія феодальнаго быта; самъ Христосъ среди учениковъ является скорѣе, какъ народный вождь, окруженный дружиною, а нагорная проповѣдь рисуется въ видѣ вѣча. Вейсенбургскій монахъ Отфридъ нѣсколько позже написалъ книгу евангелій въ формѣ поэмы на нѣмецкомъ языкѣ, „дабы дать народу пѣсни благочестивыя, и понятныя и тѣмъ изгнать нечистивыя пѣсни мірянъ“, но и онъ говоритъ о королѣ назаретскаго бурга и обращаетъ смиренныхъ рыбарей въ храбрыхъ воителей. Еще позднѣе одинъ аббатъ монастыря St. Germain des

Près говоритъ въ своей поэмѣ о турнирѣ между Іисусомъ Христомъ и антихристомъ, и самый турниръ происходитъ у него при такой же обстановкѣ, какъ обыкновенные турниры: борющіеся выѣзжаютъ на лошадяхъ при звукѣ трубъ и крушатъ копья; между зрителями присутствуютъ Матерь Божія и другія святыя жены и дѣвы, какъ дамы. Рай часто представлялся феодальнымъ дворомъ и въ немъ предполагались такія же увеселенія, какъ въ любомъ замкѣ средневѣковаго владѣтеля. На картинахъ рай изображался садомъ, въ которомъ играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и танцуютъ. Болѣе серьезное значеніе имѣло то „двоевѣріе", которое состояло въ перенесеніи на святыхъ—воззрѣній, соединявшихся въ прежнія времена съ языческими богами. Вотъ какъ описываетъ это двоевѣріе Эразмъ Роттердамскій въ сочиненіи своемъ „Enchiridion militis christiani": „одинъ, говоритъ онъ, ежедневно вечеромъ ходитъ молиться къ св. Христофору, а по утрамъ становится на колѣни передъ его изображеніемъ въ убѣжденіи, что въ этотъ день съ нимъ не приключится смерти. Другой идетъ молиться къ св. Роху, вѣря, что онъ сохранитъ его отъ чумы. Этотъ постится въ честь св. Аполлины, чтобы не имѣть зубной боли, а тотъ идетъ къ образу Іова, надѣясь избѣжать проказы... Есть и такіе, которые зажигаютъ свѣчи передъ св. Гіерономъ въ видахъ найти потерянную вещь. Наконецъ, мы раздаемъ святымъ занятія сообразно съ нашими опасеніями и желаніями. Св. Павелъ во Франціи дѣлаетъ то, что у насъ обязанъ дѣлать св. Гіеронъ, и что св. Іоаннъ или св. Іаковъ могутъ дѣлать въ одной странѣ, то недоступно имъ въ другой. Такое благочестіе, не относящееся къ Іисусу Христу, недалеко отъ суевѣрія язычниковъ, которые посвящали десятую часть своего имущества Геркулесу, чтобы обоготиться, или которые приносили въ жертву Эскулапу пѣтуха, чтобы выздоровѣть, или же которые, чтобы имѣть счастливое плаваніе, закалывали для Нептуна быка".

Рядомъ съ культомъ святыхъ, получившимъ полуязыческій

характеръ, необыкновенно развилась демонологія. Сатанѣ стали приписывать большое могущество: сначала онъ только не могъ творить чудесъ, но впослѣдствіи исчевло и это ограниченіе, ибо и за сатаною признано было право производить хотя и мнимыя чудеса, но такія, которыхъ люди не въ состояніи отличить отъ истинныхъ. Сатанѣ же непосредственно приписывались и многія грѣховныя искушенія, такъ какъ между послѣдними различали такія, которыя происходятъ отъ плоти, и такія, которыя происходятъ прямо отъ дьявола. Демонологію изучали даже какъ науку, и по этому предмету написана была масса трактатовъ. Возьмемъ, наприм., сочиненіе Beati Richalmi Speciosae Vallis (Schönthal) in Franconia abbatis liber revelationum de insidiis et versutiis daemonum adversus homines: «totus aer»; говоритъ аббатъ «non est, nisi spissitudo eorum»; уколы блохъ и клоповъ у него объясняются дѣйствіемъ дьявола. «Я бы не повѣрилъ этому, замѣчаетъ онъ, если бы мнѣ это сказалъ кто-либо другой, но въ этомъ я самъ лично убѣдился». Демонологическія воззрѣнія раздѣляли даже замѣчательные умы (богословъ Жерсонъ), да и реформаторы, впрочемъ, не отставали, впослѣдствіи въ этомъ отношеніи отъ католиковъ (Лютеръ). Главнымъ стремленіемъ дьявола, по демонологическому вѣрованію, было искушеніе аскетовъ: если, напр., монахъ во время ночнаго богослуженія дремалъ, думали, что дьяволъ садится ему на вѣки, или еще упомянутый Рихальмъ разсказывая объ одномъ напившемся монахѣ, который началъ буянить, объясняетъ это вмѣшательствомъ дьявола.

Совершенно особенный характеръ принялъ въ средніе вѣка культъ Святой Дѣвы. Вообще признавались двѣ степени культа: dulia и latria; первый относился къ Богу, второй къ святымъ, поклоненіе же Св. Дѣвѣ принималось за нѣчто среднее между поклоненіемъ Богу и почитаніемъ святыхъ (Hyperdulia videtur esse medium inter duliam et latriam). Поэтому Св. Дѣва часто поднималась до значенія Божества, когда, напр., въ требникѣ писалось: «Слова Матери, Отцу и Сыну». Съ другой стороны между Св. Дѣвою и Іисусомъ Христомъ

предполагались такія же отношенія, какъ между земными матерью и сыномъ, и въ этомъ смыслѣ было составлено немало легендъ. Многіе полагали, что благодаря заступничеству Святой Дѣвы, можно избѣжать наказанія за грѣхи, такъ какъ Іисусъ Христосъ не имѣетъ права отказать просьбамъ своей Матери. Было еще въ ходу мнѣніе, что міръ долженъ былъ быть уже уничтоженъ Богомъ за грѣхи людей, и что онъ существуетъ лишь благодаря вмѣшательству Божьей Матери. Такъ одинъ монахъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ ему представилось зрѣлище свѣтопреставленія: ангелы протрубили уже во второй разъ, какъ вдругъ Матерь Божія бросилась передъ Сыномъ своимъ на колѣни и стала просить, чтобы дано было время покаяться монахамъ монастыря Сито. Или разсказывалось, наприм., что Іисусъ Христосъ явился однажды къ монаху, читавшему всегда „Ave Maria“ и упрекалъ его въ томъ, что онъ Ему не молится. „Мать моя, сказалъ Онъ, благодаритъ тебя, но не нужно и меня забывать“. Равнымъ образомъ и нѣкоторые святые какъ бы заслоняли собою самого Бога, и, наприм., поклонники св. Франциска хотѣли уподобить его прямо Іисусу Христу. Такъ въ 1385 г. появилось сочиненіе Варѳоломея Альбиція подъ заглавіемъ „Lieber conformitatum“, получившее одобреніе отъ капитула францисканскаго ордена. Въ этой книгѣ проводилась параллель между Христомъ и св. Францискомъ, и доказывалось, что св. Францискъ выше Іисуса Христа, такъ какъ послѣдній, напр., только одинъ разъ преобразился, первый же двадцать разъ. Сорбонна однажды объявила еретическимъ ученіе одного францисканскаго монаха, который утверждалъ, что св. Францискъ былъ вторымъ Христомъ, вторымъ Сыномъ Божіимъ. Наконецъ, въ средніе вѣка особенно распространено было суевѣріе по отношенію ко всякаго рода реликвіямъ.

Этотъ грубый взглядъ отразился и на морали: исполненіе внѣшняго обряда считалось главнымъ средствомъ угодить Богу. Легенда говоритъ, что одна обманутая мужемъ жена просила Матерь Божью наказать женщину, жившую

съ ея мужемъ, но Св. Дѣва отказала въ этой просьбѣ, такъ какъ виновная женщина всегда читала молитвы. Въ другой легендѣ разсказывалось, что однажды молодая монахиня бѣжала изъ монастыря съ монахомъ, но такъ какъ она всегда произносила „Ave Maria“, то св. Дѣва приняла ея видъ и десять лѣтъ, вмѣсто нея, служила въ монастырѣ. Весьма естественно, что на грѣхъ поэтому смотрѣли, какъ на формальное отклоненіе отъ извѣстнаго предписанія, и этотъ формальный взглядъ былъ принятъ самою церковью выразившись въ раздачѣ индульгенцій, которыми отпускались совершонные грѣхи. Хуже всего было то, что народныя суевѣрія прямо эксплуатировались духовенствомъ, допускавшимъ такъ называемые обманы съ благочестивыми цѣлями (piae fraudes), дабы побудить народъ къ благочестію. Это было, напр., засвидѣтельствовано уже протоколомъ латеранскаго собора 1215 г., въ коемъ говорится: „Въ большей части мѣстъ употребляютъ обыкновенно ложныя легенды и ложные документы, чтобы обманывать вѣрныхъ, съ цѣлью получить деньги“. На майнцскомъ соборѣ (1261) дошло до свѣдѣнія высшаго духовенства, что многіе священники вмѣсто реликвій святыхъ помѣщаютъ на алтаряхъ кости простыхъ людей или даже животныхъ (Hi profanissimi pro reliquiis saepe exponunt ossa profana hominum, seu brutorum et miracula mentiuntur). Или еще извѣстный Гибертъ Ногентскій (XII в.) говоритъ объ „обманахъ которые производятся ежедневно безъ всякаго стыда“ съ „цѣлью обирать карманы легковѣрныхъ людей“. Существовали. напр., притворные больные, послѣ прикосновенія къ какой нибудь реликвіи, вдругъ получавшіе исцѣленіе и этимъ увеличивавшіе славу даннаго мѣста, ибо туда начинали стекаться богомольцы и своими пожертвованіями обогащали мѣстное духовенство. Въ XV вѣкѣ была въ ходу замѣчательная pia fraus. Извѣстно, что гуситы требовали, между прочимъ, чтобы мірянамъ давалось причащеніе подъ двумя видами (Sub utraque specie)—тѣла и крови, и вотъ въ доказательство того, что въ гостіи соединены и тѣло и кровь христовы, по-

явились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окровавленныя гостіи. Этотъ „благочестивый обманъ“ былъ разоблаченъ на магдебургскомъ соборѣ 1412 г., на которомъ говорилось: „мы не знаемъ, какой крови поклоняется народъ, тѣмъ болѣе что нѣтъ тамъ ни крови, ни чего-либо даже на нее похожаго; мы удостовѣрены въ этомъ признаніемъ самаго священника, виновнаго въ обманѣ. Это не мѣшаетъ давать большія индульгенціи тѣмъ, которые идутъ на богомолье въ Вильснакъ, гдѣ выставлена окровавленная гостія. Жадность внушила и продолжила этотъ обманъ“. Между прочимъ это дѣло вызвало цѣлую бурю во всей Европѣ. Два университета выступили противъ кровавыхъ гостій; оба нищенствующіе ордена францисканскій и доминиканскій соединились и вмѣстѣ дѣйствовали въ томъ же смыслѣ, но впослѣдствіи двое папъ (Евгеній IV и Николай V) разрѣшили кровавую гостію, признавъ въ ней чудо.—С о е д и н е н і е ф о р м а л ь н а г о в з г л я д а н а г р ѣ х ъ с ъ э к с п л у а т а ц і е й с у е в ѣ р і я выразилось е щ е б о л ѣ е в ъ и н д у л ь г е н ц і я х ъ, на которыхъ особенно сосредоточивался протестъ реформаторовъ. Происхожденіе ихъ было такое. Въ первые вѣка церкви съ покаяніемъ соединялись обыкновенно благочестивыя дѣйствія и трудные подвиги (эпитиміи). Съ теченіемъ времени введено было въ обычай замѣнять эти дѣйствія деньгами и, наконецъ въ X вѣкѣ установлена была особая такса, по которой отъ той или другой эпитиміи можно было откупиться за деньги, но выкупъ наказанія сталъ скоро разсматриваться, какъ выкупъ грѣха. Первую общую индульгенцію далъ папа Григорій VII во время борьбы съ Генрихомъ IV, когда объявилъ, что всѣ ставшіе на его сторону противъ Генриха получатъ полное отпущеніе грѣховъ. При Урбанѣ II на клермонтскомъ соборѣ (1095) рѣшено было, что всѣ тѣ, которые возьмутъ крестъ и пойдутъ въ походъ противъ невѣрныхъ для освобожденія гроба Господня, получатъ полную индульгенцію, такъ что походъ этотъ замѣнитъ раскаяніе (iter illud pro omni poenitentia reputetur.) Папа Бонифацій VIII праздновалъ въ 1300 г. юбилей католической церкви и издалъ постановленіе, по которому всѣ явившіеся къ этому юбилею въ Римъ

получатъ отпущеніе грѣховъ; мы уже видѣли, какъ сокращались юбилейные сроки его преемниками. Для оправданія индульгенцій выработалось даже цѣлое теоретическое ученіе, особенно развитое Өомою Аквинскимъ. Онъ училъ именно, что заслуги одного человѣка могутъ быть вмѣняемы другому, потому что всѣ, будучи солидарны въ грѣхѣ и искупленіи, составляютъ одно тѣло—церковь: такъ какъ у нѣкоторыхъ людей накопилось добрыхъ дѣлъ болѣе, чѣмъ необходимо для ихъ собственнаго спасенія, то изъ избытковъ ихъ заслугъ, равно какъ изъ безмѣрной заслуги Іисуса Христа и заслугъ святыхъ составилась неисчерпаемая сокровищница, изъ которой церковь можетъ брать залуги для раздачи ихъ грѣшникамъ. Раньше еще требовалось, чтобы тѣ, которые получали индульгенціи, дѣйствительно каялись въ грѣхахъ своихъ, но потомъ стали утверждать, что церковь можетъ давать индульгенціи каждому, не заботясь о томъ, кается ли онъ или нѣтъ. „Не нужно брать, писалъ Өома Аквинскій, въ расчетъ ни вѣру, ни дѣла того, кто получаетъ индульгенцію, но сокровищницу заслугъ, которыми церковь имѣетъ право располагать; эта сокровищница неистощима, и церковь тратитъ изъ нея по своему усмотрѣнію и сообразно съ своими видами. Безъ сомнѣнія, хорошо, чтобы она знала мѣру въ своихъ милостяхъ; но еслибы даже акты покаянія были отпущены почти за ничто, индульгенціи не потеряютъ отъ этого своей силы, ибо сокровищницы заслугъ достаточно для искупленія всѣхъ грѣховъ“. Сначала полагали также, что только живые могутъ получать индульгенціи, но впослѣдствіи церковь дозволила пріобрѣтать ихъ и для мертвыхъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ 1343 г. ученіе Өомы Аквинскаго было подтверждено буллою папы Климента VI. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее ученіе было добавлено новымъ положеніемъ, по которому заслуги каждаго, насколько онѣ не нужны для него самого, разъ онъ получаетъ индульгенцію, прибавляются къ общей сокровищницѣ, которая такимъ образомъ всегда пополняется и никогда не можетъ быть исчерпана. Паоло Сарпи,

историкъ тридентскаго собора, остроумно замѣчаетъ, что и „грѣшникъ посредствомъ этой системы выкупаетъ свою вину векселемъ, который онъ трассируетъ въ небесную казну“. Далѣе, до Бонифація IX не было еще публичнаго торга индульгенціями, но этотъ папа разослалъ продавцевъ разрѣшительныхъ грамотъ въ разныя страны. Левъ X задумалъ воспользоваться индульгенціями, какъ средствомъ для полученія денегъ на постройку церкви св. Петра въ Римѣ и также разослалъ торговцевъ съ индульгенціями, въ которыхъ каждому покупщику обезпечивалось прощеніе въ грѣхахъ, возвращеніе благодати Божьей и избавленіе отъ мукъ чистилища. Между этими торговцами особенною грубостью и безстыдствомъ отличался монахъ Тецель, противъ котораго возсталъ Лютеръ. Это, впрочемъ, былъ не первый и не единственный протестъ противъ торга грамотами, въ коихъ грѣхи отпускались за денежный взносъ, но около 1500 г. въ эту систему введено было лишь больше нахальства и кощунства, чѣмъ когда-бы то ни было раньше. Въ томъ-же году, какъ Тецель продавалъ свой товаръ недалеко отъ Виттенберга, гдѣ жилъ Лютеръ, издана была въ Герцогенбушѣ оцѣнка грѣховъ (taxae cancellariae ecclesiae romanae), и въ инструкціи Тецеля святотатство было оцѣнено въ 9 дукатовъ, убійство въ 7, колдовство въ 6, отцеубійство и братоубійство въ 4, нѣсколькими-же годами раньше (1507 и 1512) папою Юліемъ II отпущеніе было распространено и на ересь. До нашего времени сохранились разрѣшительныя грамоты начала XVI в., когда особенно часто и въ особенно большомъ количествѣ онѣ выпускались. На грамотѣ 1517 г. изображенъ доминиканецъ съ крестомъ, терновымъ вѣнцомъ и пылающимъ сердцемъ, а по угламъ изображены вверху пригвожденныя руки Христа, внизу пригвожденныя ноги. На передней сторонѣ стоятъ слова: „Папа Левъ X. 1517. Давайте. Это длина и ширина ранъ на пречистыхъ бедрахъ Христа. Кто цѣлуетъ ихъ, тотъ получаетъ всякій разъ отпущеніе на 7 лѣтъ“. На задней сторонѣ надпись такая „Крестъ, увеличенный въ сорокъ разъ, представляетъ длину

Христа въ его человѣчествѣ. Кто цѣлуетъ его, тотъ предохраненъ на семь дней отъ внезапной смерти и отъ падучей болѣзни, а также и отъ паралича". Съ своей стороны продавцы разрѣшительныхъ грамотъ, расхваливая свой товаръ, говорили такія вещи: „красный крестъ, водружаемый въ церкви у ящика съ разрѣшительными грамотами, съ привѣшанной къ нему папской печатью имѣетъ такую-же силу, какъ крестъ Христовъ", „покупающіе индульгенціи становятся чище, чѣмъ послѣ крещенія, чѣмъ былъ Адамъ въ раю въ состояніи невинности", „продавецъ разрѣшительныхъ грамотъ дѣлаетъ блаженными большее количество людей, чѣмъ ап. Петръ", а нѣкоторыя заявленія, приписываемыя Тецелю, просто даже неудобно было и повторить.

Если въ поэтическихъ образахъ писателей, бравшихся за религіозные сюжеты, мы можемъ видѣть наивное отношеніе мало образованнаго человѣка къ священнымъ предметамъ, которыхъ онъ не думалъ, однако, профанировать, если въ двоевѣріи оставались слѣды грубаго язычества, если демонологическіе трактаты и легенды съ сомнительною нравственностью были продуктомъ прежде всего невѣжества, то, конечно ,не на иное что, какъ именно на наивность, грубость и невѣжество массы можно было. расчитывать практикуя разнаго рода pias fraudes и продавая индульгенціи, но тѣ, которые такъ поступали, менѣе всего, понятно, заботились о томъ, чтобы искоренять суевѣрія въ народѣ. Въ индульгенціяхъ поэтому съ особою силою выразилась порча церкви, порча, указывавшая на то, что въ самомъ вѣроученіи не все обстояло благополучно. Церковь, терпѣвшая и поощрявшая полуязыческія формы культа святыхъ, поклоненіе реликвіямъ, которое получало характеръ фетишизма, внѣшнюю обрядность, посредствомъ коей люди думали угодить Богу не заботясь объ истинномъ покаяніи, обманы, искавшіе оправданія въ благочестивыхъ цѣляхъ, взглядъ на грѣхъ, какъ на формальное нарушеніе, уничтожаемое такимъ-же формальнымъ поступкомъ, увѣренность, что за деньги можно получить отпущеніе грѣховъ,—эта церковь,погрязавшая въ матеріализмѣ и фор-

мализмѣ, не могла, разумѣется, удовлетворять людей съ болѣе высокими требованіями отъ религіи и лучше знавшими и понимавшими основы христіанства, а именно новое образованіе какъ нельзя больше содѣйствовало болѣе духовному пониманію христіанства. Эта неудовлетворенность католицизмомъ и порождаетъ въ концѣ среднихъ вѣковъ исканіе новыхъ религіозныхъ формъ, выразившееся въ ересяхъ, сектахъ, мистическихъ ученіяхъ, гуманистическомъ богословіи и другихъ тому подобныхъ явленіяхъ предреформаціонной эпохи.

Между тѣмъ оффиціальные представители религіи въ большинствѣ случаевъ не предпринимали никакихъ мѣръ къ тому, чтобы устранить изъ церковныхъ ученій наслоенія, производившія соблазнъ въ болѣе развитой части свѣтскаго общества. Мало того: среди болѣе просвѣщенныхъ людей должно было падать уваженіе къ духовенству и потому, что оно не отличалось особымъ образованіемъ, и что невѣжество и суевѣрія, бывшія обычнымъ явленіемъ среди монашества, прямо возбуждали насмѣшки или негодованіе людей съ болѣе высокой умственной культурой. Во время знаменитаго рейхлиновскаго спора, которымъ ознаменовано было второе десятилѣтіе XVI вѣка, съ поразительною ясностью обнаружилось, до какой степени оффиціальные представители церкви отстали въ просвѣщеніи сравнительно съ людьми новаго гуманистическаго образованія, а сатирическая литература этой эпохи вообще подчеркиваетъ невѣжество заурядныхъ схоластиковъ и монаховъ, какъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ, характеризующихъ этихъ людей. Монополія образованія, бывшая въ среднихъ вѣкахъ въ рукахъ духовенства, съуживала, какъ мы видѣли, область философіи и науки, убивала сколько-нибудь свободную мысль и въ тѣсной области, да и тутъ авторитетъ св. писанія и его первыхъ комментаторовъ заслонялся авторитетомъ схоластическихъ теологовъ. Эразмъ Роттердамскій, о богословскихъ занятіяхъ коего у насъ будетъ еще идти рѣчь, жаловался на то, что теологія слишкомъ вдалась въ софистическія тонкости, что знакомство съ первоисточниками вѣры мало распространено, что ихъ

читаютъ только въ отрывкахъ, предпочитая изучать схоластическіе трактаты. Въ данномъ случаѣ Эразмъ отмѣчалъ явленіе, засвидѣтельствованное множествомъ и другихъ извѣстій: само невѣжество, соединенное съ суевѣріемъ, въ дѣлахъ вѣры именно у тѣхъ самыхъ лицъ, которыя бы должны были быть спеціалистами въ области религіозныхъ вопросовъ, объясняется тѣмъ, что они плохо знали основные источники вѣроученія. За то, съ другой стороны, непосредственное знакомство съ Библіей и съ твореніями отцовъ церкви весьма часто вело именно къ обнаруженію всей порчи, какой подверглась католическая церковь. Вотъ почему, чѣмъ болѣе приближаемся мы къ реформаціонной эпохѣ, тѣмъ все чаще встрѣчаемся съ требованіемъ, чтобы изучалось непосредственно само священное писаніе, и чтобы оно одно было главнымъ авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры. Сравненіе воззрѣній и учрежденій католической церкви съ содержаніемъ слова Божія и было главнымъ источникомъ указаній на тѣ человѣческія выдумки, подъ которыми разумѣлись и плоды невѣжества и суевѣрія, и все то, что было результатомъ историческаго развитія церковныхъ воззрѣній и учрежденій въ зависимости отъ извѣстной культурно-соціальной обстановки. Внутреннее разложеніе католицизма выразилось и въ томъ, что для защиты своей позиціи отъ нападеній въ имя такъ или иначе понимаего слова Божія у него или не было аргументовъ, которые опирались бы на тотъ же авторитетъ, или же его аргументы были въ противорѣчіи съ источниками вѣры, обнаруживая или желаніе клира отстоять старину разными софизмами или полное незнакомство его съ св. писаніемъ. Въ предреформаціонную эпоху весьма было распространено убѣжденіе, что папы нарочно скрываютъ евангеліе, и въ разсматривавшейся нами ранѣе „Реформаціи Фридриха III", въ которой папа называется уже антихристомъ, эта мысль выражена была въ такой формѣ: „Антихристъ скрылъ и уничтожилъ

Евангеліе и слово Божіе. Папа, что ты сдѣлалъ?“ Весьма естественно, что вѣрующая совѣсть, встревоженная порчею церкви, и религіозная мысль, заподозрѣвшая въ церковныхъ ученіяхъ присутствіе человѣческихъ выдумокъ, должны были непосредственно обратиться къ св. писанію и сдѣлать изъ него главный критерій своей вѣры.

XXXVII. Обличеніе духовенства въ литературѣ *).

Отраженіе недовольства состояніемъ церкви въ литературѣ.—Сатирическое изображеніе порчи нравовъ и невѣжества духовенства.—Франсуа-де-Рю и Рабле.—Нѣмецкая сатира и «Похвала глупости».—Свидѣтельство Яна Бундаля.—«Кентерберійскіе разсказы» и «Видѣніе» Лонгланда.—«Colin Clout» Скельтона и сатира Роя и интерлюдіи Гейвуда.—Два оттѣнка въ этой литературѣ.—«Мандрагора» Маккіавелли.—Итальянская новеллистика.—Протестъ противъ духовенства въ «Реформаціи Фридриха Ш».—«Просьба нищихъ» Фиша.

Литература конца среднихъ вѣковъ полна обличеніями, направленными противъ папства, духовенства, монашества, противъ порчи нравовъ, злоупотребленій религіей, невѣжества, и чтобы понять успѣхъ, какой встрѣчали въ культурныхъ слояхъ общества и въ народныхъ массахъ разныя антицерковныя ученія, нужно посмотрѣть, какъ выражалось недовольство церковью въ литературѣ предреформаціонной эпохи. Можно было бы собрать цѣлую коллекцію отдѣльныхъ изреченій изъ сочиненій всѣхъ наиболѣе выдающихся писателей XIV и XV вѣковъ, въ коихъ рѣзко говорилось о томъ, что

---

*) См. главнымъ образомъ разныя исторіи литературы. Кромѣ того, Надлеръ. Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ XIV и XV вѣкахъ.—В. Михайловскій. Предвѣстники и предшественники реформаціи въ XIV и XV вѣкахъ (приложеніе къ Исторіи реформаціи Гейсера).—Lenient. La satire en France au moyen. âge.

обобщается подъ названіемъ порчи церкви. Намъ уже раньше по разнымъ поводамъ приходилось говорить о литературныхъ проявленіяхъ антицерковной оппозиціи и указывать на нѣкоторыхъ писателей, въ томъ или другомъ смыслѣ изображавшихъ печальное положеніе церкви. Не повторяя того, что въ этомъ отношеніи даетъ предыдущее изложеніе, ограничимся разсмотрѣніемъ лишь нѣкоторыхъ проявленій общественнаго недовольства деморализаціей и невѣжествомъ клира, особенно во времена, непосредственно близкія къ реформаціи.

На первый планъ мы поставимъ сатирическое изображеніе порчи нравовъ и невѣжества клира, примѣры коего представляетъ изъ себя уже и болѣе ранняя литература, чѣмъ тѣ два переходные отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени вѣка, на которыхъ сосредоточивается наше изложеніе. Въ Италіи это направленіе нашло самое рельефное свое выраженіе въ „Декамеронѣ" Боккачіо, на которомъ мы, впрочемъ, останавливаться не будемъ. Во Франціи въ эпоху борьбы Филиппа Красиваго съ Бонифаціемъ VIII появился „Романъ о Фовелѣ", написанный нѣкіимъ Франсуа-де-Рю по заказу самого короля, не пренебрегавшаго и такимъ способомъ полемики съ папствомъ и орденомъ храмовниковъ, который, какъ извѣстно, былъ уничтоженъ этимъ королемъ. Фовель—аллегорическая сатира, въ коей подъ видомъ страннаго существа, полулошади, получеловѣка (это и есть самъ Фовель) изображаются всѣ пороки, находящіе себѣ поклонниковъ въ лицѣ папы, монаховъ, храмовниковъ, причемъ первый самый поклонникъ, конечно, папа. Фовель собираетъ для него деньги со всего міра; за Фовелемъ, какъ конюхи, ухаживаютъ одѣтые въ пурпуръ кардиналы и разные прелаты, купившіе свои мѣста за деньги, но сами совершенно невѣжественные, ухаживаютъ нищенствующіе монахи, добывающіе себѣ несмѣтныя богатства и т. п. Папа—преемникъ ап. Петра, но его рыбачья лодка рискуетъ утонуть въ морѣ: такъ она нагружена золотою монетою. Черезъ два столѣтія, отдѣляющіе времена Филиппа IV отъ эпохи реформаціи, сатирическія изображенія папства, духо-

венства и монашества во французской литературѣ не прекращаются. Рабле, бывшій ровесникъ Лютера, въ своихъ „Гаргантюа“ и „Пантагрюэлѣ“ (1535 и 1542 гг.) остроумно осмѣиваетъ все, что уже задолго до него было предметомъ сатиры на клиръ. Извѣстенъ эпизодъ о „звонящемъ островѣ“ (isle sonnante), населенномъ птицами разнаго рода, подъ коими выведены папа, кардиналы, епископы, аббаты и монахи и притомъ такъ, что авторъ и не скрываетъ, кого онъ изображаетъ подъ видомъ разноцвѣтныхъ птицъ, черныхъ, бѣлыхъ, красныхъ и т. п. Посѣтитель острова (Панургъ) полюбопытствовалъ посмотрѣть на птицу—папчика (papegau), сидѣвшаго въ клѣткѣ и, увидѣвъ его, нашелъ, что онъ похожъ на удода, но сопровождавшій посѣтителя человѣкъ сказалъ, что если птица только услышитъ, какъ ее сквернословятъ и поносятъ, то не миновать гибели. Отъ Рабле достается и невѣжественнымъ схоластикамъ. Герой перваго романа, великанъ Гаргантюа, пріѣзжаетъ въ Парижъ и снимаетъ съ собора Богоматери колокола, чтобы повѣсить ихъ на шею своей лошади. Къ нему является депутатъ отъ Сорбонны и держитъ рѣчь, въ коей на невозможномъ языкѣ проситъ возвратить колокола, ссылаясь на то, что ихъ хотѣли купить да и то ихъ не продали „ради субстантификальнаго качества элементарной комплекціи интронифицированнаго чрезъ террестритетъ ихъ кваддитативной природы для экстранеизированія бурь и непогодъ отъ виноградниковъ“, ибо, прибавлялъ онъ, „если мы потеряемъ виноградный сокъ, то потеряемъ все—и смыслъ, и добро“. И далѣе: „ego occidi unum porcum et ego habet bonum vino. А отъ хорошаго вина не заговоришь худо полатыни. Ну же, de parte Dei, date nobis clochas nostras... Vulttis tiam pardonos? Per diem vos habebitis et nihil payabitis» и т. д. Ученыя занятія схоластиковъ осмѣиваются безпощадно у Раблэ устами Панурга, который видѣлъ цѣлую ихъ толпу, какъ они въ нѣсколько часовъ дѣлали негровъ бѣлыми; другіе, продолжаетъ онъ, пахали песокъ тремя парами лисицъ и не теряли посѣва; иные мыли черепицы крышъ и выгоняли изъ нихъ краску; другіе стригли ословъ и полу-

чали хорошую шерсть; другіе снимали виноградъ съ шиповника и фиги съ чертополоха; были и такіе, что доили козловъ и собирали молоко въ волосяное сито“ и т. п. Или выводится на сцену монахъ Жанъ, котораго Рабле рекомендуетъ читателю, какъ beau despecheur d'heures, beau desbrideur de messes, beau descroteur de vigiles, словомъ—какъ самаго настоящаго монаха.

Мы взяли во Франціи писателей, раздѣленныхъ цѣлыми двумя столѣтіями, въ теченіи коихъ въ литературѣ то и дѣло появлялась все та же сатирическая насмѣшка, какую мы видимъ у Франсуа-де-Рю въ XIV в. и у Рабле въ XVI. Когда дойдетъ очередь до изображенія внутренняго состоянія Германіи въ годы, непосредственно предшествовавшіе началу реформаціи, мы еще познакомимся съ „Письмами темныхъ людей“, направленныхъ противъ клира, монаховъ и схоластиковъ, а пока отмѣтимъ, какъ и въ другихъ сатирическихъ произведеніяхъ той же эпохи въ Германіи осмѣивалось духовенство. Нѣмецкая сатира конца XV в. можетъ быть раздѣлена на народную и ученую (гуманистическую), хотя ихъ элементы переплетались, и между ними разница была болѣе въ формѣ, чѣмъ въ содержаніи. Одною изъ наиболѣе популярныхъ книгъ около 1500 г. былъ „Narrenschiff“ Себастіана Бранда (ум. 1521), въ коемъ авторъ осмѣиваетъ пороки и нелѣпости своего времени. Онъ былъ самъ человѣкомъ глубоко-религіознымъ, даже однимъ изъ главныхъ защитниковъ ученія о непорочномъ зачатіи, но это не помѣшало ему въ грубой формѣ народной сатиры коснуться разврата духовныхъ. „Многіе, говоритъ онъ, дѣлаются духовными, чтобы бездѣльничать; нѣкоторые, имѣющіе много приходовъ, не стоятъ одного маленькаго“. Или вотъ гуманистъ Бебель въ „Торжествѣ Венеры“ разсказываетъ о томъ, какъ богиня любви пожаловалась Амуру на то, что у нея мало поклонниковъ, и какъ ея сынъ по этому поводу собираетъ на смотръ ея всѣхъ служителей: на первомъ планѣ являются монахи, самые преданные Венерѣ люди и даже похваляющіеся своею ей преданностью, а за ними приходятъ схоластики, карди-

налы, папы. „Похвала глупости" Эразма Роттердамскаго наполнена изображеніями, въ которыхъ духовенство выставляется также не въ привлекательномъ видѣ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого замѣчательнаго памятника сатирической литературы XVI вѣка *). „Можетъ быть, говоритъ Глупость, произносящая сама себѣ панегирикъ, было бы лучше пройти молчаніемъ нашихъ теологовъ, не трогать этого зловреднаго болота и не прикасаться къ этой вонючей травѣ, тѣмъ болѣе, что это люди крайне подозрительные и раздражительные: пожалуй, они нападутъ на меня съ сотнями своихъ заключеній и принудятъ меня отречься отъ моихъ словъ, угрожая въ противномъ случаѣ обвинить меня въ ереси—это ихъ обыкновенный способъ устрашать тѣхъ, кто имъ не нравится. Хотя они менѣе всѣхъ другихъ признаютъ мои благодѣянія, однако я утверждаю, что они со мною тѣсно связаны". Доказывая эту мысль, Глупость приводитъ примѣры: вѣдь это все „авторы положеній, передъ которыми парадоксы стоиковъ вовсе не кажутся парадоксальными, что, наприм., меньше грѣха убить тысячу человѣкъ, чѣмъ въ воскресенье починить башмакъ бѣдняку"... „Я сама не въ силахъ удержаться отъ смѣха, видя, что они считаютъ себя тѣмъ священнѣйшими богословами, чѣмъ нелѣпѣе и хуже изъясняются... По ихъ мнѣнію, уважать законы грамматики значитъ унижать достоинство св. писанія... Когда ихъ съ благоговѣніемъ называютъ „magistri nostri", они считаютъ себя равными богамъ, ... увѣряя, что эти оба слова нужно писать прописными буквами, а если кто произнесетъ ихъ въ обратномъ порядкѣ, тотъ унизитъ достоинство богослова. Съ ними, продолжаетъ Глупость обзоръ своихъ почитателей, по блаженству почти равняться могутъ тѣ, кого называютъ religiosi и monachi (одинокіе), хотя и то, и другое названіе для нихъ не подходящее: съ религіей они не имѣютъ ничего общаго, и нѣтъ людей, которые бы такъ часто, какъ они, появлялись на всѣхъ перекресткахъ. Высшимъ проявленіемъ благочестія они считаютъ полное удаленіе отъ

*) Есть въ русск. пер. проф. А. И. Кирпичникова.

науки, такъ что и грамотѣ не учатся. Иные изъ нихъ гордятся своей грязью и нищенствомъ и громко требуютъ милостыни, нападая на всѣ гостиницы, экипажи, корабли къ немалому ущербу для остальныхъ нищихъ. И эти-то милѣйшіе люди хотятъ намъ напомнить апостоловъ!" За этимъ слѣдуетъ у Эразма длинное описаніе монашескихъ нравовъ съ постоянными ссылками на ихъ несоотвѣтствіе съ христіанскимъ идеаломъ: „цѣль монаховъ не въ томъ, чтобы съ Христомъ сходствовать, а чтобы другъ отъ друга различествовать" (сказано по поводу распрей между орденами); „они не хотятъ подумать, что Христосъ, пожалуй, не обратитъ на все это (церемоніи и уставы) вниманія и потребуетъ исполненія единственной своей заповѣди—любви къ ближнему"; „Христосъ, прервавъ это нескончаемое самохвальство (аскетическими подвигами), скажетъ: откуда этотъ новый видъ фарисеевъ? Я признаю своимъ одинъ законъ, о которомъ ничего отъ нихъ не слышу, а между тѣмъ Я ясно, не скрывая своей мысли подъ формою притчи, обѣщалъ царство небесное не капюшонамъ, не молитвамъ, не постамъ, а дѣламъ любви". Осмѣивается Эразмомъ и монашеское невѣжество: одинъ ученый старецъ, „намѣреваясь изъяснить тайну имени Іисуса, съ необыкновенною тонкостью показалъ, что въ самыхъ буквахъ имени заключается все, что можно сказать о самомъ его носителѣ. То обстоятельство, что имя Іисуса по-латыни имѣетъ только три падежныхъ окончанія, служитъ явнымъ указаніемъ на божественную троичность; что первый падежъ оканчивается на s, второй на m, а третій на u, заключаетъ въ себѣ нѣкую несказанную тайну: именно этими тремя буквами означено, что Христосъ есть высшій (summus), средній (medius) и послѣдній (ultimus). Затѣмъ слѣдовало такое, еще болѣе тонкое соображеніе: если имя Iesus раздѣлить на двѣ равныя части, въ серединѣ останется не принадлежащая ни къ какой половинѣ буква s; эта буква по еврейски называется syn, а по-шотландски syn значитъ грѣхъ: явно отсюда, что Іисусъ явился, чтобы уничтожить въ мірѣ грѣхъ". Папъ, кардина-

ловъ и аббатовъ Эразмъ обвиняетъ преимущественно въ томъ, что они роскошью уподобляются свѣтскимъ государямъ. „Они пасутъ только самихъ себя, а заботу объ овечкахъ предоставляютъ Христу или своимъ замѣстителямъ. Они не хотятъ даже вспомнить о томъ, на что указываетъ ихъ названіе (ἐπίσκοποι= надсмотрщики), а именно о трудѣ, заботѣ, безпокойствѣ. Зорко надсматриваютъ они только надъ тѣмъ, какъ-бы не упустить своихъ денежныхъ выгодъ... А первосвященники, заступающіе мѣсто самого Христа, если-бы попытались подражать Ему бѣдностью, трудами, ученіемъ, презрѣніемъ къ жизни, несеніемъ креста, если-бы подумали означеніи своего священнаго имени,—нашлись-ли бы на землѣ люди, болѣе ихъ страдающіе? Кто сталъ-бы покупать, жертвуя своимъ состояніемъ, папскій престолъ? Кто, купивъ его, сталъ-бы удерживать оружіемъ, ядомъ, всякимъ насиліемъ? Что осталось бы изъ всѣхъ благъ, связанныхъ съ тіарой, изъ всѣхъ почестей, власти, побѣдъ, чиновниковъ, роскоши, пошлинъ индульгенцій, лошадей, муловъ, служителей, если-бы мое мѣсто (не забудемъ, что рѣчь произносится Глупостью) заняла мудрость? Да что я говорю, мудрость?—еслибъ явилась хоть капля той соли, о которой говоритъ Христосъ! Мѣсто всѣхъ этихъ наслажденій заняли бы бдѣнія, посты, слезы, проповѣди, заботы, воздыханія, тысячи тяжелыхъ трудовъ, а толпѣ писцевъ, копіистовъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, дѣлопроизводителей, секретарей, погонщиковъ, конюховъ, стольниковъ, сводниковъ, всѣхъ этихъ людей, унижающихъ.... то бишь украшающихъ курію римскую, пришлось бы умирать съ голоду“. Указавъ на то, какъ папы не исполняютъ своихъ обязанностей, ибо это и непріятно, и трудно, Глупость продолжаетъ: „стало быть, имъ остается управленіе арміей, раздача благословеній, на которыя они такъ щедры, интердикты, временныя и вѣчныя отлученія, страшные громы, которыми они низвергаютъ души смертныхъ дальше самого тартара. Святѣйшіе во Христѣ отцы, намѣстники Спасителя, ниспосылаютъ эти громы съ особенной энергіей на тѣхъ, кто по наущенію дьявола пы-

тается уменьшить или расхитить имущество ап. Петра. Хотя по Евангелію Петръ и сказалъ: мы все оставили и за тобой послѣдовали,—тѣмъ не менѣе они причисляютъ къ его имуществу поля, города, подати, пошлины, доходы съ вассаловъ. Защищая это имущество огнемъ и мечемъ, проливая кровь христіанскую, они убѣждены, что поапостольски стоятъ за церковь, Христову невѣсту, и борятся съ ея врагами, между тѣмъ у церкви нѣтъ враговъ болѣе опасныхъ, чѣмъ нечестивые первосвященники, которые молчаніемъ своимъ заставляютъ забыть о Христѣ, связываютъ Его продажными законами, проституируютъ вымученными объясненіями, убиваютъ нечестивою жизнью". За цѣлымъ рядомъ другихъ подобныхъ обличеній противъ папъ Эразмъ переходитъ и къ простымъ священникамъ, „которые считаютъ, конечно, грѣхомъ не слѣдовать праведному примѣру своихъ начальниковъ и сражаются за церковные доходы мечами, копьями, камнями и всѣми другими видами оружія, къ книгамъ же обращаются только за тѣмъ, чтобы тамъ отыскать какой-либо текстъ, которымъ можно было бы устрашить чернь и заставить ее платить болѣе десятины, а что тамъ написано объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ народу — того они и знать не хотятъ".

Однѣ и тѣ же темы повторяются въ литературныхъ произведеніяхъ, раздѣленныхъ столѣтіями, принадлежащихъ разнымъ вѣкамъ. Въ XIV вѣкѣ нидерландскій поэтъ Янъ ванъ Бундаль въ сатирическомъ діалогѣ „Свидѣтельство Яна", напр., такъ же, какъ и писатели другихъ странъ и другихъ временъ обвиняетъ священниковъ въ томъ, что они для народа издали строгіе законы, а сами ихъ не соблюдаютъ, обвиняетъ прелатовъ въ томъ, что ихъ расположеніе покупается лишь за деньги, что они погрязаютъ въ развратѣ, охотятся, храпятъ во время богослуженія, устраиваютъ роскошные пиры, лишая простыхъ монаховъ лучшей пищи. Въ Англіи въ XIV в. равнымъ образомъ сатира бичуетъ нравы духовевства. „Кентерберійскіе разсказы" Чосера, этого „перваго изобрѣтателя

англійскаго литературнаго языка", повторяютъ собою „Декамеронъ" Боккачіо. Въ гостинницѣ на пути въ Кентербери собирается общество богомольцевъ, среди коихъ есть и монахи, и духовныя лица: монахъ франтъ и добрый малый, нищенствующій монахъ, ловко устраивающій браки, монахиня, священникъ изъ женскаго монастыря, приходскій священникъ,—и всѣ спутники берутся разсказывать по очереди разныя исторіи, заимствованныя изъ фаблiо и новеллъ. Чосеръ въ этихъ разсказахъ также рисуетъ испорченность клира, язвительно и рѣзко отзывается о монахахъ, индульгенціяхъ; даже есть указанія на то, что онъ сочувствовалъ реформатору Виклифу, съ коимъ былъ лично знакомъ. Раньше уже намъ приходилось ссылаться на „Видѣніе пахаря" Лангланда, въ коемъ равнымъ образомъ выразилось отрицательное отношеніе къ нравственности духовенства. Въ сонномъ видѣніи авторъ видитъ паломниковъ, идущихъ въ Римъ или къ св. Іакову, чтобы имѣть право лгать во всю свою остальную жизнь, нищенствующихъ монаховъ, проповѣдующихъ во благо своему чреву и вкривь и вкось толкующихъ Евангеліе, продавца индульгенцій, который показываетъ дуракамъ буллу и, пока они, стоя на колѣняхъ, къ ней прикладываются, ихъ обираютъ и т. п. Онъ видитъ далѣе олицетворенный Обманъ и его свиту, въ коей различаетъ Подачку, чувствующую себя дома даже въ папскомъ дворцѣ: ей предстоитъ выйти замужъ за Обманъ, но этому противится Теологія. Въ концѣ поэмы является Антихристъ: нищенствующіе монахи оказываютъ ему почетъ, подъ его знамя стекается масса народа, но противъ него возстаетъ Совѣсть, сама, однако, вредящая дѣлу тѣмъ, что пускаетъ въ домъ единенія льстиваго исповѣдника. Въ этой поэмѣ клирикамъ противополагается простодушный Петръ пахарь, который и раскрываетъ истину. Между прочимъ, авторъ такъ объясняетъ порчу церкви: когда Константинъ надѣлилъ церковь землею, людьми, доходами, ангелъ Божій воскликнулъ, что всѣ, имѣющіе власть Петра, заражены ядомъ. Въ концѣ XV и началѣ XVI в. са-

тира въ Англіи не перестаетъ бичевать духовенство. Лѣтъ за пятнадцать до начала новаго столѣтія выступаетъ съ своими памфлетами Скельтонъ, который въ «Colin Clout» передаетъ рѣчи, слышанныя героемъ произведенія въ народной средѣ: митры покупаются и продаются за серебро и золото; духовныя лица пьянствуютъ по тавернамъ, а на каѳедрахъ появляются люди не умнѣе телятъ; народъ называетъ духовныхъ просто бочками, полными обжорства и лицемѣрія, которыя только корчатъ изъ себя святыхъ. Въ сатирѣ Роя (Satire against the clergy) также говорится, что епископы-богословы болѣе толку знаютъ въ винахъ, чѣмъ въ богословіи, законники же они опытные только въ дѣлахъ противъ совѣсти; вмѣсто того, чтобы поучать народъ, они гоняются въ полѣ за зайцами и оленями или проводятъ время въ пирушкахъ, картежной игрѣ; въ этой средѣ изъ тысячи не найдется и одного, который былъ бы цѣломудренъ тѣломъ и душой. Или, напр., въ одной интерлюдіи Гейвуда выводятся на сцену монахъ и продавецъ индульгенцій, выпросившіе у простодушнаго сальскаго священника позволеніе устроить въ церкви сборъ пожертвованій: первымъ сталъ собирать монахъ въ пользу своего ордена, распространившись о святости послѣдняго, но тутъ явился продавецъ индульгенцій съ реликвіями (въ родѣ большого пальца Св. Троицы), и между ними начался споръ, дошедшій до потасовки; священникъ при помощи одного сосѣда хотѣлъ выгнать обоихъ изъ церкви, но оба они терпятъ пораженіе въ общей свалкѣ, пока монахъ и продавецъ индульгенцій не оставляютъ церковь, проклинаемые жертвами избіенія.

Въ этой сатирической и обличительной литературѣ было весьма разное отношеніе къ духовенству, т. е. или болѣе насмѣшливое, веселое, подчасъ фривольное, или наоборотъ, негодующее, скорбное, нерѣдко гнѣвное, смотря по тому, видѣлъ ли авторъ болѣе забавную сторону безнравственности и невѣжества или, напротивъ, сторону вредную, оскорблявшую нравственное чувство и возмущающую религіозную совѣсть, а если было и то, и другое, тогда смотря по тому, чтò въ данномъ

случаѣ перевѣшивало. Въ общемъ можно сказать, что перваго рода отношеніе господствуетъ въ романскихъ литературахъ, тогда какъ второе характеризуетъ литературы германскихъ націй, а еще съ бо̀льшимъ правомъ можно сказать, что менѣе серьезное, более насмѣшливое и веселое отношеніе къ духовенству и монашеству чаще встрѣчается, даже господствуетъ у представителей Ренессанса, тогда какъ отношеніе, въ коемъ слышится протестъ нравственнаго чувства и религіозной совѣсти, роднитъ выступающихъ съ нимъ писателей съ дѣятелями Реформаціи, если только, какъ у Эразма Роттердамскаго, не слышится и остроумной насмѣшки свѣтскаго человѣка, и обличенія неправды во имя религіознаго идеала. Эту разницу мы хорошо можемъ понять, если сопоставимъ индифферентное отношеніе къ церкви многихъ итальянскихъ гуманистовъ, позволявшее имъ видѣть въ ея порчѣ лишь одну забавную сторону, и страстныя обличенія неправдъ папства, духовенства и монашества сектантами и реформаторами. Произведенія обѣихъ категорій отражаютъ такимъ образомъ одну и туже дѣятельность, но отражаютъ ее различнымъ образомъ.

Вотъ какъ отразился уголокъ этой дѣйствительности въ комедіи „Мандрагора", написанной знаменитымъ Макіавелли и разыгранной при дворѣ папы Льва X. Содержаніе комедіи слѣдующее: у стараго флорентійца Ничіи молодая жена Лукреція, въ которую влюбленъ нѣкій Каллимако. Съ помощью матери молодой женщины и друга дома Ничіи Каллимако выдаетъ себя послѣднему за знаменитаго врача изъ Парижа и втирается въ его домъ, но добивается взаимности Лукреціи только при помощи ея духовника, отца Тимотео, который, своею казуистикой склоняетъ молодую женщину къ тому, чтобы она измѣнила мужу. Эту комедію стоитъ отмѣтить не только потому, что она рисуетъ отношеніе къ духовенству такого человѣка, какъ Макіавелли, не только потому, что ея представленіе при папскомъ дворѣ, не смотря на ея грязное содержа-

ніе, характеризуетъ тогдашнее папство, но и потому, что Макіавелли уловилъ въ ней типъ позднѣйшаго іезуита-духовника, усыпляющаго совѣсть ловкими софизмами. „Бываетъ много вещей, говоритъ Тимотео, убѣждая Лукрецію,—бываетъ много вещей, которыя издали кажутся страшными, невыносимыми, ужасными, а какъ приблизишься къ нимъ, онѣ становятся пріятны, сносны, онѣ нравятся... Вамъ слѣдуетъ касательно совѣсти постоянно помнить то общее правило, что если есть дѣйствительное добро и еще вѣроятное зло, то изъ страха передъ зломъ никогда не должно упускать добра... Что же касается до того, будто бы этотъ поступокъ будетъ грѣхомъ, то это только такъ кажется: грѣшитъ вѣдь воля, а не дѣло... Клянусь вамъ этимъ святымъ символомъ, что ваша совѣсть будетъ встревожена не больше, какъ если бы вы съѣли мяса въ пятницу—грѣхъ, который можно смыть святою водою". Въ концѣ концовъ патеръ убѣждаетъ молодую женщину. Это вообще тонъ итальянской новеллистики, когда она касалась духовенства и монаховъ: Массучіо въ своемъ „Novellino" разсказываетъ грязныя исторіи, въ коихъ дѣйствующими лицами являются клирики, и въ числѣ авторовъ такихъ новеллъ былъ даже одинъ епископъ (Маттео Банделло). Но именно этотъ слишкомъ насмѣшливый тонъ и показываетъ, что у большинства авторовъ новеллъ, не было того отношенія къ предмету ихъ сатиры, которое другихъ дѣлало отщепенцами отъ церкви и религіозными реформаторами.

Кромѣ сатиры, принимавшей весьма часто публицистическій характеръ, отрицательное отношеніе къ духовенству за его безнравственность мы встрѣчаемъ и въ тѣхъ памфлетахъ, которые издавались прямо съ цѣлью политической агитаціи въ широкихъ кругахъ общества и въ народной массѣ. Въ другой связи мы уже останавливались на такъ называемой „Реформаціи Фридриха III". Въ этомъ памфлетѣ также много мѣстъ, обличавшихъ и нравственную неправду клира. „Я желалъ-бы знать, говорится, наприм., здѣсь, кому приносятъ пользу высокіе сановники церкви; которые потѣшаются надъ

нашими женами и дочерьми и дѣлаютъ изъ нихъ блудницъ. Желалъ-бы я услышать отъ кого-нибудь, что Христосъ Спаситель, будучи на землѣ, упомянулъ когда-нибудь о монахахъ и монахиняхъ. Кому этотъ народъ можетъ приносить пользу? Прелаты ведутъ свою безнравственную жизнь открыто и безъ стыда, и никто ихъ за это не осмѣливается наказывать; монахи же и монахини желаютъ скрыть свой образъ жизни, но время этого не терпитъ и обнаруживаетъ все". „Реформація" требуетъ поэтому улучшенія нравовъ духовенства, въ особенности сельскихъ приходскихъ пастырей и вооружается противъ монаховъ, которые только обманываютъ народъ, прикрываясь духовнымъ званіемъ. „Попробуй-ка не накормитъ монаха, тогда является во дворъ приставъ и угоняетъ коровъ и телятъ, а если удастся задобрить пристава въ свою пользу, то монахъ разражается отлученіемъ отъ церкви, чтобы тѣмъ увлечь крестьянина въ еще бо̀льшіе убытки. Вотъ каково ихъ духовное милосердіе, и вотъ какова ихъ христіанская, братская любовь! Подашь имъ разъ, ради Бога, они послѣ того требуютъ этого по алчности своей съ насиліемъ для того, чтобы скопить и сохранить"... „Что имъ, говорится еще о духовныхъ въ этомъ памфлетѣ, вмѣняется въ грѣхъ, то намъ дозволяется; что имъ дозволяется, намъ вмѣняется въ грѣхъ. Возьметъ одинъ изъ нихъ жену—то будетъ грѣхъ, а намъ мірянамъ—нѣтъ; отниметъ же одинъ изъ нихъ жену у какого-нибудь благочестиваго мужа и возьметъ ее въ свой домъ, это не вмѣнится ему въ вину, а мірянину былъ-бы грѣхъ; возьметъ мірянинъ пять процентовъ со ста—это будетъ грѣхъ, духовный-же беретъ 60 и 70 и это не грѣхъ". И тутъ же составитель памфлета замѣчаетъ: „либо мы не христіане, либо они еретики".

Въ Англіи около 1524 г. появилась и распространилась разбрасываніемъ по улицамъ „Просьба нищихъ" (The supplication of beggars) Фиша, въ коей нищіе жалуются на „хищныхъ волковъ, извѣстныхъ подъ именемъ епископовъ, аббатовъ, пріоровъ, декановъ, суффрагановъ, священниковъ, мо-

наховъ и т. д.", какъ на людей, отбивающихъ у нихъ хлѣбъ, жалуются на то, что духовные торгуютъ святыней, отдавая предпочтеніе тому, кто больше дастъ, развратничаютъ, соблазняютъ честныхъ женщинъ, совращаютъ своими богатствами съ пути честнаго заработка многихъ дѣвушекъ, живутъ въ праздности, пріучая и другихъ къ такой-же жизни.

XXXVIII. Неудача соборной реформы *).

Разныя отношенія къ церковной реформѣ.—Три параллельныя теченія въ исторіи религіозной реформаціи.—Идея соборной реформы.—Галликанизмъ.—Разныя формы церковнаго устройства.—Планъ парижскаго университета.—Церковныя событія конца XIV и начала XV в.—Пизанскій соборъ.—Іоаннъ XXIII.—Констанцскій соборъ.—Неудача дѣла реформы.—Базельскій соборъ и національная оппозиція.—Нѣсколько чертъ изъ исторіи папъ второй половины XV и начала XVI вѣка.

Порча церкви естественно и необходимо должна была вызвать въ лучшей части духовенства и въ свѣтскомъ обществѣ стремленіе къ исправленію недостатковъ, обнаружившихся въ церковной организаціи и доктринѣ. Многія изъ тѣхъ литературныхъ произведеній, въ коихъ папство, высшее и низшее духовенство и монашество подвергались суровому осужденію, заключали въ себѣ и положительныя требованія церковныхъ реформъ въ духѣ христіанской нравственности. Необходимость моральнаго перевоспитанія клира была въ общемъ сознаніи всѣхъ людей, сколько-

---

*) Г. Вызинскій. Папство и Свящ. Римская имперія.—Т. Налимовъ. Вопросъ о папской власти на констанцскомъ соборѣ.—Hefele. Conciliengeschichte.—Zimmermann. Die kirchlichen Verfassungskämpfe im XV Jahrhundert.—Hübler. Die Constanzer Reformation und die Concordate von 1418.—Petrucelli della Gatina. Histoire diplomatique des conclaves.—Bess. J. Gerson und die kirchenpolitischen Parteien Frankreichs vor dem Concil zu Pisa.—Koetzschke. Ruprecht von der Pfalz und das Concil zu Pisa.—Stuhr. Die Organisation und Geschäftsordnung der Pisaner und Constanzer Concils. Кромѣ того, соч. о Жерсонѣ (Schwab'a), Альи (Tschackert'a) Клеманжѣ (Müntz) и др.

нибудь думавшимъ о церковныхъ дѣлахъ и не относившихся индифферентно къ общественной нравственности, но зато вопросъ, какими же способами могло бы быть произведено улучшеніе, рѣшался весьма неодинаково у различныхъ представителей общаго недовольства состояніемъ церкви. Во первыхъ, многіе ограничивались простою проповѣдью о возвращеніи клира къ бо̀льшей чистотѣ нравовъ, указывая лишь на элементарныя средства, которыя уже сами по себѣ были бы извѣстною степенью большаго совершенства. Изъ тѣхъ лицъ, далѣе, у коихъ мы встрѣчаемся съ болѣе выработанными планами реформы и съ болѣе опредѣленными идеалами, многіе указывали на необходимость измѣненій во внѣшнемъ устройствѣ церкви, полагая, что сама старая организація заключала въ себѣ корень моральнаго зла, но оставаясь при этомъ, однако, на той точкѣ зрѣнія, что въ общемъ и цѣломъ церковная догма совершенно правильна и не требуетъ (да и требовать не можетъ, какъ основанная на св. писаніи и св. преданіи) никакихъ измѣненій, тогда какъ другіе шли дальше и подвергали сомнѣнію многое и въ самой этой догмѣ, считая церковное преданіе не вполнѣ согласнымъ съ откровеніемъ и требуя, чтобы на немъ одномъ исключительно основывались главныя положенія вѣры. Наконецъ, недовольство церковью и стремленіе ее реформировать выражалось и въ иныхъ формахъ, бывшихъ уже своего рода выходомъ изъ историческаго христіанства. Такимъ образомъ рядомъ съ болѣе или менѣе неопредѣленными желаніями относительно моральной дисциплины духовенства, высказывавшимися въ сатирической, дидактической и публицистической литературѣ, мы встрѣчаемся съ тремя главными видами реформаціонныхъ стремленій: одно изъ нихъ имѣло въ виду главнымъ образомъ церковную организацію, другое— реформу самой догмы на основаніи св. писанія, третье — полное преобразованіе религіи съ весьма свободнымъ отношеніемъ къ внѣшнему откровенію св. писанія, противополагая ему новыя откровенія. Эти три вида реформаціонныхъ стрем-

леній мы находимъ и въ тѣ бурныя времена, которыя наступили для католицизма послѣ появленія Лютера, и во всю длинную эпоху, когда впервые обнаружились, задолго еще до Лютера и другихъ реформаторовъ XVI в., реформаціонныя стремленія. Это какъ-бы три параллельныя теченія, которыя мы можемъ ихъ назвать по характернымъ ихъ признакамъ—соборнымъ, библейскимъ и мистическимъ, а по окончательнымъ ихъ результатамъ въ XVI—XVII вв.—католическимъ, протестантскимъ и сектантскимъ.

Займемся теперь соборной реформой, какъ извѣстно, окончившейся неудачею. Когда-то церковь была обновлена монашествомъ (клюнійцы въ X в.) и папствомъ (Григорій VII въ XI в.), но послѣ авиньонскаго плѣна, въ эпоху великаго раскола, который нужно же было когда-нибудь уладить, указанъ былъ новый органъ для церковной реформы—вселенскій соборъ, долженствовавшій реформировать и самое папство. Идея соборной реформы вызвала цѣлую литературу, произвела цѣлое движеніе въ церкви, имѣла своимъ результатомъ созваніе соборовъ въ Пизѣ (1409), Констанцѣ (1414—1418) и Базелѣ (1431—1449). Идея эта не умирала и послѣ неудачи, постигшей партію реформы въ первой половинѣ XV в. на этихъ соборахъ, гдѣ она была лозунгомъ всѣхъ, желавшихъ преобразованія. Папство несочувственно относилось къ этой идеѣ, и только когда его вынуждали обстоятельства, должно было соглашаться на созывъ соборовъ. Такъ точно случилось и въ серединѣ XVI в., въ эпоху полнаго разгара реформаціи, когда былъ созванъ тридентскій соборъ (1545—1563). Причина этого явленія заключалась въ томъ, что съ самаго начала по новому плану имѣлось въ виду ограничить папскую власть вселенскимъ соборомъ, въ чемъ отчасти заключалась и самая реформа, дополнявшаяся еще проектомъ бóльшей самостоятельности національныхъ церквей съ своими особыми національными соборами. Неудача реформы именно въ томъ и состояла, что не только не былъ осуществленъ ея основной принципъ въ первой поло-

винѣ XV в., когда созывались пизанскій, констанцскій и базельскій соборы, но даже прямо восторжествовало противоположное начало папскаго абсолютизма, окончательно утвержденнаго въ серединѣ XVI в. тридентскимъ соборомъ. Идея большей самостоятельности національныхъ церквей также имѣетъ свою длинную исторію: она возникла во Франціи, была особенно популярна среди французскаго духовенства, выразилась въ извѣстной буржской прагматической санкціи середины XV в., а въ концѣ XVII столѣтія—въ знаменитой деклараціи о вольностяхъ галликанской церкви, почему и носитъ названіе галликанизма, но, кромѣ того, на основахъ національнаго собора думала одно время устроить свою церковь и часть высшаго польскаго духовенства въ серединѣ XVI вѣка (kościół narodowy). И вообще это движеніе любопытно потому, что въ немъ проявлялась національная оппозиція противъ космополитическаго универсализма католической церкви.

Чтобы понять идею соборной реформы нужно бросить взглядъ на исторію церковной организаціи.

Церковь, какъ организованное общество, имѣла въ разное время разныя правительственныя формы. Первоначальное ея устройство было общинно—демократическое: автономныя и соединенныя въ общій союзъ религіозныя общины состояли изъ мірянъ и выборнаго клира, въ которомъ существовали три священныхъ сана (епископа, пресвитера и діакона), причемъ высшій санъ еще такъ не выдѣлялся надъ двумя другими, какъ въ послѣдующія времена. Вторую эпоху и составляютъ тѣ вѣка, когда церковь имѣетъ уже федеративно-аристократическую организацію: религіозныя общины, объединенныя подъ властью епископовъ, составляютъ цѣлыя церковныя области, въ коихъ собираются соборы изъ епископовъ или ихъ замѣстителей (помѣстные соборы), и эти же епископы съѣзжаются на общіе для всей церкви, или вселенскіе соборы (IV—VIII в.). Наконецъ, на Западѣ возвышается власть папы, и церковь получаетъ унитарно-монархическій характеръ съ абсолютною властью церковнаго монарха. Соборная реформа и имѣла

своею цѣлью возвратить церковь къ тому устройству, которое мы назвали федеративно-аристократическимъ: предполагалось, съ одной стороны, установить автономныя національныя церкви, съ другой ограничить папскую власть соборомъ, въ обоихъ случаяхъ выдвинувъ на первый планъ епископатъ. Въ XVI в. національная церковь съ аристократическимъ устройствомъ клира, но уже не въ союзѣ съ Римомъ, а въ полномъ отторженіи отъ католицизма, была дѣйствительно организована въ Англіи (англиканская церковь), но въ большинствѣ случаевъ реформація XVI в. склонялась болѣе къ демократическому началу въ организаціи клира.

Планъ соборной реформы вышелъ въ концѣ XV в., изъ парижскаго университета, который пользовался большимъ авторитетомъ, какъ alma mater другихъ университетовъ, основывавшихся по его образцу, какъ корпорація, заключавшая въ себѣ около 20 т. членовъ, какъ главный центръ, наконецъ, богословскаго образованія. Еще во время распри Филиппа IV съ Бонифаціемъ VIII уни верситетъ этотъ аппеллировалъ противъ папы къ вселенскому собору, а въ эпоху великаго раскола въ немъ дѣйствовали выдающіеся богословы, „свѣточи церкви" (luminaria ecclesiae) Петръ д'Альи, Жанъ Жерсонъ и Николай Клеманжъ. По мнѣнію парижскихъ богослововъ, расколъ былъ симптомомъ порчи церкви, требовавшей реформы, корень же зла заключался въ томъ, что папская власть, сама по себѣ необходимая для единства церкви, узурпировала права самостоятельныхъ національныхъ церквей и соборовъ. Они думали, далѣе, что уничтожить мірское направленіе папства и прекратить гибельный расколъ можно будетъ только путемъ созванія высшаго трибунала, каковымъ является вселенскій соборъ. Папа существуетъ не самъ по себѣ, его производитъ церковь, а соборъ и есть органъ церкви. Соборы были въ первоначальной; они созывались въ болѣе близкіе времена такими императорами, какъ Оттонъ Великій или Генрихъ III; къ соборамъ аппеллировали Филиппъ Красивый и Людовикъ Баварскій въ спорахъ съ папами, — и вотъ соборы должны были быть снова возстановлены. Планъ

ученыхъ богослововъ оставлялъ въ неприкосновенности церковную іерархію, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ за папою значеніе верховнаго правителя церкви, глава коей есть самъ Іисусъ Христосъ: хотя папа, какъ второстепенный глава (caput secundarium), и необходимъ для внѣшняго единства церкви,но онъ есть все-таки глава случайный, ибо церковь продолжаетъ существовать и безъ него, напр., во времена папскихъ междуцарствій. Выраженіе церкви есть соборъ: въ извѣстныхъ случаяхъ она прямо обязана прибѣгать къ созыву такого высшаго трибунала, указаніямъ коего долженъ повиноваться и самъ папа даже въ томъ случаѣ, если-бы соборъ потребовалъ отъ него сложить свою власть, и по той-же причинѣ соборъ можетъ низложить папу, если бы онъ ему отказалъ въ повиновеніи. Наконецъ, высказывалась мысль, что вселенскіе соборы должны повторяться часто и что, кромѣ нихъ, должны созываться соборы національные и провинціальные. Однимъ словомъ, ученію сторонниковъ папства,—которые и теперь выступили съ защитою своихъ принциповъ,—ученію объ единоличной и безконтрольной власти римскаго первосвященника, съ присвоеніемъ ей всей полноты правъ и съ превращеніемъ всѣхъ остальныхъ органовъ законной власти на землѣ въ простыя орудія папскаго авторитета противопоставлена была доктрина объ условной лишь полезности этой власти, какъ административнаго учрежденія, зависимаго, однако, въ послѣдней инстанціи отъ церкви. Въ самомъ лагерѣ реформаторовъ были, впрочемъ, разные оттѣнки, наприм., въ самомъ пониманіи церкви, есть ли это одна только іерархія (каковъ и былъ взглядъ Жерсона), или подъ церковью слѣдуетъ разумѣть всю совокупность вѣрующихъ (какъ полагалъ нѣмецкій богословъ Конрадъ Гейленгузенъ), вслѣдствіе чего возможно было (и въ дѣйствительности происходило) и разъединеніе въ средѣ соборныхъ реформаторовъ. Разсматривая, далѣе, планъ парижскихъ богослововъ, мы уже въ немъ самомъ открываемъ нѣкоторыя причины той неудачи, какую испытала церковная партія, стоявшая на его сторонѣ. Трудно было именно согласовать то, что хотѣли

удержать реформаторы изъ прежняго церковнаго устройства, съ тѣмъ, что они въ него хотѣли ввести новаго. Планъ превращенія абсолютной церковной монархіи въ монархію конституціонную или въ смѣшанное правленіе (regimen mixtum), былъ планъ въ сущности консервативно-аристократическій,—консервативный, поскольку онъ опирался на преданіе, сохранялъ іерархію и лишь за послѣднею признавалъ основное право именоваться всею церковью, аристократическій, поскольку, благодаря соборному управленію, первенствующимъ элементомъ церкви долженъ былъ сдѣлаться епископатъ, но именно то и было трудно, чтобы согласовать возстановленіе уничтоженныхъ ходомъ исторіи преобладанія епископата, соборнаго устройства и національной автономіи—съ тѣмъ, что исторія выработала на мѣсто уничтоженнаго, съ папскою властью, сдѣлавшеюся властью абсолютною и универсальною. За папою признавалась полнота апостольской власти (plenitudo potestatis aposрolicae), и въ тоже время соборъ какъ разъ посягалъ на эту полноту; папа былъ вселенскимъ епископомъ (episcopus universalis), но этому понятію противорѣчила церковная автономія отдѣльныхъ націй подъ главенствомъ помѣстныхъ соборовъ. Кое-какіе вопросы и не были притомъ достаточно разработаны: кто, напр., сталъ бы созывать соборы и утверждать ихъ рѣшенія? Предоставить и то, и другое папѣ значило все дѣло подвергнуть риску: а если папа не станетъ созывать соборовъ или не захочетъ утверждать ихъ рѣшеній? Или, съ другой стороны, если бы соборъ сходился самъ собою и его постановленія получали бы законную силу сами по себѣ, какую роль пришлось бы играть тогда верховному правителю церкви? Важенъ былъ вопросъ и о подачѣ голосовъ на соборѣ: поголовное голосованіе было опасно, ибо тогда перевѣсъ былъ бы на сторонѣ прелатовъ итальянской національности, а подача голосовъ по націямъ противорѣчила бы задачѣ собора, коему предстояло прежде всего возстановить единство церкви, нарушенное великимъ расколомъ.

Планъ докторовъ парижскаго университета нашелъ много приверженцевъ. Въ 1394 г. десять тысячъ членовъ этого

университета подали свое мнѣніе о схизмѣ, которое состояло въ томъ, чтобы потребовать отреченія у обоихъ папъ, авиньонскаго и римскаго, а потомъ созвать вселенскій соборъ. Въ 1395, 1398 и 1403 годахъ собирались въ Парижѣ національные соборы, и по иниціативѣ французскаго короля другіе государи приглашались принять участіе въ прекращеніи схизмы. Въ 1407 году удалось склонить обоихъ папъ, Бенедикта XIII (авиньонскаго) и Григорія XII (римскаго) съѣхаться въ Савонѣ для того, чтобы одновременно и въ присутствіи другъ друга сложить съ себя власть, но дѣло успѣха не имѣло. Началась недостойная комедія выѣздовъ въ Савону, остановокъ на пути, заявленій съ одной стороны, что она будетъ чувствовать себя безопасной только на берегу моря, тогда какъ другая, наоборотъ, считала себя въ полной безопасности только внутри страны, какъ будто, пользуясь сравненіемъ одного современника, это были двое животныхъ, одно морское, никогда не выходящее на сушу, а другое сухопутное, боящееся воды. Примѣру Франціи, объявившей себя нейтральною между двумя папами, послѣдовали многіе кардиналы, которые во исполненіе разсматриваемой идеи созвали соборъ въ Пизѣ (1409), объявившій себя вселенскимъ и стоящимъ выше папы. Прелаты, съѣхавшіеся на это церковное собраніе, подверглись отлученію со стороны обоихъ папъ, созвавшихъ свои соборы—въ Аквилеѣ и Перпиньянѣ. Общественное мнѣніе было, однако, на сторонѣ собора пизанскаго, и онъ объявилъ обоихъ папъ низложенными. Теперь надлежало рѣшить вопросъ—произвести ли прежде реформу церкви или выбрать новаго папу. Верхъ одержали тѣ, которые стояли за выборъ новаго папы. Въ данномъ случаѣ большое вліяніе оказалъ на отцовъ собора кардиналъ Балтазаръ Косса, человѣкъ весьма порочный, когда-то морской разбойникъ, впослѣдствіи папскій легатъ въ Болоньѣ, и имъ же былъ указанъ кандидатъ въ лицѣ миланскаго архіепископа Петра Филарги, который и былъ избранъ въ папы съ именемъ Александра V. Новый папа распустилъ соборъ и отложилъ дѣло реформы. Цер-

ковный вопросъ теперь только умножился: вмѣсто двухъ папъ, стало три, да вдабавокъ послѣ вскорѣ случившейся смерти соборнаго папы его мѣсто занялъ подъ именемъ Іоанна XXIII, Балтазаръ Косса, коего впослѣдствіи обвиняли въ отравленіи своего предшественника и въ достиженіи тіары путемъ денежнаго подкупа, интригъ и насилій. Доктора парижскаго университета поняли, какая ошибка сдѣлана была въ Пизѣ, и требовали новаго собора, и Іоаннъ XXIII думалъ посредствомъ подкупа заставить ихъ замолчать. Самъ онъ о соборѣ и слышать не хотѣлъ, но послѣ того какъ ему объявилъ войну неаполитанскій король, стоявшій за Григорія XII, и папа вынужденъ былъ бѣжать къ императору Сигизмунду, послѣдній заставилъ его назначить новый соборъ въ Констанцѣ въ 1414 г. Неохотно ѣхалъ Іоаннъ XXIII на это знаменитое собраніе высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей католическаго міра, ѣхалъ съ намѣреніемъ закрыть соборъ при первой возможности, а въ случаѣ надобности даже бѣжать изъ Констанца, и когда съ высотъ, окружающихъ городъ, онъ его увидѣлъ, подъѣзжая къ нему съ своей свитой, то сравнилъ мѣсто будущаго собора съ ловушкою, въ которую заманиваютъ лисицъ (sic capiuntur vulpes), слова, оказавшіяся по отношенію къ нему самому пророческими.

Самому знаменитому изъ соборовъ первой половины XV в. предстояло три дѣла—уничтожить расколъ, произвести реформу церкви, рѣшить вопросъ объ ученіи и дѣятельности чешскаго реформатора Гуса и его послѣдователей, и для папы наиболѣе удобнымъ показалось занять отцовъ собора дѣломъ Гуса. Мы не станемъ касаться здѣсь послѣдняго предмета и укажемъ лишь на то, какъ рѣшены были два другіе вопроса. Ихъ рѣшеніе зависѣло, несомнѣнно, отъ способа подачи голосовъ. Поголовная подача, болѣе соотвѣтствовавшая идеѣ единой церкви и задачѣ собора прекратить расколъ, была опасна въ томъ отношеніи, что, благодаря ей, могло бы образоваться большинство на сторонѣ итальянскихъ („загорныхъ“, ультрамонтанъ) прелатовъ, защитниковъ папскаго абсолютизма, а потому реформаторы добились подачи голосовъ по націямъ, такъ, чтобы

въ каждой націи голосованіе было поголовное и мнѣніе большинства получало значеніе мнѣнія всей націи. Этимъ введеніемъ національнаго принципа въ дѣло соборной реформы какъ бы показывалось, что въ общей церковной жизни у отдѣльныхъ народностей существовали собственные интересы, но въ этомъ была и опасность, ибо папство могло воспользоваться противоположностью національныхъ интересовъ, чтобы на ихъ разъединеніи основать свое господство по правилу: „divide et impera!“ На констанцскомъ соборѣ было пять націй: итальянская, французская, нѣмецкая (съ скандинавами, венграми и славянами), англійская и позднѣе присоединившаяся испанская, пять національныхъ церквей, на которыя распадалась западная церковь еще въ VIII в., въ эпоху соборнаго устройства. Докторамъ богословія и каноническаго права былъ данъ совѣщательный голосъ, и это было вполнѣ справедливо въ виду той роли, какую они играли въ подготовительныхъ работахъ, тѣмъ болѣе, что были на соборѣ и неученые прелаты, по поводу которыхъ говорилось, что они лишь увѣнчанные ослы (praelatus indoctus est asinus coronatus). Соборъ объявилъ себя не простымъ продолженіемъ пизанскаго и постановилъ большинствомъ трехъ голосовъ (французы, англичане, нѣмцы) противъ одного (итальянскаго) отрѣшить всѣхъ трехъ папъ. Между тѣмъ собору на Іоанна XXIII былъ поданъ однимъ клирикомъ доносъ съ весьма скандальными подробностями, и собравшіеся прелаты, не думая его обнародовать, хотѣли воспользоваться имъ, чтобы понудить папу къ отреченію. Самъ Іоаннъ XXIII уже шелъ на то, чтобы принести повинную, но въ соборѣ не было единодушія, и сторонники старыхъ порядковъ подбили папу на сопротивленіе. Іоаннъ XXIII началъ тогда препираться о формѣ отреченія, а потомъ бѣжалъ въ Шафгаузенъ къ Фридриху Австрійскому, и только вмѣшательство императора Сигизмунда, пригрозившаго Фридриху опалой, заставило по-

слѣдняго выдать ему бѣглеца. Между тѣмъ, Жерсонъ, бывшій „душою собора“ (anima concilii) настоялъ на принятіи послѣднимъ въ высшей степени важнаго декрета, узаконившаго реформаторское воззрѣніе на папство, воззрѣніе, формально никогда не отмѣнявшееся, но затемненное послѣдующими папами. „Во имя святой и нераздѣльной Троицы“ соборъ объявлялъ, что „онъ, представляя собою воинствующую католическую церковь и засѣдая при содѣйствіи Св. Духа, имѣетъ власть непосредственно отъ самого Іисуса Христа; что каждый, каково бы не было его званіе и сословіе, даже самъ папа обязанъ повиноваться собору во всемъ, что относится къ вѣрѣ, къ прекращенію раскола, а также къ реформѣ церкви въ главѣ и членахъ“; что „каждый, не исключая папы, кто только пренебрегаетъ и оказываетъ сопротивленіе постановленіямъ, рѣшеніямъ и приказаніямъ законнымъ образомъ соединившагося собора и не повинуется ему во всѣхъ вышеупомянутыхъ и другихъ къ нимъ относящихся дѣлахъ, тотъ долженъ быть подверженъ публичному церковному покаянію и другимъ зазслуженнымъ наказаніямъ, сообразнымъ съ обстоятельствами“. Іоаннъ XXIII, привезенный въ Констанцъ, былъ преданъ соборному суду по обвинительному акту въ 70 пунктовъ, изъ коихъ многіе не подлежали оглашенію по своей скандальности; папа былъ лишенъ не только сана, но и всѣхъ вообще духовныхъ должностей. Такъ какъ одинъ папа былъ такимъ образомъ низложенъ, другой (Григорій XII) самъ покорился собору и былъ имъ за это обласканъ, признававшіе же его испанцы присоединились къ собору, а третій папа (Бенедиктъ XIII) умеръ, то расколъ былъ наконецъ уничтоженъ. Одно дѣло такимъ образомъ было сдѣлано, оставалось другое—реформа церкви, но вопросъ рѣшенъ былъ не въ пользу предварительнаго проведенія реформы, а опять въ томъ смыслѣ, чтобы сначала выбрать папу: на этомъ именно сошлись романскія націи (итальянцы, французы и испанцы), тогда какъ нѣмцы и англичане хотѣли противнаго. Постановлено было только, что черезъ пять лѣтъ соберется новый

соборъ, потомъ еще черезъ семь лѣтъ, чтобы затѣмъ созываться правильно черезъ каждыя десять лѣтъ, и что съ новаго папы будетъ взято обязательство произвести реформу. При выборѣ папы французы и испанцы и слышать не хотѣли объ итальянцѣ, но нѣмцы и англичане въ отместку имъ за то, что по вопросу о выборѣ папы и произведеніи реформы, они были на противной сторонѣ, своими голосами дали перевѣсъ итальянцамъ, и на папскій престолъ былъ возведенъ итальянецъ (Оттонъ Колонна) подъ именемъ Мартина V. Новый первосвященникъ сдѣлалъ разныя уступки отдѣльнымъ націямъ, чѣмъ и разъединилъ ихъ оппозицію, произвелъ мелкія реформы, запретилъ кому бы то не было аппеллировать к собору, и констанцскій соборъ былъ распущенъ (1418). Это церковное собраніе запятнало себя сожженіемъ Гуса, въ дѣлѣ коего оно отчасти впало въ противорѣчіе съ самимъ съ собою, ибо Гусу между прочимъ поставлены были въ вину его мнѣнія о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ церковныя дѣла и о томъ, что порочный папа не есть папа, и поставлены какъ разъ соборомъ, который обязанъ былъ своимъ существованіемъ вмѣшательству свѣтской власти (Сигизмунда), настоявшей на его созваніи и поддержавшей его въ критическую минуту бѣгства Іоанна XXIII,—и который самъ засудилъ порочнаго папу, какъ недостойнаго носить свой санъ. Въ слѣдующемъ же году по закрытіи собора начались гуситскія войны (1419—1436): папа Мартинъ V объявилъ крестовый походъ противъ чешскихъ „еретиковъ“,

Миновалъ пятилѣтній срокъ (1423), и новый соборъ не созывался; миновалъ и второй срокъ семилѣтній (1430), и опять былъ пропущенъ, и только въ 1431 г. собрался базельскій соборъ, просуществовавшій съ перерывами и перенесеніями засѣданій въ Феррару и Флоренцію цѣлыя восемнадцать лѣтъ (до 1449). Исторія этого собора—исторія внутреннихъ раздоровъ. Преемникъ Мартина V, Евгеній IV, далъ клятвенное обѣщаніе порѣшить гуситскій вопросъ и осуществить реформу церкви, но онъ былъ въ душѣ противъ этого, тогда какъ само духовенство тяготилось фискальнымъ характеромъ

куріи. Усиленіе партіи реформы заставило папу подумать о закрытіи собора. Образовалось двѣ партіи, которыя произвели голосованіе вопроса о продолженіи собора, послѣ чего составлено было два противоположныхъ декрета, пропѣто два Te Deum'a, и отъ декрета большинства, стоявшаго за продолженіе собора, была отрѣзана соборная печать для прикрѣпленія ея къ декрету меньшинства. Папа перенесъ соборъ въ Феррару, потомъ во Флоренцію,—гдѣ произведена была извѣстная унія,—но духовные, оставшіеся въ Базелѣ низложили Евгенія IV, выбрали на его мѣсто новаго папу (Феликса V, герцога Амедея Савойскаго, бывшаго благочестивымъ аскетомъ), провозгласили, что соборъ выше папы и объявили соборы непогрѣшимыми. Евгеній IV тогда проклялъ базельцевъ и склонилъ на свою сторону государей и князей, боявшихся новаго раскола, сдѣлалъ имъ кое-какія уступки и далъ обѣщанія, впослѣдствіи оставшіяся, однако, неисполненными. Въ 1449 г. базельскій соборъ разошелся, подчинившись вмѣстѣ съ Феликсомъ V преемнику Евгенія IV, Николаю V. Въ эпоху этого собора церковно-національная оппозиція куріи съ особою силою проявилась въ нѣкоторыхъ фактахъ. Два высокихъ сановника германской церкви, одинъ изъ нихъ ея примасъ, именно архіепископы майнцскій и кельнскій, курфюрсты Священной Римской имперіи были главными оппонентами Евгенія IV (и даже были имъ отрѣшены, но потомъ опять возстановлены), и нѣмецкіе князья признали-было базельскія рѣшенія, но Евгенію IV удалось ловкой политикой склонить на свою сторону императора Фридриха III и обмануть князей. Другой фактъ—буржская прагматическая санкція, положившая въ основу правъ французской (галликанской) церкви ученіе о главенствѣ соборовъ и національной самостоятельности.

Что соборы окончились безплодно, лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить исторія папъ второй половины XV и начала XVI вѣка. Мы не можемъ излагать здѣсь этой исторіи и намѣтимъ лишь нѣкоторыя ея черты, чтобы показать

одню: папы второй половины XV и начала XVI вѣка — свѣтскіе государи, политики и воины, покровители гуманизма, иногда гуманисты сами, но для нихъ совершенно безслѣдно прошли всѣ толки о реформѣ. Базельскій соборъ разошелся при Николаѣ V: это былъ ученый Томасо Парентучелли, папа-гуманистъ, покровитель Лаврентія Валлы. Пропустивъ незначительнаго Калликста III, мы имѣемъ передъ собой Пія II: это опять гуманистъ Эней Сильвій Пикколомини, про котораго при его избраніи говорили, что выбираютъ поэта, и что онъ будетъ управлять церковью не по ея канонамъ, а по правиламъ миѳологіи. Кипрская королева пріѣхала при немъ въ Римъ, и папа привѣтствовалъ ее стихами изъ Виргилія—словами Юпитера къ Венерѣ, приходящей къ нему съ жалобой. За суровымъ Павломъ II слѣдуетъ юристъ Сикстъ IV, возводящій въ систему обогащеніе своихъ родныхъ на счетъ церкви (непотизмъ), ведущій войны, участвующій въ политическихъ заговорахъ. На рубежѣ XV и XVI вв. (1498—1503) правитъ церковью Александръ VI Борджіа, дѣти коего (дочь Лукреція и сынъ Цезарь) запятнали себя развратомъ, злодѣяніями и убійствами; молва приписала смерть папы и болѣзнь его сына-братоубійцы яду, приготовленному для богатыхъ кардиналовъ. За Піемъ III, бывшимъ папой весьма короткое время, слѣдуетъ воитель Юлій II, „Pontifex Maximus Caesar", стремящійся объединить Италію подъ своею властью, ведущій войны, разсуждающій на латеранскомъ соборѣ (1512) о военныхъ предпріятіяхъ. Когда онъ умеръ, во Франціи появился памфлетъ— „Юлій II, изгнанный изъ рая": ап. Петръ не узнаетъ своего преемника въ одеждѣ военноначальника и закрываетъ передъ нимъ райскую дверь, на которую папа бросается съ обнаженнымъ мечемъ. Левъ X Медичи (1513—1521), при коемъ началась лютеранская реформація, 13-ти лѣтъ отъ роду былъ кардиналомъ, 18-ти—докторомъ богословія, а учился у гуманистовъ, у платоника Марсиліо Фичино, у Пико де ля Мирандолы, у Анджело Полиціана, лишь разъ читавшаго св. писаніе

и жалѣвшаго, что только даромъ на это потерялъ время. При вступленіи Льва X на папскій престолъ говорили, что за царствомъ Венеры (понтификатъ Александра VI) и Марса (Юлія II) слѣдуетъ царство Минервы. На тріумфальной аркѣ папы были поставлены статуи Іисуса Христа, дающаго ключи ап. Петру, и Аполлона съ лирой. Самъ папа находилъ удобнымъ пользоваться выгодной „басней", какъ онъ называлъ христіанство, такъ какъ, по отзыву одного современника, былъ „добрый малый и любилъ пожить" (е una buona persona ma ama a vivere), и дѣйствительно жилъ онъ широко: онъ ѣздилъ на охоту, устраивалъ у себя пиры, маскарады, театральныя представленія, и уже извѣстная намъ „Мандрагора" Макіавелли была поставлена при его дворѣ. Будучи человѣкомъ мягкаго нрава, онъ взялъ подъ свою защиту Помпонаццо, скептически разсуждавшаго о безсмертіи души. Однимъ словомъ, до религіи и церкви дѣла ему было мало: онъ продалъ, кромѣ того, французскому королю Франциску I право назначать епископовъ и аббатовъ во Франціи (болонскій конкордатъ 1516 г.) и торговалъ индульгенціями при помощи банкирскаго дома Фуггеровъ. Юлій II собралъ латеранскій соборъ, который при немъ превращался по временамъ въ военный совѣтъ, и Левъ X назначилъ въ этомъ соборѣ комиссію по вопросу о реформѣ. Латеранскій соборъ вооружился противъ роскоши духовенства и запретилъ спорить о природѣ души, какъ разъ при самомъ роскошномъ и невѣрующемъ папѣ, и осудилъ ученіе о томъ, что истинное въ богословіи можетъ быть ложно въ философіи и наоборотъ, хотя и самъ соборъ этотъ и папа держались такого-же „двойного счета"—проповѣдовали одно, а жили по другому. Достаточно этихъ чертъ, чтобы видѣть, какъ велика была неудача церковной реформы, но именно вслѣдствіе такой неудачи дѣло исправленія пошло въ XVI в. инымъ путемъ, именно помимо церковныхъ властей и даже вопреки имъ, и уже въ XIV и XV вв. были прецеденты такого хода дѣлъ въ XVI столѣтіи.

XXXIX. Предшественники реформаціи XVI в. *).

Общее понятіе предшественниковъ реформаціи и раздѣленіе ихъ на двѣ категоріи.—Альбигойцы и вальденсы.—Джонъ Виклифъ.—Лолларды.—Предшественники Гуса, Гусъ и гуситы.—Единичные предшественники реформаціи.—Вѣчное Евангеліе и мистическія секты.—Флагелланты.—Мистики.—Кризисъ католической церкви въ исходѣ среднихъ вѣковъ —

Переходя теперь къ такъ называемымъ предшественникамъ реформаціи, мы должны прежде всего установить самое это понятіе и указать на два различныя теченія, которыя обнаруживаются среди этихъ „предшественниковъ". Въ болѣе широкомъ смыслѣ такими предшественниками мы можемъ назвать и Жерсона, и Конрада Гейленгузена, но въ смыслѣ болѣе тѣсномъ названіе это дается тѣмъ религіознымъ дѣятелямъ, которые болѣе или менѣе разрывали связь съ церковной традиціей и, отрицая многое, выработанное исторіей, стремились и въ организаціи церкви, и въ вѣроученіи возвратиться къ первымъ вѣкамъ христіанства, какъ они его понимали, или же создавали новыя религіозныя формулы. На томъ основаніи, что Савонарола стоялъ вполнѣ на почвѣ католическаго правовѣрія, признавая всѣ его преданія и установленную іерархію, мы должны отказаться отъ причисле-

*) Н. Осокинъ. Исторія альбигойцевъ и ихъ времени.—В. Михайловскій. Главные предвѣстники и предшественники реформаціи.—K. Müller. Die Waldenser.—Ullmann. Reformatoren vor der Reformation.—Keller. Die Reformation und die älteren Reformpartien.—Lechler. Iohann von Wiclif und die Vorgeschichte der Reformation.—Budensieg. Wiclif und seine Zeit.—R. L. Poole. Wycliffe and movements for reform.—В. Соколовъ. Реформація въ Англіи (есть изложеніе ученія Виклифа).—Новиковъ. Гусъ и Лютеръ.—Jordan. Die Vorläufer des Hussitenthums.—Krummel. Geschichte der böhmischen Reformation.—Bezold. Geschichte des Hussitentums.—Denis. Huss et la guerre des hussites.—Loserth. Huss und Wiclif.—А. Вертеловскій. Западная средневѣковая мистика и ея отношеніе къ католичеству.—Noack. Die christliche Mystik.—Böhringer. Die deutschen Mystiker.—W. Preger. Ueber die Verfassung der französischen Waldesier.—Palacky. Ueber die Reziehungen und das Verhältniss der Waldenser zu den Secten in Böhmen.—Jundt. Histoire du panthéisme populaire au moyen âge et au XVI siècle.—Les amis de Dieu au XIV siècle.—Hecker—Hirsch. Die grossen Volkskrankheiten des Miller alters.—Delprat. Die Bruderschaft des gemeinsamen Lebens.—Bonnet-Maury. Gerard de Groot, un précuseur de la réforme au XIV siècle.—Döllinger. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters.

нія его къ предшественникамъ реформаціи: хотя онъ и обличалъ испорченное папство и клиръ, но онъ былъ настоящій католикъ и не создалъ никакого новаго догмата. Равнымъ образомъ нельзя считать вполнѣ предшественникомъ реформаціи нѣмецкаго кардинала Николая Кребса (или Кузана—Cusanus, какъ онъ назывался по мѣсту, откуда происходилъ, именно Cues у Трира): ученый богословъ съ гуманистическимъ образованіемъ, онъ считалъ нужнымъ очистить и обновить церковь, ничего не разрушая, и въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствовалъ въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за закрытіемъ базельскаго собора, стремясь улучшить дисциплину клира, устраивая визитаціи монастырей, предлагая (папѣ Пію II) проектъ общей реформы въ смыслѣ разрѣшенія церковнаго вопроса мирнымъ путемъ. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ не осталась совершенно безплодной, ибо въ 1464 г., 127 монастырей слѣдовало его правиламъ, хотя, нужно прибавить, это число сократилось до 70 къ концу XV в. Съ другой стороны, среди самихъ предшественниковъ реформаціи мы должны различить еще два направленія: библейское и мистическое, коимъ въ реформаціонную эпоху соотвѣтствуютъ протестантизмъ и сектантство. Общее между ними—отрицаніе (часто, впрочемъ, замаскированное) католической доктрины и внѣшности, различіе же въ томъ, что одни основывались на св. писаніи, другіе признавали и иные пути познанія религіозной истины. Въ средніе вѣка было вообще много ересей, сектъ, братствъ, много мистическихъ и богословскихъ ученій, въ коихъ мы узнаемъ духовныхъ предковъ протестантовъ и сектантовъ реформаціонной эпохи и зародыши ихъ принциповъ, такъ что религіозная реформація XVI вѣка съ этой точки зрѣнія началась не около 1520 г., а ранѣе цѣлыми вѣками, ибо первая секта съ протестантскимъ характеромъ появляется еще въ XII вѣкѣ.

Этою сектою были вальденсы (valdenses), распространившіеся на югѣ Франціи единовременно съ другою сектою—альбигойцевъ (albigenses), получившею названіе отъ города

Альби. Этихъ сектъ смѣшивать между собою не слѣдуетъ: въ то время, какъ вальденсы были первыми протестантами на западѣ Европы, альбигойцы были въ ней послѣднимъ отпрыскомъ одной изъ весьма древнихъ восточныхъ ересей. Въ первые вѣка христіанства образовалось въ восточныхъ частяхъ имперіи дуалистическое ученіе, получившее названіе манихейства. Вскорѣ послѣ принятія христіанства болгарами, оно проникло и къ нимъ и легло въ основу такъ называемой богумильской ереси, распространившись оттуда на западъ, въ Италію (патарены, катары, т. е. „чистые", καθαροί, откуда нѣмецкое Këtzer, польское Kacerz еретикъ) и въ южную Францію, куда въ началѣ XIII вѣка противъ нихъ былъ направленъ крестовый походъ, истребившій богатую культуру Прованса. Другое дѣло—вальденсы, община коихъ существуетъ и по настоящее время въ горахъ Дофинэ и Пьемонта: это самые ранніе были христіанскіе протестанты. Подъ именемъ вальденства сливаются, повидимому, два религіозныхъ теченія: одно было ученіе „долинныхъ людей" (vaudois, valdenses) указанной мѣстности, другое—ученіе „ліонскихъ бѣдняковъ", послѣдователей богатаго купца Петра Вальдо, отдавшагося дѣламъ благотворенія и христіанской проповѣди. Однимъ изъ ересіарховъ называютъ Петра де-Брюи, сожженнаго въ 1125 г., а послѣ него—его ученика Генриха, который возставалъ противъ крещенія младенцевъ, построенія храмовъ, поклоненія кресту, пресуществленія, молитвы за умершихъ и обрядности. Генрихъ подвергся большимъ преслѣдованіямъ, попалъ въ пожизненное заключеніе (1148 г.) и умеръ узникомъ. Послѣдователей Петра де-Брюи мы и находимъ въ долинахъ Пьемонта, и еще за тридцать лѣтъ до появленія Вальдо уже было написано «contra valdenses» одно сочиненіе, и даже весьма вѣроятно, что у нихъ ліонскій реформаторъ Петръ Вальдо заимствовалъ свои идеи. Около 1175 г. именно выступилъ онъ съ своею проповѣдью, добровольно обрекши себя на бѣдность, сдѣлавъ провансальскій переводъ нѣкоторыхъ частей св. писанія (которое переводилось и раньше катарами) и начавъ вскорѣ

оказывать большое вліяніе на народъ, такъ что послѣдній перест̃алъ ходить въ католическія церкви. На латеранскомъ соборѣ 1179 онъ и его послѣдователи были объявлены еретиками, а въ 1184 г. папа Луцій велѣлъ ихъ изгнать изъ ліонской епархіи, послѣ чего они отправились въ Фландрію и Пикардію, гдѣ имѣли успѣхъ и привлекли много приверженцевъ, разоренныхъ впослѣдствіи во время одного изъ походовъ Филиппа Августа, а затѣмъ удалились въ Германію и Чехію, гдѣ ихъ прозвали пикардами. Гонимые отовсюду, вальденсы съумѣли удержаться только въ указанныхъ мѣстностяхъ, сливши въ одну секту послѣдователей Петра де-Брюи, Генриха, Петра Вальдо и т. д., не смотря на многократныя гоненія. Одно изъ позднихъ гоненій было на нихъ въ серединѣ XVII в., и они тогда обратились къ Оливеру Кромвелю за защитой и отправили въ Англію свои религіозныя книги, хранящіяся съ 1658 въ Кембриджѣ и частью напечатанныя въ Лейденѣ въ 1669 г. Ихъ исповѣданіе сводилось къ признанію символа вѣры въ 12 членовъ, къ вѣрѣ въ каноническія книги священнаго писанія, къ ученію о томъ, что единственный посредникъ между Богомъ и людьми есть Іисусъ Христосъ, къ отрицанію чистилища, мессы, постовъ, обрядности и вообще людскихъ изобрѣтеній (las cosos atrobas de li homes), къ сведенію таинствъ на символы, безъ коихъ они считали возможнымъ обходиться, хотя и оставляли у себя крещеніе и причащеніе. Извѣстно, что противъ нихъ былъ объявленъ Иннокентіемъ III крестовый походъ, и самъ папа этотъ признавался (1204), что „еретики тѣмъ лучше успѣваютъ привлекать на свою сторону простыхъ людей, что находятъ въ жизни епископовъ свои аргументы противъ церкви“. Другія свидѣтельства также указываютъ на то, что сектанты обличали духовную власть за свѣтское направленіе, называли духовныхъ премниками мытарей и фарисеевъ, отрицали за ними право христіанскаго служенія вслѣдствіе их порочности. Строгая нравственность сектантовъ привлекала къ нимъ массу послѣдователей, и именно въ эпоху борьбы съ ними церковь отнимаетъ у міряхъ Библію,

на которую вальденсы ссылались, запрещаетъ ея переводы и учреждаетъ нищенствующіе ордена францикандевъ и доминикандевъ.

Второе крупное религіозное движеніе въ протестантскомъ духѣ связано съ именемъ оксфордскаго профессора Джона Виклифа, дѣятельность котораго, какъ реформатора начинается около 1366 года, когда онъ выступаетъ на путь политической оппозиціи противъ Рима съ требованіемъ реформы церковнаго строя, чтобы около 1378 г. сдѣлаться и реформаторомъ церковнаго ученія. Государственная власть въ Англіи, бывшая не въ ладахъ съ куріей, поддерживала и защищала смѣлаго профессора, такъ какъ онъ отстаивалъ интересы націи и государства, вслѣдствіе чего ни требованіе его къ суду, ни папская булла (Григорія IX) о ереси Виклифа, ни козни его враговъ не могли нанести ему существеннаго вреда. Виклифъ —врагъ монашества и папства: нищенствующіе монахи, креатуры и шпіоны папы, были, по шутливому его замѣчанію, именно тѣ люди, о коихъ упоминается въ св. писаніи словами: „аминь, аминь глаголю вамъ, не вѣмъ васъ", а что касается до папы, то Виклифъ написалъ даже цѣлый трактатъ, въ коемъ доказывалъ тождество папы съ антихристомъ. Единственный источникъ вѣры, по его ученію, заключается въ св. писаніи, знакомство съ коимъ онъ считалъ нужнымъ для всѣхъ вѣрующихъ, что и составило его самого перевести Библію на англійскій языкъ съ латинской Вульгаты (такъ какъ Виклифъ не зналъ ни греческаго, ни еврейскаго языка): если-бы, говорилъ онъ, какое-либо мнѣніе утверждали сто папъ и всѣ монахи, превращенные въ кардиналовъ, ему не слѣдовало-бы вѣрить, разъ оно не основано на священномъ писаніи. Съ этой точки зрѣнія Виклифъ отрицалъ въ церковномъ ученіи и строѣ все, что не было основано на буквальномъ пониманіи текстовъ св. писанія: Евангеліе, наприм., говорилъ онъ, не знаетъ ни папы, ни патріарховъ, ни кардиналовъ, ни архіепископовъ, ни епископовъ, ни декановъ, ни монаховъ, и на томъ-же основаніи онъ отвергалъ богослужебную обрядность. Единствен-

нымъ посредникомъ между Богомъ и людьми онъ признавалъ Іисуса Христа и опровергалъ ученіе о пресуществленіи. Аскетизма, онъ впрочемъ, не касался, и имъ было даже задумано и приведено въ исполненіе—образованіе своего рода ордена „бѣдныхъ священниковъ“, которые распространяли въ народѣ его ученіе и англійскую Библію. Эта проповѣдь совпала по времени съ извѣстнымъ крестьянскимъ движеніемъ, но дѣятельность Виклифа имѣла къ народному возстанію въ Англіи такое же отношеніе, въ какомъ черезъ полтора вѣка стояла проповѣдь Лютера къ великой крестьянской войнѣ въ Германіи, т. е. между обоими фактами связь была слабая, да и священникъ Джонъ Балль, сопрождавшій Тайлера, не былъ прямымъ ученикомъ Виклифа. Тѣмъ не менѣе народная вспышка была поставлена въ вину реформатору, и его положеніе передъ смертью (1384) пошатнулось.

Послѣдователи Виклифа получили названіе лоллардовъ, но въ сущности это имя, перенесенное въ Англію еще въ началѣ XIV в. изъ Франдріи, гдѣ оно обозначало пантеистическихъ сектантовъ, скрывало подъ собою не однихъ только приверженцевъ оксфордскаго реформатора, а довольно разнообразныя секты, отрицавшія, напр., или священство, или таинства, или празднованіе воскресенья и т. п. Эти секты осуждались дѣйствительными послѣдователями Виклифа, но его противники смѣшивали все подъ однимъ названіемъ. Вступленіе на престолъ ланкастерскаго дома (1399) было крайне неблагопріятно для лоллардовъ, ибо Генрихъ IV для упроченія своего положенія счелъ нужнымъ сблизиться съ клиромъ, и потому въ самомъ началѣ его царствованія былъ изданъ статутъ „de haeretico comburendo“, т. е. о сожженіи еретиковъ, на основаніи коего было предано казни нѣсколько лоллардовъ. Особенно же свирѣпствовало католическое правовѣріе надъ еретиками въ царствованіе Генриха V. Виклифизмъ былъ подавленъ, но не вполнѣ: идеи оксфордскаго реформатора таились въ низшихъ классахъ англійскаго общества, и когда настала реформаціонная эпоха,—онѣ какъ бы воскресли въ

томъ народномъ движеніи, которое проявилось съ особою силою въ англійскомъ пуританизмѣ.

Въ нѣкоторой связи съ ученіемъ Виклифа находится религіозное движеніе, получившее свое названіе отъ имени замѣчательнѣйшаго изъ предшественниковъ реформаціи чеха Яна Гуса. Мнѣніе о томъ, будто въ ученіи чешскаго реформатора нужно видѣть отголоски существовавшаго когда-то въ Чехіи восточнаго обряда, слѣдуетъ въ настоящее время оставить, какъ не имѣющее за себя прочныхъ научныхъ основаній, но нельзя также представлять гуситство, какъ нѣчто заносное, ибо оно родилось на чешской почвѣ и, будучи вызвано, какъ и всѣ аналогичные религіозные протесты, порчею церкви, въ то же время было продуктомъ мѣстныхъ національныхъ и политическихъ отношеній. О національномъ и политическомъ характерѣ гуситства рѣчь будетъ идти впереди, но Гусъ, и какъ религіозный реформаторъ, имѣлъ предшественниковъ въ самой Чехіи въ родѣ Конрада Вальдгаузера, августинскаго монаха, призваннаго Карломъ IV въ Прагу, десять лѣтъ спустя (1358) послѣ учрежденія перваго университета въ центральной Европѣ (пражскій университетъ былъ основанъ въ 1348 г.), въ родѣ его преемника Яна Милича изъ Кромержижа (Кремзира), начавшаго проповѣдовать по чешски, вмѣсто латинскаго и нѣмецкаго языковъ, коими пользовался Вальдгаузеръ, въ родѣ Матвѣя изъ Янова, написавшаго (по латыни) смѣлые трактаты о необходимости церковной реформы, или Ѳомы Штитнаго, вліявшаго на умы современниковъ своими произведеніями, написанными по чешски: у всѣхъ этихъ проповѣдниковъ и писателей мы уже встрѣчаемся съ идеями, впослѣдствіи характеризующими Гуса. Вальдгаузера нищенствующіе монахи за его проповѣди объ испорченности церкви обвиняли въ ереси, равно какъ и Милича, такъ что имъ пришлось оправдываться передъ папой, но они еще возставали больше противъ дурныхъ духовныхъ, нежели противъ самихъ ученій и учрежденій церкви. Матвѣй изъ Янова уже прямо обвинялъ папъ въ томъ, что они стали на мѣсто слова Божія

ставить людскія выдумки, и требовалъ, пожалуй, болѣе радикальной реформы церкви, чѣмъ самъ Гусъ, а Штитный, занимаясь богословскими вопросами, вовсе не хотѣлъ дѣлаться клирикомъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно и вліяніе идей Виклифа на пражскій университетъ. Дѣло въ томъ, что между Англіей и Чехіей были дѣятельныя сношенія, усилившіяся съ тѣхъ поръ (1381), какъ Ричардъ II женился на дочери Карла IV, Аннѣ. Чешская половина университета весьма благосклонно относилась къ проповѣди Виклифа, находившей, наоборотъ, отпоръ въ нѣмецкой половинѣ, болѣе значительной и вліятельной. Въ 1391 г. рядомъ съ университетомъ возникаетъ другой центръ свободнаго отношенія къ католицизму—виѳлеемская капелла, въ которой раздается исключительно чешская проповѣдь, благодаря выступленію нѣсколькихъ талантливыхъ чешскихъ дѣятелей, каковы были Янъ Протива, Янъ Штекна, Степанъ Колинскій и наконецъ Янъ Гусъ изъ Гусинца (1369—1415), съ 1398 г. читавшій лекціи въ пражскомъ университетѣ, въ 1400 принявшій посвященіе въ священники, а въ 1402 г. сдѣлавшійся весьма популярнымъ проповѣдникомъ въ виѳлеемской капеллѣ и ректоромъ университета. Въ 1398 г. Гусъ собственноручно переписывалъ рукопись съ разными трактатами Виклифа, дѣлая кое-какія свои примѣчанія на поляхъ, изъ коихъ одно гласило: „Дай, Господи, царство небесное Виклифу! О Виклифъ, Виклифъ! ты смутишь не одну голову“ *). Между тѣмъ, вопросъ объ еретичествѣ оксфордскаго реформатора сдѣлался однимъ изъ предметовъ, раздѣлявшихъ мнѣнія чешскихъ и нѣмецкихъ членовъ пражскаго университета, и Гусъ, въ своихъ проповѣдяхъ подобно Виклифу обличавшій порчу церкви, требовавшій ея возвращенія къ первоначальной чистотѣ, возбудилъ противъ себя ненависть нѣмцевъ и защитниковъ іерархіи. Изложеніе его борьбы съ правовѣрными католиками и съ нѣмецкой партіей въ университетѣ, равно какъ его процесса, осужденія и казни на констанцскомъ со-

*) Вліяніе Виклифа на Гуса особенно доказываетъ Лозертъ; Бецольдъ старается доказать, что гуситство цѣликомъ мѣстное явленіе.

борѣ не входитъ въ планъ настоящаго изложенія, такъ какъ для насъ важно въ этой дѣятельности Гуса одно—его оппозиція противъ католицизма, вытекавшая изъ религіозныхъ побужденій. Гусъ сначала думалъ лишь о легальной реформѣ, а дальше того, на что онъ первоначально готовъ былъ идти, его толкнули его оппоненты и враги, дѣйствовавшіе возбуждающимъ образомъ на его страстную натуру, на его боевой характеръ: въ пылу спора, въ увлеченіи борьбою Гусу некогда было ясно и опредѣленно формулировать свои положенія, откуда — многія неясности и противорѣчіи его мнѣній, позволяющія передавать ихъ и такъ, и сякъ, и въ смыслѣ якобы возвращенія къ восточному православію, и въ смыслѣ якобы полной солидарности съ позднѣйшимъ протестантизмомъ. У Гуса не было ни того, ни другого: онъ самъ не отдѣлялся отъ римской церкви, онъ считалъ себя католикомъ, хотя и не хотѣлъ безусловно подчинитьтя собору, да и вообще онъ остался гораздо ближе къ католическому правовѣрію, чѣмъ Виклифъ, смущавшій въ числѣ другихъ головъ и голову Гуса. Въ чешскомъ реформаторѣ поражаетъ не столько сила мысли, не столько логика, сколько сила характера, энергія, убѣжденность въ правотѣ своего дѣла, преданность идеѣ, и эта-то сила характера, создающая вообще историческихъ дѣятелей, проявляясь въ отдѣльныхъ личностяхъ, особенно способствовала тому, чтобы религіозный протестъ противъ католицизма, зарождавшійся въ глубинахъ человѣческой совѣсти, становился напряженнымъ и дѣятельнымъ. Гусъ имѣетъ свое значеніе въ національной чешской исторіи, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы его имя должно было сдѣлаться какимъ-то лозунгомъ для всего славянства въ его противопоставленіи романо-германскому Западу, какъ особаго міра: чехъ и, слѣдовательно, славянинъ, Гусъ выросъ все-таки на почвѣ западной культуры, былъ ея продуктомъ, хотя и сталъ въ оппозиціонное отношеніе къ одной изъ ея основъ, и та реальная роль, какую онъ игралъ въ

исторіи Запада, та роль, какая выпала на долю гуситовъ-чеховъ, была однимъ изъ рѣдкихъ въ культурной исторіи Запада проявленій активнаго участія той части славянскаго племени, которая принятіемъ христіанства изъ Рима была вдвинута въ историческія рамки западной культуры; самъ тотъ національный принципъ въ религіи и политикѣ, который отстаивался Гусомъ, не былъ чѣмъ-то невѣдомымъ „романо-германскому“ Западу, специфически славянскимъ, ибо то же національное начало проявлялось въ разныя времена въ церковной жизни и Франціи („галликанская церковь“) и Англіи (Виклифъ и реформація XVI в.), и Германіи (лютеранская реформація), и Польши, считающейся измѣнницей славянству (идея „костѣла народоваго“ въ XVI вѣкѣ). Гусъ принадлежитъ исторіи Запада, хотя бы та самая вражда, съ какою онъ и его послѣдователи относились къ нѣмцамъ, и заставляла послѣднихъ платить чешскимъ „еретикамъ“ тою же монетою: Гусъ былъ прямо предшественникомъ Лютера въ хронологическомъ смыслѣ, хотя бы его религіозныя идеи и не находили послѣдователей въ Германіи, если не считать соціальныхъ воззрѣній позднѣйшихъ гуситовъ, повліявшихъ на нѣмецкій народъ, а не на теологовъ, такъ что самъ Лютеръ, познакомившись съ сочиненіями Гуса, признавался въ 1520 г. (въ письмѣ къ Спапатину), что былъ гуситомъ, вовсе того не подозрѣвая. Въ 1412 г. Гусъ выступилъ съ проповѣдью противъ индульгенцій, торговля коими возмутила его религіозное чувство; выступилъ противъ отпустительной буллы Іоанна XXIII и ученія объ индульгенціяхъ и на публичномъ диспутѣ. Въ сущности, однако, онъ не желалъ при этомъ никакихъ нововведеній, и самые ярые его враги не могли найти у него ересей въ ученіи о таинствахъ и въ частности о таинствѣ причащенія, о поклоненіи св. Дѣвѣ и святымъ, а если онъ въ чемъ и уклонялся отъ общепринятыхъ началъ, то только въ двухъ пунктахъ, имѣющихъ прямо протестантскій характеръ: единственнымъ источникомъ вѣры онъ признавалъ священное писаніе, а церковь опредѣлялъ, какъ совокупность всѣхъ предопредѣленныхъ

къ спасенію (universitas praedestinatorum) —послѣднее въ смыслѣ довольно близкомъ къ тому, въ какомъ училъ объ этомъ представитель соборной реформы Конрадъ Гейленгузенъ. Гусъ считалъ возможнымъ, что видимый глава церкви, папа, не будетъ принадлежать къ истинной церкви, и что тогда власть его будетъ недѣйствительна, но настоящее развитіе идея эта получила у крайнихъ его послѣдователей, извѣстныхъ подъ названіемъ таборитовъ. Кромѣ того, онъ требовалъ причащенія подъ обоими видами (sub utraque specie,) практиковавшагося въ западной церкви еще за двѣсти лѣтъ до его времени, и нападалъ на церковное землевладѣніе (въ частности на „даръ Константина", въ подлинности коего не сомнѣвался) и на десятину, какъ на источникъ моральной порчи клира.

Между послѣдователями Гуса, противъ которыхъ церковью былъ объявленъ крестовый походъ и религіозная война съ коими приняла національный характеръ вражды между нѣмцами и чехами, образовалось два направленія, аналогію съ коими представляютъ изъ себя и два теченія въ протестантской реформаціи XVI вѣка. Исходя изъ того общаго принципа, что главнымъ авторитетомъ для людей должно быть священное писаніе, одни, болѣе консервативно настроенные гуситы, считали возможнымъ удержать изъ старыхъ установленій церкви все, что прямо не противорѣчитъ св. писанію, тогда какъ другіе, люди болѣе радикальнаго темперамента, находили необходимымъ уничтожить все то, что не предписывается буквально словомъ Божіимъ. Первые—чашники, или утраквисты, лозунгомъ коихъ была чаша для мірянъ и причащеніе sub utraque specie, вторые—табориты (отъ основаннаго ими укрѣпленія, названнаго Таборомъ), отвергавшіе ученіе о чистилищѣ, поклоненіе святымъ, посты, праздники, иконы, мощи и т. п. Между обѣими фракціями возникъ антагонизмъ, и утраквисты вступили въ переговоры съ базельскимъ соборомъ на основаніи взаимныхъ уступокъ и „чаши для мірянъ" съ народнымъ языкомъ въ богослуженіи. Табориты потерпѣли пораженіе, но и католическая

церковь, вышедшая побѣдительницей изъ этой борьбы, оказалась вынужденною сдѣлать уступки тому, что считала ересью.

Къ предшественникамъ протестантской реформаціи XVI в. причисляютъ еще нѣсколькихъ одиноко стоящихъ богослововъ XV в., высказывавшихъ идеи, аналогичныя реформаціоннымъ ученіямъ слѣдующаго столѣтія. Вотъ краткія о нихъ свѣдѣнія. Іоаннъ Гохъ (собственно Пупперъ изъ Гоха), пріоръ одного женскаго монастыря (ум. 1475), былъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, увидѣвшихъ свѣтъ въ печати лишь въ XVI вѣкѣ. „Одно св. писаніе, писалъ онъ, имѣетъ неоспоримый авторитетъ, а творенія отцовъ церкви имѣютъ силу лишь тогда, когда согласны съ св. писаніемъ". Гохъ подвергалъ критикѣ католическое ученіе о добрыхъ дѣлахъ, допускалъ погрѣшимость церкви и создавалъ особую духовную теорію таинствъ. Іоаннъ Вессель, „свѣточъ міра" (lux mundi), былъ профессоромъ въ разныхъ университетахъ и умеръ въ 1489 г. Его ученіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ Лютеру только послѣ отпаденія отъ церкви, ставилось послѣднимъ весьма высоко. Одно изъ сочиненій Весселя (Farrago rerum theologicarum), напечатанное впервые въ 1522 г., было издано еще разъ съ предисловіемъ Лютера. Существо его взглядовъ слѣдующее: „ничему не нужно вѣрить, кромѣ того, что находится въ св. писаніи, ибо Іисусъ Христосъ велѣлъ своимъ ученикамъ проповѣдовать Евангеліе, а не говорилъ, что они должны издавать новые законы"; „истинное единство (церкви) есть союзъ вѣрующихъ,... и неважно, кто—правители, подъ властью коихъ они живутъ:... единство церкви подъ главенствомъ папы есть случайность, ибо не папа есть связующая сила, а Духъ Святой". Поэтому онъ находилъ, что graecus vera pietate affectus скорѣе спасется, чѣмъ latinus non affectus, и прямо высказывалъ мысль объ оправданіи посредствомъ вѣры, сдѣлавшуюся исходнымъ пунктомъ протестантскаго вѣроученія въ XVI в. (arbitratur homo per fidem in Christrum sine operibus). У Весселя были сильные защитники, и потому онъ не имѣлъ никакихъ непріятностей съ духовными властями, тогда какъ третій современный

предшественникъ реформаціи Іоаннъ Рухратъ изъ Везеля, тоже профессоръ и проповѣдникъ, умеръ въ монастырской темницѣ (около 1480 г.) за свои смѣлыя обличенія порчи церкви, за протестъ противъ индульгенцій и т. п. Его сочиненія, въ коихъ онъ указывалъ на св. писаніе, какъ на единственный источникъ вѣры, были осуждены и пропали, кромѣ двухъ, напечатанныхъ впослѣдствіи. Въ началѣ XVI в. число—подобныхъ, какъ эти „предшественники", вообще вырастаетъ, и около того времени, какъ выступилъ Лютеръ противъ индульгенцій, было уже много людей, высказывавшихъ аналогичныя мнѣнія: въ Англіи Колетъ и его друзья еще раньше поступленія Лютера въ монастырь; во Франціи профессоръ Лефевръ д'Этамцль, писавшій въ 1512 г. о посланіяхъ ап. Павла, гдѣ есть указаніе на идею оправданія посредствомъ вѣры, и францисканецъ Михаилъ Мено, проповѣдовавшій противъ индульгенцій въ томъ же году, какъ и Лютеръ; въ Швейцаріи Ульрихъ Цвингли, который самъ о себѣ говоритъ, что онъ училъ тому, что и Лютеръ, когда еще имя Лютера было ему неизвѣстно, а въ Польшѣ въ 1516 году нѣкто Бернардъ изъ Люблина писалъ Симону изъ Кракова, что нужно вѣрить одному писанію, и тамъ же въ 1504 г. вышли сочиненія въ новомъ духѣ «объ истинной вѣрѣ» и «о бракѣ священниковъ».

Другую категорію религіозныхъ движеній представляютъ собою массовыя проявленія мистицизма со стоящими въ связи съ ними ученіями отдѣльныхъ мистиковъ. Въ XIII в. была въ большомъ ходу проповѣдь „вѣчнаго евангелія" и какъ разъ среди части францисканцевъ. Въ 1254 г. парижскій архіепископъ послалъ папѣ Иннокентію IV „Введеніе въ вѣчное евангеліе или въ книги аб. Іоахима", осужденное буллой слѣдующаго папы. Авторство этой книги приписывается разнымъ лицамъ. Сущность ученія была такова: отъ Адама до Христа было царство Бога Отца, выражавшееся въ законѣ и имѣвшее свой органъ въ синагогѣ; затѣмъ наступило царство Сына, основанное на благодати, сообщаемой въ таинствахъ, и воплощенное въ церкви, и вотъ сектанты думали. что наступаетъ царство Св. Духа, когда всѣ непосредственно

будутъ находиться въ общеніи съ Богомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что въ связи съ этимъ движеніемъ (хотя и непрямой) находились нѣкоторыя народныя волненія въ сѣверной Италіи. Были и другія мистическія секты, каковы братья свободнаго духа, на Рейнѣ, съ XIII по XV в., такъ называемые humines intelligentiae въ Брюсселѣ въ XV в, съ пантеистическимъ оттѣнкомъ, бегарды и бегинки, бывшіе сначала братьями (въ началѣ XIII в.) и сестрами (еще въ XI в.) милосердія и т. п. Мистическія секты искали спасенія внѣ путей, указывавшихся церковью. Именно церковь ставила необходимыми условіями спасенія принадлежность къ видимой церкви, участіе въ общественномъ богослуженіи и посредство священническаго чина между Богомъ и людьми, тогда какъ сектанты держались противоположныхъ взглядовъ: для нихъ не существовало того принципа, по которому гдѣ видимая церковь, тамъ находится и Христосъ, ибо они думали, что въ католической церкви есть только тщеславіе и суета, и что церковь тамъ, гдѣ, дѣйствительно, Христосъ, съ Богомъ же человѣкъ можетъ соединяться непосредственно, что даже сарацины и евреи способны спастись, что все дѣло во внутреннемъ состояніи души. Многіе изъ нихъ относились свободно къ св. писанію, находя въ немъ много поэтическихъ мѣстъ. Особую форму религіознаго движенія въ народѣ мы можемъ наблюдать, далѣе, въ бичующихся, или флагеллантахъ, извѣстія о коихъ относятся къ XIII—XV вв., но съ особою силою это движеніе, весьма часто принимавшее совершенно характеръ моральной эпидеміи, охватило западную Европу въ эпоху черной смерти, т. е. въ серединѣ XIV в. Толпы народа переходили изъ города въ городъ, изъ села въ село, увлекая за собою новыхъ послѣдователей. Это были какъ бы большіе крестные ходы, встрѣчавшіеся колокольнымъ звономъ: участники этихъ паломничествъ молились, пѣли священные гимны, каялись во грѣхахъ передъ своими наставниками, не принадлежавшими, однако, къ духовенству, а главное—подвергали, каждый самого себя и всѣ другъ друга, жестокому бичеванію до крови, до потери сознанія или начинали неистово

плясать (пляска св. Вита), за чѣмъ наступали обмороки, эпилептическіе припадки. У нѣмецкихъ бичующихся была въ ходу грамота, яко бы принесенная отъ Іисуса Христа ангеломъ и найденная на алтарѣ храма св. Петра въ Римѣ. Многіе бичующіеся видѣли отверзтое небо, Христа, Богородицу и т. п.

Мистическое настроеніе, принимавшее весьма различныя формы во внѣшнемъ своемъ выраженіи, но всегда или враждебно становившееся къ католицизму или представлявшее изъ себя болѣе или менѣе незамѣтный изъ него выходъ было своего рода почвой, на которой выростали цѣлыя философскія системы мистицизма, имѣвшія нѣсколькихъ весьма видныхъ представителей въ Германіи XIV и XV вѣковъ, каковы три доминиканца Экхартъ (умершій въ 1329 г. на пути въ Авиньонъ, куда онъ поѣхалъ для оправданія), Таулеръ (ум. въ 1361 г.), Сузо (ум. въ 1365), затѣмъ священникъ Рейсбрукъ (ум. въ 1385 г.), doctor ex taticus и наконецъ Ѳома Гамеркенъ изъ Кемпена, знаменитый авторъ книги о подражаніи Христу (ум. въ 1471 г.). Мистики стремились къ непосредственному созерцанію Бога духомъ, и ихъ ученія весьма трудно формулировать вкратцѣ, такъ какъ мистицизмъ выражался сильнѣе въ чувствахъ, чѣмъ въ понятіяхъ, да и самыя понятія мистиковъ слишкомъ своеобразны, чтобы быть схваченными въ очень сжатой передачѣ, тѣмъ болѣе, что идеи мистиковъ или были крайне абстрактнаго свойства, или, наоборотъ, принимали поэтическую окраску. Мистики не выходили изъ церкви наружнымъ образомъ, а то уваженіе, какимъ, напр., пользуется книга Ѳомы Кемпійскаго у христіанъ разныхъ исповѣданій, указываетъ на то, что ея авторъ и не сходилъ съ почвы христіанства, а только особенно выдвигалъ, подобно позднѣйшимъ протестантамъ, на первый планъ въ дѣлѣ спасенія индивидуальный актъ души. За то Экхартъ подвергся осужденію со стороны папы Іоанна XXII за свои пантеистическія воззрѣнія. Отголосокъ его ученія находятъ у нѣкоторыхъ сектантовъ, но изъ мистическихъ же круговъ вышла „Theologia Germanica“, о которой Лютеръ впослѣдствіи гово-

рилъ: „ни откуда, кромѣ Библіи и бл. Августина, я не узналъ такъ хорошо, какъ изъ этой книги, что такое Богъ, что такое Христосъ, что такое человѣкъ и всѣ вещи“. Послѣдователи мистицизма носили названіе друзей Божіихъ и составляли множество тайныхъ кружковъ въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ, и изъ этихъ же кружковъ вышелъ Гергартъ де Гротъ изъ Девентера (1340—1384), основатель братства общей жизни (fratres vitae communis). Это былъ сколокъ съ монашества, но безъ безповоротныхъ обѣтовъ: „братья“, живя въ общихъ домахъ, должны были заниматься перепиской книгъ и обученіемъ юношества. Братскія школы довольно рано усвоили новое классическое образованіе, приспособивъ его къ нуждамъ религіи, и изъ этихъ-то школъ вышли такіе дѣятели, какъ Николай Кузанскій, Ѳома Кемпійскій, Іоаннъ Вессель и Эразмъ Роттердамскій.

Успѣхъ, такихъ реформаторовъ, какъ Виклифъ и Гусъ, увлекшихъ за собою громадное количество послѣдователей, одновременное появленіе одинокихъ богослововъ, высказывавшихъ идеи, несогласныя съ ученіями католической церкви, распространеніе мистическаго сектантства въ народныхъ массахъ, выступленіе мистическихъ писателей, искавшихъ особыхъ путей къ спасенію и лишь наружно остававшихся въ церкви, образованіе тайныхъ мистическихъ кружковъ, возникновеніе братства общей жизни, изъ котораго, какъ еще увидимъ, вышла реформа теологіи, и одновременно со всѣмъ съ этимъ требованіе легальной реформы церкви путемъ собора, съ другой же стороны литературное обличеніе испорченности папства, высшаго и низшаго духовенства и особенно монашества, то гнѣвно-негодующее, то презрительно-насмѣшливое, а наконецъ и развитіе гуманизма, въ лучшемъ для католицизма случаѣ къ нему совершенно равнодушнаго, —все это указываетъ на то, что церковь утратила свой прежній моральный авторитетъ, въ то самое время, какъ полная неспособность, какую она обнаружила

реформироваться своими внутренними силами, заставила принять въ этомъ участіе внѣцерковныя сферы.

XL. Внѣцерковныя силы въ религіозной реформѣ *).

Участіе правительствъ и народовъ въ церковной реформѣ. — Начало народности и реформа церкви.—Отношеніе государства къ этой реформѣ.—Общественныя и народныя движенія противъ католицизма съ реформаціоннымъ характеромъ.—Старое и новое образованіе въ церковной реформѣ.—Индивидуализмъ въ религіи.—Сліяніе свѣтской оппозиціи съ религіознымъ протестомъ.—Богословскія занятія Эразма.—Его отношеніе къ церкви.—Его раціонализмъ.

Намъ предстоитъ теперь обратить вниманіе на одно важное явленіе, особенно характеризующее XVI вѣкъ, но зародившееся еще въ предыдущія столѣтія. Кто производитъ реформу церкви въ XVI вѣкѣ? Кромѣ отдѣльныхъ дѣятелей, дававшихъ реформѣ новые принципы и лично порывавшихъ связь съ церковью, реформу производили правительства и народы и притомъ вопреки легальнымъ церковнымъ властямъ и нелегальными съ церковной точки зрѣнія путями. Папа-реформаторъ въ родѣ Григорія VII не являлся; не являлись католическіе реформаторы изъ монаховъ въ родѣ клюнійцевъ, францисканцевъ, доминиканцевъ; соборная попытка возрожденія церкви окончилась неудачей. Только въ серединѣ XVI в. успѣхи реформаціи вдохнули жизнь въ разлагавшійся католицизмъ, и за починку—если не за реформу—католической церкви взялись

*) Главные относящіеся сюда факты см. въ разныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи церковныхъ дѣлъ, а спеціально можно указать на труды, въ коихъ разсматривается интересъ свѣтскаго общества къ реформѣ, напр., Dietz. Die politisch. Stellung der deutschen Städte (1421—1431) mit besonderer Berücksichtigung ihre Betheiligung an der Reformbestreibungen dieser Zeit.

папы, оставившіе политику своихъ предшественниковъ, новый хоть и не совсѣмъ монашескій орденъ іезуитовъ и соборъ, засѣдавшій въ Тридентѣ. И вотъ мы видимъ, что за дѣло реформы церкви берутся въ первой половинѣ XVI вѣка правительства и народы, берутся, однако, имѣя своего рода антецеденты въ XIV вѣкѣ и XV вв. Что заставляло ихъ вступаться въ это дѣло? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть ясенъ для каждаго, кто возьметъ на себя трудъ припомнить все, что говорилось раньше о различныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находилась церковь къ свѣтскому обществу—къ народности, къ государству, къ отдѣльнымъ сословіямъ. Новыя теологическія ученія были дѣломъ немногихъ, испорченность духовенства бросалась въ глаза всѣмъ, но помимо того дѣйствовали и другія силы, тѣ самыя силы, которыя заставляли правительства и народы выступать на путь оппозиціи противъ католицизма изъ-за причинъ чисто свѣтскихъ. Исторія XVI в. вся свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Въ свое время мы уже видѣли, что чисто мірскія начала народности, государства, свѣтскаго общества, равно какъ человѣческія начала личнаго разума и личной жизни приводили цѣлыя страны и отдѣльныхъ людей въ столкновенія съ церковью на почвѣ разныхъ практическихъ отношеній, теперь же мы должны увидѣть, какъ эти самыя оппозиціонныя силы, дѣйствовавшія въ смыслѣ освобожденія общества и личности отъ церковной опеки, сами начинаютъ брать подъ свою опеку церковныя дѣла, — сторона дѣла, которой не слѣдуетъ упускать изъ виду при изученіи и реформаціонной эпохи, и эпохи великаго раскола, неудачъ соборной реформы и такихъ движеній, каковы были связанныя съ именами Виклифа и Гуса.

Универализмъ католической церкви, говорили мы, вызывалъ противъ себя оппозицію во имя человѣческаго начала народности: въ XIV и XV вв. эта національная оппо-

зиція выразилась и въ реформаціонномъ смыслѣ, породивъ идею національныхъ церквей. Начало народности въ эту эпоху громко заявляетъ свои права. Великій расколъ даетъ случай отдѣльнымъ національностямъ стать на сторону того или другого папы. Въ это же время задумывается реформа церкви на началахъ національной автономіи, съ національными соборами. На констанцскомъ соборѣ голоса подаются по націямъ, и каждая народность выступаетъ съ своими особыми интересами. Пользуясь послѣднимъ обстоятельствомъ, папа заключаетъ конкордаты съ отдѣльными народностями. Буржская прагматическая санкція создаетъ вольности галликанской церкви. Оппозиція Виклифа и Гуса, кромѣ религіознаго, имѣетъ и національный характеръ; оба реформатора считают нужнымъ дать вѣрующимъ св. писаніе и богослуженіе на народномъ языкѣ. Базельскій соборъ дѣлаетъ уступку утраквистамъ по вопросу о національномъ языкѣ. Этотъ же національный принципъ играетъ роль и въ реформаціи XVI в.

Рядомъ съ національной оппозиціей Риму мы видѣли политическую оппозицію его теократическимъ стремленіямъ. Государственная власть равнымъ образомъ дѣйствуетъ, какъ сила, помогающая реформаціоннымъ стремленіямъ. Королевская власть во Франціи оказываетъ поддержку требованіямъ парижскаго университета по вопросу о реформѣ церкви. Констанцскій соборъ былъ обязанъ и тѣмъ, что былъ созванъ, и тѣмъ, что не разошелся послѣ бѣгства Іоанна XXIII, настояніямъ и вмѣшательству императора Сигизмунда. Людовикъ XII при столкновеніи съ папою Сикстомъ IV грозитъ ему соборомъ. Извѣстно, что Виклифъ, какъ защитникъ политической независимости Англіи, пользовался поддержкою королей Эдуарда III и Ричарда II. Самъ онъ доказывалъ, что государство имѣетъ по отношенію къ духовенству извѣстныя права, и этой стороной его проповѣди особенно дорожили правящіе классы. По ученію также Гуса, государи, какъ помазанники божіи, имѣютъ право вмѣшиваться въ церковныя дѣла, и Гуса поддерживалъ чешскій ко-

роль (Вацлавъ), а королева сдѣлала его даже своимъ духовникомъ. Тотъ же Вацлавъ объявилъ свой нейтралитетъ между римскимъ и авиньонскимъ папами, но собенно любопытенъ слѣдующій эпизодъ изъ его царствованія. Пражскій архіепископъ Збинекъ велѣлъ сжечь болѣе двухсотъ томовъ сочиненій Виклифа, отобранныхъ у профессоровъ и студентовъ, и вмѣстѣ съ ними одинъ трактатъ Гуса, но Вацлавъ наложилъ на церковныя имущества запрещеніе, требуя, чтобы собственники сожженыхъ книгъ были вознаграждены. Въ этомъ вмѣшательствѣ государей въ церковныя дѣла, въ этомъ ихъ покровительствѣ проповѣдникамъ, которые приходятъ въ рѣзкое столкновеніе съ церковными властями на почвѣ вѣроученія, въ этомъ ученіи реформаторовъ о правѣ государства устроять церковныя отношенія, равно какъ въ извѣстномъ намъ поощреніи государства къ тому, чтобы оно секуляризовало церковныя владѣнія, мы узнаемъ зародыши той политики, которая въ XVI в. заставляла нѣкоторыхъ государей дѣлаться церковными реформаторами.

Мы познакомились въ свое время и съ соціальной оппозиціей духовенству, коимъ отдѣльныя сословія были недовольны по довольно разнообразнымъ причинамъ какъ моральнаго, такъ и матеріальнаго свойства, такъ какъ здѣсь оказывали свое вліяніе на возникновеніе недовольства и привилегіи клира, и церковный судъ, и богатства церкви, и взиманіе десятины, и роскошный образъ жизни, праздность, пренебреженіе своими обязанностями, алчность и порча нравовъ духовенства. Оппозиціонно настроенное общество готовилось принять участіе и въ церковной реформѣ: великій расколъ католической церкви и особенно соборы первой половины XV в. направили вниманіе свѣтскихъ людей на церковныя дѣла, и послѣ неудачнаго исхода соборовъ, послѣ того, какъ папство съумѣло привлечь на свою сторону свѣтскую власть, все болѣе и болѣе должна была утверждаться мысль, что не папа, не прелаты могутъ произвести реформу да, пожалуй, и не свѣтская власть, а именно самъ народъ. Старыя

секты, но особенно виклифизмъ, а въ еще большей степени гуситство были проявленіемъ участія народныхъ и общественныхъ силъ въ дѣлѣ церковной реформы, но мы еще увидимъ, что такое участіе было еще тѣснѣйшимъ образомъ связано и съ рѣшеніемъ чисто политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, какъ это особенно можно сказать о движеніи гуситскомъ, а затѣмъ и о всѣхъ случаяхъ общественнаго или народнаго движенія въ реформаціонную эпоху.

Рядомъ съ оппозиціей національною, политическою и соціональною мы ставили еще оппозицію интеллектуальную выражавшуюся главнымъ образомъ въ философской и научной мысли, поскольку послѣдняя тяготилась схоластическимъ догматизмомъ. Представители научной мысли (разумѣется, въ области богословія) являются также въ числѣ дѣятелей и даже иниціаторовъ церковной реформы: Виклифъ, Жерсонъ, Гусъ были учеными профессорами, въ дѣлѣ соборной реформы парижскому университету принадлежала руководящая роль, и Жерсонъ считался даже „душою" констанцскаго собора; гуситское движеніе началось въ пражскомъ университетѣ прежде, чѣмъ сдѣлаться всесословнымъ и общенароднымъ; Гохъ, Вессель, Везель были также ученые люди; наконецъ, на самомъ констанцскомъ соборѣ былъ данъ совѣщательный голосъ докторамъ богословія и каноническаго права. Но и Жерсонъ съ своими товарищами, и Виклифъ съ Гусомъ были людьми стараго, схоластическаго образованія, и если новое, гуманистическое образованіе въ Италіи приняло характеръ умственнаго направленія, равнодушнаго къ церкви и ея реформѣ (вспомнимъ хотя бы Поджіо на констанцскомъ соборѣ), то со второй половины XV в. распространеніе гуманизма по Европѣ сопровождается уже приложеніемъ изученія древнихъ языковъ (вмѣстѣ съ еврейскимъ), вообще классическихъ знаній и новыхъ научныхъ пріемовъ къ богословскимъ занятіямъ. Мы видѣли, что таково было именно направленіе въ братствѣ общей жизни, основанномъ Гергартомъ де Гротомъ, хотя этотъ

дѣятель и вышелъ самъ изъ мистическихъ кружковъ, да и основанное имъ братство воспитывало въ себѣ мистиковъ, что явствуетъ хотя бы изъ примѣра Ѳомы Кемпійскаго. Возникши около 1375 г., братство это съ самаго же начала поставило своею задачею подъемъ богословскихъ знаній для чего, какъ общеобразовательнымъ средствомъ, не пренебрегало и древнею римскою литературою: развитіе классическихъ знаній въ Италіи заставило нидерландскихъ и нѣмецкихъ братчиковъ усилить и въ своихъ школахъ классическій элементъ. Мы знаемъ уже, что въ этихъ школахъ учились такіе люди, какъ Николай Кузанскій, сторонникъ церковной реформы, уже вкусившій новаго образованія, далѣе предшественникъ Лютера Іоаннъ Вессель, видѣвшій въ итальянскомъ гуманизмѣ пригодную для церкви силу, учившійся погречески, занимавшійся изученіемъ св. писанія и отцовъ церкви, наконецъ самъ Эразмъ Роттердамскій. Извѣстно также, какую роль люди новаго образованія играли въ реформаціонную эпоху: къ числу подобныхъ людей принадлежали, напримѣръ, сотрудникъ Лютера Меланхтонъ и самъ Цвингли. Такимъ образомъ даже церковная наука не только уже выходила изъ-подъ опеки іерархіи, но даже сама начинала дѣлаться силою, безъ которой не могла бы совершиться религіозная реформація XVI вѣка.

Наконецъ, и личность, начавшая отстаивать свои права противъ гнета, который на нее налагался средневѣковымъ католицизмомъ, проявилась, какъ самостоятельный факторъ, и въ дѣлѣ религіозной реформы. Говоря это, мы должны имѣть въ виду не только такіе случаи, когда личное разумѣніе противополагало себя церковному авторитету, какъ это наблюдается хотя бы и въ дѣлѣ Гуса, требовавшаго отъ собора доказательствъ своей неправоты, но и другіе факты, въ коихъ обнаруживался индивидуализмъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ, напр., вниманія нѣмецкій мистицизмъ (да и вообще мистическія секты), поскольку онъ допускалъ непосредственное общеніе индивидуальной души съ Богомъ, поскольку онъ отодвигалъ на

задній планъ внѣшнія средства спасенія и выставлялъ на первое мѣсто внутреннее состояніе единичной души. Этотъ религіозный индивидуализмъ проявлялся и въ сектантствѣ, въ томъ пророческомъ духѣ, который овладѣвалъ наиболѣе рьяными сектантами, думавшими, что чрезъ ихъ личное посредство глаголетъ самъ Духъ Святой,—явленіе, съ коимъ мы встрѣчаемся и въ сектахъ XVI—XVII вв., принимавшихъ ученіе о внутреннемъ откровеніи или о божественномъ озареніи (lumen divinum), совершающемся въ душѣ отдѣльныхъ лицъ. Мистицизмъ получалъ нерѣдко пантеистическій характеръ, напр., въ проповѣди „вѣчнаго евангелія" или въ ученіи Эккарда, и тогда принималось прямо воплощеніе самого Бога въ отдѣльныхъ людяхъ (ученіе Амальриха Бенскаго въ началѣ XIII в., одного изъ родоначальниковъ „вѣчнаго евангелія") или, какъ мы это видимъ у Эккарта, признавалось отождествленіе познанія Бога отдѣльнымъ лицомъ съ божественнымъ самосознаніемъ. Если въ конечномъ своемъ результатѣ пантеистическая окраска мистицизма уничтожала отдѣльное Я, то ученіе о непосредственномъ общеніи съ Богомъ и внутреннемъ откровеніи давало просторъ тому раціонализму, который необходимо долженъ былъ выйти изъ подобнаго религіознаго индивидуализма, едва только ослабѣвалъ элементъ чувства, лежавшій въ основѣ мистическаго настроенія. Въ другой формѣ индивидуализмъ проявляется также въ ученіи объ оправданіи посредствомъ вѣры, сдѣлавшемся исходнымъ пунктомъ протестантской теологіи. Хотя реформаторы и отвергли значеніе личнаго усилія въ этомъ дѣлѣ, приписавъ все дѣйствію благодати Божіей, предопредѣленію, но за то они выдвинули впередъ вѣру, какъ внутреннее состояніе индивидуальной души. Уже въ новое время на почвѣ того же религіознаго индивидуализма возникаетъ идея свободы совѣсти,

И такъ, что же мы видимъ? Церковь сама, своими силами оказывается неспособною реформироваться, и въ роли факторовъ реформы выступаютъ цѣлые народы, государи,

общественные классы, представители образованія, отдѣльныя лица, но всѣ эти факторы реформаціи являются и факторами оппозиціи. Однимъ словомъ, реформаціонное движеніе, исходя не изъ самой церкви, принимаетъ по отношенію къ послѣдней характеръ оппозиціонный, и та оппозиція, которая имѣла источникъ въ человѣческихъ началахъ націи, государства, общества, личной мысли и личной жизни, сливается съ религіознымъ протестомъ вѣрующей совѣсти и нравственнаго чувства. Въ этомъ общемъ явленіи мы должны видѣть основу для надлежащаго пониманія всей реформаціонной эпохи, хотя наша формула требуетъ одного дополненія, именно указанія на то, что съ свѣтскою оппозиціей и религіознымъ протестомъ противъ церкви слилось еще рѣшеніе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, не имѣвшихъ отношенія ни къ притязаніямъ, ни къ порчѣ церкви.

Уже было сказано, что реформа церкви, произведенная въ XVI в., не могла бы совершиться безъ образовательныхъ средствъ, и что эти образовательныя средства заключались въ гуманизмѣ. Были также сдѣланы указанія на богословскіе интересы нѣмецкихъ гуманистовъ. Объ одномъ изъ нихъ, объ Эразмѣ Роттердамскомъ уже приходилось говорить неразъ, но мы мало еще знаемъ о его отношеніи къ теологіи.

Богословскія занятія гуманистовъ, какъ представителей свѣтскаго образованія, сами по себѣ представляли фактъ новый въ исторіи западной Европы, когда же занятія эти получали независимый характеръ, имъ принадлежала извѣстная роль и въ проведеніи церковной реформы. Мы уже знаемъ, какъ отрицательно относился Эразмъ къ папству, духовенству и монашеству; хотя самъ онъ тѣмъ не менѣе не сталъ на сторону Лютера, богословскія его занятія не прошли даромъ для протестантизма. „Эразмъ, говорили враги новаго движенія, снесъ яйцо, а Лютеръ его высидѣлъ“, или „Лютеръ высосалъ весь ядъ

изъ сочиненій Эразма". Знаменитый гуманистъ былъ, дѣйствительно, богословомъ совсѣмъ новаго направленія, истиннымъ отцомъ протестантской теологіи, основывавшейся на св. писаніи и отцахъ церкви, хотя многія его воззрѣнія и казались Лютеру слишкомъ раціоналистическими, и онъ даже отчаявался въ спасеніи Эразма. Раньше мы приводили уже, кое-какія мнѣнія Эразма, познакомимся теперь нѣсколько ближе съ его теологическими занятіями. Вопервыхъ, онъ издавалъ латинскихъ отцовъ церкви и переводилъ греческихъ, подвергалъ критикѣ Вульгату и очищалъ греческій текстъ Новаго Завѣта для вполнѣ правильнаго изданія. Вовторыхъ, онъ писалъ самъ сочиненія на религіозныя темы, каковы „Увѣщаніе къ изученію философіи Христа", „Сокращенное руководство къ истинному богословію", „Руководство христіанскаго воина" и комментаріи. Но Эразмъ былъ слишкомъ индивидуалистиченъ (Erasmus est homo pro se), слишкомъ раціоналистъ и политикъ, чтобы увлечься лютеранскимъ движеніемъ, происшедшимъ въ концѣ его жизни (Эразмъ умеръ въ 1536 г.). Это былъ человѣкъ, ничего, такъ сказать, прямо не отрицавшій, мало что утверждавшій, но за то все потрясавшій, часто уклончивый и осторожный, смотрѣшій на себя, какъ на философа, а не какъ на сектатора, и его, вѣрившаго въ силу образованія, отталкивала отъ себя антинаучная проповѣдь, раздававшаяся съ самаго начала реформаціонной бури въ Германіи. Само происхожденіе Эразма ставило его въ особое отношеніе къ церкви: онъ былъ незаконнорожденнымъ сыномъ монаха, которому пришлось многое вытерпѣть; его самого хотѣли въ ранней юности упрятать въ монастырь, и онъ къ монашеству получилъ какое-то отвращеніе. Вотъ какъ Эразмъ самъ характеризуетъ свою дѣятельность: „Вотъ вкратцѣ чего я всегда добивался своими книгами. Я сильно поднималъ голосъ противъ войнъ, которыя уже столько лѣтъ потрясаютъ почти весь христіанскій міръ. Богословіе (эти слова мы уже приводили) слишкомъ вдалось въ софистическія тонкости, и я пытался возвратить его къ его источникамъ и прежней

простотѣ. Мы старались возвратить прежній блескъ священнымъ писателямъ, у которыхъ можно болѣе живымъ образомъ почерпать вещи, читаемыя нѣкоторыми людьми въ отрывкахъ или лучше сказать въ кускахъ. Я научилъ, продолжаетъ Эразмъ, литературу, до того времени почти языческую, говорить о Христѣ (sonare Christum). Я по мѣрѣ силъ помогалъ развитію языковъ, которые начинали разцвѣтать. Я порицалъ сужденія людей большею частью странныя. Я будилъ міръ, засыпавшій въ почти іудейской обрядности, и призывалъ его къ болѣе частому христіанству, не осуждая, однако, церемоній церкви, но указывая на то, чтó слѣдуетъ предпочитать". Мы уже приводили одно мѣсто изъ сочиненій Эразма, направленное противъ языческихъ суевѣрій, связанныхъ съ культомъ святыхъ, но, кромѣ того, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ и того паганизма, который характеризуетъ итальянскій гуманизмъ его времени. „Все, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, все обѣщаетъ великій успѣхъ, и одно меня только тревожитъ: я боюсь, какъ бы подъ покровомъ возрождающейся древней литературы язычество не сдѣлало попытки поднять голову, ибо и между христіанами есть люди, знающіе Христа, такъ сказать, только по имени. Въ сущности же они язычники. Таковы-то дѣла человѣческія: всегда подъ сѣнью хорошаго стремится проникнуть въ міръ что-либо дурное". Въ сочиненіи „Цицероніанецъ", въ коемъ онъ осмѣиваетъ увлеченія нѣкоторыхъ гуманистовъ, онъ говоритъ еще: „я подозрѣваю, что подъ этимъ названіемъ замышляютъ нѣчто иное: изъ христіанъ насъ хотятъ сдѣлать язычниками. Напротивъ, литература должна служить прославленію Господа и Бога нашего Іисуса Христа, какъ Цицеронъ украшалъ своимъ краснорѣчіемъ мірскіе предметы". Богословскіе вопросы сильно занимали Эразма, и онъ хотѣлъ основательной реформы въ этой области. „Въ богословіи, писалъ онъ одному другу, дѣло нѣсколько труднѣе, ибо до сихъ поръ теологи по профессіи, незнакомые съ литературой, подъ ложнымъ претекстомъ благочестія отстаиваютъ свое невѣжество и натравливаютъ толпу на вся-

каго, кто нападаетъ на ихъ варварство. Они думаютъ, что грамматистъ не можетъ быть философомъ, что ораторъ никогда не будетъ юрисконсультомъ, а учитель риторики—богословомъ. Но и здѣсь совершится возрожденіе, если три языка будутъ преподаваться въ общественныхъ школахъ, какъ это уже начали дѣлать“. Естественными источниками богословія Эразмъ признавалъ священное писаніе и первыхъ его комментаторовъ Оригена, Василія Великаго, Григорія Назіанзена, Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Златоустаго, бл. Іеронима и бл. Августина: поэтому-то онъ и издавалъ ихъ и переводилъ. Но самое его отношеніе къ св. писанію было весьма свободное. „Если писалъ онъ, ты будешь изучать разсказы св. писанія поверхностно, какъ Адамъ былъ созданъ изъ земли, какъ отъ его ребра была создана Ева, какъ они съѣли запрещенный плодъ и были изгнаны изъ рая, то ты не имѣешь преимущества, какъ если бы ты начитался классиковъ-поэтовъ, напр., какъ Прометей создалъ изъ камня статую, какъ онъ похитилъ съ неба огонь и оживилъ эту статую. Такимъ образомъ, если станешь понимать поверхностно, буквально, то изученіе твое будетъ весьма неплодотворно; но если понимать аллегорически, то будетъ ~~большая~~ большая польза. Напр., миѳъ о гигантахъ весьма ясно указываетъ на то, что человѣкъ не долженъ вступать въ борьбу съ тѣмъ, что выше его. Если человѣкъ, напр., убѣжденъ, что онъ можетъ быть полезенъ только въ мірской жизни, въ семьѣ, то долженъ жениться, а въ противномъ случаѣ долженъ удалиться въ монастырь. Легенда о Цирцеѣ свидѣтельствуетъ, что развращенная жизнь человѣка дѣлаетъ его подобнымъ свиньѣ. Миѳъ о Танталѣ свидѣтельствуетъ, что сокровище на землѣ безполезно. Миѳъ о Геркулесѣ показываетъ, что неослабимымъ трудомъ и благороднымъ стремленіемъ человѣкъ заслуживаетъ небо. Но если понимать все это буквально, то пользы не получится никакой. Какая польза христіанину, если онъ узнаетъ изъ св. писанія, какъ дѣти патріарха враждовали между собою еще въ утробѣ матери и

какъ они поссорились за чечевицу. Это есть и у Ливія и даже полнѣе, ибо тамъ есть много нравственныхъ разсказовъ". Отсюда—присутствіе раціонализма въ теологическихъ взглядахъ Эразма. Онъ находитъ, напр., что апостолы только въ существенныхъ дѣлахъ получали вдохновеніе отъ Св. Духа, въ несущественныхъ же могли ошибаться, но тутъ являлся вопросъ: что слѣдуетъ считать существеннымъ, гдѣ критерій для этого? говорилъ, напр. Эразмъ, объ ошибкахъ противъ языка въ св. писаніи, и знаменитый по своему диспуту съ Лютеромъ докторъ Эккъ спрашивалъ его, гдѣ же тогда тотъ даръ языковъ, на основаніи котораго апостолы могли распространять Евангеліе на всѣхъ языкахъ. Эразмъ, далѣе, признавалъ первородный грѣхъ, но придавалъ ему другое значеніе, чѣмъ церковь: для него этотъ грѣхъ не былъ источникомъ наслѣдственной порчи человѣческой природы, а скорѣе какъ-бы дурнымъ примѣромъ. Онъ вѣровалъ въ божественность Іисуса Христа, но отрицалъ доказательность тѣхъ текстовъ, противъ которыхъ возставали и аріане. Защищая впослѣдствіи самыя установленія церкви, онъ становился на чисто свѣтскую точку зрѣнія. „Я вижу, говорилъ онъ, напр., въ защиту папства, какъ учрежденія,—я вижу, что всѣ церкви передали папѣ высшую власть. Мнѣ нѣтъ дѣла до происхожденія этой власти, но хорошо, чтобы между всѣми епископами былъ верховный первосвященникъ не только для поддержанія единства, но и для ограниченія деспотизма другихъ епископовъ и даже свѣтскихъ государей. Жалобы, которыя подымаются противъ римской куріи, для меня имѣютъ мало значенія. Не нужно всему вѣрить и все сваливать на папу, что дѣлается въ Римѣ. Св. Петръ самъ, если бы сидѣлъ на папскомъ престолѣ, вынужденъ былъ бы смотрѣть сквозь пальцы на многія вещи". Извѣстно, наконецъ, какія смѣлыя мысли высказываются Эразмомъ въ заключительной части „Похвалы Глупости". Глупости вообще свойственно заговариваться, и это давало ему возможность высказать вещи, которыя онъ не рѣшился бы высказывать въ иной формѣ. Пародируя пріемы схоластическаго доказательства,

Эразмъ развиваетъ здѣсь ту мысль, что глупые пріятнѣе Богу, чѣмъ мудрые, и что существуетъ сходство между произносящей себѣ похвалу Моріей и лучшими чадами церкви—дѣтьми, женщинами, стариками, что ревностные исполнители ея предписаній ведутъ себя противъ требованій практической мудрости, и что мистическій экстазъ и есть состояніе поклонниковъ Моріи. Все это показываетъ, что Эразмъ былъ представителемъ раціонализма въ религіи, и мы нарочно здѣсь остановились на его богословскихъ занятіяхъ, имѣющихъ несомнѣннѣйшее отношеніе къ начавшемуся въ его время протестантскому движенію, чтобы показать, какъ въ дѣло церковной реформы вступалъ и чисто раціоналистическій элементъ.

Но это еще далеко не все, что можно сказать вообще о взаимныхъ отношеніяхъ между свѣтскимъ обществомъ и церковной реформой: подъ знаменемъ послѣдней пошли и чисто политическія и соціальныя движенія, возникавшія изъ государственныхъ и сословныхъ, или классовыхъ, отношеній

LXI. Общественное значеніе религіозныхъ движеній*).

Связь религіозной и политической исторіи. — Религіозныя идеи, какъ знамя общественныхъ движеній. — Сектантскій коммунизмъ. — Виклифизмъ и крестьянское возстаніе.—Гуситскія войны.—Религіозныя партіи въ Чехіи и общественные классы.—Политическія программы умѣренныхъ и крайнихъ гуситовъ. — Временные успѣхи таборитовъ.— Боязнь гуситства въ Европѣ. — Соціальное значеніе чешской революціи. — Гуситство и реформація XVI вѣка.

Изучая какъ реформаціонную эпоху, такъ и попытки реформы и разныя религіозныя движенія конца среднихъ вѣковъ, можно смотрѣть на всѣ относящіяся сюда явленія и событія съ спеціальной точки зрѣнія исторіи церкви и съ общихъ

---

*) Соч. по исторіи Чехіи Палацкаго (по чешски и нѣм. пер.), Томка (по чешски и рус. пер.), Гайслера (по польски) и др.

точекъ зрѣнія культурной или соціальной эволюціи. Какъ реформаціонное движеніе XVI и XVII вв., такъ и болѣе раннія проявленія недовольства католическою церковью имѣли прямое отношеніе не только къ исторіи теоретическаго міросозерцанія и моральныхъ идеаловъ западныхъ народовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, но и къ тѣмъ политическимъ и общественнымъ движеніямъ, которыя происходили въ это время въ тѣхъ или другихъ странахъ. Разсматривая западно-европейское государство и общество при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, мы должны были обратить вниманіе на тѣ требовавшіе рѣшенія въ ту или другую сторону вопросы политическаго и соціальнаго строя, которые были поставлены самою жизнью въ главныхъ странахъ Европы,—вопросы какъ о взаимныхъ отношеніяхъ между государственною властью и подданными, такъ и между отдѣльными сословіями и классами, изъ коихъ слагалось общество. Но общественные вопросы всегда рѣшаются на основаніи какихъ-либо теоретическихъ положеній, могущихъ въ свою очередь быть или свѣтскими, или религіозными, т. е или философскими, или богословскими. Въ средніе вѣка принципы морали и политики имѣли религіозный характеръ, и ихъ разработка совершалась на богословской почвѣ. Въ гуманизмѣ совершалось зарожденіе свѣтской этики и политики, но мы видѣли, что въ этомъ отношеніи гуманизмъ слишкомъ опережалъ громадное большинство современнаго ему общества, и только въ XVIII вѣкѣ свѣтскіе и философскіе принципы, теоретическая разработка коихъ происходила въ такъ называемомъ „просвѣщеніи“ этого столѣтія, стали руководить государственными людьми и общественными дѣятелями „просвѣщеннаго абсолютизма“ и французской революціи. Въ вѣкахъ XIV, XV, XVI и XVII, во времена Виклифа, Гуса, соборной реформы, протестантизма католической реакціи, борьбы католицизма съ реформаціей, индепендентскаго движенія, происходили, кромѣ того народныя волненія, совершались государственные перевороты, причемъ соціальныя и политическія партіи были въ то же время извѣстными вѣроисповѣдными систе-

мами. Эта тѣсная связь религіи и политики, характеризующая реформаціонную эпоху, и заставляетъ насъ въ богословскихъ спорахъ и событіяхъ церковной исторіи видѣть не только то, что естественно и необходимо выдвигается на первый планъ въ спеціальныхъ исторіяхъ религіи и церкви, но и то, что получаетъ значеніе особенно для историка политическихъ и общественныхъ отношеній, не говоря уже о той болѣе общей, культурно-соціальной точкѣ зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ историческую эволюцію на Западѣ въ настоящемъ трудѣ, потому что съ этой точки зрѣнія религіозная реформація, бывшая въ то же самое время и реформаціей соціально-политической, имѣла и причины, и слѣдствія свои какъ въ сферѣ духовныхъ интересовъ общества, интересовъ интеллектуальныхъ и моральныхъ, такъ и въ области матеріальныхъ его отношеній, отношеній экономическихъ и политическихъ. Вопросы церковной догмы и организаціи, конечно, были вполнѣ понятны только спеціалистамъ богословія и каноническаго права, для свѣтскаго же общества, для народной массы, когда онѣ становились подъ знамя новыхъ идей, послѣднія имѣли значеніе главнымъ образомъ по своей связи съ моральными и соціальными вопросами, съ тѣмъ исканіемъ правды въ жизни, которое увлекало многихъ въ сектантство, съ тѣми попытками улучшить свое положеніе, которыя весьма естественно объясняются политическими, юридическими и экономическими отношеніями, имѣвшими начало въ феодальномъ строѣ или создававшимися на его развалинахъ въ эту переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Народы въ разныхъ своихъ слояхъ дорожили не столько реформою отвлеченныхъ догматовъ религіи или внѣшняго строя церкви, сколько реформою практическихъ отношеній жизни, реформою государственнаго строя, реформою правового порядка, реформою хозяйственныхъ отношеній, ища принципіальной санкціи своимъ стремленіямъ въ религіозныхъ истинахъ, совершенно такъ же, какъ позднѣе политическія и соціальныя стремленія оправдывали себя ссылками

на истины философскія. Другими словами, реформированная религія должна была служить арсеналомъ такихъ аргументовъ, которые съ высшихъ точекъ зрѣнія оправдывали бы желательныя измѣненія въ государственномъ и общественномъ быту, въ правѣ и экономическихъ отношеніяхъ. Если въ XVI и XVII вв. политическія теоріи протестантовъ строятся на богословской основѣ, то и практическая политика народныхъ и общественныхъ движеній этой эпохи совершалась подъ знаменемъ религіозныхъ идей, была ли то нѣмецкая крестьянская война въ началѣ реформаціоннаго періода или индепендентская республика „святыхъ" въ концѣ. Конечно, религіозныя идеи стали служить знаменемъ для соціально-политическихъ движеній еще раньше XVI вѣка.

Мистическія секты конца среднихъ вѣковъ, равно какъ и тѣ, которыя получили развитіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ, были весьма часто религіозными обществами, признававшими не только новыя начала вѣры, но и мечтавшія о введеніи новыхъ началъ въ общественное устройство; самый успѣхъ сектантской проповѣди въ народѣ объясняется тѣмъ, что новыя ученія соотвѣтствовали не одной религіозной потребности, не находившей удовлетворенія въ католицизмѣ, но и стремленію къ улучшенію быта, обнаруживавшемуся по временамъ съ особою силою въ народныхъ массахъ. Нерѣдко ученія, которыя были по своему характеру, какъ ученія именно религіозныя, проникнуты мистицизмомъ, въ общественномъ смыслѣ представляли изъ себя проповѣдь прямо коммунистическихъ началъ. Наприм., нѣмецкіе братья свободнаго духа, ученіе коихъ во второй половинѣ XIII вѣка распространилось въ прирейнскихъ земляхъ, а въ XIV столѣтіи уже обратило на себя озабоченное вниманіе церковныхъ властей, съ одной стороны,—признавали, что убѣжденія, вытекающія изъ сердца, имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ само Евангеліе, съ другой же, говорили, что всѣ вещи должны составлять общую собственность.

Извѣстно, что враги Виклифа обвиняли его въ томъ, что онъ вызвалъ крестьянское возстаніе Вата Тэйлера. Обвиненіе это было несправедливо, но косвенной связи между дѣятельностью реформатора и народнымъ движеніемъ отрицать все-таки нельзя. Проповѣдь „бѣдныхъ священниковъ", разсылавшихся Виклифомъ, падала на почву, достаточно подготовленную къ тому, чтобы призывъ къ истинной вѣрѣ и праведной жизни, былъ понятъ въ смыслѣ не одной церковной реформы, а общее соціальное состояніе было таково, что среди проповѣдниковъ могли появиться люди, начавшіе переносить вопросъ о реформѣ съ церковной почвы на почву соціальную. Священникъ Джонъ-Балль, имя коего связано съ именемъ вождя крестьянскаго возстанія, Вата Тэйлера, не принадлежалъ къ числу учениковъ Виклифа, но его успѣхъ и успѣхъ настоящихъ виклифитовъ объясняются однѣми и тѣми же причинами. Стремленіе землевладѣльцевъ вернуться послѣ черной смерти къ барщинному труду обострило антагонизмъ между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классами въ Англіи, и мы уже знаемъ, что̀ доставляло сторонниковъ „безумному попу". Между прочимъ Балль говорилъ, что лишь тогда все хорошо пойдетъ въ Англіи, когда имущества сдѣлаются общими и не будетъ болѣе дворянъ и вилланов. Реакція противъ виклифизма, наступившая впослѣдствіи, также объясняется тѣмъ, что ландлорды стали бояться церковной реформы, какъ двери, открываемой для соціальной революціи. Между баронами и церковью была вражда, и первые были даже очень не прочь лишить духовенство его имуществъ и власти, такъ что въ этомъ отношеніи ученіе Виклифа было, какъ нельзя болѣе, на руку феодальнымъ баронамъ, ибо оксфордскій реформаторъ думалъ, что бѣдность и безвластіе церкви въ мірскихъ дѣлахъ—необходимыя условія для улучшенія нравовъ и подъема моральнаго значенія духовенства. Крестьянское возстаніе сблизило недавнихъ противниковъ: бароны отшатнулись отъ церковной реформы, а «бѣдные проповѣдники», посылавшіеся Виклифомъ, стали

разсматриваться, какъ люди политически опасные, какъ агитаторы, возстановлявшіе крестьянъ противъ помѣщиковъ, такъ что вообще въ глазахъ имущихъ классовъ церковная реформа отождествилась съ требованіями народнаго возстанія. Такъ называемый поллардизмъ послѣ Виклифа былъ не только религіознымъ протестомъ, но и выраженіемъ соціальнаго недовольства и притомъ недовольства разныхъ классовъ общества, начиная съ дворянъ, коихъ было немало среди поллардовъ, и кончая крестьянами, приверженцами коммунистическихъ мечтаній. Уже при Ричардѣ II противъ поллардизма, какъ ученія, считавшагося опаснымъ въ политическомъ смыслѣ, принимались мѣры, но настоящій ударъ ему былъ нанесенъ Генрихомъ IV, возведеннымъ на престолъ революціей 1399 г., въ которой приняло участіе и духовенство, надѣясь, безъ сомнѣнія, что новый король подавитъ ересь. Примѣръ этого совпаденія религіознаго и соціальнаго движеній показываетъ, что у каждаго были свои особыя причины, но что оба шли рука объ руку: религіозная проповѣдь Виклифа освящала стремленіе бароновъ лишить церковь ея земель, религіозная проповѣдь Джона Балля была выраженіемъ и крестьянскаго неудовольствія, а если высшіе классы охладѣли къ дѣлу церковной реформы, то причиною этого было то, что, кромѣ выгодной для себя стороны, они увидѣли въ реформѣ и сторону для себя прямо опасную.

Но особенно хорошо наблюдается связь религіознаго движенія съ общественнымъ въ исторіи гуситства. Чешское движеніе XV в. имѣло, кромѣ религіозной стороны, еще сторону національную и соціально-политическую. Извѣстіе объ арестѣ, а потомъ и о сожженіи Гуса вызвало первыя волненія въ Чехіи, и еще въ 1415 г. въ Прагѣ на сеймѣ нѣсколько сотъ чешскихъ пановъ подписали договоръ о союзѣ въ защиту свободной проповѣди слова Божія и отправили свой протестъ собору. Король Вацлавъ поколебался присоединиться къ этому союзу, измѣнивши свое прежнее отношеніе къ гуситству вслѣдствіе настойчивыхъ увѣщаній

своего брата, императора Сигизмунда. Имъ были по той же причинѣ удалены отъ двора приверженцы новаго ученія, въ ихъ числѣ знаменитый Янъ Жижка изъ Троцнова, талантливый военачальникъ, и Николай изъ Гусинца, отличавшійся большими политическими способностями, будущіе предводители гуситовъ. Когда въ 1419 г. Вацлавъ умеръ, вспыхнула война между Сигизмундомъ и Чехіей, получившая характеръ религіозной борьбы католицизма съ гуситствомъ и племенной борьбы между нѣмцами и славянами (1420—1431), и въ этой войнѣ особенно прославился Жижка, съумѣвшій въ общемъ дѣлѣ объединить разныя партіи, образовавшіяся среди самихъ гуситовъ и послѣ его смерти (въ 1424 г.), впрочемъ перессорившіяся между собою. Противъ мятежной Чехіи папа (Мартинъ V) и императоръ (Сигизмундъ) предприняли крестовый походъ, который только разжегъ религіозныя и соціальныя страсти, и Жижка сдѣлался самымъ характернымъ представителемъ энтузіазма, овладѣвшаго чешскими „братьями“ или „служащими въ полѣ общинами“. Гуситы построили себѣ укрѣпленный городъ Таборъ, сдѣлавшійся центромъ сопротивленія, и послѣ смерти Жижки у нихъ нашлись новые вожди—Прокопъ Большой и Прокопъ Малый. Чехи не ограничились отраженіемъ крестоносныхъ ополченій, нѣсколько разъ вторгавшихся съ Богемію, но начали дѣлать нападенія на Венгрію, Австрію, Саксонію, Бранденбургъ, и ихъ успѣхи заставили папу Евгенія IV согласиться на созваніе базельскаго собора (1431), на которомъ умѣренные гуситы заключили (1433), съ церковью на извѣстныхъ намъ уже условіяхъ договоръ (компактаты), возбудившій неудовольствіе среди крайнихъ гуситовъ и тѣмъ вызвавшій между чехами усобицу; крайніе (табориты) потерпѣли, однако, пораженіе отъ умѣренныхъ (пражанъ) при Липанѣ (1434), иглавскій сеймъ (1436) утвердилъ договоръ послѣднихъ съ соборомъ, а Сигизмундъ былъ признанъ королемъ Чехіи.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя исторія гуситскихъ войнъ, но въ иномъ видѣ представляется намъ та же самая

исторія, если мы взглянемъ на нее съ точки зрѣнія внутреннихъ чешскихъ отношеній. Религіозное движеніе первой трети XV вѣка было національнымъ, общенароднымъ, такъ какъ въ нёмъ участвовали всѣ общественные элементы, но если гуситы раздѣлились на партіи, то причина этого заключалась не въ одномъ различіи мнѣній о томъ, какъ должна быть проведена религіозная реформа: распаденіе гуситовъ въ религіозномъ отношеніи на умѣренныхъ и крайнихъ скрывало подъ собою соціальный разладъ, и съ точки зрѣнія соціально-политической гуситскія войны были цѣлою революціею, совершавшеюся подъ знаменемъ религіозныхъ идей, такъ что исторія гуситства можетъ быть хорошо понята лишь на почвѣ общественныхъ отношеній Чехіи въ эту эпоху. Мы только-что упоминали, что въ 1415 году въ чешской аристократіи образовался союзъ на защиту ученія Гуса; въ сущности она съ горожанами и составила умѣренную партію, которая изложила свою программу въ четырехъ пражскихъ статьяхъ, требовавшую именно 1) свободной проповѣди слова Божія, 2) причащенія подъ обоими видами, 3) лишенія духовенства его свѣтской власти и земельной собственности, пагубныхъ для самого клира и вредныхъ для свѣтскаго правительства, и 4) наказанія въ каждомъ сословіи сословными властями смертныхъ грѣховъ, особенно же нарушающихъ общественное спокойствіе. Эта партія получила названіе пражанъ, калликстинцевъ (т. е. чашниковъ) или утраквистовъ. Партія крайнихъ, отрицавшихъ чистилище, культъ святыхъ, иконъ и мощей, посты и праздники, присягу и смертную казнь, въ общественномъ смыслѣ была демократическою, и къ ней-то принадлежали и Жижка, и Николай изъ Гусинца, составляли же ее крестьяне и мелкое рыцарство, изъ коего происходилъ, между прочимъ, самъ Жижка. Радикальные гуситы построили упомянутый городъ Таборъ, откуда ихъ названіе таборитовъ. Исходъ гуситскихъ войнъ въ томъ и заключался, что національная борьба противъ нѣмцевъ оказалась безсильною

сгладить религіозныя и соціальныя распри въ самой чешской націи: умѣренные гуситы готовы были скорѣе сдѣлать уступки церкви, чѣмъ допустить дальнѣйшее развитіе радикальныхъ ученій, и вотъ побѣда пражанъ надъ таборитами положила конецъ чешской революціи двадцатыхъ годовъ XV вѣка. Дѣло было въ томъ еще, что среди самихъ радикаловъ образовались еще болѣе крайнія ученія, подавлявшіяся самимъ Жижкою съ безпощадною жестокостью. Именно между ними образовалась фракція милленаріевъ, вѣрившихъ въ скорое наступленіе тысячелѣтняго царства Христа (хиліазмъ), въ коемъ уничтожены будутъ всѣ сословныя и общественныя различія вмѣстѣ съ частною собственностью, и никто не будетъ имѣть права учить другихъ. Подъ вліяніемъ проповѣди этихъ сектантовъ многіе продавали свое имущество за дешевую плату, крестьяне жгли свои хижины и уходили въ пять городовъ, считавшіеся спасенными, или же въ горы и дѣлали попытки устроить свою жизнь на коммунистическихъ началахъ. Среди нихъ особенно выдѣляются николаиты (по имени крестьянина Николая), говорившіе, что царство Христово наступило, и что въ вѣрныхъ живетъ самъ Христосъ, а потому они не могутъ грѣшить,—ученіе, напоминающее воззрѣнія болѣе раннихъ мистическихъ сектъ съ пантеистическимъ оттѣнкомъ, какъ хиліастическія ожиданія были лишь другою формою „вѣчнаго евангелія". Николаиты (у позднѣйшихъ писателей они называются адамиты) устроили коммунистическое общежитіе (съ общностью женъ даже) на островкѣ Нежаркѣ, разрушенное впослѣдствіи отрядомъ, который противъ нихъ былъ посланъ Жижкою, что не мѣшало врагамъ гуситства и особенно таборитовъ навязывать имъ всѣмъ идеи адамитовъ. Менѣе удалялись отъ чистаго гуситства разные еретики, коихъ обобщали подъ названіемъ пикардовъ (бегардовъ), но и ихъ преслѣдовалъ Жижка мечемъ и огнемъ. Въ милленаріяхъ, николаитахъ и пикардахъ мы имѣемъ дѣло съ самыми крайними изъ тѣхъ соціальныхъ стремленій, какія проявились въ гуситствѣ.

Одною изъ четырехъ пражскихъ статей 1420 г., какъ было сказано, было требованіе отобрать у церкви ея земельныя имущества, и если принять въ расчетъ всю ту массу земли, какою владѣло духовенство, да еще движимую собственность церкви, мы вполнѣ поймемъ значеніе, какое получило приведеніе въ исполненіе этого постановленія. Вся выгода отъ этого, однако, была на сторонѣ богатыхъ и дворянъ, ибо крестьянамъ и городскимъ рабочимъ еле что досталось при раздѣлѣ. Въ pendant къ этому и политическая программа умѣренныхъ отличалась аристократическимъ характеромъ, ибо они хотѣли сосредоточить власть въ сеймѣ изъ дворянства и горожанъ, а духовное руководительство—въ своего рода аристократіи докторовъ и магистровъ, такъ какъ и пражскій университетъ былъ на ихъ сторонѣ: сеймы должны были располагать короной, да и по избраніи короля все-таки удерживать за собою настоящую власть. Къ концу гуситскихъ войнъ, впрочемъ, аристократія оттѣснила городской элементъ на задній планъ. Этимъ элементомъ былъ именно патриціатъ, столь же мало располагавшій къ себѣ таборитовъ, какъ и аристократія. Табориты, съ другой стороны, мечтали о полномъ разрушеніи феодальнаго строя и какихъ бы то ни было аристократическихъ привилегій. По ихъ ученію, всякая власть должна была имѣть основу въ добродѣтели и вѣрѣ, а потому государственное верховенство принадлежитъ обществу святыхъ, которое въ правѣ дать власть своему избраннику, контролировать его и отнять у него эту власть, когда захочетъ. Вѣрные не могутъ отчуждать власти, дарованной имъ самимъ Господомъ, вслѣдствіе чего не дозволено выбирать короля: самъ Богъ долженъ царствовать. Но если у всѣхъ людей должны быть одни и тѣ же права, зачѣмъ будетъ существовать неравенство имуществъ? И табориты также отбирали въ свою пользу церковныя земли, послѣ чего нерѣдко думали, что этимъ дѣло реформы кончено. Весьма часто, заявляя такіе принципы, табориты ссылались, между прочимъ, на общинныя традиціи старо-чешскаго устройства. Впрочемъ, коммунизмъ не былъ общимъ у всѣхъ таборитовъ, и громадное большинство

партіи требовало лишь гражданскаго равенства, уничтоженія наслѣдственныхъ привилегій, отмѣны зависимости человѣка отъ человѣка, освобожденія земли отъ поборовъ. Таборитская проповѣдь увлекала и низшій классъ городского населенія, и поселянъ: въ нихъ Жижка и оба Прокопы даже имѣли лучшихъ бойцовъ въ борьбѣ за независимость націи. Понятно, что для духовной іерархіи, для императора, для всего феодальнаго міра гуситство было не простою ересью: оно было проповѣдью политической и соціальной революціи, да и для чешскихъ пановъ съ утраквистами таборитскіе принципы имѣли такое же значеніе. И въ то время, какъ извнѣ на Чехію шли крестоносцы, внутри она была раздѣлена на два лагеря, борьба между которыми облегчала дѣло крестоносцевъ. Тѣмъ не менѣе табориты имѣли временно весьма большой успѣхъ, не только взяли перевѣсъ надъ пражанами, не только отразили внѣшнее нашествіе, но даже сами стали вторгаться въ сосѣдніе съ Богеміей области Германіи, доходя даже до Баваріи и Данцига. Внѣшняя опасность соединяла пражанъ и таборитовъ, но стоило ей миновать, и внутреннія несогласія выдвигались на первый планъ: сами враги гуситовъ въ этомъ внутреннемъ раздѣленіи видѣли чуть не главную причину своего спасенія, бѣда же для нихъ была и въ томъ, что гуситы нашли приверженцевъ въ самой Германіи. Вторженіе демократическихъ таборитовъ въ Германію должно было еще болѣе внушать опасеній: можно было бояться заразы возстанія. Въ посланіи къ базельскому собору французскіе епископы прямо писали, что по естественной склонности человѣкъ не любитъ кому-либо подчиняться и платить дань, а чешская ересь именно къ этому и стремится: если ересь Арія, не будучи основана ни на какой естественной склонности, зажгла такой пожаръ въ значительной части вселенной, то чего не можетъ надѣлать такая ересь, какъ гуситство! Папскія буллы, посланія папскихъ нунціевъ полны такими же соображеніями, указаніями на политическую и соціальную опасность гуситской проповѣди. И императоръ, и папскій легатъ

старались по этому убѣдить утраквистовъ, что ихъ союзъ съ таборитами подрываетъ самое существованіе дворянскаго сословія.

Внутренняя борьба, происходившая въ Чехіи подъ знаменемъ религіозныхъ идей гуситства и закончившаяся липанскою побѣдою пражанъ надъ таборитами, была сама результатомъ совершавшагося въ Чехіи соціальнаго процесса. Въ борьбѣ Чехіи съ Германіей наибольшую энергію выказали мелкое рыцарство (влодыки) и крестьянство (кметы), болѣе нерѣшительности и колебаній—аристократія (лехи). Дѣло въ томъ, что въ Чехіи въ XIV в. положеніе крестьянъ ухудшалось, они прикрѣплялись къ землѣ, лишались личной свободы, и въ то же время рыцарство все болѣе и болѣе становилось въ подчиненное положеніе по отношенію къ богатымъ и знатнымъ панамъ, вслѣдствіе чего въ болѣе раннихъ политическихъ столкновеніяхъ они становились на сторону короля противъ пановъ. Религіозная реформа и для крестьянъ, и для рыцарей сдѣлалась средствомъ и для проведенія реформы соціально-политической, тогда какъ аристократія, сначала благопріятствовавшая преобразованію церкви, отшатнулась отъ этого дѣла и соединилась съ Сигизмундомъ, но не даромъ. Во второй половинѣ XV в. въ Чехіи издается сеймами рядъ законовъ, превращающихъ крестьянъ въ настоящихъ крѣпостныхъ. Та же борьба происходила между городскимъ патриціатомъ, въ большинствѣ случаевъ нѣмецкимъ, и городскимъ пролетаріатомъ, состоявшимъ изъ чеховъ.

Въ исторіи религіозной реформаціи, происходившей въ Чехіи въ двадцатыхъ годахъ XV вѣка, мы можемъ видѣть дѣйствіе всѣхъ главныхъ силъ и наличность всѣхъ существенныхъ явленій, съ какими мы встрѣчаемся въ исторіи бурной реформаціонной эпохи, наступившей для всей западной Европы черезъ столѣтіе послѣ сожженія Гуса, такъ что уже одно болѣе подробное изученіе чешской исторіи въ гуситскую эпоху могло-бы доставить намъ все необходимое для пониманія религіозной реформаціи XVI в., не только какъ стремленія, направленнаго про-

тивъ порчи церкви, не только какъ оппозиціи противъ свѣтской власти папы и духовенства, но и какъ цѣлаго ряда политическихъ и соціальныхъ движеній, пошедшихъ подъ знаменемъ религіозныхъ идей—библейскихъ и мистическихъ. Гуситскія ученія въ XV в. пріобрѣли сторонниковъ и внѣ Чехіи, хотя чисто-національный характеръ, какой гуситы хотѣли придать своей церкви, былъ препятствіемъ къ тому, чтобы чешскій утраквизмъ могъ получить болѣе широкое распространеніе. Главнымъ образомъ самый примѣръ побѣдоносной борьбы гуситовъ съ церковью дѣйствовалъ въ томъ смыслѣ, что колебалъ убѣжденіе въ несокрушимости церковныхъ установленій. Гусъ обыкновенно считается предшественникомъ Лютера, но не въ томъ смыслѣ, чтобы ученіе нѣмецкаго реформатора сложилось подъ вліяніемъ реформатора чешскаго: гуситская теологія не нашла послѣдователей къ Германіи XV вѣка, и между Гусомъ и Лютеромъ не было никакой преемственной связи. Если въ чемъ искать гуситскаго вліянія на Германію реформаціонной эпохи, то развѣ только въ соціальныхъ ученіяхъ, проявившихся въ сектантствѣ временъ великой крестьянской войны, отдѣленной отъ чешской революціи цѣлымъ столѣтіемъ, не считая, напр., крестьянскаго движенія въ Баденѣ (1476 г.) подъ вліяніемъ проповѣдей Іоанна Бегейма, т. е. Богемца (Beheim, Böhme), имя и идеи котораго связываютъ его съ Чехіей. Онъ былъ схваченъ и казненъ, причемъ ему вмѣнялось въ вину то, что hussitarum hereseos imitabatur venenum и училъ народъ возставать противъ свѣтскихъ владѣльцевъ, не платить повинностей и сообща владѣть рыбными ловлями и лѣсами.

Мы познакомились съ главными политическими и соціальными вопросами, которые были поставлены историческою жизнью европейскаго Запада въ концѣ среднихъ вѣковъ: вотъ эти-то вопросы и стали разрѣшаться въ XVI в. подъ знаменемъ религіозныхъ идей. И въ Германіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVI вѣка, и въ Англіи въ со-

роковыхъ и пятидесятыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія,— беря только начало и конецъ реформаціоннаго періода,— повторилось то, что происходило въ Чехіи въ 1420—1434 годахъ, т. е. совершалась соціально-политическая революція, сопровождавшаяся церковной реформаціей и заимствовавшая изъ религіознаго переворота свои принципы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

LXII. Главные общіе выводы.

Необходимость подведенія итоговъ.—Фактическія отношенія и принципы новой государственности.—То же самое въ социальной сферѣ.—Взаимныя отношенія государственной и общественной исторіи.—Значеніе свѣтскихъ и религіозныхъ идей.—Индивидуализмъ новаго времени.—Личность и государство.—Этика и экономика.—Паденіе средневѣковыхъ идеаловъ.—Оппозиція католицизму.—Подготовка реформаціи.—Важность изученія реформаціи.

Познакомившись съ зарожденіемъ соціальныхъ и культурныхъ явленій новаго времени, мы можемъ теперь свести вмѣстѣ эти явленія, которыя мы были принуждены разсматривать по извѣстнымъ категоріямъ, по возможности строго отдѣляя одну категорію отъ другой. Категорій этихъ у насъ было четыре: государство и общество, церковь и духовная культура, причемъ въ каждой изъ нихъ мы разсматривали какъ фактическія отношенія, такъ и принципы, которые лежали въ основѣ этихъ отношеній, или отъ которыхъ послѣднія отступили или наконецъ по которымъ ихъ желали преобразовать тогдашніе люди,—и причемъ также нами было обращено вниманіе на то значеніе, какое эти отношенія и принципы имѣли для личной, индивидуальной жизни. Всѣ эти явленія, т. е. политическія учрежденія, структура общества, религія и образованность, находясь во взаимодѣйствіи съ личностью, которую они формируютъ, подвергаясь въ то же время видоизмѣняющему ихъ дѣйствію личности, не

существовали и сами между собою изолированно, но находились также во взаимодѣйствіи фактическихъ отношеній и принциповъ морали, политики и права, во взаимодѣйствіи отдѣльныхъ сторонъ явленій одной категоріи съ отдѣльными же сторонами другихъ категорій. Это и заставляетъ насъ свести въ одно цѣлое главныя черты того, что до сихъ поръ было разсматриваемо отдѣльно, имѣя въ виду дальнѣйшую исторію политическихъ, соціальныхъ, культурныхъ и морально-религіозныхъ явленій. Всѣ эти элементы исторической жизни мы найдемъ въ извѣстномъ соединеніи въ каждомъ крупномъ событіи новой исторіи, а крупныя событія тѣмъ именно и создаются, что въ нихъ, какъ лучи въ фокусѣ, сходятся отдѣльныя соціальныя и культурныя стремленія. Возьмемъ для примѣра реформацію въ Германіи, которая была только частью общаго реформаціоннаго движенія: изучая эту эпоху, мы видимъ, что въ ней разрѣшались въ общей связи поставленные всею предъидущею жизнью нѣмецкаго народа вопросы политическіе (главнымъ образомъ о національномъ государствѣ, объ отношеніи власти императора и князей и объ отношеніи между церковью и государствомъ), соціальные (преимущественно крестьянскій вопросъ и вопросъ о церковномъ землевладѣніи), церковно-религіозные, внѣшнимъ образомъ доминировавшіе надъ другими, а съ ними вмѣстѣ и вопросы духовной культуры, такъ что для пониманія одной нѣмецкой реформаціи необходимо принимать въ расчетъ всѣ главныя стороны исторической жизни въ странѣ, но то же относится и къ другимъ государствамъ въ реформаціонную эпоху. Или возьмемъ французскую революцію, въ которой равнымъ образомъ въ общей связи разрѣшались вопросы политическіе и соціальные, выдвигавшіеся на первый планъ самою жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозно-церковные (положеніе католицизма въ государствѣ, гражданская религія, свобода совѣсти), и общекультурные.

Въ области фактическихъ отношеній, какъ мы видѣли, новое время характеризуется побѣдою государственности надъ феодализмомъ, идущею параллельно съ усиленіемъ го-

сударственной идеи, которая развивается на двухъ основахъ, на основѣ свѣтской, ведущей свое начало изъ античнаго міра (римское право, образцы античной политики), и на основѣ религіозной, когда уже въ новое время ученію о народовластіи была противопоставлена теорія божественнаго права королей (Боссюэтъ, Фильмеръ въ XVII в.). Эта государственность въ области фактическихъ отношеній принимаетъ форму абсолютной монархіи, опирающейся на только что указанныя идеи, хотя рядомъ же съ ними и на свѣтской почвѣ античныхъ традицій (еще съ Марсилія Падуанскаго), и на религіозной почвѣ реформаціи (кальвинисты, индепенденты) развиваются идеи народовластія, дѣлающіяся знаменемъ, подъ которымъ борятся въ новое время сословно-представительныя учрежденія противъ абсолютизма или происходитъ добываніе общественными элементами политическихъ правъ: въ первую половину новаго времени фактическія столкновенія между королевскою властью и сословіями сопровождаются борьбою противоположныхъ политическихъ принциповъ на религіозно-богословской подкладкѣ (Франція, Шотландія, Нидерланды въ XVI в., Чехія и Англія въ XVII в.), тогда какъ во вторую дѣло принимаетъ и въ области фактовъ, и въ сферѣ идей свѣтскій характеръ.

Сословный строй, вышедшій изъ феодализма, разрушался сверху и снизу, государствомъ и народомъ, но такъ, что первое разрушало главнымъ образомъ его политическую сторону, послѣдній—соціальную: новое время какъ въ области фактическихъ отношеній, такъ и въ сферѣ принциповъ характеризуется постепенною отмѣной сословныхъ привилегій сверху или снизу, въ интересахъ государства или въ интересахъ народа, на основаніи идей религіозныхъ, какъ это дѣлалось въ реформаціонную эпоху, или на основаніи философскихъ принциповъ, что мы наблюдаемъ въ XVIII вѣкѣ. Эта соціальная исторія, находясь въ тѣсной связи съ исторіей идей, съ исторіей религіи, морали, философіи и науки, дававшихъ принципіальную санкцію тѣмъ или другимъ об-

щественнымъ стремленіямъ, была въ свою очередь во взаимодѣйствіи съ исторіею политическою, какъ въ фактическомъ, такъ и въ идейномъ отношеніяхъ. Старыя представительныя учрежденія пали, ибо между отдѣльными сословіями, въ нихъ представленными, существовалъ иногда непримиримый антагонизмъ и потому еще, что они вели себя эгоистически по отношенію къ народной массѣ: раздоръ сословій и народное равнодушіе создали опору для королевской власти, искавшей нравственнаго оправданія для своего абсолютизма въ своемъ служеніи общему благу. Королевская политика стремится къ общественному нивеллированію, когда само общество, переросшее феодальныя рамки, призывается ходомъ событій къ участію въ государственной жизни.

Въ исторіи фактическихъ политическихъ и соціальныхъ отношеній большую роль играютъ, какъ мы видѣли, и религіозныя, и философскія идеи, причемъ и тѣ, и другія могли принимать разный характеръ: античныя традиціи освящали одинаково и абсолютизмъ, и народовластіе, равно какъ и божественное право на власть у политиковъ съ теологическимъ оттѣнкомъ переносилось и на королей (Боссюэтъ, Фильмеръ), и на народъ (кальвинисты, индепенденты). Эти идеи давали богословское или философское оправданіе тѣмъ или другимъ политическимъ стремленіямъ и оправданіе нравственное общественнымъ и индивидуальнымъ притязаніямъ. Отсутствіе въ личностяхъ и въ обществѣ, изъ нихъ состоящемъ, моральной силы, дѣлало ихъ неспособными извлекать изъ того, что добывалось усиліями мысли—все равно, богословской или философской,—принципы личнаго или общественнаго существованія, и подобно тому, какъ омертвѣла въ своихъ формахъ католическая религія, такъ и итальянскій гуманизмъ не внесъ новыхъ началъ въ общественное движеніе, не внесъ того оживленія, которое, наоборотъ, было результатомъ религіознаго протеста XVI в. или позднѣе результатомъ философскаго „просвѣщенія“ XVIII в. Работа гуманизма въ общемъ была не творческая, а отрицательная, и великое его историческое значеніе заключается

въ томъ, что въ немъ впервые съ особою силою, хотя и не въ полномъ объемѣ, и не во всѣхъ лучшихъ своихъ сторонахъ, проявился индивидуализмъ новаго времени. То, чего ему не доставало,—а не доставало ему моральной силы и общественнаго идеализма,—было внесено въ жизнь протестантизмомъ и „просвѣщеніемъ“ XVIII в., выросшими изъ того же индивидуализма. Положеніе личности въ государствѣ и обществѣ и ея права въ сферахъ религіи, теоретической мысли и морали—дѣлаются въ новое время однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, но только съ великимъ трудомъ и большою постепенностью утверждаются права личности сначала теоретически, потомъ фактически и утверждаются въ такомъ именно порядкѣ и тогда, когда дѣло шло о ея внутренней свободѣ (главнымъ образомъ о свободѣ совѣсти въ реформаціонную эпоху), и тогда, когда вопросъ былъ о свободѣ внѣшней (декларація правъ). Такимъ образомъ вопросъ о личности и ея правахъ касался и государственности (индивидуальная свобода), и сословности (гражданское равенство), и религіи (свобода совѣсти), и той области, въ коей онъ соприкасался съ просвѣщеніемъ и моралью (свобода мысли и свободное развитіе силъ). Личность переростаетъ стѣснявшія ее католико-феодальныя формы, но въ фактическихъ условіяхъ новаго государства и политическихъ теоріяхъ новаго времени она находитъ новое отрицаніе своихъ стремленій. Съ одной стороны, абсолютизмъ, съ другой—поглощеніе государственностью всѣхъ общественныхъ силъ съ соотвѣтствующими всему этому теоріями (наприм., Гоббза) не были благопріятны для развитія правъ индивидуума, но послѣдній мало-по-малу все-таки пріобрѣтаетъ свои права сначала въ сферѣ религіозной (вѣротерпимость), потомъ въ сферѣ практической жизни (государственное невмѣшательство). Начало этому движенію съ принципіальной стороны даютъ гуманизмъ и протестантизмъ, но фактически оно, какъ и движенія общественныя зарождается въ фактическихъ отношеніяхъ культурной и соціальной жизни, въ послѣднемъ же анализѣ—въ области общественной морали и экономіи, т. е.

въ области нравственной и матеріальной жизни отдѣльнаго индивидуума и въ области отношеній между многими индивидуумами, имѣющихъ или этическій, или экономическій характеръ.

Матеріальные интересы и моральные принципы были всегда двумя великими дѣятелями исторіи, и мы ихъ находимъ въ основѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ явленій. Феодальная сословность, государственныя учрежденія и т. д. были не только организаціями какъ-бы на службѣ у извѣстныхъ интересовъ, но и фактическими проявленіями извѣстныхъ взглядовъ на внутреннее достоинство человѣка, какой-бы односторонній характеръ ни имѣли эти интересы и какъ-бы ложно ни оцѣнивалось человѣческое достоинство. Съ другой стороны, соединеніе моральныхъ принциповъ съ экономическими интересами было всегда основаніемъ наиболѣе крупныхъ историческихъ движеній. Слабость итальянскаго гуманизма въ томъ и заключалась, что, не выработавъ этическаго міросозерцанія, онъ не представлялъ собою и интересовъ ни одного соціальнаго класса. Другое дѣло—реформація: религіозный протестъ имѣлъ нравственную подкладку, и подъ его знаменемъ пошли общественные интересы, были-ли то интересы узко-сословные (какъ во Франціи и въ Польшѣ), или интересы общенародные (какъ въ Германіи).

Въ первомъ періодѣ новой исторіи совершается религіозная реформація. Мораль и политика, которыя выводились гуманизмомъ на почву человѣческихъ началъ и свѣтской философіи, принимаютъ и съ фактической, и съ принципіальной стороны религіозную окраску. Одновременно происходятъ, то помогая другъ другу, то другъ другу мѣшая, два теченія: свѣтско-гуманистическое и религіозно-реформаціонное, и оба они становятся въ оппозицію къ основамъ морали и и политики средневѣкового католицизма—къ аскетизму и теократіи и къ основаннымъ на нихъ монашеству и папству. Въ то же время и папство и монашество падаютъ внутренне, и это паденіе въ общемъ объясняется тѣмъ, что у обоихъ матеріальные интересы возобладали надъ нравственными принци-

пами. Конецъ среднихъ вѣковъ ознаменованъ былъ самою разнообразною оппозиціей противъ католицизма—со стороны націй и правительствъ высшихъ сословій и народной массы, представителей новаго образованія—и какъ во имя началъ человѣческихъ, такъ и во имя началъ божескихъ.

Въ XIV и XV вв., въ XVI и XVII народы стремятся къ церковной независимости; государи выбиваются изъ-подъ папской опеки, подчиняютъ себѣ духовенство, отбираютъ церковныя земли; дворянство нерѣдко пользуется этими землями; уничтожается монашество; является свѣтское образованіе, и гуманистическая философія, мораль и политика съ ихъ отрицательнымъ отношеніемъ къ католической церкви знаменуютъ собою начавшуюся секуляризацію культуры, съ особою силою продолжающуюся въ XVIII вѣкѣ. Съ другой стороны, порча церкви вызываетъ потребность реформы: соборные реформаторы первой половины XV в. были предшественниками тѣхъ людей, которые произвели во второй половинѣ XVI в., хотя и на иныхъ началахъ, реставрацію католицизма. Виклифъ, а особенно Гусъ и гуситы уже указываютъ на то, чѣмъ станетъ религіозная реформація, къ которой такъ тогда всѣ стремились, и если въ англійскомъ и чешскомъ реформаторахъ мы видимъ какъ бы Лютеровъ и Кальвиновъ XIV и XV вв., то разные сектанты, а въ ихъ числѣ и табориты—являются предтечами нѣмецкаго анабаптизма XVI в. и англійскаго индепендентства въ XVII столѣтіи. Религіозное движеніе съ началомъ реформаціи въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка затираетъ, какъ мы видѣли, движеніе гуманистическое, или свѣтскій Ренессансъ, около 1500 года сильно распространившійся изъ Италіи по всей Европѣ, но онъ же, воспринявъ въ себя многія начала протестантизма, снова овладѣлъ умственною сферою въ „просвѣщеніи“ XVIII в., получивъ и болѣе общественный характеръ. Между тѣмъ реформація въ церкви совершилась, и этотъ крупный переворотъ не могъ имѣть значеніе перемѣны въ одномъ лишь религіозномъ сознаніи, въ общественномъ богопочитаніи и во внѣшней организаціи

церкви, такъ какъ религія вообще, а средневѣковой католицизмъ въ особенности накладываютъ свою печать на моральную и политическую жизнь, и крушеніе средневѣкового католицизма не могло не отразиться и на тѣхъ сферахъ культурнаго и соціальнаго быта, которыя не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ самой религіи. Образованіе національныхъ церквей, установленіе новыхъ отношеній между церковью и государствомъ, уничтоженіе свѣтскихъ правъ клира, его привилегій и землевладѣнія клира, отмѣна монашества, переходъ церковной и монастырской собственности въ новыя руки, внесеніе новыхъ началъ въ вѣроученіе и церковное устройство, участіе въ реформѣ церкви правителей, организованныхъ общественныхъ силъ, народныхъ массъ, представителей новаго образованія, возникновеніе религіозныхъ несогласій, приводившихъ въ столкновеніе подданныхъ съ свѣтскою властью или къ раздору между гражданами одного и того же государства, появленіе сектъ, соединявшихъ съ мистическими ученіями стремленіе къ полному общественному перевороту, то религіозное возбужденіе, тотъ энтузіазмъ, который порами овладѣвалъ цѣлыми народами,—всѣ эти явленія не могли не отражаться на государственномъ и общественномъ строѣ, на умственной и нравственной культурѣ народовъ, въ какую бы сторону въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ ни были рѣшены поставленные жизнью вопросы,— и притомъ не могли не отражаться какъ на фактическихъ отношеніяхъ, такъ и на моральныхъ и политическихъ принципахъ. Въ серединѣ XVI вѣка обновленный католицизмъ стремится остановить реформацію и возвратить себѣ былую власть надъ западно-европейскимъ человѣчествомъ; на его сторону становятся цѣлыя націи, многіе государи, отдѣльные общественные классы, люди науки, но ни они, ни самъ обновленный католицизмъ не избѣжали духа времени и вліянія среды, ибо итальянская безпринципная мораль и политика воплощается въ іезуитизмѣ, который, смотря по обстоятельствамъ, бралъ подъ свое покровительство то тираннію, то народовластіе,

а въ нравственной сферѣ выработалъ самый покладистый оппортунизмъ.

Вотъ та точка зрѣнія, съ которой изученію реформаціоннаго движенія должно принадлежать первое мѣсто въ историческихъ занятіяхъ новымъ временемъ: въ бурный періодъ отъ выступленія Лютера (около 1520 г.) до окончанія тридцатилѣтней войны и первой англійской революціи (около 1650 г.) совершается глубокій переворотъ въ исторической жизни Запада, подобный которому былъ вызванъ лишь 270 лѣтъ спустя послѣ начала реформаціи—французскою революціей, другимъ важнымъ событіемъ новаго времени. Между Германіей въ двадцатыхъ годахъ XVI в. и Франціей XVIII в. существуетъ глубокая аналогія, и переворотъ 1789 г. во второй половинѣ новаго времени подобно реформаціи въ первой половинѣ играетъ роль такого-же узла, къ которому сходятся и отъ котораго расходятся главныя культурно-соціальныя явленія новой исторіи. Этимъ и опредѣляется то, что новая исторія Западной Европы можетъ быть сосредоточена на этихъ двухъ событіяхъ, нанесшихъ самые сильные удары основамъ средневѣкового быта — католицизму и феодализму.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько дополненій къ ссылкамъ на историческую литературу.

Стр. 3, прим. Указанія на литературу по исторіи среднихъ вѣковъ можно найти въ моемъ «Введеніи въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ» (изд. 2, стр. 69—78) и въ «Книгѣ о книгахъ», изданной подъ редакціей проф. И. И. Янжула. По новой исторіи есть еще учебникъ профессора А. С. Трачевскаго (1500—1750) съ большимъ фактическимъ матеріаломъ и указателемъ, удобнымъ для справокъ. См. еще E. Lavisse. Vue générale de l'histoire politique de l'Europe.

Стр. 4, прим. «Историческая географія Европы» Фримана въ настоящее время переведена по-русски (подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго). При ней имѣется подробный атласъ.

Стр. 13, прим. По исторіи Германіи выходитъ въ настоящее время трудъ Лампрехта, который еще неоконченъ. Вышло 2 тома.

Стр. 69 и слѣд. По исторіи генеральныхъ штатовъ во Франціи есть труды Rathéry, Thibaudeau, Boullée, Picot (особенно важный), Aug. Thierry (Essai sur l'histoire du tiers état) и др.

Стр. 111, прим. Недавно Люшеръ издалъ руководство (manuel) по исторіи учрежденій во Франціи.

Стр. 117. О легистахъ есть соч. Bardou. Укажемъ здѣсь вообще (что можетъ быть отнесено къ разнымъ мѣстамъ книги) сочиненія Савиньи, Фиттинга, Фиккера по исторіи римскаго права въ средн. вв. и по его рецепціи, между коими по-русски кн. проф. С. А. Муромцева «Исторія рецепціи римскаго права».

Стр. 151. Передъ заголовкомъ «Крѣпостничество во Франціи» по недосмотру пропущенъ титулъ отдѣла «Соціальныя отношенія». Для экономической исторіи ср. вв. см. Cibrario. Economie politique du moyen âge (пер. съ ит.).

Стр. 201, прим. См. еще Th. Rogers. Six centuries of work and wages: the history of english labour.—Въ недавно (1892 г.) вышедшихъ лекціяхъ проф. А. И. Чупрова по исторіи политической экономіи есть очеркъ экономическаго строя Англіи въ средн. вв.

Стр. 151—214. Въ исторіи крестьянства видную роль играетъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, о чемъ, кромѣ указывавшихся дополненій проф. И. В. Лучицкаго къ книгѣ Зеворта, см. Maurer. Gesch. der Markverfassung и его-же Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof—, Dorf— und Stadtverfassung (перев. по-русски). Hacce. Сельская община въ Англіи (Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England).—Lamprecht. Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter.—Seebohm. English village community.—Другія соч. указаны въ моемъ очеркѣ исторіи французскихъ крестьянъ.

Стр. 226, прим. О цехахъ см. кратко въ указанныхъ лекціяхъ проф. Чупрова.

Стр. 250 и слѣд. Коршъ и Кирпичниковъ. Исторія всеобщей литературы.— И. Б. и А. К. Исторія французской литературы.—Albert. Hist. de la littérature française.— Scherer. Gesch. der deutschen Literatur.—Тэнъ. Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы (Taine. Hist. de la littérature anglaise).

Стр. 273. О Данте переведенная и по-русски кн. Вегеле.

Стр. 292 и слѣд. Нѣкоторые труды по исторіи средневѣковой науки и образованія указаны во «Введеніи въ курсъ исторіи ср. вѣковъ».

Стр. 315 и слѣд. По исторіи схоластики см. соч. Stöckl'я, Hauréau, Rousselot, Prantl'я. Объ Аверроесѣ и аверроизмѣ есть соч. Ренана. По исторіи философіи см. труды Ueberweg'а, А. Вебера, Льюиса, Ланге (Ист. матеріализма) и др. ср. Reuter. Gesch. der religiösen Aufklärung im Mittelalter.

Стр. 387. Объ Агриколѣ см. соч. Kawerau.

Стр. 395 и слѣд. Общее сочиненіе: Ziegler. Geschichte der Ethik.

Стр. 491. О базельскомъ соборѣ см., между прочимъ, въ кн. Voigt'а объ Энеѣ Сильвіи.

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000209557

